ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 42

КРУГ ЧТЕНИЯ:

ИЗБРАННЫЕ, СОБРАННЫЕ И РАСПОЛОЖЕННЫЕ

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

МЫСЛИ МНОГИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБ ИСТИНЕ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНИИ

1904 - 1908

ТОМ 2

(Издание: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 42, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва - 1957; OCR: Габриел Мумжиев)

Подготовка текста

Н.Н. Гусева, Н. К. Гудзия,

В.Д. Гусевой, Е. С. Серебровской

Круг Чтения

Сентябрь - декабрь

СОДЕРЖАНИЕ

Сентябрь

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Для чего люди одурманиваются? Л. Н. Толстой..........9
Беглец. А. П. Чехова........................ 25
Сила детства. По В. Гюго изложил Л. Н. Толстой....... 31
Петр Хельчицкий. Л. Н. Толстого................. 46
Из завещания мексиканского царя................. 64
Смерть Сократа. По Платону.................... 65
За что? Л. Н. Толстого....................... 84

Октябрь

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Живые мощи. И. С. Тургенева.................... 119
Закон бога и закон мира сего. Петра Хельчицкого........ 142
Ламенне. Л. Н. Толстого....................... 180
Откровение и разум. Руссо...................... 176

Ноябрь

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Божеское и человеческое. Л. Н. Толстого............. 194
Христианство и разделение людей. Петра Хельчицкого..... 240
Требования любви. Л. Н. Толстого................ 260
Епископ Мириель. В. Гюго..................... 278

Декабрь

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Женщины. Л. Н. Толстого..................... 296
Сестры. Л. Н. Толстого (по Мопассану).............. 298
Учение двенадцати апостолов. Предисловие Л. Н. Толстого . . . 318
Учение господа, преподанное народам 12-ю апостолами..... 321
Любите друг друга. Л. Н. Толстого................ 324
Гаррисон п его "Провозглашение". Л. Н. Толстого....... 344
Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного
для установления между людьми всеобщего мира....... 346
Поврежденный. А. И. Герцена................... 360
О секте назарен,распространившейся в Венгрии,Сербии и Хорватии.
В. Ольховского........................... 388

ВАРИАНТЫ, НЕЗАКОНЧЕННОЕ И НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

Месячные чтения............................ 397
Мысли, выпущенные издателем по цензурным соображениям в первом издании "Круга чтения"..................... 423
Запасные дни первого издания "Круга чтения"........... 439
Предисловие............................... 470
Корней Васильев............................ 474
Паскаль................................ 488
За что?................................. 492
Божеское и человеческое........................ 518
[Незаконченное общедоступное изложение "Круга чтения"]..... 532

КОММЕНТАРИИ

Н. Н. Гусев

"Круг чтения". История писания и печатания.......... 557
Описание рукописей "Круг чтения"............... 584

Список основных источников "Круга чтения".......... 586
Недельные чтения
История писания и печатания и описание рукописей..... 590
Воров сын. По Лескову изложил Л. Н. Толстой..... 590
Кающийся грешник. Л. Н. Толстой........... 591
Совершенствование. I. Ф. Ламенне. -- II. Л. Н. Толстого 591
Сущность христианского учения. Л. Н. Толстого..... 591
Разум. I. А. Шопенгауэра. II. Ф. А. Страхова...... 592
Будда. Л. Н. Толстого................... 592
Самоотречение. I. Ф. Ламенне. II. Л. Н. Толстого..... 593
Свободный человек. Л. Н. Толстого........... 593
Архангел Гавриил. Аттара................ 594
Н. К. Гудзий
Молитва Л. Н. Толстого................ 594

Н. Н. Гусев

Бедные люди. По В. Гюго изложил Л. Н. Толстой 597
Единение. Шопенгауэра................... 599
Морское плавание. И. С. Тургенева............ 599
Непротивление злу насилием. Адина Балу......... 599
Суратская кофейная. Л. Н. Толстого........... 599
Е. С. Серебровская
Корней Васильев. Л. Н. Толстого............ 599

Н. Н. Гусев

Добро. А. И. Архангельского (Буки)........... 60S
Уличный торговец. Анатоля Франса........... 606
Из письма. Александра Дюма (сына)........... 606
Зерно с куриное яйцо. Л. Н. Толстого.......... 606
Воспитание. Иосифа Мадзини............... 607
Из письма о воспитании. Л. Н. Толстого......... 607
Смерть в госпитале. Ф. М. Достоевского.......... 607
Закон насилия и закон любви. А. И Архангельского (Буки) 608

Е. С. Серебровская

Суд над Сократом и его защита. По "Апологии" Платона . . 608

Н. Н. Гусев

Душечка. А. П. Чехова.................. 609
Послесловие к рассказу Чехова "Душечка" Л. Н. Толстого 610
Неужели так надо? Л. Н. Толстого 612
Первое горе. Л. А. Авиловой................ 612
Добровольное рабство. Л а Боэти.............. 613
Орел. Ф. М. Достоевского.................. 613

Е. С. Серебровская

Ягоды. Рассказ Л. Н. Толстого............... 614

Н. Н. Гусев

Паскаль. Л. Н. Толстого.................... 616
Устройство мира. Ф. Ламенне................ 619
Отношение первых христиан к войне............ 619
Письмо крестьянина Ольховика, отказавшегося от военной службы........................... 620
Неверующий. В. Гюго. Перевод Л. Н. Толстого...... 620
Покаяние. А. И. Архангельского (Буки)......... 620
Камни. Легенда........................ 620
Большая Медведица -- Ковш. С английского........ 621
Воробей. И. С. Тургенева.................. 621
Одиночество. Ги де Мопассана............... 622
Католицизм и христианство. Ф. Ницше.......... 622
Об освобождении земли по проекту Генри Джорджа С. Д. Николаева (под редакцией Л. Н. Толстого)...... 622
Для чего люди одурманиваются? Л. Н. Толстого..... 622
Беглец. А. П. Чехова..................... 622
Сила детства. По В. Гюго изложил Л. Н. Толстой . . . 623
Петр Хельчицкий. Л. Н. Толстого............. 623
Из завещания мексиканского царя............. 624

Е. С. Серебровская

Смерть Сократа. По Платону................ 624

Н. Н. Гусев и В. Д. Гусева

За что? Л. Н. Толстого................... 626

Н. Н. Гусев

Живые мощи. И. С. Тургенева............... 643
Закон бога и закон мира сего. Петра Хельчицкого 644
Ламенне. Л. Н. Толстого................... 644
Откровение и разум. Руссо................. 645

Н. К. Гудзий и Е. С. Серебровская

Божеское и человеческое. Л. Н. Толстого......... 645

Н. Н. Гусев

Христианство и разделение людей. Петра Хельчицкого . . 665
Требования любви. Л. Н. Толстого............. 665
Епископ Мириель. В. Гюго................. 666
Женщины. Л. Н. Толстого................... 666
Сестры. Л. Н. Толстого................... 666
Учение двенадцати апостолов. Предисловие Л. Н. Толстого 667
Любите друг друга Л. Н. Толстого............. 667
Гаррисон и его "Провозглашение". Л. Н. Толстого 667
Поврежденный. А. И. Герцена................ 668
О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии. В. Ольховского............... 668

Месячные чтения............................ 670
Список исправлений ошибок переписчиков и типографии...... 674
Указатель собственных имен. 680

СЕНТЯБРЬ

1-е сентября

Разум указывает людям их отступления от закона жизни. Но отступления эти так привычны людям и кажутся так приятны, что люди стараются заглушить разум, чтобы он не мешал им жить так, как они привыкли.

1

И спасенье и казнь человека в том, что, когда он живет неправильно, он может себя затуманивать, чтобы не видать бедственности своего положения.

2

Если жизнь не приходится по совести, то одурманиванием совесть сгибается по жизни.

3

Когда солдаты стоят в прикрытии под выстрелами и им делать нечего, они старательно изыскивают себе занятия для того, чтобы легче переносить опасность. И все люди порой представляются такими солдатами, спасающимися от жизни: кто честолюбием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто играми, кто лошадьми, кто охотой, кто вином, кто государственными делами.

4

Трудно себе представить то благотворное изменение, которое произошло бы во всей жизни людской, если бы люди перестали одурманивать и вместе с тем отравлять себя водкой, вином, табаком, опиумом.

5

Рассказывают про последователей одной секты, что они в конце собраний тушат свет, чтобы предаваться разврату.

В нашем обществе, для того чтобы предаваться постоянному разврату, не переставая тушат свет разума одуряющими веществами.

6

Одно из главных условий улучшения жизни людей нашего времени -- это освобождение себя от того внушения, под которым они находятся, а между тем они не переставая старательно поддерживают себя в этом состоянии табаком, вином, водкой.

7

То, что правительство берет на себя обязанность поставлять, с выгодой для себя, развращающий и убивающий душу и тело людей алкоголь, самым очевидным образом показывает, если бы и не было на то других доказательств, то, что правительство не только не заботится, как оно утверждает, о нравственности и благе народа, а, напротив, самым очевидным образом вредит ему для выгоды людей, составляющих правительство.

8

Одурманение себя чем бы то ни было хотя не есть еще преступление, но есть уже приготовление себя ко всякого рода преступлениям.

9

Порочность и, главное, бессмысленность жизни людей нашего времени происходит преимущественно от постоянного состояния опьянения, в которое они себя приводят. Непьяные люди не могли бы делать и малой доли того, что делается теперь в нашем мире.

Вы говорите, что нет никакой важности в том, чтобы пить или не пить, курить или не курить. Если нет важности, то что же стоит вам перестать, когда вы знаете про тот вред, который вы делаете этим и себе и другим своим примером?

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два раздельные существа: одно -- слепое, чувственное и другое -- зрячее, духовное. Слепое, животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее, духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее существо это можно сравнить с стрелкою компаса, указывающею одним концом на север, другим на противоположный юг и прикрытою по своему притяжению пластинкою. Причем стрелка до тех пор не видна из-под пластинки, пока то, что несет на себе компас, двигается по направлению стрелки. Но как скоро то, что несет компас, отклоняется от указываемого стрелкою направления, так стрелка выступает из-под пластинки и становится видной.

Точно так же зрячее, духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим, противоположным, на зло, и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от добра к злу. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью. И как мореход не мог бы продолжать работать веслами, машиной или парусом, зная, что он идет не туда, куда ему надо, до тех пор, пока он не дал бы своему движению направление, соответствующее стрелке компаса, или не скрыл бы от себя ее отклонение, так точно и всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока или не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести о

неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух деятельностей: 1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни.

Одни делают первое, другие -- второе. Для достижения первого есть один только способ: нравственное просвещение -- увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго -- для скрытия от себя указаний совести -- есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

Как может человек скрыть от своего зрения находящийся пред ним предмет двумя способами: внешним отвлечением зрения к другим, более поражающим предметам, и засорением глаз, так точно и указания своей совести человек может скрыть от себя двояким способом: внешним -- отвлечением внимания всякого рода занятиями заботами, забавами, играми, и внутренним -- засорением самого органа внимания. Для людей с тупым, ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений, для того чтобы не видеть указаний совести о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чутких средств этих часто недостаточно.

Внешние способы не вполне отвлекают внимание от сознания разлада жизни с требованиями совести, сознание это мешает жить, и люди, чтоб иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям -- нет сил.

Развлечения, которые бы отвлекали от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись. И вот для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют, на время прекращая его деятельность, тот орган, через который проявляются указания совести, так же как человек, умышленно засоривший глаза, скрыл бы от себя то, чего он не хотел бы видеть.

Л. Н. Толстой.

2-е сентября

Чем ближе люди к истине, тем они терпимее к чужим заблуждениям. И наоборот.

1

Только люди неверующие, т. е. неверующие в духовную основу жизни и принимающие за веру усвоенные ими внешние приемы, могут быть нетерпимы. Они нетерпимы, потому что не понимают того, что истинная вера не зависит от воли человека. От этого-то и происходило и происходит то, что, начиная от фарисеев, замучивших Христа, и до теперешних светских начальников, самые неверующие люди всегда гнали и гонят верующих. От этого же происходило и происходит и то, что гонения эти всегда не только не ослабляли, а всегда усиливали веру верующих.

2

Бог водворяет веру в сердце человека с помощью совести и разума. Водворять веру силою и угрозами нельзя: силою и угрозами водворяют не веру, а ужас. Не следует осуждать и укорять неверующих и заблуждающихся: они без того достаточно несчастны от своих заблуждений. Следовало бы укорять их только в том случае, если бы это могло принести им пользу, но это, наоборот, только больше отталкивает их и тем причиняет им вред.

Паскаль.

3

Есть несомненное правило, которое мы должны всегда помнить: это то, что если доброе дело не может быть совершено без отступления от добра, то или это дело не доброе, или время этого дела еще не наступило.

4

Нет ничего более недостойного разумного существа, как то, чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали, истиной, оказалось ложью.

Не лучше ли искать новых основ единения таких, которые заменили бы прежние.

Мартино.

5

Веру, как любовь, нельзя вызвать насильно. Поэтому вводить ее или стараться утвердить государственными мероприятиями -- дело рискованное, ибо как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так попытка принудить к вере вызывает неверие.

Шопенгауэр.

6

Отрицание религии -- естественное последствие нетерпимости и властолюбия духовенства.

Варбюртон.

7

Неверующие люди бывают так же нетерпимы, как и грубоверующие.

Дюкло.

Истинная вера не нуждается во внешней поддержке ни насилия, ни торжественного блеска. Не нуждается и в заботах о распространении. (У бога времени много. Тысячи лет как один год.) Тот, кто хочет поддержать свою веру насилием или внешними торжественными приемами, хочет поскорее распространить ее, -- тот сам мало или вовсе не верит.

3-е сентября

Бог непостижим для человеческого ума. Мы знаем только то, что он есть, и хотим или не хотим этого, знаем это несомненно.

1

Я прежде видел явления жизни, не думая о том, откуда эти явления и почему я вижу их.

Когда же я стал думать об основной причине всего, я пришел к убеждению, что источник всего есть свет разумения, и я так увлекся этой мыслью, что свел все к одному совершенно удовлетворился признанием одного разумения началом всего.

Но потом я увидал, что разумение есть свет, доходящий до меня через какое-то матовое стекло. Свет я вижу, но то, что дает этот свет, я не знаю, хотя и знаю, что оно есть.

То же, что есть источник света, освещающего меня, чего я не знаю, но про существование чего я несомненно знаю, и есть бог

2

Не пытайся проникнуть в сущность божественной природы: безбожно желать познать то, что не открыто богом.

Менандер.

3

Верь в бога, служи ему, но не пытайся познать его сущность; ты ничего не получишь от твоего тщетного усилия, кроме разочарования и усталости.

Не заботься даже о том, чтобы узнать, существует он или нет, служи ему, как будто он существует и везде присутствует. Больше ничего не нужно.

Филимон.

4

Никто еще не проник в тайну великого начала. Никто не ступил шага вне самого себя. О ты, в поисках кого находится весь мир в смятении! Святой, так же, как и порочный, нищий, так же, как и богатый, все одинаково далеки от возможности достигнуть тебя: имя твое звучит вместе с существованием всех, но все глухи; ты перед всеми глазами, но все слепы.

Персидский Хейям XI столетия.

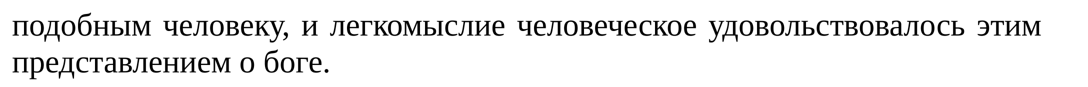
5

Мы познаем существование бога не столько разумом, сколько сознанием той полной зависимости от него, в которой мы себя чувствуем, вроде того чувства, которое испытывает грудной ребенок на руках матери.

Ребенок не знает, кто держит, кто греет, кто кормит его, но знает, что есть этот кто-то, и мало того, что знает, -- любит того, во власти кого он находится.

6

Человек стремился сделаться подобным богу; жрецы сделали бога

подобным человеку, и легкомыслие человеческое удовольствовалось этим представлением о боге.

Д'Агу.

Не смущайся тем, что понятие бога выражено неясно тебе. Чем яснее оно выражено, тем оно дальше от истины и тем ненадежнее как опора.

4-е сентября

Истинное благо приобретается не сразу, а постоянными усилиями, потому что истинное благо только во все большем и большем совершенствовании.

1

Когда мы обучаемся грамоте, то мы учимся, как читать и писать. Но грамота не научит нас, нужно ли написать нашему другу письмо или не нужно. Точно так же и музыка научает нас петь или играть на инструменте, но она не научит нас, когда можно петь и играть.

Один только разум указывает нам то, что следует делать и чего не следует.

Наделив нас разумом, бог дал нам в распоряжение то, что нам нужнее всего и с чем мы можем справиться.

Создав меня таким, каков я есть, бог как бы сказал мне так: "Эпиктет! Я мог бы даровать гораздо больше твоему ничтожному телу и твоей маленькой судьбе. Но не упрекай Меня в том, что я этого не сделал. Я не хотел даровать тебе полной свободы делать все, что тебе вздумается, но я вселил в тебя божественную частицу себя самого. Я даровал тебе способность стремиться к добру и избегать зла; я вселил в тебя свободное разумение. Если будешь прикладывать свой разум ко всему тому, что случается с тобою, то ничто в мире не будет служить тебе препятствием или стеснением на том пути, который Я тебе назначил; ты никогда не

будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать их или подделываться к ним. Не считай, что этого мало для тебя. Неужели мало для тебя того, чтобы прожить всю твою жизнь разумно, спокойно и радостно? Так довольствуйся же этим!"

Эпиктет.

2

На ванне короля Чинг-Чанг были вырезаны следующие слова: "Каждый день возобновляй себя совершенно; делай это снова, снова и опять снова".

Китайская мудрость.

3

Добродетель мудрецов напоминает собою путешествие в дальнюю страну и восхождение на высоту: идущие в дальнюю страну начинают свою ходьбу с первого шага; восходящие на высоту начинают с подошвы горы.

Конфуций.

4

Чтобы правильно и хорошо сделать какое-нибудь дело, нужно научиться делать его. Это понимает всякий. Так же точно для того чтобы правильно и хорошо жить, нужно научиться жить правильно и хорошо.

Эпиктет

5

Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия божия.

Лк. гл. 9, ст. 62.

6

Человек счастлив только тогда, когда он может сказать, что исполнил свою собственную работу, что вложил душу в труд свой и довел его до конца, насколько мог лучше. Если же он поступит иначе, то, и покончив с трудом, он не почувствует ни отрады, ни облегчения.

Эмерсон.

Не жди не только быстрого, но никакого видимого тебе успеха от твоих усилий к добру. Ты не увидишь плодов своих усилий, потому что насколько ты подвинулся, настолько подвинулось перед тобой и совершенство, к которому ты стремишься. Усилия -- не средство достижения блага, но сами усилия дают благо.

5-е сентября

Наказывать -- по-русски значит поучать. Поучать можно только примером. Воздаяние же злом за зло не поучает, а развращает.

1

Тогда Петр приступил к нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до семижды семидесяти раз.

Мф. гл. 18, ст. 21-22.

2

Если допустить недопустимое, что человек имеет право наказывать, то кто же из людей возьмет на себя это право?

Только те люди, которые пали так низко, что не помнят и не знают своих грехов.

3

Тут книжники и фарисеи привели к Иисусу женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь? Говорили же это, искушая его, чтобы найти что-нибудь к обвинению его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать его, он, восклонившись, сказал им; кто из вас без греха, первый брось в нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних, и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? Никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши.

Ин. гл. 8, ст. 3--11.

4

Большая часть бедствий людей происходит оттого, что грешные люди признали за собой право наказания. Мне отмщение, и аз воздам.

5

Если тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, -- забудь это и прости. И если ты прежде не испытал этого, ты узнаешь новую радость -- прощать.

6

Действительное наказание за каждое дурное дело то, которое совершается в душе самого преступника и состоит в уменьшении его способности пользоваться благами жизни. Наказание же извне только раздражает преступника.

7

Наказание всегда жестоко-мучительно. Если бы оно не было жестоко-мучительно, оно бы не назначалось. Тюремное заключение для людей нашего времени так же жестоко-мучительно, как было битье кнутом сто лет назад.

8

Американские индейцы никогда не подчинялись никаким законам, никакой власти или тени какого-либо правительства. Их единственный руководитель -- это обычай и то нравственное сознание добра и зла, которое, как чувство вкуса и осязания, в каждом человеке составляет часть его природы. Поступки, нарушающие то, что считается между ними должным, наказываются презрением и исключением из общества; в случаях же более важных, как грабеж, убийство, наказание предоставляется тем лицам, которые пострадали. Как ни кажутся несовершенны эти способы наказаний, преступления очень редки между ними.

Если спросить, что более склоняет человека к злу: отсутствие ли закона, как между дикими американцами, или излишество законов, как среди цивилизованных европейцев, то тот, кто видел те и другие условия существования, наверное, ответит, что, конечно, излишество и что овцы счастливее, будучи предоставлены самим себе, а не попечению волков.

Джеферсон.

Самым ярким доказательством того, насколько часто под словом "наука" подразумеваются не только самые ничтожные, но и самые вредные учения, служит то, что существует наука о наказании, т. е. о совершении самого грубо невежественного поступка, свойственного только человеку на самой низкой ступени развития, -- ребенку, дикому.

6-е сентября

Заблуждение есть обычное состояние людей. В известные времена и в известных слоях общества оно бывает особенно распространено. Таково оно в наше время в нашем христианском обществе, как оно и не может быть иначе среди людей, или не знающих никакого высшего закона жизни, или знающих, но не исполняющих его.

1

"Кем бы ни совершен был грех, он более всего ужасен, когда его совершает ученый человек. Невежественный и развратный простолюдин лучше, чем невоздержный ученый человек; потому что первый сбился с дороги по слепоте, а второй зрячим упал в колодец".

Саади.

Таков грех людей нашего времени, просвещенных христианством и соединенных никогда прежде не бывшими средствами сообщения.

2

Человек лишился души; прошло несколько времени, и он теперь начинает томиться по ней. Эта потеря души составляет поистине наше больное место, -- центр всемирной общественной гангрены, грозящей всем современным явлениям страшной смертью. Нет у нас ни религии, ни бога: человек лишился души и тщательно ищет средств исцеления; но гнилостная проказа, ослабевающая на один миг, появляется снова еще более сильной и грозной.

Карлейль.

3

Наши газеты с их описаниями преступлений и всякого рода ужасов являются как бы дополнением к завтракам из мяса. Есть ли что удивительного в том, что, подвергнув тлетворному влиянию того и другого свою душу и тело, люди оказываются потом склонными к ссорам, войнам и самоубийствам? Разве не странно бы было видеть их счастливыми после такого начинания дня? Расслабляющее влияние их духовной и телесной пищи неизбежно должно довести их до состояния постоянного беспокойства, мучения и отчаяния.

Люси Малори.

4

Люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой потехи, которая их притягивает.

Паскаль.

5

Всё, что мы делаем для обеспечения нашей жизни, совершенно то же, что делает страус, пряча свою голову, чтобы не видать, как его убивают. Мы делаем хуже страуса: чтобы сомнительно обеспечить нашу сомнительную жизнь в сомнительном будущем, мы наверно губим нашу верную жизнь в верном настоящем.

6

Стоит со стороны взглянуть на жизнь наших богатых классов, чтобы увидеть, что все, что они делают для мнимого обеспечения своей жизни, они делают совсем не для этого, а только для того, чтобы, занимаясь этим, забывать о том, что жизнь никогда не обеспечена и не может быть обеспечена.

7

Люди нашего времени стараются верить в то, что вся бессмысленность и жестокость нашей жизни, с безумным богатством нескольких, с завистливой, озлобленной нищетой большинства, с насилием, вооружениями и войнами, не видны никому и что ничто не мешает им продолжать жить такою жизнью.

Заблуждение не перестает быть заблуждением от того, что большинство разделяет его.

7-е сентября

Если жизнь -- благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни.

1

Смерть -- это освобождение от односторонности личности. От этого-то, по-видимому, и зависит выражение мира и успокоения на лице у большинства покойников. Покойна и легка обыкновенно смерть каждого доброго человека; но умереть с готовностью, охотно, радостно умереть -- вот преимущество отрекшегося от себя, того, кто отказывается от Воли к жизни, отрицает ее. Ибо лишь такой человек хочет умереть действительно, а не по-видимому, и, следовательно, не нуждается и не требует дальнейшего существования своей личности.

Шопенгауэр.

2

Где умершие? Там же, где нерожденные.

Сенека.

3

Если смерть страшна, то причина этого не в ней, а в нас. Чем лучше человек, тем меньше он боится смерти.

Для святого нет смерти.

4

Плотская смерть уничтожает то, что соединяет тело, -- уничтожает сознание временной жизни. Но ведь это случается с нами беспрестанно и каждый день, когда мы засыпаем. Вопрос в том, уничтожает ли плотская смерть то, что соединяет все последовательные сознания в одно, т. е. мое особенное отношение к миру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношение к миру, соединяющее в одно все последовательные сознания, родилось с моим плотским существованием, а потому и умрет с ним. А этого-то и нет.

Рассуждая на основании своего сознания, я вижу, что соединявшее все мои сознания в одно -- известная восприимчивость к одному и холодность к другому, вследствие чего одно остается, другое исчезает во мне, -- степень моей любви к добру и ненависти к злу, -- что это мое особенное отношение к миру составляющее именно меня, особенного меня, не есть произведение какой-либо внешней причины, а есть основная причина всех остальных явлений моей жизни.

Рассуждая на основании наблюдения, мне представляется, что причины особенности моего я находятся в особенностях моих родителей и условий, влиявших на меня и на них; но, рассуждая по этому пути дальше, я не могу не видеть, что если особенное мое я лежит в особенности моих родителей и условий, влиявших на них, то оно лежит и в особенности всех моих предков и в условиях их существования -- до бесконечности, т. е. вне времени и вне пространства, -- так что мое особенное я произошло вне пространства и вне времени, т. е. то самое, что я и сознаю.

5

Прежде чем достигнуть старости, я старался хорошо жить; в старости я стараюсь хорошо умереть. А хорош умереть -- значит умереть охотно.

Сенека.

6

Люди, не понимающие жизни, не могут не бояться смерти.

Ты боишься смерти, но подумай о том, что бы было, если бы ты был обречен в твоей все одной и той же личности на вечную жизнь?

8-е сентября

В детях все величайшие возможности.

1

И Иисус сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное. Итак, как это дитя, тот и больше в царстве небесном. А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской.

Мф. гл. 8, ст. 3-4, 6.

2

Славлю тебя, отче, господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам! Ей, отче! Ибо таково было твое благоволение!

Мф. гл. 11, ст. 25-26.

3

Отчего дети нравственно выше большинства людей? Оттого, что разум их не извращен ни суевериями, ни соблазнами, ни грехами. На пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоят грехи, соблазны и суеверия.

Детям надо только жить, взрослым надо бороться.

4

Как ужасен бы был мир, если бы не рождались постоянно дети, несущие с собой невинность и возможность всякого совершенства!

Джон Рёскин.

5

Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч ежедневных рождений, о которых говорит статистика, составляют как бы излияния невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн великого провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей как огнем высушит человеческое общество.

Если предположить, что человечество состояло бы из миллиарда бессмертных, существ, число которых не могло бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, где бы мы были и что бы мы были, великий боже! Мы стали бы, без сомнения, в тысячу раз ученее, но и в тысячу раз хуже. Знание накопилось бы, но все добродетели, которые зарождаются от страданий и преданности, т. е. семья и общество, были бы мертвы. Не было бы возмещения.

Благословенно детство зато благо, которое оно дает само, и за то добро, которое оно производит, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видим на земле частичку рая. Благословенна и смерть. Ангелы не могут нуждаться ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить: но для людей необходимо, неизбежна и то и другое.

Амиель.

6

Господи боже наш!.. Из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу, ради врагов твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя.

Пс. 8, 3.

7

Детство часто держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать взрослые люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость поздних лет.

Джон Рёскин.

8

Ребенок бережет свою душу, как веко бережет глаз, и без ключа любви никого не пускает в нее.

9

Дети знают истину так же, как часто люди знают иностранный язык, хотя и не умеют говорить на нем. Они не сумеют сказать вам, в чем добро, но безошибочно отвернутся от всего недоброго. Притворство в чем бы то ни было может обмануть самого умного, проницательного человека, но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрываемо, узнает его и отвращается.

10

Может ли быть что-нибудь извращеннее того, чтобы только что вступившим в этот мир тотчас начинать говорить о другом мире?

Кант.

Какое время может быть лучше детства, когда две лучшие добродетели -- невинная веселость и потребность любви -- являются ёдинственными побуждениями в жизни.

Уважай всякого человека, но в сто раз больше уважай ребенка и берегись того, чтобы не нарушить девственной чистоты души его.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

БЕГЛЕЦ

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шел с матерью под дождем то по скошенному полю, то по лесным тропинкам, где к его сапогам липли желтые листья, шел до тех пор, пока не рассвело. Потом он часа два стоял в темных сенях и ждал, когда отопрут дверь. В сенях было не так холодно и сыро, как на дворе, но при ветре и сюда залетали дождевые брызги. Когда сени мало-помалу битком набились народом, стиснутый Пашка припал лицом к чьему-то тулупу, от которого сильно пахло соленой рыбой, и вздремнул. Но вот щелкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка с матерью вошел в приемную. Тут опять пришлось долго ждать. Все больные сидели на скамьях, не шевелились и молчали. Пашка оглядывал их и тоже молчал, хотя видел много странного и смешного. Раз только, когда в приемную, подпрыгивая на одной ноге, вошел какой-то парень, Пашке самому захотелось также попрыгать; он толкнул мать под локоть, прыснул в рукав и сказал:

-- Мама, гляди: воробей!

-- Молчи, детка, молчи! -- сказала мать.

В маленьком окошечке показался заспанный фельдшер.

-- Подходи записываться! -- пробасил он.

Все, в том числе и смешной подпрыгивающий парень, потянулись к окошечку. У каждого фельдшер спрашивал имя и отчество, лета, местожительство, давно ли болен и проч. Из ответов своей матери Пашка узнал, что зовут его не Пашкой, а Павлом Галактионовым, что ему семь лет, что он неграмотен и болен с самой пасхи.

Вскоре после записывания нужно было ненадолго встать; через приемную прошел доктор в белом фартуке и подпоясанный полотенцем. Проходя мимо подпрыгивающего парня, он пожал плечами и сказал певучим тенором:

-- Ну и дурак! Что ж, разве не дурак? Я велел тебе прийти в понедельник, а ты приходишь в пятницу. По мне, хоть вовсе не ходи, но ведь, дурак этакой, нога пропадет!

Парень сделал такое жалостное лицо, как будто собрался просить милостыню, заморгал и сказал:

-- Сделайте такую милость, Иван Миколаич!

-- Тут нечего -- Иван Миколаич! -- передразнил доктор. -- Сказано в понедельник, и надо слушаться. Дурак, вот и все...

Началась приемка. Доктор сидел у себя в комнатке и выкликал больных по очереди. То и дело из комнатки слышались пронзительные вопли, детский плач или сердитые возгласы доктора:

-- Ну, что орешь? Режу я тебя, что ли? Сиди смирно! Настала очередь Пашки.

-- Павел Галактионов! -- крикнул доктор.

Мать обомлела, точно не ждала этого вызова, и, взяв Пашку за руку, повела его в комнатку. Доктор сидел у стола и машинально стучал по толстой книге молоточком.

-- Что болит? -- спросил он, не глядя на вошедших.

-- У парнишки болячка на локте, батюшка, -- ответила мать, и лицо ее приняло такое выражение, как будто она в самом деле ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

-- Раздень его!

Пашка, пыхтя, распутал на шее платок, потом вытер рукавом нос и стал не спеша стаскивать тулупчик.

-- Баба, не в гости пришла! -- сказал сердито доктор. -- Что возишься? Ведь ты у меня не одна тут.

Пашка торопливо сбросил тулупчик на землю и с помощью матери снял рубаху... Доктор лениво поглядел на него и похлопал его по голому животу.

-- Важное, брат Пашка, ты себе пузо отрастил, -- сказал он и вздохнул. -- Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на таз с кровяными помоями, поглядел на докторский фартук и заплакал.

-- Ме-е! -- передразнил доктор. -- Женить пора баловника, а он ревет! Бессовестный!

Стараясь не плакать, Пашка поглядел на мать, и в этом его взгляде была написана просьба: "Ты же не рассказывай дома, что я в больнице плакал!"

Доктор осмотрел его локоть, подавил, вздохнул, чмокнул губами, потом опять подавил.

-- Бить тебя, баба, да некому, -- сказал он. -- Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то ведь пропащая! Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит!

-- Вам лучше знать, батюшка... -- вздохнула баба.

-- Батюшка... Сгноила парню руку, да теперь и батюшка! Какой он работник без руки? Вот век целый и будешь с ним нянчиться. Небось, как у самой прыщ на носу вскочит, так сейчас же в больницу бежишь, а мальчишку полгода гноила. Все вы такие.

Доктор закурил папироску. Пока папироска дымила, он распекал бабу и покачивал головой в такт песни, которую напевал мысленно, и все думал о чем-то. Голый Пашка стоял перед ним, слушал и глядел на дым. Когда же папироса потухла, доктор встрепенулся и заговорил тоном ниже:

-- Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тут не поможешь. Надо его в больнице оставить.

-- Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

-- Мы ему операцию сделаем. А ты, Пашка, оставайся, -- сказал доктор, хлопая Пашку по плечу. -- Пусть мать едет, а мы с тобой, брат, тут останемся. У меня, брат, хорошо, разлюли малина! Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдем ловить, я тебе лисицу покажу! В гости вместе поедем! А? Хочешь? А мать за тобой завтра приедет! А?

Пашка вопросительно поглядел на мать.

-- Оставайся, детка! -- сказала та.

-- Остается, остается! -- весело закричал доктор. -- И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поедем вместе на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверх!

Доктор, по-видимому веселый и покладистый малый, рад был компании; Пашка захотел уважить его, тем более что отродясь не бывал на ярмарке и охотно бы поглядел на живую лисицу, но как обойтись без матери? Подумав немного, он решил попросить доктора оставить в больнице и мать, но не успел он раскрыть рта, как фельдшерица уже вела его вверх по лестнице. Шел он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки -- все громадное, прямое и яркое -- были выкрашены в великолепную желтую краску и издавали вкусный запах постного масла. Всюду висели лампы, тянулись половики, торчали в стенах медные краны. Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живется очень недурно.

Палата была невелика и состояла только из трех кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидел какой-то старик с кислыми глазами, который все время кашлял и плевал в кружку. С Пашкиной кровати видна была в дверь часть другой палаты с двумя кроватями: на одной спал какой-то очень бледный, тощий человек с

каучуковым пузырем на голове; на другой, расставив руки, сидел мужик с повязанной головой, очень похожий на бабу.

Фельдшерица, усадив Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа в охапке кучу одежи.

-- Это тебе, -- сказала она.-- Одевайся.

Пашка разделся и не без удовольствия стал облачаться в новое платье. Надевши рубаху, штаны и серый халатик, он самодовольно оглядел себя и подумал, что в таком костюме недурно бы пройтись по деревне. Его воображение нарисовало, как мать посылает его на огород к реке нарвать для поросенка капустных листьев; он идет, а мальчишки и девчонки окружили его и с завистью глядят на его халатик.

В палату вошла сиделка, держа в руках две оловянных миски, ложки и два куска хлеба. Одну миску она поставила перед стариком, другую -- перед Пашкой.

-- Ешь! -- сказала она.

Взглянув в миску, Пашка увидел жирные щи, а в щах кусок мяса, и опять подумал, что доктору живется очень недурно и что доктор вовсе не так сердит, каким показался сначала. Долго он ел щи, облизывая после каждого хлебка ложку, потом, когда, кроме мяса, в миске ничего не осталось, покосился на старика и позавидовал, что тот все еще хлебает. Со вздохом он принялся за мясо, стараясь есть его возможно дольше, но старания его ни к чему не привели: скоро исчезло и мясо. Остался только кусок хлеба. Невкусно есть один хлеб без приправы, но делать было нечего. Пашка подумал и съел хлеб. В это время вошла сиделка с новыми мисками. На этот раз в мисках было жаркое с картофелем.

-- А где же хлеб-то? -- спросила сиделка.

Вместо ответа Пашка надул щеки и выдыхнул воздух.

-- Ну, зачем сожрал? -- сказала укоризненно сиделка. -- А с чем же ты жаркое есть будешь?

Она вышла и принесла новый кусок хлеба. Пашка отродясь не ел жареного мяса и, испробовав его теперь, нашел, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро, и после него остался кусок хлеба больше, чем после щей. Старик, пообедав, спрятал свой оставшийся хлеб в столик; Пашка хотел сделать то же самое, но подумал и съел свой кусок.

Наевшись, он пошел прогуляться. В соседней палате, кроме тех, которых он видел в дверь, находилось еще четыре человека. Из них только один обратил на себя его внимание. Это был высокий, крайне исхудалый мужик с угрюмым волосатым лицом; он сидел на кровати и все время, как маятником, кивал головой и махал правой рукой. Пашка долго не отрывал от него глаз. Сначала маятникообразные, мерные кивания мужика казались ему курьезными, производимыми для всеобщей потехи, но, когда он вгляделся в лицо мужика, ему стало жутко, и он понял, что этот мужик

нестерпимо болен. Пройдя в третью палату, он увидел двух мужиков с темно-красными лицами, точно вымазанными глиной. Они неподвижно сидели на кроватях и со своими странными лицами, на которых трудно было различить черты, походили на языческих божков.

-- Тетка, зачем они такие? -- спросил Пашка у сиделки.

-- У них, парнишка, воспа.

Вернувшись к себе в палату, Пашка сел на кровать и стал дожидаться доктора, чтобы идти с ним ловить чижей или ехать на ярмарку. Но доктор не шел. В дверях соседней палаты мелькнул ненадолго фельдшер. Он нагнулся к тому больному, у которого на голове лежал мешок со льдом, и крикнул:

-- Михайло!

Спавший Михайло не шевельнулся. Фельдшер махнул рукой и ушел. В ожидании доктора Пашка осматривал своего соседа старика. Старик не переставая кашлял и плевал в кружку; кашель у него был протяжный, скрипучий. Пашке понравилась одна особенность старика: когда он, кашляя, вдыхал в себя воздух, то в груди его что-то свистело и пело на разные голоса.

-- Дед, что это у тебя свистит? -- спросил Пашка. Старик ничего не ответил. Пашка подождал немного и спросил:

-- Дед, а где лисица?

-- Какая лисица?

-- Живая.

-- Где ж ей быть? В лесу!

Прошло много времени, но доктор все еще не являлся. Сиделка принесла чай и побранила Пашку за то, что он не оставил себе хлеба к чаю; приходил еще раз фельдшер и принимался будить Михаилу; за окнами посинело, в палатах зажглись огни, а доктор не показывался. Было уже поздно ехать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и стал думать. Вспомнил он леденцы, обещанные доктором, лицо и голос матери, потемки в своей избе, печку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдруг скучно и грустно. Вспомнил он, что завтра мать придет за ним, улыбнулся и закрыл глаза.

Его разбудил шорох. В соседней палате кто-то шагал и говорил полушепотом. При тусклом свете ночников и лампад возле кровати Михаилы двигались три фигуры.

-- Понесем с кроватью аль так? -- спросила одна из них.

-- Так. Не пройдешь с кроватью. Эка, помер не вовремя, царство небесное!

Один взял Михаилу за плечи, другой -- за ноги и приподняли: руки Михаилы и полы его халата слабо повисли в воздухе. Третий -- это был мужик, похожий на бабу, -- закрестился, и все трое, беспорядочно стуча

ногами и ступая на полы Михаилы, пошли из палаты.

В груди спавшего старика раздавались свист и разноголосое пение. Пашка прислушался, взглянул на темные окна и в ужасе вскочил с кровати.

-- Ма-а-ма! -- простонал он басом.

И, не дожидаясь ответа, он бросился в соседнюю палату. Тут свет лампадки и ночника еле-еле прояснял потемки; больные, потревоженные смертью Михаилы, сидели на своих кроватях; мешаясь с тенями, всклоченные, они представлялись шире, выше ростом и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати в углу, где было темнее, сидел мужик и кивал головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату оспенных, оттуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробежав через женское отделение, он опять очутился в коридоре, увидел перила знакомой лестницы и побежал вниз. Тут он узнал приемную, в которой сидел утром, и стал искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнул холодный ветер, и Пашка, спотыкаясь, выбежал на двор. У него была одна мысль -- бежать и бежать! Дороги он не знал, но был уверен, что если побежит, то непременно очутится дома у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками светила луна. Пашка побежал от крыльца прямо вперед, обогнул, еарай и наткнулся на пустые кусты: постояв немного и подумав, он бросился назад к больнице, обежал ее и опять остановился в нерешимости: за больничным корпусом белели могильные кресты.

-- Ма-амка! -- закричал он и бросился назад.

Пробегая мимо темных, суровых строений, он увидел одно освещенное окно.

Яркое красное пятно в потемках казалось страшным, но Пашка, обезумевший от страха, не знавший, куда бежать, повернул к нему. Рядом с окном было крыльцо со ступенями и парадная дверь с белой дощечкой; Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел веселого, покладистого доктора, который сидел за столом и читал книгу. Смеясь от счастья" Пашка протянул к знакомому лицу руки хотел крикнуть, но неведомая сила сжала его дыхание, ударила по ногам; он покачнулся и без чувств повалился на ступени.

Когда он пришел в себя, было уже светло, и очень знакомый голос, обещавший вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорил возле него:

-- Ну и дурак, Пашка! Разве не дурак? Бить бы тебя, да некому.

Антон Чехов.

СИЛА ДЕТСТВА

-- Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить!.. -- кричали мужские, женские голоса толпы.

Огромная толпа народа вела по улице связанного человека. Человек этот, высокий, прямой, шел твердым шагом, высоко поднимая голову. На красивом, мужественном лице его было выражение презрения и злобы к окружающим его людям.

Это был один из тех людей, которые в войне народа против власти воюют на стороне власти. Его схватили теперь и вели на казнь.

"Что же делать! Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно, так надо", -- думал этот человек и, пожимая плечами, холодно улыбнулся на крики, которые продолжались в толпе.

-- Это городовой, он еще утром стрелял по нас! -- кричали в толпе.

Но толпа не останавливалась, и его вели дальше. Когда же пришли на ту улицу, где по мостовой лежали вчерашние не убранные еще тела убитых войсками, толпа освирепела.

-- Нечего оттягивать! Сейчас тут и застрелить негодяя, куда еще водить его? -- кричали люди.

Пленный хмурился и только выше поднимал голову. Он, казалось, ненавидел толпу еще более, чем толпа ненавидела его.

-- Перебить всех! Шпионов! Царей! Попов! И этих мерзавцев! Убить, убить сейчас! -- взвизгивали женские голоса.

Но руководители толпы решили довести его до площади и там разделаться с ним.

До площади уже было недалеко, когда в минуту затишья в задних рядах толпы послышался плачущий детский голосок.

-- Батя! Батя! -- всхлипывая, кричал шестилетний мальчик, втискиваясь в толпу, чтобы добраться до пленного. -- Батя! Что они с тобой делают? Постой, постой, возьми меня, возьми!..

Крики остановились в той стороне толпы, с которой шел ребенок, и толпа, расступаясь перед ним, как перед силой, пропускала ребенка все ближе и ближе к отцу.

-- А какой миленький! -- сказала одна женщина.

-- Тебе кого? -- сказала другая, нагибаясь к мальчику.

-- Батю! Пустите меня к бате! -- пищал мальчик.

-- Тебе сколько лет, мальчик?
-- Что вы с батей хотите делать? -- отвечал мальчик.
-- Иди домой, мальчик, иди к матери, -- сказал мальчику один из мужчин.
Пленный уже слышал голос мальчика, и слышал, что говорили ему. Лицо его стало еще мрачнее.
-- У него нет матери! -- крикнул он на слова того, кто отсылал ребенка к матери.
Все ближе и ближе протискиваясь в толпе, мальчик добрался до отца и полез к нему на руки.
В толпе кричали все то же: "Убить! Повесить! Застрелить мерзавца!"
-- Зачем ты из дома ушел? -- сказал отец мальчику.
-- Что они с тобой хотят делать? -- говорил мальчик.
-- Ты вот что сделай, -- сказал отец.
-- Ну?
-- Знаешь Катюшу?
-- Соседку? Как не знать.
-- Так вот, пойди к ней и там побудь. А я... я приду.
-- Без тебя не пойду, -- сказал мальчик и заплакал.
-- Отчего не пойдешь?
-- Они прибьют тебя.
-- Нет же, они ничего, они так.
И пленный спустил с рук мальчика и подошел к тому человеку, который распоряжался в толпе.
-- Послушайте, -- сказал он, -- убивайте меня как и где хотите, но только не при нем, -- он показал на мальчика. -- Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мне приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте как хотите.
Руководитель согласился.
Тогда пленный взял опять мальчика на руки и сказал:
-- Будь умник, пойди к Кате.
-- А ты что же?
-- А ты видишь, я гуляю вот с этим приятелем, мы пройдем еще немного, а ты иди, а я приду. Иди же, будь умник.
Мальчик уставился на отца, нагнул головку на одну сторону, потом на другую и задумался.
-- Иди, милый, я приду.
-- Придешь?
И ребенок послушался. Одна женщина вывела его из толпы.
Когда ребенок скрылся, пленный сказал:
-- Теперь я готов, убивайте меня.
И тут случилось что-то совсем непонятное, неожиданное. Какой-то один и тот же дух проснулся во всех этих за минуту жестоких, безжалостных,

ненавидящих людях, и одна женщина сказала:

-- А знаете что. Пустить бы его.

-- И то. Бог с ним, -- сказал еще кто-то. -- Отпустить.

-- Отпустить, отпустить! -- загремела толпа.

И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его.

Виктор Гюго. Изложил Л. Н. Толстой.

9-е сентября

Те знания, которые в наше время считаются наукой, более препятствуют, чем содействуют благу человеческой жизни.

1

Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки, вместе и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е. неясности, неопределенности, некоторые науки эти пытались с своей точки зрения охватить все явления жизни и путались, сами выдумывая новые понятия и слова. Так это было с астрономией, когда она была астрологией, с химией, когда она была алхимией. То же происходит и теперь с той опытной эволюционной наукой, которая, рассматривая одну сторону или некоторые стороны жизни, заявляет притязания на изучение всей жизни.

2

Наука выполняет свою задачу не тем, что объясняет причины появления пятен на солнце, а тем, что выясняет законы нашей собственной жизни и последствия их нарушения.

Джон Рёскин.

3

По отношению к природе опыт дает нам в руки правила и является источником истины; но по отношению нравственных законов опыт оказывается, к сожалению, матерью заблуждения. Поэтому было бы в высшей степени недостойно желать законы о том, что я должен делать, вывести из того или ограничить тем, что совершается в природе или совершилось в истории.

Кант.

4

Знание смиряет великого, удивляет обыкновенного и раздувает маленького человека.

5

Науки -- это пища для ума. И эта пища может быть так же вредна для ума, как и пища телесная для тела, если принимать ее не в меру. Так что и умственной пищи можно переесть и заболеть от нее. Для того чтобы этого не было, надо так же, как и в телесной пище, принимать ее только тогда, когда это необходимо нужно.

По Рёскину.

6

Для того чтобы знания-были важны, нужно, чтобы они служили благу -- единению людей. Люди соединяются между собой признанием единой для

всех истины. Выражения этой истины должны быть ясны и понятны. В теперешней же науке выражения неясны и непонятны.

7

Сократ говорил, что для людей, которые ничего более не желают, как сделаться хорошими, легка всякая наука, потому что они в каждой науке желают знать только то, что нужно

8

Мудрость Сократа состояла в том, что он не думал, что знал то, чего не знал.

Цицерон.

Как бы велико ни было знание, оно не может помочь исполнению главной цели жизни -- нравственному совершенствованию.

10-е сентября

Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы ею

1

Христианин, не знающий, откуда приходит и куда уходит дух (Иоанна 3, 8), его оживляющий, тот дух, которого не мерою дает бог (Иоанна 3, 34), не может себе ставить внешней цели жизни.

Понятие цели заимствовано из обихода земных дел и начинаний. Цель

же всего мироздания недоступна человеку, и потому он в жизни своей вынужден руководствоваться не внешней целью, а указаниями воли божией, познаваемой внутри себя.

Как моряк ради избрания верного направления для хода своего судна может руководствоваться видом берега только тогда, когда он доступен его взору, -- например, при переправе через реку, -- а при переезде через океан должен обращаться к указаниям компаса, так и христианин ради избрания верного пути жизни может руководствоваться внешними целями только в житейских делах; в деле же искания общего смысла жизни должен обращаться к указанию внутреннего голоса *совести*, всегда ясно и внятно предостерегающего человек в случаях совершаемого и даже предполагаемого им отступления от пути истины.

Федор Страхов.

2

Удовлетворение, которое мы замечаем вслед за каждым бескорыстным поступком, зависит от того, что такой поступок, проистекая из непосредственного узнавания в чуждом явлении нашего же собственного существа, в свою очередь подтверждает, что мы были правы, признавши, что наше истинное "я" существует не только в нашей личности, не только в этом отдельном явлении, но во всем живом. А как себялюбие стесняет сердце, так это сознание дает простор ему. В самом деле, как себялюбие сосредоточивает весь наш интерес на нашей отдельной личности, причем познание постоянно рисует нам бесчисленные опасности, непрестанно угрожающие этой личности, отчего основным тоном нашего настроения становится тревога и озабоченность, так познание того, что все живое в той же мере, как и наша собственная личность, есть наше же собственное существо, само по себе распространяет наш интерес на все живое, а это дает простор сердцу. А вследствие такого уменьшения интереса к самому себе в корне подсекается и ограничивается тревожная озабоченность; отсюда -- спокойная, уверенная радость, которую дает добродетельное расположение духа и чистая совесть, отсюда более живое ощущение радости при каждом добром поступке, проясняющее нам самим основу этого настроения. Эгоист чувствует себя одиноким среди чуждых и враждебных явлений, и все его упования -- в его собственном благополучии. А добрый живет в мире дружественных существ; благо

каждого из них есть его собственного благо.

Шопенгауэр.

3

Сколько перегородок между нами и предметами! Расположение духа, здоровья, все ткани глаз, стекла нашей комнаты, туман, дым, дождь или пыль и даже свет -- и все это бесконечно изменяющееся. Гераклит говорил: "Нельзя выкупаться два раза в одной и той же реке"; я бы сказал: нельзя видеть два раза один и тот же пейзаж, потому что и тот, кто наблюдает, и то, что наблюдается, всегда бесконечно изменяются.

Мудрость состоит в том, чтобы *подчиняться всеобщей иллюзии, не будучи обманутым ею.*

Я думаю, что *разум неизбежно приводит нас к сознанию того, что все вещественное есть только сновидение в сновидении*. Выводит нас из сферы волшебных сновидений только чувство долга, нравственные требования. Только совесть отрывает нас от очарования Майи; она рассеевает пары кейфа, галлюцинации опиума и спокойствие созерцательного равнодушия. Она, совесть, вталкивает нас в сознание человеческой ответственности.

Это будильник, это крик петуха, который разгоняет привидения; это архангел, вооруженный мечом, который выгоняет человека из его искусственного рая.

По Амиелю.

4

Человек, живущий для тела, может заблудиться в запутанных лабиринтах созерцательной или чувственной жизни, но душа всегда безошибочно знает истину.

Люси Малори.

5

Страсти могут быть сильнее совести, голос их может быть громче, но их крик совершенно другой, чем тот, которым говорит совесть. Они не обладают той силой, которой обладает голос совести. В своем торжестве они все-таки робеют перед этим тихим, глубоким и угрожающим голосом.

Чаннинг.

Голос совести всегда можно отличить от всех других душевных побуждений тем, что он требует всегда чего-то бесполезного, неосязаемого, но прекрасного и достижимого одним нашим усилием.

Этим отличается голос совести от голоса славолюбия, который часто смешивается с ним.

11-е сентября

Истинная вера влечет к себе не столько тем, что обещает благо верующему, сколько тем, что представляет единственное прибежище спасения не только от всех бед этой жизни, но и от страха смерти.

1

Если ты сознаешь, что у тебя нет веры, знай, что ты в самом опасном положении, в котором только может находиться человек в этом мире.

2

Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть.

3

Поклонники пользы не имеют никакой нравственности, кроме нравственности выгоды, и никакой религии, кроме религии материального блага. Они нашли тело человека изуродованным и истощенным нищетой и в своем необдуманном рвении сказали себе: "Давайте излечим это тело; когда оно будет сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется в него". А я говорю, что излечить это тело можно, только излечив душу. В ней корень болезни, и телесные недуги являются лишь внешними проявлениями этой болезни. Современное человечество умирает от отсутствия общей веры, связующей землю с небом, вселенную с богом. От отсутствия этой религии духа, от которой остались лишь пустые слова и безжизненные формы, от полного отсутствия сознания долга, способности жертвовать собою, человек, подобно дикарю, пал, распростертый в прах, и воздвиг на пустом алтаре идол "выгоде". Деспоты и князья мира сего стали его первосвященниками. От них-то и возникло отвратительное учение выгоды, гласящее: "Каждый только для своих, каждый только для себя".

Иосиф Мадзини.

4

Рассматривая причины тех бедствий, от которых страдает человечество, восходя от ближайших причин к более основным, всегда придешь к основной причине всех и всяких бедствий людей: к отсутствию или слабости веры, т. е. неясности или ложности установленного отношения человека к миру и началу его.

5

Человек, исповедующий внешний закон, есть человек, стоящий в свете фонаря, привешенного к столбу. Он стоит в свете этого фонаря, ему светло, и идти ему дальше некуда.

Человек религиозный несет фонарь перед собой на более или менее длинном шесте; свет всегда впереди его и всегда побуждает его идти за

собой и вновь открывает ему впереди его новое, влекущее к себе освещенное пространство.

Спасение не в обрядах, таинствах, не в исповедании той или иной веры, а в ясном понимании смысла своей жизни.

12-е сентября

Нельзя служить богу и мамоне. Забота об увеличении богатства несовместима с требованиями истинной, духовной жизни.

1

И вот некто, подошед, сказал ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим и будешь иметь сокровища на небесах; и приходи и следуй за мною.

Мф. гл. 19, ст. 16, 21.

2

Иисус же сказал ученикам своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в царство небесное. И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие.

Мф. гл. 19, ст. 23-24.

3

Мне кажется, что старинное суеверие о том, что богатство дает счастье, начинает разрушаться.

4

Павел назвал сребролюбие идолослужением, потому что многие, имея богатство, не смеют им пользоваться, но считают его святынею и, не смея коснуться его, передают в целости внукам и их потомкам. А если когда и принуждены бывают коснуться его, то бывают в таком состоянии, как будто сделали что-нибудь непозволительное. С другой стороны, как язычник оберегает идола, так и ты ограждаешь золото дверями и запорами, вместо храма устрояешь для него ковчег и влагаешь его в серебряные сосуды. Язычник скорее отдаст свои глаза и душу, чем идола, так точно и любящие золото. Если ты не поклоняешься золоту, то поклоняешься демону, который вторгается в твою душу от взгляда на золото и от страсти к нему. Страсть сребролюбия хуже демона, и ей многие покорствуют больше, чем иные идолам. Идолов во многом не слушают, а сребролюбию во всем повинуются и исполняют все, что бы оно ни приказало сделать. Что же оно говорит? Будь, говорит оно, для всех врагом и неприятелем, забудь природу, презирай бога, пожертвуй собою мне. И во всем этом ему повинуются. Истуканам приносят в жертву волов и овец, а сребролюбие говорит: принеси мне в жертву твою душ -- и это исполняют.

Иоанн Златоуст.

5

Излишняя толщина одежд стесняет движение тела; богатство мешает движению души.

Демофил.

6

Жажда желания богатства никогда не утоляется и не удовлетворяется. Те, кто владеют им, мучаются не только желанием приобрести еще больше, но и страхом потерять то, что есть.

Цицерон.

7

Бойся не бедности, а богатства.

Люди ищут богатства. А если бы они только ясно видели все, чего они лишаются через него, они бы употребляли для освобождения себя от него такие же усилия, какие они употребляют теперь на его приобретение.

13-е сентября

Мудрый человек не ищет изменения своего положения, потому что знает, что исполнение закона бога -- закона любви -- возможно во всяком положении.

1

Мудрец ищет всего в себе, безумец -- всего в других.

Конфуций.

2

Я не жаловался на судьбу и не роптал. Но один раз, когда я был разут и не на что было купить обуви, я возроптал. Я вошел тогда с тяжелым сердцем в большую мечеть в Куфа, и вот в" мечети я увидал человека без ног. И я возблагодарил бога за то, что у меня были обе ноги, а только не было башмаков, чтобы обуть их.

Мади.

3

Не выходя из ворот и не глядя в окно, разумный человек знает то, что ему нужно знать, сознавая в себе небесный разум. Чем дальше ходишь, тем меньше знаешь. Поэтому разумный человек, не путешествуя, имеет знание, не видя вещей, определяет их и, не работая, совершает великое.

Лао-Тсе.

4

Двумя вещами человек никогда не должен огорчаться: тем, чему он может помочь, и тем, чему не может помочь.

"Every body's Book of Proverbs and Quotations".

5

Если человек недоволен своим положением, он может изменить его двумя средствами: или улучшить условия своей жизни, или улучшить свое душевное состояние. Первое не всегда, второе всегда в его власти.

6

С мыслями своими обходись как с, гостями, а с желаниями -- как с детьми.

Китайская пословица.

7

Человек бывает несчастлив, потому что в нем живет бесконечное, которое, несмотря на все свои усилия, он не может похоронить под временным.

Карлейль.

8

Постарайся устанавливать в себе внутреннюю тишину и то совершенное молчание и уст и сердца, когда мы больше не заняты нашими несовершенными мыслями и тщеславными суждениями, но когда сам бог говорит в нас и мы в простоте сердца прислушиваемся к выражению его воли для того чтобы, при молчании нашем, мы бы могли исполнить его одну волю.

Лонгфелло.

Чем больше человек недоволен людьми и обстоятельствами и чем более доволен собою, тем он дальше от мудрости.

14-е сентября

Насилие тем особенно вредно, что оно всегда облекается во внешнее величие и этим внушает уважение к тому, что должно бы вызывать одно отвращение.

1

Принуждающий нас силой как бы лишает нас наших прав, и мы потому ненавидим его. Как благодетелей наших, мы любим тех, кто умеет убедить нас. Не мудрый, а грубый, непросвещенный человек прибегает к насилию. Чтобы употребить силу, надо многих соучастников; чтобы убедить, не надо никаких. Тот, кто чувствует достаточно силы в самом себе, чтобы владеть умами, не станет прибегать к насилию: к чему ему устранять человека других взглядов, когда в его же интересе дружеским убеждением привлечь его на свою сторону.

Беседы Сократа.

2

Люди, обладающие властью, уверены в том, что движет и руководит людьми только насилие, и потому для поддержания существующего порядка смело употребляют насилие. Существующий же порядок держится не насилием, а общественным мнением, действие которого нарушается насилием. И потому деятельность насилия ослабляет, нарушает то самое, что она хочет поддерживать.

3

Человек так же мало сотворен для того, чтобы принуждать, как и для того, чтобы повиноваться. Люди взаимно портятся от этих двух привычек: тут одурение, там наглость, и нигде истинного человеческого достоинства.

Консидеран.

4

Жизнь наша стала бы прекрасна, если бы мы только увидали всю ее низость.

Торо.

5

Из того, что возможно насилием подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилием.

Паскаль.

6

Несправедлив тот человек, который делает что-нибудь посредством насилия; нет, только тот, кто различает оба пути -- правды и неправды, кто поучает других и руководит ими ненасилием, но справедливостью, кто верен правде и разуму, -- тот только назовется истинно праведным.

Не тот мудрец, кто держит добрые и красивые речи, но кто терпелив, свободен от ненависти и свободен от боязни, -- тот только истинно мудрый человек.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

Всякое насилие противно разуму и любви. Не принимай в нем участия.

15-е сентября

Главное препятствие познания истины есть не ложь, а подобие истины.

1

Если в действительной жизни иллюзия лишь на мгновение искажает действительность, то в отвлеченной области заблуждение может господствовать целые тысячелетия, может надеть свое железное ярмо на целые народы, заглушить самые благородные порывы человечества и с помощью своих рабов, обманутых им, заковать того, кого не смогло обмануть. Оно -- враг, с которым вели неравную борьбу мудрейшие умы всех времен, и достоянием человечества сделалось только то, что они отвоевали у него. Если говорят, что истины надо доискиваться даже там, где не предвидится от нее никакой пользы, потому что польза может оказаться и обнаружиться там, где ее и не ожидали, то надо еще прибавить, что с таким же рвением надо выискивать и искоренять всякое заблуждение даже там, где не предвидится от него никакого вреда, потому что вред заблуждений легко может оказаться и когда-нибудь обнаружиться там, где его не ожидали, -- ибо каждое заблуждение таит в себе яд. Если истина и знание сделали человека властителем земли, то нет заблуждений безвредных, а тем более -- почетных и священных.

В утешение же тем, кто посвящает свою жизнь и силы благородной и трудной борьбе с заблуждениями какого бы то ни было рода, смело можно сказать, что хотя до появления истины заблуждение и будет делать свое дело, как совы и летучие мыши -- ночью, но что скорее совы и летучие мыши запугают и загонят солнце туда, откуда оно взошло, чем прежнее заблуждение вытеснит познанную и отчетливо и до конца высказанную истину и займет беспрепятственно ее свободное место. Такова сила истины, победа ее трудна и тяжка, но зато, раз она одержана, ее уж не вернешь назад.

Шопенгауэр.

2

Разоблаченная ложь есть столь же важное приобретение для блага человечества, как и ясно выраженная истина.

3

Освободить человека от заблуждений -- это значит придать ему нечто, а не отнять. Освобождение от лжи есть проповедание истины, знание того, что выдаваемое за истину есть ложь, есть истина. Заблуждение всегда вредит. Рано или поздно оно сделает вред тому, кто признает его за истину.

Шопенгауэр.

Движение вперед человечества в области познания заключается в снимании покровов, закрывающих истину.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ

Существует написанная более 450 лет тому назад неученым человеком, Петром из деревни Хельчицы, книга, почти совсем неизвестная.

В книге этой, озаглавленной "Сеть веры", мы находим не только простое, ясное, сильное и правдивое обличение того ужасного обмана, в котором жили и живут люди, веруя в самое чуждое истинному христианству и воображая, что они исповедуют христианское учение; мы находим в этой книге еще и ясное указание того единого благого пути жизни, который открыт был людям Христом.

Всякая жизненная истина, долженствующая служить руководством поведения людей, если и проявляется в сознании святых людей сразу, во всей полноте своей, в большинстве людей проявляется медленно, постепенно, незаметно, порывами, иногда как будто совершенно

скрываясь и вновь проявляясь новыми усилиями, подобными потугам родов.

Так было, так и теперь еще это происходит с христианством. Христианская истина была принята сначала небольшим числом простых, неважных, небогатых людей во всем ее значении. Но по мере распространения ее среди большого количества людей и людей богатых и знатных она все более и более извращалась, и со времени учреждения церкви (со времен Константина, как говорит Хельчицкий) так извратилась, что главное истинное жизненное значение ее было совершенно скрыто от людей и заменено внешними, чуждыми сущности христианства формами.

Но истина, вошедшая в сознание людей, не может заглохнуть. Вне церкви, в том, что церковники называли ересями, всегда оставались верные pониматели и исполнители истинного христианского учения. И совершались опять и опять новые и новые потуги его возрождения. И всякий раз все большее и большее число людей делалось причастными христианской истине в ее настоящем значении.

Таким верным понимателем и возродителем христианской истины был Хельчицкий. Главное сочинение Хельчицкого, "Сеть веры", есть указание на то, чем должно бы быть христианское общество по учению его основателя и чем оно ехало при извращенном учении.

Вот что говорится в предисловии к книге:

"Книга эта, носящая заглавие "Сеть веры", сочинена Петром из Хельчицы, который жил во времена магистра Рокицаны, был ему хорошо знаком и часто с ним беседовал. Он написал много полезных книг по закону божию для преуспеяния церкви в борьбе против антихриста и наваждений его, и если книга эта до сих пор мало видела свет, то причиною этого было духовенство, которое не переставало и не перестает представлять народу книги Петра Хельчицкого блудными и еретическими, и все из-за того, что он осуждает его образ жизни. При всем том многие люди из всех сословий охотно читают и эту книгу Петра Хельчицкого и другие его сочинения, невзирая на то, что он был мирянином и в латыни не ученым, потому что хотя он и не был мастером семи искусств, но поистине был исполнителем девяти блаженств и всех заповедей божиих и был, таким образом, настоящим доктором чешским. В этой книге Хельчицкий касается всех сословий, начиная с императоров, королей, князей, панов, рыцарей, мещан, ремесленников и кончая сельским сословием; но особое внимание обращает он на духовенство: на пап, кардиналов, епископов, архиепископов, аббатов и всех орденских монахов, деканов, настоятелей приходов, викариев. В первой части этой книги излагается, каким путем и способом страшное развращение проникло в святую церковь, и доказывается, что только удалением из церкви всех человеческих измышлений можно добраться до истинного основания ее -- Иисуса

Христа, во второй говорится о возникновении и размножении в церкви разных сословий, которые только препятствуют истинному познанию Христа, ибо они преисполнены духа гордости и всеми силами противятся смиренному и кроткому Христу".

И действительно, Хельчицкий, как в этой книге, так и в других своих сочинениях, не оспаривает, как предшественник его Гус и как жившие и действовавшие после него Лютер, Меланхтон, Кальвин, церковные папские установления и догматы, он только показывает то, что жизнь людей, считающих себя христианами, не христианская; что христианин не может пользоваться властью, не может владеть землями или рабами, не может роскошничать, не может жить распутной жизнью, не может казнить, не может, главное, убивать и воевать.

Хельчицкий не спорит о спасении делами или верою, о предопределении и вообще о догматах; он требует только того, чтобы все постановления церкви были доступны пониманию народа. Он не отрицает их, но говорит о жизни христиан, показывает, что земные владыки, войско, суды, дворянство несовместимы с христианской жизнью (он даже считает городское сословие несовместимым с христианством). Главное же, он показывает, что казни и войны немыслимы для христианина. Он показывает, что соединение христианства с государством -- то, которое совершилось теперь, -- погубило, уничтожило христианство, но что должно быть наоборот: христианство, соединясь с государством, должно уничтожить государство.

И он доказывает, что это возможно, что отсутствие государственной власти не только не уничтожает порядка в жизни людей, но уничтожает беспорядок и зло, от которого страдают люди.

В этом и причина неизвестности книги и деятельности Хельчицкого. Книга и деятельность Хельчицкого в области христианского человечества занимает то же положение, которое занимает христианство в области всего человечества. Она слишком опережает свое время. Пора ее плодов еще не настала. Уничтожение папского авторитета, индульгенций и многое другое, сделанное Лютером, было по силам современных ему людей, но то, что говорил Хельчицкий, не могло быть принято не потому, что оно неясно или несправедливо, -- все, что он говорил, напротив, слишком ясно и справедливо, -- а потому, что то, что он говорил, слишком опережало свое время.

То, чего требовал Хельчицкий, не может быть принято и теперь, тем менее могло быть принято в его время. Опровергнуть то, что говорил Хельчицкий, нельзя было; по крайней мере тогда люди были еще настолько честны, что считали невозможным отрицать то, что Христос учил тому, чему учил, т. е. чтобы люди любили не только любящих их, но врагов, переносили обиды, платили добром за зло и считали всех людей

братьями, и что такое учение несовместимо с существующим устройством жизни. И потому неизбежно возникал вопрос: что удержать -- христианство или установленное устройство? Если удержать христианство, то ясно, что власть имеющим надо отказаться от власти, богатым отказаться от богатства, средним отказаться от обеспечения себя насилием, бедным и подвластным отказаться от повиновения тому, что негативно христианскому закону (а в государстве вся общественная деятельность противна христианскому закону), и поэтому подвергать себя гонениям. И все это страшно.

Если же удержать существующее устройство, зная, что оно нехристианское, то это значит отречься от христианства. И это тоже страшно. Что же оставалось делать? Одно: забыть то, что говорил Христос, что говорил Хельчицкий и говорила совесть; и не думать, не говорить про это.

В этом причина неизвестности Хельчицкого и его книги.

Книгу замолчали, забыли ее. Если десяток ученых знает про нее, то они смотрят на нее только как на исторический, литературный памятник.

Но духовные богатства человечества никогда не погибают, а только доходят, как жесткие плоды. И чем дольше они дожидаются своего времени, тем они ценнее. То же и с Хельчицким и его книгой.

Книга его недавно и в первый раз была напечатана русской Академией наук, и никто, разумеется, не только не читал, но и не слыхал про нее, как и про все то, что с такими большими расходами и с такой важностью печатается в изданиях академии. Сочинения Ницше, Золя, Верлена напечатаны в десятках изданий и сотнях тысяч экземпляров. Всем известны малейшие подробности жизни этих людей, но книги Хельчицкого до сих пор не напечатаны, даже и в Чехии и в Германии, не говоря уже об Англии и Франции.

И о самом Хельчицком почти ничего неизвестно. Предполагают, что он родился около 1390 года и умер около 1450. Одни думают, что он был дворянин, другие -- что он был крестьянин, сапожник или земледелец. Я думаю, что он был земледелец.

О том, что он был земледелец, мужик, я заключаю, во-первых, по сильному, простому, ясному языку книга, во-вторых, по мудрости книги, вследствие которой автор всегда знает, что важно, что менее важно, и всегда на первое место ставит важное, в-третьих, по той сердечности и наивности, с которой он иногда по-мужицки, грубо и сильно, с негодованием, иногда с горькой насмешкой говорит о том, о чем, очевидно, болеет душою.

"Сеть веры" -- старая книга по времени, по значению же и содержанию своему -- это самая новая книга, настолько новая, что люди нашего времени еще далеко не подготовлены истинным просвещением к тому,

чтобы быть в состоянии понимать ее. Но время ее придет и приходит.

Ведь христианство не человеческая выдумка, не одна из временных форм, в которые складываются человеческие общества, но истина, -- если не на каменных скрижалях на Синае появившаяся, то еще тверже, чем на камне, написанная на сердцах всех людей. И как только она высказана, ничего уж нельзя выцарапать из сознания людей. Истина эта ждала и будет ждать еще, но от этого только очевиднее сделается и только настоятельнее будет требовать своего исполнения.

Вычеркнуть из христианства нельзя то, что христиане, как говорит Хельчицкий, должны "не быть участниками мудрости мирской", не быть чиновниками, судьями, военными, а переносить все несправедливости смиренно, терпеливо, не отплачивая злом за зло, не ропща и не мстя. Сколько ни старались и ни стараются разговорить эти истины, -- истины эти остаются истинами и сквозь все веками придуманные для скрытия их софизмы продолжают прямо, непосредственно захватывать сердца людей.

Как же быть? До сих пор решали дилемму тем, что замалчивали христианство или грубо лгали на него и удерживали государство.

Но не миновать людям попробовать и другое, противоположное решение, отказаться от государства и отдаться христианству.

И решение тем более будет благоразумно, что все государства с своим насильническим устройством до сих пор не только не дали тех благ, которые обещали, а, напротив, все больше и больше увеличивают те бедствия, которые несут люди, и люди все больше и больше изовериваются в них.

Вот этому-то новому и благому решению и содействует эта мудрая, сердечная и нужная книга Хельчицкого.

Несколько выдержек из нее помещены в недельных чтениях "Круга чтения".

Л. Н. Толстой.

16-е сентября

Сомнения не разрушают, но укрепляют

1

Я не берусь провести непроводимую черту между богом и нами. Решения воли, несомненно, наши, но в области высшей, в области свободной мысли и чувства, нельзя не признать его присутствия. Все наиболее глубокое в нас есть только его отражение.

Он постоянно воодушевляет нас, никогда не перестает действовать через нас, если только мы соглашаемся желать и делать то, чего он хочет. Он содействует нашим нравственным усилиям, поддерживает нас в правде, принимает наше сотрудничество в борьбе со злом и открывает нам множество вещей слишком прекрасных, чтобы их можно было выразить словами.

Но малейшая неверность ему -- и он покидает нас.

Мартино.

2

Неверие не в том, что человек верит или не верит, а в том, что человек исповедует то, во что он не верит.

Мартино.

3

Бывают минуты, когда перестаешь верить в жизнь духа.

Это не неверие, это -- периоды веры в жизнь плоти.

Человек, понимающий то, что жизнь его духовна, вдруг начинает бояться смерти. Это всегда бывает, когда он отуманен чем-нибудь и снова начинает верить в то, что жизнь плотская есть жизнь, точно как в театре можно забыться и поверить, что то, что видишь на сцене, происходит в действительности, и испугаться тому, что видишь там, на сцене.

То же случается и в жизни.

Но и в эти минуты иллюзии религиозный человек знает, что то, что происходит в его плотской жизни, не может лишить его блага его истинной жизни.

В периоды упадка духа надо обращаться с собою как с больным -- не

шевелиться.

4

Мудрый человек может сомневаться в самые свои хорошие минуты. Беспрепятственность сомнения составляет основу его уверенности. Истинная вера всегда сопутствуема сомнениями. Если бы я не мог сомневаться, я бы не верил.

Торо.

Удален от бога не тот, кто сомневается в его существовании и мучится этим сомнением, а тот, кто на слово поверил в существование или несуществование бога и не сомневается в том, что ему сказали.

17-е сентября

Владение землей как собственностью так же, даже более несправедливо, чем рабство, т. е. владение человеком как собственностью.

1

Тот, кто первый, огородив кусок земли, решился сказать: "Эта земля моя" и встретил людей столь простых, что они могли поверить этому, -- этот человек был первый основатель того гражданского общества, которое существует теперь. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий, ужасов избавил бы человечество тот, кто, вырвав колья и заровняв канаву, сказал бы: "Берегитесь, не верьте этому обманщику; вы пропали, если забудете, что земля не может принадлежать никому и что плоды ее принадлежат всем".

Руссо.

2

Простая справедливость не допускает права земельной собственности, потому что если одна часть земельной поверхности может справедливо быть собственностью одного лица и может быть удерживаема им для его личной выгоды и употребления, как вещь, на которую он имеет исключительное право, то и другие части земельной поверхности могут сделаться такой же собственностью, и возможно, что таковою сделается вся земельная поверхность, и потому земной шар сделается частной собственностью.

Герберт Спенсер.

3

Само собою разумеется, что тот факт, что какой-нибудь начальник или землевладелец купил какую-нибудь привилегию или унаследовал ее от отцов, не дает ему еще никакого нравственного права на нее. Вопрос в том, справедливо ли разумно ли его требование само по себе? Потому что неправда и зло -- тем более неправда и зло, чем долее они продолжаются.

Грант Аллен.

4

Нельзя утверждать, чтобы существующие права на землю были законны. Пусть тот, кто думает так, просмотрит хроники. Насилие, обман, власть, хитрость -- вот те источники, из которых исходят эти права.

Герберт Спенсер.

5

Люди, владеющие земельной собственностью, и на словах и в судах осуждают людей за присвоение чужой собственности

Неужели они не понимают, что им, не переставая отнимающим у народа самую неотъемлемую собственность, надо сгореть со стыда, как только будет упомянуто слово воровство, а не осуждать и карать за то, в чем они сами, не переставая, кругом виноваты.

6

Взгляните с точки зрения наблюдателя природы на безземельного человека, на существо, имеющее возможность и способность пользоваться землей, вынужденное своими потребностями пользоваться ею и вместе с тем лишенное права на землю. Это так же неестественно, как птица без воздуха или рыба без воды.

Генри Джордж.

7

Частная собственность на землю, никогда не возникавшая из естественных отношений людей, а всегда в истории являвшаяся следствием захвата и грабежа, представляется такой крайней нелепостью, такой грубой несправедливостью, таким явным расточением производительных сил и такой преградой к наиболее выгодному пользованию естественными богатствами, такой противоположностью здравой общественной политике и таким тормозом к истинному улучшению быта человечества, что она терпится только потому, что большинство людей никогда не думает о ней и не слышит, чтобы они рассуждали.

Генри Джордж.

8

Из двух систем рабства, при одном и том же уровне нравственного развития, та система, которая превращает в собственность людей, без сомнения, является более гуманной, чем система, которая превращает в частную собственность землю. При признании земли частной собственностью людей изнуряют работой и голодом, лишают всех радостей и прелестей жизни, обрекают на невежество и скотское существование и доводят до преступлении и самоубийства, как будто без участия чьей-либо воли, а в силу как будто роковой необходимости, за которую никто не ответственен.

Генри Джордж.

Несправедливость владения земельной собственностью, как всякая несправедливость, неизбежно связана с целым рядом несправедливостей и злых дел, нужных для охранения ее.

18-е сентября

Сущность жизни не в теле, а в сознании.

1

Несомненно справедливо, что если бы у меня не было костей и мускулов и других подобных вещей, то я не мог бы делать того, что я считаю справедливым, но было бы совершенно неверно утверждать, что причина того, что я делаю, есть кости и мускулы, а не любовь к благу. Говорить так значит не уметь различать причину от того, что неразрывно связан с

причиной. Большинство же людей, идущих ощупью, как в потемках, делают это и называют причиной то, что только сопутствует причине.

Сократ.

2

Объяснять жизнь человеческую не силою духа, а материальною силою или хотя совместным действием обеих этих сил только потому, что духовная жизнь не может проявляться без материальной поддержки тела (посредством пищи, питья и воздуха), столь же неправильно, сколь неправильно было бы объяснять движение паровоза не напором пара, а движением золотника, заведующего своевременным впусканием пара в цилиндр.

Действительно, пар не мог бы своевременно попадать из котла в цилиндр, если бы этим не заведывал золотник. Но ведь и золотник, в свою очередь, не мог бы двигаться, если бы это движение ему не передавалось от той самой ведущей оси, которая вращается вследствие напора того же пара. Таков же мнимо заколдованный круг, в который часто попадают люди, поверхностно обсуждающие отношение души к телу. Выхода из этого мнимо заколдованного круга очень часто или совсем не видят и впадают в дуализм, или же находят его в признании материи за единую основу жизни.

Федор Страхов.

3

Божественное живет в нас и не переставая стремится к своему началу.

Сенека.

4

Истинная разумная жизнь состоит в том, чтобы признавать причиной своих поступков духовное, не имеющее причины начало и этим началом руководиться в жизни.

Люди же, не признающие духовного начала, берут в руководство поступков причинную связь физическую, ту самую, которая так сложна; что мы никогда не можем знать ее, так как каждое следствие есть следствие следствия. И потому такие люди никогда не могут иметь твердых оснований для своих поступков.

5

Я называю духом в человеке то начало, которое имеет самостоятельную жизнь в самом себе и возбуждает человека к сознательной жизни.

Марк Аврелий.

6

Поняв разрушимость сотворенного, ты узришь вечно неизменное.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

7

Душа невидима, но она, только она, видит.

Талмуд.

8

Разумением жив человек. Никогда не приписывай свойства жизни телу -- сосуду, заключающему в себе эту внутреннюю силу. Вся оболочка человека жива лишь этой силой разумения; без нее она -- как челнок без ткача, перо без писца.

Марк Аврелий.

Духовное руководит телесным, а не наоборот. И потому, чтобы изменить свое состояние, человек должен работать над собой в области духовной, а не плотской.

19-е сентября

Нельзя ни взвесить, ни измерить того вреда, который производила и производит ложная вера.

Вера есть установление отношения человека к богу и миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения и своей деятельности. Какова же должна быть жизнь человека, если это отношение и вытекающее из него определение назначения ложны?

1

Как ни справедливо то, что религиозное неверие и презрение к божественному есть великое зло, суеверие есть еще худшее.

Плутарх.

2

Спросите у большинства христиан, в чем главное зло, от которого Христос освободил человечество, и они скажут: от ада, от вечного огня, от наказания в будущем. Они соответственно этому думают, что спасение -- это такое, что другой может совершить для них. Люди убегают от внешнего ада, когда в действительности носят в себе тот ад, которого дни должны больше всего бояться. Спасение, более всего нужное человеку, то, которое дает освобождение человеку, это -- спасение от зла в своей душе. Есть нечто много худшее внешнего наказания. Это -- состояние души, возмутившейся против бога, состояние души, одаренной божественной силой, но отдающей себя во власть животных похотей, -- души, которая, живя в виду бога, боится угрозы или гнева человека и предпочитает человеческую славу своему спокойному сознанию добродетели. Нет погибели хуже этой.

Вот этого-то состояния души, которое нераскаявшийся человек уносит с собой в могилу, вот этого-то надо бояться.

Спастись, в настоящем значении этого слова, значит поднять упавший дух, излечить больную душу, возвратить ей свободу мысли, совести, любви. Только в этом состоянии то спасение, которому учил Христос.

К такому спасению направлено все истинное учение христианства.

Ччаннинг.

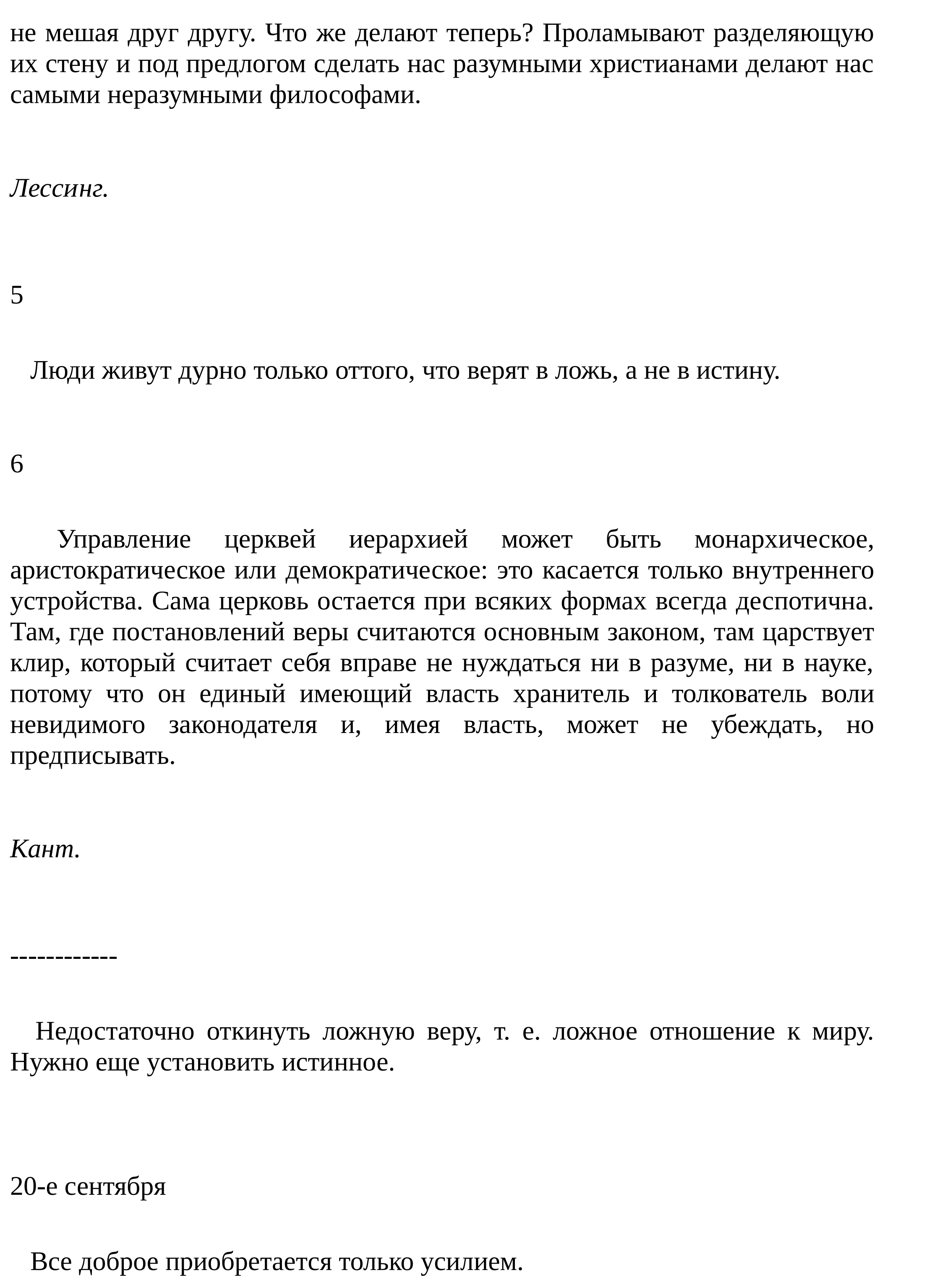
3

"Потерять душу" не значит быть обреченным к бесконечному церковному аду, но значит затеряться в чаще страстей и, заблудившись, вертеться в узком круге себялюбивых мыслей, как заблудшийся в лесу кружится на одном месте.

Из "Передовой мысли мира".

4

С церковностью были, благодаря бога, установлены определенные отношения. Между нею и философией была проведена разделяющая стена, так что церковность и философия могли идти каждая своим путем,

не мешая друг другу. Что же делают теперь? Проламывают разделяющую их стену и под предлогом сделать нас разумными христианами делают нас самыми неразумными философами.

Лессинг.

5

Люди живут дурно только оттого, что верят в ложь, а не в истину.

6

Управление церквей иерархией может быть монархическое, аристократическое или демократическое: это касается только внутреннего устройства. Сама церковь остается при всяких формах всегда деспотична. Там, где постановлений веры считаются основным законом, там царствует клир, который считает себя вправе не нуждаться ни в разуме, ни в науке, потому что он единый имеющий власть хранитель и толкователь воли невидимого законодателя и, имея власть, может не убеждать, но предписывать.

Кант.

Недостаточно откинуть ложную веру, т. е. ложное отношение к миру. Нужно еще установить истинное.

20-е сентября

Все доброе приобретается только усилием.

1

Если есть люди, которые не занимаются изучением, а если и занимаются им, то не успевают в нем, то пусть эти люди не отчаиваются и не останавливаются; если есть люди, которые не расспрашивают просвещенных людей про сомнительные вещи, которых они не знают, а если и расспрашивают, то не делаются от этого более просвещенными, -- пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не размышляют, а если и размышляют, то не могут приобрести ясного понимания смысла жизни, -- пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не отличают добра от зла, а если и отличают, то не имеют ясного представления об этом различии, -- пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не делают добра, или если и делают, не отдают ему всех своих сил, -- пусть они не отчаиваются; то, что другие сделали бы в один раз, они сделают в десять. То, что другие бы сделали в сто раз, они сделают в тысячу.

Тот, кто действительно будет следовать этому правилу постоянства, как бы он ни был невежественен, он непременно сделается просвещенным, и как бы он ни был слаб, непременно сделается сильным.

Китайская мудрость.

2

Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Мф. гл. 7, ст. 13-14.

3

Легко совершаются дурные дела, -- дела, несущие нам самим несчастья; то же, что благотворно и хорошо для нас, делается только с трудом и усилием.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

4

Никогда путь к доброму знанию не пролегает по шелковистой мураве, усеянной лилиями; всегда человеку приходится взбираться по голым скалам.

Джон Рёскин.

5

Искание истины совершается не с весельем, а с волнением и беспокойством; но все-таки надо искать ее, потому что, не найдя истины и не полюбив ее, ты погибнешь. Но, скажешь ты, если бы истина хотела, чтобы я искал ее и полюбил, то она сама открылась бы мне. Она и открывается тебе, но ты не обращаешь на это внимания. Ищи же истину, -- она этого хочет.

Паскаль.

6

Доброй жизнью может жить только тот, кто постоянно об этом думает.

Человек закричал бы от боли, если бы, не работая, почувствовал в мышцах ту боль, которую он, не замечая ее, испытывает при работе. Точно так же и человек не работающий духовную работу над своим внутренним миром, испытывает мучительную боль от тех невзгод, которые, не замечая их, переносит человек, полагающий главное дело жизни в нравственном совершенствовании.

21-е сентября

Самое легкое и мелкое проявление свободы человека состоит в выборе из нескольких безразличных поступков: пойти направо или налево или оставаться на месте. Более трудное и высокое проявление есть выбор между следованием влечению чувства или воздержанием от него. Самое важное и нужное проявление свободы -- это дать своей мысли то или другое направление.

1

Работай над очищением твоих мыслей. Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных поступков.

Конфуций.

2

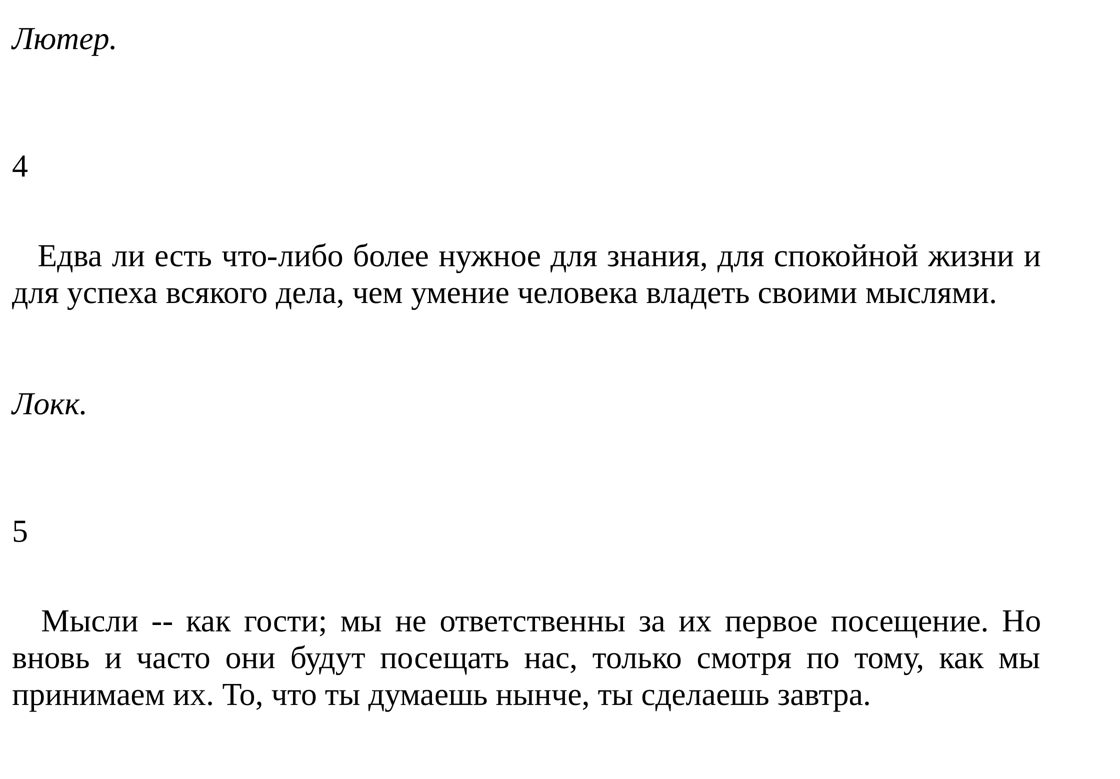
Старайся не думать о том, что ты считаешь дурным.

Эпиктет.

3

Все во власти Неба, кроме нашего желания служить богу или себе.

Нам нельзя мешать птицам пролетать над нашею головою, но мы властны не давать им на ней гнездиться. Точно так же нельзя нам воспрепятствовать дурным мыслям промелькать в голове нашей, но в нашей власти не давать им свить себе там гнездо, чтобы высиживать и выводить злые поступки.

Лютер.

4

Едва ли есть что-либо более нужное для знания, для спокойной жизни и для успеха всякого дела, чем умение человека владеть своими мыслями.

Локк.

5

Мысли -- как гости; мы не ответственны за их первое посещение. Но вновь и часто они будут посещать нас, только смотря по тому, как мы принимаем их. То, что ты думаешь нынче, ты сделаешь завтра.

6

"Он обидел меня, он восторжествовал надо мною, он поработил меня, он оскорбил меня", -- в сердце, встревоженном такими мыслями, никогда не угаснет ненависть.

"Он обидел меня, он восторжествовал надо мною, он поработил меня", -- кто не дает в себе убежища таким помыслам, тот навсегда заглушит в себе ненависть.

Ибо не ненавистью побеждается исходящее из ненависти: оно угашается любовью -- таков вечный закон.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

7

Когда определится взгляд на вещи, то будет приобретено знание; когда приобретено знание; то воля будет стремиться к правде; когда стремление

воли удовлетворено, то сердце сделается добрым.

Конфуций.

8

Блюди себя в мыслях, блюди в слове, охраняй от всего дурного свои действия. Соблюдая чистоту этих трех путей, ты вступишь на путь истины.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

9

Грех не только делать, но и думать дурное.

Зороастр.

Чувство возникает независимо от воли человека; но во власти человека мыслью одобрять или не одобрять чувство и потому поощрять или задерживать его.

22-е сентября

Человеку свойственна вера в бессмертие.

1

Каждый чувствует, что он не ничто, в известный момент вызванное к жизни кем-то другим. Отсюда его уверенность, что смерть может

положить конец его жизни, но отнюдь не его существованию.

Шопенгауэр.

2

Душа не живет в теле, как в доме, а живет в нем, как в временном прибежище.

Индийский Курал.

3

Сколько царств не знает нас! Вечное молчание этих бесконечных пространств ужасает меня. Когда я размышляю о краткости моей жизни среди предшествующей и последующей вечности, о ничтожности пространства, которое я занимаю, и даже того, которое вижу, -- пространства, пропадающего в бесконечной неизмеримости других пространств, которых я не знаю и которые меня не знают, то я прихожу в ужас и изумляюсь, почему я в одном, а не в другом месте; ибо нет никакого основания быть мне здесь, а не там, в настоящую минуту, а не раньше или позже. Кто меня поместил сюда? По чьему повелению и распоряжению мне назначено именно это место, именно это время?

Жизнь -- это воспоминание об одном мимолетном дне, проведенном в гостях.

Паскаль.

4

Смертные, нам не долго жить; нам даровано лишь несколько мгновений. Но душа наша не испытывает старости и будет жить вечно.

Фосиклид.

5

Мы из опыта видим, что многие люди, убежденные в существовании загробной жизни, тем не менее предаются порокам и совершают низкие поступки, придумывая средства, как бы хитрее избежать грозящих им в будущем последствий их поведения. И в то же время видим, что всякий истинно нравственный человек всегда знает в глубине души, что жизнь его не, кончается со смертью. Поэтому мне кажется более соответствующим человеческой природе обосновывать веру в будущую жизнь на чувствах благородной души и хорошей жизни, чем, наоборот, основывать хорошую, нравственную жизнь на надежде на возмездие в будущей жизни. Такова и есть в действительности истинная нравственная вера, простосердечие которой может возвыситься над разными хитросплетениями и мудрствованиями и которая одна только и подходит к каждому состоянию человека, потому что ведет его прямым, а не окольным путем к его истинным целям.

Кант.

6

Страх смерти происходит оттого, что люди принимают за жизнь одну маленькую, их же ложным представлением ограниченную часть ее.

7

Смерть есть разрушение телесных органов, посредством которых я воспринимаю мир, каким он представляется мне в этой жизни. Смерть есть разрушение того стекла, через которое я смотрел на мир. Но разрушение стекла никак не включает в себя уничтожение глаза.

Сознание нашего бессмертия -- это голос живущего в нас бога.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ МЕКСИКАНСКОГО ЦАРЯ

Все на земле имеет свой предел, и самые могущественные и радостные падают в своем величии и радости и повергаются и прах. Весь земной шар -- только большая могила, и нет ничего на его поверхности, что бы не скрылось в могиле под землею. Воды, реки и потоки стремятся к своему назначению и не возвращаются к своему счастливому источнику. Все спешат вперед, чтобы похоронить себя в глубине бесконечного океана.

Того, что было вчера, уже нет нынче; и того, что есть нынче, не будет уже завтра. Кладбище полно прахом тех, которые когда-то были одушевлены жизнью, были царями, управляли народами, председательствовали в собраниях, предводительствовали войсками, завоевывали новые страны, требовали себе поклонения, раздувались тщеславием, пышностью и властью.

Но слава прошла, как черный дым, выходящий из вулкана, и не оставила ничего, кроме упоминания на странице летописца.

Великие, мудрые, храбрые, прекрасные, -- увы! -- где они теперь? Все они смешаны с глиной, и то, что постигло их, постигнет и нас; постигнет и тех, которые будут после нас.

Но мужайтесь вы все -- и знаменитые начальники, и истинные друзья, и верные подданные, -- будем стремиться к тому небу, где все вечно и где нет ни гниения, ни уничтожения.

Темнота -- колыбель солнца, и для блеска звезд нужен мрак ночей.

Тетскуко Незагуал Копотль.

(Около 1460 года до Р. Хр.).

СМЕРТЬ СОКРАТА

[Из "Разговоров" Платона]

Вскоре после смерти Сократа один из учеников его, Эхекрат, встретившись с Федоном, другим учеником Сократа, присутствовавшим при смерти учителя, просил рассказать ему подробно все, что произошло в этот день, что говорили окружающие Сократа, что говорил и делал он сам и как умер.

И Федон рассказал следующее:

-- Мы и в этот день пришли, как обыкновенно приходили и в предшествующие дни, в здание суда, рядом с тюрьмою. Привратник, обыкновенно впускавший нас в тюрьму, вышел к нам и сказал, чтобы мы подождали немного, так как теперь у Сократа судьи: они снимают с него оковы и объявляют ему повеление нынче же выпить яд. Прошло, немного времени, и привратник вышел к нами сказал, что мы можем войти. Когда мы вошли, у Сократа была его жена Ксантиппа, с ребенком на руках. Она сидела рядом с ним на его кровати.

Как только Ксантиппа увидала нас, она стала плакать и приговаривать жалостные речи, которые обыкновенно говорят женщины в таких случаях: "Вот друзья твои последний раз будут говорить с тобой и ты с ними" и т. п.

Сократ старался успокоить ее и просил на время оставить нас одних с ним. Когда Ксантиппа ушла, Сократ, согнув ногу, стал потирать ее рукой и, обращаясь к нам, сказал: "Вот, друзья мои, удивительная вещь, как удовольствие связано с страданием! Мне было больно от оков, а теперь, когда их сняли, я испытываю особенное удовольствие. Вероятно, боги, желая примирить две противоположности -- страдание и удовольствие, связали их цепью, так что нельзя испытать одно без другого". Сократ хотел еще сказать что-то, но, заметив, что Критон тихо разговаривает с кем-то за дверью, спросил, о чем он говорит.

-- А вот тот, который должен дать тебе яд, -- сказал Критон, -- говорит, что тебе надо говорить как можно меньше. Он говорит, что те, которые разговаривают перед принятием яда, разгорячаются, а тогда яд слабо действует, и приходится пить вдвое и втрое больше.

-- Ну что ж, -- сказал Сократ, -- выпьем и вдвое и втрое, если понадобится, а я думаю, что мне не надо упускать случая поговорить с вами именно теперь и показать, что человек, в продолжение своей жизни стремившийся к мудрости, не только не огорчается, но радуется приближению смерти.

-- Как же ты можешь радоваться тому, что ты оставляешь нас? -- сказал один, из нас.

-- Правда, -- сказал Сократ, -- что это кажется нехорошим с моей стороны, но если вы вникнете в мое положение, то вы, наверно, поймете, что человек, всю жизнь стремившийся к покорению своих страстей, в чем препятствовало ему его тело, не может не радоваться освобождению своему от него. А смерть ведь есть только освобождение. Ведь то

совершенствование, о котором мы не раз говорили, состоит в том, чтобы отделить, насколько возможно, душу от тела и приучить ее собираться и сосредоточиваться вне тела в себе самой; смерть же дает это самое освобождение. Так разве не было бы странно, что человек всю жизнь готовится жить так, чтобы быть как можно ближе к смертному бытию, а когда приближение это готово совершиться, недоволен им. И потому, как мне ни жалко расставаться с вами и опечалить вас, я не могу не приветствовать смерть, как осуществление того, чего я достигал в продолжение жизни. Так вот вам, друзья, моя защита в том, что я не печалюсь, оставляя вас. Рад буду, если эта моя защита будет убедительнее той, которую я произнес на суде, -- сказал он улыбаясь.

-- Но для того чтобы это было так, -- сказал на это Кевис, -- надо быть уверенным, что душа, выходя из тела, не разрушается и не погибает, как какой-нибудь пар или дым: хорошо бы было верить или знать, что это так. Но беда в том, что нельзя быть в этом уверенным.

-- Это правда, -- сказал Сократ. -- Нельзя быть вполне уверенным, но есть большое вероятие, что это так. Предание говорит, что души умерших людей идут в ад и продолжают там существовать до тех пор, пока не возвращаются вновь в мир и вновь рождаются из умерших? Можно верить и не верить преданию, но есть большое вероятие того, что люди рождаются из умерших, потому что не только люди, но все животные, растения -- все возрождается из умершего. А если это так, то жизнь не может бояться смерти и смерть есть только возрождение к новой жизни. Подтверждается это еще тем, что все мы, живя в этом мире, носим в себе как бы воспоминания о прежней жизни души. А воспоминаний не могло бы быть, если бы душа не жила прежде этой жизни. Так что, хотя тело человека и смертно, душа с своей способностью знания, воспоминания не может умереть вместе с телом. Но мало того, что все наши знания представляют только воспоминания о прежней жизни души, главное доказательство присутствия в нас независимой от тела и неумирающей души -- то, что душе нашей не только свойственны вечные идеи красоты, добра, справедливости, истины, но идеи эти составляют самую сущность нашей души. А так как идеи эти не подлежат смерти, то также не подлежит смерти и наша душа.

Сократ кончил, и мы все молчали, только Кебес и Симлий что-то тихо говорили между собой.

-- О чем это вы говорите? -- спросил Сократ. -- Если вы говорите о том, о чем сейчас говорили, то скажите, что вы думаете. Если вы не согласны или знаете лучшее объяснение, то скажите прямо.

-- Я скажу правду, -- сказал Симлий: -- я не совсем согласен с тем, что ты сказал, и желаю спросить тебя, но боюсь вопросом сделать тебе в твоем положении неприятное.

-- Как, однако, трудно, -- сказал Сократ, улыбаясь, -- убедить людей в том, что я не считаю за несчастье то, что со мной случилось. Если я не могу убедить даже вас, то как же убедить других людей? Напрасно ты думаешь, что я теперь нахожусь в ином расположении духа, чем обыкновенно. Скажи же, в чем твое сомнение?

-- Если так, -- сказал Симлий, -- то я прямо скажу то, в чем сомневаюсь. Мне кажется, Сократ, что то, что ты сказал о душе, не вполне доказано.

-- В чем? -- спросил Сократ.

-- В том, -- сказал Симлий, -- что то, что ты сказал о душе, можно сказать о строе лиры. Можно сказать, что хотя лира сама по себе с своими струнами есть нечто телесное, земное и преходящее, но строй лиры и звуки, которые она издает, представляют нечто бестелесное и не подлежащее смерти, и что поэтому если лира и сломается и струны ее порвутся, то все-таки тот строй и те звуки, которые она производила, не могут умереть и непременно остаются где-нибудь и после разрушения лиры. А между тем мы знаем, что как гармония лиры есть следствие сочетания в известном напряжении натянутых струн, так и наша душа есть соединение и взаимодействие находящихся в известном отношении различных элементов тела, и что поэтому, как гармония лиры уничтожается с разрушением составных частей ее, так и душа уничтожается вследствие нарушения отношений, составляющих наше тело; нарушения же эти совершаются вследствие разных болезней или чрезмерного ослабления или напряжения составных частей тела.

Когда Симлий кончил, у всех нас явилось неприятное чувство, как мы после сообщили друг другу. Едва только мы уверились словами Сократа в бессмертии души, как сильные доводы противного опять смутили нас и породили недоверие не только к тому, что было, но, как нам показалось, и всему, что могло быть сказано по этому предмету.

Я часто удивлялся Сократу, но никогда более, как в этот раз. Что он не затруднился ответом, тут нет еще ничего удивительного, но я больше всего удивлялся тому добродушию и спокойствию, с которыми он благосклонно и одобрительно выслушал речь Симлия, и тому, как он потом, подметив впечатление, произведенное на нас этой речью, искусно помог нам выйти из сомнения.

Я в это время сидел по правой стороне его, у его кровати, на низком стуле, а он, сидя на кровати, был выше меня. Он имел привычку играть моими волосами. Так и теперь, погладив рукой мою голову и сжав мои волосы на затылке, он сказал:

-- Завтра, Федон, ты обстрижешь эти прекрасные волосы.

-- Да, -- сказал я.

-- Но погоди остригать их, а сделай, как я.

-- Что же? -- спросил я.

-- А вот что. Обещаем остричь волосы ты свои завтра, а я свои сегодня же, но только если не сумеем защитить свои доводы.

Я шутя сказал, что я согласен, и тогда Сократ обратился к Симлию.

-- Хорошо, Симлий, -- сказал он. -- Душа подобна гармонии. И как гармония возникает при правильном отношении лиры и струн, так же и душа возникает от известного отношения элементов тела. А если это так-то, как согласить это с тем, что мы только что говорили, и с чем ты был согласен, что все знания наши суть воспоминания того, что мы знали в предшествовавших существованиях. Если же душа существовала прежде, чем то тело, в котором она теперь находится, то как же может она быть последствием известного соотношения частей тела. Так что, если мы признаем то, что все наши знаний суть воспоминания прежних существований, то мы должны признать и то, что душа наша имеет существование независимое от условий, в которых находится тело. Кроме того, различие между гармонией и душой еще и то, что гармония не сознает сама себя, душа же сознает свою жизнь и не только сознает, но и управляет ею. Гармония не может изменить положение лиры и зависит от него, душа же независима от тела и может совершенно изменить его состояние. Так, например, сейчас всё элементы моего тела находятся в правильном, таком же, как и вчера, соотношении, а между тем моя душа решила то, что нарушит очень скоро это правильное Отношение элементов, потому что, как вы знаете, если бы я согласился с предложением Критона бежать из тюрьмы, то я бы был теперь далеко отсюда, а не сидел бы здесь, беседуя с вами в ожидании казни. Не согласился же я на предложение Критона потому, что счел более справедливым подчиниться решению республики, чем уклониться от него.

Так что выходит то, что гармония приговорила лиру к разрушению, т. е. что есть во мне нечто такое, что сознает свое неумирающее начало.

И потому, хотя я и не могу с полной очевидностью доказать этого, сознавая в себе начало разумное и свободное, превышающее телесную оболочку, в которой оно находится, я не могу не верить в то, что душа моя бессмертна.

Если же душа бессмертна, -- продолжал Сократ, -- то мы обязаны заботиться о ней не только для этой жизни, но и для той, в которую она переходит при смерти тела.

Потому что если душа бессмертна и уносит с собой в другие жизни то, что приобрела здесь, то как же не стараться сделать ее сколь возможно более хорошей и мудрой!

И, помолчав немного, он прибавил:

-- Однако, друзья мои, мне кажется, уже пора заняться омовением, потому что лучше выпить яд обмытому, чтобы не доставлять женщинам труд обмывать мертвое тело.

Когда он сказал это, Критон спросил его, что он поручает нам исполнить относительно его детей.

-- То, что я всегда говорил, Критон, -- сказал он, -- ничего нового. Заботясь о самих себе, о своей душе, вы сделаете самое лучшее и для меня, и для моих сыновей, и для вас самих, хотя бы и не обещались мне этого.

-- Мы постараемся поступать так, -- ответил Критон. -- Но как похоронить тебя?

-- Как хотите, -- ответил он и, улыбнувшись, прибавил: -- Я все-таки, друзья мои, не могу убедить Критона в том, что Сократ -- это только тот я, который сейчас беседует с вами, а не тот, кого он через несколько времени увидит неподвижным и холодным.

Сказавши это, он встал и пошел в комнату, чтобы омыться. Критон пошел за ним, и нам же он приказал ожидать. Итак, мы ожидали, разговаривая между собой о том, что было говорено, и о том несчастии, которое постигло нас, лишая нас друга, учителя и руководителя.

Когда Сократ окончил омовение и к нему были приведены его дети -- у него было два маленьких сына и один взрослый -- и когда вошли его домашние женщины, он, поговоривши с ними, выслал женщин и детей и опять вышел к нам. Уже было близко к солнечному закату, когда Сократ вышел к нам. Скоро после него вошел служитель одиннадцати и, подошедши к Сократу, сказал:

-- Сократ, ты, конечно, не будешь обвинять меня, раздражаться и бранить меня, как раздражаются и бранят меня приговоренные, когда я по приказанию одиннадцати требую, чтобы они выпили яд. Я узнал тебя за это время и считаю тебя человеком самым благородным, кротким и лучшим из всех тех, которые входили сюда, а потому надеюсь, что и теперь ты негодуешь не против меня, -- потому что ты знаешь виновников дела, а против них. Я пришел объявить тебе, что время пить яд, -- прощай и старайся перенести как можно легче то, что неизбежно.

Сказав это, служитель заплакал, -- отвернулся в сторону и вышел.

-- И ты прощай, -- сказал Сократ, -- мы же сделаем свое дело. -- А затем, обратившись к нам, прибавил: -- Какой хороший человек. За это время он навещал меня, беседовал со мною, и я узнал в нем очень хорошего человека. И теперь как трогательно он жалеет меня. Ну, Критон, исполним же его требование, пусть мне принесут яд, если он готов.

-- Я думаю, Сократ, -- возразил Критон, -- что солнце еще высоко, да кроме того, многие принимают яд только очень поздно, а весь вечер пиршествуют, некоторые же даже наслаждаются и удовольствиями любви. Спешить незачем. Есть еще время.

-- Те, о которых ты говоришь, любезный Критон, -- сказал Сократ, -- имели основание поступать так, как поступали, думая, вероятно, что это

хорошо для них, я же думаю иначе. Я думаю, что выпивши яд немного позже, я не выиграю ничего, кроме того, что сделаюсь, смешным в собственных глазах. Поди и вели принести яд.

Критон, выслушав это, сделал знак стоявшему за дверью слуге. Слуга вышел и скоро возвратился, ведя с собой человека, который должен был дать Сократу яд.

-- Тебе знакомы эти вещи, -- сказал ему Сократ,-- научи, что нужно делать.

-- Нужно только, -- ответил тот, -- выпивши, ходить до тех пор, пока не отяжелеют ноги, когда же отяжелеют, то лечь, и яд сделает свое дело.

Сказав это, он подал Сократу чашу. Сократ взял ее и с веселым видом, без малейшего страха, нисколько не изменившись ни в лице, ни во взоре, но, взглянув, по своему обычаю, пристально на тюремщика, спросил:

-- Что ты думаешь относительно возлияния из этого питья в честь какого-нибудь божества: можно или нет?

-- Мы приготовили, Сократ, столько, -- ответил тот, -- сколько считали необходимым.

-- Хорошо, -- сказал Сократ. -- Но все-таки должно помолиться богам о том, чтобы переселение мое отсюда туда совершилось благополучно: об этом я и молюсь теперь.

Сказавши это, он поднес чашу ко рту и, не отрываясь, без страха и колебания, выпил все, что в ней было. До этой минуты мы удерживались и не плакали, но когда увидели, что он пьет и уже выпил, то не могли долее удерживаться: у меня против воли полились слезы; закутав голову в плащ, я плакал о себе самом: не его, а свое собственное несчастье оплакивал я, теряя в нем такого друга. Критон, который еще раньше меня не мог удержать своих слез, вышел. Аполлодор и прежде не переставал плакать, теперь же разразился рыданиями.

-- Что вы делаете, удивительные вы люди? -- сказал Сократ. -- Я выслал женщин, чтобы они не сделали чего-нибудь подобного. Умирать должно в благоговейном молчании. Успокойтесь и будьте мужественны.

Сделав над собою усилие, мы перестали плакать. А он походил молча несколько времени, подошел к кровати и, сказав, что у него тяжелеют ноги, лег на спину так, как ему советовал лечь служитель, принесший яд. Он лежал неподвижно; служитель же время от времени трогал его ноги и голени. Сжав ему одну ногу, служитель спросил, чувствует ли он? Сократ отвечал: "нет". Потом он снова, нажимая руки на голени и ляжки, показывал нам, что Сократ холодеет и коченеет.

-- Как только холод дойдет до сердца, -- сказал он, -- тогда конец.

Холод доходил уже до нижней части живота, когда Сократ, вдруг раскрывшись -- потому что он был накрыт, -- сказал свое последнее слово:

-- Не забудьте принести Асклепию в жертву петуха.

Очевидно, он хотел сказать этим то, что он благодарен богу врачебной науки, который посредством изобретенного им средства излечил его от жизни.

-- Исполним, -- ответил Критон. -- Но не имеешь ли ты еще чего-нибудь сказать?

На этот вопрос Сократ уже ничего не ответил, а спустя немного времени сделал судорожное движение, после чего служитель раскрыл его. Взор его уже был неподвижен. Критон подошел к нему и опустил ему веки на открытые, остановившиеся глаза.

23-е сентября

Как бы велико ни казалось знание людей в сравнении с прежним незнанием, оно всегда только бесконечно малая часть всего возможного знания.

1

Сократ не имел столь обычной для ученых слабости толковать о всем существующем, отыскивать происхождение того, что софисты называют природой, и восходить до основных причин, от которых произошли небесные тела. "Неужели, -- говорил он, -- люди так много занимаются тем, что так мало касается человека потому, что считают, что постигли все то, что важно человеку знать; или думают они, что можно пренебрегать теми вещами, которые подлежат нашему изучению, а углубляться в те тайны, которые не подлежат ему". В особенности удивлялся он слепоте тех ложных ученых, которые не понимают того, что человеческий ум не может проникнуть в эти тайны. "Потому-то, -- говорил он, -- все эти люди, воображающие, что смеют толковать о них, далеко не сходятся в своих основных мнениях, и когда послушаешь их всех вместе, то кажется, что находишься среди сумасшедших. И действительно, какие отличительные признаки несчастных, одержимых безумием? Они боятся того, в чем нет ничего страшного, и не страшатся того, что действительно опасно".

Ксенофонт.

2

Странно думать, что науки могут когда-нибудь быть враждебны религии. Науки, если они тщеславны, становятся враждебны не только религии, но и истине; истинная же наука не только не враждебна религии, но всегда содействует ей.

Джон Рёскин.

3

Лучше бы не родиться тому, кто надеется приподнять завесу с того, что выше и ниже нас, что было раньше и что будет после.

Талмуд.

4

Знание бесконечно, и человек, самый ученый по мнению людей, так же далек от истинного знания, как и безграмотный крестьянин.

Джон Рёскин.

5

Мы не можем представить себе наше невежество иначе, только с помощью науки, так же как слепой не может представить себе тьмы, пока он не прозреет.

Кант.

Лучше знать меньше, чем можно, чем знать больше, чем нужно. Не бойся незнания, бойся лишнего, обременяющего только для тщеславия приобретенного знания.

24-е сентября

Извинительно бы было не оставлять мясоедения, если бы оно было необходимо и оправдывалось какими бы то ни было соображениями. Но этого нет. Это просто дурное дело, не имеющее в наше время никакого оправдания.

1

Какая борьба за существование или какое неудержимое безумие понудило вас обагрить ваши руки кровью, чтобы питаться мясом животных? Зачем вы, пользующиеся всем необходимым и всеми удобствами существования, делаете это? Зачем клевещете вы на землю, как будто она не в состоянии без мяса животных питать вас?

Плутарх.

2

Если бы мы не были так слепо подчинены поработившему нас обычаю, то никто из сколько-нибудь чутких людей не мог бы помириться с мыслью, что для нашего прокормления приходится ежедневно убивать такое множество животных, несмотря на то, что благодетельная земля наделяет нас самыми разнообразными растительными сокровищами.

Бернар де-Мандевиль.

3

Вы спрашиваете меня, на каком основании Пифагор воздерживался от употребления мяса животных? Я, с своей стороны, не понимаю, какого рода чувство, мысль или причина руководила тем человеком, который впервые решился осквернить свой рот кровью и позволил своим губам прикоснуться к мясу убитого существа. Я удивляюсь тому, кто допустил на своем столе искаженные формы мертвых тел и потребовал для своего ежедневного питания то, что еще так недавно представляло собою существа, одаренные движением, пониманием и голосом.

Плутарх.

4

Извинением для тех жалких существ, которые первые прибегли к мясоедению, может служить полное отсутствие и недостаток средств для жизни, так как они (первобытные народы) приобрели кровожадные привычки не из потворства своим прихотям и не для того, чтобы предаться ненормальному сластолюбию среди избытка всего необходимого, а из нужды. Но какое может быть оправдание нам в наше время?

По Плутарху.

5

Как на одно из доказательств того, что мясная пища несвойственна человеку, можно указать на равнодушие к ней детей и на предпочтение, которое они всегда оказывают овощам, молочным блюдам, печеньям, фруктам и т. п.

Руссо.

6

Баран гораздо менее предназначен для человека, чем человек для тигра, так как тигр -- животное плотоядное, а человек не создан таковым.

Ритсон.

Большая разница между человеком, не имеющим другой пищи, кроме мяса, или таким, который ничего не слыхал о грехе мясоедения и наивно верит в Библию, разрешающую поедание животных, и всяким грамотным человеком нашего времени, живущим в стране, где есть овощи и молоко, который знает все то, что высказано учителями человечества против мясоедения. Такой человек совершает великий грех, продолжая, делать то, что уже не может не признавать дурным.

25-е сентября

Труд не есть добродетель, но неизбежное условие добродетельной жизни.

1

Помните всегда великую и неизменную истину, что то, что вы имеете, не может иметь никто другой и что каждая частица любого вещества, которым вы пользуетесь или которое вы потребляете, представляет собою частицу человеческой жизни.

Джон Рёскин.

2

Бывает труд ненужный, суетливый, нетерпеливый, раздраженный, мешающий другим и обращающий на себя внимание. Такой труд гораздо хуже праздности. Настоящий труд -- всегда тихий, равномерный, незаметный.

3

То, что можешь сделать сам, не налагай на другого. Всякий пусть метет перед своей дверью. А если каждый будет делать это, вся улица будет чиста.

4

Есть только три пути, какими человек может приобретать богатство: путем труда, путем выпрашивания и путем кражи. И если трудящиеся получают так мало, то только потому, что слишком много приходится на долю нищих и воров.

Генри Джордж.

5

Если человек, живя один, уволит себя от обязанности борьбы с природою, он тотчас же казнится тем, что тело его погибает. Если же человек уволит себя от этой обязанности, заставляя других людей исполнять ее, то он тотчас же казнится тем, что свойственное человеку движение совершенствования останавливается.

6

Мало того, что вы трудолюбивы! Над чем вы трудитесь?

Торо.

7

Если есть человек праздный, то есть другой человек -- трудящийся через силу. Если есть человек пресыщенный, то есть другой -- голодный.

Большая часть занятий праздных людей, считаемых ими трудами, есть забава, не только облегчающая труд других, но накладывающая на них новые труды. Таковы все роскошные забавы:

26-е сентября

Закон нравственный одинаково ясно выражен и истинной мудростью и истинной верой.

1

Не требуется исключительного глубокомыслия, чтобы понять, что надо сделать, чтобы воля была доброй. Неопытный в понимании мирового целого, неспособный разобраться, дать отчет во всех событиях, совершающихся в нем, -- я спрашиваю себя только об одном: согласен ли я, чтобы побуждения, которыми я руковожусь в поступках, стали обязательным законом для всех. Если годны, и негодны не только вследствие вреда, который может приключиться от них мне или другим, но потому, что они непригодны для того, чтобы стать основой законов, обязательных для всех; а между тем разум заставляет меня непосредственно уважать такие законы; хотя я еще и не понимаю, на чем основано это уважение, но понимаю то, что уважаю я в этих законах нечто

такое, что по своей ценности далеко превосходит все подсказываемое мне склонностями и что поступать из одного только уважения к нравственному закону есть такой долг, перед которым должно отступить всякое другое побуждение.

Кант.

2

И один из них, законник, искушая его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Мф. гл. 22, ст. 35--40.

3

Весь мир подчинен одному закону, и во всех разумных существах единый разум. И потому для разумных людей понятие о совершенстве одно.

Марк Аврелий.

4

Помни, что есть бог, который хочет не хвалы или славы от людей, созданных им по подобию своему, а того, чтобы они, руководясь данным им разумением, поступками своими уподоблялись ему. Ведь смоковница верна своему делу, собака, пчела также. А человек неужели не исполнит

своего призвания. Но эти великие, святые истины меркнут в памяти твоей; суета ежедневной жизни, неразумный страх, немощь духа, и привычка быть рабом заглушают его.

Марк Аврелий.

5

Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне.

Кант.

6

Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

Мф. гл. 7, ст. 12.

Нравственный закон так ясен, что людям нельзя отговариваться незнанием закона. Им остается одно: отрекаться от разума; они это и делают.

27-е сентября

Осуждение ближнего есть забава, от которой людям, не понимающим

всего вреда этой забавы, трудно удержаться. Понимая же весь вред осуждения, грешно не воздерживаться от него только из-за забавы.

1

По тем мыслям, которые человек высказывает, нельзя судить о том, как он поступал бы на деле. Также и наоборот: по делам человека очень трудно судить о том, ради чего он так поступает, какие у него в голове мысли, а в душе побуждения. Если я вижу, что человек без устали хлопочет, читает, пишет или работает с утра до ночи, или даже просиживает за своей работой целые ночи напролет, то я еще не скажу, что человек этот любит трудиться, или трудится ради пользы людей, если я не знаю, зачем он все это делает. Ведь никто не скажет про человека, который по целым ночам кутит с распутными женщинами, что он полезен или что он любит трудиться. И не только скверные, но как будто и прекрасные дела часто делаются ради скверных целей, например из-за денег или ради славы; и нельзя сказать про человека, поступающего так, что он трудолюбив и полезен, как бы неутомимо он ни работал и какие бы громкие дела ни совершал. Я скажу про человека, что он любит труд и полезен людям, только тогда, когда узнаю, что он трудится для души своей -- для бога.

Но чужая душа потемки. Как же я узнаю внутренние побуждения человека, известные только ему самому?

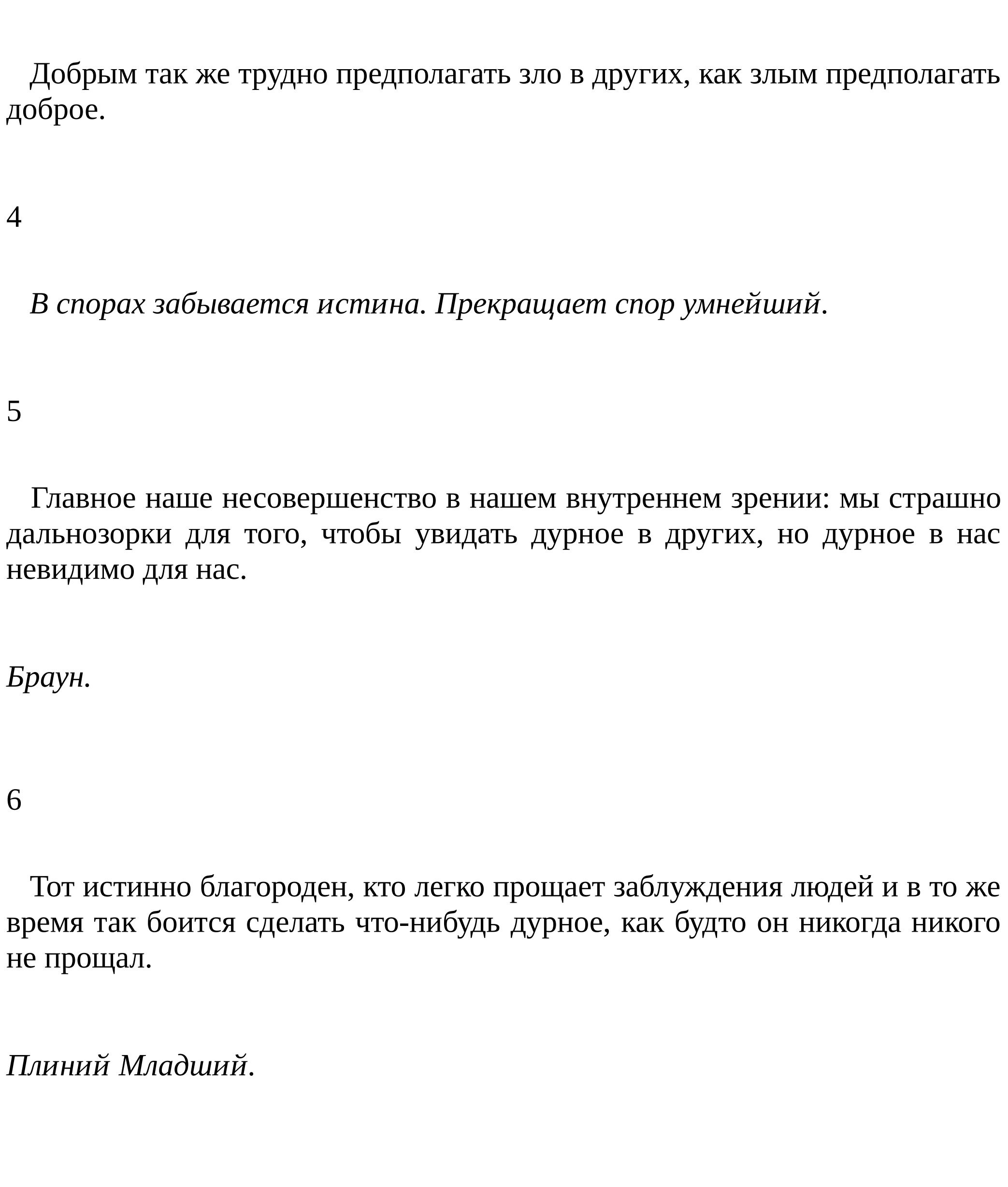
И выходит, что человек не может судить человека, т. е. осуждать или оправдывать его, ни хвалить, ни порицать.

Эпиктет.

2

Желая судить меня, будьте не со мной, а во мне.

Мицкевич.

3

Добрым так же трудно предполагать зло в других, как злым предполагать доброе.

4

В спорах забывается истина. Прекращает спор умнейший.

5

Главное наше несовершенство в нашем внутреннем зрении: мы страшно дальнозорки для того, чтобы увидать дурное в других, но дурное в нас невидимо для нас.

Браун.

6

Тот истинно благороден, кто легко прощает заблуждения людей и в то же время так боится сделать что-нибудь дурное, как будто он никогда никого не прощал.

Плиний Младший.

Как только начинаешь судить человека, помни о том, чтобы не сказать про него дурного даже и тогда, когда ты наверно знаешь про это дурное, а тем более когда ты не знаешь, а повторяешь только чужие слова.

28-е сентября

Большая часть поступков людей совершается не по рассуждению, даже не по чувству, а по бессознательному подражанию, по внушению.

1

Поступки, совершаемые по внушению, могут быть добрые и злые. Только поступки, совершенные сознательно по требованиям совести, не могут быть дурным. А между тем на тысячи поступков, совершаемых нами по внушению, едва ли найдется один, совершаемый сознательно.

2

Просвещение есть выход человека из своего, им же самим поддерживаемого ребячества. Ребячество состоит в его неспособности пользоваться своим разумом без руководства другого. И ребячество это поддерживается самим же человеком, когда причина его лежит не в недостатке разума, но в недостатке решительности и мужества пользоваться им без руководства другого.

Кант.

3

Имей мужество пользоваться собственным разумом. Это руководящее правило для просвещения.

Кант.

4

Если бы человек из всех голосов, говорящих в его душе, мог бы безошибочно узнавать голос своего истинного, вечного я, он никогда бы не ошибался, не делал зла. Для этого-то и нужно знать самого себя.

5

Посмотрите внимательно на причины невежества народных масс, и вы увидите, что главная причина никак не в недостатке школ и библиотек, как мы привыкли думать, а в тех суевериях, которые внушаются им и, не переставая, поддерживаются в них всеми средствами внушения теми людьми, которым выгодны эти суеверия.

6

Истинное просвещение распространяется только примером нравственной жизни. Вся же мнимо просветительная деятельность, школ, книг, газет, театров и т. п. не только не имеет ничего общего с просвещением, но большею частью прямо противоположна ему.

Всякий раз, когда чувствуете, что готовы поступить не по рассуждению и не по внутреннему своему побуждению, а по внешнему, чужому воздействию, остановитесь и подумайте, хорошо или дурно то внушение, которое влечет вас.

29-е сентября

Кроме всех бедствий и ужасов войны, одно из величайших зол ее -- это извращение умом существует войско, военные издержки, надо объяснить это. Разумно объяснить нельзя, и потому извращается разум.

1

Вот что говорит в сказке Вольтера выставляемое им лицо Микромегас, существо с другой планеты, разговаривающий с людьми:

-- О вы, разумные атомы, в которых вечное существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так, мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ.

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что за исключением малого числа мало уважаемых деятелей все остальное населению состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

-- В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, -- сказал он. -- Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведётся с незапамятных времен по всей земле.

-- Из-за чего же ссорятся маленькие животные? -- Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной вашу пятку, -- отвечал философ, -- и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой никогда не видал этого кисочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

-- Несчастные, -- вскрикнул житель планеты Сириуса. -- Можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

-- Не трудитесь делать это, -- отвечали ему. -- Они сами забоятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это бога.

Вольтер.

2

Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня, потому что он живет на той стороне реки и что его

государь в ссоре с моим, хотя я и не ссорился с ним?

Паскаль.

3

Придет время, когда народы поймут безумие войны.

Четыре века тому назад жители Пизы и Лукки были разделены между собой такой жестокой ненавистью, что она казалась вечной и что самый ничтожный носильщик Пизы считал бы постыдной изменой воспользоваться чем-нибудь от самого первого гражданина Лукки. И что же осталось теперь от этой ненависти? Что останется от нелепой ненависти пруссака к французу? Можно быть смело уверенным, что эти чувства покажутся нашим потомкам, как ненависть афинян к спартанцам или жителей Пизы к жителям Лукки. Люди поймут, что у них есть более нужные дела, чем нападение друг на друга; что их общие враги -- это нищета, невежество, болезни; и что усилия их должны быть направлены против этих ужасных бедствии, а не против своих сотоварищей в несчастии.

Шарль Рише.

4

Различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века. Весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по воине. Европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 19 миллионов в военное время. Две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержание армий сухопутных и морских.

Молинари.

5

Если бы путешественник увидал на каком-нибудь отдаленном острове людей, дома которых были бы обставлены заряженными орудиями и вокруг этих домов ходили бы днем и ночью часовые, он не мог бы не подумать, что на острове живут одни разбойники. Разве не то же с европейскими государствами?

Как же мало влияния имеет на людей религия, или как мы еще далеки от истинной религии!

Лихтенберг.

Не пытайся ни оправдывать, ни отрицать войны и существования военного сословия: всякое приложение разумных доводов к делу явно дурному может только извратить ум и сердце.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЗА ЧТО?

I

В 1830 году весною к пану Ячевскому в его родовое имение Рожанку приехал единственный сын его умершего друга молодой Иосиф Мигурский. Ячевский был 65-летний широколобый, широкоплечий, широкогрудый старик, с длинными белыми усами на кирпично-красном лице, патриот времен второго раздела Польши. Он юношей вместе с Мигурским-отцом служил под знаменами Костюшки и всеми силами своей патриотической души ненавидел апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину II и изменника, мерзкого ее любовника Понятовского, и также верил в восстановление Речи Посполитой, как верил ночью, что к утру опять взойдет солнце. В 12-м году он командовал полком в войсках Наполеона, которого он обожал. Погибель Наполеона огорчила его, но он не отчаивался в восстановлении хотя и искалеченного,

но все-таки царства Польского. Открытие сейма в Варшаве Александром I оживило его надежды, но священный союз, реакция во всей Европе, самодурство Константина отдаляло осуществление заветного желания. С 25-го года Ячевский поселился в деревне и безвыездно жил в своей Рожанке, занимая время хозяйством, охотой и чтением газет и писем, посредством которых он все-таки горячо следил за политическими событиями в своем отечестве. Он был женат вторым браком на бедной красивой шляхтенке, и брак этот был несчастлив. Он не любил и не уважал этой своей второй жены, тяготился ею, дурно, грубо обращался с нею, как будто вымещая на ней свою ошибку второго брака. Детей от второй жены не было. От первой же жены было две дочери: старшая, Ванда, величавая красавица, знавшая цену своей красоты и скучавшая в деревне, и меньшая, Альбина, любимица отца, живая, костлявая девочка, с вьющимися белокурыми волосами и широко, как у отца, расставленными большими блестящими голубыми глазами.

Альбине было 15 лет, когда приехал Иосиф Мигурский. Мигурский и прежде студентом бывал у Ячевских в Вильно, где они жили по зимам, и ухаживал за Вандой, теперь же в первый раз уже вполне взрослым, свободным человеком приехал к ним в деревню. Приезд молодого Мигурского был приятен всем жителям Рожанки. Старику Иозё Мигурский был приятен тем, что напоминал ему друга, его отца, в то время, как они оба были молоды, и еще тем, что с жаром и самыми розовыми надеждами рассказывал о революционном брожении не только в Польше, но и за границей, откуда он только что приехал. Пани Ячевской Мигурскии был приятен тем, что при гостях старик Ячевский сдерживался и не бранил ее за все, как обыкновенно. Ванде он был приятен потому, что она была уверена, что Мигурскии приехал для нее и намеревается ей сделать предложение: она готовилась дать ему согласие, но намеревалась, как она сама с собой говорила: lui tenir la dragee haute (1). Альбина была рада тому, что все были рады. Не одна Ванда была уверена в том, что Мигурскии приехал с намерением сделать ей предложение. Это думали все в доме -- от старика Ячевского до няни Лудвики, хотя никто и не говорил этого.

И это была правда. Мигурскии приехал с этим намерением, но, пробыв неделю, он, чем-то смущенный и расстроенный, уехал, не сделав предложения. Все были удивлены этим неожиданным отъездом, и никто, кроме Альбины, не понимал его причины.

(1) [дорого продать свою свободу].

Альбина знала, что причиной этого странного отъезда была она. Во все время пребывания его в Рожанке она замечала, что Мигурский был

особенно возбужден и весел только с нею. Он обращался с ней, как с ребенком, шутил с ней, дразнил ее, но она женским чутьем чуяла, что в этом обращении его с нею было не отношение взрослого к ребенку, а мужчины к женщине. Она видела это в том любующемся взгляде и ласковой улыбке, с которыми он встречал ее, когда она входила в комнату, и провожал, когда она выходила. Она не отдавала себе ясного отчета о том, что такое это было, но это его отношение к ней веселило ее, и она невольно старалась делать то, что нравилось ему. Нравилось же ему все, что она бы ни делала. И потому она в его присутствии с особенным возбуждением делала все, что делала. Ему нравилось, как она наперегонки бегала с прекрасным хортым (борзая собака), прыгавшим на неё и лизавшим ее в раскрасневшееся сияющее лицо; нравилось, как она при малейшем поводе заливалась заразительно звонким смехом; нравилось, как она, продолжая весело смеяться глазами, принимала серьезный вид при скучной проповеди ксендза; нравилось, как с необыкновенной верностью и комизмом представляла то старую няню, то пьяного соседа, то его самого, Мигурского, мгновенно переходя от изображения одного к изображению другого. Нравилось, главное, ее восторженная жизнерадостность, точно как будто она только что сейчас узнала вполне всю прелесть жизни и спешила воспользоваться ею. Ему нравилась эта особенная ее жизнерадостность, а жизнерадостность эта возбуждалась и усиливалась именно тем, что она знала, что эта жизнерадостность восхищает его. И потому одна Альбина знала, отчего Мигурский, приехавший, чтобы сделать предложение Ванде, уехал, не сделав его. Хотя она никому не решилась бы сказать этого, не говорила этого ясно и сама себе, она в глубине души знала, что он хотел полюбить сестру и полюбил ее, Альбину. Альбина очень удивлялась этому, считая себя вполне ничтожной в сравнении с умной, образованной красавицей Вандой, но не могла не знать, что это так, и не могла не радоваться этому, потому что сама всеми силами своей души полюбила Мигурского, полюбила так, как любят только в первый раз и только один раз в жизни.

II

В конце лета газеты принесли известие о парижской революции. Вслед за этим стали приходить известия о готовящихся беспорядках в Варшаве. Ячевский с страхом и надеждой ожидал с каждой почтой известия об убийстве Константина и начале революции. Наконец в ноябре получились в Рожанке сначала весть о нападении на бельведер, о бегстве Константина Павловича, потом о том, что сейм объявил династию Романовых лишенной

польского престола, что Хлопицкий объявлен диктатором и польский народ опять свободен. Восстание не дошло еще до Рожанки, но все обитатели ее следили за ходом его, ожидали его у себя и готовились к нему. Старик Ячевский переписывался со старым знакомым, одним из главарей восстания, принимал таинственных евреев факторов, не по хозяйственным, а по революционным делам, и готовился присоединиться к восстанию, когда настанет время. Пани Ячевская не только как всегда, но еще более, чем всегда, заботилась о материальных удобствах мужа и, как всегда, этим самым все больше и больше раздражала его. Ванда отослала свои брильянты подруге в Варшаву, с тем чтобы вырученные деньги отдать в революционный комитет. Альбина интересовалась только тем, что делает Мигурский. Через отца она знала, что он поступил в отряд Дворницкого, и старалась узнать все то, что касалось этого отряда. Мигурский писал два раза: один раз извещал о том, что он поступил в войско, другой раз в половине февраля писал восторженное письмо о победе поляков при Сточеке, где взяли 6 русских орудий и пленных: "Zwyciestwo Polakow i kleska Moskali! Wiwat!" -- заканчивал он письмо. Альбина была в восторге. Она рассматривала карту, рассчитывала, где и когда должны быть окончательно побеждены москали, и бледнела и дрожала, когда отец медленно распечатывал привезенные с почты пакеты. Один раз мачеха, зайдя в ее комнату, застала ее перед зеркалом в панталонах и конфедератке. Альбина готовилась в мужском платье бежать из дома, чтобы присоединиться к польскому войску. Мачеха сказала отцу. Отец призвал дочь к себе и, скрывая свое сочувствие ей, даже восхищение перед ней, сделал ей строгий выговор, требуя, чтобы она выбросила из головы глупые мысли об участии в войне.

(1) ["Победа поляков и поражение москалей! Ура!"]

"У женщины есть другое дело: любить и утешать тех, которые жертвуют собой за отчизну", -- сказал он ей. Теперь она нужна ему, составляя его радость и утешение, а придет время, она также нужна будет мужу. Он знал, чем подействовать на нее. Он намекнул ей на то, что он одинок и несчастен, и поцеловал ее. Она прижалась к нему лицом, скрывая слезы, которые все-таки намочили рукав его халата, и обещала ему ничего не предпринимать без его согласия.

III

Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее власти ненавистных немцев другой -- власти еще более ненавистных москалей, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30 и 31 году, когда после прежних несчастных попыток освобождения новая надежда освобождения казалась осуществимою. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишком несоразмерны, и революция опять была задавлена. Опять бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей были пригнаны в Польшу и под начальством то Дибича, то Паскевича и высшего распорядителя Николая I, сами не зная, зачем они делают это, пропитав землю кровью своей и своих братьев поляков, задавили их и отдали опять во власть слабых и ничтожных людей, не желающих ни свободы, ни подавления поляков, а только одного: удовлетворения своего корыстолюбия и ребяческого тщеславия.

Варшава была взята, отдельные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были расстреляны, забиты палками, сосланы. В числе сосланных был и молодой Мигурский. Имение его было конфисковано, а сам он определен солдатом в линейный батальон в Уральск.

Ячевские жили зиму 1832 года в Вильне для здоровья старика, после 31 года страдавшего болезнью сердца. Здесь пришло к ним письмо от Мигурского из крепости. Он писал, что, как ни тяжело для него было то, что он перенес и что предстоит ему, он рад тому, что ему пришлось пострадать за отчизну, что он не отчаивается в том святом деле, за которое он отдал часть своей жизни, и готов отдать остаток ее, и что, если бы завтра явилась новая возможность, он поступил бы так же. Читая письмо вслух, старик зарыдал на этом месте и долго не мог продолжать. В остальной части письма, которую вслух прочла Ванда, Мигурский писал, что, *какие бы ни были его планы и мечты* в тот последний его приезд, который останется вечно самой светлой точкой во всей его жизни, он теперь и не может и не хочет говорить про них.

Ванда и Альбина поняли каждая по-своему значение этих слов, но никому не объяснили того, как они поняли их. В конце письма Мигурский посылал приветствия всем и, между прочим, с тем же игривым тоном, с которым он обращался с Альбиной во время своего приезда, обращался к ней и в письме, спрашивая ее, так же ли она быстро бегает, перегоняя хортых, и так ли хорошо передразнивает всех. Он желал здоровья старику, успеха в хозяйственных делах матери, достойного мужа Ванде и продолжения той же жизнерадостности Альбине.

IV

Здоровье старика Ячевского шло все хуже и хуже, и в 1833 году вся семья переехала за границу. Ванда встретила в Бадене богатого польского эмигранта и вышла за него замуж. Болезнь старика быстро ухудшалась, и в начале 1833 года он умер за границей на руках Альбины. Жену он не допускал ходить за собой и до последней минуты не мог простить ей той ошибки, которую он сделал, женившись на ней. Пани Ячевская вернулась с Альбиной в деревню. Главный интерес жизни Альбины был Мигурский. В ее глазах это был величайший герой и мученик, служению которому она решила посвятить свою жизнь. Еще до отъезда за границу она начала переписываться с ним сначала по поручению отца, потом от себя. После смерти отца она, вернувшись в Россию, продолжала переписываться с ним и, когда ей минуло 18 лет, объявила мачехе, что она решила ехать в Уральск к Мигурскому, с тем чтобы выйти там за него замуж. Мачеха стала упрекать Мигурского за то, что он эгоистически хочет облегчить свое тяжелое положение тем, чтобы, увлекши богатую девушку, заставить ее разделить его несчастье. Альбина рассердилась и объявила мачехе, что только она одна может приписывать такие подлые мысли человеку, пожертвовавшему всем для своего народа, что Мигурский, напротив, отказывался от той помощи, которую она предлагала ему, и что она бесповоротно решила ехать к нему и выйти за него замуж, если он только захочет дать ей это счастье. Альбина была совершеннолетняя, и деньги у нее были -- те 300 000 злотых, которые покойник дядя оставил двум племянницам. Так что ничего не могло задержать ее.

В ноябре 1833 года Альбина простилась с домашними, как на смерть, со слезами провожавшими ее в дальний, неведомый край варварской Московии, села со старой преданной няней Лудвикой, которую она брала с собой, в отцовский, вновь исправленный для дальней дороги возок и пустилась в дальнюю дорогу.

V

Мигурский жил не в казармах, а на своей отдельной квартире. Николай Павлович требовал, чтобы разжалованные поляки не только несли всю тяжесть суровой солдатской жизни, но и терпели все те унижения, которым подвергались в это время рядовые солдаты; но большинство тех простых людей, которые должны были исполнять эти его распоряжения, понимали всю тяжесть положения этих разжалованных и, несмотря на опасность неисполнения его воли, где могли, не исполняли ее. Полуграмотный, выслужившийся из солдат командир того батальона, в

который был зачислен Мигурский, понимал положение бывшего богатого, образованного молодого человека, лишившегося всего, жалел его и уважал, и делал ему всякого рода послабления. И Мигурский не мог не оценить добродушия подполковника с белыми бакенбардами на одутловатом солдатском лице и, чтобы отплатить ему, согласился учить его сыновей, готовящихся в корпус, математике и французскому языку.

Жизнь Мигурского в Уральске, тянувшаяся уже седьмой месяц, была не только однообразная, унылая и скучная, но и тяжелая. Знакомств, кроме батальонного командира, с которым он старался держаться как можно дальше, у него был только один сосланный поляк, малообразованный и пронырливый, неприятный человек, занимавшийся здесь торговлей рыбой. Главная же тяжесть жизни Мигурского состояла в том, что ему трудно было привыкать к нужде. Средств у него после конфискации его имения не было никаких, и он перебивался продажей золотых вещей, которые у него остались.

Единственная и большая радость его жизни после его ссылки была переписка с Альбиной, поэтическое, милое представление о которой со времени посещения его Рожанки осталось у него в душе и становилось теперь в изгнании все прекраснее и прекраснее. В одном из первых писем своих она, между прочим, спрашивала его, что значат слова его давнишнего письма: "какие бы ни были мои желания и мечты". Он отвечал ей, что теперь он может признаться ей, что мечты его были о том, чтобы назвать ее своей женой. Она ответила ему, Что любит его. Он ответил, что лучше бы она не писала этого, потому что ему ужасно думать о том, что могло бы быть и теперь невозможно. Она ответила, что это не только возможно, не что это непременно будет. Он отвечал ей, что не может принять ее жертвы, что в теперешнем положении его это невозможно. Вскоре после этого своего письма он получил повестку на 2000 злотых. По штемпелю конверта и почерку он узнал, что это было прислано от Альбины, и вспомнил, что в одном из первых писем он в шуточном тоне описывал ей то удовольствие, которое он испытывает теперь, уроками зарабатывая все, что ему нужно, -- денег на чай, табак и даже книги. Переложив деньги в другой конверт, он отослал их назад с письмом, в котором он просил ее не портить их святых отношений деньгами. У него всего было довольно, писал, он, и он вполне счастлив, зная, что имеет такого друга, как она. На этом остановилась их переписка.

В ноябре Мигурский сидел у подполковника, давая урок мальчикам, когда послышался звук приближающегося почтового колокольца и заскрипели по морозному снегу полозья саней и остановились у подъезда. Дети вскочили, чтобы узнать, кто приехал. Мигурский остался в комнате, глядя на дверь и ожидая возвращения детей, но в дверь вошла сама подполковница.

-- А к вам, пан, какие то барыни приехали, вас спрашивают, -- сказала она. -- Должно, с вашей стороны, похоже -- полячки.

Если бы Мигурского спросили, считает ли он возможным приезд к нему Альбины, он бы сказал, что это немыслимо, в глубине же души он ждал ее. Кровь прилила ему к сердцу, и он, задыхаясь, выбежал в переднюю. В передней развязывала платок на голове толстая рябая женщина. Другая женщина входила в дверь квартиры полковника. Услыхав за собой шаги, она оглянулась. Из-под капора сияли жизнерадостные, широко расставленные, блестящие голубые глаза с заиндевевшими ресницами Альбины. Он остолбенел и не знал, как встретить ее, как здороваться. "Юзё!" -- вскрикнула она, назвав его так, как называл его отец и как сама с собой она называла его, обхватила руками его шею, прильнула к его лицу своим зардевшимся холодным лицом и засмеялась и заплакала.

Узнав, кто такая Альбина и зачем она приехала, добрая полковница приняла ее и поместила до свадьбы у себя.

VI

Добродушный подполковник выхлопотал разрешение высшего начальства. Из Оренбурга выписали ксендза и обвенчали Мигурских. Жена батальонного командира была посаженой матерью, один из учеников нес образ, а Бржозовский, сосланный поляк, был шафером.

Альбина, как ни странно, это может казаться, страстно любила своего мужа, но совсем не знала его. Она теперь только знакомилась с ним. Само собой разумеется, что она нашла в живом человеке с плотью и кровью много такого обыденного и непоэтического, чего не было в том образе, который она носила и растила в своем воображении, но зато именно потому, что это был человек с плотью и кровью, она нашла в нем много такого простого, хорошего, чего не было в том отвлеченном образе. Она слышала от знакомых и друзей про его храбрость на войне и знала про его мужество при потере состояния и свободы и представляла себе его героем, всегда живущим возвышенной, героической жизнью, в действительности же с своей необыкновенной физической силой и храбростью он оказался кротким, смирным ягненком, самым простым человеком, с добродушными шутками, с той самой детской улыбкой чувственного рта, окруженного белокурой бородкой и усами, которая прельстила ее еще в Рожанке, и с неугасимой трубкой, которая была ей особенно тяжела во время беременности.

Мигурский тоже только теперь узнал Альбину, и в Альбине в первый раз узнал женщину. По тем женщинам, которых он знал до женитьбы, он не

мог знать женщин. И то, что он узнал в Альбине, как в женщине вообще, удивило его и скорее могло бы разочаровать его в женщине вообще, если бы он не чувствовал к Альбине, как к Альбине, особенно нежного и благодарного чувства. К Альбине, как к женщине вообще, он чувствовал ласковое, несколько ироническое снисхождение, к Альбине же, как к Альбине, не только нежную любовь, но и восхищение и сознание неоплатного долга за ее жертву, давшую ему незаслуженное счастье.

Мигурские были счастливы тем, что, направив всю силу своей любви друг на друга, они испытывали среди чужих людей чувство двух заблудившихся зимою замерзающих и отогревающих друг друга. Радостной жизни Мигурских содействовало и участие в их жизни рабски, самоотверженно преданной своей панюсе добродушно ворчливой, комической, влюбляющейся во всех мужчин няни Лудвики. Мигурские были счастчивы и детьми. Через год родился мальчик. Через полтора года девочка. Мальчик был повторением матери: те же глаза и та же резвость и грация. Девочка была здоровый, красивый зверок.

Несчастливы же Мигурские были удалением от родины, и главное, тяжестью своего непривычно униженного положения. Особенно страдала за это унижение Альбина. Он, ее Юзё, герой, идеал человека, должен был вытягиваться перед всяким офицером, делать ружейные приемы, ходить в караул и безропотно повиноваться.

Кроме того, известия из Польши получались самые печальные. Почти все близкие родные, друзья были или сосланы, или, лишившись всего, бежали за границу. Для самих же Мигурских не предвиделось какого либо конца этому положению. Все попытки ходатайствовать о прощении или хотя бы об улучшении положения, о производстве в офицеры, не достигали цели. Николай Павлович делал смотры, парады, учения, ходил по маскарадам, заигрывал с масками, скакал без надобности по России из Чугуева в Новороссийск, Петербург и Москву, пугая народ и загоняя лошадей, и, когда какой-нибудь смельчак решался просить смягчения участи ссыльных декабристов или поляков, страдавших из-за той ""мой любви к отечеству, которая им же восхвалялась, он, выпячивая грудь, останавливал на чем попало свои оловянные глаза и говорил: "Пускай служат. Рано". Как будто он знал, когда будет не рано, а когда будет время. И все приближенные: генералы, камергеры и их жены, кормившиеся около него, умилялись перед необычайной прозорливостью и мудростью этого великого человека.

В общем все-таки в жизни Мигурских было больше счастья, чем несчастья.

Так прожили они пять лет. Но вдруг обрушилось на них неожиданное, страшное горе. Заболела сначала девочка, через два дня заболел мальчик: горел три дня и без помощи врачей (никого нельзя было найти) на

четвертый день умер. Через два дня после него умерла и девочка.

Альбина не утопилась в Урале только потому, что не могла без ужаса представить себе положения мужа при известии об ее самоубийстве. Но жить ей было трудно. Всегда прежде деятельная и заботливая, она теперь, предоставив все свои заботы Лудвике, сидела часами без дела, молча глядя на то, что попадалось под глаза, а то вдруг вскакивала и убегала в свою каморку и там, не отвечая на утешения мужа и Лудвики, тихо плакала, только качала головой, прося их уйти и оставить ее одну. Летом она уходила на могилу детей и там сидела, раздирая себе сердце воспоминаниями о том, что было и что могло бы быть. Особенно мучила ее мысль о том, что дети могли бы остаться живы, если бы они жили в городе, где могла бы быть подана медицинская помощь. "За что? За что? -- думала она. -- И Юзё и я -- мы ничего ни от кого не хотим, кроме того, чтоб ему жить так, как он родился и жили его деды и прадеды, а мне только чтобы жить с ним, любить его, любить моих крошек, воспитывать их". "И вдруг его мучают, ссылают, а у меня отнимают то, что мне дороже света. Зачем? за что?" -- задавала она этот вопрос людям и богу. И не могла представить себе возможности какого-нибудь ответа.

А без этого ответа не было жизни. И жизнь ее остановилась. Бедная жизнь в изгнании, которую она прежде умела украшать своим женским вкусом и изяществом, стала теперь невыносима не только ей, но и Мигурскому, страдавшему за нее и не знавшему, чем помочь ей.

VII

В это самое тяжелое для Мигурских время прибыл в Уральск поляк Росоловский, замешанный В грандиозном плане возмущения и побега, устроенного в то время в Сибири сосланным ксендзом Сироцинским.

Росоловский, так же как и Мигурский, так же как и тысячи людей, наказанных ссылкою в Сибирь за то, что они хотели быть тем, чем родились, -- поляками, был замешан в этом деле, наказан за это розгами и отдан в солдаты в тот же батальон, где был Мигурский. Росоловский, бывший учитель математики, был длинный, сутуловатый, худой человек с впалыми щеками и нахмуренным лбом.

В первый же вечер своего пребывания Росоловский, сидя за чаем у Мигурских, стал, естественно, рассказывать своим медленным, спокойным басом про то дело, за которое он так жестоко пострадал. Дело состояло в том, что Сироцинский организовал по всей Сибири тайное общество, цель которого состояла в том, чтобы с помощью поляков, зачисленных в казачьи и линейные полки, взбунтовать солдат и каторжных, поднять поселенцев,

захватить в Омске артиллерию и всех освободить.

-- Да разве это было возможно? -- спросил Мигурский.

-- Очень возможно, все было готово, -- сказал Росоловский, мрачно хмурясь, и медленно, спокойно рассказал весь план освобождения и все принятые меры для успеха дела и, в случае неуспеха, для спасения заговорщиков. Успех был верный, если бы не изменили два злодея. Сироцинский, по словам Росоловского, был человек гениальный и великой душевной силы. Он и умер героем и мучеником. И Росоловский ровным, спокойным басом стал рассказывать подробности казни, на которой он по приказанию начальства должен был присутствовать вместе со всеми судившимися по этому делу.

-- Два батальона солдат стояли в два ряда, длинной улицей, у каждого солдата в руке была гибкая палка, такой высочайше утвержденной толщины, чтобы три только могли входить в дуло ружья. Первым повели доктора Шакальского. Два солдата вели его, а те, которые были с палками, били его по оголенной спине, когда он равнялся с ними. Я видел это только тогда, когда он подходил к тому месту, где я стоял. То я слышал только дробь барабана, но потом, когда становился слышен свист палок и звук ударов по телу, я знал, что он подходит. И я видел, как его тянули за ружья солдаты, и он шел, вздрагивая и поворачивая голову то в ту, то в другую сторону. И раз, когда его проводили мимо нас, я слышал, как русский врач говорил солдатам: "Не бейте больно, пожалейте". Но они всё били; когда его провели мимо меня второй раз, он уже не шел сам, а его тащили. Страшно было смотреть на его спину. Я зажмурился. Он упал, и его унесли. Потом повели второго. Потом третьего, потом четвертого. Все падали, всех уносили, одних замертво, других еле живыми, и мы все должны были стоять и смотреть. Продолжалось это шесть часов -- от раннего утра и до двух часов пополудни. Последнего повели самого Сироцинского. Я давно не видал его и не узнал бы, так он постарел. Все в морщинах бритое лицо его было бледно-зеленоватое. Тело обнаженное было худое, желтое, ребра торчали над втянутым животом. Он шел так же, как и все, при каждом ударе вздрагивая и вздергивая голову, но не стонал и громко читал молитву: Miserere mei Deus secundam magnam misericordiam tuam. (1)

Я сам слышал, -- быстро прохрипел Росоловский и, закрыв рот, засопел носом.

Лудвика, сидевшая у окна, рыдала, закрыв лицо платком.

-- И охота вам расписывать! Звери -- звери и есть! -- вскрикнул Мигурский и, бросив трубку, вскочил со стула и быстрыми шагами ушел в темную спальню. Альбина сидела как окаменевшая, уставив глаза в темный угол.

VIII

На другой день Мигурский, придя домой с ученья, был удивлен видом жены, которая, как в старину, легкими шагами, с сияющим лицом встретила его и повела в спальню.

-- Ну, Юзё, слушай.

-- Слушаю. Что?

-- Я всю ночь думала о том, что рассказал Росоловский. И я решилась: я не могу жить так, не могу жить тут. Не могу! Я умру, но не останусь здесь.

-- Да что же делать?

-- Бежать.

-- Бежать? Как?

-- Я все обдумала. Слушай.

И она рассказала ему тот план, который она придумала сегодня ночью. План был такой: он, Мигурский, уйдет из дома вечером и оставит на берегу Урала свою шинель и на шинели письмо, в котором напишет, что лишает себя жизни. Поймут, что он утопился. Будут искать тело, будут посылать бумаги. А он спрячется. Она так спрячет его, что никто не найдет. Можно будет прожить так хоть месяц. А когда все уляжется, они убегут.

-- [Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей]

Затея ее в первую минуту показалась Мигурскому неисполнимой, но к концу дня, когда она с такой страстью и уверенностью убеждала его, он стал соглашаться с нею. Кроме того, он был склонен согласиться еще и потому, что наказание за неудавшийся побег, такое же наказание, как то, про которое рассказывал Росоловский, падало на него, Мигурского, успех же освобождал ее, а он видел, как после смерти детей тяжела ей была жизнь здесь.

Росоловский и Лудвика были посвящены в замысел, и после долгих совещаний, изменений, поправок план побега был выработан. Сначала хотели сделать так, чтобы Мигурский, после того как он будет признан утонувшим, бежал бы один, пешком. Альбина же выедет в экипаже и в условном месте встретит его. Такой был первый план. Но потом, когда Росоловский рассказал про все неудавшиеся попытки побегов; последних пяти лет в Сибири (за все время убежал и спасся только один счастливец),

Альбина предложила другой план, тот, чтобы Юзё, спрятанный в экипаже, ехал с нею и Лудвикой до Саратова. В Саратове же ему переодетому идти вниз по берегу Волги и в условленном месте сесть в лодку, которую она наймет в Саратове и в которой поплывет вместе с Альбиной и Лудвикой вниз по Волге до Астрахани и через Каспийское море в Персию. План был этот одобрен всеми и главным устроителем Росоловским, но представлялась трудность устройства такого помещения в экипаже, которое не обратило бы на себя внимания начальства, а между тем могло бы вместить в себя человека. Когда же Альбина после поездки на могилу детей сказала Росоловскому, как ей больно оставлять прах детей на чужой стороне, он, подумав, сказал:

-- Просите начальство о разрешении взять с собой гробы детей, вам разрешат.

-- Нет, я не хочу, не хочу этого! -- сказала Альбина.

-- Просите. В этом все. Мы не возьмем гробов, а для них сделаем большой ящик и в ящик положим Юзефа.

В первую минуту Альбина отвергла это предложение, так ей неприятно было связывать обман с воспоминанием о детях, но, когда Мигурский весело одобрил этот проект, она согласилась.

Так что окончательный план выработался такой: Мигурский сделает все то, что должно убедить начальство, что он утопился. Когда смерть его будет признана, Альбина подаст прошение о том, чтобы ей после смерти мужа разрешено было вернуться на родину и взять с собой и прах детей. Когда же ей дадут и это разрешение, будет сделано подобие того, что могилы раскопаны и гробы взяты, но гробы оставят на месте, а вместо детских гробов в приготовленном для этого ящике поместится Мигурский. Ящик поставят в тарантас и так доедут до Саратова. От Саратова они сядут на лодку. В лодке Юзё выйдет из ящика, и они поплывут до Каспийского моря. А там Персия или Турция и свобода.

IX

Прежде всего Мигурские купили тарантас под предлогом отправления Лудвики на родину. Потом началось устройство в тарантасе такого ящика, в котором, не задохнувшись, можно бы было, хотя и скорчившись, лежать и из которого можно бы было скоро и незаметно выходить и опять влезать. Втроем, Альбина, Росоловский и сам Мигурский, придумывали и прилаживали ящик. В особенности важна была помощь Росоловского, который был хороший столяр. Ящик был сделан так, что, утвержденный на дрожины позади кузова, он плотно приходился к кузову, и стенка,

приходившаяся к кузову, отваливалась так, что человек, вынув стенку, мог лежать частью в ящике, частью на дне тарантаса. Кроме того, в ящике были провернуты дыры для воздуха, и сверху и с боков ящик должен был быть покрыт рогожей и увязан веревками. Входить и выходить из него можно было через тарантас, в котором было сделано сиденье.

Когда тарантас и ящик были готовы, еще до исчезновения мужа, Альбина, чтобы приготовить начальство, пошла к полковнику и заявила, что муж ее впал в меланхолию и покушался на самоубийство и она боится за него и просит на время отпустить его. Способность ее к драматическому искусству пригодилась ей. Выражаемые ею беспокойство и страх за мужа были так естественны, что полковник был тронут и обещал сделать все, что может. После этого Мигурский сочинил письмо, которое должно было быть найдено за обшлагом его шинели на берегу Урала, и в условленный день, вечером, он пошел к Уралу, дождался темноты, положил на берегу одежду, шинель с письмом и тайно вернулся домой. На чердаке, запиравшемся замком, было приготовлено для него место. Ночью Альбина послала Лудвику к полковнику заявить о муже, что он, выйдя из дома 20 часов назад, не возвращался. Утром ей принесли письмо мужа, и она с выражением сильного отчаяния, в слезах отнесла его полковнику. Через неделю Альбина подала прошение об отъезде на родину. Горе, выражаемое Мигурской, поражало всех видевших ее. Все жалели несчастную мать и жену. Когда отъезд ее был разрешен, она подала другое прошение о позволении откопать трупы детей и взять их с собою. Начальство подивилось на эту сентиментальность, но разрешило и это.

На другой день после получения и этого разрешения вечером Росоловский с Альбиной и Лудвикой в наемной телеге с ящиком, в который должны были быть вложены гробы детей, приехали на кладбище, к могиле детей. Альбина, опустившись на колени у могил детей, помолилась и скоро встала и нахмурившись, обращаясь к Росоловскому, сказала:

-- Делайте то, что надо, а я не могу, -- и отошла в сторону.

Росоловский с Лудвикой сдвинули надгробный камень и вскопали лопатой верхние части могилы так, что могила имела вид раскопанный. Когда все было сделано, они кликнули Альбину и с ящиком, наполненным землей, вернулись домой.

Наступил назначенный день отъезда. Росоловский радовался успеху доведенного почти до конца предприятия. Лудвика напекла на дорогу печений и пирожков и, приговаривая свою любимую поговорку: "Iak mame Kocham", говорила, что у ней сердце разрывается от страха и радости. Мигурский радовался и своему освобождению с чердака, на котором он просидел больше месяца, и больше всего -- оживлению и жизнерадостности Альбины. Она как будто забыла все прежнее горе и все

опасности и, как в девичье время, прибегая к нему на чердак, сияла восторженной радостью.

В три часа утра пришел казак провожать и привел казак ямщик тройку лошадей. Альбина с Лудвикой и собачкой сели в тарантас на подушки, покрытые ковром. Казак и ямщик сели на козлы. Мигурский, одетый в крестьянское платье, лежал в кузове тарантаса.

Выехали из города, и добрая тройка понесла Тарантас по гладкой, как камень, убитой дороге между бесконечной, непаханой, поросшей прошлогодним серебристым ковылем степью.

X

Сердце замирало в груди Альбины от надежды и восторга. Желая поделиться своими чувствами, она изредка, чуть улыбаясь, указывала Лудвике головой то на широкую спину казака, сидевшего на козлах, то на дно тарантаса. Лудвика с значительным видом неподвижно смотрела перед собой и только чуть-чуть морщила губы. День был ясный. Со всех сторон расстилалась безграничная пустынная степь, блестящая серебристым ковылем на косых лучах утреннего солнца. Только то с той, то с другой стороны жесткой дороги, по которой, как по асфальту, гулко звучали некованые, быстрые ноги башкирских коней, виднелись бугорки насыпанной земли сусликов: на заду сидел сторожевой зверок и, предупреждая об опасности, пронзительно свистел и скрывался в нору. Редко встречались проезжие: обоз казаков с пшеницей или конные башкиры, с которыми казак бойко перекидывался татарскими словами. На всех станциях лошади были свежие, сытые, и полтинники на водку, которые давала Альбина, делали то, что ямщики гнали, как они говорили, по-фельдъегерски -- вскачь всю дорогу.

На первой же станции, в то время как прежний ямщик увел, а новый не приводил еще лошадей, и казак вошел во двор, Альбина, перегнувшись, спросила мужа, как он себя чувствует, не нужно ли ему чего.

-- Превосходно, покойно. Ничего не нужно. Легко пролежу хоть двое суток.

К вечеру приехали в большое село Дергачи. Для того чтобы муж мог расправить члены и освежиться, Альбина остановилась не на почтовом, а на постоялом дворе и тотчас же, дав деньги казаку, послала его купить ей яиц и молока. Тарантас стоял под навесом, на дворе было темно и, поставив Лудвику караулить казака, Альбина выпустила мужа, накормила его, и до возвращения казака он опять влез в свое потаенное место. Послали опять за лошадьми и поехали дальше. Альбина чувствовала все

больший и больший подъем духа и не могла удержать своего восторга и веселости. Говорить ей было больше не с кем, как с Лудвикой, казаком и Трезоркой, и она забавлялась ими.

Лудвика, несмотря на свою некрасивость, при всяком отношении с мужчиной тотчас же подозревавшая в этом мужчине любовные на нее виды, подозревала теперь это самое по отношению к здоровенному, добродушному казаку-уральцу, с необыкновенно ясными и добрыми голубыми глазами, который провожал их и который был особенно приятен обеим женщинам своей простотою и добродушной ласковостью. Кроме Трезорки, на которого Альбина грозилась, не позволяя ему нюхать под сидением, она теперь забавлялась Лудвикой и ее комическим кокетством с не подозревающим приписываемые ему намерения, добродушно улыбающимся на все, что ему говорили, казаком. Альбина, возбужденная и опасностью, и начинающим осуществляться успехом дела, и чудной погодой, и степным воздухом, испытывала давно не испытанное ею чувство детского восторга и веселья. Мигурский слышал ее веселый говор и тоже, несмотря на скрываемую им физическую тяжесть своего положения (особенно жарко ему было и жажда его мучила), забывая о себе, радовался на ее радость.

К вечеру второго дня стало виднеться что-то в тумане. Это был Саратов и Волга. Казак своими степными глазами видел и Волгу и мачту и указывал их Лудвике. Лудвика говорила, что видела тоже. Но Альбина ничего не могла разобрать. И только нарочно громко -- чтобы слышал муж, говорила:

-- Саратов, Волга, -- как будто разговаривая с Трезором, рассказывала мужу Альбина все то, что она видела.

XI

Не въезжая в Саратов, Альбина остановилась на левой стороне Волги в слободе Покровской, против самого города. Здесь она надеялась в продолжение ночи успеть переговорить с мужем и даже вывести его из ящика. Но казак во всю короткую весеннюю ночь не отходил от тарантаса и сидел подле него в стоявшей под навесом пустой телеге. Лудвика по распоряжению Альбины сидела в тарантасе и, будучи вполне уверена, что казак ради нее не отходит от тарантаса, мигала, смеялась и закрывала свое рябое лицо платком. Но Альбина не видела уж в этом ничего веселого и все больше и больше тревожилась, не понимая, для чего казак так неотлучно держался около тарантаса.

Несколько раз в короткую майскую ночь с зарей, сливающейся с зарей,

Альбина выходила из горницы постоялого двора мимо вонючей галереи на заднее крыльцо. Казак все еще не спал и, спустив ноги, сидел на стоявшей подле тарантаса пустой телеге. Только перед рассветом, когда петухи уже проснулись и перекликались со двора на двор, Альбина, сойдя вниз, нашла время переговорить с мужем. Казак храпел, развалившись в телеге. Она осторожно подошла к тарантасу и толкнула ящик.

-- Юзё! -- ответа не было.

-- Юзё, Юзё! -- с испугом громче проговорила она.

-- Что ты, милая, что! -- сонным голосом проговорил Мигурский из ящика.

-- Что ты не отвечал?

-- Спал, -- проговорил он, и она по звуку голоса узнала, что он улыбался. -- Что же, выходить? -- спросил он.

-- Нельзя, казак тут, -- и, сказав это, она взглянула на казака, спящего в телеге.

И, удивительное дело, казак храпел, но глаза его, добрые, голубые глаза, были открыты. Он смотрел на нее и, только встретившись с ней взглядом, закрыл глаза.

"Показалось это мне или точно он не спал? -- спросила себя Альбина. -- Верно, показалось", -- подумала она и опять обратилась к мужу.

-- Потерпи еще немного, -- сказала она. -- Поесть хочешь?

-- Нет. Курить хочу.

-- Альбина опять взглянула на казака. Он спал. "Да, это показалось мне", -- подумала она.

-- Я теперь поеду к губернатору.

-- Ну, час добрый...

И Альбина, достав из чемодана платье, пошла в горницу одеваться.

Переодевшись в свое лучшее вдовье платье, Альбина переехала Волгу. На набережной она взяла извозчика и поехала к губернатору. Губернатор принял ее. Хорошенькая, мило улыбающаяся вдова-полька, прекрасно говорящая по-французски, очень понравилась молодящемуся старику губернатору. Он все разрешил ей и просил ее приехать еще завтра к нему, чтобы получить от него приказ к городничему в Царицын. Радуясь и успеху своего ходатайства, и тому действию ее привлекательности, которое она видела в манере губернатора, Альбина, счастливая и полная надежд, возвращалась под гору по немощеной улице на долгушке к пристани. Солнце взошло уже выше леса и косыми лучами играло на рябящей воде огромного разлива. Справа и слева по горе виднелись, как белые облака, облитые пахучим цветом яблони. Лес мачт виднелся у берега, и паруса белели по играющему на солнце рябящему от ветерка разливу. На пристани, разговорившись с извозчиком, Альбина спросила, можно ли нанять лодку до Астрахани, и десятки шумливых, веселых

лодочников предложили ей свои услуги и лодки. Она сговорилась с одним из лодочников, больше других понравившимся ей, и пошла смотреть его лодку косовушку, стоявшую в тесноте других лодок у пристани. На лодке была устанавливающаяся небольшая мачта с парусом, так что можно было идти ветром. В случае безветрия были весла и два здоровые, веселые бурлака-гребца, сидевшие на солнце в лодке. Веселый, добродушный лоцман советовал не оставлять тарантас, а, сняв с него колеса, поставить на лодку. "Как раз уставится, и вам покойней сидеть будет. Даст бог погодку, дней в пяток до Астрахани добежим".

Альбина сторговалась с лодочником и велела ему прийти в Покровскую слободу, на Логинов постоялый двор, чтобы посмотреть тарантас и получить задаток. Все удавалось лучше, чем она ожидала. В самом восторженно-счастливом состоянии Альбина переехала Волгу и, разочтясь с извозчиком, направилась к постоялому двору.

XII

Казак Данило Лифанов был из Стрелецкого Умета на Общем Сырту. Ему было 34 года, и он отслуживал последний месяц своего срока казацкой службы. У него в семье был старик 90-летний дед, помнящий еще Пугачева, два брата, сноха старшего брата, за старую веру сосланного в каторгу в Сибирь, жена, две дочери и два сына. Отец его был убит на войне с французами. Он был старшим в доме. У них во дворе было 16 коней, два цабана быков и было распахано и засеяно пшеницей своей вольной земли 15 сотейников. Он, Данило, служил в Оренбурге, в Казани и теперь кончал срок. Он твердо держался старой веры, не курил, не пил и не ел из одной посуды с мирскими и так же строго держался присяги. Во всех своих делах он был медлительно твердо обстоятелен, и на то, что ему поручено было делать от начальства, употреблял все свое внимание и не забывал ни на минуту, пока не исполнил всего, как он понимал, своего назначения. Теперь ему велено было проводить до Саратова двух полячек с гробами так, чтобы над ними дорогой ничего худого не сделали, чтобы они ехали смирно, никаких шалостей не делали и в Саратове честь честью сдать их начальству. Так он и доставил их до Саратова и с собачонкой и со всеми гробами ихними. Бабы были смирные, ласковые, хотя и полячки, а ничего худого не делали. Но тут, в Покровской слободе, ввечеру, он, проходя мимо тарантаса, увидал, что собачонка вспрыгнула в тарантас и там стала визжать и хвостом махать, и из-под сиденья тарантаса ему показался чей-то голос. Одна из полячек, старая, увидав собачку в тарантасе, испугалась чего-то, схватила собачонку и унесла.

"Что-то тут есть", -- подумал казак и стал примечать. Когда молодая полячка вышла ночью к тарантасу, он притворился, что спит, и явственно услыхал мужской голос из ящика. Рано утром он пошел в полицию и заявил о том, что полячки, какие ему поручены, не добром едут, а вместо мертвых везут какого-то живого человека в ящике.

Когда Альбина в своем восторженно-веселом настроении, уверенная в том, что теперь все кончено и они через несколько дней будут свободны, подошла к постоялому двору, она с удивлением увидала у ворот щегольскую пару с пристяжкой на отлете и двух казаков. В воротах толпился народ, заглядывая во двор.

Она была так полна надежды и энергии, что ей и в голову не пришла мысль о том, что эта пара и толпившийся народ имеют отношение к ней. Она вошла во двор и, в одно и то же время взглянув под тот навес, где стоял ее тарантас, увидала, что народ толпится именно около ее тарантаса, и в то же мгновение услыхала отчаянный лай Трезорки. Случилось то самое ужасное, что только могло случиться. Перед тарантасом, блестя своим чистым мундиром, с сияющими на солнце пуговицами и полупогонами и лаковыми сапогами стоял осанистый с черными бакенбардами человек и говорил что-то громко хриплым, повелительным голосом. Перед ним между двумя солдатами в крестьянском наряде с сеном в спутанных волосах стоял ее Юзё и, как бы недоумевая о том, что вокруг него делалось, поднимал и опускал свои могучие плечи. Трезорка, не зная того, что он был причиной всего несчастья, ощетинившись, бесполезно озлобленно лаял на полицмейстера. Увидав Альбину, Мигурский вздрогнул, хотел подойти к ней, но солдаты удержали его.

- Ничего, Альбина, ничего! -- проговорил Мигурский, улыбаясь своей кроткой улыбкой.

- А вот и барынька сама! -- проговорил полицмейстер. -- Пожалуйте сюда. Гробы ваших младенцев? А? -- сказал он, подмигивая на Мигурского.

Альбина не отвечала и только, схватившись за грудь, раскрыв рот, с ужасом смотрела на мужа.

Как это бывает в предсмертные и вообще решительные в жизни минуты, она в одно мгновение перечувствовала и передумала бездну чувств и мыслей и вместе с тем не понимала еще, не верила своему несчастью. Первое чувство было знакомое ей давно -- чувство оскорбленной гордости при виде ее героя мужа, униженного перед теми грубыми, дикими людьми, которые держали его теперь в своей власти. "Как смеют они держать *его*, этого лучшего из всех людей, в своей власти?" Другое чувство, одновременно с этим охватившее ее, было сознание совершившегося несчастия. Сознание же несчастия вызвало в ней воспоминание о главном несчастье ее жизни, о смерти детей. И сейчас же возник вопрос: за что? за

что отняты дети? Вопрос же, за что отняты дети? вызвал вопрос: за что теперь гибнет, мучается любимый, лучший из людей, ее муж? И тут же она вспомнила о том, какое ждет его позорное наказание, и то, что она, она одна виновата в этом.

-- Кто он вам? Муж он вам? -- повторил полицмейстер.

-- За что, за что? -- вскрикнула она и, закатившись истерическим хохотом, упала на снятый теперь с козел и стоявший у тарантаса ящик. Вся трясущаяся от рыданий, с залитым слезами лицом Лудвика подошла к ней.

-- Паненка, милая паненка! Як бога кохам, ничего не будет, ничего, -- говорила она, бессмысленно водя по ней руками.

На Мигурского надели наручники и повели со двора. Увидав это, Альбина побежала за ним.

-- Прости, прости меня, -- говорила она. -- Все я! Я одна виновата.

Там разберут, кто виноват. И до вас дело дойдет, -- сказал полицмейстер и рукою отстранил ее.

Мигурского повели к переправе, и Альбина, сама не зная, зачем она делала это, шла за ним и не слушала уговаривающую ее Лудвику.

Казак Данило Лифанов во все это время стоял у колес тарантаса и мрачно взглядывал то на полицмейстера, то на Альбину, то себе на ноги.

Когда Мигурского увели, оставшийся один Трезорка, махая хвостиком, стал ласкаться к нему. Он привык к нему во время дороги. Казак вдруг отслонился от тарантаса, сорвал с себя шапку, швырнул ее изо всех сил наземь, откинул ногой от себя Трезорку и пошел в харчевню. В харчевне он потребовал водки и пил день и ночь, пропил все, что было у него и на нем, и только на другую ночь, проснувшись в канаве, перестал думать о мучившем его вопросе: хорошо ли он сделал, донеся начальству о полячкином муже в ящике?

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000. Его родные и Ванда, имевшая связи в Петербурге, выхлопотали ему смягчение наказания, и его сослали на вечное поселение в Сибирь. Альбина поехала за ним.

Николай же Павлович радовался тому, что задавил гидру революции не только в Польше, но и во всей Европе, и гордился тем, что он не нарушил заветов русского самодержавия и для блага русского народа удержал Польшу во власти России. И люди в звездах и золоченых мундирах так восхваляли его за это, что он искренно верил, что он великий человек и

что жизнь его была великим благом для человечества и особенно для русских людей, на развращение и одурение которых были бессознательно направлены все его силы.

Л. Н. Толстой.

30-е сентября

Чем уединеннее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос бога.

1

Silentiium! (1)

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи!

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить в самом себе умей:
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи:
Внимай их пенью и молчи.

Тютчев.

2

По одному тому, что хорошее намерение высказано, уже ослаблено желание исполнить его. Но как удержать от высказывания благородно самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая их, жалеешь о них, как о цветке, который не удержался -- сорвал нераспустившимся и потом увидел на земле завялым и затоптанным.

3

В важных вопросах жизни мы всегда одни, и наша настоящая история почти никогда не может быть понята другими. Лучшая часть той драмы, которая происходит в нашей душе, есть монолог или, скорее, задушевное рассуждение между богом, нашей совестью и нами.

Амиель.

-- [Молчи!]

4

Паскаль говорит: человек должен умирать один. Так же должен и жить человек. В том, что главное в жизни, человек всегда один, т. е. не с людьми, а с богом.

5

Хорошо тому человеку, который нужен другим, но которому не нужно товарища.

6

Человек порочный всегда связан с людьми в жизни, но чувствует себя тем более одиноким в своем сознании, чем более он порочен. Человек же добрый и разумный, напротив, чувствует себя часто одиноким среди людей, но зато сознает свое неперестающее единение с человечеством, когда он один.

Временное отрешение от всего мирского и созерцание в самом себе своей божественной сущности есть такое же необходимое для жизни питание души, как пища для тела.

1-е октября

Мудрость не боится незнания, не боится сомнений, не боится труда, исследования, боится одного: утверждения того, что она знает, чего не знает.

1

Надо много учиться, чтобы сознать, что знаешь мало.

Монтэнь.

2

Никогда не стыдись спрашивать о том, чего не знаешь.

Всегда говори правду, хотя бы ты и знал, что она будет неприятна.

Тот, кто учен, но не прилагает к делу своей учености, подобен человеку, который пахал бы, но не сеял.

Арабское (Албитис).

3

Кто исследует историю философии и естествознания, тот найдет, что величайшие открытия были сделаны людьми, считавшими лишь вероятным то, что всеми признавалось за несомненное.

Лихтенберг.

4

Всё испытывайте, хорошего держитесь.

1 Фессалон. гл. 5, ст. 21.

5

В духовной пище нет недостатка; недостает лишь способности вбирать ее в себя. Не по недостатку воздуха не может дышать умирающий человек, а по недостатку способности усваивать его. Все элементы -- физические, умственные и духовные, которые были или когда-либо будут в мире, -- находятся в нем и теперь. Дело мудрости понять, как овладеть ими.

Люси Малори.

6

Истинная мудрость не в том, чтобы *знать*, что хорошо и что должно делать, а в том, чтобы знать, что самое хорошее, что менее хорошее, и потому, что надо прежде и что после делать.

Содержание мудрости больше отрицательное, чем положительное: знать, что неразумно, что незаконно, что не должно.

2-е октября

Религия говорит человеку, что он такое и что такое тот мир, среди которого он живет. Нравственное учение есть указание той деятельности, которая вытекает из религиозного понимания жизни.

1

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело -- одежды?

Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?

Идите же прежде царства божия и правды его, и это все приложится вам.

Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем. Довольно для каждого дня своей заботы.

Мф. гл. 6, ст. 25 -- 27, 31, 33 -- 34.

2

Кто, имея хлеб в корзине, спрашивает: что я буду есть завтра? -- принадлежит к маловерующим.

Талмуд.

3

Лучшее богопочитание -- то, которое делается без надежды на достижение какой-либо цели; худшее такое, которое имеет в виду определённую цель.

Тот, кто обожает высшее существо, должен созерцать его во всяком творении.

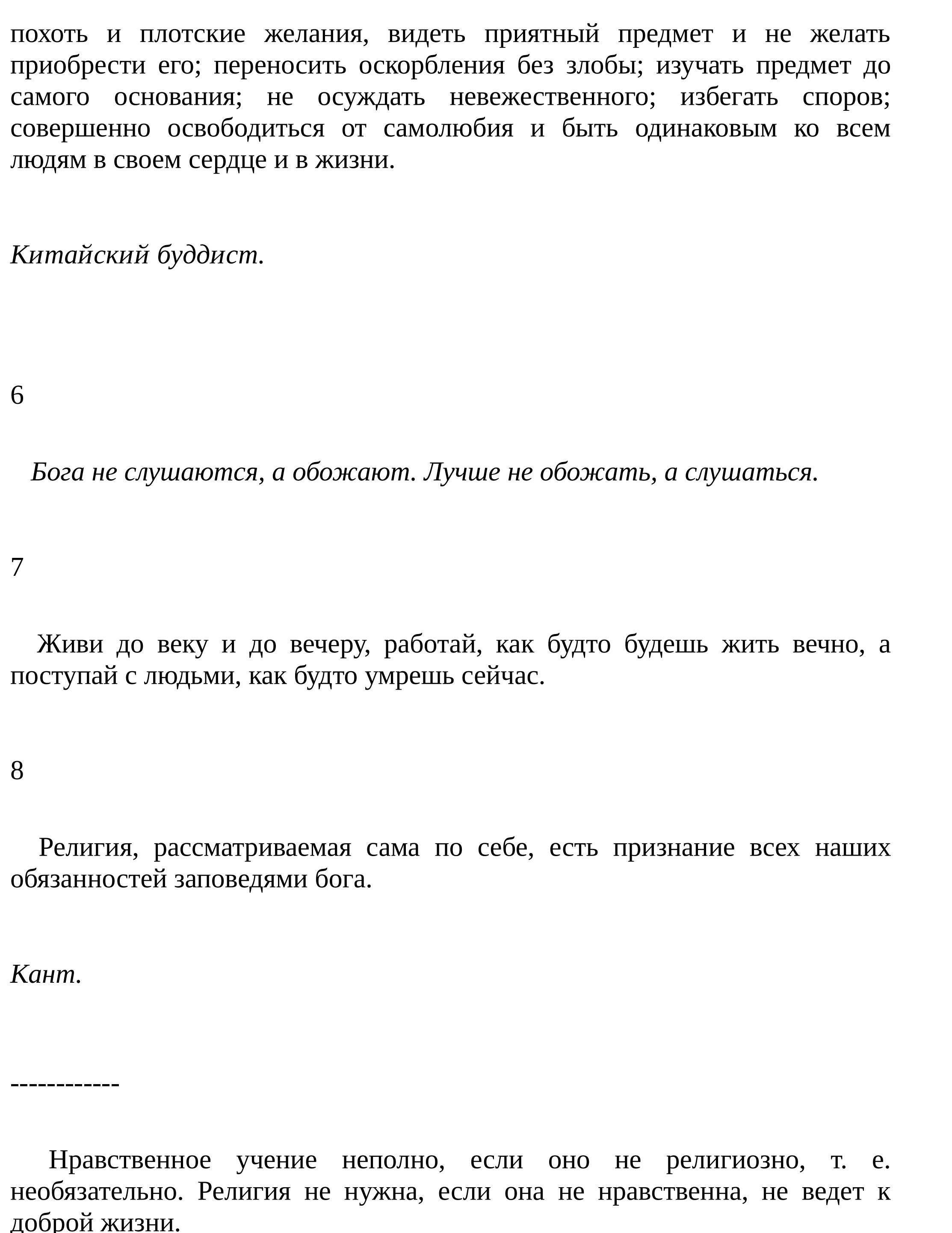
Агни Пурана.

4

Несомненно то, что преподавать религиозные системы есть насилие, есть тот соблазн детей, про который говорил Христос. Какое право имеем мы преподавать то, что оспариваемо огромным большинством: троицу, чудеса Будды, Магомета, Христа? Одно, что мы можем и должны преподавать детям, это то, что обще всем религиям и понятно всякому: нравственное учение любви и единения.

5

Будда сказал: есть трудные веши в мире, -- будучи бедным, быть милосердным; будучи богатым и знатным, быть религиозным; подавить

похоть и плотские желания, видеть приятный предмет и не желать приобрести его; переносить оскорбления без злобы; изучать предмет до самого основания; не осуждать невежественного; избегать споров; совершенно освободиться от самолюбия и быть одинаковым ко всем людям в своем сердце и в жизни.

Китайский буддист.

6

Бога не слушаются, а обожают. Лучше не обожать, а слушаться.

7

Живи до веку и до вечеру, работай, как будто будешь жить вечно, а поступай с людьми, как будто умрешь сейчас.

8

Религия, рассматриваемая сама по себе, есть признание всех наших обязанностей заповедями бога.

Кант.

Нравственное учение неполно, если оно не религиозно, т. е. необязательно. Религия не нужна, если она не нравственна, не ведет к доброй жизни.

3-е октября

Богатство никогда не дает удовлетворения: потребности возрастают с увеличением богатства всегда так, что чем больше богатства, тем менее достает его на удовлетворение потребностей.

1

Трудно, если не невозможно, найти разумный предел нашим желаниям собственности. В самом деле: довольство того или иного человека в этом отношении зависит не от абсолютной, а от некоторой чисто относительной величины, именно от отношения между его требованиями и его имуществом. Поэтому имущество само по себе так же мало значит, как числитель без знаменателя. Человек может быть вполне доволен, не имея тех вещей, которых ему и в голову не приходило требовать и которые поэтому излишни ему; между тем другой, имеющий во сто раз больше, чувствует себя несчастным, потому что у него нет того, что ему потребовалось.

Шопенгауэр.

2

Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает.

Лихтенберг.

3

Не тот беден, у кого мало, а тот, кто хочет большего.

Сенека.

4

Ничто не может быть "порядочнее", как то, чтобы иметь мало потребностей и самому удовлетворять им, так, чтобы быть в состоянии отдавать вместо того чтобы пользоваться всяким случаем захватывать.

Гораздо более "порядочно" удовлетворять самому своим нуждам, чем быть роскошно прислуживаемым; это может казаться непорядочным нынче и малому числу, но это единственная "порядочность" всегда и для всех.

Эмерсон.

5

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и не подкапывают и где воры не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Мф. гл. 6, ст. 19 -- 21.

6

Наживи себе то богатство, которого воры не могут похищать, на которое сильные не смеют посягать, которое и по смерти за тобою останется, никогда не убавляясь и не истлевая. Богатство это -- твоя душа.

Индийская поговорка.

Есть два средства для того, чтобы не страдать от бедности: увеличивать свое богатство и уменьшать свои потребности. Первое не в нашей, второе всегда в нашей власти.

4-е октября

Любовь дает не только духовную внутреннюю радость том, кто испытывает ее, но она же и главное условие радостной мирской жизни.

1

Истинная любовь -- не есть любовь к одному исключительному лицу, а душевное состояние готовности любви ко всем -- есть то состояние, в котором одном мы сознаем божественное начало нашей души.

2

Не думай, что твое доброе расположение к людям -- это подарок, который ты делаешь своим ближним: ты делаешь этот подарок самому себе.

3

Не старайтесь привлекать к себе любовь других: любите и будете любимы.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Обращать горечь жизненного опыта в благодушие, неблагодарность -- в

благодеяние, оскорбления -- в прощение, -- вот в чем святая алхимия высоких душ. И это превращение должно сделаться столь обычным, столь легким, чтобы оно представлялось людям естественным и чтобы нам не нужно было за это одобрение людей.

Амиель.

5

Любить -- значит жить жизнью того, кого любишь.

6

Святой человек не имеет своих чувств. Чувства народа становятся его чувствами. Доброе он встречает с добротой, с добротой же встречает и злое. Верующих он встречает с верою, с такой же верою встречает и неверующих.

Святой человек, живя в мире, озабочен своими отношениями к людям. Он чувствует за всех людей, и все люди обращают к нему свои уши и глаза.

Лао-Тсе.

7

Любовь открывает нам благодетельную тайну: жить в согласии с самим собой и со всеми людьми.

Из "Благочестивых мыслей".

8

Без любви никакое дело не приносит пользы, и всякое дело, внушенное любовью, как бы оно мало и ничтожно ни казалось, приносит обильные плоды.

Из "Благочестивых мыслей".

9

Религия есть высшая форма любви.

Паркер.

Чем больше человек проявляет любви, тем больше люди любят его. А чем больше его любят, тем ему легче любить других; оттого-то любовь бесконечна.

5-е октября

Усилие нравственное потому необходимо, что усилие плотское не переставая совершается. Только перестань работать над собой духовно, и плоть завладеет тобой.

1

Усвоить истину -- дело нелегкое для людей, исполненных заблуждений, ибо вредные влияния разного рода с чрезвычайной силой стремятся сохранить над ними свою власть. И потому надо с особенной настойчивостью отыскивать истину и держаться ее.

Люси Малори.

2

То, что неясно, следует выяснить. То, что трудно делать, следует делать с великой настойчивостью.

Конфуций.

3

Пока ты не уничтожил до самого корня похотливую привязанность свою к женщине, до тех пор дух твой будет привязан к земному, как сосущий телец привязан к своей матери.

Люди, влекомые похотью, мечутся подобно зайцу, попавшему в западню; увязшие в путах телесных желаний, они снова и снова подпадают страданию на долгие времена.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

4

Путь исправления себя, правда, труден, но он труден не сам по себе, а труден потому, что мы так долго предавались порокам. Эти-то пороки и усложняют нам путь исправления. Мы страдаем от этой борьбы настолько, насколько пороки наши успели в нас вкорениться. Мы не можем думать, что бог виноват в необходимости этой борьбы, потому что, не будь в нас пороков, не было бы и борьбы. Значит, причина борьбы -- в нашем собственном несовершенстве. И между тем в этой борьбе наше спасение, если бы бог избавил нас от этой борьбы, то мы, несчастные, остались бы навсегда с нашими пороками.

Паскаль.

5

С нашими высшими чувствами бывает то же, что бывает со всеми вообще нашими способностями. Если мы не упражняем их, мы перестаем замечать, что мы ими обладаем. Люди, никогда не упражняющие своих способностей, становятся нечувствительными к их существованию.

Люси Малори.

6

Доброе дело совершается всегда с усилием, но когда усилие повторено несколько раз, -- то же дело становится привычкой.

Не пренебрегай никаким делом, которое может приучить тебя к деланию добра, а тем более таким, которое может отучить тебя от делания зла.

6-е октября

Болезни -- естественное явление, и надо уметь относиться к ним, как к естественному, свойственному людям условию жизни.

1

Пренебрежение к здоровью тела лишает возможности служения людям. Излишняя забота о своем теле приводит к тому же. Для того чтобы найти

середину, есть одно средство: заботиться о своем теле в той мере, в которой это не мешает служению, не противоположно ему.

2

Когда больной перестает жить и всю жизнь сосредоточивает на лечении, ему гораздо выгоднее бы было, не только при неизлечимой болезни, но и при болезнях излечимых, не обращая внимания на болезнь, жить обыкновенной жизнью, которая, если бы даже и сократилась от этого (что всегда сомнительно), но была бы жизнью, а не постоянным страхом и заботой о своем теле.

3

Нет такой болезни которая бы мешала человеку исполнять то, что он должен. Не можешь служить людям трудами, служи примером любовного терпения.

4

Болезни мысли губительнее и встречаются чаще, чем болезни тела.

Цицерон.

5

Изречение Гиппократа о том, что основное условие лечения то, чтобы оно не вредило, часто не применяется и по отношению к телу; по отношению же к душе никогда не применяется.

Правило не вредить телу не соблюдалось при прежних кровопусканиях, не соблюдается и теперь при операциях, при принимании ядовитых лекарств и многом другом. О вреде же душе, всегда сопутствующем всякому лечению, никто не думает и не поминает. А между тем вред этот

состоит в оправдании самого грубого эгоизма: требования служения себе

Не бойся болезни, бойся лечения, и лечения не в смысле вредных лекарств, а главное, лечения в смысле признания себя вследствие болезни освобожденным от нравственных требований.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЖИВЫЕ МОЩИ

Край родной долготерпенья --

Край ты русского народа!..

Ф. Тютчев.

На следующий день я проснулся ранехонько. Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка: все кругом блестело сильным двойным блеском, блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. Пока мне закладывали таратайку, я пошел побродить по небольшому, некогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосов! На крыльях своих они, наверно, унесли капли росы, и песни их казались орошенными росою. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно -- всею грудью... На склоне неглубокого оврага, возле самого плетня, виднелась пасека, узенькая тропинка вела к ней, извиваясь змейкой между сплошными стенами бурьяна и крапивы, над которыми высились бог ведает откуда занесенные остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинке; дошел до пасеки. Рядом с нею стоял плетеный сарайчик, так называемый омшаник, куда ставят улья на зиму. Я заглянул в полуоткрытую дверь; темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмостки, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура... Я пошел было прочь...

-- Барин! а, барин! Петр Петрович! -- послышался мне

голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки.

Я остановился.

-- Петр Петрович! Подойдите, пожалуйста! -- повторил голос. Он доносился до меня из угла с тех, замеченных мною, подмостков.

Я приблизился и остолбенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо; но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая, -- ни дать ни взять -- икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать, -- только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, -- но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по металлическим его щекам, я вижу -- силится... силится и не может расплыться улыбка.

Вы меня не узнаете, барин? -- прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. -- Да и где узнать! Я -- Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, в Спасском, водила, помните... Помните, я еще запевалой была?

-- Лукерья! -- воскликнул я. -- Ты ли это? Возможно ли?

-- Я, да, барин, -- я. Я --Лукерья.

Я не знал, что сказать, и как ошеломленный глядел на это темное, неподвижное лицо с устремленными на меня светлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумия -- Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, -- высокая, полная, белая, румяная, -- хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я -- шестнадцатилетний мальчик!

-- Помилуй, Лукерья, -- проговорил я наконец, -- что это с тобой случилось?

-- А беда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастием моим, -- сядьте вон на кадушечку -- поближе, а то вам меня не слышно будет... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, уж и рада же я, что увидала вас! Как это вы в Алексеевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но без остановки.

-- Меня Ермолай охотник сюда завез. Но расскажи же ты мне...

-- Про беду-то мою рассказать? Извольте, барин. -- Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова -- помните, такой из себя статный был, кудрявый -- еще буфетчиком у матушки у вашей служил? Да вас уже тогда в деревне не

было: в Москву уехали учиться. Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил; а дело было весною. Вот, раз, ночью... уж и до зари недалеко... а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поет сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается... И вдруг мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: Луша! Я глядь в сторону, да знать спросонья -- оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз -- да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому -- скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри -- в утробе -- порвалось... Дайте дух перевести... с минуточку... барин...

Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на нее. Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие.

-- С самого того случая, -- продолжала Лукерья, -- стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже -- полно и ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала, и ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже. Матушка ваша, по доброте своей, и лекарям меня показывала, и в больницу посылала. Однако облегченья мне никакого не вышло. И ни один лекарь даже сказать не мог, что за болезнь у меня за такая. Чего они со мной только не делали: железом раскаленным спину жгли, в колотый лед сажали -- и все ничего. Совсем я окостенела под конец... Вот и порешили господа, что лечить меня больше нечего, а в барском доме держать калек неспособно... ну, и переслали меня сюда -- потому, тут у меня родственники есть. Вот я и живу, как видите.

Лукерья опять умолкла и опять усилилась улыбнуться.

-- Это, однакоже, ужасно, твое положение! -- воскликнул я. И, не зная, что прибавить, спросил: -- А что же Поляков Василий?

Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвела глаза немного в сторону.

-- Что Поляков? Потужил-потужил -- да и женился на другой, на девушке из Глинного. Знаете Глинное? От нас недалече. Аграфеной ее звали. Очень он меня любил, -- да ведь человек молодой -- не оставаться же ему холостым. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашел себе хорошую, добрую, -- и детки у них есть. Он тут, у соседа, в приказчиках живет: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава богу, хорошо.

-- И так ты все лежишь да лежишь? -- спросил я опять.

-- Вот так и лежу, барин, седьмой годок. Летом-то я здесь лежу, в этой плетушке, а как холодно станет -- меня в предбанник перенесут. Там лежу.

-- Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?

-- А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставляют. Да и ходьбы за

мной немного. Есть-то, почитай, что не ем ничего, а вода -- вон она, в кружке-то: всегда стоит припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще действовать может. Ну, девочка тут есть, сиротка; нет, нет, да и наведается, спасибо ей. Сейчас тут была... Вы ее не встретили? Хорошенькая такая, беленькая. Она цветы мне носит: большая я до них охотница, до цветов-то. Садовых у нас нет, -- были да перевелись. Но ведь и полевые цветы хороши; пахнут еще лучше садовых. Вот хоть бы ландыш... на что приятнее!

-- И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

-- А что будешь делать? Лгать не хочу -- сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась -- ничего: иным еще хуже бывает.

-- Это каким же образом?

-- А у иного и пристанища нет! А иной -- слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землею роется -- я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду -- мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком бы оттуда потянуло. Нет, что бога гневить? -- многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может, а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать, да и говорит: "Тебя, мол, исповедывать нечего, -- разве ты в твоем состоянии согрешить можешь?" Но я ему ответила: а мысленный грех, батюшка? "Ну, говорит, а сам смеется, это грех не великий". -- Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом, не больно грешна, -- продолжала Лукерья, -- потому, я так себя приучила: не думать, а пуще того -- не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился.

-- Ты все одна да одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты все спишь?

-- Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре, и в костях тоже, не дает спать, как следует. Нет... а так, лежу я себе, лежу-полеживаю -- и не думаю, чую, что жива, дышу -- и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка -- а мне очень приятно. В позапрошлом году так даже ласточки вон там, в углу, гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно! -- Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит -- и вон. Глядишь -- уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас -- ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука...

Какие вы, господа охотники, злые!

-- Я ласточек не стреляю, -- поспешил я заметить.

-- А то раз, -- начала опять Лукерья, -- вот смеху-то было! Заяц забежал, право. Собаки, что ли, за ним гнались, -- только он прямо в дверь как прикатит!.. Сел близехонько -- и долго-таки сидел, -- все носом водил и усами дергал -- настоящий офицер! И на меня смотрел. Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на пороге оглянулся -- да и был таков. Смешной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, мол, не забавно? Я, в угоду ей, посмеялся. Она покусала пересохшие губы.

-- Ну, зимою, конечно, мне хуже: потому -- темно: свечку зажечь жалко, да и к чему? Я хоть грамоте знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать ее, книгу-то? Отец Алексей мне, для рассеянности, принес календарь, да видит, что пользы нет, взял да унес опять. Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчок затрещит, али мышь где скрестись станет. Вот тут-то хорошо: не думать!

А то я молитвы читаю, -- продолжала, отдохнув немного, Лукерья. -- Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану господу богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест -- значит, меня он любит. Так нам велено это понимать. Прочту отче наш, богородицу, акафист всем скорбящим, -- да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты две. Я не нарушал молчания и не шевелился на узенькой кадушке, служившей мне сиденьем. Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел.

-- Послушай, Лукерья, -- начал я, наконец. -- Послушай, какое я тебе предложение сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую, городскую больницу? Кто знает, быть может, тебя еще вылечат? Во всяком случае, ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

-- Ох, нет, барин, -- промолвила она озабоченным шепотом, -- не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше муки приму. Уж куда меня лечить!.. Вот так-то раз доктор сюда приезжал; осматривать меня захотел. Я его прошу: не тревожьте вы меня, Христа ради. Куда! переворачивать меня стал, руки, ноги разминал, разгинал; говорит: это я для учености делаю; на то я служащий человек, ученый! Потормошил, потормошил меня, назвал мне мою болезнь -- мудрено таково -- да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смирная -- не мешаю. Девушки крестьянские зайдут, погуторят;

странница забредет, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святые города. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Барин, не трогайте меня, не возите в больницу... Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик.

-- Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полагал...

-- Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдет? Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите -- а лежу я иногда так-то одна... И словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я -- живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление -- даже удивительно!

-- О чем же ты тогда размышляешь, Лукерья?

-- Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было -- не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди -- ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула с трудом. Грудь ей не повиновалась -- так же, как и остальные члены.

-- Как погляжу я, барин, на вас, -- начала она снова,-- очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жалейте, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь... Вы ведь помните, какая я в свое время была веселая? Бой-девка!.. так знаете что? Я и теперь песни пою.

-- Песни?.. Ты?

-- Да, песни, старые песни, хороводные, подблюдные, святочные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовых не пою. В теперешнем моем звании -- оно не годится.

-- Как же ты поешь... про себя?

-- И про себя и голосом. Громко-то не могу, а все -- понять можно. Вот я вам сказывала -- девочка ко мне ходит. Сиротка, значит, понятливая. Так вот я ее выучила: четыре песни она уже у меня переняла. Аль не верите? Постойте, я вам сейчас...

Лукерья собралась с духом... Мысль, что это полумертвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде чем я мог промолвить слово, в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук... За ним последовал другой, третий. "Во лузях" пела Лукерья. Она пела, не изменив выражения своего окаменелого лица, уставив даже глаза. Но так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость несказанная стиснула мне сердце.

-- Ох, не могу! -- проговорила она вдруг, -- силушки не хватает... Очень

уж я вам обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положил руку на ее крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня -- и ее темные веки, опушенные золотистыми ресницами, как у древних статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье они заблистали в полутьме... Слеза их смочила.

Я не шевелился по-прежнему.

-- Экая я! -- проговорила вдруг Лукерья с неожиданной силой и, раскрыв широко глаза, постаралась смигнуть с них слезу. -- Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось... с самого того дня, как Поляков Вася у меня был, прошлой весной. Пока он со мной сидел да разговаривал -- ну, ничего; а как ушел он -- поплакала я-таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слезы не купленные. Барин, -- прибавила Лукерья, -- чай, у вас платочек есть... Не побрезгуйте, утрите мне глаза.

Я поспешил исполнить ее желание -- и платок ей оставил. Она сперва отказывалась... на что, мол, мне такой подарок? Платок был очень простой, но чистый и белый. Потом она охватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала их более. Привыкнув к темноте, в которой мы оба находились, я мог ясно различить ее черты, мог даже заметить тонкий румянец, проступивший сквозь бронзу ее лица, мог открыть в этом лице, -- так по крайней мере мне казалось, -- следы его бывалой красоты.

-- Вот вы, барин, спрашивали меня, -- заговорила опять Лукерья, -- сплю ли я? Сплю я, точно, редко, но всякий раз сны вижу, -- хорошие сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я -- потянуться хочу хорошенько -- ан, я вся как скованная. Раз мне какой чудесный сон приснился! Хотите, расскажу вам? Ну, слушайте. Вижу я, будто сижу я эдак на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана -- как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко, на богомолье. И проходят мимо меня все странники: идут они тихо, словно нехотя, все в одну сторону; лица у всех унылые, и друг на дружку все очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, целой головой выше других, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто все другие от нее сторонятся; а она вдруг верть -- да прямо ко мне. Остановилась и смотрит: а глаза у ней, как у сокола, желтые, большие и светлые-пресветлые. И спрашиваю я ее: кто ты? А она мне говорит: "Я смерть твоя". Мне чтобы испугаться, а я, напротив, рада-радехонька, крещусь! И говорит мне та женщина, смерть моя: "Жаль мне тебя, Лукерья, -- но взять я тебя с собою не могу. Прощай!" Господи! Как мне тут грустно стало!.. Возьми меня, говорю, матушка, голубушка, возьми! И смерть моя обернулась ко мне, стала мне выговаривать... Понимаю я, что

назначает она мне мой час, да непонятно так, неявственно... После, мол, Петровок... С этим я проснулась... Такие-то у меня бывают сны удивительные!

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

-- А то еще видела я сон, -- начала она снова, -- а быть может, это было мне видение -- я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители -- батюшка да матушка -- и кланяются мне низко, и сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? "А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила, теперь наши грехи побеждаешь". И сказавши это, родители мне опять поклонились -- и не стало их видно: одни стены видны. Очень я потом сомневалась, что это такое со мною было. Даже батюшке на духу рассказала. Только он так полагает, что это было не видение, потому что видения бывают одному духовному чину. Только вот беда моя: случается, целая неделя пройдет, а я и не засну ни разу. В прошлом году барыня одна проезжала, увидела меня, да и дала мне скляночку с лекарством против бессонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мне помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и как его получить?

Проезжая барыня, очевидно, дала Лукерье опиума. Я обещался доставить ей такую скляночку и опять-таки не мог не подивиться вслух ее терпению.

-- Эх, барин! -- возразила она. -- Что вы это? Какое такое мое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было, точно, великое: тридцать лет на столбу простоял! А другой угодник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели...

Помолчав немного, я спросил Лукерью: сколько ей лет?

-- Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будет. Да что их считать, года-то! Я вам еще вот что доложу...

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула...

-- Ты много говоришь, -- заметил я ей, -- это может тебе повредить.

-- Правда, -- прошептала она едва слышно, -- разговорке нашей конец; да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю. По крайности душу отвела.

Я стал прощаться с нею, повторил ей мое обещание прислать ей лекарство, попросил ее еще раз хорошенько подумать и сказать мне -- не нужно ли ей чего?

-- Ничего мне не нужно; всем довольна, слава богу, -- с величайшим усилием, но умиленно произнесла она. -- Дай бог всем здоровья! А вот вам

бы, барин, матушку вашу уговорить -- крестьяне здешние бедные -- хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас богу помолились... А мне ничего не нужно, -- всем довольна.

Я дал Лукерье слово исполнить ее просьбу и подходил уже к дверям... она подозвала меня опять.

-- Помните, барин, -- сказала она, и чудное что-то мелькнуло в ее глазах и на губах, -- какая у меня была коса? Помните -- до самых колен! Я долго не решалась... Эдакие волосы!.. Но где же их было расчесывать? В моем-то положении!.. Так уж я их и обрезала... Да... Ну, простите, барин! Больше не могу...

В тот же день, прежде чем отправиться на охоту, был у меня разговор о Лукерье с хуторским десятским. Я узнал от него, что ее в деревне прозывали "Живые мощи", что, впрочем, от нее никакого не видать беспокойства: ни ропота от нее не слыхать, ни жалоб. "Сама ничего не требует, а, напротив, за все благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо".

Несколько недель спустя я узнал, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и "после Петровок". Рассказывали, что в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничный. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а "сверху". Вероятно, она не посмела сказать: с неба.

И. С. Тургенев.

7-е октября

Можно не называть бога, избегать этого слова, но не признавать его существования нельзя. Ничего нет, если его нет.

1

Все, что я знаю потому, что есть бог, и я знаю его.

Только на этом можно основаться твердо и в отношениях к людям, и к себе, и к внеземной и вневременной жизни. Я не только не нахожу этого

мистичным, но нахожу, что противоположный взгляд есть мистицизм, а что это одна самая понятная и всем доступная реальность. На вопрос: что такое бог? я отвечаю так: бог -- это бесконечное, все, чего я сознаю себя частью.

Бог для меня -- это то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему состоит моя жизнь, и которое поэтому и есть для меня; но есть непременно такое, чего я понять, назвать не могу. Если бы я его понял, я бы дошел до него, и стремиться бы некуда было и жизни бы не было.

Не могу понять и назвать его, а вместе с тем знаю его, знаю направление к нему, и даже из всех моих знаний это самое достоверное. Мне всегда страшно, когда я без него; а только тогда не страшно, когда я с ним.

2

Религиозные действия, вытекающие из себялюбивых целей, как молитвы о дожде или жертва для награды в будущем мире, всегда корыстны, и только поступок, совершенный вследствие познания бога, достоин его.

Признавая, высший разум во всех существах и вещах, истинный верующий приносит в жертву свой ум, направляя его к духу божьему, и приближается к природе того, кто светит своим собственным светом.

Пусть каждый внимательно рассматривает природу, видимую и невидимую, как существующую в божественном разуме, потому что, созерцая бесконечный мир в божественном разуме, он не может уже отдаваться злым помыслам.

Законы Ману.

3

Когда я говорю тебе о боге, то ты не думай, что я говорю тебе о каком-нибудь предмете, сделанном из золота или серебра. Тот бог, о котором я тебе говорю, -- ты его чувствуешь в своей душе. Ты носишь его в самом себе, и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь его образ в твоей душе. Перед идолом золотым, которого ты почитаешь за бога, ты остерегаешься делать что-либо непристойное, а перед лицом того бога, который в тебе самом и который все видит и слышит, ты даже не краснеешь, когда предаешься своим гнусным мыслям

и поступкам. Если б только мы постоянно помнили, что бог в нас -- свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить, и бог неотлучно пребывал бы в нас. Давайте же вспоминать бога, думать и беседовать о нем как можно чаще.

Эпиктет.

4

Бог -- не идол, которому нужно молиться и льстить, бог -- идеал, который должен воплощать человек в своей повседневной жизни.

Люси Малори.

5

Не тогда, когда я иду к нему, но именно тогда, когда я отворачиваюсь от него, оставляю его, -- именно тогда я признаю то, что бог есть. Я говорил "бог", но не знаю наверное, так ли я называю. Вы поймете, что я разумею.

Торо.

6

К богу никогда не надо ходить нарочно: "Дай я пойду к богу, стану жить по-божьи. Жил по-дьявольски, дай поживу по-божьи, попробую, авось не беда"... Это беда, и большая.

К богу, вроде того, как жениться, надо идти только тогда, когда и рад бы не пойти и рад бы не жениться, да не могу... И потому всякому не то, что скажу: иди в соблазны нарочно; а тому, кто так поставит вопрос: "А что, не прогадаю ли, если пойду не к черту, а к богу?" закричу во все горло: "Иди, иди к черту, непременно к черту!" Во сто раз лучше обжечься хорошенько

на черте, чем стоять на распутье или лицемерно идти к богу.

7

Если человек и не знает, что он дышит воздухом, он знает, что лишился чего-то, когда задыхается. То же и с человеком, лишившимся бога, хотя бы он и не признавал его.

Помнить бога -- великое дело. Не словами поминать его, но жить так, как будто он следит за каждым моим поступком. Русские крестьяне говорят: или ты бога забыл?

8-е октября

Только люди, никогда не думавшие о главных и существенных вопросах жизни, могут думать и говорить, что все доступно человеческому разуму.

1

Люди бывают трех родов: одни не верят ни во что, чего нельзя выразить ясными словами, другие верят только в те учения, в которых они воспитаны; третьи верят в тот закон, который они сознают в своем сердце. Такие люди самые разумные и самые твердые. Те люди, которые верят в те учения, в которых они родились, менее разумные и менее твердые, но все-таки не лишены главного человеческого свойства: признавать нечто высшее, непостижимое, требующее от нас доброй жизни. Баба, призывающая бога, даже Николая Чудотворца, как нечто высшее, духовное, требующее самоотвержения, добрых дел, ближе к истине, чем люди первого рода, не признающие ничего непостижимого рассуждением.

2

Все начала -- тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни -- тайна, т. е. нечто не поддающееся разуму, неизъяснимое, неопределенное. Одним словом, всякая индивидуальность есть неразрешимая загадка, и никакое начало не может быть объяснено. В самом деле, все то, что сделалось, объясняется прошедшим, но начало чего бы то ни было не сделалось. Оно представляет всегда начальное чудо творения, потому что оно не есть следствие чего-либо другого: оно является только между прежними вещами, которые составляют ему среду, случай, обстановку, которые сопутствуют его появлению. Само же появление остается непонятно.

Амиель.

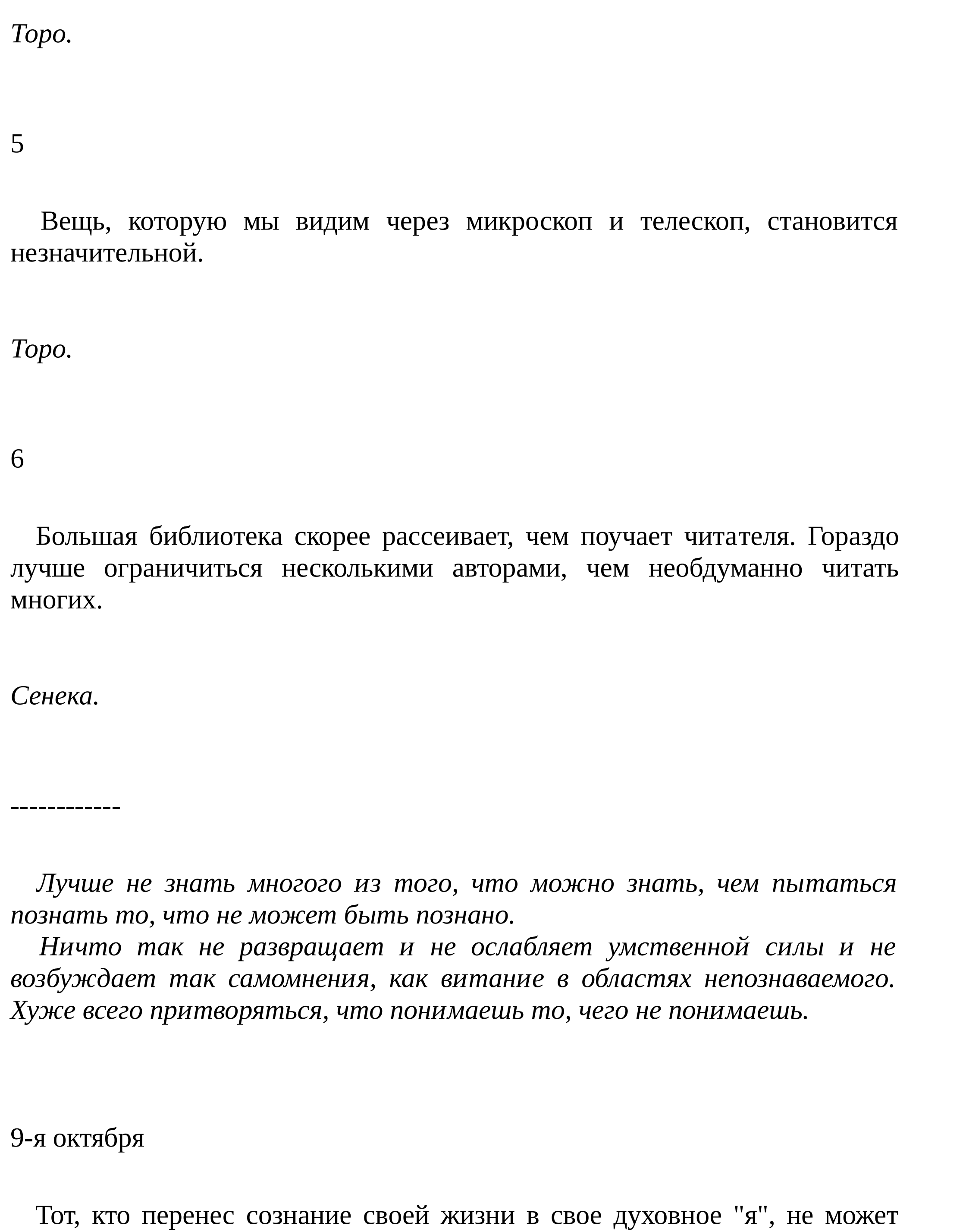
3

Благодаря твоему превосходному воспитанию, ты можешь измерять круги и квадраты и все расстояния между звездами. Все стало достижимо для твоей геометрии. Если ты такой прекрасный механик, измерь же ум человеческий. Скажи мне, как он велик или как он мал. Ты знаешь, что такое прямая линия. Какая тебе в этом польза, если ты не знаешь прямого пути в жизни. Все свободные науки оказываются несостоятельны для научения добродетели. Если они и пригодны для чего другого, для добродетели они ничего не стоят. Они не приводят ум к добродетели: они лишь расчищают путь.

Сенека.

4

Тайна жизни растения -- такая же, как тайна нашей жизни, и физиолог напрасно надеется объяснить ее механическим законом так же, как он объясняет машину, которую сам сделал. Мы не должны щупать пальцами святую святых жизни животной или даже растительной. Делая это, мы ничего не откроем, кроме внешности.

Торо.

5

Вещь, которую мы видим через микроскоп и телескоп, становится незначительной.

Торо.

6

Большая библиотека скорее рассеивает, чем поучает читателя. Гораздо лучше ограничиться несколькими авторами, чем необдуманно читать многих.

Сенека.

Лучше не знать многого из того, что можно знать, чем пытаться познать то, что не может быть познано.

Ничто так не развращает и не ослабляет умственной силы и не возбуждает так самомнения, как витание в областях непознаваемого. Хуже всего притворяться, что понимаешь то, чего не понимаешь.

9-я октября

Тот, кто перенес сознание своей жизни в свое духовное "я", не может испытать зла ни в жизни, ни в смерти.

1

Та материальная форма, в которой застает нас в этом мире пробуждение нашего сознания истинной жизни, представляет как бы пределы, ограничивающие наше духовное существо.

Материя есть предел духа. Истинная же жизнь есть постепенное разрушение этого предела, кончающееся полным разрушением, полным освобождением -- смертью. Такое понимание жизни дает человеку полное спокойствие и в жизни и в смерти.

2

Куда бы судьба тебя ни забросила, всюду с тобою твоя сущность, твой дух, средоточие жизни, свободы и силы, когда он верен закону бытия своего. Нет в мире внешних благ или величия, для которых стоило бы человеку нарушать единение свое с духом, расторгать свой союз с ним и подрывать цельность своей души внутренним разладом с самим собою.

Укажи, что мог бы ты купить ценою такой жертвы?

Марк Аврелий.

3

Человека иногда томит, радует живо сознанная им страшная противоположность между чем-то бесконечно великим и всемогущим, которое он сознает в себе, и чем-то узким и слабым, которое он чувствует в себе же.

4

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух.

Не удивляйся тому, что я сказал тебе: должно вам родиться свыше.

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рожденным от духа.

Ин. гл. 3, ст. 6--8.

5

По многим соображениям душа добрых людей представляется мне божественной и вечной, но, главным образом, потому, что душа лучших и мудрейших людей так переносится в будущее состояние, что кажется, будто все ее мысли сосредоточены на вечности.

Цицерон.

6

Только деятельное, нравственное, духовное, глубокое и религиозное сознание придает жизни все ее достоинство и энергию. Оно делает неуязвимым и непобедимым. Землю можно победить только именем неба. Все блага даются, кроме того, тому, кто ищет только мудрости. Только тогда бываешь сильнее всего, когда вполне бескорыстен, и мир у ног того, кого он не может обольстить. Почему? Потому что дух властвует над материей, и мир принадлежит богу. "Мужайтесь, -- сказал небесный голос, -- я победил мир".

Боже, дай силы слабым, желающим доброго!

Амиель.

7

Есть один высший разум, превосходящий все человеческие умы. Он далек и близок. Он выше всех миров и вместе с тем проникает во все существующее.

Человек, который видит, что все вещи содержатся в высшем духе и что высший дух проникает все существа, не может относиться с презрением

ни к какому существу.

Для того, для кого все духовные существа одинаковы с высшим, не может быть места для заблуждения или для печали.

Те, кто исполняют одни обряды, находятся в густом мраке, но те, кто предаются только бесплодным размышлениям о высшем разуме находятся в еще большей темноте.

Упанишада из Вед.

8

Бог притягивает тех, которые хотят подняться до него. И потому неудивительно, что человек стремится к богу. Бог идет к людям, входит в людей. Нет ни одной души, которая была бы хороша без бога.

[Сенека].

Спасение от всего -- это сознание своей духовности. Что бы ни случилось с человеком, сознающим свою духовность, зло не может коснуться его.

10-е октября

Человек, как животное, не может не противиться смерти; как духовное же существо, он не знает смерти и потому не может ни противиться смерти, ни желать ее.

1

Причина, почему представление о смерти не оказывает того действия,

какое оно могло бы оказать, заключается в том, что мы по своей природе, в качестве деятельных существ, по-настоящему совсем не должны думать о ней.

Кант.

2

Жизнь не имеет ничего общего со смертью. Поэтому-то, вероятно, никогда не оставляет нас смутная надежда, затемняющая разум и заставляющая сомневаться в верности нашего знания о неизбежности смерти. Жизнь стремится упорствовать в бытии. Она повторяет, как попугай в басне, даже в ту минуту, когда его душат: "Это, это ничего!"

Амиель.

3

В последние предсмертные минуты духовное начало оставляет тело и, оставляя его, соединяется ли с безвременным, внепространственным началом всего или переходит в другую, опять ограниченную форму, мы не знаем, знаем только то, что вследствие смерти тело оставляется тем, что живило его, и становится только предметом наблюдения.

4

Смерть есть перемена или исчезновение предмета сознания. Само же сознание так же мало может быть уничтожено смертью, как перемена зрелища может уничтожить зрителя.

5

Ты пришел в эту жизнь, сам не зная как, но знаешь, что пришел тем особенным я, которое ты есть, потом шел, шел, дошел до половины и вдруг не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться с места, идти дальше, потому что не видишь того, что там. Но ведь ты не видал тоже и того места, из которого ты пришел, а ведь пришел же ты. Ты вошел во входные ворота и не хочешь выходить в выходные.

Вся жизнь твоя была шествие через плотское существование; ты шел, торопился идти, и вдруг тебе жалко стало того, что совершается то самое, что ты не переставая делал. Тебе страшна большая перемена твоего положения при плотской смерти, но ведь такая большая перемена совершилась с тобою при твоем рождении, и из этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротив, вышло такое хорошее, что ты и расстаться с ним не хочешь.

Если мы верим, что все, что случалось с нами в нашей жизни, случалось с нами для нашего блага, -- а человек, верующий в благое начало жизни, не может не верить в это, -- то мы не можем не верить, что и то, что совершается снами, когда мы умираем, совершается для нашего блага.

11-е октября

Люди большей частью гордятся не тем, что достойно уважения, а тем, что им не нужно или вредно: властью, богатством.

1

Нет того негодяя, который, поискав, не нашел бы негодяев в каком-нибудь отношении хуже себя и который поэтому не мог бы найти повода быть довольным собою.

2

Кто сам не умеет читать и писать, не может учить этому других; как же

может указывать людям, что им делать, тот, кто не знает, что ему самому делать?

Марк Аврелий.

3

Есть люди, которые едва только послушают мудрых поучений, как уже сами начинают поучать других. Они делают то же самое, что и больной желудок, который тотчас извергает принятую пищу. Не подражай таким людям. Сначала хорошенько перевари в себе то, что ты услыхал, а не извергай прежде времени, -- иначе выйдет такая гадость, которая не может служить никому пищей.

Эпиктет.

4

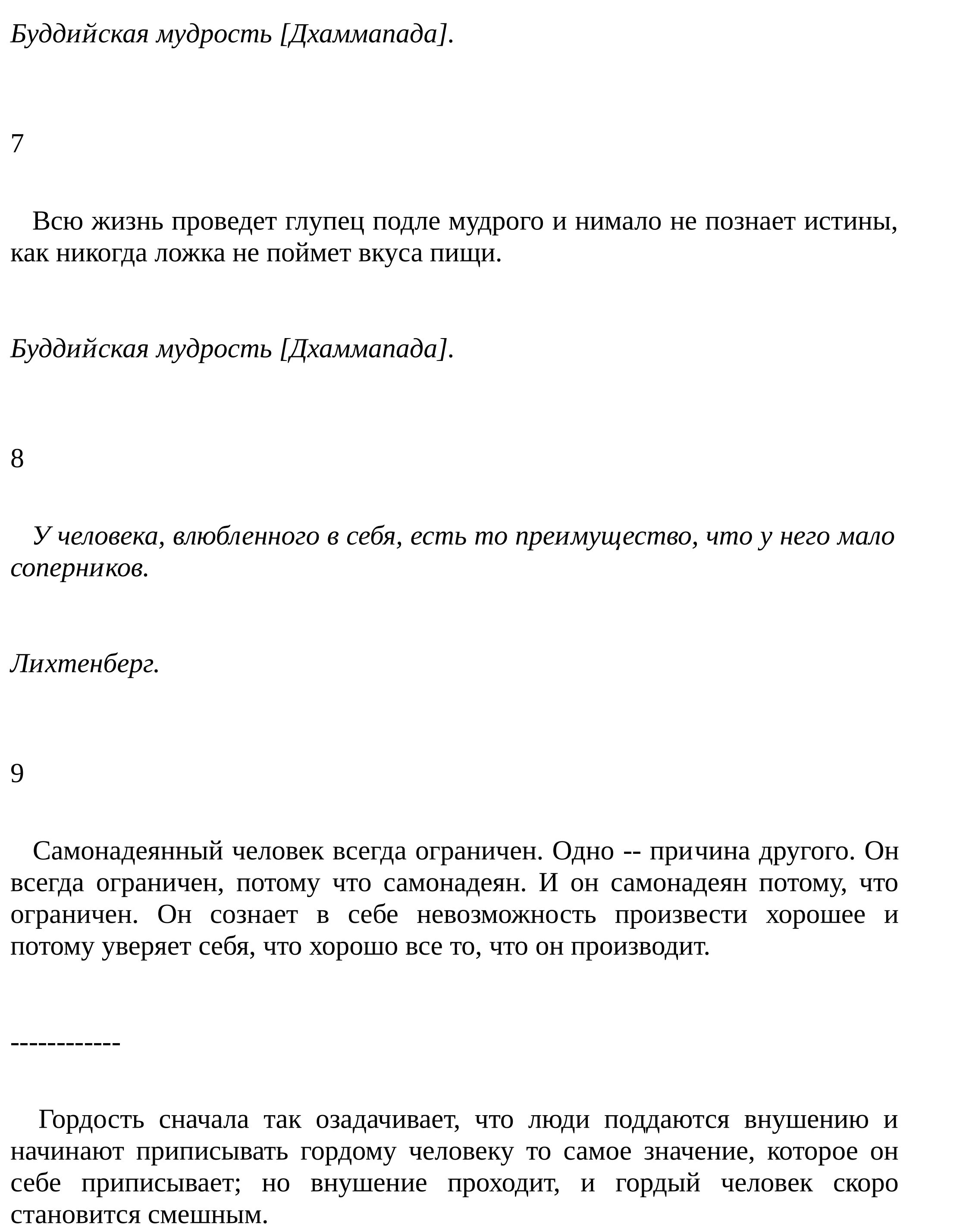
Гордость совсем не то, что сознание, человеческого достоинства. Гордость увеличивается по мере внешнего успеха, сознание своего человеческого достоинства, напротив, по мере внешнего унижения.

5

Человек гордый уважает не себя, а то мнение, которое о нем составляют люди; человек с сознанием своего достоинства уважает только себя и презирает людское мнение.

6

Есть еще ум в глупце, сознающим свою глупостъ; но, наверняка, нет ума в том, кто твердо уверен в своей мудрости.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

7

Всю жизнь проведет глупец подле мудрого и нимало не познает истины, как никогда ложка не поймет вкуса пищи.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

8

У человека, влюбленного в себя, есть то преимущество, что у него мало соперников.

Лихтенберг.

9

Самонадеянный человек всегда ограничен. Одно -- причина другого. Он всегда ограничен, потому что самонадеян. И он самонадеян потому, что ограничен. Он сознает в себе невозможность произвести хорошее и потому уверяет себя, что хорошо все то, что он производит.

Гордость сначала так озадачивает, что люди поддаются внушению и начинают приписывать гордому человеку то самое значение, которое он себе приписывает; но внушение проходит, и гордый человек скоро становится смешным.

12-е октября

Большого усилия требует всякое отступление от принятых обычаев. А между тем первый шаг к совершенствованию всегда связан с таким отступлением.

1

Я должен поступать так, как я думаю, а не так, как думают люди. Правило это одинаково необходимо как в практической, так и в духовной жизни. Правило это трудно, потому что всегда вы найдете таких людей, которые думают, что они знают ваши обязанности лучше, чем вы сами. В мире легко жить согласно мирскому мнению, а в одиночестве легко следовать своему собственному; но велик тот человек, который среди толпы придерживается независимости своего уединения.

Эмерсон.

2

Приноравливание к обычаям, до которых вам, в сущности, нет дела, -- вот на что тратятся ваши силы, что лишает вас досуга и стирает всю самобытность вашей природы. При занятии таким делом как трудно распознать, что вы такое на самом деле, не говоря уже о трате на пустяки наилучших ваших способностей. Такая жизнь губит душу и тело.

Эмерсон.

3

Общество говорит человеку: "Думай, как думаем мы; верь, как верим мы; ешь и пей, как мы едим и пьем; одевайся, как мы одеваемся, -- или будь проклят". Если же кто не подчинится ему, то оно превратит жизнь его в ад своими насмешками, сплетнями, ругательствами, бойкотом и

остракизмом. Но мужайся.

Люси Малори.

4

Человеку, отступающему, до требованию своей совести, от установленных обычаев той среды, в которой он живет, надо быть очень строгим и внимательным к себе: всякая ошибка его, всякая слабость будет поставлена в вину ему и, главное, его отступление от раз принятого им решения.

5

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию злых людей и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, не будем печалиться и скорбеть. Таково уж свойство добродетели, что она обыкновенно в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят славу других, злые люди ненавидят добрых, как идущих противоположным путем, и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит признаком добродетели.

Иоанн Златоуст.

Дурно раздражать людей, отступая от принятых ими обычаев, но еще хуже отступать от требований совести и разума, потворствуя людским обычаям.

13-е октября

Государственное устройство -- какое бы то ни было -- до такой степени противно самым основным положениям христианства, что достаточно сказать, что люди живут государственной жизнью, чтобы этим сказать, что люди живут жизнью, вполне противной учению Христа.

1

Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ презирает их.

Лао-Тсе.

2

Для непробудившегося человека государственная власть -- это некоторые священные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося человека -- это люди очень заблудшие, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания, и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Все это для пробудившегося человека заблудшие и большею частью подкупленные люди, насилующие других людей, точно такие же, как те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насилуют их. Древность этого насилия, размеры насилия, организация его -- не может изменить сущности дела. Для пробудившегося человека нет того, что называется государством; и потому нет оправдания всем совершаемым во имя государства насилиям; и потому для него невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

3

Сила -- в обоюдной любви, слабость -- во взаимном соперничестве. Соединяясь в любви -- мы держимся: разделяясь в раздоре -- мы падаем.

Люси Малори.

4

Может быть, что для прежнего состояния людей было нужно государственное насилие, может быть, оно нужно еще и теперь, но люди не могут не видеть, не предвидеть того состояния, при котором насилие может только мешать мирной жизни людей. А видя и предвидя это, люди не могут не стремиться к осуществлению такого порядка. Средство осуществления этого порядка есть внутреннее совершенствование и неучастие в насилии.

Старайся жить так, чтобы насилие было не нужно тебе.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЗАКОН БОГА И ЗАКОН МИРА СЕГО

Одна только *вера* может сохранить человека в мире от заблуждений и козней дьявола: она одна учит нас распознавать добро и зло; ею одною мы приобщаемся предметам духовным и божественным.

В наше время верят многому тому, чему не следует верить; истинную веру христианскую считают заблуждением и ересью, а мертвые обычаи принимают за веру. Между людьми произошло разделение: *одна сторона обвиняет другую в ереси*, и из-за этого возникают войны и распри, убийства, сожжение людей и многие другие грехи; так что веру теперь не легко узнать, ибо вся она смердит ересью и враждою. В таких обстоятельствах разумные люди должны хранить истинную веру, которая изложена апостолами и единожды дана была богом через И. Христа, и не увлекаться теми новыми верованиями, к которым теперь побуждают людей.

Между первыми христианами апостолы установили равенство: никто не

был ничем обязан друг другу, но все должны были любить друг друга и служить друг другу из любви, составляя одно тело, соединенное из многих членов, и имея главою Христа. Между ними не было правителей с языческими должностями: судей, городских советников. Хотя христиане жили под властью язычников, которым должны были платить дань, но сами не занимали языческих должностей. *Так продолжалось более трехсот лет*, до Константина: он первый вмешался в среду христиан с языческим господством и с чиновниками, которые приличествовали язычникам. Цель, к которой вели христиан апостолы, была гораздо возвышеннее и совершеннее, чем та, которую преследовали языческие власти, ибо составлять одно тело и руководиться одним духом божиим в целях религиозных и нравственных гораздо выше, чем соблюдать ту земную справедливость, которая поддерживается языческими властями посредством разных принудительных мер.

Суды в судилищах хотя и помогают возвращению отнятой собственности, вводят в грехи, от которых христиане не иначе могут избавиться, как отказавшись от таких судов. Христиане не должны никому причинять несправедливость и никого не обманывать, а причиненную *несправедливость должны терпеливо переносить, не воздавая злом за зло*.

Взаимные отношения, установленные апостолам и между первыми христианами, основаны были на законе Христове, который определяет, как должно поступать с противниками веры, соблазнителями, еретиками их нужно увещевать и обличать *сначала один на один*, в случае же неуспеха -- при свидетелях, наконец, поведать о них церкви; если же они и церковь преслушают, то поступать с ними, как с язычниками и мытарями, т. е. не общаться с ними. В таком же смысле апостол запрещает общение с прелюбодеями и др. Такое евангельское устройство общества скорее может исправить испорченный род человеческий, чем языческое, при помощи царей земных и городских судей: при первом грешник может снова приобресть благодать божию, которой лишили его грехи, а при втором всем таким грешникам определена смерть.

Итак, одного закона Христова было вполне достаточно для устроения общин первых христиан, и, руководясь им одним, они преуспевали в нравственном отношении: но потом, когда примешались к ним два закона, гражданский и папский, нравственность стала падать. Это признают те, которые пишут хроники, и мы своими глазами видим, как эти два закона разрушают и умерщвляют веру и закон божий. Поэтому мы, поздние потомки, сидя как бы под тенью этих законов, неуверенно говорим о законе божием и управлении божием, ибо тьма этих двух законов заслоняет очи. Поэтому, так сказать, ощупью и гадая, я задаю вопрос: *достаточно ли закона Христова*, без приданных к нему законов человеческих, для того чтобы основать и устроить здесь, на земном пути,

вполне христианскую религию? Я отвечаю, хотя и с трепетом: да, достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устроения христианского общества. Закон Христов не ослабляется *ни от сопротивлений*, которые ему оказывают, *ни от множества* обращенных к нему: напротив, от этого он приобрел еще большую силу, а потому его одного всегда достаточно. Далее, если его было *достаточно для обращения* неверующих к вере, *то достаточно и для устроения* в жизни и нравах, ибо последнее легче. А так как управление при помощи учения Христова лучше, чем с помощью человеческих примесей, то кто усомнится, что люди были бы совершеннее, руководясь законом божиим, чем напояя себя, как ядом, разными примесями.

Право гражданское, или *право языческих царей*, имеет цель установить между людьми справедливость во всем, что касается тела человека и телесного имущества; напротив, право евангельское имеет целью духовное совершенствование людей. Так как язычники полагают свое благо только - безопасности тела и имущества, то они и держатся гражданского управления. Точно так же и те христиане, которые обратились в язычество, отвергнув бога и его закон, и стремятся только к земным удовольствиям, к свободе и покою в мире к телесному обогащению, те также стоят за светскую власть, которая ублажает их желаниям, а в случае опасности, угрожающей их жизни или имуществу, употребляет в дело оружие или дает возможность судом возвратить потерянную собственность. Справедливость, которую стремится водворить светская власть, необходима для самих правителей: если бы один пошел на другого и вообще делал зло другому, то и царство бы разрушилось. О других добродетелях светская власть не заботится и потому кроме несправедливости допускает всякие другие грехи.

Управление Христово устрояет человека духовно в добродетелях и приводит его к такой невинности, при которой он может угодить богу и заслужить награду в вечности. При этом управлении человек совершенно иначе относится к телесным лишениям: не мстит за них и не ищет удовлетворения на суде, терпеливо переносит их.

Между христианами установлено было равенство, и никто не должен был возвышать себя над другими; поэтому истинный христианин никогда не посмел бы сделаться царем над христианами. Кроме того, для христиан обязательна апостольская заповедь -- друг друга тяготы носить: *как же добрый христианин может решиться сам быть бременем для других, сделавшись царем?*

Что царская власть есть тяжкое бремя для подданных, видно из того, что

по смерти Соломона иудеи просили сына его облегчить их от работы отца его жестокой и от ярма его тяжкого, а Ровоам, посоветовавшись с такими же безумцами, каким был сам, отвечал сурово: "Перст мой будет вам тяжелее хребта отца моего". Из этого видно, что и наимудрейший Соломон своей властью был тяжким бременем для народа.

Сам Иисус Христос запретил ученикам своим возноситься друг над другом: "Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий". И в Ветхом завете Гедеон отказался от предложения иудеев быть над ними царем и отвечал: "Не возобладаю аз вами, и не возобладает сын мой вами: господь да владеет вами".

Вызвать в человеке любовь к богу нельзя принудительными мерами: она основана на свободной воле человека и порождается словом божиим. Если же царь будет исправлять злых людей проповедью слова божия, то он обратится в священника и не станет прибегать к той власти, которая не иначе исправляет людей, как только вешая их.

К людям, которые присваивают языческую власть для того, чтобы ценою страданий других устраивать себе роскошную жизнь, может быть применена ветхозаветная *притча о деревьях*, которые обратились к маслине, смоковнице и виноградной лозе с просьбою царствовать над ними. Ни та, ни другая, ни третья не согласились, потому что должны были лишиться всего, что составляло их прелесть, и только терновник ответил: "Если вы выбрали меня царем, то войдите под мою сень, а если не хотите, то пусть выйдет из меня огонь и пожрет кедры ливанские".

Люди, обладающие дарами благодати божией, не променяют их на блага тела и света, на господство и повышение, зная, что все это влечет за собою жестокость, немилосердие, насилие, грабеж над своими же братьями: а терновник, острый и жестокий, смело говорит: "Так как вы меня выбрали господином, то знайте, что я ваш господин и буду властвовать над вами так, что на иных и кожа не останется целою: я им обрежу крылья, обдеру мужика, как липу". А другой еще скажет на это: "Ничего! дери с мужика: оправится, как верба у воды". Люди, живущие в роскоши, с толстым брюхом, проросшим салом, оправдывают такое отношение к простому народу.

Ни один человеческий закон не может в такой степени содействовать нравственному совершенствованию людей, как закон божий. Закон Моисеев был хороший закон, но христианский правитель не может руководствоваться этим законом, так как он уже перенесен и заменен другим законом -- законом Христовым, а закон Христов весь основан на любви к богу и ближнему.

Вмешательство двух владык, светского и духовного, в христианскую

церковь нарушило то состояние чистоты и невинности, в котором она была установлена апостолами и пребывала триста двадцать лет. И хотя многие люди считают это вмешательство полезным для веры, но этот яд никогда не был и не будет верою, а всегда останется ядом, отравляющим людей и мертвящим веру, а потому христиане должны помнить, что, соблюдая истинную веру, они не могут господствовать над другими по обычаю языческому. А между тем апостолы антихристовы считают эту светскую власть третьего частью церкви.

По учению римской церкви, светская власть основана на св. писании и прежде всего на следующем тексте: "Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем" (Луки 3, 14).

Эти слова сами по себе не могли бы наточить меча христианам, дабы они могли ими проливать человеческую кровь, но великий столп церкви римской (Августин), который сильно поддерживает ее, чтобы она не пала, придал этому месту смысл острого меча между христианами. Он выражается так: "Если бы христианское учение совершенно осуждало войну, то обратившимся к Иоанну воинам скорее был бы дан спасительный совет сложить оружие и оставить воинское звание; если же он велит им быть довольными своими оброками, то воинского звания не отвергает и войну не порицает".

Второе место, на которое ссылается римская церковь, следующее: "Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены" и т. д. (Римл. 13, 1 и дал.). Это главное основание, на котором утверждают светскую власть ученые, и один магистр Пражского университета сказал мне, что и я должен признавать это, а если не признаю, то буду еретиком.

Вот еще некоторые из доводов магистра в доказательство того, что закон человеческий, наказывающий людей за некоторые поступки смертью, не противоречит закону божию: 1) заповедь "не убий" не запрещает наказание виновных смертью, ибо в таких случаях не судья убивает, а закон его к этому понуждает; 2) бог размножает жизнь и смерть, поэтому он может и убить: Аз убию и жити сотворю: цари же поставлены богом и потому могут так же поступать; 3) ап. Павел говорит: "Таковая творящий достойни смерти суть и небо без ума меч носит"; 4) в Евангелии: "Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною"; 5) Киприан по поводу ветхозаветной заповеди убивать идолопоклонников говорит, что, если такая заповедь была до пришествия Христова, тем более она должна соблюдаться по его пришествии, как это подтверждается словами ап. Павла: "Таковая творящий достойни смерти суть".

В таком же роде толкуют заповедь "не убий" Августин и Иероним.

Так же рассуждает об этом св. Григорий и снова св. Августин. Из всех этих доводов выходит, что бога хотят учинить двуустым так, чтобы одним устами он говорил: не убий, а другими - убий.

Иисус теперь очень беден; не ходят больше за ним толпы народа, разве какой-нибудь отверженный и неразумный жалко тащится за ним, как муха из помой. Зато ученые очень богаты и славны в свете, много породили слуг божиих с мечом, и весь мир взирает на них. Взглянет мудрый света на Иисуса, увидит, что он покинут всеми, облечен бедностью, терпит невзгоды, и бросит его и пойдет к ученым, что, по законам своим, целыми толпами служат богу в церквах, на войне, при пытках, в государственных учреждениях под позорными столбами и у виселиц. За такую широкую службу Богу и ухватится мудрый света, а за Иисусом пойдет только безумец, и свет освищет его.

Более всего противна учению Христову служба мечом потому что вся она состоит в оплате злом за зло. Хотя и оговариваются, что меч поднимается за дело не свое, а божье; но бог ведает, насколько искренния эта оговорка: если бы так было, то люди, за причиненные себе обиды и несправедливости, не мстили бы: на деле же оказывается, что они не оставляют без возмездия самой легкой обиды словом, а поругание богу допускают. Христос, напротив, заповедал любить врагов своих и платить им добром за зло. Не принятый самарянами, он не позволил апостолам низвести огонь с неба. Христос больше заботился о душах врагов своих, чем о своих временных страданиях. Если бы люди верили словам Христа и следовали его примеру, то не было бы войн на земле. И битвы, и иные убийства, и всякие враждебные посягательства на других, и всякое возмездие злом за зло происходит только оттого, что не любим врагов своих и не переносим с терпением причиняемые нам обиды.

С устройством истинно христианского общества, указанным в св. писании, меч и все деяния его, т. е. бои и всякие кровопролития, не имеют ничего общего, как противные призванию христиан и тем добродетелям, которые им приличествуют. Христиане соединены одною верою Христовой, молятся друг за друга: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, связаны между собою союзом любви и мира: может ли, после всего этого, какой-нибудь из давних монахов, прославленных святыми, доказать на основании веры, что у христиан должны быть бои и убийства? Христиане, воздвигающие войны и совершающие другие кровопролития, только по имени христиане и последуют язычникам, с тою только разницею, что язычники не знали бога и не имели участия в тех духовных благах, на которые имеют притязание христиане. Нельзя сравнивать бои между христианами и с боями иудейскими, ибо последние были допущены законом.

Христиане, убивающие друг друга в боях, во всяком случае лишены

участия в духовных благах, обетованных Христом. Если они будут оправдываться тем, что им приходится иметь слишком много дела с светом, и потому некогда думать о высших духовных предметах и постигать их, в таком случае им можно ответить коротко: напрасно они веруют во Христа, напрасно крестятся. Если же христиане считают себя участниками в страданиях Христовых и надеются на спасение, а в то же время распинают в себе Христа, убивая друг друга, тогда их ждет наказание и проклятия большие, чем язычников.

Бои между христианами противны закону христианской любви, который возбраняет всякое враждебное посягательство на ближнего, на его тело душу имущество, честъ, -- делом или словом, а учит переносить безропотно несправедливости, которые причиняют нам другие.

Взаимные же отношения между христианами апостол определяет так: "Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви (Римл. 13, 8). В этих словах сказывается разница между делами веры и делами языческого господства: одни не могут быть другими. Поэтому и соединение язычества с христианством не могло состояться в самом начале. Вначале одни находили утешение пить кровь Христову, другие проливать кровь человеческую; теперь же и те и другие соединились в общем служении богу: пьют кровь Христову и точат кровь своих ближних.

Есть две крайности: или совершенно отвергнуть бога и отступиться от него, или всем сердцем прилепиться к нему. Но людям не легко ни то, ни другое: ибо человек не так порочен, чтобы всецело отвергнуть бога; с другой же стороны, не много найдется и таких, которые захотели бы всем сердцем прилепиться к богу. Вера, основанная на папских законах, представляет нечто среднее между тем и другим, и на этом большинство людей успокаивается. Она предписывает различные добрые действия, лживые и мнимые, которые выражаются в разных внешних обрядах, и люди думают, что они соблюдают истинную веру, исповедая бога одними устами и выражая свое почитание одними внешними знаками.

Петр Хельчицкий (в 15 веке).

14-е октября

Искусство есть человеческая деятельность, соединяющая людей в одном и том же чувстве. Если чувства эти хорошие, то деятельность искусства благотворна; и наоборот.

1

Всегда, во всякое время и во всяком человеческом обществе есть общее всем людям этого общества религиозное сознание того, что хорошо и что дурно, и это-то религиозное сознание и определяет достоинство чувств, передаваемых искусством.

2

Христианское искусство должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные теперь только лучшим людям общества, стали привычными чувствами, инстинктом всех людей. Вызывая в воображении всех людей чувства братства и любви, христианское искусство приучит людей в действительности испытывать те же чувства. Оно прокладывает в душах людей те рельсы, по которым естественно пойдут поступки людей, воспитанных таким искусством.

3

Сущность христианского сознания состоит в признании каждым человеком своей сыновности богу и вытекающего из него единения людей с богом и между собой, как и сказано в Евангелии (Иоан. 17 -- 21), и потому содержание христианского искусства -- это такие чувства, которые содействуют единению людей с богом и между собой.

4

Произведениями христианского искусства могут быть только те произведения, которые соединяют всех людей без исключения, или тем, что вызывают в людях сознание одинаковости их положения по отношению к богу и ближнему, или тем, что вызывают людях одно и то же чувство, хотя и самое простое, но не противное христианству и свойственное всем без исключения людям.

5

Христианское учение так изменило идеал людей, что, как сказано в Евангелии, то, что было велико перед людьми, стало мерзостью перед богом. Идеалом стало не величие фараона и римского императора, не красота грека или богатства Финикии, а смирение, целомудрие, сострадание любовь.

Героем стал не богач, а нищий Лазарь; Мария Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаяния; не приобретатели богатства, а те, которые отказываются от него, живущие не в палатах, а в катакомбах и хижинах.

6

Назначение искусства в наше время в том, чтобы перевести из области рассудка в область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собою, и установить на место царствующего теперь насилия, то царство божие, т. е. любви, которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества.

7

Разнообразие чувств, вытекающих из религиозного сознания, бесконечно, и все они новы, потому что религиозное сознание есть не что иное, как указание нового отношения человека к миру, тогда как чувства, вытекающие из желания наслаждения, не только ограничены, но давным-давно изведаны и выражены. И потому безверие высших европейских классов привело их и к самому бедному по содержанию искусству.

Может быть, в будущем искусству откроются новые, еще высшие, чем теперешние, идеалы, и искусство будет осуществлять их; но в наше время назначение искусства ясно и определенно.

Задача христианского искусства -- вызывание в людях чувства братского единения.

15-е октября

Назначение человека есть соблюдение своей души. Соблюдение же своей души есть возращение, расширение ее. Расширение это совершается любовью.

1

"Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю мою, но волю пославшего меня отца; воля же пославшего меня отца есть та, чтобы из того, что он мне дал, ничего не погубить", сказано у Иоанна (6, 38 -- 39), т. е. сохранить, возрастить в себе, довести до высшей возможной степени божественности ту искру духовной жизни, которая дана, поручена мне, как дитя няньке. Что же нужно для того, чтобы исполнить это? Не удовлетворение похоти не людская слава, а труд, борьба, лишения, страдания, унижения, гонения, то самое, что сказано много раз в Евангелии. И вот это самое, то, что нужно нам, и посылается нам в самых разнообразных формах, и в малых, и в больших размерах. Только бы мы сумели принять это, как следует, как нужную нам, а потому радостную работу, а не как нечто досадное, нарушающее наше животное существование, которое мы считаем жизнью.

2

Дела праведных, это -- семена, которые иногда долго лежат неподвижно в почве истории, но, получив тепло и влагу, впитав в себя новые, здоровые соки, свежие силы, семена эти начинают произрастать, цвести и приносить плоды; посеянное же насилием и неправдой гниет, чахнет и бесследно исчезает.

Талмуд.

3

Человек рожден для того, чтобы быть переделывателем того, что сделал человек, обличителем обманов, восстановителем истины и добра, подражая той великой природе, которая обнимает всех нас и которая ни минуты не спит на старом прошедшем, но всякий час исправляет сама себя, давая нам каждое утро новый день и с каждым часом новую жизнь.

Эмерсон.

4

Назначение жизни человека есть и личное совершенствование, и служение тому делу, которое совершается всею жизнью мира.

Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может, только совершенствуясь, а совершенствоваться, только служа миру.

5

Совершенствоваться значит все более и более переносить свое *я* из жизни телесной в жизнь духовную для которой нет времени, нет смерти и для которой все благо.

6

От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до пятилетнего страшное расстояние. От зародыша до новорожденного -- пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость.

С детства и до смерти, когда бы ни наступила она, растет душа человека,

все больше и больше сознает она свою духовность, приближается к богу, к совершенству. Знаешь ты или не знаешь, хочешь или не хочешь этого, движение это совершается. Но если знаешь и хочешь того, чего хочет бог, то жизнь становится свободной и радостной.

16-е октября

Сознание в себе бога возможно для каждого человека. Пробуждение этого сознания и есть то, что в Евангелии называется воскресением.

1

Лепестки цветов опадают, когда плод начинает расти. Так отпадут от тебя твои слабости, когда начнет расти в тебе сознание бога.

Хотя бы в продолжение тысячелетий мрак наполнял пространство, оно становится тотчас же светло, когда свет проникает в него. Так и твоя душа: как бы долго она ни была поглощена мраком, она тотчас вся осветится, как только бог откроет в ней глаза свои.

Браминская мудрость [Рамакришна].

2

Самоуважение происходит от нашего созерцания божества в своей душе. Основы самоуважения в религии. Лучший пример этого есть величие в смирении. Никакой аристократ, ни принц, рожденный на троне, не может сравниться в самоуважении с святым. Святой унижен потому, что, опираясь на величие бога, которого он чувствует в себе, он хочет быть униженным.

Эмерсон.

3

Искусен тот, кто знает людей; но истинно просвещен тот, кто знает самого себя.
Кто знает самого себя -- тот познает бога.

Восточная мудрость.

4

Бог близко от тебя, он с тобой, он в тебе. Божественный дух пребывает в нас, всегда свидетель наших добрых и дурных дел, и как мы поступаем с ним, так и он поступает с нами. Человек не может быть хорош без бога.

Сенека.

5

Если тебе тяжело, углубись в себя, и на известной глубине ты найдешь бога; а как только познаешь его в себе, все тяжелое станет легким; почувствуешь любовь и радость.

Если человек не чувствует в себе силы божьей, это не доказывает того, что сила божья не живет в нем, а только то, что человек не научился еще сознавать ее в себе

17-е октября

Если есть люди и есть бог, то не может не быть отношения между богом и людьми. И то отношение, которое было в древние времена, не важнее, не обязательнее того, которое есть теперь. Теперешнее отношение понятнее и ближе нам, и потому не теперешнее отношение должно быть проверяемо древним, а наоборот.

1

Как удивительно то, что мир терпит и воспринимает из высших откровений истины только самые древние и теперь уже несвоевременные, но всякое прямое откровение, всякую самобытную мысль считает ничтожною и большей частью старательно отвергает.

Торо.

2

Религиозное сознание человечества не неподвижно, а не переставая изменяется, более и более уясняясь и очищаясь.

3

Когда кто-либо привязывается к одной какой-нибудь, хотя бы и верной, идее, то он, в сущности, попадает в то же положение, в каком находился бы человек, привязавший себя к истиной на известной ступени духовного роста, может быть помехой к этому росту и заблуждением на другой, более высокой ступени.

Люси Малори.

4

Одно из самых вредных суеверий есть суеверие о том, что мир сотворен,

что он произошел из ничего и что есть бог творящий.

В сущности, мы не имеем никакого основания и никакой нужды предполагать бога-творца (китайцы и индейцы не знают этого понятия), а между тем бог творец и промыслитель несовместим с христианским богом отцом, богом духом, частица которого живет во мне, составляет мою жизнь и проявить и вызвать которую составляет смысл моей жизни, -- богом любовью.

Бог творец равнодушен и допускает страдание и зло. Бог дух избавляет от страдания и зла и есть всегда совершенное благо.

Есть я, познающий мир данными мне орудиями чувств и знающий внутренне своего отца бога, но бога творца я не знаю и не могу знать.

Есть много хорошего и в Коране, и в буддийских, и в конфуцианских книгах, и в писаниях стоиков, и в Библии, и в Упанишадах, и в Евангелии, но больше всего нужного и понятного в ближайших нам религиозных мыслителях.

18-е октября

Прошедшего уже нет, будущее не наступило, есть только настоящее. В нем одном проявляется божественная свободная сущность души человека.

1

Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть в вас; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет.

Ин. гл. 12, ст. 35.

2

Каждый знает, что всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется. Например, чтобы сделаться хорошим ходоком, надо часто и много ходить; чтобы сделаться хорошим бегуном, надо много бегать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать и т. д. Наоборот, если перестанешь делать то, к чему привык, то и сама привычка понемногу пропадет. Если ты, например, пролежишь 10 дней не вставая и потом станешь ходить, то увидишь, как слабы стали твои ноги. Значит, если ты хочешь привыкнуть к какому-нибудь делу, то тебе нужно часто и много делать это дело; и, наоборот, если ты желаешь отвыкнуть от чего-нибудь, то не делай этого. То же самое бывает и со способностями нашей души: когда ты сердишься, то знай, что ты делаешь не одно это зло, но что вместе с тем ты усиливаешь в себе привычку к гневу, -- ты подкладываешь дров в огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только в этом -- и больше ничего: нет, ты в то же время усилил еще привычку к похотливым поступкам. Всякий разумный человек скажет тебе, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желания так именно и усиливаются. А потому, если ты не хочешь приучать себя к гневу, то всячески сдерживай свой гнев и не давай привычке нарастать. Но каким путем приобретается такая сила в борьбе с своими помыслами?

В борьбе с соблазнительными мыслями бывает полезно искать общества людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя. Истинный борец -- тот, кто борется со своими порочными помыслами. Борьба эта святая и приближает тебя к богу. От успешности ее зависит спокойствие и счастие твоей жизни. Помни всегда два времени: одно -- настоящее время, в которое, уступив порочным помыслам, ты будешь наслаждаться похотью, и другое -- то, в которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять, себя. Прими также в соображение то удовольствие, которое будешь испытывать, если воздержишься. Помни и то, что трудно будет воздержаться, если однажды преступил меру. Но если ты будешь уступать своим порочным помыслам и уверять себя, что победишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этим доведешь себя до такой слабости, что на будущее время перестанешь даже замечать свои ошибки, а если и заметишь, то у тебя всегда найдется готовое оправдание для всех твоих порочных поступков.

Эпиктет.

3

Помни, что если ты можешь сделать хорошее дело, то надо делать его сейчас, потому что пройдет случай и не возвратится.

Всякое раскаяние полезно, потому что оно есть всегда сожаление о том, что не воспользовался настоящим так, как было свойственно той силе, которая проявляется в настоящем. Раскаяние есть напоминание о том, как должно поступать в настоящем.

19-е октября

Смысл жизни открывается тотчас же тому, кто готов покориться тому, что откроется ему, и скрывается от того, кто вперед уже решил, что он признает истинным только такой смысл жизни, который не нарушит любимой им и привычной ему жизни.

1

"*Что такое я? Что должен я делать? Во что могу я верить и на что надеяться?* к этому сводится все в философии", говорит философ Лихтенберг. Из этих вопросов главный -- средний. Если человек узнает, что ему делать, то он узнает все, что ему нужно знать.

2

О том, как сохранить платье от моли, железо от ржавчины, картофель от гниения и т. п., мое мнение может изменяться, но как сохранить от гниения душу, мне нечему учиться, мне надо только исполнять *то, что я знаю*.

Торо.

3

Блажен тот, кто нашел свое дело: пусть он не ищет другого блаженства. У него есть дело и цель жизни.

Карлейль.

4

Горе людям, которые видят, не зная что, которые стоят, не зная на чем.

Талмуд.

5

Несчастны люди, не знающие смысла своей жизни, а между тем уверенность в том, что этого нельзя знать, так распространена между людьми, что они даже гордятся, как мудростью, тем, что не желают знать этого.

Паскаль.

6

Человек сидит в тюрьме и не знает, какой приговор о нем постановлен. У него остается всего час времени для того, чтобы узнать об этом, и если он узнает, что он приговорен к смерти, то этого часа достаточно, чтобы ему выхлопотать отмену этого приговора. Неужели же он употребит этот час

не на то, чтобы узнать, каков приговор, а на игру в карты? Это было бы ни с чем не сообразно. А между тем так точно поступают люди, не думающие о боге и о вечности.

Паскаль.

7

Всякая птица знает, где делать свое жилище. Зная, где ее жилище, она показывает, что знает свое назначение. Неужели человек, умнейшее из всех существ, не может знать того, что знает птица: в чем назначение его жизни?

Китайская мудрость.

Уразумение истинного смысла жизни или недоступно, если отыскивать смысл жизни всего мира, или так просто, что открывается малоумным и младенцам, если отыскивается смысл моей жизни -- что мне делать.

20-е октября

Жизнь человека только тогда разумна, когда она понимается как исполнение долга, служение.

1

Одно только мы знаем несомненно, что нас ждет смерть. "Подобно ласточке, пролетевшей через комнату, жизнь человека". Мы приходим, неведомо откуда, и уходим, неизвестно куда. Непроницаемая тьма позади, густые тени впереди. Когда придет наше время, какое значение будет иметь для нас то, что мы ели вкусные кушанья или не ели, носили или не

носили мягкие одежды, оставили большое состояние или не оставили никакого, пожинали лавры или были презираемы, считались учеными или невеждами, -- сравнительно с тем, как мы употребили вверенный нам Господином талант.

Генри Джордж.

2

Тот, кто признает луч божественной силы в мельчайших вещах мира, тот человек высокого понимания и высоких стремлений. Такой человек уважает себя и других и не пренебрегает ничтожными делами, но смотрит на них как на проявления божеской силы.

Персидский Джелаледин Руми.

3

Добродетель есть служение, которое обязан совершать человек самому себе. Если бы не было ни неба, ни бога, управляющего миром, добродетель была бы все-таки обязательным законом жизни. Знать, что справедливо, и исполнять это -- в этом и обязанность и преимущество человека.

Рамаяна.

4

Сходясь с человеком, думай не о том, чем он может быть полезен тебе, а о том, чем ты можешь служить ему.

5

Нам дан несомненный закон всех действий наших, и действия по этому закону не могут быть ни остановлены, ни стеснены никакой властью. Исполнение этого закона возможно в тюрьме и под угрозой истязаний и смерти.

6

Ясно то, что моя жизнь в этом божьем мире имеет значение не самостоятельное, но служебное. Ясно, что в плотском смысле нам предстоит быть побежденными и предстоит умереть; это видят наши глаза, об этом говорит наш разум, об этом свидетельствует вся природа; таков закон жизни божьего мира, так угодно богу. И человек, который достиг этого понимания, мало-помалу, по мере уяснения этой простой истины, все больше и больше теряет охоту бороться и враждовать с людьми за блага своей плотской жизни, за блага этого, как оказывается, чужого, временного и жестокого владыки.

Бука.

Ищите только для себя доброй, согласной с волею бога жизни -- и вы исполните предназначенное вам служение.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЛАМЕНЭ

Большие умы и горячие сердца, те люди, которые оставляют после себя глубокий след, представляют в своей жизни с особенной яркостью те самые ступени развития, которые проходятся, в большей или меньшей степени, всеми обыкновенным людьми.

Ступени эти такие: 1) Детская, внушенная вера, полное подчинение авторитету, спокойное и уверенное общение со всеми окружающими. 2)

Углубление в сущность этой внушенной и принятой по доверию веры, невысказанные сомнения в ее истинности и особенный задор в ее утверждении и распространении. Одобрение и восхваление со стороны окружающих. 3) Попытка очистить принятое на веру вероучение от всего ложного, излишнего, суеверного, улучшить его и на нем основать жизнь; разрыв с прежде сочувствовавшими, их недоброжелательство, и, наконец, 4) совершенное освобождение от принятого по доверию учения, признание только того, что согласно с разумом и совестью, сознание своего одиночества среди людей и единства с богом, высокая и малого числа близких, и страх и ненависть большинства и -- конец.

Все люди, хотят они или не хотят этого, более или менее сознательно проходят эти ступени. Сначала 1) полное доверие, потом 2) иногда чуть заметные, но все-таки сомнения, потом 3) иногда самые слабые, но все-таки попытки кое-как утвердить свое понимание жизни и, наконец, 4) становление лицом к лицу с богом, полное познание истины, одиночество и -- конец.

Все люди проходят эти состояния, но у Ламенэ они проявились особенно сильно и плодотворно.

Фелиситэ Ламенэ родился в Бретани в 1782 году. В 1816 он был посвящен в священники. Хотя Ламенэ был всегда религиозен с детства, он пошел в священники не по одному своему желанию. Из писем Ламенэ видно, что он стал священником только потому, что на этом настаивали его близкие. Родные его, видя его религиозность, хотели употребить ее на пользу церкви. И действительно, Ламенэ, сделавшись священником, все силы свои посвятил на служение своей католической церкви, в истинности которой он не сомневался. Ламенэ видел упадок веры в обществе и народе и старался поднять ее, доказав ее истинность преимущественно тем, что католичество самая распространенная религия, признаваемая большинством человечества. По его тогдашнему мнению, истинность не постигается отдельным человеком, истина постигается только совокупностью людей. Наибольшее количество признает католичество и потому истинность католичества несомненна. А так как католичество представляет из себя высшую истину, то этой истине должно подчиняться и государство. Государство не может быть без религии, религия не может быть без церкви, церковь -- без папы.

Таково было тогда убеждение Ламенэ. В этом духе написано им одно из первых его сочинений: "Опыт о равнодушии в делах веры". Это был первый фазис душевного состояния Ламенэ, -- веры без сомнений. Так как Ламенэ возлагал надежды на государственную власть как на защитницу католической религии, то эти мысли сблизили его с крайними защитниками монархической власти, и он стал писать в газете "Консерватор". В газете этой он занимал исключительное положение, и, в

то время как сотрудники его писали в защиту и пользу монархии, Ламенэ всегда и прежде всего имел в виду религию; монархическая власть интересовала его только в той мере, в которой она могла содействовать торжеству католичества. Но скоро Ламенэ увидал, что интересы власти и религии не только не одинаковы, но большей частью противоположны; так что даже иногда власти выгодно притеснять религию. Увидав это, Ламенэ изменил свой взгляд и, перейдя в другую газету, стал уже от власти требовать не помощи для религии и союза с ней, а полной свободы и невмешательства в дела религии. Ламенэ не мог остановиться и на этом и вскоре пошел еще далее и стал требовать отделения церкви от государства и, осуждая правительственную власть, невольно стал на сторону революционеров, оправдывая революцию 1830 года. Это был второй фазис душевного состояния Ламенэ.

Во время революции 30-го года Ламенэ стал в сотрудничестве с Монталамбером, Лакордером издавать журнал "Будущность", в котором проповедывалось: 1) отделение церкви от государства, 2) гарантии личности, 3) уничтожение палаты пэров и крайностей централизации, 4) уничтожение обязательного ценза и установление всеобщего голосования. В этой газете он высказывал мысль о том, что как государственная власть не должна вмешиваться в церковные дела, так и церковная власть не должна участвовать в государственных делах, и потому папа должен отказаться от светской власти, а духовенство от государственного жалованья. Такие мысли не могли найти сочувствия в Риме. Предвидя это, Ламенэ поехал туда, надеясь убедить папскую власть в необходимости таких уступок, ради удержания народов во власти церкви. Но в Риме Ламенэ не был принят папой, и на его предложение ему не дали никакого ответа. Уже сильно разочарованный в надежде обновить католичество, Ламенэ вернулся в Париж и еще некоторое время продолжал издавать свой журнал, в котором высказывал мысль о необходимости изменения форм католичества, для того чтобы оно могло продолжать властвовать над народами. Это был третий фазис.

В 1832 году вышла папская энциклика, осуждавшая все мысли, выраженные Ламенэ, и, как ни тяжело было Ламенэ отказаться от всего того, чему он верил и служил, он признал неизлечимость, неисправимость католичества. С этого времени он прервал все сношения с Римом и написал свое знаменитое сочинение "Слова верующего". В форме библейских псалмов и евангельских притч Ламенэ в этом сочинении нападает на существующий экономический и политический строй, стоящий в противоречии с требованиями религии. Книга эта тотчас же была осуждена папой. И тогда Ламенэ уже совсем отделился от церкви и посвятил последние годы своей жизни служению народу, это был четвертый и последний фазис.

Последние годы своей жизни Ламенэ провел вдали от политической деятельности, почти в уединении и бедности, посвятив себя исключительно литературным занятиям. Он, между прочим, кончил набросок "философии" и написал одно из лучших комментарий к четырем Евангелиям.

Основная мысль Ламенэ, которую он выражал во всех своих книгах, статьях и речах (когда он был депутатом в парламенте), в том, что народ должен быть сам решателем своих судеб и устроителем своей жизни. Как и в защите католической церкви, он руководствуется тем же принципом, что носителем истины и нравственного совершенства может быть не отдельный человек, а совокупность людей -- толпа, народ и в своем пределе человеческий род. Предоставляя полную власть народу, Ламенэ, однако, не переставая доказывал, что никакие внешние реформы и перемены в области государственного устройства не могут улучшить положение народа, если народ не будет постоянно стремиться к нравственному совершенствованию. "Желайте лишь справедливого, -- говорил он народу. -- Справедливость всегда восторжествует. Уважайте право даже тех, кто попирает ваше право. Пусть безопасность всех без исключения будет для вас священна. Долг для всех и всегда обязателен. Если вы раз нарушите долг, где вы остановитесь? Беспорядку не помогают беспорядком. В чем обвиняют вас ваши враги? В том, что вы хотите заменить вашим господством их господство, хотите злоупотреблять властью, как злоупотребляют они, -- в том, что вы питаете мысли о мести, тиранические намерения. Отсюда неопределенный страх перед вами, которым ваши враги ловко пользуются, чтобы продолжить ваше рабство".

"Ничто невозможно в социальной области без духовной работы в общественных глубинах", -- говорил он.

К социалистическим и коммунистическим системам Ламенэ всегда относился отрицательно. По его мнению, учения эти не принимают во внимание законы человеческой природы, заменяя естественный ход жизни насилием власти. Он не одобрял этих учений преимущественно за то, что все они имели в виду лишь материальные цели и не признавали необходимости религии. Во всяком общественном переустройстве он считал необходимым не материальные, а духовные цели, достигаемые победой разума и долга над страстями.

В начале пятидесятых годов Ламенэ заболел и, почувствовав, что болезнь его была смертельной, призвал своего друга Барбэ и назначил его распорядителем при его жизни в доме во время болезни и после смерти по завещанию. Кроме того, он оставил письменное заявление, что желает быть погребенным среди бедных и как бедный: на могиле просил не

ставить никакого памятника, тело должно быть перенесено прямо на кладбище и не вносимо в церковь. Несмотря на все попытки духовенства вернуть его к церкви, Ламенэ, как и раньше, на все такого рода попытки отвечал кротким, но решительным отказом принять священника. Он умер спокойно и твердо с той же живой верой в бога, с которой жил все время своей сознательной жизни. Последние слова его были: "Я чувствую, что конец пришел, надо покориться воле божией, мне будет хорошо, когда я буду с ним". И в самые последние минуты он повторил несколько раз: "Это счастливая минута". Он умер 27 февраля 1854 года.

Дело Ламенэ, "loeuvre", как говорят французы, большое и далеко не оцененное. Он, как и все большие умы и горячие сердца, проложил тот путь, по которому неизбежно пойдет и идет уж человечество, путь освобождения от внешней, отрешенной от жизни, ложно-христианской веры и установления того основного христианского учения, которое изменяет как жизнь отдельного человека, так и всего человеческого общества.

Л. Н. Толстой.

21-е октября

Как бури волнуют воды и уничтожают их прозрачность, так и страсти, тревоги, страхи, смущая душу, мешают человеку сознавать свою сущность.

1

Люди с великой и прекрасной душой всегда спокойны и довольны; люди, ничтожные духом, все недовольны и печальны.

Манчжурская пословица.

2

Люди затрудняются, беспокоятся и волнуются только тогда, когда они заняты внешними делами, от них не зависящими. В этих случаях они тревожно спрашивают себя: "Что я стану делать? что-то будет? что из этого выйдет? как бы не случилось того или другого". Так бывает с теми, которые постоянно заботятся о том, что им не принадлежит.

Наоборот, человек, занятый тем, что от него самого зависит и полагающий свою жизнь в работе самосовершенствования, не станет так тревожить себя. Если бы он и стал беспокоиться о том, удастся ли ему держаться истины и избегать лжи, то я сказал бы: успокойся, -- то, что тревожит тебя, находится в твоих собственных руках; гляди только за своими мыслями и поступками и старайся всячески исправлять себя. Так и не говори: "Что-то будет?" Все, что ни случится, ты обратишь себе в поучение и пользу.

- А если я умру в борьбе с несчастиями?

- Ну что же? В таком случае ты умрешь смертью человека честного, совершая то, что ты должен совершать. Нужно же тебе все равно умереть, и смерть должна же застать тебя за каким-нибудь делом. Я был бы доволен, если бы смерть застала меня за делом, достойным человека, за делом добрым и полезным всем людям; или чтобы она застала меня в то время, когда я стараюсь исправлять себя. Тогда я мог бы поднять руки к богу и сказать ему: "Господи, ты знаешь сам, насколько я воспользовался тем, что ты дал мне для понимания твоих законов. Упрекал ли я тебя? Возмущался ли против того, что со мною случилось? Уклонялся ли от исполнения своего долга? Благодарю тебя за то, что я родился, за все дары твои. Я пользовался ими довольно, возьми их назад и распорядись ими как тебе угодно, -- ведь они твои!"

Может ли быть лучшая смерть? Чтобы дожить до такой смерти, тебе не нужно многого лишиться, хотя, правда, этим самым ты много приобретешь. Если же ты захочешь удержать то, что не твое, то ты непременно потеряешь и то, что твое.

Кто хочет иметь успех в мирских делах, тот не спит по целым ночам напролет, постоянно хлопочет и суетится, подделывается к сильным людям и вообще поступает как подлый человек. И в конце концов чего он всем этим добился? Он добился того, что его окружают некоторыми почестями, что его боятся и что он, сделавшись начальником, распоряжается другими людьми. Неужели же ты не захочешь сколько-нибудь потрудиться для того, чтобы освободить себя от всех таких забот и спать спокойно, ничего не боясь и ничем не мучаясь? Но знай, что такое спокойствие души не достается даром.

Эпиктет.

3

Кто положил свою жизнь в свете разумения и служит ему, для того не может быть отчаянных положений в жизни, тот не знает мучений совести, не боится одиночества и не ищет шумного общества, такой человек имеет высшую жизнь, не бежит от людей и не гоняется за ними. Его не смущают помыслы о том, надолго ли дух его заключен в плотской оболочке: поступки такого человека будут всегда одинаковы, даже в виду близкой смерти. Для него одна забота -- жить разумно в мирном общении с людьми.

Марк Аврелий.

4

Только когда человек ясно узнает свое место в мире, определится и настроение его души. Когда же настроение души, определится, то прекратится всякое душевное волнение. Когда же прекратится душевное волнение, то наступит полное спокойствие души, и человек, обладающий таким ненарушимым душевным спокойствием, сделается способен к работе мысли. Работа же мысли делает человека восприимчивым ко всему истинному.

Китайская мудрость.

5

Истинная сила человека не в порывах, а в ненарушимом спокойствии.

Всегдашнее спокойствие невозможно, но, когда наступают времена спокойствия, надо дорожить ими, стараться продлить их. Это те времена, в которые возникают, уясняются и укрепляются мысли -- руководители жизни.

22-е октября

Убедиться в том, что не должно осуждать брата, можно уже потому, что сотни раз приходилось и приходится раскаиваться в том, что осудил брата, а никогда в том, что не осудил его

1

Когда ты видишь, что человек заблуждается, не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнялся. Заблуждающийся -- тот, кто искренно принимает ложь за истину.

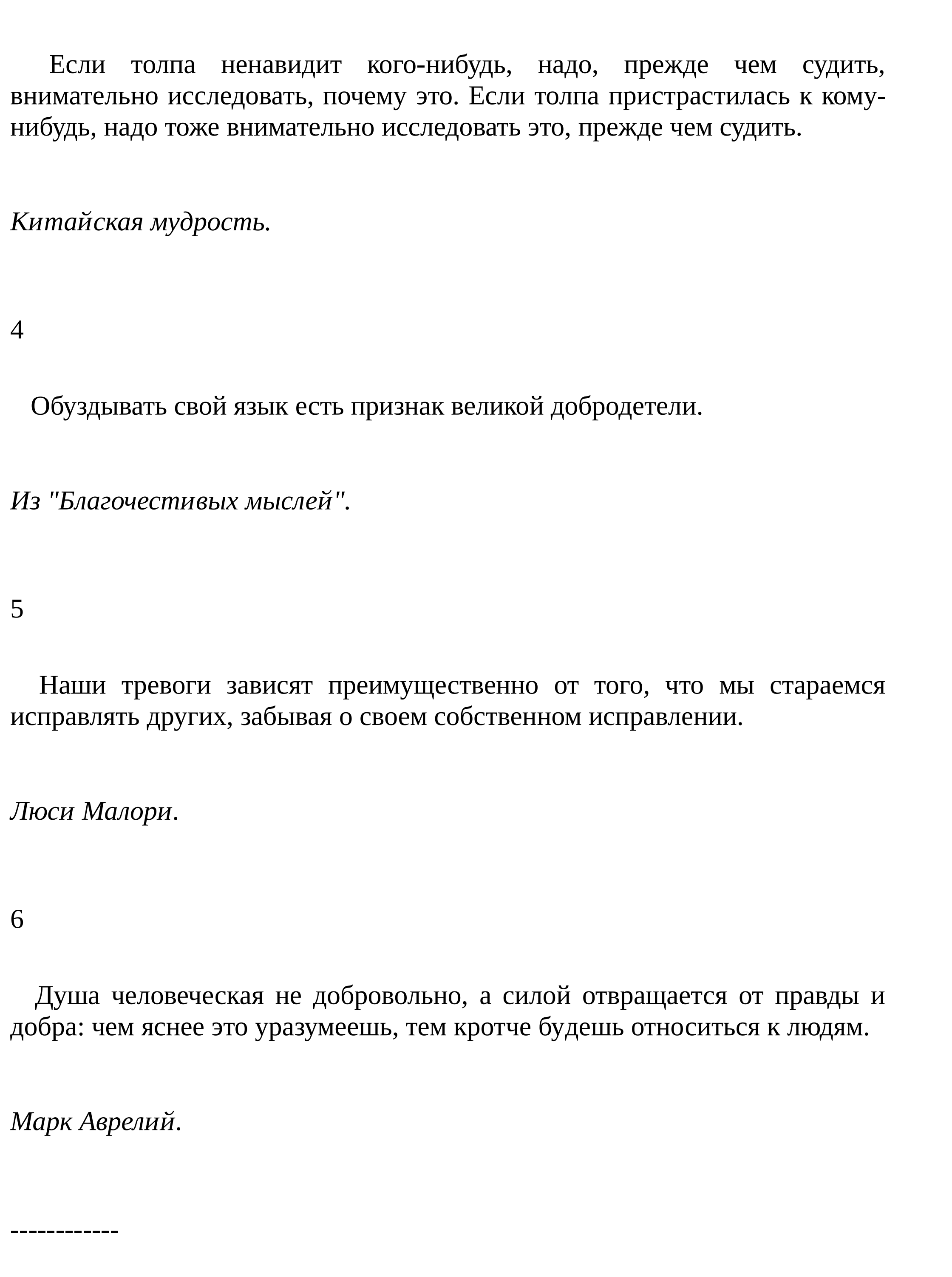
Но бывает и так, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимают истины даже тогда, когда она раскрыта перед ними до полной очевидности. Они не принимают ее не потому, что не могут понять ее, а потому, что она обличает их злые дела, отнимает у них оправдание их пороков. Эти люди также заслуживают не гнева, а сострадания, потому что они больны не телом, а душою.

Эпиктет.

2

Время проходит, но сказанное слово остается.

3

Если толпа ненавидит кого-нибудь, надо, прежде чем судить, внимательно исследовать, почему это. Если толпа пристрастилась к кому-нибудь, надо тоже внимательно исследовать это, прежде чем судить.

Китайская мудрость.

4

Обуздывать свой язык есть признак великой добродетели.

Из "Благочестивых мыслей".

5

Наши тревоги зависят преимущественно от того, что мы стараемся исправлять других, забывая о своем собственном исправлении.

Люси Малори.

6

Душа человеческая не добровольно, а силой отвращается от правды и добра: чем яснее это уразумеешь, тем кротче будешь относиться к людям.

Марк Аврелий.

Если считаешь нужным осудить ближнего, то осуждай его в глаза. И

осуждай так, чтобы не вызвать недоброго к себе чувства.

23-е октября

Совесть есть сознание божественного начала, живущего в нас.

1

"Совесть! Детские заблуждения, предрассудки воспитания, -- слышу я дружные голоса мнимых мудрецов. -- В уме человека нет ничего, кроме того, что дано опытом", -- говорят они.

Даже больше, они отвергают очевидное и всеобщее согласие всех народов, и против поразительного единства суждения всех людей о том, что добро и что зло, они разыскивают какой-нибудь известный им одним пример (как будто свойства всех людей могут быть уничтожены извращением какого-нибудь описываемого путешественником темного народца) и полагают, что как только доказано, что есть уроды, то общее свойство всего человечества уже ничего не значит.

"Все, -- говорят они, -- если содействуют общему благу, то делают это только ради своей выгоды". Но почему же есть люди, которые служат общему благу для своей явной невыгоды? Как это идти на смерть ради своей выгоды?

Конечно, каждый действует для своего блага, но если нет нравственного, духовного блага, то объяснить выгодой можно только поступки злых людей. Какая ужасная философия была бы та, при которой нельзя было бы объяснить добродетельные поступки иначе, как подыскав для них подлые побуждения.

Совесть! Да, совесть верный судья добра и зла, совесть -- это то, что делает человека подобным богу, только совесть составляет превосходство природы человека. Без совести в человеке нет ничего, что возвышало бы его над животным, кроме печального преимущества блуждать без какого-нибудь руководства от заблуждения к заблуждению.

Руссо.

2

Не делай того, что осуждает твоя совесть, и не говори того, что несогласно с правдой. Поступай так, и ты исполнишь всю задачу своей жизни.

Никто не может насиловать твою волю; на нее нет ни вора, ни разбойника; не желай неразумного, желай общего блага, а неличного, как большая часть людей.

Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы жить согласно с внутренним, сознаваемым тобою законом.

Марк Аврелий.

3

Тысячи внешних голосов зовут нас куда-то в сторону, но только один внутренний, слабый голос совести может быть нашим надежным руководителем.

Люси Малори.

4

Всем людям свойственно грешить.

Различие между людьми бывает в степени угрызений совести после греха.

Альфиери.

Нельзя бороться с требованиями совести -- это требования бога, и

потому лучше сразу покориться им.

24-е октября

Если бы основа жизни всех нас не была бы одна и та же, ничем нельзя бы было объяснить испытываемое нами чувство сострадания.

1

Ничем нельзя смягчить нашего гнева, даже справедливого, так быстро, как сказавши гневающемуся: "Да ведь он -- несчастный!" Ибо что дождь для огня, то и сострадание для гнева. Пусть всякий человек, вспылив гневом против другого человека и задумав причинить ему страдание, живо представит себе, что он уже сделал это, и видит теперь его страдающим духовно или телесно или в борьбе с нуждой и нищетой и может сказать себе: это дело моих рук. Если не другое что, то это может потушить его гнев.

Шопенгауэр.

2

Прямой путь или правило поведения, которому надо следовать, недалеко от людей. То, что далеко от людей, т. е. несогласно с их природой, не должно быть принимаемо за правило поведения. Плотник, вытесывающий топорище, имеет перед собою образец того, что делает. Взяв в руки топорище того топора, которым он тешет, он смотрит на него с той и другой стороны и, после того как сделал новое топорище, рассматривает их оба, чтобы видеть, насколько они сходны; так и мудрый человек, который питает к другим такие же чувства, какие он питает к себе, находит верное правило поведения. Он не делает другим того, что он не желает, чтобы ему сделали.

Конфуций.

3

Когда ты бранишь человека и враждуешь с ним, ты забываешь, что люди -- твои братья, и ты делаешься им врагом, вместо того чтобы быть их другом. Этим ты сам себе вредишь, потому что, когда ты перестал быть добрым и общительным существом, каким тебя бог создал, и вместо того стал диким зверем, который подкрадывается, раздирает и губит свою жертву, тогда ты потерял самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька с деньгами, почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерял свое лучшее богатство: доброту души?

4

Есть много людей, более несчастных, чем ты. Это изречение, правда, не служит кровлей, под которой можно было бы жить, однако оно достаточно для того, чтобы под ним укрыться от ливня.

Лихтенберг.

5

Ты стонешь от своих несчастий. Если б ты помнил то, что испытывают другие, ты меньше жаловался бы на свои страдания.

Солон.

Истинное сострадание начинается только тогда, когда, поставив себя в воображении на место страдающего, испытываешь действительное страдание.

25-е октября

Человек, сознающий свое назначение, этим самым и сознает свое достоинство. Сознает же свое назначение только человек религиозный.

1

Царь спросил святого человека: думаешь ли ты обо мне? Святой отвечал: думаю, когда забываю бога.

Саади.

2

Мы чтим бога каждый раз, когда чувствуем жизнь наших ближних так же, как нашу собственную жизнь.

Иосиф Мадзини.

3

Ничто так не характеризует человека, как его обращение с дураками.

Амиель.

4

Стоит освободить себя от обязанности уважения к одному человеку на том основании, что он дурной, глупый, неисправимый, и не будет уже того предела неуважения к людям, до которого мы допустим себя.

5

Пора бы, наконец, человеку узнать себе цену. Что же, в самом деле, разве он какое-нибудь незаконнорожденное существо? Подобает ли ему прятаться и робко озираться по сторонам? Нет, пусть голова моя твердо и прямо держится на плечах. Жизнь дана мне не напоказ, а для того, чтобы я жил ею. Я сознаю свою обязанность говорить правду, чистую правду на всех перекрестках. Я должен заботиться не о мнении людей обо мне, а об истинном своем назначении.

Эмерсон.

6

Свобода лица -- величайшее дело, на ней и только на ней может вырасти свобода народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, чем в ближнем, чем в целом народе.

Герцен.

Только человек, сознающий себя духовным существом, может сознавать человеческое достоинство свое и других людей, и только такой человек не унизит ни себя, ни ближнего поступком или положением, недостойным человека.

26-е октября

Для нравственной жизни важность дела измеряется не вещественным значением дела и его возможными последствиями, а только степенью доброго усилия.

1

Большинство людей, желая исправить свою жизнь, более желают совершить что-нибудь трудное и необыкновенное, чем очистить свои желания и отказаться от самоугождения в обыкновенных обязанностях своего положения. А между тем последнее гораздо важнее первого.

По Фенелону.

2

Тот, кто не исполняет того дела, которое он чувствует, что должен бы сделать, только потому, что оно кажется ему слишком малым, обманывает самого себя. Он не делает его не потому, что оно слишком мало, а потому, что оно слишком велико для него.

Пёзей.

3

Ты не обязан доводить работу до конца, но и не должен уклоняться от нее.

Поручивший тебе работу надежен.

Талмуд.

4

Если человек не считает себя призванным к исполнению поручения, посольства, он не может быть просвещенным человеком.

Китайская мудрость.

5

Человек познает себя не думая, но действуя. Только в усилиях исполнить должное он узнает себе цену.

Гёте.

6

Перенести свое *я* из телесного в духовное -- значит сознательно желать только духовного. Тело мое может желать телесного, но душа не желает и не хочет желать ничего телесного, но не может уйти из тела точно так же, как я не желал бы того, чтобы меня тянуло к земле, но, что бы я ни делал, где бы я ни был, я не уйду от этого. И так же, как, несмотря на то, что тело мое не переставая тянется к земле, я отделяюсь от нее, двигаюсь, хожу, прыгаю, в этом моя телесная жизнь, то же самое с душою и телом. Тело не переставая тянет меня к себе, а я отделяюсь от него, даже пользуюсь им, живу духовно. В этом моя истинная жизнь.

Ничто так не вредит нравственному совершенствованию, как пренебрежение к делам, которые считаются неважными в мирском смысле.

27-е октября

Истинная религия не может быть противна разуму.

1

Не верьте тому, чтобы в деле религии можно бы было не доверять разуму. Вера в силу разума лежит в основании всякой другой веры. Нельзя верить в бога, если мы умаляем значение той способности, посредством которой мы познаем бога. Если после добросовестного и беспристрастного использования наших лучших способностей известное вероучение кажется нам противоречивым или не согласным с главными истинами, в которых мы не сомневаемся, мы, несомненно, должны воздержаться от веры в это учение. Я более убежден в том, что моя разумная природа от бога, чем в том, что какая-либо книга есть выражение его воли.

Чаннинг.

2

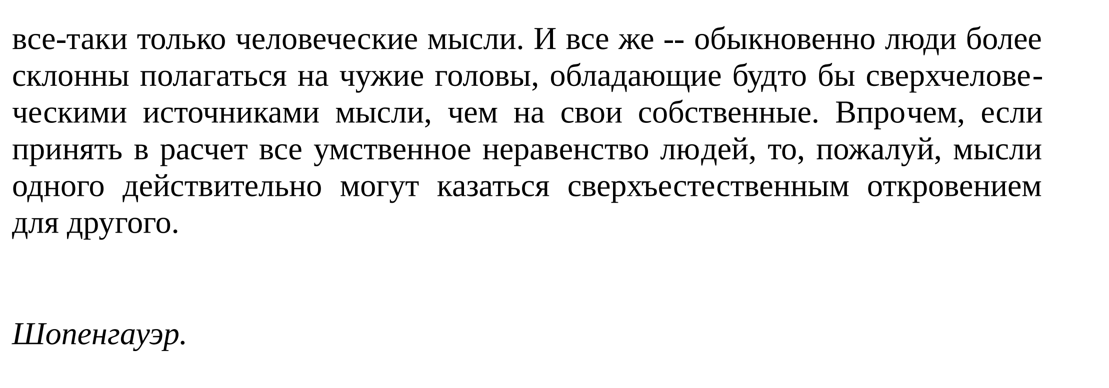
Если бог, как предмет нашей веры, выше нашего разумения и мы не можем обнять его разумом, то из этого еще не следует, что мы должны пренебрегать деятельностью разума, считая ее вредною.

Хотя предметы веры, без всякого сомнения, находятся вне круга нашего разумения, выше его, однако разум и по отношению к ним имеет такое важное значение, что мы без него обойтись никак не можем.

Федор Страхов.

3

Еще наивен, как взрослый ребенок, тот, кто может серьезно верить, что когда-то какие-то нечеловеческие существа растолковали нашему человеческому роду существование и цель его и всего мира. Нет иного откровения, кроме мыслей мудрецов, хотя мысли их и подвержены заблуждению, -- по участи всего человеческого, и часто облекаются в форму удивительных аллегорий и мифов, принимая тогда название откровений. И потому, казалось бы, все равно, полагаться ли на свои мысли или на чужие, потому что мысли, которые передаются нам как откровения,

все-таки только человеческие мысли. И все же -- обыкновенно люди более склонны полагаться на чужие головы, обладающие будто бы сверхчеловеческими источниками мысли, чем на свои собственные. Впрочем, если принять в расчет все умственное неравенство людей, то, пожалуй, мысли одного действительно могут казаться сверхъестественным откровением для другого.

Шопенгауэр.

4

Стараются сделать невозможным не только высказывание и передачу истины, но даже самое размышление о ней и открытие ее, с самого детства отдавая голову на обработку духовенству, которое так глубоко вдавит колею, в которой впредь будут двигаться основные мысли, что они в большинстве случаев сложатся и установятся на всю жизнь.

Шопенгауэр.

5

Свет остается светом, хотя слепой и не видит его.

6

Доколе свет в вас, веруйте в свет, да будете сынами света.

Ин. гл. 12, ст. 36.

Не подавлять свой разум, как этому учат лжеучители, нужно для того, чтобы познать истину, а напротив, очищать напрягать его, проверять им все, что предлагается.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ОТКРОВЕНИЕ И РАЗУМ

(Из "Исповеди Савойского викария" Руссо)

То, что выдают за откровение бога, только унижает бога, приписывая ему человеческие страсти. Вместо того, чтобы уяснить понятие о Великом Существе, частные догматы только запутывают его; вместо того чтобы облагородить наше понятие о боге, они унижают его, к тайнам непостижимым, которые окружают его, они прибавляют бессмысленные противоречия, делающие человека гордым, нетерпимым, жестоким; вместо того чтобы установить мир на земле, они вносят борьбу. Я спрашиваю себя, зачем это, и не знаю, что отвечать. Я вижу в этом только преступление людей и несчастие человечества.

Мне говорят, что необходимо было откровение для того, чтобы научить людей служить богу: в доказательство этого приводят различия верований, которые учреждены в мире, и не хотят видеть того, что это различие происходит именно от откровений. Как только народы вздумали заставить говорить бога, каждый заставил его говорить по-своему, заставил его сказать то, чего сам хотел. Если бы мы слушали только то, что бог говорит в сердце человека, была бы только на религия на земле.

Говорят: нужно однообразной богопочитание; но богопочитание, которого требует себе бог, это богопочитание сердца; оно всегда однообразно, если оно искренно. Безумно воображать, что для бога так важно одеяние священника, последовательность слов, которые он произносит, и движения, которые он совершает перед алтарем, и его коленопреклонения. Нет, друг мой, стой во весь рост, и ты будешь все-таки достаточно близок к земле. Бог хочет, чтобы ему поклонялись в духе и истине, и в этом обязанность всех религий, всех стран и всех людей.

Рассматривая развитие сект, которые царствуют на земле и которые взаимно упрекают друг друга во лжи и заблуждении, я спрашивал: *какая же из них настоящая?* и все отвечали мне: моя. Каждый говорил: "Только я один и мои сторонники думают правильно, все остальные заблуждаются". "Но почем вы знаете, что ваша секта истинная?" -- "Потому что бог сказал это". -- "А кто вам сказал, что бог сказал это?" --

"Мой священник, он хорошо знает. Мой священник говорит, чтобы я верил так, как он говорит, -- я так и верю, он уверяет меня, что все, не согласные с ним, лгут, и я их не слушаю".

Как! -- думал я: неужели истина не одна? И то, что справедливо у нас, может быть несправедливо у вас? Если способ убеждения того, кто идет верным путем, и того, кто заблуждается, один и тот же, то чем же отличается один от другого? Выбор, стало быть, есть дело случая; и обвинять людей за это значит обвинять их за то, что они родились в такой, а не в другой стране.

Или все религии хороши и приятны богу, или есть одна, которую он предписал сам людям и за непризнание которой он наказывает, в таком случае он, верно, дал несомненные и явные признаки, по которым можно узнать эту истинную религию. Признаки эти должны быть одинаково доступны всем людям, великим и малым, ученым и невеждам, европейцам, индейцам, африканцам, диким.

Если бы была религия на земле такая, за неисповедание которой накладывают вечные мучения, и если где бы то ни было есть хоть один искренно. ищущий правды смертный, который бы не был убежден ее очевидностью, то бог такой религии самый жестокий и несправедливый тиран.

Мне говорят: "Подчини свой разум". Но это может сказать мне только тот, кто меня обманывает. Мне нужно доказательство, чтобы подчинить мой разум.

Так как все люди одной породы со мною, то все, что человек может постигнуть естественным путем, могу постигнуть и я, и всякий человек может ошибаться так же, как и я: если я верю тому, что мне говорят, то верю не потому, что это говорит тот или другой человек, но потому, что он доказывает мне то, что говорит. И поэтому свидетельства людей в сущности суть только свидетельства моего же разума и ничего не прибавляют к тем естественным средствам, которые бог дал мне для познания истины. Апостолы истины, что можете вы сказать мне такого, в чем бы я не был судья? -- "Сам бог сказал это: слушайтесь его откровения. Вот как бог сказал". -- "Это великое слово, но кому же он сказал это?" -- "Он сказал это людям". -- "Почему же я ничего не слыхал об этом?" -- "Он поручил другим людям передать вам его слова". -- "Хорошо: стало быть, люди будут говорить мне о том, что сказал бог? Не лучше ли было бы, если бы бог прямо сказал мне? Для него бы было это не труднее, а я бы был избавлен от возможности обмана". -- "Но он свидетельствует истину своих слов, утверждая посланничество своих апостолов". -- "Каким образом?" -- "Чудесами". -- "Где эти чудеса?" -- "В книгах". -- "А кто сделал эти книги?" -- "Люди". -- "А кто видел эти чудеса?" -- "Люди, которые утверждают их". -- "Как, опять свидетельства людские! Все люди, которые рассказывают

мне о том, что рассказывают другие люди. Сколько людей между богом и мною! Однако все-таки рассмотримте, сверимте. Ах, если бы бог избавил меня от всего этого труда, разве я с меньшим усердием служил бы ему!"

И заметьте, в какое ужасное рассуждение мы теперь вовлекаемся, какая нужна ученость для того, чтобы различать все эти древности, рассматривать, взвешивать, сличать пророчества, откровения, факты, все памятники веры, предложенные во всех странах мира, для того чтобы определить время, место, авторов и условия. Какую точность критики нужно иметь, чтобы разобраться между памятниками настоящими и предполагаемыми, чтобы сличить возражения с ответами, переводы с оригиналами; чтобы судить о беспристрастии свидетелей, об их здравом смысле, об их просвещении, чтобы решить, не исключили ли, не прибавили ли, не переставили ли чего-нибудь; чтобы уничтожить те противоречия, которые остаются, для того, чтобы судить о значении молчания противников, о том, что против них говорилось, узнать, известно ли было им то, что говорили против них, и т. д. и т. д.

Признав, наконец, эти памятники несомненными, нам придется перейти к доказательствам действительности посланничества их авторов. Надо знать вероятия возможности осуществления предсказания без вмешательства чудесного, надо знать дух языков, чтобы уметь различать, что в этих языках предсказания и что в них только ораторская форма, какие события естественные и какие сверхъестественные, решить, до какой степени человек ловкий мог обмануть глаза простых людей, удивить даже людей образованных, найти признаки настоящего чуда и ту степень действительности, по которой оно должно быть признано и за непризнание его можно наказывать, сравнить доказательства истинных и ложных чудес, найти верные правила, чтобы различать их, решить наконец для чего бог для утверждения своего слова употребляет средства, нуждающиеся в подтверждении, точно как будто он нарочно забавляет людей и умышленно избегает средств, которые бы могли убедить их.

Допустим, что величие божие может спуститься до того, чтобы сделать одного человека органом своей священной воли; разумно ли, справедливо ли требовать, чтобы весь род человеческий повиновался голосу этого избранного, не сделав явным его призвания? Справедливо ли, в виде утверждения его призвания, сделать несколько особенных знаков перед небольшим количеством темных людей, тогда как все остальные люди узнают про это только по слухам? Если признать справедливыми все чудеса, которые народ и темные люди говорили, что видели, то всякая секта была бы одна настоящая и было бы больше чудес, чем естественных событий. Неизменный порядок вещей более всего утверждает меня в признании мудрости божией. Если бы порядок этот допускал так много исключении, я не знал бы, что и думать о нем, и я слишком твердо верю в

бога, чтобы верить в такое количество чудес, недостойных его. Чудеса же, про которые вы говорите, совершались в темных углах, в пустынях, там, где легко удивить зрителей, уже готовых всему поверить. Кто скажет мне, сколько нужно очевидцев для того, чтобы сделать чудо достоверным? Если ваши чудеса, которые делаются для доказательства вашего учения, нуждаются еще в доказательстве, то к чему они? Можно было и вовсе их не делать.

Остается теперь еще рассмотреть самый главный вопрос в провозглашаемом учении, а именно то, что если те, которые говорят, что бог делает чудеса, говорят тоже, что и дьявол часто подражает им, то самые лучшие засвидетельствованные чудеса не решают дела: и так как волхвы фараона при самом Моисее производили те же чудеса, которые он делал по воле бога, то ничто не мешало им утверждать в отсутствие Моисея, что чудеса их делаются во имя бога. Так что, доказав учение посредством чудес, чтобы не смешать дело дьявола с делом божиим, приходится доказывать чудеса посредством учения.

Учение, происходящее от бога, должно иметь священный, божественный характер. Оно должно не только уяснить смутные представления наши о божестве, но оно должно предложить нам нравственное учение и правила, соответствующие свойствам, которые мы приписываем божеству.

Так что, если бы учение представляло нам только бессмысленные положения, если бы оно возбуждало в нас чувство отвращения к нашим ближним, если бы оно представляло нам бога гневного, ревнивого, мстительного, пристрастного, ненавидящего людей, бога войны и сражений, всегда готового уничтожить и раздавить, всегда говорящего о мучениях, наказаниях и хвастающегося тем, что он наказывает невинных, мое сердце не было бы привлечено к такому ужасному богу. Ваш бог не мой бог, сказал бы я этим сектантам. Бог, который начинает с того, что избирает себе один народ и исключает остальной род человеческий, не может быть общим отцом людей; тот, кто предназначает к вечному мучению большинство своих созданий, не есть милосердый и добрый бог, которого мне открыл мой разум.

Относительно догматов разум говорит мне, что они должны быть ясны, прозрачны и поразительны своей очевидностью. Вера утверждается пониманием, лучшая из всех религий самая ясная; та же, которая наполняет тайнами, противоречиями то богопочитание, которое она проповедует, заставляет меня вследствие этого самого остерегаться ее. Обожаемый мною бог не бог мрака. Он дал мне разум не для того, чтобы запретить мне употребление его. Когда мне говорят, чтобы я подчинил свой разум, я вижу в этом оскорбление его творцу.

28-е октября

Как ощущение боли есть необходимое условие сохранения нашего тела, так и страдания суть необходимые условия нашей жизни от рождения и до смерти.

1

Как наше тело лопнуло бы, если бы прекратилось давление на него атмосферы, так если бы прекратилось давление на людскую жизнь нужды, тягостного труда и всякого рода превратностей судьбы, -- надменность людей возросла бы хотя и не до опасности лопнуть, но все же до явлений необузданнейшей дури и даже умопомешательства.

Шопенгауэр.

2

Врач прописывает одному больному одно лечение, другому другое, так и провидение прописывает нам болезни, увечья и прискорбные потери.

Как предписание врача клонится к восстановлению здоровья больного, так точно и случайности, которым провидение подвергает человека, клонятся к нравственному оздоровлению его, к восстановлению связи его оторванного личного существования с общей жизнью всего человечества.

Итак, принимай все то, что выпадает тебе на долю, как принимают больные лекарства врача. Восстановление здоровья тела -- вот смысл этих горьких лекарств: но ведь для всеобщей разумной природы сохранение каждым существом своего назначения так же важно, как для больного сохранение здоровья тела.

Поэтому тебе надо приветствовать все то, что с тобой приключается, даже самое горькое, и по смыслу таких случайностей есть здравие и цельность мироздания. Природа, живая его разумом, действует разумно, и все, что от нее исходит, безошибочно содействует сохранению единства.

Марк Аврелий.

3

Страдание -- это побуждение к деятельности, а только в ней мы чувствуем нашу жизнь.

Кант.

4

Благо для человека переносить несчастия этой земной жизни, ибо это влечет его в священное уединение его сердца, где он находит себя как бы изгнанником из своей родной земли и обязанным не доверяться никаким мирским радостям. Благо для него также встречать противоречиям упреки, когда о нем дурно думают, говорят, хотя бы намерения его были чисты и поступки правильны, ибо такой образ действий держит его в смирении и является противоядием пустой славе. В этом благо, главным образом, потому, что в такие минуты, когда нас в миру презирают, не уважают и лишают любви, мы можем беседовать с тем богом, который живет в нас.

Фома Кемпийский.

5

Если бы бог давал нам таких наставников, о которых мы знали бы достоверно, что они посланы им, то мы ведь повиновались бы им свободно и радостно.

Мы и имеем таких наставников: это нужда и вообще все несчастные случаи жизни.

Паскаль.

6

Только в буре вполне выказывается искусство мореплавателя, только на поле сражения испытывается храбрость воина; мужеству же человека познается только по тому, чем он является в затруднительных и опасных положениях жизни.

Даниэль.

7

И то, что мы называем счастием, и то, что мы называем несчастием, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое как на испытание.

8

Не привыкай к благоденствию -- оно преходяще: кто владеет учись терять, кто счастлив -- учись страдать.

Шиллер.

9

Мучения, страдания испытывает только тот, кто, отделив себя от жизни мира, не видя тех своих грехов, которыми он вносил страдания в мир, считает себя не виноватым и потому возмущается против тех страданий, которые он несет за грехи мира.

Как справедлива по мысли легенда о вечном жиде, в наказание

обреченном на вечную жизнь без смерти, так же справедлива была бы легенда о человеке, в, виде наказания обреченном на жизнь без страданий.

29-е октября

Для каждой входящей в сознание людей истины, заменяющей прежнее заблуждение, бывает период, когда заблуждение явно и очевидна истина, долженствующая заменить его, но заблуждение продолжает по инерции владеть людьми. В такие периоды не столько нужны разъяснения истины, сколько пример жизни, согласной с нею.

1

Я всегда удивляюсь тому, как могут короли так легко верить тому, что в них все, и народ -- верить про себя, что он ничто.

Монтэнь.

2

Нет ничего заразительнее примера. Он заставляет нас совершать поступки, которые мы никогда не совершили бы без воздействия примера. И потому общение с развратными, чувственными и жестокими людьми губит душу. И наоборот.

3

Кто не мыслит самостоятельно, тот находится под внушением другого, мыслящего за него. Отдать кому-нибудь в собственность свою мысль есть более унизительное рабство, чем отдавать кому-нибудь в собственность свое тело.

4

Если ты чувствуешь желание подражать тому, что делают вокруг тебя люди, непременно остановись и подумай, разумно ли или нет следовать общему примеру. Великие преступления и бедствия личные и общественные происходят только от необдуманного следования внушению.

5

Кто боится нестрашного и не содрогается перед действительно страшным, тот, следуя ложному мнению, вступает на злой путь погибели.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

6

Наша главная и самая трудная обязанность, как членов общества, состоит в том, чтобы уметь пользоваться благами общества, но не подчиняться его ярму: быть готовым воспринимать мысли и убеждения других, но твердо держаться священного права своего суждения; воспринимать побуждения от других, но действовать по требованиям своей души; действовать с другими, но следовать своей совести; уметь соединять уважение к мнению других и самоопределение.

Чаннинг.

Злое внушение уничтожается только добрым внушением. Средство же доброго внушения самое могущественное есть добрая жизнь.

30-е октября

Себялюбие, переходящее известные пределы, есть душевная болезнь. Доведенное до высшей степени, оно проявляется той душевной болезнью, которая называется манией величия.

1

Люди думают, что самоотречение нарушает свободу. Такие люди не знают, что только самоотречение дает нам истинную свободу, освобождай нас от нас самих, от рабства нашей развращённости. Наши страсти -- самые жестокие тираны; только уступи им, и будешь в самом жестоком рабстве без силы вздохнуть свободно. Только самоотречение избавляет от этого рабства.

Фенелон.

2

Себялюбие нужно только для сохранения отдельной жизни тела, и когда оно проявляется в этих пределах, оно естественно и законно. Когда же разум, по свойству своему предназначенный на разрешение всякой отделенности, употребляется на утверждение этой отделенности, тогда себялюбие становится вредным и мучительным.

3

Полное отречение от себя есть жизнь божеская, себялюбие не нарушаемое ничем, есть жизнь ниже животной. Разумная жизнь человека есть постепенный переход от жизни животной к жизни божеской.

4

Беспристрастие также редко, как и справедливость. Личный интерес есть неисчерпаемый источник самообманов для самооправдания. Число людей, желающих видеть правду, чрезвычайно мало. Над людьми властвует страх перед истиной, если только эта истина им не полезна. Люди житейской философии считают истину чем-то таким, что может быть допущено, может быть и не допущено в жизни. И вот таким образом предрассудок самолюбия защищает все предрассудки мышления, которые вытекают из этой уловки эгоизма. Единственный желаемый человечеством прогресс -- это увеличение наслаждений. Самопожертвование -- это наслаждение великих душ -- никогда не было законом общества.

Амиель.

5

Наслаждающихся и самодовольных мыслителей и художников не бывает. Единственный несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод.

Учить тому, сколько козявок на свете, рассматривать пятна на солнце, писать романы и оперу -- можно с личными целями, но учить людей их благу, которое не только в отречении от себя и в служении другим, и выражать сильно это учение нельзя без самоотречения.

Недаром умер Христос на кресте, недаром жертва страдания побеждает все.

Трудность необходимого освобождения себя от себялюбия заключается в том, что себялюбие есть необходимое условие жизни. Оно необходимо и естественно в детстве, но должно ослабевать и уничтожаться по мере уяснения разума и, главное, проявления истинной любви. Ребенок не чувствует укоров совести за свое себялюбие, но по мере уяснения разума и проявления любви себялюбие все более и более ослабевает и при приближении смерти должно совершенно уничтожиться.

31-е октября

Ничто не препятствует так сильно распространению истины, как упорство в удержании древнего, освященного временем предания.

1

Говорят: бог создал человека по образу своему. Это значит, вероятно, то, что человек по своему образу создал бога.

Лихтенберг.

2

В склонности верить в то, что нам говорят, заключается добро и зло. Именно эта склонность делает возможным поступательное движение общества и именно она делает это поступательное движение столь медленным и мучительным; каждое поколение, благодаря ей, без усилия получает достающееся ему по наследству знание, приобретенное тяжелым трудом, и каждое поколение, благодаря ей, оказывается порабощенным ошибками и заблуждениями своих предшественников.

Генри Джордж.

3

Человечество медленно, но не останавливаясь, движется вперед, к все большему и большему уяснению истины о смысле и значении своей жизни и установлению жизни, сообразной с этим уясненным сознанием. И потому понимание людьми своей жизни и самая жизнь человеческая постоянно изменяются. Люди, более чуткие к истине, понимают жизнь сообразно тому высшему свету, который им виден, и соответственно этому

свету устраивают свою жизнь, люди менее чуткие держатся прежнего понимания жизни и прежнего строя жизни и стараются отстоять его.

Так что в мире всегда есть рядом с людьми, указывающими передовое, последнее выражение истины и старающимися жить соответственно этому выражению, люди, отстаивающие прежнее -- отжившее и уже ненужное понимание ее и прежние порядки жизни.

4

Из всех обманов веры самый жестокий -- внушение ложной веры детям. Он состоит в том, что ребенку, спрашивающему у старших, живших прежде его и имевших возможность познать мудрость прежде живших людей, о том, что такое этот мир и его жизнь и какое отношение между тем и другим, отвечают не то, что думают и знают сами эти старшие, а то, что думали люди, жившие тысячи лет тому назад и во что никто из больших уже не верит и не может верить. Вместо духовной, необходимой ему жизни, о которой просит ребенок, ему дается губящий его духовное здоровье яд, от которого он может исцелиться только величайшими усилиями и страданиями.

Неуважение к преданию не сделало 1/1000 того зла, которое производит это уважение к обычаям, законам, учреждениям, не имеющим уже в наше время никакого разумного оправдания.

НОЯБРЬ

1-е ноября

Человек, считающий себя хозяином своей жизни, не бывает смиренен, потому что думает, что он ничем ни перед кем не обязан. Человек же, полагающий свое назначение в служении богу, не может не быть смиренен, так как постоянно чувствует себя не исполнившим своих обязанностей.

1

И сказали апостолы господу: умножь в нас веру.

Господь сказал: кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля скажет ему: пойди скорее садись за стол?

Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам?

Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? не думаю.

Так и вы, когда исполните все поведенное вам, говорите: мы рабы ничего нестоющие, потому что сделали, что должны были сделать.

Лк. гл. 17, ст. 5 -10.

2

Скромность истинно добрых людей выражается в забвении: они так поглощены тем, что сейчас делают, что упускают из виду то, что уже сделали.

Китайская пословица.

3

Человек, стоящий на цыпочках, не может долго стоять. Человек, сам себя выставляющий, не может светить. Кто доволен самим собою, тот не может прославиться. Кто хвастается, тот не может иметь заслугой. Кто горд, тот не может возвыситься. Перед судом разума такие люди подобны отбросам пищи и вызывают отвращение всех. Поэтому тот, кто имеет разум, не полагается на себя.

Лао-Тсе.

4

Чем глубже спускается человек в самого себя и чем ничтожнее он представляется себе, тем выше он поднимается к богу.

Фома Кемпийский.

5

Для исповедующего христианское учение достижение всякой ступени совершенства вызывает потребность вступления на высшую ступень, с которой открываются еще высшие, и так без конца. Исповедующий закон Христа всегда чувствует себя несовершенным, не видя позади себя пути, который он прошел, а видя всегда впереди себя тот путь, который он не прошел еще.

6

Человек, когда живет, нежен и гибок. Когда он умирает, он делается жестким и сухим.

Все вещи, трава, так же как и деревья, нежны и гибки, пока они живут. Когда они умирают, они делаются черствы и сухи. Жесткое и крепкое, это -- спутники смерти. Мягкое и нежное -- спутники жизни. Поэтому тот, кто силен руками, не победит. Когда дерево стало крепко, оно обречено на смерть. Сильные и большие находятся внизу, нежные и мягкие наверху их.

Лао-Тсе.

7

Тот, кто ищет учености, растет с каждым днем и все больше и больше возвышается в глазах людей.

Тот, кто ищет добродетели, с каждым днем умаляется и становится все ниже и ниже в глазах людей.

Он умаляется все больше и больше до тех пор, пока не дойдет до полного смирения. Когда же он дойдет до полного смирения, тогда он становится совсем свободен и против своей воли становится учителем людей.

Лао-Тсе.

Помни, что ты не имеешь ни на что никакого права, что ты раб того начала, которое дало тебе жизнь, и потому у тебя есть только обязанности.

2-я ноября

Поступок, сделанный только для славы людской, всегда дурной, какие бы ни были его последствия. Поступок, в котором в равной доле участвовало желание добра и желание славы людской, -- поступок безразличный. Хороший поступок только такой, в котором главная побудительная причина -- исполнение воли бога.

1

Свободное существо, которое отдается самому себе, этим же самым отдает себя дьяволу; в нравственном мире нет земли без хозяина, а неопределенные земли принадлежат лукавому.

Амиель.

2

Если бы ты ведал, из какого источника текут людские суждения и интересы, то перестал бы домогаться одобрения и похвалы людей.

Марк Аврелий.

3

Если заботишься об одобрении людей, то никогда ни на что не решишься. Оценки людей бесконечно разнообразны. Ты скажешь: "Я ищу одобрения хороших людей", -- но ведь хорошими людьми ты называешь тех, которые, ты знаешь, одобрят предполагаемый тобою поступок.

4

Мы не довольствуемся нашей истинной внутренней жизнью, мы хотим жить еще другою, воображаемой жизнью в мыслях людей, и мы заставляем себя казаться для этого не тем, что мы в действительности. Мы непрестанно трудимся, украшая это воображаемое существо, и пренебрегаем действительным. Если мы обладаем спокойствием, верностью, великодушием, мы стараемся как можно скорее возвестить об этом, с тем чтобы присвоить эти добродетели воображаемому существу.

Чтобы придать эти качества воображаемому существу, мы способны лишить себя их. Мы готовы быть трусами, только бы прослыть за храбрых.

Паскаль.

5

В каждом хорошем поступке есть доля желания одобрения людей. Беда, если поступок делается только для славы людской: если же в желании добра и участвует доля желания одобрения добрый поступок остается добрым. Но насколько бы он был лучше, если бы делался только для бога.

Пусть одобрение людей будет последствием твоего поступка, а не целью.

Для того чтобы приучить себя жить только для бога, хорошо делать такие дела, о которых никто никогда не узнает. Делай такие дела и ты узнаешь особенную радость

3-е ноября

Есть только один непреложный закон -- закон божий, общий всем людям; закон же человеческий может быть законом только до тех пор, пока он не несогласен с законом бога.

1

Иисус, отвечая им, сказал: мое учение -- не мое, но пославшего меня; кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от бога ли оно, или я сам от себя говорю.

Ин. гл. 7, ст. 16 -- 17.

2

Что такое голос долга, если не внушение бога?

Но, может быть, это предписание вашего же воображения? Повелительное наклонение вашей беседы с самим собой?

Или, может быть, это только отзвук человеческих мнений, покорность требованиям общественного мнения?

Но нет: если бы это был закон, нами самими выдуманный, мы могли бы простить себе нарушение его, могли бы отменить его. Но мы чувствуем, что сила этого закона вне нашей власти и что мы не можем пренебречь им.

Не можем допустить и того, чтобы это было влияние общественного мнения, потому что голос этот часто поднимал нас выше общественного мнения, давал нам силы бороться с несправедливостью толпы, бороться во имя добра одному и без надежды успеха. Скорее вы уверите меня, что дневной свет есть произведение моих глаз или общественного мнения, чем

в том, что сознание добра не есть прямое сознание бога.

Как ощущения учат нас тому, что вне нашего тела, так сознание бога -- тому, что вне нашей духовной личности, учит нас тому, что справедливость, доброта, правда не суть произведения моей личности, а вложены в меня богом.

Мартино.

3

Первая трудность, представляющаяся теперь для осуществления закона Бога, состоит в том, что существующие человеческие законы прямо противоположны ему.

4

Законы человеческие хороши и ценны, лишь поскольку они со-образуются с законом бога, применяя и развивая его. И дурны всегда, когда противоречат этому закону, и в таком случае мы не только вправе, но и обязаны уничтожить их.

Иосиф Мадзини.

5

Всякому человеку, для того чтобы приступить к изучению важнейших вопросов жизни, необходимо прежде решения их еще опровергнуть веками нагроможденные и всеми силами изобретательности ума поддерживаемые постройки лжи по каждому из самых существенных вопросов жизни.

6

Учреждение правительства есть в сущности явный признак того, что человек потерял в общественной жизни сознание своей божественности и потому должен прибегнуть к внешней власти. Потеряв это сознание, он должен опираться на внешний закон. Внешний же закон всегда ошибочен. Если бы каждый человек удерживал это сознание, единое с сознанием своих ближних, не могло бы быть этого разлада, но когда сознание это ослабевает, становятся необходимыми искусственные средства для поддержания его, и таким образом с ослаблением сознания своего единства возникает форма правительства, не представляющая действительного выражения жизни всего народа, но только внешне принудительную власть правящего класса.

По Карпентеру.

Закон божий противоречит закону человеческому: что же делать? Скрыть закон Бога и провозгласить человеческий? Это делают уже 1900 лет, но закон божеский становится все виднее и виднее и внутреннее противоречие все сильнее и мучительнее. Остается одно: заменить закон человеческий законом бога.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

БОЖЕСКОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Это было в 70-х годах в России, в самый разгар борьбы революционеров с правительством.

Генерал-губернатор южного края, здоровый немец, с опущенными книзу усами, холодным взглядом и безвыразительным лицом, в военном сюртуке, с белым крестом на шее, сидел вечером в кабинете за столом, с четырьмя свечами в зеленых абажурах, и пересматривал и подписывал бумаги, оставленные ему правителем дел. "Генерал-адъютант такой-то", выводил он с длинным росчерком и откладывал.

В числе бумаг был и приговор к смертной казни через повешение кандидата Новороссийского университета Анатолия Светлогуба за участие

в заговоре, имеющем целью низвержение существующего правительства. Генерал, особенно нахмурившись, подписал и эту. Белыми, сморщенными от старости и мыла, выхоленными пальцами он аккуратно сравнял края листов и отложил в сторону. Следующая бумага касалась назначения сумм на перевозку провианта. Он внимательно читал эту бумагу, думая о том, верно или неверно высчитаны суммы, как вдруг ему вспомнился его разговор с своим помощником о деле Светлогуба. Генерал полагал, что найденный у Светлогуба динамит еще не доказывает его преступного намерения. Помощник же его настаивал на том, что кроме динамита было много улик, доказывающих то, что Светлогуб был главой шайки. И, вспомнив это, генерал задумался, и под его сюртуком с ватой на груди и крепкими, как картон, лацканами неровно забилось сердце, и он стал так тяжело дышать, что большой белый крест, предмет его радости и гордости, зашевелился на его груди. Можно еще воротить правителя дел и если не отменить, то отложить приговор.

"Воротить? Не воротить?"

Сердце еще неровнее забилось. Он позвонил. Скорым, неслышным шагом вошел курьер.

-- Иван Матвеевич уехал?

-- Никак нет-с, ваше высокопревосходительство, в канцелярию изволили пройти.

-- Сердце генерала то останавливалось, то давало быстрые толчки. Он вспомнил предупреждение слушавшего на днях его сердце врача.

"Главное, -- сказал врач, -- как только почувствуете, что есть сердце, кончайте занятия, развлекайтесь. Хуже всего волнения. Ни в каком случае не допускайте себя до этого".

Прикажете позвать?

Нет, не надо, -- сказал генерал. "Да, -- сказал он сам себе, -- нерешительность хуже всего волнует. Подписано и кончено. "Ein jeder macht sich sein Bett und muss drauf schlafen", (1)-- сказал он сам себе любимую пословицу. -- Да и это меня не касается. Я исполнитель высшей воли и должен стоять выше таких соображений", -- прибавил он, сдвигая брови, чтобы вызвать в себе жестокость, которой не было в его сердце.

И тут же ему вспомнилось его последнее свидание с государем, как государь, сделав строгое лицо и устремив на него свой стеклянный взгляд, сказал: "Надеюсь на тебя: как ты не жалел себя на войне, ты так же решительно будешь поступать в борьбе с красными, -- не дашь ни обмануть, ни испугать себя. Прощай!" И государь, обняв его, подставил ему свое плечо для поцелуя. Генерал вспомнил это и то, как он ответил государю: "Одно мое желание -- отдать жизнь на служение своему государю и отечеству".

И, вспомнив чувство подобострастного умиления, которое он испытал

перед сознанием своей самоотверженной преданности своему государю, он отогнал от себя смутившую его на мгновение мысль, подписал остальные бумаги и еще раз позвонил.

-- Чай подан? -- спросил он.

-- Сейчас подают, ваше высокопревосходительство.

-- Хорошо, ступай.

Генерал глубоко вздохнул и, потирая рукой место, где было сердце, тяжелой походкой вышел в большую пустую залу и по свеженатертому паркету залы в гостиную, из которой слышались голоса.

У жены генерала были гости: губернатор с женой, старая княжна, большая патриотка, и гвардейский офицер, жених последней, незамужней дочери генерала.

Жена генерала, сухая, с холодным лицом и тонкими губами, сидя за низким столиком, на котором стоял чайный прибор с серебряным чайником на конфорке, фальшиво грустным тоном рассказывала толстой, молодящейся даме, жене губернатора, о своем беспокойстве за здоровье мужа.

Всякий день новые и новые донесения открывают заговоры и всякие ужасные вещи... И это все ложится на Базиля, -- он должен все решать.

(1) ["Каждый готовит себе постель и должен на ней спать".]

-- Ах, не говорите! -- сказала княжна. -- Je deviens feroce quand je pense a cette maudite engeance. (1)

- Да, да, ужасно! Верите ли, он работает двенадцать часов в сутки, и с его слабым сердцем. Я прямо боюсь...

Она не договорила, увидав входящего мужа.

-- Да, вы непременно послушайте его. Барбини -- удивительный тенор, -- сказала она, приятно улыбаясь губернаторше, о вновь приехавшем певце так натурально, как будто они только об этом и говорили.

Дочь генерала, миловидная, полная девушка, сидела с женихом в дальнем углу гостиной, за китайскими ширмочками. Она встала и вместе с женихом подошла к отцу.

-- Каково, мы и не видались нынче! -- сказал генерал, целуя дочь и пожимая руку ее жениху.

Поздоровавшись с гостями, генерал подсел к столику и разговорился с губернатором о последних новостях.

-- Нет, нет, о делах не разговаривать, -- запрещено! -- перебила речь губернатора жена генерала. -- А вот, кстати, и Кольев; он нам что-нибудь веселое расскажет. Здравствуйте, Кольев.

И Кольев, известный весельчак и остряк, действительно рассказал

последний анекдот, который рассмешил всех.

II

-- Да нет, этого не может быть, не может, не может! Пустите меня! -- кричала, взвизгивая, мать Светлогуба, вырываясь из рук учителя гимназии, товарища сына, и доктора, которые старались удержать ее.

Мать Светлогуба была не старая, миловидная женщина, с седеющими локонами и звездой морщинками от глаз. Учитель, товарищ Светлогуба, узнав о том, что смертный приговор подписан, хотел осторожно подготовить ее к страшному известию, но только что он начал говорить про ее сына, она, по тону его голоса, по робости взгляда, угадала, что случилось то, чего она боялась.

Это происходило в небольшом номере лучшей гостиницы города.

(1) [Я свирепею, когда думаю об этой проклятой породе.]

- Да что вы меня держите, пустите меня! -- кричала она, вырываясь от доктора, старого друга их семьи, который одной рукой держал ее за худой локоть, другой ставил на овальный стол перед диваном стклянку капель. Она рада была, что ее держат, потому что чувствовала, что ей надо что-то предпринять, а что -- она не знала и боялась себя.

Успокойтесь. Вот выпейте валерьяновых капель, -- говорил доктор, подавая в рюмке мутную жидкость.

Она вдруг затихла и почти сложилась вдвое, склонив голову на впалую грудь, и, закрыв глаза, опустилась на диван.

И ей вспомнилось, как сын ее три месяца тому назад прощался с ней с таинственным и грустным лицом. Потом вспомнила она восьмилетнего мальчика в бархатной курточке с голыми ножками и длинными вьющимися колечками белокурых волос.

"И его, его, этого самого мальчика... сделают с ним это!"

Она вскочила, оттолкнула стол и вырвалась из рук доктора. Дойдя до двери, она опять упала на кресло.

А они говорят -- бог есть! Какой он бог, если он позволяет это! Черт его возьми, этого бога! -- кричала она, то рыдая, то закатываясь истерическим хохотом. -- Повесят, повесят того, кто бросил все, всю карьеру, все состояние отдал другим, народу, все отдал, -- говорила она, всегда прежде упрекавшая сына за это, теперь же выставлявшая перед собой заслугу его самоотречения. -- И его, его, с ним сделают это! А вы говорите, что есть бог! -- вскрикнула она.

-- Да я ничего не говорю, я только прошу вас выпить капли.

-- Ничего не хочу. Ха-ха-ха! -- хохотала и рыдала она, упиваясь своим отчаянием.

К ночи она так измучилась, что не могла уже ни говорить, ни плакать, а только смотрела перед собой остановившимся, сумасшедшим взглядом. Доктор вспрыснул ей морфий, и она заснула.

Сон был без сновидений, но пробуждение было еще ужаснее. Ужаснее всего было то, что люди могли быть, так жестоки, не только эти ужасные генералы с бритыми щеками и Жандармы, но все, все: коридорная девушка, с спокойным лицом приходившая убирать комнату, и соседи в номере, которые весело встречались и о чем-то смеялись, как будто ничего не было.

III

Светлогуб второй месяц сидел в одиночном заключении и за это время пережил многое.

С детства Светлогуб бессознательно чувствовал неправду своего исключительного положения богатого человека, и, хотя старался заглушить в себе это сознание, ему часто, когда он встречался с нуждой народа, а иногда просто когда самому было особенно хорошо и радостно, становилось совестно за тех людей -- крестьян, стариков, женщин, детей, которые рождались, росли и умирали, не только не зная всех тех радостей, которыми он пользовался, не ценя их, но и не выходили из напряженного труда и нужды. Когда он кончил университет, чтобы освободиться от этого сознания своей неправоты, завел школу у себя в деревне, образцовую школу, лавку потребительного товарищества и приют для бездольных стариков и старух. Но, странное дело, ему, занимаясь этими делами, еще гораздо более было совестно перед народом, чем когда он ужинал с товарищами или заводил дорогую верховую лошадь. Он чувствовал, что все это было не то, и хуже чем не то: тут было что-то дурное, нравственно-нечистое.

В одном из таких состояний разочарования в своей деревенской деятельности он приехал в Киев и встретился с одним из наиболее близких товарищей по университету. Товарищ этот три года после этой встречи был расстрелян во рву киевской крепости.

Товарищ этот, горячий, увлекающийся и с огромными дарованиями человек, привлек его к участию в обществе, цель которого состояла в просвещении народа, вызове в нем сознания его прав и образования в нем

объединенных кружков, стремящихся к освобождению себя от власти землевладельцев и правительства. Беседы с этим человеком и его друзьями как бы привели в ясное сознание все то, что до тех пор смутно чувствовалось Светлогубом. Он понял теперь, что ему надо было делать. Не прерывая сношений с новыми товарищами, он уехал в деревню и начал там совсем новую деятельность. Он сам стал школьным учителем, устроил классы для взрослых, читал им книги и брошюры, объяснял крестьянам их положение; кроме того, он издавал нелегальные народные книги и брошюры и отдавал все, что мог, не отнимая у матери, на устройство таких же центров по другим деревням.

С первых же шагов этой новой деятельности Светлогуб встретил два неожиданных препятствия: одно в том, что большинство людей, народа не только было равнодушно к его проповедям, но почти презрительно смотрело на него. (Понимали его и сочувствовали ему только исключительные личности и часто люди сомнительной нравственности.) Другое препятствие было со стороны правительства. Школа была запрещена ему, и у него и у близких ему людей были сделаны обыски и отобраны книги и бумаги.

Светлогуб мало обратил внимания на первое препятствие -- равнодушие народа, так как был слишком возмущен вторым препятствием: притеснениями правительства, бессмысленными и оскорбительными. То же испытывали и его товарищи в своей деятельности и в других местах, и чувство раздражения против правительства, взаимно разжигаемое, дошло до того, что большая часть этого кружка решила силою бороться с правительством.

Главою этого кружка был некто Меженецкий, человек, как его считали все, непоколебимой силы воли, непобедимой логичности и весь преданный делу революции.

Светлогуб подчинился влиянию этого человека и с той же энергией, с которой он прежде работал в народе, отдался террористической деятельности.

Деятельность эта была опасна, но эта-то опасность более всего и привлекала Светлогуба.

Он говорил себе: "Победа или мученичество, а если и мученичество, то мученичество -- это та же победа, но только в будущем". И огонь, загоревшийся в нем, не только не потухал в продолжение семи лет его революционной деятельности, а все более и более разгорался, поддерживаемый любовью и уважением тех людей, среди которых он вращался.

Тому, что он отдал почти все свое состояние -- состояние, перешедшее

ему от отца, -- на это дело, он не приписывал ни какой важности, не приписывал и тем трудам и той нужде, которые он переносил часто в этой деятельности. Одно только огорчало его: это то горе, которое он доставлял этой деятельностью своей матери и той девушке, ее воспитаннице, которая жила с его матерью и любила его.

В последнее время мало любимый им и неприятный товарищ террорист, преследуемый полицией, просил его спрятать у себя динамит. Светлогуб без колебания согласился именно потому, что не любил этого товарища, и на следующий день в квартире Светлогуба сделан был обыск и найден динамит. На все вопросы о том, как, откуда он приобрел динамит, Светлогуб отказался отвечать.

И вот то мученичество, которое он ожидал, началось для него. В последнее время, когда столько друзей его было казнено, заключено, сослано, когда пострадало столько женщин, Светлогуб почти желал мученичества. И в первые минуты ареста и допросов он чувствовал особенное возбуждение, почти радость.

Он испытывал это чувство, когда его раздевали, обыскивали и когда ввели в тюрьму и заперли за ним железную дверь. Но когда прошел день, другой, третий, прошла неделя, другая, третья в грязной, сырой, наполненной насекомыми камере и в одиночестве и невольной праздности, прерываемой только перестукиваниями с товарищами заключенными, передававшими все недобрые и нерадостные вести, да изредка допросами холодных, враждебных людей, старавшихся выпытывать от него обвинения товарищей, нравственные силы его вместе с физическими постоянно ослабевали, и он только тосковал и желал, как он говорил себе, какого-нибудь конца этого мучительного положения. Тоска его увеличивалась еще тем, что он усомнился в своих силах. На второй месяц своего заточения он стал заставать себя на мысли сказать всю правду, только бы быть освобожденным. Он ужасался на свою слабость, но не находил уже в себе прежних сил и ненавидел, презирал себя и тосковал еще больше.

Самое же ужасное было то, что ему в заточении так жалко стало тех молодых сил и радостей, которыми он так легко жертвовал, пока был на воле, и которые ему теперь казались так обаятельны, что он раскаивался в том, что считал хорошим, раскаивался иногда во всей своей деятельности. Ему приходили мысли о том, как счастливо, хорошо он мог бы жить на свободе -- в деревне, на воле, за границей, среди любимых и любящих друзей. Жениться на ней, а может быть, и на другой и жить с ней простой,

радостной, светлой жизнью.

IV

В один из мучительно однообразных дней заключения второго месяца смотритель при обычном обходе передал Светлогубу маленькую книжку с золоченым крестом на коричневом переплете, сказав, что тюрьму посетила губернаторша и оставила Евангелия, которые разрешено передать заключенным. Светлогуб поблагодарил и слегка улыбнулся, кладя книжку на привинченный к стене столик.

Когда смотритель ушел, Светлогуб переговорился стуками с соседями о том, что был смотритель и ничего не сказал нового, а только принес Евангелие, и сосед ответил, что и ему тоже.

После обеда Светлогуб раскрыл склеившуюся от сырости листами книжонку и стал читать. Светлогуб никогда еще, как книгу, не читал Евангелия. Все, что он знал о ней, было то, что в гимназии проходил законоучитель и что нараспев читали в церкви попы и дьяконы.

"Глава первая. Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду"... читал он. "Зоровавель родил Авиуда", продолжал он читать. Все это было то самое, чего он ожидал: какая-то запутанная, ни на что не нужная бессмыслица. Если бы это было не в тюрьме, он не мог бы дочесть одной страницы, а тут он продолжал читать для процесса чтения: "как гоголевский Петрушка", подумал он про себя. Он прочел первую главу о рождении девой и о пророчестве, состоящем в том, что нарекут рожденному имя Эммануил, означающее: "с нами бог". "И в чем же тут пророчество?" подумал он и продолжал читать. Он прочел и вторую главу о ходячей звезде и третью об Иоанне, питающемся стрекозами, и четвертую о каком-то дьяволе, предлагавшем Христу гимнастическое упражнение с крыши. Так все это казалось ему неинтересно, что, несмотря на скуку тюрьмы, он уже хотел закрыть книгу и начать обычное свое вечернее занятие -- ловлю блох в снятой рубашке, -- как вдруг вспомнил, что на экзамене пятого класса гимназии он забыл одну из заповедей блаженства и розоволицый, кудрявый батюшка вдруг рассердился и поставил ему двойку. Он не мог вспомнить, какая была эта заповедь, и прочел блаженства. "Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное", прочел он. "Это, пожалуй, и к нам относится", подумал он. "Блаженны вы, когда будут поносить и гнать вас. Радуйтесь и веселитесь: так гнали и пророков, бывших прежде вас". "Вы -- соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее

вон на попрание людям".

"Это совсем уж к нам относится", подумал он и продолжал читать дальше. Прочтя всю пятую главу, он задумался. "Не сердитесь, не прелюбодействуйте, терпите зло, любите врагов".

"Да, если бы все так жили, -- думал он, -- и не нужно бы и революции". Читая дальше, он все больше и больше вникал в смысл тех мест книги, которые были вполне понятны. И чем дальше он читал, тем все больше и больше приходил к мысли, что в этой книге сказано что-то особенно важное. И важное, и простое, и трогательное, такое, чего он никогда не слыхал прежде, но что как будто было давно знакомо ему.

"Ко всем же сказал: если кто хочет идти за мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мной. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою душу ради меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человек) приобресть весь мир, а себя самого погубить или повредить себе".

-- Да, да, это самое! -- вдруг вскрикнул он со слезами на глазах. -- Это самое я и хотел делать. Да, хотел этого самого именно, отдать душу свою, не сберечь, а отдать. В этом радость, в этом жизнь. "Многое я делал для людей, для славы людской, -- думал он, -- не славы толпы, а славы доброго мнения тех, кого я уважал и любил: Наташи, Дмитрия Шеломова, и тогда были сомнения, было тревожно. Хорошо мне было только тогда, когда я делал только потому, что этого требовала душа, когда хотел отдать себя, всего отдать".

С этого дня Светлогуб большую часть времени стал проводить за чтением и обдумыванием того, что было сказано в этой книге. Чтение это вызвало в нем не только умиленное состояние, которое выносило его из тех условий, в которых он находился, но и такую работу мысли, которой он прежде никогда не сознавал в себе. Он думал о том, почему люди, все люди не живут так, как сказано в этой книге. "Ведь жить так хорошо не одному, а всем. Только живи так -- и не будет горя, нужды, будет одно блаженство. Только бы кончилось это, только бы быть мне опять на свободе, -- думал он иногда, -- выпустят же они меня когда-нибудь или сошлют в каторгу. Все равно, везде можно жить так. И буду жить так. Это можно и надо жить так; не жить так -- безумие".

V

В один из тех дней, когда он находился в таком радостном, возбужденном состоянии, в камеру к нему вошел в необычное время смотритель и спросил, хорошо ли ему и не желает ли он чего. Светлогуб

удивился, не понимая, что означает эта перемена, и попросил папирос, ожидая отказа. Но смотритель сказал, что он сейчас пришлет, и, действительно, сторож принес ему пачку папирос и спички.

"Должно быть, кто-нибудь походатайствовал за меня", подумал Светлогуб и, закурив папиросу, стал ходить взад и вперед по камере, обдумывая значение этой перемены.

На другой день его повели в суд. В помещении суда, где он уже бывал несколько раз, его не стали допрашивать. Но один из судей, не глядя на него, встал с своего кресла, встали и другие и, держа в руках бумагу, стал читать громким, ненатурально невыразительным голосом.

Светлогуб слушал и смотрел на лица судей. Все они не смотрели на него и с значительными, унылыми лицами слушали.

В бумаге было сказано, что Анатолий Светлогуб за доказанное участие в революционной деятельности, имеющей целью ниспровержение, в более близком или далеком будущем, существующего правительства, приговаривается к лишению всех прав и к смертной казни через повешение.

Светлогуб слышал и понимал значение слов, произносимых офицером. Он заметил нелепость слов в более близком или далеком будущем и лишения прав человека, приговоренного к смерти, но совершенно не понимал того значения, которое имело для него то, что было прочитано.

Только долго после того, как ему сказали, что он может идти, и он вышел с жандармом на улицу, он начал понимать то, что ему было объявлено.

"Тут что-то не то, не то... Тут какая то бессмыслица. Этого не может быть", говорил он себе, сидя в карете, которая везла его назад в тюрьму.

Он чувствовал в себе такую силу жизни, что не мог представить себе смерти, не мог соединить сознания своего "я" с смертью, с отсутствием "я".

Вернувшись назад в свою тюрьму, Светлогуб сел на койку и, закрыв глаза, старался живо представить себе то, что его ожидает, и никак не мог этого сделать. Он никак не мог представить себе того, чтобы его не было, не мог представить себе и того, чтобы люди могли желать убить его.

"Меня, молодого, доброго, счастливого, любимого столькими людьми, -- думал он, -- он вспомнил о любви к себе матери, Наташи, друзей, -- меня убьют, повесят! Кто, зачем сделает это? И потом, что же будет, когда меня не будет? Не может быть", говорил он себе.

Пришел смотритель. Светлогуб не слыхал его входа.

Кто это? Что вы? -- проговорил Светлогуб, не узнавая смотрителя. -- Ах, да, это вы? Когда же это будет? -- спросил он.

Не могу знать, -- сказал смотритель и, постояв молча несколько секунд, вдруг вкрадчивым, нежным голосом про говорил: -- Тут наш батюшка желал бы... напут... желал бы видеть вас...

-- Мне не надо, не надо, ничего не надо! Уйдите! -- вскрикнул Светлогуб.

-- Не нужно ли вам написать кому-нибудь? Это можно, -- сказал смотритель.

-- Да, да, пришлите. Я напишу.

Смотритель ушел.

"Стало быть, утром, -- думал Светлогуб. -- Они всегда так делают. Завтра утром меня не будет. Нет, этого не может быть, это сон".

Но пришел сторож, настоящий, знакомый сторож, и принес два пера, чернильницу, пачку почтовой бумаги и синеватых конвертов и поставил табуретку к столу. Все это было настоящее и не сон.

"Надо не думать, не думать. Да, да, писать. Напишу маме", подумал Светлогуб, сел на табуретку и тотчас же начал писать.

"Милая, родная! -- написал он и заплакал. -- Прости меня, прости за все горе, которое я причинил тебе. Заблуждался я или нет, но я не мог иначе. Об одном прошу: прости меня". "Да это я уж написал, -- подумал он. -- Ну да все равно, теперь некогда переписывать". "Не тужи обо мне, -- писал он дальше. -- Немного раньше, немного позже... разве не все равно? Я не боюсь и не раскаиваюсь в том, что делал. Я не мог иначе. Только ты прости меня. И не сердись на них, ни на тех, с которыми я работал, ни на тех, которые казнят меня. Ни те, ни другие не могли иначе: прости им, они не знают, что творят. Я не смею о себе повторять эти слова, но они у меня в душе и поднимают и успокоивают меня. Прости, целую твои милые, сморщенные, старые руки! -- Две слезы одна за другой капнули на бумагу и расплылись на ней. -- Я плачу, но не от горя или страха, а от умиления перед самой торжественной минутой моей жизни и оттого, что люблю тебя. Друзей моих не упрекай, а люби. Особенно Прохорова, именно за то, что он был причиной моей смерти. Это так радостно любить того, кто не то что виноват, но которого можно упрекать, ненавидеть. Полюбить такого человека -- врага -- такое счастье. Наташе скажи, что ее любовь была моим утешением и радостью. Я не понимал этого ясно, но в глубине души сознавал. Мне было легче жить, зная, что они есть и любит меня. Ну, сказал все. Прощай!"

Он перечел письмо и, в конце его прочтя имя Прохорова, вдруг вспомнил, что письмо могут прочесть, наверное прочтут, и это погубит Прохорова.

-- Боже мой, что я наделал! -- вдруг вскрикнул он и, разорвав письмо на длинные полосы, стал старательно сжигать их на лампе.

Он сел писать с отчаянием, а теперь чувствовал себя спокойным, почти радостным.

Он взял другой лист и тотчас же стал писать. Мысли одна за другой толпились в его голове.

"Милая, голубушка мама! -- писал он, и опять глаза его затуманились

слезами, и ему надо было вытирать их рукавом халата, чтобы видеть то, что он пишет. -- Как я не знал себя, не знал всю силу той любви к тебе и благодарности, которая всегда жила в моем сердце! Теперь я знаю и чувствую, и когда вспоминаю наши размолвки, мои недобрые слова, сказанные тебе, мне больно и стыдно и почти непонятно. Прости же меня и вспоминай только то хорошее, если что было такого во мне.

Смерти я не боюсь. По правде сказать, не понимаю ее, не верю в нее. Ведь если есть смерть, уничтожение, то разве не все равно умереть тридцатью годами или минутами раньше или позже? Если же нет смерти, то уж совсем все равно, раньше или позже".

"Но что я философствую, -- подумал он, -- надо сказать то, что было в том письме, -- что-то хорошее в конце. Да. -- Друзей моих не упрекай, а люби, и особенно того, кто был причиной невольной моей смерти. Наташу поцелуй за меня и скажи ей, что я любил ее всегда".

Он сложил письмо, запечатал и сел на кровать, положив руки на колена и глотая слезы.

Он все не верил, что должен умереть. Несколько раз он, опять задавая себе вопрос, не спит ли он, тщетно старался проснуться. И эта мысль навела его на другую: о том, что и вся жизнь в этом мире не есть ли сон, пробуждение от которого будет смерть. А если это так, то сознание жизни в этом мире не есть ли только пробуждение от сна предшествующей жизни, подробности которой и я не помню? Так что жизнь здесь не начало, а только новая форма жизни. Умру и перейду в новую форму. Мысль эта понравилась ему, но, когда он хотел опереться на нее, он почувствовал, что эта мысль, да и всякая мысль, какая бы ни была, не может дать бесстрашие перед смертью. Наконец он устал думать. Мозг больше не работал. Он закрыл глаза и долго сидел так, не думая.

"Как же? Что же будет? -- опять вспомнил он. -- Ничего? Нет, не ничего. А что же?"

И ему вдруг совершенно ясно стало, что на эти вопросы для живого человека нети не может быть ответа.

"Так зачем же я спрашиваю себя об этом? Зачем? Да, зачем? Не надо спрашивать, надо жить так, как я жил сейчас, когда писал это письмо. Ведь мы все приговорены давно, всегда, и живем. Живем хорошо, радостно, когда... любим. Да когда любим. Вот я писал письмо, любил, и мне было хорошо. Так и надо жить. И можно жить везде и всегда: и на воле, и в тюрьме, и нынче, и завтра, и до самого конца".

Ему хотелось сейчас же ласково, любовно поговорить с кем-нибудь. Он постучал в дверь, и, когда часовой заглянул к нему, он спросил его, который час и скоро ли он будет сменяться, но часовой ничего не ответил ему. Тогда он попросил позвать смотрителя. Смотритель пришел, спрашивая, что ему нужно.

-- Вот я написал письмо матери, отдайте, пожалуйста, -- сказал он, и слезы выступили ему на глаза при воспоминании о матери.

Смотритель взял письмо и, обещая передать его, хотел уходить, но Светлогуб остановил его.

-- Послушайте, вы добрый. Зачем вы служите в этой тяжелой должности? -- сказал он, ласково трогая его за рукав.

Смотритель неестественно жалостно улыбнулся и, опустив глаза, сказал:

-- Надо же жить.

-- А вы оставьте эту должность. Ведь всегда можно устроиться. Вы такой добрый! Может быть, я бы мог...

Смотритель вдруг всхлипнул, быстро повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Волнение смотрителя еще больше умилило Светлогуба, и, удерживая радостные слезы, он стал ходить от стены до стены, не испытывая теперь уже никакого страха, а только умиленное состояние, поднимавшее его выше мира.

Тот самый вопрос, что будет с ним после смерти, на который он так старался и не мог ответить, казался разрешенным для него и не каким-либо положительным, рассудочным ответом, а сознанием той истинной жизни, которая была в нем.

И он вспомнил слова Евангелия: "Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода". "Вот и я упадаю в землю. Да, истинно, истинно", думал он.

"Заснуть бы, -- вдруг подумал он, -- чтобы не ослабеть потом". Он лег на койку, закрыл глаза и тотчас же заснул.

Он проснулся в шесть часов утра, весь под впечатлением светлого, веселого сновидения. Он видел во сне, что он с какой-то маленькой белокурой девочкой лазает по развесистым деревьям, осыпанным спелыми черными черешнями, и собирает в большой медный таз. Черешни не попадают в таз и сыплются на землю, и какие-то странные животные, вроде кошек, ловят черешни и подбрасывают кверху и опять ловят. И, глядя на это, девочка заливается, хохочет так заразительно, что и Светлогуб тоже весело смеется во сне, сам не зная чему. Вдруг медный таз выскальзывает из рук девочки, Светлогуб хочет поймать его, но не успевает, и таз с медным грохотом, толкаясь о сучья, падает на землю. И он просыпается, улыбаясь и слушая продолжающийся грохот таза. Грохот этот есть звук отворяемых железных запоров в коридоре. Слышны шаги по коридору и бряканье ружей. Он вдруг вспоминает все. "Ах, если бы заснуть опять!", думает Светлогуб, но заснуть уже нельзя. Шаги подошли к его двери. Он слышит, как ключ ищет замка и как, отворяясь, скрипит дверь.

Вошли жандармский офицер, смотритель и конвой.

"Смерть? Ну, так что же? Уйду. Да, это хорошо. Все хорошо", думает Светлогуб, чувствуя, как возвращается к нему то умиленно-торжественное состояние, в котором он был вчера.

VI

В той же тюрьме, где содержался Светлогуб, содержался и старик раскольник, беспоповец, усомнившийся в своих руководителях и искавший истинную веру. Он отрицал не только никонианскую церковь, но и правительство со времени Петра, которого считал антихристом, -- царскую власть называл "табачной державой" и смело высказывал то, что думал, обличая попов и чиновников, за что и был судим и содержим в остроге и пересылаем из одной тюрьмы в другую. То, что он не на воле, а в тюрьме, что над ним ругались смотрители, что на него надевали кандалы, что над ним издевались сотоварищи узники, что все они, так же как и начальство, отреклись от бога и ругались друг над другом и оскверняли всячески в себе образ божий, все это не занимало его, все это он видел везде в миру, когда был на воле. Все это, он знал, происходило оттого, что люди потеряли истинную веру и все разбрелись, как слепые щенята от матери. А между тем он знал, что истинная вера есть. Знал он это потому, что чувствовал эту веру в своем сердце. И он искал эту веру везде. Больше всего он надеялся найти ее в откровении Иоанна.

"Неправедный пусть еще делает неправду, нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще и святой да освящается еще. Се гряду скоро, и возмездие мое со мною, чтобы воздать каждому по делам его". И он постоянно читал эту таинственную книгу и всякую минуту ждал "грядущего", который не только воздаст каждому по делам его, но и откроет всю божескую истину людям.

В утро казни Светлогуба он услыхал барабаны и, влезши на окно, увидал через решетку, как подвезли колесницу и как вышел из тюрьмы юноша с светлыми очами и вьющимися кудрями и, улыбаясь, взошел на колесницу. В небольшой белой руке юноши была книга. Юноша прижимал к сердцу книгу, -- раскольник узнал, что это было Евангелие, -- и, кивая в окна заключенным, улыбаясь, переглянулся с ним. Лошади тронулись, и колесница с сидевшим в ней светлым, как ангел, юношей, окруженная стражниками, громыхая по камням, выехала за ворота.

Раскольник слез с окна, сел на свою койку и задумался. "Этот познал истину, -- думал он. -- Антихристовы слуги затем и задавят его веревкой, чтоб не открыл никому".

VII

Было пасмурное осеннее утро. Солнца не видно было. С моря дул влажный, теплый ветер.

Свежий воздух, вид домов, города, лошадей, людей, смотревших на него, -- все это развлекало Светлогуба. Сидя на скамейке колесницы, спиною к кучеру, он невольно вглядывался в лица конвоирующих его солдат и встречавшихся жителей.

Был ранний час утра, улицы, по которым его везли, были почти пусты и встречались только рабочие. Обрызганные известкой каменщики в фартуках, поспешно шедшие ему навстречу, остановились и вернулись назад, равняясь с колесницей. Один из них что-то сказал, махнул рукой, и все они повернулись и пошли назад к своему делу, извозчики -- ломовики, везущие гремящие полосы железа, своротив своих крупных лошадей, чтобы дать дорогу колеснице, остановились и с недоумевающим любопытством смотрели на него. Один из них снял шапку и перекрестился. Кухарка в белом фартуке в чепчике, с корзинкой в руке вышла из ворот, но, увидав колесницу, быстро вернулась во двор и выбежала оттуда с другой женщиной, и обе, не переводя дыхания, широко раскрытыми глазами проводили колесницу до тех пор, пока могли видеть ее. Какой-то растерзанно одетый, небритый седоватый человек что-то очевидно неодобрительное с энергическими жестами внушал дворнику, указывая на Светлогуба. Два мальчика рысью догнали колесницу и с повернутыми головами, не глядя перед собой, шагали рядом с ней по тротуару. Один постарше шел быстрыми шагами; другой, маленький, без шапки, держась за старшего и испуганно глядя на колесницу, короткими ножонками с трудом, спотыкаясь, поспевал за старшим. Встретившись с ним глазами, Светлогуб кивнул ему головой. Этот жест страшного человека, везомого на колеснице, так смутил мальчика, что он, выпучивши глаза и раскрыв рот, собрался плакать. Тогда Светлогуб, поцеловав свою руку, ласково улыбнулся ему. И мальчик вдруг неожиданно ответил милой, доброй улыбкой.

Во все время переезда сознание того, что ожидает его, не нарушало спокойно-торжественного настроения Светлогуба.

Только когда колесница подъехала к виселице и его свели с нее и он увидал столбы с перекладиной и слегка качавшейся на ней от ветра веревкой, он почувствовал как будто физический удар в сердце. Ему вдруг стало тошно. Но это продолжалось недолго. Вокруг помоста он увидал черные ряды солдат с ружьями. Впереди солдат ходили офицеры. И как

только его стали сводить с колесницы, раздался неожиданный, заставивший его вздрогнуть, треск барабанной дроби. Позади рядов солдат Светлогуб увидал коляски господ и дам, очевидно приехавших смотреть на зрелище. Вид всего этого в первую минуту удивил Светлогуба, но тотчас же он вспомнил себя, какой он был до тюрьмы, и ему стало жалко того, что люди эти не знают, что он знал теперь. "Но они узнают. Я умру, но истина не умрет. Они будут знать. И как все -- уж не я, а все они могли бы быть и будут счастливыми".

Его ввели на помост, и вслед за ним вошел офицер. Барабаны замолкли, и офицер прочел ненатуральным голосом, особенно слабо звучавшим среди широкого поля и после треска барабанов, тот глупый смертный приговор, который ему читали на суде о лишении прав того, кого убивают, и о близком и далеком будущем. "Зачем, зачем они делают все это? -- думал Светлогуб. -- Как жалко, что они еще не знают и что я уже не могу передать им всего, но они узнают. Все узнают".

К Светлогубу подошел худощавый, с длинными редкими волосами священник в лиловой рясе, с одним небольшим золоченым крестом на груди и с другим большим серебряным крестом, который он держал в слабой, белой, жилистой, худой руке, выступавшей из черно-бархатного обшлага.

-- Милосердный господь, -- начал он, перекладывая крест из левой руки в правую и поднося его Светлогубу.

Светлогуб вздрогнул и отстранился. Он чуть было не сказал недоброго слова священнику, участвующему в совершаемом над ним деле и говорящему о милосердии, но, вспомнив слова Евангелия "не знают, что творят", сделал усилие и робко проговорил:

-- Извините, мне не надо этого. Пожалуйста, простите меня, но мне, право, не надо! Благодарю вас.

Он протянул священнику руку. Священник переложил опять крест в левую руку и, пожав руку Светлогуба, стараясь не смотреть ему в лицо, спустился с помоста. Барабаны опять затрещали, заглушая все другие звуки. Вслед за священником, колебля доски помоста, быстрыми шагами подошел к Светлогубу среднего возраста человек с покатыми плечами и мускулистыми руками в пиджаке сверх русской рубахи. Человек этот, быстро оглянув Светлогуба, совсем близко подошел к нему и, обдав его неприятным запахом вина и пота, схватил его цепкими пальцами за руки выше кисти и, сжав их так, что стало больно, загнул их ему за спину и туго завязал. Завязав руки, палач на минуту остановился, как бы соображая и взглядывая то на Светлогуба, то на какие-то вещи, которые он принес с собой и положил на помосте, то на висевшую на перекладине веревку. Сообразив то, что ему нужно было, он подошел к веревке, что-то сделал с ней, подвинул Светлогуба вперед ближе к веревке и обрыву помоста.

Как при объявлении смертного приговора Светлогуб не мог понять всего значения того, что объявлялось ему, так и теперь он не мог обнять всего значения предстоящей минуты и с удивлением смотрел на палача, поспешно, ловко и озабоченно исполняющего свое ужасное дело. Лицо палача было самое обыкновенное лицо русского рабочего человека, не злое, но сосредоточенное, какое бывает у людей, старающихся как можно точнее исполнить нужное и сложное дело.

Еще сюда вот подвинься или подвиньтесь, -- проговорил хриплым голосом палач, толкая его к виселице. Светлогуб подвинулся.

-- Господи, помоги, помилуй меня! -- проговорил он.

Светлогуб не верил в бога и даже часто смеялся над людьми, верящими в бога. Он и теперь не верил в бога, не верил потому, что не мог не только словами выразить, но мыслью обнять его. Но то, что он разумел теперь под тем, к кому обращался, -- он знал это, -- было нечто самое реальное из всего того, что он знал. Знал и то, что обращение это было нужно и важно. Знал это потому, что обращение это тотчас успокоило, укрепило его.

Он подвинулся к виселице и, невольно окинув взглядом ряды солдат и пестрых зрителей, еще раз подумал: "Зачем, зачем они делают это?" И ему стало жалко и их и себя, и слезы выступили ему на глаза.

-- И не жалко тебе меня? -- сказал он, уловив взгляд бойких серых глаз палача.

Палач на минуту остановился. Лицо его вдруг сделалось

-- Ну вас! Разговаривать, -- пробормотал он и быстро нагнулся к полу, где лежала его поддевка и какое-то полотно, и, ловким движением обеих рук сзади обняв Светлогуба, накинул ему на голову холстинный мешок и поспешно обдернул его до половины спины и груди.

"В руки твои предаю дух мой", вспомнил Светлогуб слова Евангелия.

Дух его не противился смерти, но сильное, молодое тело не принимало ее, не покорялось и хотело бороться.

Он хотел крикнуть, рвануться, но в то же мгновение почувствовал толчок, потерю точки опоры, животный ужас задыханья, шум в голове и исчезновение всего.

Тело Светлогуба, качаясь, повисло на веревке. Два раза поднялись и опустились плечи.

Подождав минуты две, палач, мрачно хмурясь, положил руки на плечи трупу и сильным движением потянул его. Все движения трупа прекратились, кроме медленного покачивания висевшей в мешке куклы с неестественно выпяченной вперед головой и вытянутыми в арестантских чулках ногами.

Сходя с помоста, палач объявил начальнику, что труп можно снять с петли и похоронить.

Через час труп был снят с виселицы и отвезен на неосвященное

кладбище.

Палач исполнил то, что хотел и что взялся исполнить. Но исполнение это было нелегко. Слова Светлогуба: "и не жалко тебе меня" -- не выходили у него из головы. Он был убийца, каторжник, и звание палача давало ему относительную свободу и роскошь жизни, но с этого дня он отказался впредь исполнять взятую на себя обязанность и в ту же неделю пропил не только все деньги, полученные за казнь, но и всю свою относительно богатую одежду и дошел до того, что был посажен в карцер, а из карцера переведен в больницу.

VIII

Один из главарей революционеров террористической партии Игнатий Меженецкий, тот самый, который увлек Светлогуба в террористическую деятельность, пересылался из губернии, где его взяли, в Петербург. В той же тюрьме сидел и старик раскольник, видевший казнь Светлогуба. Его пересылали в Сибирь. Он все так же думал о том, как и где бы ему узнать, в чем истинная вера, и иногда вспоминал про того светлого юношу, который, идя на смерть, радостно улыбался.

Узнав, что в одной с ним тюрьме сидит товарищ этого юноши, человек одной с ним веры, раскольник обрадовался и упросил вахтера, чтобы он свел его к другу Светлогуба.

Меженецкий, несмотря на все строгости тюремной дисциплины, не переставал сноситься с людьми своей партии и ждал каждый день известия о том подкопе, который им же был выдуман и придуман для взрыва на воздух царского поезда. Теперь, вспоминая некоторые упущенные им подробности, он придумывал средства передать их своим единомышленникам. Когда вахтер пришел в его камеру и осторожно, тихо сказал ему, что один арестант хочет видеться с ним, он обрадовался, надеясь, что это свидание даст ему возможность сообщения с своей партией.

-- Кто он? -- спросил он.

-- Из крестьян.

-- Что ж ему нужно?

Об вере говорить хочет. Меженецкий улыбнулся.

-- Ну что же, пошлите его, -- сказал он. "Они, раскольники, тоже ненавидят правительство. Может быть, и пригодится", подумал он.

Вахтер ушел и через несколько минут, отворив дверь, впустил в камеру сухого невысокого старика с густыми волосами и редкой, седеющей, козлиной бородкой, с добрыми, усталыми голубыми глазами.

-- Что вам надо? -- спросил Меженецкий.

Старик вскинул на него глазами и, поспешно опустив их, подал небольшую, энергическую, сухую руку.

-- Что вам надо? -- повторил Меженецкий.

-- Слово до тебя есть.

-- Какое слово?

-- Об вере.

-- О какой вере?

-- Сказывают, ты одной веры с тем въюношем, что в Одесте антихристовы слуги задавили веревкой.

-- Каким юношей?

-- А в Одесте по осени задавили.

-- Верно, Светлогуб?

-- Он самый. Друг он тебе? -- старик при каждом вопросе пытливо взглядывал своими добрыми глазами в лицо Меженецкого и тотчас опять опускал их.

-- Да, близкий был мне человек.

-- И веры одной?

-- Должно быть, одной, -- улыбаясь, сказал Меженецкий.

-- Об этом самом и слово мое к тебе.

-- Что же собственно вам нужно?

-- Веру вашу познать.

-- Веру нашу. Ну, садитесь, -- сказал Меженецкий, пожимая плечами. -- Вера наша вот в чем. Верим мы в то, что есть люди, которые забрали силу и мучают и обманывают народ, и что надо не жалеть себя, бороться с этими людьми, чтобы избавить от них народ, который они эксплуатируют, -- по привычке сказал Меженецкий, -- мучают, -- поправился он. -- И вот их-то надо уничтожить. Они убивают, и их надо убивать до тех пор, пока они не опомнятся.

Старик раскольник вздыхал, не поднимая глаз.

-- Вера наша в том, чтобы не жалеть себя, свергнуть деспотическое правительство и установить свободное, выборное, народное.

Старик тяжело вздохнул, встал, расправил полы халата, опустился на колени и лег к ногам Меженецкого, стукнувшись лбом о грязные доски пола.

-- Зачем вы кланяетесь?

-- Не обманывай ты меня, открой, в чем вера ваша, -- сказал старик, не вставая и не поднимая головы.

-- Я сказал, в чем наша вера. Да вы встаньте, а то я и говорить не буду.

Старик поднялся.

В том и вера того юноши была? -- сказал он, стоя перед Меженецким и изредка взглядывая ему в лицо своими добрыми глазами и тотчас же опять

опуская их.

В том самом и была, за то его и повесили. А меня вот за ту же веру теперь в Петропавловку везут.

Старик поклонился в пояс и молча вышел из камеры.

"Нет, не в том вера того юноши, -- думал он. -- Тот юноша знал истинную веру, а этот либо хвастался, что он одной с ним веры, либо не хочет открыть. Что же, буду добиваться. И здесь и в Сибири. Везде бог, везде люди. На дороге стал, о дороге спрашивай", думал старик и опять взял Новый Завет, который сам собой раскрывался на Откровении, и, надев очки, сел у окна и стал читать его.

IX

Прошло еще семь лет. Меженецкий отбыл одиночное заключение в Петропавловской крепости и пересылался на каторгу.

Он много перенес за эти семь лет, но направление его мыслей не изменилось, и энергия не ослабела. При допросах, перед заключением в крепость, он удивлял следователей и судей своей твердостью и презрительным отношением к тем людям, во власти которых он находился. В глубине души он страдал оттого, что был пойман и не мог докончить начатого дела, но не показывал этого: как только он приходил в соприкосновение с людьми, в нем поднималась энергия злобы. На вопросы, которые ему делали, он молчал и только тогда говорил, когда был случай уязвить допрашивающих -- жандармского офицера или прокурора.

Когда ему сказали обычную фразу: "Вы можете облегчить свое положение искренним признанием", он презрительно улыбнулся и, помолчав, сказал:

-- Если вы думаете выгодой или страхом заставить меня выдать товарищей, то судите по себе. Неужели вы думаете, что, делая то дело, за которое вы меня судите, я не готовился к самому худшему. Так вы ничем ни удивить, ни испугать меня не можете. Делать со мной можете, что хотите, а говорить я не буду.

И ему приятно было видеть, как они смущенно переглянулись между собой.

Когда его в Петропавловской крепости поместили в маленькую с темным стеклом в высоком окне, сырую камеру, он понял, что это не на месяцы, а на годы, -- и на него нашел ужас. Ужасна была эта благоустроенная, мертвая тишина и сознание того, что он не один, а что тут за этими непроницаемыми стенами сидят такие же узники, приговоренные на десять, двадцать лет, убивающиеся и вешаемые и сходящие с ума и медленно

умирающие чахоткой. Тут и женщины, и мужчины, и друзья, может быть... "Пройдут годы, и ты так же сойдешь с ума, повесишься или умрешь, и не узнают про тебя", думал он.

И в душе его поднималась злоба на всех людей и в особенности на тех, которые были причиной его заключения. Злоба эта требовала присутствия предметов злобы, требовала движения, шума. А тут мертвая тишина, мягкие шаги молчаливых, не отвечающих на вопросы людей, звуки отпираемых, запираемых дверей, в обычные часы пища, посещение молчаливых людей и сквозь тусклые стекла свет от поднимающегося солнца, темнота и та же тишина, те же мягкие шаги и одни и те же звуки. Так нынче, завтра. И злоба, не находя себя выхода, разъедала его сердце.

Пробовал он стучать, но ему не отвечали, и стук его вызывал только опять те же мягкие шаги и ровный голос человека, угрожавшего карцером.

Единственное время отдыха и облегчения было время сна. Но зато ужасно было пробуждение. Во сне он всегда видел себя на свободе и большей частью увлекающимся такими делами, которые он считал несогласными с революционной деятельностью. То он играл на какой-то странной скрипке, то ухаживал за девицами, то катался в лодке, то ходил на охоту, то за какое-то странное научное открытие был провозглашен доктором иностранного университета и говорил благодарственную речь за обедом. Сны эти были так ярки, а действительность так скучна и однообразна, что воспоминания мало отличались от действительности.

Тяжело было в сновидениях только то, что большей частью он просыпался в тот момент, когда вот-вот должно было совершиться то, к чему он стремился, чего желал. Вдруг толчок сердца -- и вся радостная обстановка исчезала, оставалось мучительное, неудовлетворенное желание, опять эта с разводами сырости серая стена, освещенная лампочкой, и под телом жесткая койка с примятым на один бок сенником.

Сон был лучшим временем. Но чем дольше продолжалось заключение, тем меньше он спал. Как величайшего счастья, он ждал сна, желал его, и чем больше желал, тем больше разгуливался. И стоило ему задать себе вопрос "засыпаю ли я?" -- и проходила вся сонливость.

Беганье, прыганье по своей клетке не помогало. От усиленного движения только делалась слабость и еще большее возбуждение нервов, делалась головная боль в темени, и стоило только закрыть глаза, чтобы на темном с блестками фоне стали выступать рожи лохматые, плешивые, большеротые, криворотые, одна страшнее другой. Рожи гримасничали самыми ужасными гримасами. Потом рожи стали являться уже при открытых глазах, и не только рожи, но целые фигуры, стали говорить и плясать. Становилось страшно, он вскакивал, бился головой о стену и кричал. Форточка в двери отворялась.

-- Кричать не полагается, -- говорил спокойный, ровный голос.

-- Позовите смотрителя! -- кричал Меженецкий.
Ему ничего не отвечали, и форточка закрывалась.
И такое отчаяние охватывало Меженецкого, что он одного желал -- смерти.
Один раз в таком состоянии он решил лишить себя жизни. В камере был душник, на котором можно было утвердить веревку с петлею и, став на койку, повеситься. Но не было веревки. Он стал разрывать простыню на узкие полосы, но полос этих оказалось мало. Тогда он решил заморить себя голодом и не ел два дня, но на третий день ослабел, и припадок галлюцинаций повторился с ним с особенной силой. Когда принесли ему пищу, он лежал на полу без чувств с открытыми глазами.
Пришел доктор, положил его на койку, дал ему брому и морфину, и он заснул.
Когда на другой день он проснулся, доктор стоял над ним и покачивал головой. И вдруг Меженецкого охватило знакомое ему прежде бодрящее чувство злобы, которую он давно уже не испытывал.
-- Как вам не стыдно, -- сказал он доктору, в то время как тот, наклонив голову, считал его пульс, -- служить здесь! Зачем вы меня лечите, чтобы опять мучать! Ведь это все равно как присутствовать при сечении и разрешать повторить операцию.
-- Потрудитесь на спинку лечь, -- сказал невозмутимо доктор, не глядя на него и доставая инструмент для оскультации из бокового кармана.
-- Те залечивали раны, чтобы догнать остальные пять тысяч палок. К черту, к дьяволу! -- вдруг закричал он, скидывая ноги с койки. -- Убирайтесь, издохну без вас!
-- Нехорошо, молодой человек, на грубости есть у нас свои ответы.
-- К чорту, к чорту!
И Меженецкий был так страшен, что доктор поспешил уйти.

X

Произошло ли это от приемов лекарств, или он пережил кризис, или поднявшаяся злоба на доктора вылечила его, но с этой поры он взял себя в руки и начал совсем другую жизнь.
"Вечно держать меня здесь они не могут и не станут, -- думал он. -- Освободят же когда-нибудь. Может быть -- что всего вероятнее, -- изменится режим (наши продолжают работать), и потому надо беречь жизнь, чтобы выйти сильным, здоровым и быть в состоянии продолжать работу".
Он долго обдумывал наилучший для этой цели образ жизни и придумал

так: ложился он в девять часов и заставлял себя лежать -- спать или не спать, все равно -- до пяти часов утра. В пять часов он вставал, убирался, умывался, делал гимнастику и потом, как он себе говорил, шел по делам. И, в воображении, он шел по Петербургу, с Невского на Надеждинскую, стараясь представлять себе все то, что могло встретиться ему на этом переходе: вывески, дома, городовые, встречающиеся экипажи и пешеходы. В Надеждинской он входил в дом своего знакомого и сотрудника, и там они, вместе с пришедшими товарищами, обсуживали предстоящее предприятие. Шли прения, споры, Меженецкий говорил и за себя, и за других. Иногда он говорил вслух, так что часовой в окошечко делал ему замечания, но Меженецкий не обращал на него никакого внимания и продолжал свой воображаемый петербургский день. Пробыв часа два у приятеля, он возвращался домой и обедал, сначала в воображении, а потом в действительности, тем обедом, который ему приносили, и ел всегда умеренно. Потом он, в воображении, сидел дома и занимался то историей, математикой и иногда, по воскресеньям, литературой. Занятие историей состояло в том, что он, избрав какую-нибудь эпоху и народ, вспоминал факты и хронологию. Занятие математикой состояло в том, что он делал наизусть выкладки и геометрические задачи. (Он особенно любил это занятие.) По воскресеньям он вспоминал Пушкина, Гоголя, Шекспира и сам сочинял.

Перед сном он еще делал маленькую экскурсию, в воображении ведя с товарищами мужчинами и женщинами шуточные, веселые, иногда серьезные разговоры, иногда бывшие прежде, иногда вновь выдумываемые. И так шло дело до ночи. Перед сном он для упражнения делал в действительности 2000 шагов в своей клетке и ложился на свою койку и большей частью засыпал.

На другой день было то же. Иногда он ехал на юг и подговаривал народ, начинал бунт и вместе с народом прогонял помещиков, раздавал землю крестьянам. Все это, однако, он воображал себе не вдруг, а постепенно, со всеми подробностями. В воображении его революционная партия везде торжествовала, правительственная власть слабела и была вынуждена созвать собор. Царская фамилия все угнетатели народа исчезали, и устанавливалась республика, и он, Меженецкий, избирался президентом. Иногда он слишком скоро доходил до этого и тогда начинал опять сначала и достигал цели другим способом.

Так он жил год, два, три, иногда отступая от этого строгого порядка жизни, но большей частью возвращаясь к нему. Управляя своим воображением, он освободился от непроизвольных галлюцинаций. Только изредка на него находили припадки бессонницы и видения рожи, и тогда он глядел на отдушник и соображал, как он укрепит веревку, как сделает петлю и повесится. Но припадки эти продолжались недолго. Он

преодолевал их.

Так прожил он почти семь лет. Когда срок его заключения кончился и его повезли на каторгу, он был вполне свеж, здоров и в полном обладании своих душевных сил.

XI

Везли его, как особенно важного преступника, одного, не давая ему сообщаться с другими. И только в красноярской тюрьме ему в первый раз удалось войти в общение с другими политическими преступниками, тоже ссылавшимися на каторгу, их было шесть человек -- две женщины и четверо мужчин. Это были все молодые люди нового склада, незнакомого Меженецкому. Это были революционеры следующего за ним поколения, его наследники, и потому они особенно интересовали его. Меженецкий ожидал встретить в них людей, идущих по его стопам и потому долженствующих высоко оценить все то, что было сделано их предшественниками, особенно им, Меженецким. Он готовился ласково и снисходительно обойтись с ними. Но, к неприятному удивлению его, эта молодежь не только не считала его своим предшественником и учителем, но обращалась с ним как бы снисходительно, обходя и извиняя его устарелые взгляды. По мнению их, этих новых революционеров, все то, что делал Меженецкий и его друзья, все попытки возмущения крестьян и, главное, террор и все убийства губернатора Крапоткина, Мезенцова и самого Александра II, -- все это был ряд ошибок. Все это привело только к реакции, торжествовавшей при Александре III и вернувшей общество назад, почти к крепостному праву. Путь освобождения народа, по мнению новых, был совсем иной.

В продолжение двух дней и почти двух ночей не переставали споры между Меженецким и его новыми знакомыми. Особенно один, руководитель всех, Роман, как его все звали только по имени, мучительно огорчал Меженецкого непоколебимой уверенностью в своей правоте и снисходительным, даже насмешливым отрицанием всей прошедшей деятельности Меженецкого и его товарищей.

Народ по понятию Романа, рубая толпа, "быдло", и с народом, стоящим на той степени развития, на которой он стоит теперь ничего сделать нельзя. Все попытки поднять русское сельское население -- это все равно что пытаться зажечь камень или лед. Нужно воспитать народ, нужно приучить его к солидарности, и это может сделать только большая промышленность и выросшая на ней социалистическая организация народа. Земля не только не нужна народу, но она-то и делает его

консерватором и рабом. Не только у нас, но и в Европе. И он на память приводил мнения авторитетов и статистические цифры. Народ надо освободить от земли. И чем скорее это сделается, тем лучше. Чем больше их идут на фабрики и чем больше забирают в руки землю капиталисты и чем больше угнетают их, тем лучше. Уничтожиться деспотизм, а главное капитализм, может только солидарностью людей народа, а солидарность эта может быть достигнута только союзами, корпорациями рабочих, т. е. только тогда, когда народные массы перестанут быть земельными собственниками и станут пролетариями.

Меженецкий спорил и горячился. Особенно раздражала его одна из женщин, недурная волосатая брюнетка, с очень блестящими глазами, которая, сидя на окне и как будто не принимая прямого участия в разговоре, изредка вставляла словечки, подтверждавшие доводы Романа, или только презрительно посмеивалась на слова Меженецкого.

-- Разве можно переделать весь земледельческий народ в фабричных? -- говорил Меженецкий.

-- Отчего же нельзя? -- возражал Роман. -- Это общий экономический закон.

-- Почему мы знаем, что закон этот всеобщий? -- говорил Меженецкий.

-- Прочтите Каутского, -- презрительно улыбаясь, вставила брюнетка.

-- Если и допустить, -- говорил Меженецкий (я не допускаю этого), -- что народ переделается в пролетариев, то почему вы думаете, что он сложится в ту, вперед предназначенную ему вами форму?

-- Потому что это научно обосновано, -- вставляла брюнетка, поворачиваясь от окна.

Когда же речь зашла о форме деятельности, которая нужна для достижения цели, разногласие стало еще больше. Роман и его друзья стояли на том, что нужно подготавливать армию рабочих, содействовать переходу крестьян в фабричных и пропагандировать социализм среди рабочих. И не только не бороться открыто с правительством, а пользоваться им для достижения своих целей. Меженецкий же говорил, что надо прямо бороться с правительством, терроризировать его, что правительство и сильнее и хитрее вас. "Не вы обманете правительство, а оно вас. Мы и пропагандировали народ, и боролись с правительством".

-- И как много сделали? -- иронически проговорила брюнетка.

-- Да я думаю, что прямая борьба с правительством, -- неправильная трата сил, -- сказал Роман.

-- Первое марта трата сил! -- закричал Меженецкий. -- Мы жертвовали собой, жизнями, а вы спокойно сидите по домам, наслаждаясь жизнью, и только проповедуете.

-- Не очень-то наслаждаемся жизнью, -- спокойно сказал Роман, оглядываясь на своих товарищей, и победоносно расхохотался своим

незаразительным, но громким, отчетливым, самоуверенным смехом.

Брюнетка, покачивая головой, презрительно улыбалась.

-- Не очень-то наслаждаемся жизнью, -- сказал Роман. -- А если и сидим здесь, то обязаны этим реакции, а реакция -- произведение именно первого марта.

Меженецкий замолчал. Он чувствовал, что задыхается от злобы, и вышел в коридор.

XII

Стараясь успокоиться, Меженецкий стал ходить взад и вперед по коридору. Двери камер до вечерней переклички были открыты. Высокий белокурый арестант, с лицом, добродушие которого не нарушалось до половины выбритой головой, подошел к Меженецкому.

-- Арестантик тут, в нашей камере, увидал ваше степенство, -- позови, говорит, его ко мне.

-- Какой арестант?

-- "Табачная держава", так ему прозвище. Старичок он, из раскольников. Позови, говорит, ко мне того человека. Про ваше степенство, значит.

-- Где же он?

-- Во тут, в нашей камере. Покличь, говорит, того барина. Меженецкий вошел с арестантом в небольшую камеру с нарами, на которых сидели и лежали арестанты.

На голых досках, под серым халатом, на краю нар лежал тот самый старик раскольник, который семь лет тому назад приходил к Меженецкому расспрашивать о Светлогубе. Лицо старика, бледное, все ссохлось и сморщилось, волоса все были такие же густые, редкая бородка была совсем седая и торчала кверху. Глаза голубые, добрые и внимательные. Он лежал навзничь и, очевидно, был в жару: на маслаках щек был болезненный румянец.

Меженецкий подошел к нему.

-- Что вам? -- спросил он.

Старик с трудом поднялся на локоть и подал трясущуюся сухую, небольшую руку. Он, собираясь говорить, как бы раскачиваясь, стал тяжело дышать и, с трудом переводя дыханье, тихо заговорил:

-- Не открыл ты мне тогда, бог с тобой, а я всем открываю.

-- Что же открываете?

-- Про агнца... про агнца открываю... тот юнош с агнцем был. А сказано: агнец победит я, всех победит... И кто с ним, те избраннии и вернии.

-- Я не понимаю, -- сказал Меженецкий.

-- А ты понимай в духе. Цари область приимут со зверем. А агнец победит я.

-- Какие цари? -- сказал Меженецкий.

-- И цари седмь суть: пять их пало и один остался, другий еще не прииде, не пришел, значит. И егда приидет, мало ему есть... значит, конец ему придет... понял?

Меженецкий покачивал головой, думая, что старик бредит и слова его бессмысленны. Так же думали и арестанты, товарищи по камере. Тот бритый арестант, который звал Меженецкого, подошел к нему и, слегка толкнув его локтем и обратив на себя внимание, подмигнул на старика.

-- Все болтает, все болтает табачная держава наша, -- сказал он. -- А что, и сам не знает.

Так думали, глядя на старика, и Меженецкий, и его сотоварищи по камере. Старик же хорошо знал, что говорил, и то, что он говорил, имело для него ясный и глубокий смысл. Смысл был тот, что злу недолго остается царствовать, что агнец добром и смирением побеждает всех, что агнец утрет всякую слезу, и не будет ни плача, ни болезни, ни смерти. И он чувствовал, что это уже совершается, совершается во всем мире, потому что это совершается в просветленной близостью к смерти душе его.

-- Ей гряди скоро! Аминь. Ей гряди, господи Иисусе! -- проговорил он и слегка значительно и, как показалось Меженецкому, сумасшедше улыбнулся.

XIII

"Вот он, представитель народа, -- подумал Меженецкий, выходя от старика. -- Это лучший из них. И какой мрак! Они (он разумел Романа с его друзьями) говорят: с таким народом, каков он теперь, ничего нельзя сделать".

Меженецкий одно время работал свою революционную работу среди народа и знал всю, как он выражался, "инертность" русского крестьянина, сходился и с солдатами на службе и отставными и знал их тупую веру в присягу, в необходимость повиновения и невозможность рассуждением подействовать на них. Он знал все это, но никогда не делал из этого знания того вывода, который неизбежно вытекал из него. Разговор с новыми революционерами расстроил, раздражил его.

"Они говорят, что все то, что делали мы, что делали Халтурин, Кибальчич, Перовская, что все это было не нужно, даже вредно, что это-то и вызвало реакцию Александра III, что благодаря им народ убежден, что вся революционная деятельность идет от помещиков, убивших царя за то,

что он отнял у них крепостных. Какой вздор! Какое непонимание и какая дерзость думать так!" -- думал он, продолжая ходить по коридору.

Все камеры были закрыты, исключая одной той, в которой были новые революционеры. Подходя к ней, Меженецкий услышал смех ненавистной ему брюнетки и трескучий, решительный голос Романа. Они, очевидно, говорили про него. Меженецкий остановился слушать. Роман говорил:

-- Не понимая экономических законов, они не отдавали себе отчета в том, что делали. И большая доля тут была...

Меженецкий не мог и не хотел дослушать, чего тут была большая доля, но ему и не нужно было знать этого. Один тон голоса этого человека показывал то полное презрение, которое испытывали эти люди к нему, к Меженецкому, герою революции, погубившему двенадцать лет жизни для этой цели.

И в душе Меженецкого поднялась такая страшная злоба, какой он еще никогда не испытывал. Зло на всех, на все, на весь этот бессмысленный мир, в котором могли жить только люди, подобные животным, как этот старик, с своим агнцем, и такие же полуживотные палачи и тюремщики, эти наглые, самоуверенные, мертворожденные доктринеры.

Вошел дежурный вахтер и увел политических женщин на женскую половину. Меженецкий отошел в дальний конец коридора, чтобы не встречаться с ним. Вернувшись, вахтер запер дверь новых политических и предложил Меженецкому войти к себе. Меженецкий машинально послушался, но попросил не запирать своей двери.

Вернувшись в свою камеру, Меженецкий лег на койку лицом к стене.

"Неужели в самом деле так понапрасну погублены все силы: энергия, сила воли, гениальность (он никогда никого не считал выше себя по душевным качествам) погублены задаром!" Он вспомнил недавно, уже по дороге в Сибирь, полученное им письмо от матери Светлогуба, упрекавшей его по-женски, глупо, как он думал, за то, что он погубил ее сына, увлекши в террористическую партию. Получив письмо, он только презрительно улыбнулся: что могла понимать эта глупая женщина о тех целях, которые стояли перед ним и Светлогубом. Но теперь, вспомнив письмо и милую, доверчивую, горячую личность Светлогуба, он задумался сначала о нем, а потом и о себе. Неужели вся жизнь была ошибка? Он закрыл глаза и хотел заснуть, но вдруг с ужасом почувствовал, что возвратилось то состояние, которое он испытывал первый месяц в Петропавловской крепости. Опять боль в темени, опять рожи, большеротые, мохнатые, ужасные, на темном фоне с звездочками, и опять фигуры, представляющиеся открытым глазам. Новое было то, что какой-то уголовный в серых штанах, с бритой головой, качался над ним. И опять, по связи идей, он стал искать отдушника, на котором можно бы было утвердить веревку.

Невыносимая злоба, требующая проявления, жгла сердце Меженецкого. Он не мог сидеть на месте, не мог успокоиться, не мог отогнать своих мыслей.

"Как? -- стал он уж задавать себе вопрос. -- Разрезать артерию? Не сумею. Повеситься? Разумеется, самое простое".

Он вспомнил о веревке, которой была перевязана вязанка дров, лежащая в коридоре. "Стать на дрова или на табуретку. В коридоре ходит вахтер. Но он заснет или выйдет. Надо выждать и тогда унести к себе веревку и утвердить на отдушнике".

Стоя у своей двери, Меженецкий слушал шаги вахтера в коридоре и изредка, когда вахтер уходил в дальний конец, выглядывал в отверстие двери. Вахтер все не уходил и все не засыпал. Меженецкий жадно прислушивался к звукам его шагов и ожидал.

В это время в той камере, где был больной старик, среди темноты, чуть освещаемой коптящей лампой, среди сонных ночных звуков дыханья, ворчанья, кряхтенья, храпа, кашля происходило величайшее в мире дело. Старик раскольник умирал, и духовному взору его открылось все то, чего он так страстно искал и желал в продолжение всей своей жизни. Среди ослепительного света он видел агнца в виде светлого юноши, и великое множество людей из всех народов стояло перед ним в белых одеждах, и все радовались, и зла уже больше не было на земле. Все это совершилось, старик знал это, и в его душе и во всем мире, и он чувствовал великую радость и успокоение.

Для людей же, бывших в камере, было то, что старик громко хрипел предсмертным хрипом, и сосед его проснулся и разбудил других; и когда хрип кончился и старик затих и похолодел, товарищи его по камере стали стучать в дверь.

Вахтер отпер дверь и вошел к арестантам. Минут через десять два арестанта вынесли мертвое тело и понесли его вниз в мертвецкую. Вахтер вышел за ними и запер дверь за собою. Коридор остался пустой.

"Запирай, запирай, -- подумал Меженецкий, следивший из своей двери за всем, что делалось: -- Не помешаешь мне уйти от всего этого нелепого ужаса!"

Меженецкий не испытывал уже теперь того внутреннего ужаса, который до этого томил его. Он весь был поглощен одной мыслью: как бы что-нибудь не помешало ему исполнить свое намерение.

С трепещущим сердцем он подошел к вязанке дров, развязал веревку, вытянул ее из-под дров и, оглядываясь на дверь, понес к себе в камеру. В камере он влез на табуретку и накинул веревку на отдушник. Связав оба конца верейки, он перетянул узел и из двойной веревки сделал петлю. Петля была слишком низко. Он вновь перевязал веревку, опять сделал петлю, примерил на шею и, беспокойно прислушиваясь и оглядываясь на

дверь, влез на табуретку, всунул голову в петлю, оправил ее и, оттолкнув табуретку, повис...

Только при утреннем обходе вахтер увидал Меженецкого, стоявшего на согнутых в коленях ногах подле лежавшей на боку табуретки. Его вынули из петли. Прибежал смотритель и, узнав, что Роман был врач, позвал его, чтобы оказать помощь удавленнику.

Были употреблены все обычные приемы для оживления, но Меженецкий не ожил.

Тело Меженицкого снесли в мертвецкую и положили на нары рядом с телом старика раскольника.

Л. Н. Толстой.

4-е ноября

Споры всегда больше содействуют затемнению, чем уяснению истины.

Истина должна созреть в уединении. Когда же она созреет, она так ясна, что принимается без спора.

1

Большая сила в человеке, который сумеет промолчать, хотя он и прав.

Катон.

2

Воздержись от спора -- спор есть самое невыгодное условие для убеждения. Мнения -- как гвозди: чем больше по ним колотить, тем больше они влезают.

Ювенал.

3

Если кто вас опечалил или оскорбил, остерегайтесь возражать, пока вы встревожены, а если необходимо оправдание, то прежде всего успокойте свое душевное волнение.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Не утверждайте того, в чем вы не совершенно уверены. Не верьте легко всему что слышите.

Из "Благочестивых мыслей".

5

Если ты не можешь тотчас же утишить гнев, удержи язык. Помолчи, и ты скорее успокоишься.

Бакстер.

6

Можешь ли ты разумно негодовать на человека, одержимого каким-нибудь отвратительным недугом. Чем он виноват, что его соседство тебе противно. Точно так же относись и к нравственным недугам.

"Но, -- скажешь ты, -- у человека есть разум, с помощью которого он может сознавать свои пороки". Это верно. Следовательно, и ты обладаешь разумом и можешь разумным обхождением привести ближнего к сознанию своих недостатков; так прояви же свой разум, сумей пробудить в человеке совесть и исцели ею слепоту без гнева, нетерпения и надменности.

Марк Аврелий.

7

Слово -- ключ сердца. Если разговор ни к чему не ведет, то и одно слово -- лишнее.

Китайское изречение.

8

Когда ты один, думай о своих грехах, когда в обществе -- забывай чужие грехи.

Китайское изречение.

Чем больше хочется говорить, тем больше опасность, что скажешь дурное.

5-е ноября

Мысль есть уяснение истины, и потому дурные мысли -- это только недодуманные мысли.

1

То, что еще спокойно, может быть удержано в покое. То, что еще не появилось, может быть легко предупреждено. То, что еще слабо, может быть легко сломано. То, чего еще мало, может быть легко рассеяно.

Заботьтесь о вещах прежде, чем они существуют. Учреждайте порядок прежде, чем начнутся беспорядки.

Толстое дерево началось с тонкого прута. Девятиэтажная башня началась с кладки малых кирпичей. Путешествием тысячу верст начинается с одного шага. Будьте внимательны к своим мыслям -- они начало поступков.

По Лао-Тсе.

2

С самого утра надо следить за собой и сказать себе: я могу сейчас прийти в столкновение с человеком дерзким, неблагодарным, наглым, лицемерным, докучливым или озлобленным, ибо такими пороками одержим всякий, не знающий, что хорошо и что дурно. Но если я сам твердо знаю, в чем добро и зло, понимаю, что зло для меня есть только то дурное дело, которое я сам делаю, то никакой обидчик не может повредить мне, ибо никто не может заставить меня, против воли моей, делать зло. Если же я вдобавок помню еще и то, как близок мне всякий человек, не по плоти и крови, а по духу, который в каждом из нас от бога и составляет ту сущность нашу, которая выше плоти, то я не могу сердиться или негодовать на столь близкое мне существо, ибо мы сотворены друг для друга, призваны помогать друг другу, как рука - руке, нога -- ноге, как глаза и зубы, которые всегда заодно помогают друг другу. Поэтому отворачиваться от ближнего, оскорбившего нас, противно истинной природе нашей. Однако против этого грешит всякий человек, ненавидящий другого за обиду.

Марк Аврелий.

3

О, ты, ищущий истины, владей своими мыслями, если ты хочешь достигнуть своей цели! Устреми взор своей души на тот единый чистый свет, который свободен от страсти.

Браминская мудрость.

4

Для того чтобы пламя могло дать спокойный свет, нужно, чтобы светильник был поставлен в защищенное от ветра место. Ежели же пламя подвергнуто переменяющимся ветрам, то оно будет дрожать и кидать обманчивые тени, темные и странные. Такие же тени будут бросать дурные мысли на белую поверхность твоей души.

Браминская мудрость.

5

В суете мира и среди возбуждения соблазнов некогда искать средств противодействия нашим желаниям.

Установи свои цели тогда, когда ты один и отсутствуют соблазны. Только тогда ты будешь в силе бороться с искушающими тебя соблазнами.

Бентам.

6

Размышление -- путь к бессмертию, легкомыслие -- путь к смерти. Бодрствующие в размышлении не умирают никогда, легкомысленные, неведущие подобны мертвым.

Пробуждай сам себя, -- тогда, защищенный собою и бодро внемлющий,

ты будешь неизменен.

Буддийская мудрость (Дхаммапада.)

Нельзя отогнать дурную мысль, когда она появилась в уме, но можно понять, что появившаяся мысль дурная, и можно вызвать те мысли, которые ослабят или уничтожат ее. Появилась мысль о недостатках ближнего: я не могу отогнать ее, но, поняв, что мысль эта дурная, могу вызвать мысль о том, что осуждение дурно, что я сам плох, что в нем тот же бог, как и во мне, и что поэтому я не могу не любить его.

6-е ноября

Осуждение ближнего неразумно: оно ни на что не нужно, а между тем вредно и себе и другим.

1

Когда в конце вечернего собрания один из гостей простился и вышел, оставшиеся стали судить о нем и сказали про него много дурного. То же было и со вторым ушедшим. Так разошлись все гости до одного. "Позвольте мне остаться ночевать, -- сказал этот последний. -- Я слышал, как пострадали все ушедшие, и боюсь за себя".

2

Пословица говорит: об умерших говори доброе или молчи. Я думаю, что наоборот надо не говорить дурного о живых, потому что это может сделать им больно и испортить их отношение к живым, но о мертвых, о которых принято говорить льстивую ложь, ничто не мешает говорить полную правду.

3

Осуждение тем особенно дурно, что то самое суждение о недостатках человека, которое, будучи сказано в глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается от того, кому оно может быть нужно, и сообщается тем, кому оно вредно, возбуждая в них дурное чувство к осуждаемому.

4

Будьте строги к самим себе и снисходительны к другим, и вы не будете иметь врагов.

Китайская мудрость.

5

Человек перестает осуждать других, как только победит самого себя.

6

Я знал старичка, который нарочно растягивал слова так, что проходило несколько секунд между каждым словом. Он делал это умышленно, боясь согрешить словом.

7

Мы все дурны, и потому все то, что мы осуждаем в других, мы всегда найдем в себе. Давайте же прощать друг другу. Одно средство жить нам в мире -- это взаимное прошение.

Слово -- выражение мысли, мысль -- проявление божеской силы, и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает. Оно может быть безразлично, но не может и не должно быть выражением зла.

7-е ноября

Можно смотреть на жизнь, как на сон, и на смерть -- как на пробуждение.

1

Я не могу отрешиться от мысли, что я умер прежде, чем родился, и в смерти возвращаюсь снова в то же состояние. Умереть и снова ожить с воспоминанием своего прежнего существования -- мы называем обмороком; вновь пробудиться с новыми органами -- значит родиться.

Лихтенберг.

2

Если я умертвил животное -- собаку, птичку, лягушку, даже хотя бы только насекомое, то, строго говоря, все-таки немыслимо, чтобы от моего злобного или легкомысленного поступка могло превратиться в ничто это существо, или, вернее, та первоначальная сила, благодаря которой это столь удивительное явление еще минуту тому назад представало пред нами во всей своей энергии и жизнерадостности. А с другой стороны, миллионы животных всякого рода, каждое мгновение вступающих в жизнь в бесконечном разнообразии, полных силы и стремительности, -- не могли совершенно никогда не существовать до акта своего рождения и не бывши ничем -- начать быть. Если, таким образом, я замечаю, что одно скрывается у меня из виду неведомо куда, а другое появляется неведомо откуда, и притом то и другое имеет одинаковую форму и сущность, одинаковый характер, но только не одну и ту же материю, которая, впрочем, и в продолжение их существования непрестанно отбрасывается и заменяется новой, -- то само собой напрашивается предположение, что то,

что исчезает, и то, что становится на его место, есть одно и то же существо, испытавшее лишь небольшое преобразование, обновление формы своего существования и, стало быть, то, что сон для индивида, то смерть для вида.

Шопенгауэр.

3

Во сне мы живем почти так же точно, как и наяву. Паскаль говорит, что если бы мы видели себя во сне постоянно в одном и том же положении, а наяву в различных, то мы считали бы сон за действительность, а действительность за сон.

Это не совсем справедливо.

Действительность отличается от сна тем, что в действительной жизни мы обладаем нашей способностью поступать сообразно с нашими нравственными требованиями. Во сне же мы часто знаем, что совершаем отвратительные, безнравственные поступки, но не властны удержаться. Так что я бы сказал, что если бы мы не знали жизни, в которой бы мы были более властны в удовлетворении нравственных требований, чем во сне, то мы сон считали бы вполне жизнью и никогда не усомнились бы в том, что это не настоящая жизнь.

Теперь наша вся жизнь, от рождения до смерти, со своими снами не есть ли, в свою очередь, сон, который мы принимаем за действительность, за действительную жизнь и в действительности которой мы не сомневаемся только потому, что не знаем жизни, в которой наша свобода следовать нравственным требованиям души была бы еще больше, чем та, которой мы владеем теперь.

4

Я не жалею о том, что родился и прожил здесь часть моей жизни, потому что я жил так, что имею причину думать, что принес некоторою пользу. Когда же придет конец, то я оставлю жизнь так же, как я бы ушел из гостиницы, а не из своего настоящего дома, потому что я думаю, что пребывание наше здесь предназначено нам, как переходное и только временное.

Цицерон.

5

Если бы я даже ошибался, полагая, что душа бессмертна, я был бы счастлив и доволен своей ошибкой; и пока я живу, ни один человек не в силах отнять у меня эту уверенность, которая дает мне такое неизменное спокойствие, такое полное удовлетворение.

Цицерон.

Мы неправильно ставим вопрос, когда спрашиваем: что будет после смерти? Говоря о будущем, мы говорим о времени, а умирая, мы уходим из времени.

8-е ноября

Сознание нашей жизни по отношению к богу есть то же, что наши чувства по отношению к миру, к вещам. Не было бы чувств, мы ничего не знали бы о мире, о вещах; не было бы в нас сознания нашей жизни -- мы ничего бы не знали о боге.

1

Есть только один способ чтить бога. Способ этот в том, чтобы исполнять свои обязанности и поступать согласно законам, данным разумом. Бог существует -- это, по моему мнению, не может означать ничего другого, кроме того, что я, сохраняя свою свободную волю, чувствую себя вынужденным поступать по правде. Это бог. Вообще бога познает сердце

наше, и сделать это познание понятным разуму, несомненно, трудно, если не совсем невозможно. Вопрос еще, мог ли бы один разум, без сердца, дойти когда-нибудь до бога. После того как сердце познало бога, стал искать его и разум.

Лихтенберг.

2

Идея бога, несмотря на все свое величие, есть идея нашей духовной природы, только очищенная и возвеличенная до бесконечности.

Основа понятия божества находится в нас.

Чаннинг.

3

Бояться бога хорошо, но еще лучше -- любить. Лучше же всего воскресить его в себе.

Ангелус Силезиус.

4

Найти бога можно только в себе.

Ангелус Силезиус.

5

Хороший работник, наверное, не знает всех подробностей жизни хозяина, а только ленивый работник старается, ничего не делая, разузнать о жизни и вкусах хозяина, чтобы угодить ему. То же отношение человека к богу. Важно то, чтобы признавать его хозяином и знать, чего он от меня требует; а что он сам такое и как он живет, я никогда не узнаю, потому что я ему не пара, я -- работник, а не хозяин.

Понимают бога каждый, как ему свойственно, но исполняют волю его все одинаково.

9-е ноября

Себялюбие есть начинающаяся гордость. Гордость -- это незадержанное распустившееся себялюбие.

1

Кто не питает отвращения к своему самолюбию, к тому свойству, которое заставляет его ставить себя выше всего в мире, тот вполне ослеплен, потому что это противоречит и справедливости и истине. Противоречит справедливости потому, что все желают того же, т. е. быть выше других, и противоречит истине потому, что нельзя быть выше всего в мире.

Паскаль.

2

Есть два сорта людей: одни -- праведны, но считают себя грешниками; другие грешны, но считают себя праведниками.

Паскаль.

3

Человек -- дробь. Числитель -- это его внешние, телесные и умственные качества, сравнительно с другими; знаменатель -- это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя -- свои качества -- не во власти человека, но уменьшить своего знаменателя -- свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству -- во власти каждого человека.

4

Чем легче и менее плотно вещество, тем больше оно занимает места. Так же легковесны и те достоинства, которые приписывает себе гордый человек.

5

Много есть людей, ставящих себя учителями других, тогда как им самим надо только начинать учиться.

Восточная мудрость.

6

Плохое колесо всегда громче скрепит. Пустой колос выше стоит. Таково же и свойство гордости.

7

Низшая природа человеческая противна смирению, сердце человеческое возмущается при одной мысли о презрении, об унижении, и мы тщательно скрываем все, что может унизить нас в глазах других, мы стараемся скрыть худое в себе даже от самих себя; мы не хотим видеть себя такими, каковы мы на самом деле. Чем сильнее в нас это свойство, тем нужнее нам бороться с ним.

Главное дело жизни есть совершенствование. А какое же возможно совершенствование, когда человек, как всякий гордец, вполне доволен собой.

10-е ноября

С того часа, как первые члены соборов сказали: "изволися нам и святому духу", т. е. вознесли внешний авторитет выше внутреннего, признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке, -- его разума и совести, с того часа началась та ложь, убаюкивающая и тела и души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело.

1

Как ни странно может это показаться, несомненно то, что только в тех учениях, которые назывались ересями, проявлялось и двигалось, т. е. уяснилось и осуществлялось христианство. Ереси могли заключать в себе заблуждения, но могли заключать в себе и истинное христианство; учения же, признаваемые государственными, поддерживаемые властью, насилием, не могли быть христианством, так как основа их, насилие, была антихристианская. Католичество, православие, лютеранство, англиканство не могли быть христианскими учениями, потому что отрицали одно из основных требований христианства -- любовное вразумление, и на место его употребляли самые антихристианские приемы насилия, доходившие до

величайших мучительств, казней, сожжений. Все эти соединившиеся с государственной властью церкви, которые недаром сектанты называют апокалипсической блудницей, не только никогда не были христианскими, но и всегда были злейшими врагами христианства и продолжают и теперь, не раскаиваясь в своих преступлениях, а признавая все свое прошедшее священным, хотя и в более мягких формах, точно так же бороться против истинного христианства, представляя из себя главное препятствие для восприятия народами открытой им истины.

2

Англиканство было с самого начала самым раболепным и усердным слугою угнетения, старавшимся с помощью светской власти и посредством пышной торжественности достигнуть того же положения, которого достиг католицизм в Европе. Оно при каждом трудном случае обращалось к помощи государственной власти.

Лекки.

3

В 1682 году в Англии доктор Лейтон, почтенный человек, написавший книгу против епископства, был судим и приговорен к следующим, совершенным над ним, наказаниям. Его жестоко высекли, потом отрезали одно ухо и распороли одну сторону носа, потом горячим железом выжгли на щеке буквы 55: сеятель смут. После семи дней его опять высекли, несмотря на то, что рубцы на спине еще не зажили, и распороли другую сторону носа, и отрезали другое ухо, и выжгли клеймо на другой щеке. Все это было сделано во имя христианства.

Морисон Давидсон.

4

Христос не основывал никакой церкви, не устанавливал никакого государства, не дал никаких законов, никакого правительства, ни внешнего авторитета, но Он старался написать закон Бога в сердцах людей с тем, чтобы сделать их самоуправляющимися.

Гербер Ньютон.

5

В 1415 году Иоанна Гуса за его обличение безбожных поступков папы признали еретиком, судили и приговорили к смерти без пролития крови, т. е. к сожжению.

Место казни находилось за городскими воротами, между садами, подле Рейна. Когда Гуса привели на место казни, он упал на колени и стал молиться. Когда палач велел ему войти на костер, Гус выпрямился и сказал громко:

-- Иисусе Христе! Эту ужасную, позорную смерть я терплю ради проповеди твоего слова; буду терпеть покорно и со смирением!

Палачи раздели Гуса и привязали ему руки назад к столбу; ноги Гуса стояли на скамье. Вокруг него положили дрова и солому. Костер достигал Гусу до подбородка. В последний раз имперский маршал фон-Поппенгейм предложил Гусу спасти жизнь отречением от ереси.

-- Нет, -- сказал Гус, -- я не знаю за собою вины.

Тогда палачи зажгли костер.

Гус запел гимн: "Христе, сыне бога живого, помилуй меня!" Пламя, раздуваемое ветром, поднялось высоко, и Гус вскоре умолк.

6

Говорят, истинно верующие составляют церковь. Есть ли эти истинно верующие, или нет их, мы не можем знать. Каждый из нас естественно желал бы быть таким истинно верующим, и каждый старается быть им; но никто не может сказать ни про себя, ни про тех, которые верят так же, как он, что они одни истинно верующие. Тот, кто может сказать это, этим самым отрекается от истинного христианства.

Если есть церковь, то она не может быть видна тем, кто находится в ней.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ХРИСТИАНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Христианский писатель Петр Хельчицкий написал в 15 веке сочинение "Сеть веры", обличающее церковь. В сочинении этом упадок веры христианской Петр Хельчицкий объясняет тем, что император и папа, признав себя христианами, извратили истинное христианство. И это извращение ими истинной веры Хельчицкий сравнивает с разодранием рыболовной сети большими рыбами. Как все пойманные рыбы ушли в дыры, сделанные большими рыбами, так и все пойманные в сети Христа люди лишились веры вследствие извращения ее папами и императорами.

Дальше приводим слова самого Хельчицкого. Уловленные апостолами долго удерживались в целой, неповрежденной сети, но когда после них с течением времени люди, чувствуя себя безопасными, заснули, явился враг и насеял плевел между пшеницею, и плевелы так размножились, что пересилили пшеницу и ослабили ее. Крепким сном объяты были христиане в то время, когда император наделил первосвященника имуществом и властью; бесчувственные от тяжкого сна, они дерзнули отвергнуть нищету, в которой пребывали во имя Христово, и променять ее на владычество и честь императорскую и даже выше императорской. Сначала укрывались они в ямах, пещерах и лесах, а потом, глядь, сам император возит священника по Риму, посадив его на белую кобылу. Этим была нарушена чистота и невинность апостольского звания. Поэтому сеть Петрова сильно разодралась, когда *вошли в нее эти два великих кита*, т. е. первосвященник с королевским владычеством и честью, превышающею императорскую, и император, ввалившийся под кожу веры с языческою властью и должностями. Когда оба эти кита повернулись в сети, она так разодралась, что теперь немного уже остается от нее в целости. От этих двух китов народились множество неправдивых сословий, которые, в свою очередь, дерут сеть веры: во-первых, монахи различного покроя и цвета, потом ученые люди, школьные, университетские, затем настоятели приходов; потом из неученых: разные дворянские роды, украшенные гербами, потом сословия горожан. Каждое из этих собраний и сословий стремится господствовать, приобретая себе земли или хитростью, или

насилием, или куплею, или по наследству. Одни из них планы духовные, другие -- светские.

Церковь римская разделилась на три части: светские паны, короли и князья дерутся и защищают церковь, духовенство -- молится, а третью часть составляет рабочий люд, который должен обеспечивать телесные потребности первых двух частей. Какое неравенство происходит от такого разделения! Двум сторонам хорошо: они праздны, много жрут, им нипочем тратить деньги или лежать на третьей стороне, подобравши ее под себя, а эта третья сторона в страданиях несет на себе роскошь тех двух обжор. Такое разделение противно Христову учению, по которому весь свет должен составлять едино множество, едино сердце и един дух.

Более всего разодрали сеть веры и дерут ее постоянно два сильных кита: главный владыка духовный и главный владыка светский. *Владыка духовный* -- папа -- нарушает закон Христов тем, что, отвергнув нищету, труд, проповедь и другие пастырские обязанности, он приобрел светскую власть и почет и требует, чтобы перед ним кланялись до земли, как перед богом. Он размножил свои законы, противные закону божию и вере, так что из-за этих законов люди забыли закон божий и веру и думают, что вера есть не что иное, как законы великого священника. Во всех своих священных действиях духовенство руководствуется этими законами: оно иначе не умеет молиться, как бормоча установленные законами и нарочито составленные часы, которыми исписаны толстые книги. Считается молитвою, когда в церкви во всеуслышание один поп перекидывается с другим словами и стихами. Невежественный народ, не рассуждая, принимает все это за веру христианскую, и неудивительно, потому что о вере он только и слыхал, что бога можно видеть в церкви, да что в воскресенье нельзя пахать.

Другой кит, ввалившийся в сеть веры и разодравший ее, есть *император с языческим управлением*, языческими учреждениями, с языческими правами и законами. До принятия христианства Константином христиане руководились одним законом Христовым без примеси папских и императорских постановлений, не имели короля из своей среды и должны были только платить дань и исполнять другие повинности, как подданные язычников. Когда же император Константин был принят в веру с языческим управлением и языческими законами, тогда невинность и чистота христиан была нарушена.

Нельзя перечислить всех языческих особенностей, которыми осквернена истинная вера и богопочитание; скажем о некоторых, имеющих отношение к императору. Желая господствовать над христианами, Константин и его преемники должны были бы показывать пример самого высокого благочестия, а между тем они живут среди христиан, отступая от веры и совершая дела самые богопротивные. И их слуги и челядь ведут также

самую недостойную жизнь, так что они являются в христианском обществе падалью, которая смрадом своим всех заражает. А духовенство и магистры еще оправдывают их, как третью сторону церкви сатанинской, и говорят:

"Так подобает их сану, придворные люди должны быть веселыми, свободными, развязными".

Император пользуется языческою властью своевольно, с гордым довольством и смелостью, вовсе не помышляя о том, что он христианин и властвует над христианами. *Не так еще важны телесные притеснения*, которые делает император своим подданным, облагая их податями и т. п.: этим наносится ущерб имуществу, и люди обременяются тяжелою работою, но совесть от этого не страдает, если только все эти стеснения переносятся терпеливо. Гораздо важнее то, что светская власть не вменяет себе в грех убивать людей и учинять всякие насилия и *заставляет* христиан ходить войною друг на друга, и таким образом, *преступать заповедь Христову*.

Состояние первой церкви, когда язычники не имели ничего общего с христианами, было самое благоприятное для христиан и могло бы существовать до настоящего времени, если бы по козням сатаны и по слепоте двух лиц, Сильвестра и Константина, не был влит яд в христианство, т. е. власть папская и императорская. С церковью Христовою совершилось подобное тому, что было с иудеями. Прибыв в землю обетованную, они прожили там более четырехсот лет, не имея над собою никаких земных владык и находясь только под охраною бога и его закона, но потом, отвергнув бога, они стали просить у Самуила царя. Желание их было исполнено, но во свидетельство великого греха, ими учиненного, бог послал знамение: гром и дождь. Подобное произошло и с христианами с тою лишь разницею, что иудеи желали иметь царя из привязанности к земному, надеясь, что их земные дела пойдут лучше при царе земном, чем при царе небесном; христиане же не отвергали бога и не желали иметь царя с языческим управлением, но это совершилось под видом блага для церкви, которого ждали от принятия императором христианской веры. Последствия оказались противоположные: чего император прежде не мог ввести между христианами, подвергая их мукам, то он ввел под видом приязни к ним и, соединившись с ними верою, увлек их в языческое неверие. Виновны в этом зле Сильвестр и Константин, но не менее виноваты и те последующие христиане, которые, считая себя совершеннейшими и мудрейшими в понимании веры, *доказывают необходимость светской власти для блага церкви*.

С течением времени ко множеству рыб, уловленных апостолами, или, иначе, ко множеству верующих, присоединилось много рыб, или сбродов людей, которые разодрали сеть веры. Эти сброды не хотят пребывать в

вере или следовать ей, а тянут веру за собою и, имея каждый свои особенности, противные вере, хотят, чтобы они признавались за веру. Прежде всего поведем речь о сбродах и поколениях, украшенных гербами.

Эти многоразличные поколения, украшенные гербами, ведут жизнь, противную заповедям божиим, и превосходят других людей в поругании сына божия. Эти поколения вдвойне рождаются во грехе: 1) во грехе Адамовом, как и все люди, и 2) с греховным сознанием благородства своего происхождения. В силу этого благородства они стараются выделить себя перед другими людьми всем, чем только можно: именами, манерою себя держать, одеждою, пищею, постройкою жилища, правами и обращением. Во всем их образе жизни, обычаях и речи выражается тщеславие. Они стремятся обладать всеми благами тела и света, чтобы пользоваться почетом и славою, и избегают всего неприятного, что должны переносить люди за свои грехи. Им неприличны усиленный труд, терпение, преследование, простота, унижение, услужливость: им нужна жизнь свободная, праздная, легкая, пресыщение земными благами, чистота, красота, одежда особых затейливых и изящных покроев; они должны задавать роскошные пиры на удивление всем, как боги и богини; им нужны чистые и мягкие ложа, речь сладкая и вкрадчивая, исполненная лести, с приговариванием: "не угодно ли вашей милости". Благородство заставляет их прибегать к частым и отвратительным омовениям с помощью прислужников, доходящим до мерзости: благородство заставляет их белиться; наконец, благородство требует языческого господства, и действительно, это поколение, украшенное гербами, захватило землю и приобрело власть над другими людьми. Страданиями и потом холопов и "крепкоголовых дураков" оно может доказать свое благородство, и стоит только холопу перестать работать, как все это благородство поблекнет и сравняется с пастушьим.

Благородство происхождения основывается на языческом обычае добывать гербы от императоров и королей. Одни приобретают их службою в воздаяние за какие-нибудь геройские поступки; другие же покупают их для почета, например ворота, волчью или собачью голову, лестницу, полконя, трубу, ножи, свиную колбасу и т.п. На этих гербах и держится все благородство, и вся цена ему та же, что и гербам. Не будь денег для его поддержки, голод заставил бы бросить гербы да взяться за плуги. Не в гербах, а в деньгах главная сила благородства, и когда нет денег, пан сравнивается с холопом и, стыдясь приняться за работу, не имеет и хлеба на обед.

Двойное рождение благородного сословия -- во грехе Адамовом и в сознании своего благородства, основанного на гербах, влечет за собою новые и многочисленные грехи. Сознание благородства порождает тщеславие, отсутствие смирения и терпения. Назови кто-нибудь пана

подлым или холопом, он тотчас же потянет его в суд, чтобы очистить себя от холопства и подлости. Другие грехи, вытекающие из того же источника, -- праздность, стремление к роскоши, языческому господству, жестокость, насилие. А духовенство потворствует этим грехам и говорит панам: "В этом нет вреда, это следует или это подобает вашему сану". Такими и подобными речами оно как бы увлажняет эти грехи, чтобы они спорее росли, и обращает их в добродетели.

Грехи эти от родителей переходят к детям, которых они воспитывают в тех же заблуждениях, в которых пребывают сами, и таким образом отнимается от бога его творение. По благородству своего происхождения паны считают нужным посылать своих детей ко дворам в немецкие земли, чтобы они научились там разным похвальбам и иным мерзостям, приличиям, вежливым позам с поклонами и опились тем ядом, который подносят при дворах. Все это происходит от тщеславия: они слишком любят мирское величие, и так как дома им трудно этого достигнуть, то они и посылают детей к великим людям, чтобы через них достигнуть какого-нибудь почета, чтобы старшим было чем похвастаться, что вот-де сын ваш был у короля коморником, а дочка у королевы хвост оправляет или носит. До такой степени размножились эти гербовые поколения, что земли им становится мало. Все хотят господствовать в богатстве, а иным не на что: многих гнетет бедность, а работать не хотят, работы стыдятся, а глотка у всех большая. Иные должают без конца, выманивая деньги льстивыми речами и разными обещаниями, а работать ни за что не хотят, чтобы не опозорить трудом своего благородного происхождения. Обширнейшими и наилучшими землями завладели эти паны, и обратились эти земли в пустыни, и волки по ним бегают, а сами они по-придворному встают, садятся и проводят все время в бесконечных разговорах о разных новостях. В св. писании нет нигде указаний, чтобы одни люди были лучшего рода, чем другие. Сам Соломон сознавал свое ничтожество, а если в Ветхом и Новом завете встречается слово "благородный", то оно означает благородство, основанное на добродетелях и мудрости. Как гнусна жизнь этих благородных людей, так гнусна и одежда, которую носят мужчины и женщины. Вообще ни язычники, ни иудеи не оскверняли веру Христову в такой степени, как эти поколения, основанные на гербах и неправо примешавшиеся к вере. Они и богу не угодны, и людям во вред и в тягость. Рабочий люд несет на себе бремя их благородства, а они готовы проглотить его, и все, что только есть на земле доброго, стараются захватить и проглотить. Великий вред от них всем людям происходит оттого, что они всех облекают в себя и заражают собою других, как труп с терпким смрадом, что морит людей. Прежде всего они облекают в себя своих детей и слуг, уча их тщеславию и всем придворным поступкам, а затем и городское сословие перенимает от них их образ жизни.

Все это написано для того, чтобы познан был в этих сбродах гербовых тот антихрист, о котором говорит ап. Павел, называя его человеком беззакония и сыном погибели.

11-е ноября

Совершенство нравственное недостижимо, но приближение к нему есть закон жизни человеческой.

1

Нет никакого нравственного закона, если я не могу исполнять его. Люди говорят: мы рождены эгоистами, скупыми, похотливыми и не можем быть иными.

Нет, мы можем. Первое дело -- сердцем почувствовать, чем мы должны быть. И это чувство даст нам силу.

Солтер.

2

Вы -- свободные деятели, и вы это чувствуете. Всевозможные софизмы той жалкой философии, которая старается противопоставить фаталистическое учение громкому голосу человеческой совести, человеческого сознания, не в силах были заставить замолчать двух неподкупных свидетелей человеческой свободы: укоров совести и величия мученичества. Начиная с Сократа и до Христа и от Христа вплоть до тех людей, которые из века в век умирают за истину, все мученики веры протестуют против этого рабского учения и громко говорят нам: "Мы тоже любили жизнь и всех людей, которыми жизнь наша была красна и которые умоляли нас прекратить борьбу. Каждое биение нашего сердца громко взывало к нам: живи! но ради исполнения долга мы предпочли смерть". И начиная с Каина и вплоть до самого жалкого шпиона наших дней, все изменники и предатели, избравшие путь зла, слышат в глубине души голос осуждения, укора, голос, не дающий им покоя, который вечно твердит им:

"Зачем вы свернули с истинного пути? Вы деятели свободные, а стало быть, ответственны за свои поступки".

Мадзини.

3

Если ты спросишь: "что же делать?", то позволь мне ответить: что таков, каков ты теперь, ты ничего сделать не в силах. Дело, которое тебе предстоит сейчас, состоит в том, чтоб по возможности перестать быть пустым отголоском своего и чужого себялюбия и легкомыслия и стать хотя бы и не великой, но честной душой. Ты должен заглянуть в себя и убедиться, есть ли там хоть след души. До тех пор ничего нельзя сделать. О, братья, мы должны, насколько возможно, восстановить в себе душу и совесть, заменить наше легкомыслие искренностью и наши мертвые, каменные сердца живыми! Только тогда мы начнем понимать предстоящий нам бесконечный ряд хороших дел в их более или менее ясной последовательности. Сделайте первый шаг, и второй будет легче, яснее, выполнимее.

Карлейль.

4

Человек уронил дорогой жемчуг в море и, чтоб достать его, стал черпать ковшом воду. Морской дух вышел и спросил: "Скоро ли ты перестанешь?" Человек сказал: "Когда вычерпаю море и достану жемчужину". Морской дух вынес ему жемчужину.

Последствия внешние не в нашей воле, но усилие всегда возможно, и благотворные внутренние последствия всегда сопутствуют усилию.

12-е ноября

Земля есть общее и равное достояние всех людей и потому не может быть предметом собственности отдельных лиц.

1

Если я родился на земле, то где же моя часть? Будьте так добры, господа этого мира, покажите мне мой лесной участок, где бы я мог рубить свои дрова; мое поле, где бы я мог сеять мой хлеб; мою усадьбу, где бы я мог поставить свой домик. Но господа этого мира кричат мне: только дотронься до леса, до поля или до усадьбы, тебе достанется, но ты можешь прийти и работать на наших землях, и мы дадим тебе кусок хлеба.

Эмерсон.

2

Мой разум учит меня, что земля не может быть продаваема. Великий дух дал ее своим детям, чтобы им жить на ней, по нужде обрабатывать ее для своего содержания, и пока они занимают и обрабатывают ее, они имеют право на землю.

Блок Хаук.

3

Земля не может быть продаваема никогда, потому что земля моя, а вы все странники.

Левит, гл. 25, ст. 23.

4

Строго говоря, земля принадлежит двоим: всемогущему богу и всем сынам людским, которые работали на ней или которые будут работать на ней.

Карлейль.

5

Услышь меня, справедливый дух творения, и рассуди, кто вор: тот ли, кто отнимает у меня свободу пользоваться землею, которая дана мне с моим рождением, или я, когда пользуюсь частью земли для того, чтобы жить на ней и кормиться ею.

Жерард Винстанлей.

6

Все люди с самого начала и прежде всякого юридического акта находятся во владении землею, т. е. имеют право быть там, где природа или случайность поместила их.

Кант.

7

Разве бог дал что-нибудь одному, не дав того же другому? Разве всеобщий отец исключил кого-нибудь из своих детей? Вы, требующие исключительного права пользоваться его дарами, покажите то завещание,

по которому он лишил своего наследства других братьев.

Ламенэ.

8

Владение землей как собственностью есть одно из самых противоестественных преступлений. Отвратительность этого преступления незаметна нам только потому, что в нашем мире преступление это признается правом.

9

В то время как я собирал орехи в лесу, лесник высунулся из кустов и спросил меня, что я тут делаю? Я отвечал, что собираю орехи.

-- Собираешь орехи? -- сказал он. -- Как ты смеешь это делать?

-- Отчего же не собирать? -- сказал я. -- Ведь берут же орехи и обезьяны и белки?

-- Я говорю тебе, -- сказал он, -- что лес этот не общий, а принадлежит Портландскому герцогу.

-- Вот как! -- сказал я. -- Поклонись же от меня герцогу и скажи ему, что лес этот знает об нем столько же, сколько и обо мне. И потому обо всем том, что родится в лесу, правило такое: кто первый пришел, тот и берет, так что если герцогу Портландскому нужны орехи, так скажи ему, чтобы он не зевал.

Томас Спенс.

Несправедливость признания права собственности на землю за отдельными лицами в наше время сознается людьми так же, как сознавалась несправедливость рабства в половине девятнадцатого столетия.

13-е ноября

Самосовершенствование уже потому свойственно человеку, что он никогда, если он правдив, не может быть доволен собою.

1

Человек должен развивать свои задатки к добру. Провидение не заложило их в человеке вполне готовыми, это только одни задатки. Сделать самого себя лучше -- к этому должен стремиться и этого должен достигать человек.

Кант.

2

"Корень зла в незнании истины", сказал Будда.

Из этого же корня вырастает дерево заблуждения со своими плодами страдания, насчитываемыми тысячами.

Против незнания есть только одно средство -- знание. Истинное же знание может быть достигнуто только через личное совершенствование. Следовательно, и улучшение общественного зла может быть достигнуто только тем, что люди усвоят более высокое миросозерцание и, сделавшись лучше, будут поступать соответственно высшему миросозерцанию.

И потому тщетны все попытки улучшить жизнь мира до тех пор, пока сами люди не станут лучше, улучшение каждого отдельного человека есть вернейшее средство улучшения жизни мира.

Гартман.

3

Тот, кто требует от жизни только улучшения своего существа в смысле внутреннего удовлетворения и религиозной покорности, менее, чем кто-либо, подвержен опасности не исполнить призвания своей жизни.

Амиель.

4

Христианин не может быть только учителем или только учеником, он всегда то и другое вместе, а потому он всегда идет вперед, и нет для него конца совершенствованию.

Считай себя каждый не иначе как школьником и учеником. Не думай, чтобы ты был стар, чтобы учиться, что ты дошел до настоящей зрелости и развития и что характер и душа твоя уже таковы, какими должны быть, и не могут быть лучшими. Для христианина нет оконченного курса, он до самого гроба ученик.

По Гоголю.

5

Мыслящий человек испытывает скорбь, которая может, пожалуй, даже повести к порче нравственности и о которой поверхностный человек не имеет понятия именно, когда он задумывается над несчастиями, которые так сильно угнетают человеческий род, и, по-видимому, не имея надежды на что-нибудь лучшее, он испытывает недовольство провидением, управляющим мировым порядком. Но не осуждать провидение (хотя бы оно предназначило нам сейчас в нашей земной жизни такой трудный путь) -- в высшей степени важно: частью для того, чтобы мы не теряли среди тягостен жизни мужества, частью для того, чтобы мы, сваливая вину на провидение, не упускали из виду нашей собственной вины, которая, может быть, есть единственная причина всех наших зол.

Кант.

6

Как отучаешь себя от дурных привычек, так можно и должно отучать себя от эгоизма. Захочешь увеличить свое удовольствие, захочешь выставить себя, вызвать любовь других -- остановись. Если не хочется ничего делать для других -- не делай, но только не делай для себя ничего, кроме того, что неизбежно нужно.

7

Первое правило для достижения добродетели то, чтобы думать только о своем самосовершенствовании, а не поступать в виду похвал от людей.

Китайский Ши-Кинг.

8

Тот, чьи злые дела покрываются добрыми, освещает этот мир, как месяц, выходящий из-за туч.
Лучше, чем завладеть всей землей, лучше, чем взойти на небо, лучше, чем властвовать над всем миром, лучше всего этого радость первых шагов к святости.

Дхаммапада.

9

Еще другой сказал: я пойду за тобою, господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими.
Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия божия.

Лк. гл. 9, ст. 61 -- 62.

10

Тот, кто положил жизнь свою в совершенствовании, смотрит только вперед. Оглядывается на то, что он сделал, только тот, кто остановился.

Недовольство собою есть необходимое условие разумной жизни. Только это недовольство побуждает к работе над собой.

14-е ноября

Важнее всех других то знание, которое руководит деятельностью жизни.

1

Очень важно знать законы жизни, но знание, ведущее нас к самосовершенствованию, есть знание первейшей важности.

Спенсер.

2

Вредно есть, когда не голоден, и искусственными средствами вызывать в себе голод. Еще вреднее предаваться половой похоти без неудержимого влечения и вызывать в себе ее. Вреднее же всего заставлять себя думать, когда нет этой потребности, и искусственно вызывать в себе умственную

деятельность, как делают это люди, пользуясь своими умственными способностями для улучшения своего общественного положения.

3

Лучше овладеть с смирением малой долей здравого смысла чем с самодовольством величайшими сокровищами наук. Нет ничего дурного в учености, и всякое знание чего бы то ни было приятно само по себе, но добрая совесть и добродетельная жизнь всегда должна быть поставлена впереди знаний.

Фома Кемпийский.

4

Развитие науки не содействует очищению нравов. У всех народов, жизнь которых мы знаем, развитие наук содействовало развращению народов. То, что мы теперь думаем противное, происходит от того, что мы смешиваем наши пустые и обманчивые знания с истинным высшим знанием. *Наука, в ее отвлеченном смысле, наука вообще, не может не быть уважаема, но теперешняя наука, то, что безумцы называют наукой, достойна только насмешки и презрения.*

Руссо.

5

От учителя мы ждем, что он сделает из своего слушателя прежде всего рассудительного человека, потом разумного и под конец уже ученого.

Такой прием имеет ту выгоду, что, если ученик и не достигнет никогда последней ступени, как то обыкновенно и бывает в действительности, он все-таки выиграет от обучения и станет более подготовленным, если не для школы, то для жизни.

Если же этот прием вывернуть наизнанку, тогда ученик схватывает что-

то вроде разума прежде, чем в нем выработается рассудок, и выносит из обучения заимствованную науку, которая только как бы приклеена, но не срослась с ним, причем его духовные способности остаются такими же бесплодными, как и раньше, но в то же время уже сильно испорчены воображаемой ученостью. В этом причина, почему мы так часто встречаем ученых (вернее, обученных людей), лишенных и рассудка и разума, и почему из академий выходит в жизнь больше нелепых голов, чем из какого-нибудь другого общественного класса.

Кант.

6

Только тот истинно учен, кто хорошо поступает.

Индийское Гитопадее.

7

Воля не будет справедлива, пока не исправлены привычки ума, так как они больше всего влияют на волю. Привычки ума, однако, тогда лишь станут наилучшими, когда будут основаны на вечных законах жизни в ее целом.

Сенека.

8

Внимай речам мудрого человека с вниманием, хотя бы дела его не соответствовали его учению. Человек должен поучаться, хотя бы поучение было написано на стене.

Саади.

В знаниях важно не количество, а правильная расценка им. Важно знать, какие знания самые важные, какие второй важности, третьей и т. д. и какие самой последней.

15-е ноября

Радости богатства обманчивы.

1

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Мф. гл. 6, ст. 19 -- 21.

2

"Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше".

В какой же ужасной грязи сердце человека, сокровище которого -- богатство.

3

Люди, увидав светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, -- всячески стараются иметь еще

больше, так что самые богатые бывают причиною этого зла для менее богатых, а эти для еще менее достаточных. Между тем если бы богатые не собирали богатств и не расточали их, то не были бы учителями сребролюбия для менее богатых и бедных. А пристрастие к богатству хуже всякого тиранства: оно порождает заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и бесчисленные препятствия к добродетели -- беспечность, распутство, любостяжание, пьянство. А это и свободных делает рабами, и даже хуже рабов: рабами не людей, но ужаснейшей из страстей и болезней души. Такой человек решается на многое, что противно и богу и людям, из опасения, чтобы кто не исторг его из-под этого владычества. Горькое, рабское, дьявольское владычество! В особенности пагубно здесь то, что, находясь в столь несчастном положении, мы лобызаем свои оковы и, обитая в узилище, исполненном тьмы, не желаем выйти на свет, но привязываемся к злу и услаждаемся болезнью. Потому-то не можем и освободиться и находимся в худшем положении, чем те, которые работают в рудниках, так как подвергаемся трудам и бедствиям, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотел избавить нас от этого тяжкого плена, мы не только не позволяем, но еще гневаемся и негодуем, и таким образом являемся ничем не лучше безумных и даже гораздо несчастнее всех их, потому что не хотим расстаться с своим безумием. Ужели для того родился человеком, чтобы только собирать золото? Не для этого создал тебя господь по образцу своему: он создал тебя для того, чтобы ты исполнял его волю.

Иоанн Златоуст.

4

И богатство, и власть, и все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, -- все это, ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить.

5

Люди в тысячу раз больше хлопочут о наживании себе богатства, нежели об образовании своего ума и сердца; хотя для нашего счастья то, что есть в человеке, несомненно важнее того, что есть у человека.

Шопенгауэр.

6

Когда вы купили для себя модное украшение, вам надо купить еще десять вещей для того, чтобы все на вас отвечало одно другому.

Эмерсон.

7

Зачем человеку быть богатым? Для чего ему нужны дорогие лошади, хорошие одежды, прекрасные комнаты, право на вход в публичные места увеселения? Все это от недостатка мыслей.

Дайте этому человеку внутреннюю работу мысли -- и он будет счастливее самых богатых людей.

Эмерсон.

8

Бедный человек смеется чаще и беззаботнее, чем богатый.

Сенека.

Для живущих духовной жизнью богатство не только не нужно, но стеснительно: оно препятствует истинной жизни.

16-е ноября

Вера отвечает на те вопросы, на которые разум не может дать ответа, но которые он же не может не ставить себе.

1

Христос был великий человек. Он проповедывал истинную, всеобщую религию -- любви к богу и к человеку. Но я не сомневаюсь в том, что у бога в будущем есть еще более великие люди. Говоря это, я не уменьшаю величие характера Христа, но утверждаю всемогущество бога. И когда придут такие люди, возобновится прежняя борьба: вновь побьют живого пророка и обоготворят умершего.

Но как бы там ни было, Христос учит нас теперь истинам, совершенно противоположным тем, которым обыкновенно обучают. Если бы он согласовал свое учение с тем, что ему говорили о людях, если бы он согласовался только с плотью и кровью, он бы был только бедным евреем и мир потерял бы драгоценнейшее сокровище религиозной жизни, радостную весть единой, всеобщей и истинной религии.

Что, если бы он, как другие, сказал: никто не может быть выше и вернее Моисея? Он бы был ничто, и дух божий покинул бы его душу. Но он общался не с людьми, а с богом, слушался своих надежд, а не своих страхов. Он трудился для людей, с людьми и посредством людей, верил в бога и чистый, как истина, не побоялся ни церкви, ни государства и не смутился, когда Пилат и Ирод подружились только затем, чтобы распять его. Мне всегда кажется, что я слышу голос этого возвышенного духа, который говорит мне и вам: "Не бойся, бедный брат, и не отчаивайся. Доброта, которая была во мне, возможна и тебе. Бог так же близок к тебе, как Он близок был тогда ко мне, и так же богат истиной и так же готов вдохновлять каждого, кто захочет служить ему".

Паркер.

2

Смерть, безмолвие, бездна -- страшные тайны для существа, которое стремится к бессмертию, к благу, к совершенству. Где буду я завтра, через несколько времени, когда я больше не буду дышать? Где будут те, которых я люблю? Куда мы идем? Что мы такое? Вечные загадки постоянно стоят перед нами в их неумолимой торжественности. Тайны со всех сторон. Вера -- единственная звезда в этом мраке неизвестности...

Ну, что же? лишь бы мир был произведением блага и лишь бы сознание долга не обмануло нас. Доставлять счастье и делать добро -- вот наш закон, наш якорь спасения, наш маяк, смысл нашей жизни. Пусть погибнут все религии, только бы оставалась эта, у нас будет идеал -- и стоит жить.

Амиелъ.

3

Есть только одна истинная религия, хотя может быть много разных вер.

Кант.

4

Только вера порождает те твердые, мощные убеждения, ту энергию и то единство, которыми общество только и может быть исцелено.

Иосиф Мадзини.

5

Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, всемирный дух, проникающий нас всех вместе и каждого, как единицу, влагающий в каждого стремление к тому, что должно, тот самый Дух, который в дереве велит ему расти к солнцу, в растении велит ему возрастить и бросить семя и в нас, велит нам стремиться к богу и в этом стремлении все более и более соединяться друг с другом.

Пока человек живет, он верит. Чем ближе его вера к истине, тем счастливее его жизнь; чем дальше от истины эта вера, тем человек несчастнее.

Без веры же человек не живет, он умирает естественной смертью или убивает себя.

17-е ноября

Мы страдаем от прошедшего и портим себе будущее только потому, что пренебрегаем настоящим. Прошедшее и будущее -- мечты, настоящее одно действительно есть.

1

Будь внимателен к настоящему. Только в настоящем мы познаем вечность.

[По Гёте.]

2

Одно из самых обычных заблуждений то, что настоящий час не есть критический, решающий час. Запиши в своем сердце, что каждый день --

самый лучший день всего года.

Эмерсон.

3

Всякое поколение почитай своих выдающихся людей и не говори: "предшественники их были достойнее".

Талмуд.

4

Все не важно, кроме того, что мы делаем в настоящую минуту.

5

Пользуйся сейчас своим сосудом (своим телом), завтра он может разбиться.

Талмуд.

6

То ли ты делал, что тебе нужно делать, -- получает огромную важность, потому что единственный смысл жизни твоей только в том, то ли ты делаешь в этот короткий, данный тебе срок жизни, то ли делаешь, чего хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь?

Талмуд.

7

Нет ни прошлого, ни будущего, потому что кто же когда проникал в эти призрачные царства. Есть только настоящее. Не беспокойся о завтрашнем, потому что нет завтра. Живи в нынешнем и для нынешнего, и если твое нынче хорошо, то оно добро навсегда.

Журнал "Вим".

Когда тебе тяжело, ты страдаешь от воспоминаний о прошедшем или тревожишься о будущем, вспомни, что жизнь только в настоящем, направь на него все твои силы, и все страдания твои о прошедшем и тревоги о будущем исчезнут, и ты почувствуешь свободу и радость.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ТРЕБОВАНИЯ ЛЮБВИ

Представим себе людей, мужчину и женщину -- мужа, жену, брата, сестру, отца, дочь, мать, сына -- богатого класса, которые живо поняли грехи жизни роскошной и праздной среди нищеты и задавленности трудом народа и ушли из города, отдали кому-нибудь, так или иначе избавились от своего излишка, оставили себе в бумагах, скажем, 150 рублей в год на двоих, даже ничего не оставили, а зарабатывают это каким-либо мастерством -- положим, рисование на фарфоре, переводы хороших книг -- и живут в деревне, в середине русской деревни, наняв или купив себе избу и своими руками обрабатывая свой огород, сад, ходя за пчелами и вместе с тем подавая помощь сельчанам медицинскую, насколько они знают, и образовательную -- учат детей, пишут письма, прошения и т. п.

Казалось бы, чего лучше такой жизни? Но жизнь эта очень скоро перестанет быть радостной, если люди эти не будут лицемерить, лгать, если они будут искренни. Ведь если люди эти отказались от всех выгод и

радостей, украшений жизни, которые им давали город и деньги, то сделали они только потому, что они признают людей братьями, равными перед отцом, -- не равными по способностям, достоинствам, если хотите, но равными в своих правах на жизнь и на все то, что она может дать им.

Если возможно сомнение о равенстве людей, когда мы их рассматриваем взрослыми с отдельным прошедшим каждого, то сомнения этого уже не может быть, когда мы видим детей. Почему этот ребенок будет иметь все заботы, всю помощь знания для своего физического и умственного развития, а этот прелестный ребенок с теми же и еще лучшими задатками сделается рахитиком, вырожденным, полукарликом от недостатка молока и останется безграмотным, диким, связанным суевериями человеком, -- только грубой рабочей силы?

Ведь если люди эти уехали из города и поселились жить, как они живут в деревне, то только потому, что они не на словах, но на деле верят в братство людей и хотят если не осуществить, то осуществлять его в своей жизни. И эта-то попытка осуществления должна, если только они искренни, -- должна привести их в ужасное, безвыходное положение.

С своими с детства приобретенными привычками порядка, удобства, главное, чистоты, они переехали в деревню и, наняв или купив избу, очистили ее от насекомых, может быть даже сами оклеили ее обоями, привезли остаток мебели, не роскошной, а нужной: железную кровать, шкап, письменный столик. И вот они живут. Сначала народ дичится их: ожидает, как и от всех богатых, насилием ограждения своих преимуществ и потому не приступает к ним с просьбами и требованиями. Но вот понемногу настроение новых жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смелые, назойливые люди из народа опытом узнают, что новые люди эти не отказывают и можно поживиться около них.

И вот начинаются заявления всякого рода требований, которые становятся все больше и больше.

Начинаются не только выпрашивания, но и естественные требования поделиться тем, что есть лишнего против других, и не только требования, но сами поселившиеся в деревне люди, всегда в близком общении с народом, чувствуют неизбежную необходимость отдавать свой излишек там, где есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуют необходимость отдавать свой излишек до тех пор, пока у них останется то, что должно быть у всех, т. е. у среднего -- определения этого среднего, того, что должно быть у всех, -- нет никакого, и они не могут остановиться, потому что всегда вокруг них есть вопиющая нужда, а у них излишек против этой нужды; казалось бы, нужно удержать себе стакан молока, но у Матрены двое детей: грудной, не находящий молока в груди матери, и двухлетний, начинающий чахнуть. Казалось, подушку и одеяло можно

удержать, чтобы заснуть в привычных условиях после трудового дня, но больной лежит на вшивом кафтане и зябнет ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось, можно бы удержать чай, пишу, но ее пришлось отдать странникам, ослабевшим и старым. Казалось, можно бы удержать хоть чистоту в доме, но пришли нищие мальчики, и их оставили ночевать, и они напустили вшей.

Нельзя остановиться, и где остановиться?

Только те, которые не знают совсем того чувства сознания братства людей, вследствие которого эти люди приехали в деревню, или которые так привыкли лгать, что и не замечают разницы лжи от истины, скажут, что есть предел, на котором можно и должно остановиться. В том-то и дело, что предела этого нет, что то чувство, во имя которого делается это дело, таково, что предела ему нет, что если ему есть предел, то это значит только то, что этого чувства совсем не было, а было одно лицемерие.

Продолжаю себе представлять этих людей. Они целый день работали, вернулись домой, кровати у них уже нет, подушки нет, они спят на соломе, которую достали, и вот, поев хлеба, легли спать, осень, идет дождь со снегом. К ним стучатся. Могут ли не отпереть? Входит человек мокрый и в жару. Что делать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нет. И вот приходится или прогнать больного, или положить его, мокрого, на пол, или отдать свою солому, и самому, потому что надо где-нибудь спать, лечь с ним. Но и этого мало: приходит человек, которого вы знаете за пьяницу и развратника, которому вы несколько раз помогали и который всякий раз пропивал то, что вы ему давали, -- приходит теперь с дрожащими челюстями и просит дать ему 3 рубля, которые он украл и пропил и за которые, если он не отдаст их, его посадят в тюрьму. Вы говорите, что у вас только и есть 4 рубля и они вам необходимы завтра для уплаты. Тогда пришедший говорит: "Да, это значит только разговоры, а когда дело до дела, то вы так же как и все: пускай погибает тот, кого мы на словах называем братом, только бы мы были целы".

Как тут поступить? Что сделать? Положить лихорадочного больного на сыром полу, а самому лечь на сухое, -- еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь с ним -- заразишься и вшами и тифом. Дать просящему последние три рубля значит остаться завтра без хлеба. Не дать -- значит, как он и говорит, отречься от того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здесь, то почему не остановиться было раньше? Почему было помогать людям? Зачем отдавать состояние, ходить из города? Где предел? Если есть предел тому делу, которое ты делаешь, то все дело не имеет смысла или имеет только один ужасный смысл лицемерия.

Как же тут быть? Что делать? Не остановиться -- значит погубить свою жизнь, завшиветь, зачахнуть, умереть, и без пользы как будто.

Остановиться -- значит отречься от всего того, во имя чего делалось то, что делалось, во имя чего делалось что-либо доброе. И отречься нельзя, потому что ведь это не выдумано мною или Христом, что мы братья и должны служить друг другу, ведь это так, и нельзя вырвать это сознание из сердца человека, когда оно вошло в него. Как же быть? Нет ли еще какого выхода?

И вот представим себе, что люди эти, не испугавшись того положения, в которое их ставила необходимость жертвы, приводящей к неизбежной смерти, решили, что их положение происходит от того, что средства, с которыми они пришли на помощь народу, слишком малы, и что этого не было бы и они принесли бы большую пользу, если бы у них было много денег. Представим себе, что люди эти нашли источники помощи, собрали большие, огромные суммы денег и стали помогать. И не прошло бы недели, как случилось бы то же самое. Очень скоро все средства, как бы велики они ни были, разлились бы в те углубления, которые образовала бедность, и положение осталось бы то же.

Но, может быть, есть еще третий выход? И есть люди, которые говорят, что он есть и состоит в том, чтобы содействовать просвещению людей, и тогда уничтожится это неравенство.

Но выход этот слишком очевидно лицемерный; нельзя просвещать население, которое всякую минуту находится на краю погибели от голода. А главное, неискренность людей, проповедующих этот выход, видна уже по тому, что не может человек, стремящийся к установлению равенства, хотя бы через науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью.

Но есть еще четвертый выход -- тот, чтобы содействовать уничтожению тех причин, которые производят неравенство -- содействовать уничтожению насилия, производящего его.

И выход этот не может не прийти в голову тем искренним людям, которые будут пытаться в жизни своей осуществлять свое сознание братства людей.

"Если мы не можем жить здесь, среди этих людей, в деревне, -- должны будут сказать те люди, которых я представляю себе, -- если мы поставлены в такое ужасное положение, что мы неизбежно должны зачахнуть, завшиветь и умереть медленной смертью или отказаться от единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходит от того, что одни богаты, а другие нищие, неравенство же это происходит от насилия, и потому, так как основа всего -- насилие, то надо бороться против него". Только уничтожение этого насилия и вытекающего из него рабства может сделать возможным такое служение людям, при котором не было бы неизбежности жертвы своей жизнью.

Но как уничтожить это насилие? Где оно? Оно в солдате, в полицейском, в старосте, в замке, который запирает мою дверь. Как же мне бороться с

этим насилием? Где, в чем?

Так ли, как борются люди, живущие насилием и борющиеся с насилием насилием же?

Но для человека искреннего это невозможно. Насилием бороться с насилием значит ставить новое насилие на место старого. Помогать просвещением, основанным на насилии, значит делать то же самое. Собрать деньги, приобретенные насилием, и употреблять их на помощь людям, обделенным насилием, значит насилием лечить раны, произведенные насилием.

Если же и бороться с насилием не насилием, а проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы, то все-таки для человека, живущего христианской жизнью среди жизни насилия, нет другого выхода, как жертва, -- и жертва до конца.

Человек может не найти в себе силы броситься в эту пропасть, но человеку искреннему, желающему исполнить сознанный им закон бога, нельзя не видеть свою обязанность. Можно не идти на эту жертву, но если хочешь следовать требованиям любви, то надо так и знать и говорить, считать себя виноватым, если не отдал всего и всю свою жизнь, а не обманывать себя.

И так ли страшна жертва до конца, как это кажется. Ведь дно нужды не глубоко, и мы часто, -- как тот мальчик, который с ужасом провисел целую ночь на руках в колодце, в который он упал, боясь воображаемой глубины, а под мальчиком на пол-аршина было сухое дно.

Л. Н. Толстой.

18-е ноября

Добро нельзя измерять ни нуждой получающего, ни жертвою дающего, а только тем общением в боге, которое устанавливается между дающим и получающим.

1

Жизнь не всегда благо. Благо только хорошая жизнь.

Сенека.

2

Природа устроила так, что обиды помнятся больше, чем добрые поступки. Добро забывается, а обиды упорно держатся в памяти.

Сенека.

3

Это не добродетель, а только обманчивый слепок и подобие ее, когда мы приведены к исполнению долга ожиданием награды.

Цицерон.

4

Не клевещи, чтобы клевета и бесчестие не обратились на тебя самого, ибо всякий злой дух нападает спереди, клевета же всегда сзади.

Не поддавайся гневу, потому что человек, поддавшийся гневу, забывает свои обязанности и упускает свои добрые дела.

Берегись сладострастия, потому что его плодами будут хворь и раскаяние.

Не держи зависти в сердце, чтобы не отравить своего существования.

Не впадай в грех из стыда.

Будь прилежен и молчалив, живи своим трудом и откладывай из своего заработка для неимущих. Этот обычай будет самым достойным делом в твоей деятельности.

Не воруй чужого добра и не упускай своей собственной работы, ибо кто не кормится собственной работой, а заставляет других прокармливать себя, тот людоед.

С человеком лукавым не затягивайся в спор и лучше оставь его совсем в покое.

С человеком жадным не вступай в союз и не доверяйся его руководству.

Не вступай в объяснения с глупцом, от злодея не бери денег и с клеветником не имей дела.

Восточная мудрость.

5

Когда спрашивают, что же такое, собственно, чистая нравственность, которою, как пробным камнем, мы должны испытать нравственное содержание каждого поступка, то я должен сознаться, что только философы могли сделать решение этого вопроса сомнительным, ибо для здравого человеческого смысла этот вопрос давно уже решен, правда, не с помощью отвлеченных общих рассуждений, а посредством различия совершаемых добрых и злых поступков, которые мы различаем так же несомненно, как правую и левую руку.

Кант.

6

Твори добро друзьям своим, чтобы они еще более любили тебя, твори его своим врагам, чтобы они сделались когда-нибудь твоими друзьями.

Когда ты говоришь о враге твоем, помни, что может прийти День, когда он станет твоим другом.

Клеовуд.

7

Все люди более или менее приближаются к одному из двух противоположных пределов: один -- жизнь только для себя, другой --

только для бога.

8

Приставлять одно доброе дело к другому так, чтобы между ними не было промежутка, -- вот что я называю счастливой жизнью.

Марк Аврелий.

Добро истинное совершатся нами только тогда, когда мы не замечаем его, а выходим из себя, чтобы жить в другом.

19-е ноября

Вещественное зло, совершенное человеком, может в этом мире не вернуться на того, кто совершил его, но то злое чувство, которое вызвало дурной поступок, наверное оставит свой след в душе человека и так или иначе заставит его страдать.

1

Решение безгрешного состоит в том, чтобы не причинять печали другим, хотя бы он мог через это и получить великую выгоду.
Решение безгрешного в том, чтобы не делать зла тем, кто сделал ему зло.
Если человек заставит страдать даже тех, которые без причины ненавидят его, он в конце концов будет иметь неустранимую печаль.
Наказание делающим зло состоит в том, чтобы сделанным им великим добром заставить их устыдиться своих дел.
Какая польза в учености того, кто не старается избавить от страданий своего ближнего столько же, как и самого себя.
Если человек поутру хочет сделать зло другому, ввечеру зло посетит его.

Индийский Курал.

2

Так же, как времена года сами собой достигают своих свойственных каждому времени признаков, так и поступки всех существ -- сами собою приводят эти существа в свойственные им положения.

Обиженный может сладко спать и радостно просыпаться и радостно жить, но обидчик погибает.

Пусть никто не бывает гневлив, хотя бы он и страдал, пусть не оскорбляет никого ни делом, ни мыслью, пусть не произносит такого слова, которое может быть неприятно кому-нибудь, потому что все это препятствует достижению блага.

Индийское Ману.

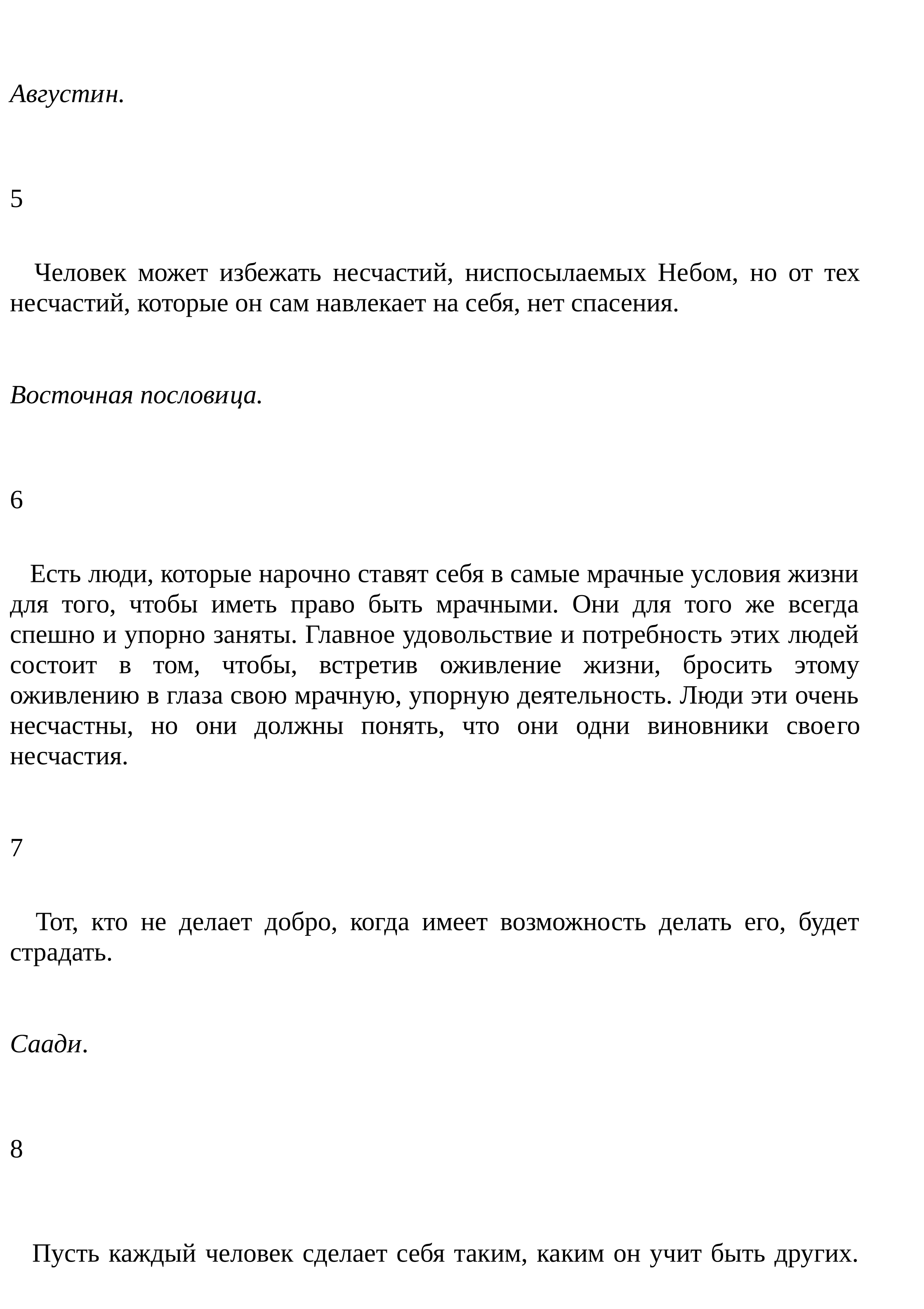
3

Мы не должны бежать из этой жизни потому, что зло оказывается связанным с ней. Зло есть наше дело, следствие нашего незнания истинного закона. Незнание истинного закона делает нас несчастными в этой жизни, и оно будет делать нас несчастными всюду. Начнем же с того, что освободимся от нашего незнания, и наши несчастия прекратятся сами собою.

Люси Малори.

4

Злой человек вредит самому себе прежде, чем повредит другим.

Августин.

5

Человек может избежать несчастий, ниспосылаемых Небом, но от тех несчастий, которые он сам навлекает на себя, нет спасения.

Восточная пословица.

6

Есть люди, которые нарочно ставят себя в самые мрачные условия жизни для того, чтобы иметь право быть мрачными. Они для того же всегда спешно и упорно заняты. Главное удовольствие и потребность этих людей состоит в том, чтобы, встретив оживление жизни, бросить этому оживлению в глаза свою мрачную, упорную деятельность. Люди эти очень несчастны, но они должны понять, что они одни виновники своего несчастия.

7

Тот, кто не делает добро, когда имеет возможность делать его, будет страдать.

Саади.

8

Пусть каждый человек сделает себя таким, каким он учит быть других.

Кто победил себя, тот победит и других. Труднее всего победить себя.
Каждый властен только сам над собою. Зло, сделанное самим собою, самим собою воспитанное, губит человека, как алмаз разбивает камень. Сам делаешь зло -- сам от себя страдаешь, сам уничтожаешь зло -- сам очищаешься от зла.
Пусть никто не забывает своего долга из угождения другому, кто бы он ни был.

Дхаммапада.

Никакое вещественное благо не может возместить того ущерба души, которое производит совершенное зло.

20-я ноября

Если добрая жизнь людей вызывает не любовь, а гонение среди людей, живущих злою жизнью, то это не только не колеблет уверенности в правильности такой жизни, но, напротив, самым несомненным признаком подтверждает ее.

1

Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как и что сказать: ибо в тот час дано будет вам что сказать; ибо не вы будете говорить, но дух отца вашего будет говорить в вас.

Мф. гл. 10. ст. 17--20.

2

Даже смерть не в силах уничтожить торжество того, кто изо всех сил борется за правое дело. Борись же, непреклонное, верное сердце, иди вперед, невзирая на счастье и несчастье и будь уверено, что правое дело, за которое ты борешься, победит. Погибнет только все несправедливое, правое же дело не может быть побеждено, потому что оно совершается не по твоей воле, а по вечным законам бога.

Карлейль.

3

Препятствие на пути добра, преодоленное напряжением духа, придает мне новые силы; то, что грозило быть преградой к достижению добра, само становится добром, и светлый путь открывается внезапно там, где не видно было исхода.

Марк Аврелий.

4

"Претерпевший до конца спасен будет".
Как часто человек отчаивается и останавливается или даже поворачивает назад тогда, когда нужно было только небольшое усилие для того, чтобы достигнуть цели.

5

Гонения, если только они переносятся с христианской кротостью, производят действие, обратное тому, к которому стремятся гонители. Люди хотят скрыть показавшийся в лесу огонь и, чтобы затушить его,

прижимают его к земле всем тем, что у них есть под рукой: листом, травой, хворостом, дровами, и огонь разгорается все больше и больше, и свет его распространяется все дальше и дальше.

6

Гонения и потому страдания -- необходимое условие исполнения христианского закона. Степень страдания внешнего показывает степень нашего следования Христу, как трение показывает степень напряжения всякой работы.

7

Гонения драгоценны тем, что они подламывают всякие искусственные подпорки и вызывают наружу ту настоящую веру, которой живет человек.

8

В гонениях опасны не страдания, а соблазн сожаления к себе и возникающего из него недоброго отношения к гонителям.

Не ищи любви людей и не смущайся их нелюбовью. Часто любят за дурное и не любят за хорошее. Старайся угождать не людям, а богу.

21-е ноября

Нет того особенного подвига, который бы мы могли совершить в этой жизни. Вся жизнь наша должна быть этим подвигом.

1

При каждом пробуждении задавайся вопросом: что бы доброго совершить сегодня? и думай: ведь солнце, закатясь, унесет с собой частицу предназначенной мне жизни.

Индийское изречение.

2

Добродетель человека измеряется не его необыкновенными усилиями, а его ежедневным поведением.

Паскаль.

3

Выгода служения богу перед служением людям в том, что перед людьми невольно хочешь выказаться в лучшем свете и огорчаешься, когда тебя выставляют в дурном; перед богом же ничего этого нет. Он знает тебя, каков ты, и перед ним никто тебя оклеветать не может, так что тебе не нужно стараться казаться, а нужно только действительно быть лучше.

4

Да будет каждая утренняя заря для вас как бы началом жизни, а каждый закат солнца как бы концом ее, и пусть каждая из этих коротких жизней оставляет по себе след любовного дела, совершенного для других, и доброго усилия над собой.

Джон Рёскин.

5

Я -- орудие, которым работает бог. Мое благо истинное в том, чтобы участвовать в его работе. Участвовать же в его работе я могу только тем, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие, которое дано мне: мою душу.

6

Всякое дело, самое сложное и запутанное, становится просто и ясно, если удастся поставить его независимо от людей перед судом одного бога.

7

Смысл жизни в том, чтобы наилучшим образом делать то дело, которое от нас требует та сила, которая послала нас в мир. Знать же, делаешь или не делаешь это дело, всегда можно: совесть есть указатель этого. Надо только слушать ее и стараться делать ее все более и более чуткой.

По отношению к служению богу все наши поступки -- те, которые считаются важными, и те, которые считаются ничтожными, -- одинаково значительны или одинаково незначительны. Мы не знаем, какое будет сделано из них употребление, но знаем то, что мы должны делать.

22-е ноября

Чем меньше человек доволен собою и занят улучшением своей внутренней жизни, тем больше он проявляет себя во внешней общественной жизни.

1

Мы так привыкли к рассуждениям о том, что одним людям свойственно устраивать жизнь других людей, -- людей вообще, что такие рассуждения нам не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда существовать между религиозными и потому свободными людьми. Такие рассуждения суть последствия признания законности Управления людьми одним человеком или несколькими.

Так рассуждают и сами управители, и люди, подчиняющиеся им.

Заблуждение это не только совершенно бессмысленно, потому что нет никакого основания, почему одни люди и большинство -- должны подчиняться воле других -- меньшинству наименее нравственных людей: оно еще и особенно вредно тем, что ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя, тогда как это единственное действительное средство доброго воздействия на других людей.

2

Цель представительного правления не в том, чтобы была осуществлена большая справедливость, а в том, чтобы люди, подчиняясь дурному управлению, не имели права жаловаться на него.

3

Если старцы (люди, умудренные опытом) скажут тебе: "разрушай", а молодежь: "созидай", то разрушай, а не созидай, ибо разрушение старцев -- созидание, а созидание молодежи -- разрушение.

Талмуд.

4

Все конституционные хартии ни к чему не ведут, это контракты между господином и рабами: задача не в том, чтобы рабам было лучше, но чтоб не было рабов.

Герцен.

5

Не только один человек не имеет права распоряжаться многими, но и многие не имеют права распоряжаться одним.

Владимир Чертков.

6

Что такое истина? Истина для большинства людей обозначает правдоподобие, -- нечто такое, что можно измерять числом полученных в ее пользу голосов.

Томас Карлейль.

7

Мерилом справедливости не может быть большинство голосов.

Шиллер.

8

Не только саблю и ружье мы назначаем на ту полку в музее, где лежат орудия пытки; но не можем не знать, что скоро и полицейское устройство и выборный ящик последуют за ними.

Эрнест Кросби.

9

Когда я сижу здесь у моря и прислушиваюсь к волнам, с плеском разбивающимся об этот берег, я чувствую себя свободным от всех обязательств, и народы всего мира могут без меня пересматривать свои конституции.

Генри Давид Торо.

Никогда не строй, но всегда сажай, потому что в первом случае природа будет мешать тебе, разрушая произведения твоего труда, во втором же случае будет помогать твоему делу, даруя рост всему насажденному тобою. То же и в духовной области: делай то, что согласно с вечными законами природы человека, а не то, что согласно с временными установлениями людей или только с твоими желаниями.

23-е ноября

Определение смысла жизни или очень трудная и неразрешимая задача -- такова она, когда человек спрашивает бога: зачем он его послал в этот мир? -- или очень простая, когда человек спрашивает себя: что ему делать?

1

Жизнь человеческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того чтобы не быть самой грубой насмешкой, должна иметь смысл такой, при котором значение жизни не зависело бы от ее продолжительности или кратковременности.

2

Проезжие грязнят и разоряют помещение постоялого двора и потом осуждают владетеля постоялого двора, отдавшего его в полное распоряжение проезжающих. Так же люди осуждают бога за зло мира.

3

Мудрому человеку так же несвойственно рассуждать много о природе существ, стоящих выше его, как и о природе существ ниже его. Слишком нескромно предполагать, что человек может постичь первых, как и слишком унизительно предполагать, что он может всецело сосредоточивать свое внимание на вторых. Признавать свое вечное относительное величие и ничтожество, познавать и себя и свое место в природе, быть довольным своей подчиненностью богу, не в силах будучи постичь его, и управлять низшими тварями с любовью и добротой, не разделяя их животных страстей и не подражая им, -- вот что значит быть смиренным по отношению к богу, добрым по отношению к его тварям и мудрым по отношению к себе.

Джон Рёскин.

4

Для того чтобы жить, не понимая смысла своей жизни, есть только одно средство: жить в постоянном дурмане телесном, производимом табаком, алкоголем, морфием, или в постоянном чувственном дурмане развлечений и всякого рода потех и увеселений.

5

Этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в

нем.

6

То, что совершенствование нашей души есть единственная цель нашей жизни, справедливо уже потому, что всякая другая цель, в виду смерти, бессмысленна.

Не думай, чтобы недоумение перед смыслом человеческой жизни и непонимание его представляло что-либо возвышенное или трагическое. Недоумение человека перед смыслом жизни подобно недоумению человека, попавшего в общество, занятое чтением хорошей книги. Недоумение этого человека, не вслушивающегося или не понимающего то, что читают, и суетящегося среди занятых людей, представляет не нечто возвышенное и трагическое, а нечто смешное, глупое и жалкое.

24-е ноября

Милосердие состоит не столько в вещественной помощи, сколько в духовной поддержке ближнего. Духовная же поддержка прежде всего в неосуждении ближнего и уважении к его человеческому достоинству.

1

Будьте сострадательны к тем бедным, которые нетерпеливы и озлоблены. Подумайте, как трудно терпеть несчастному бедствия всякого рода, в убогом жилище, между тем как в нескольких шагах от него проходят люди пресыщенные и роскошно одетые.

Из "Благочестивых мыслей".

2

Не считайте себя милосердными, когда вы уделяете бедному не только от избытка вашего, но и жертвуя необходимым для жизни. Истинная любовь требует от вас, чтобы сверх этого вы дали ему еще и место в своем сердце.

Из "Благочестивых мыслей".

3

Тот истинно милосерд, кто не обращает внимания на клеветы и злословие.

4

Не верь без доказательств ничему дурному о ближнем и не передавай никому ничего дурного о другом.

Пэн.

5

Хорошему человеку, -- говорит Теофраст, -- непременно придется сердиться на злых. Но если так, то чем лучше человек, тем сердитее он должен быть, а между тем он, наоборот, делается тем мягче и свободнее от страстей и никого не ненавидит. Рассудительный человек не станет ненавидеть заблудшихся, иначе он должен бы ненавидеть самого себя. Стоит ему только припомнить, как часто он сам погрешал против добродетели и как многие из его поступков нуждаются в снисходительном суде, и тогда он станет сердиться и сам на себя; ибо справедливый судья и себя судит тем же судом, как своего ближнего. Никто не в состоянии оправдать себя и невинным можно назвать себя только перед людьми, но

не перед своей совестью. Гораздо человечнее встречать заблуждающегося кротко, с любовью и не преследовать его, а постараться вернуть на правый путь. Ведь заблудившегося на нашей земле мы не станем гнать прочь, а выведем его на настоящую дорогу.

Исправление заблуждающегося наш долг, и мы должны исправлять его ради него самого и ради других серьезными наставлениями, но без гнева. Какой врач сердится на своего пациента?

Сенека.

6

Будь правдив, не служи гневу, давай просящему, -- ведь он просит тебя о немногом; к святым приблизишься ты, шествуя этими тремя путями.

Дхаммапада.

7

Если кто смущается и соблазняется при виде ближнего своего, впадающего в грех, и под предлогом любви к добру питает злобу, тот не имеет истинного милосердия, основанного на любви к богу, ибо все, что истекает от него, носит на себе печать спокойствия и смирения и побуждает нас обращать мысли на свои недостатки.

Из "Благочестивых мыслей".

8

Милосердием и кротостью, отреченьем от себя ты обезоружишь всякого врага. От недостатка дров тухнет всякий огонь.

Сингалезское буддийское.

Старайся не запрятывать в темные углы постыдные воспоминания своих грехов, а, напротив, старайся держать их всегда наготове, чтобы воспользоваться ими, когда тебе придется судить о ближнем.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕПИСКОП МИРИЕЛЬ

В 1815 году преосвященный Шарль-Франсуа-Биенвеню-Мириель был епископом в Д.

Однажды в дверь епископского дома кто-то постучался.

-- Войдите, -- отозвался епископ.

Дверь отворилась разом настежь со всего размаха, как будто ее из всех сил толкнули снаружи.

Вошел человек, сделал шаг вперед и остановился, не затворяя за собой двери. За плечами у него был ранец, в руках он держал палку. Лицо его было смелое, сердитое, утомленное и грубое. Огонь камина освещал его.

Епископ спокойно смотрел на вошедшего. Он только что раскрыл рот, собираясь спросить, что нужно, как вошедший, опершись обеими руками на палку и смерив глазами старика, заговорил:

-- Вот. Имя мое Жан Вальжан. Я каторжник. Девятнадцать лет провел на галерах. Четыре дня, как меня освободили, и вот иду в Понторлье, туда меня назначили. Четыре дня иду из Тулона. Сегодня прошел тридцать верст. Здесь в трактире меня выгнали за мой желтый паспорт. Пошел в другой трактир, и там меня не приняли. "Убирайся!" -- говорят. Пошел в тюрьму -- сторож не впустил. Пошел в собачую конуру -- собака укусила меня и выгнала, словно и она -- человек, словно и она узнала, кто я. Хотел ночевать в поле -- да темно, подумал -- соберется дождь, и вернулся в город, чтобы прилечь где-нибудь под воротами. Совсем собрался лечь спать на каменной скамье, да какая-то старушка показала мне вашу дверь и говорит: "Постучись туда!" Я и постучался. Что здесь у вас? Трактир? У меня деньги сто девять франков есть, заработанные на каторге. Я заплачу. Деньги есть. Я устал, ведь прошел тридцать верст, да и голоден. Что ж, оставаться?

-- Мадам Маглуар, -- сказал епископ своей служанке, -- поставьте еще прибор.

Путешественник сделал три шага вперед и пододвинулся к лампе, стоявшей на столе.

-- Послушайте, -- сказал он, как бы не поняв хорошенько распоряжения. -- Вы расслышали, что я каторжник? Прямо с каторги, -- он вынул из кармана и развернул желтый лист. -- Вот мой паспорт. Желтый -- видите. Из-за него меня отовсюду выгоняли. Хотите, прочитайте? Я умею читать, на каторге выучился. Там есть школа для желающих. Посмотрите, что написано: "Жан Вальжан, освобожденный от каторги, уроженец... " это вам все равно. "Пробыл на каторге девятнадцать лет. Пять лет за кражу со взломом; четырнадцать за четыре попытки к побегу. Очень опасный". Вот все и гонят меня вон; а вы впустите меня? А то нет ли у вас конюшни?

-- Мадам Маглуар, постелите чистое белье на постель в алькове.

Мадам Маглуар ушла исполнять приказание. Епископ обернулся к посетителю.

-- Сядьте, сударь, и обогрейтесь. Мы сейчас будем ужинать, во время ужина вам приготовят постель.

Путешественник, очевидно, понял. Выражение лица его, угрюмое и жестокое, перешло в удивленное, недоверчивое, радостное, и он принялся бормотать, как человек, сбитый с толку:

-- Вот как? Вишь ты! Так оставаться? Не гоните меня! Каторжника! Называете сударем. Говорите "вы", а не "ты"! Не говорите: ступай прочь собака, как говорили мне все. Я ждал, что вы меня вытолкаете. Потому-то я уж сразу и сказал вам, кто я такой. А вы зовете ужинать и постель с бельем, как у всех! Девятнадцать лет я не спал в постели! Хорошие же вы люди! Извините, господин трактирщик, как ваше имя? Я заплачу, сколько бы вы ни потребовали. Вы честный человек. Ведь вы трактирщик?

-- Я священник, -- ответил епископ.

-- Священник! -- возразил каторжник. -- Вы, верно, священник этой большой церкви? В самом деле, одурел же я, что не заметил вашей скуфьи.

Говоря это, он положил в угол ранец и палку, спрятал паспорт в карман и сел.

Пока он говорил, епископ встал и запер дверь, оставшуюся незатворенной.

Мадам Маглуар вернулась. Она принесла еще прибор и поставила его на стол.

-- Мадам Маглуар, -- сказал епископ, -- поставьте прибор поближе к огню, -- и, обращаясь к гостю, прибавил: -- ночной ветер холоден в Альпах. Вы, сударь, верно, прозябли?

Всякий раз, как он произносил слово "сударь" своим серьезным, кротким голосом, лицо каторжника сияло.

Сказать каторжнику "сударь" -- то же, что подать стакан воды жаждущему. Унижение жаждет уважения.

-- Как эта лампа тускло горит! -- заметил епископ.

Мадам Маглуар поняла и отправилась в спальню епископа за серебряными подсвечниками, которые принесла с зажженными свечами и поставила на стол. Она знала, что епископ любил, чтобы их зажигали, когда у него были гости.

-- Добрый вы, -- сказал каторжник, -- не презираете меня. Приняли меня. Я не скрыл от вас, откуда я и кто я.

Епископ ласково взял каторжника за руку: "Вы могли и не говорить мне, кто вы. Этот дом не мой, а божий. Эта дверь не спрашивает у входящего, есть ли у него имя, а есть ли у него горе. Вы страдаете, вас мучают голод и жажда, милости просим, входите. Я вас принимаю не у себя, здесь хозяин тот, кто нуждается в крове. Все, что здесь есть, -- все ваше. Для чего мне знать ваше имя? Прежде чем вы назвали себя, я уже знал, как вас назвать".

Гость с удивлением взглянул на него.

-- В самом деле? Вы знали, как меня зовут?

-- Да, -- ответил епископ, -- я знал, что вас зовут моим братом.

-- Да, я был голоден, когда вошел сюда, -- сказал гость, -- но вы так удивили меня, что и голод прошел! Епископ взглянул на него и спросил:

-- Вы очень страдали?

-- Ах, красная куртка, ядро, привязанное к ноге, доска вместо постели, холод, жара, работа, палочные удары, двойные кандалы за всякий вздор, карцер за слово ответа и цепи даже в постели, даже в больнице. Собаки, собаки и те счастливее! И это девятнадцать лет. Теперь мне сорок шесть лет. Ступай живи с желтым паспортом!

-- Да, -- сказал епископ, -- вы вышли из места печали. Но послушайте, на небе будет больше радости ради заплаканного лица раскаявшегося грешника, чем ради незапятнанной ризы ста праведников. Если вы вынесли из этой обители страдания злобу и ненависть против людей, вы достойны сожаления; если же вы вынесли чувства кротости, мира и снисхождения -- вы лучше всех нас.

Между тем мадам Маглуар принесла ужин. Лицо епископа приняло вдруг веселое выражение гостеприимного хозяина.

-- Пожалуйте за стол, -- сказал он с оживлением, с каким обыкновенно приглашал гостей к столу.

Епископ прочел молитву, потом разлил суп. Гость жадно принялся за еду.

-- Мне кажется, что чего-то недостает за столом, -- вдруг сказал епископ.

Действительно, мадам Маглуар подала на стол только три необходимых прибора. Между тем вошло в привычку класть на стол все шесть серебряных приборов, когда ужинает кто-нибудь из посторонних.

Мадам Маглуар поняла намек, молча вышла и чрез мгновение приборы,

потребованные епископом, блистали уже на скатерти, симметрично разложенные перед каждым из сидящих за столом.

После ужина епископ взял со стола один из серебряных подсвечников, подал второй своему гостю и сказал:

-- Я провожу вас в вашу комнату.

Каторжник пошел за ним. В ту минуту, как они проходили по спальне, мадам Маглуар прятала серебро в стенной шкап, находившийся над изголовьем постели епископа. Она делала это всякий вечер, перед тем как идти спать.

Епископ довел гостя до алькова, в котором была приготовлена чистая постель, поставил подсвечник на столик и, пожелав ему спокойной ночи, удалился.

Когда на соборной колокольне пробило два часа, Жан Вальжан проснулся. Его разбудило то, что постель была слишком мягка. Он уже двадцать лет не спал на хорошей постели, и хотя он лег не раздеваясь, но слишком непривычное ощущение мешало ему крепко заснуть. Много различных мыслей приходило ему в голову, но одна постоянно возвращалась и заслоняла другие: он заметил шесть серебряных приборов и большую суповую ложку, положенные мадам Маглуар на стол. Эти приборы не давали ему покоя. Они лежали тут, в нескольких шагах от него. Проходя по спальне, он видел, как старая служанка прятала их в шкапчик над изголовьем постели. Он хорошо приметил шкапчик. Он находился на правой руке по выходе из столовой. Приборы были массивные, из старинного серебра; продав их, он мог выручить вдвое больше того, что заработал в течение своего девятнадцатилетнего пребывания на каторге.

Он провел целый час в колебаниях и в борьбе.

Пробило три часа. Он раскрыл глаза, приподнялся на постели, протянул руки и ощупал ранец, брошенный им в угол алькова, потом спустил ноги и сел.

Он оставался несколько минут в раздумье в этом положении, потом встал на ноги, еще несколько минут постоял в нерешительности, прислушиваясь: в доме все было тихо. Затем сунул башмаки в карман, затянул ранец ремнями и взял его на плечи. Сдерживая дыхание и осторожно ступая, он направился к соседней комнате, служившей спальней епископу. Дверь спальни была притворена: епископ даже не запер ее за собой. Жан Вальжан нахлобучил на лоб шапку и быстро, не глядя на епископа, прошел прямо к шкапчику. Ключ торчал в дверце, он отворил ее; первая вещь, бросившаяся ему в глаза, была корзина с серебром; он взял ее, прошел через комнату быстрыми шагами без всяких предосторожностей и, не обращая внимания на производимый им шум, дошел до окна и, схватив свою палку, перешагнул через подоконник, сунул

серебро в ранец и, быстро перебежав сад, перелез через забор и скрылся.

На следующий день на восходе солнца епископ прогуливался по саду. Мадам Маглуар прибежала к нему в тревоге.

-- Ваше преосвященство! Он ушел и унес наше серебро. Глядите, вот он перелез тут!

Епископ стоял с минуту молча, затем, подняв задумчивый взор, кротко сказал:

-- Прежде всего надо еще спросить, наше ли было серебро? Я давно неправильно держал его у себя; оно принадлежит бедным. А этот человек бедный.

Немного времени спустя епископ сел завтракать за тот же стол, за которым накануне сидел Жан Вальжан.

Он только собирался встать из-за стола, как в дверях раздался стук.

-- Войдите, -- отозвался епископ.

Двери отворились. Три человека держали за ворот четвертого. Трое людей были жандармы, четвертый -- Жан Вальжан.

Епископ приблизился к ним со всей живостью, какую дозволял ему его преклонный возраст.

-- Ах, это вы! -- сказал он, глядя на Жана Вальжана. -- Очень рад вас видеть. Послушайте, однако, я ведь подарил вам подсвечники, они серебряные, как и все остальное. Отчего вы не взяли их вместе с приборами?

Жан Вальжан поднял глаза и посмотрел на епископа с выражением, которого не может передать ни один человеческий язык.

-- Так этот человек говорил правду, ваше преосвященство? -- спросил жандарм. -- Мы встретили его: он имел вид беглеца. Мы задержали его, обыскали и нашли серебро...

-- И он сказал вам, -- проговорил епископ, улыбаясь, -- что это подарил ему старик-священник, пустивший его на ночлег? А вы привели его сюда? Это недоразумение.

-- Следовательно, мы можем отпустить его?

-- Без сомнения, -- отвечал епископ.

Жандармы выпустили Жана Вальжана, который попятился.

-- Правда ли, что меня освобождают? -- проговорил он беззвучно, как говорят люди во сне.

-- Да, тебя отпускают, разве ты не слыхал? -- сказал один из жандармов.

-- Мой друг, -- обратился к нему епископ, -- прежде чем вы уйдете, возьмите же ваши подсвечники. Вот они.

Он подошел к камину, взял серебряные подсвечники и подал их Жану Вальжану.

Жан Вальжан трясся всем телом. Он машинально взял подсвечники и растерянно смотрел на них.

-- Идите с миром! -- сказал ему епископ. -- Кстати, мой друг, если вы еще придете, то лишнее ходить через сад. Вы можете всегда приходить и уходить в дверь с улицы. Она запирается днем и ночью на щеколду.

Затем, обращаясь к жандармам, он прибавил:

-- Господа, можете идти.

Жандармы удалились. Жан Вальжан чувствовал, что он близок к обмороку.

Епископ подошел к нему и сказал шепотом:

-- Не забывайте, не забывайте никогда вашего обещания: вы дали слово употребить эти деньги на то, чтобы сделаться честным человеком.

Жан Вальжан, не помнивший никаких обещаний, смутился. Епископ произнес эти слова с особенным ударением. Он продолжал торжественно:

-- Жан Вальжан, брат мой, отныне вы перестаете принадлежать злу и поступаете во власть добра. Я купил вашу душу. Изгоняю из нее дух тьмы и вручаю ее богу.

Виктор Гюго.

25-е ноября

Большинство людей уже понимает теперь не только бесполезность для них, но и безумие и жестокость войны, но не может избавиться от нее, потому что ищут избавления в общих правительственных решениях, а не в своих, отдельных людей, поступках.

1

Нельзя не признать того, что 19-й век стремится ступить на новый путь. Люди этого века начинают понимать, что должны существовать *законы и суды и для народов* и что преступления народа против народа, хотя и

совершаемые в великих размерах, не менее ненавистны, чем преступления человека против человека.

Кетлэ.

2

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различные деятельности человеческие, то нельзя воздержаться от следующего печального размышления: сколько тратится жизней для продолжения на земле царства зла, и как этому злу содействует больше всего учреждение постоянных армий.

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что все это не нужно, что это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей, искусных и развращенных, эксплуатировать себя.

Патрис Ларрок.

3

Обитатели земной планеты находятся еще в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в журналах цивилизованных стран обсуждение дипломатических отношений глав государств, имеющих целью союзы против предполагаемого врага, приготовление войн, при которых народы позволяют своим руководителям располагать ими, как скотом, ведомым на бойню, как будто не подозревая того, что жизнь каждого человека есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты все воспитаны в убеждении, что есть народы, границы, знамена, и все имеют такое слабое сознание человечности, что это чувство совершенно исчезает перед представлением отечества. Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться, -- это положение изменилось бы, так как лично никто не желает войны. Но есть такие политические сцепления, вследствие которых существуют еще миллионы паразитов, и этим-то паразитам и нужна война, и они-то

мешают людям согласиться.

Фламмарион.

4

Медведей убивают тем, что над корытом меда вешают на веревке тяжелую колоду. Медведь отталкивает колоду, чтобы есть мед. Колода возвращается и ударяет его, медведь сердится и сильнее толкает колоду, она сильнее бьет его. И это продолжается до тех пор, пока колода не убивает медведя. Неужели люди не могут быть разумнее медведей?

5

Война есть убийство. И сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство все же самый худший грех в мире.

До тех пор пока будет признаваться власть правительства и право его управлять народом, налагать подати, учреждать суды, наказывать, война никогда не прекратится. Война есть последствие власти правительства.

26-е ноября

Как одна свеча зажигает другую и одной свечой зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи.

1

Остерегайтесь людей, отговаривающих вас от стремления к добру на том основании, что совершенство недостижимо.

Никогда не считайте бесполезным подчиняться влиянию, которое может пробудить в вас благородные чувства.

Джон Рёскин.

2

Лучше верить в самое отдаленное и невозможное добро, чем верить в то, что хотя бы самое малое зло свойственно людям.

3

Чтение хороших книг есть внушение доброе; хорошее искусство есть такое же внушение добра; молитва есть самовнушение добра; но самое могущественное внушение добра есть пример доброй жизни. От этого-то добрая жизнь людей становится благом, -- не для тех только, кто живет ею, но для всех тех, которые видят, знают и узнают впоследствии про такую жизнь.

4

Как часто приходится видеть, что человек добрый, умный, правдивый, зная незаконность, преступность дела, которое он делает -- как, например, война, мясоедение, владение землей, на которой он не работает, уголовный суд и др., спокойно продолжает делать признаваемое им дурным дело. Отчего это удивительное явление? Происходит это оттого, что такой человек действует под влиянием внушения, которое сильнее требований его совести и разума. Часто можно видеть, или как внушение более и более овладевает человеком и он начинает делать дела, противные своей совести, или же как понемногу ослабевает такое внушение, усиливаются требования разума, начинаются колебания, и наконец, разум одерживает победу.

5

Если вы хотите убедить человека в том, что он живет дурно, живите хорошо; но не убеждайте его словами. Люди верят тому, что видят.

Торо.

6

Человек не заблуждается один. Заблуждаясь, всякий распространяет свое заблуждение между окружающими.

Сенека.

7

Трудно привести к добру нравоучениями, легко примером.

Сенека.

Бойтесь не только общества вредного для души и избегайте его, но дорожите общением добрым и ищите его.

27-е ноября

Если страсть овладевает тобою, то помни, что твое страстное желание не составляет твоей души, а только темный налет, временно скрывающий от

тебя ее истинные свойства.

1

Будь светильником для самого себя. Будь убежищем для себя. Держись света твоего светильника и не ищи другого прибежища.

Буддийская Сутта.

2

Душу можно сравнить с прозрачным шаром, освещенным изнутри собственным светом своим. Этот огонь есть для нее не только источник, всякого света и истины, но и освещает ей все внешнее. В таком состоянии она свободна и счастлива, только пристрастие к внешнему может взволновать и омрачить ее гладкую поверхность, причиняя преломление и ущерб света.

Марк Аврелий.

3

Во всех людях есть чувство милосердия, стыда и ненависти к пороку. Каждый может посредством самовоспитания возрастить эти чувства или дать им завянуть. Чувства эти составляют часть самого человека, так же как и члены его тела. И чувства эти так же, как и члены тела, могут быть воспитаны. На горе Никоншау растут прекрасные деревья. Когда их стволы срезаны, вырастают постоянно новые побеги; если пустить по ним скотину, то гора сделается голой. Оголение горы не свойственно ей. Так же и развращение души: если мы допустим низкие страсти поедать благородные побеги милосердия, стыда, ненависти к пороку в нашем сердце, разве мы скажем вследствие этого, что всех этих чувств нет в сердце человека? Знать закон неба -- значит развивать высшие свойства нашей природы.

Менций.

4

В тебе самом, внутри тебя источник добра. Он не перестанет журчать по мере того, как ты будешь раскапывать его.

Марк Аврелий.

5

Душа человека есть зеркало, в котором можно видеть образ божественного разума.

Джон Рёскин.

Как только почувствуешь вожделение страсти, вызови в себе сознание своей божественности. Как только почувствуешь затемнение своей божественности, знай, что тобой обладают страсти -- борись с ними.

28-е ноября

Жизнь не уничтожается, но только видоизменяется смертью.

1

Довлеет дневи злоба его. Не тратьте свою жизнь в сомнениях и страхах. Отдайтесь делу жизни, будучи уверены, что хорошее исполнение обязанностей настоящего часа есть лучшее приготовление для часов или веков, которые будут следовать за ним.

Будущее состояние наше всегда будет казаться иллюзией для нашего теперешнего состояния. Важна не длина жизни, но глубина ее. Дело не в продолжении жизни, но в том, чтобы изъять душу из времени, как это делает всякий высокий поступок души; когда мы живем полной жизнью, мы не задаем себе вопроса о времени.

Иисус ничего не разъяснял о жизни вечной, но влияние его уносило людей из времени, и они чувствовали себя вечными.

Эмерсон.

2

Дом, в котором живет человек, может быть разрушен и уничтожен; но то жилище, которое строит для себя дух из чистых мыслей и добрых дел, не боится даже вечности, и ничто не может причинить вреда живущему в нем.

Люси Малори.

3

Верить в *будущую* жизнь нельзя, можно не только верить, но знать, что жизнь настоящего не уничтожима.

4

Вера в бессмертие дается не рассуждением, а жизнью.

5

Убеждают в необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь в жизни рука об руку с человеком, и вдруг человек этот исчезнет *там в нигде*, и ты сам останавливаешься пред этой пропастью и заглядываешь туда.

6

Степень страха, который мы испытываем перед смертью, есть показатель степени истинности понимания нами жизни.

Чем меньше страха смерти, тем больше свободы, спокойствия, сознания могущества духа и радости жизни. При полном освобождении от этого страха, при полном сознании единства жизни этой с бесконечной истиной должно быть полное, ничем ненарушимое спокойствие.

Сознание бессмертия свойственно душе человека. Только зло, которое мы делаем, и в той мере, в которой мы делаем его, лишает нас сознания нашего бессмертия.

29-е ноября

Слово есть поступок.

1

Не говорите никогда того, чего вы не чувствуете. Да не омрачится никогда ложью ваша душа.

Из "Благочестивых мыслей".

2

Наши враги могут для нас быть полезнее наших друзей, ибо друзья часто прощают нам наши слабости, тогда как враги обыкновенно отмечают их и привлекают к ним наше внимание.

Не пренебрегай суждениями врагов.

3

Даже самое щепетильное тщеславие, если только оно хорошо понимает себя, должно заметить, что не меньше заслуги в том, чтобы дать себя убедить, чем в том, чтобы убедиться самому, и что первое, может быть, делает еще более истинной чести человеку, потому что для этого требуется больше самоотречения и самовоспитания, чем для второго.

Кант.

4

Мудрый человек не приписывает значения человеку за его слова и не пренебрегает словами только потому, что они произнесены ничтожным человеком.

Китайская мудрость.

5

Язык человека -- достаточное орудие, чтобы передать идеи, возникающие в человеческом уме; но в области истинного и глубокого

чувства он только слабый переводчик.

Кошут.

6

Каждое слово имеет только то значение, в каком может воспринять его слушатель. Вы не уясните значения чести человеку бесчестному или любви тому, кто чужд ей. Стараясь низвести значение этих слов до их понимания, вы дойдете только до того, что у вас не будет больше слов для выражения и чести и любви.

Джон Рёскин.

Никогда никакие цели не могут оправдать лжи.

30-е ноября

Смиренный человек, отрешаясь от себя, соединяется с богом.

1

Нет в мире ничего нежнее и уступчивее, чем вода, а между тем жесткое и твердое не может устоять против нее. Слабый побеждает сильного. Нежный побеждает жестокого. Все в мире знают это, но никто не хочет исполнять это.

Лао-Тсе.

2

Кто насилует обстоятельства, того обстоятельства насилуют в свою очередь, а кто им уступает, тому и они делают уступку.

Когда ты видишь, что обстоятельства не благоприятствуют тебе, то ты им не сопротивляйся, а предоставь их естественному ходу, потому что кто идет против обстоятельств, делается рабом их, а кто покоряется им, делается их господином.

Талмуд.

3

Когда мудрец держится закона добродетели, то он скрывает это от взоров людей и не жалеет о том, что он никому не известен.

Конфуций.

4

В стране парфян, рассказывает Саади, меня встретил человек, едущий верхом на тигре. Увидав это, я так испугался, что не мог ни бежать, ни двинуться с места. Но человек этот сказал мне: "Не удивляйся, Саади, тому, что ты видишь. Не высвобождай только своей шеи из-под ярма бога, и ничто не будет иметь силы освободить свою шею от твоего ярма".

5

Человек очень силен, когда он хочет быть только тем, что он есть, и очень слаб, когда хочет подняться выше человечества.

Руссо.

6

Человек, усовершенствуясь в смирении, как будто спускается с вершины конуса к основанию его. Чем больше он спускается, тем шире круг его духовной жизни.

7

Слабейшее в мире побеждает сильнейшее: поэтому велико преимущество смирения и выгода молчания. Только немногие в мире могут быть смиренны.

Лао-Тсе.

Чем смиреннее человек, тем он свободнее и сильнее.

ДЕКАБРЬ

1-е декабря

Женщина не отличается от мужчины в своем основном жизненном призвании. Призвание это -- служение богу. Различие -- только в предмете служения. Хотя призвание в жизни женщины то же, как и призвание мужчины: в служении богу, и выполняется тем же средством -- любовью, -- для большинства женщин предмет этого служения более определенен, чем для мужчины. Предмет этот: возращение и воспитание в любви все новых и новых работников дела божия.

1

Скажи мне, роскошная женщина, если бы кто спросил у тебя, чего бы ты лучше желала -- тело ли иметь чистое, здоровое и прекрасное, а одеяние носить бедное, или -- иметь тело уродливое и больное, но притом ходить в золоте и щеголять убранством. Не гораздо ли скорее ты захотела бы иметь благообразие в самой природе своего тела, чем в пышности одежд? Ужели же ты в отношении к телу пожелаешь этого, а по отношению к душе противного? Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрез золотые украшения? Не крайнее ли это безумие?

Иоанн Златоуст.

2

Если бесконечна доброта женщины, то бывает, что и злости ее нет конца.

Хорошая жена -- многоценный мужу подарок, злая -- злокачественная язва для него.

Талмуд.

3

Кроткие слова и немногие составляют лучшее украшение женщины.

Пройдите по большому городу и посмотрите на то, что продается в лучших магазинах, что стоит миллионы и есть произведение тяжелого, часто губительного труда миллионов рабочих. Все это предметы роскоши, употребляемые женщинами, такие, без которых можно обойтись. Если бы женщины только понимали то зло, которое производит их легкомысленная, ненужная роскошь!

4

Чем красивее женщина, тем она должна быть честнее, потому что только честностью она может противодействовать тому вреду, который может произвести ее красота.

Лессинг.

5

Не муж выбирает жену, а жена выбирает мужа. Для того чтобы выбрать лучшего отца своим детям, женщина должна знать, в чем добро и в чем зло. И вот этому-то должны бы прежде всего учиться женщины.

6

Истинно целомудренная девушка, которая всю данную ей силу материнского самоотвержения отдаст служению богу, проявляющемуся любовью к людям, есть самое прекрасное и счастливое человеческое существо.

7

Ничто так не свойственно женщине, как самоотвержение. И ничто так не отталкивает от нее, как себялюбие.

Совершенство для мужчины и женщины одно и то же: совершенство любви. Если мужчина часто превосходит женщину в разумности и твердости любви, то женщина всегда превосходит мужчину в самоотвержении в любви.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

I

ЖЕНЩИНЫ

Призвание всякого человека, мужчины и женщины, в том, чтобы служить людям. С этим общим положением, я думаю, согласны все небезнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами в исполнении этого назначения только в средствах, которыми они его достигают, т. е. чем они служат людям.

Мужчина служит людям и физической работой -- приобретая средства пропитания, и работой умственной -- изучением законов природы для побуждения ее, и работой общественной -- учреждением форм жизни, установлением отношений между людьми. Средства служения людям для мужчины очень многообразны. Вся деятельность человечества, за исключением деторождения и кормления, составляет поприще этого служения. Женщина же, кроме своей возможности служения людям всеми теми же, как и мужчина, средствами, по строению своему призвана, привлечена к тому служению, которое одно исключено из области служения мужчины.

Служение человечеству само собой разделяется на две части: одно -- увеличение блага в существующем человечестве, другое -- продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины, так как они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, так как они исключительно способны к нему. Этого различия нельзя, не должно и грешно (т. е. ошибочно) не помнить и стирать. Из этого различия вытекают обязанности тех и других -- обязанности, не выдуманные людьми, но лежащие в природе вещей. Из этого же различия вытекает оценка добродетели и порока женщины и мужчины, -- оценка, существовавшая во все века и теперь существующая, и никогда не перестающая существовать, пока в людях есть и будет разум.

Всегда было и будет то, что мужчина, проводящий большую часть своей жизни в свойственном ему многообразном физическом и умственном, общественном труде, и женщина, проводящая большую часть своей жизни в свойственном исключительно ей труде рождения, кормления и возращения Детей, будут одинаково чувствовать, что они делают то, что Должно, и, делая эти дела, будут одинаково возбуждать уважение и любовь других людей, потому что оба исполняют то, что предназначено им по их природе.

Призвание мужчины многообразнее и шире, призвание женщины однообразнее и уже, но зато глубже, и потому всегда было и будет то, что мужчина, имеющий сотни обязанностей, изменив одной, десяти из них, остается недурным, невредным человеком, исполнившим все-таки часть

своего призвания. Женщина же, имеющая малое число обязанностей, изменив одной из них, тотчас же нравственно падает ниже мужчины, изменившего десяти из сотни своих обязанностей. Таково всегда было общее мнение, и таково оно всегда будет, потому что такова сущность дела.

Мужчина для исполнения воли Бога должен служить Ему и в области физического труда, и мысли, и нравственности: он всеми этими делами может исполнить свое назначение. Для женщины средства служения Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кроме нее, никто не может этого сделать) дети. Только через произведения свои призван служить Богу и людям мужчина, только через детей своих призвана служить женщина.

И потому любовь к *своим* детям, вложенная в женщину, исключительная любовь, с которой совершенно напрасно бороться рассудочно, всегда будет и должна быть свойственна женщине-матери. Любовь эта к ребенку в младенчестве есть вовсе не эгоизм, а это есть любовь работника к той работе, которую он делает, в то время как она у него в руках. Отнимите эту любовь к предмету своей работы -- и невозможна работа.

То же и с матерью. Мужчина призван служить людям через многообразные работы, и он любит эти работы, пока их делает. Женщина призвана служить людям через своих детей, и она не может не любить этих своих детей, пока она их родит, кормит, воспитывает.

По общему призванию -- служить богу и людям -- мужчина и женщина совершенно равны, несмотря на различие в форме этого служения. Равенство в том, что одно служение столь же важно, как и другое, что одно немыслимо без другого, что одно обусловливает другое и что для действительного служения как мужчине, так и женщине одинаково необходимо знание истины, без которого деятельность как мужчины, так и женщины становится не полезной, но вредной для человечества. Мужчина призван исполнять свой многообразный труд; но труд его тогда только полезен, и его работа -- и физическая, и умственная, и общественная -- тогда только плодотворна, когда она совершается во имя истины и блага других людей.

То же и с призванием женщины: ее рождение, кормление и возращение детей будут полезны человечеству только тогда, когда она будет выращивать не просто детей для своей радости, а будущих слуг человечества; когда воспитание этих детей будет совершаться во имя истины и для блага людей, т. е. она будет воспитывать детей так, чтобы они были наилучшими работниками для других людей.

"Ну а те, у которых нет детей, которые не вышли замуж, вдовы?"

Те будут прекрасно делать, если будут участвовать в мужском многообразном труде.

Всякая женщина, отрожавшая, если у нее есть силы, успеет заняться этою помощью мужчине в его труде. Помощь женщины в этом труде очень драгоценна; но видеть молодую женщину, готовую к деторождению и занятую мужским трудом, всегда будет жалко. Видеть такую женщину -- все равно что видеть драгоценный чернозем, засыпанный щебнем для плаца или гулянья. Еще жальче: потому что земля эта могла бы родить только хлеб, а женщина могла бы родить то, чему не может быть оценки, выше чего ничего нет, -- человека. И только она одна может это делать.

Л. Н. Толстой.

II

СЕСТРЫ

1

3-го мая 1882 года из Гавра отплыл в китайские моря трехмачтовый корабль "Богородица Ветров". Он сдал свой груз в Китае, взял там новый груз, отвез его в Буэнос-Айрес и оттуда повез товары в Бразилию.

Переезды, повреждения, починки, затишья по нескольку месяцев, ветры, сгонявшие корабль далеко с дороги, морские приключения и несчастия задерживали его так, что он четыре года проплавал по чужим морям, и только 8 мая 1886 года пристал к Марселю с грузом жестяных ящиков с американскими консервами.

Когда вышел корабль из Гавра, на нем были капитан, его помощник и 14 матросов. Во время путешествия один матрос умер, четыре пропали при разных приключениях и только девять воротились во Францию.

Вместо выбывших матросов на корабле наняли двух американцев, одного негра и одного шведа, которого нашли в одном кабачке в Сингапуре.

На корабле подобрали паруса и завязали на мачте крест-накрест снасти. Подошел буксирный пароход и, пыхтя, потащил его на линию кораблей. Море было тихо, у берега еле-еле плескался остаток зыби. Корабль вошел в линию, где стояли вдоль набережной бок о бок корабли из всех стран света, и большие и малые, всяких размеров, форм и оснасток. "Богородица Ветров" стала между итальянским бригом и английской галлетой, которые потеснились, чтобы дать место новому товарищу.

Как только капитан разделался с таможенными и портовыми чиновниками, он отпустил половину матросов на всю ночь на берег.

Ночь была теплая, летняя. Марсель был весь освещен, на улицах пахло едой из кухонь, со всех сторон слышался говор, грохот колес и веселые крики.

Матросы с корабля "Богородица Ветров" месяца четыре не были на суше и теперь, сойдя на берег, робко, по двое шли по городу, как чужие, отвыкшие от городов люди. Они осматривались, обнюхивая улицы, ближайшие к пристани, как будто чего-то искали. Четыре месяца они не видали женщин, и их мучила похоть. Впереди их шел Селестин Дюкло, здоровенный и ловкий парень. Он всегда водил других, когда они сходили на берег. Он умел находить хорошие места, умел и отделаться, когда надо было, и не ввязывался в драки, что частенько бывает с матросами, когда они сходят на берег; но если драка завязывалась, то он не отставал от товарищей и умел постоять за себя.

Долго матросы толкались по темным улицам, которые, как стоки, все спускались к морю и из которых несло тяжелым запахом подвалов и чуланов. Наконец Селестин выбрал один узкий переулок, в котором горели над дверями выпуклые фонари, и вошел в него. Матросы, зубоскаля и напевая, шли за ним. На матовых раскрашенных стеклах фонарей были огромные цифры. Под низкими потолками дверей сидели на соломенных стульях женщины в фартуках; они выскакивали при виде матросов и, выбегая на середину улицы, загораживали им дорогу и заманивали каждая в свой притон.

Иной раз в глубине сеней нечаянно распахивалась дверь. Из нее показывалась полураздетая девка в грубых бумажных обтянутых штанах, в коротенькой юбке и в бархатном черном нагруднике с позолоченными позументами. "Эй, красавчики, заходите!" звала она еще издали и иногда выбегала сама, цеплялась за кого-нибудь из матросов и тащила его изо всех сил к дверям. Она впивалась в него, как паук, когда он волочит муху сильнее себя. Парень, размякший от похоти, упирался слабо, а остальные останавливались и смотрели, что будет; но Селестин Дюкло кричал: "Не здесь, не заходи. Дальше!" И парень слушался его голоса и силой вырывался у девки. И матросы шли дальше, провожаемые бранью рассерженной девки. На шум вдоль всего переулка выскакивали другие, накидывались на них и хриплыми голосами нахваливали свой товар. Так они шли все дальше и дальше. Изредка попадались им навстречу то солдаты, стучавшие шпорами, то поодиночке мещанин или приказчик, пробиравшиеся в знакомое место. В других переулках светились такие же фонари, но матросы шли дальше и дальше, шагая через вонючую жижу, сочившуюся из-под домов, полных женскими телами. Но вот Дюкло остановился около одного дома, получше других, и повел туда своих ребят.

II

Матросы сидели в большой зале трактира. Каждый из них выбрал себе подругу и уже не расставался с нею весь вечер; такой был обычай в трактире. Три стола были сдвинуты вместе, и матросы прежде всего выпили вместе с девками, потом они поднялись и пошли с ними наверх. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ног по деревянным ступенькам, пока они все ввалились через узкие двери и разбрелись по спальным комнатам. Из спальных комнат они сходили опять вниз пить, потом опять шли наверх.

Гульба шла вразвал. Все полугодовое жалованье пошло за четыре часа разгула. К 11 часам они все были уже пьяны и с налитыми кровью глазами несвязно кричали, сами не зная что. У каждого на коленях сидела девка. Кто пел, кто кричал, кто стучал кулаком по столу, кто лил себе в глотку вино. Селестин Дюкло сидел среди товарищей. Верхом у него на коленке сидела крупная, толстая, краснощекая девка. Он выпил не меньше других, но не был еще совсем пьян; у него в голове бродили кое-какие мысли. Он разнежился и искал, о чем бы заговорить с своей подругой. Но мысли приходили ему и тотчас же уходили, и он никак не мог поймать их, вспомнить и высказать.

Он смеялся и говорил:

-- Так, так-то... так-то... И давно уж ты здесь?

-- Шесть месяцев, -- отвечала девка.

Он кивнул головой, как будто одобрял ее за это.

-- Ну, что же, и хорошо тебе? Она подумала.

-- Привыкла, -- сказала она. -- Надо же как-нибудь. Все же лучше, чем в прислугах или прачках.

Он одобрительно кивнул головой, как будто и за это он одобрял ее.

-- И ты не здешняя?

Она покачала головой в знак того, что не здешняя.

-- Дальняя? Она кивнула.

-- А откуда?

Она подумала, как будто припоминала.

-- Из Перпиньяна я, -- проговорила она.

-- Так, так, -- проговорил он и замолчал.

-- А ты, что же, моряк? -- спросила теперь она.

-- Да, моряки мы.

-- Что ж, далеко были?

-- Да, не близко. Всего насмотрелись.

-- Пожалуй, и вокруг света ездили?

-- Не то что раз, чуть не два раза объехали. Она как будто раздумывала, припоминая что-то.

-- Я чай, много встречали кораблей? -- сказала она.

-- А то как же?

-- Не попадалась вам "Богородица Ветров"? Такой корабль есть.

Он удивился, что она назвала его корабль, и вздумал пошутить.

-- Как же, на прошлой неделе встретили.

-- Правду, в самом деле? -- спросила она и побледнела.

-- Правду.

-- Не врешь?

-- Ей-богу, -- побожился он.

-- Ну а не видал ты там Селестина Дюкло? -- спросила она.

-- Селестина Дюкло? -- повторил он и удивился, и испугался даже. Откуда могла она знать его имя?

-- А его разве знаешь? -- спросил он. Видно было, что и она чего-то испугалась.

-- Нет, не я, а женщина тут одна его знает.

-- Какая женщина? Из этого дома?

-- Нет, тут поблизости.

-- Где же поблизости?

-- Да недалеко.

-- Кто же она такая?

-- Да просто женщина, такая же, как я.

-- А зачем же он ей нужен?

-- Почему же я знаю. Может, землячка его. Они пытливо смотрели прямо в глаза друг другу.

-- Хотелось бы мне повидаться с этой женщиной, зал он.

-- А зачем? Сказать что хочешь?

-- Сказать...

-- Что сказать?

-- Сказать, что видел Селестина Дюкло.

-- А ты видел Селестина Дюкло? И жив он и здоров?

-- Здоров. А что?

Она замолчала, опять собираясь с мыслями, и потом тихо сказала:

-- А куда же идет "Богородица Ветров"?

-- Куда? В Марсель.

-- Правду?! -- вскрикнула она.

-- Правду.

-- И ты знаешь Дюкло?

-- Да ведь сказал, что знаю. Она подумала.

-- Так, так. Это хорошо, -- тихонько сказала она.

-- Да зачем он тебе?
-- А коли увидишь его, ты ему скажи... Нет, не надо.
-- Да что?
-- Нет, ничего.
Он смотрел на нее и тревожился все больше и больше.
-- Да ты-то знаешь его? -- спросил он.
-- Нет, не знаю.
-- Так зачем же он тебе?
Она, не отвечая, вдруг вскочила, побежала к конторке, за которой сидела хозяйка, взяла лимон, разрезала его, надавила соку в стакан, потом налила туда воды и подала Селестину.
-- На, выпей-ка, -- сказала она и села, как и прежде сидела, ему на колени.
-- Это зачем? -- спросил он, взяв от нее стакан.
-- Чтобы хмель прошел. Потом скажу. Пей.
Он выпил и утер рукавом губы.
-- Ну, говори, я слушаю.
-- Да ты не скажешь ему, что меня видел? Не скажешь, от кого слышал то, что скажу?
-- Ну, хорошо, не скажу.
-- Побожись!
-- Он побожился.
-- Ей-богу?
-- Ей-богу.
-- Так ты ему скажи, что его отец умер и мать померла, брат тоже помер. Горячка была. В один месяц все трое померли.
Дюкло почувствовал, что вся кровь его стеснилась у сердца. Несколько минут просидел он молча, не зная, что сказать, потом выговорил:
-- И ты верно знаешь?
-- Верно.
-- Кто ж тебе сказал?
Она положила руки ему на плечи и посмотрела прямо в глаза.
-- Побожись, что не разболтаешь.
-- Ну, побожился: ей-богу.
-- Я сестра ему.
-- Франсуаза! -- вскрикнул он.
Она пристально посмотрела на него и тихо-тихо пошевелила губами, почти не выпуская слов.
-- Так это ты -- Селестин!
Они не шевелились, замерли, как были, смотрели в глаза друг другу.
А вокруг них остальные орали пьяными голосами. Звон стаканов, стук ладонями и каблуками и пронзительный визг женщин перемешивались с

гамом песен.
-- Как же это так? -- тихо, так тихо, что даже она едва-едва разобрала его слова, проговорил он. Глаза ее вдруг налились слезами.
-- Да так, померли. Все трое в один месяц, -- продолжала она. -- Что ж мне было делать? Осталась я одна. В аптеку, да к доктору, за похороны троих... продала, что было, вещей, расплатилась и осталась, в чем была. Поступила в прислуги к барину Кашо, -- помнишь, хромой такой. Мне только что пятнадцать лет минуло; мне ведь и четырнадцати еще не было, когда ты-то уехал. С ним согрешила... Дура ведь наша сестра. Потом в няньки поступила к нотариусу. Он тоже. Сначала взял на содержание, жила на квартире. Да недолго. Бросил он меня, я три дня не евши жила, никто не берет, и поступила вот сюда, как и прочие.
Она говорила, и слезы ручьем текли у ней из глаз, из носа, мочили щеки и вливались в рот.
-- Что ж это мы наделали? -- проговорил он.
-- Я думала, и ты тоже умер, -- сказала она сквозь слезы -- разве это от меня? -- прошептала она.
-- Как же ты меня не узнала? -- также шепотом сказал он.
-- Я не знаю, я не виновата, -- продолжала она и еще пуще заплакала.
-- Разве я мог узнать тебя? Разве ты такая была, когда я уехал? Ты-то как не узнала?
Она с отчаянием махнула рукой.
-- Ах! Я их столько, этих мужчин, вижу, что они мне все на одно лицо.
Сердце его сжималось так больно и так сильно, что ему хотелось кричать и реветь, как маленькому мальчику, когда его бьют.
Он поднялся, отстранил ее от себя и, схватив своими большими матросскими лапами ее голову, пристально стал вглядываться в ее лицо.
Мало-помалу он узнал в ней, наконец, ту маленькую, тоненькую и веселенькую девочку, которую он оставил дома с теми, кому она закрыла глаза.
-- Да, ты Франсуаза! Сестра! -- проговорил он. И вдруг рыдания, тяжелые рыдания мужчины, похожие на икоту пьяницы, поднялись в его горле. Он отпустил ее голову, ударил по столу так, что стаканы опрокинулись и разлетелись вдребезги, и закричал диким голосом.
Товарищи его обратились к нему и уставились на него.
-- Вишь, как надулся! -- сказал один. -- Будет орать-то, -- сказал другой. -- Эй! Дюкло! Что орешь? Идем опять наверх, -- сказал третий, одной рукой дергая Селестина за рукав, а другой обнимая свою хохотавшую, раскрасневшуюся, с блестящими черными глазами подругу в шелковом розовом открытом лифе.
Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей. Потом с тем странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в

драку, он, шатаясь, подошел к матросу, обнимавшему девку, и ударил рукой между им и девкой, разделяя их.

-- Прочь! Разве не видишь, она сестра тебе! Все они кому-нибудь да сестры. Вот и эта сестра Франсуаза. Ха-ха-ха-ха... -- зарыдал он рыданиями, похожими на хохот, и он зашатался, поднял руки и грянулся лицом на пол. И стал кататься по полу, колотясь о него и руками и ногами, хрипя, как умирающий.

-- Надо его уложить спать, -- сказал один из товарищей, -- а то как бы на улице не засадили его.

И они подняли Селестина и втащили наверх в комнату Франсуазы и уложили его на ее постель.

Л. Н. Толстой (по Мопассану).

2-е декабря

Не убий относится не к одному убийству человека, но и к убийству всего живого. И заповедь эта была записана в сердце человека, прежде чем она была услышана на Синае.

1

Как бы убедительны ни были доводы против безубойного питания, но человек не может не испытывать жалости и отвращения к убийству овцы или курицы, и большинство людей всегда предпочтут лишиться удовольствия и пользы мясной пищи, чем самим совершать эти убийства.

2

"Но если надо жалеть овец и кроликов, то надо жалеть и волков и крыс", -- говорят враги вегетарианства. -- Мы и жалеем их и стараемся жалеть их, отвечают вегетарианцы, и отыскиваем против наносимого ими вреда средства помимо убийства, и средства эти находятся. Если же вы говорите то же о насекомых, то мы хотя не испытываем к ним непосредственной жалости (Лихтенберг говорит, что жалость наша к животным прямо

пропорциональна их величине), но думаем, что можно испытывать и к ним жалость (как Сильвио Пеллико к пауку), и против них могут быть найдены средства помимо убийства.

"Но ведь растения тоже живые существа, и вы уничтожаете их жизнь", говорят еще противники вегетарианства. Но этот самый довод лучше всего определяет сущность вегетарианства и указывает средства удовлетворения его требованиям. Идеальное вегетарианство есть питание плодами, т. е. оболочкой семени, заключающей жизнь: яблоки, персики, арбузы, тыквы, ягоды. Гигиенисты признают эту пищу самой здоровой, и при этой пище человек не уничтожает жизнь. Знаменательно при этом еще то, что приятность вкуса плодов, оболочки семян, делает то, что люди, срывая и съедая плоды, разносят их по земле и размножают.

3

По мере просвещения и увеличения населения люди переходят от поедания людей к поеданию животных, от поедания животных к питанию зернами и кореньями и от этого способа питания к самому естественному питанию плодами.

4

Захват крупными собственниками больших пространств земли сделал то, что плоды составляют роскошь. Чем равномернее распределена земля, тем больше разводят плодов.

5

Чтение и письмо отнюдь не составляют образования, если они не помогают людям быть добрее ко всем тварям.

Джон Рёскин.

Неразумие, незаконность и вред, нравственный и вещественный, питания мясом в последнее время до такой степени выяснился, что мясоедение держится теперь уже не рассуждениями, а только внушением давности, преданием, обычаем. И потому в наше время уже не нужно доказывать всем очевидное неразумие мясоедения. Оно само собой прекращается.

3-е декабря

Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними приемами передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их.

1

Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и доброе свойство искусства.

2

Как произведение мысли только тогда произведение мысли, когда оно передает новые соображения и мысли, а не повторяет того, что известно, точно так же и произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно вносит новое чувство в обиход человеческой жизни.

3

Искусство есть один из двух органов прогресса человечества. Через слово человек общается мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но и будущего.

Как происходит совершенствование знаний, т. е. более истинные, нужные знания вытесняют и заменяют знания ошибочные и ненужные, так точно происходит совершенствование чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей высшими, более добрыми, более нужными для этого блага.

В этом назначение искусства.

4

Музыка показывает человеку те возможности величия, которые есть в его душе, говорит Эмерсон. То же можно сказать и про всякое истинное искусство.

5

Искусство есть цвет жизни целого общества. Не может быть хорошим цвет такого общества, как общество жестоких паразитов высшего круга нашего христианского мира. Оно неизбежно будет развращенным и уродливым.

Таково и есть искусство нашего общества, дошедшее в последнее время до высшей степени развращенности и уродливости.

6

Если бы был поставлен вопрос о том, что лучше нашему христианскому миру: лишиться ли всего тою, что теперь считается искусством, вместе с ложным, и всего хорошего, которое есть теперь, то я думаю, что всякий разумный и нравственный человек опять решил бы вопрос так же, как решал его Платон для своей республики и решали все христианские и магометанские учители человечества, т. е. сказал бы: "Лучше пускай не было бы никакого искусства, чем продолжалось бы то развращенное искусство или подобие его, которое есть теперь".

7

Деятели нынешней науки и искусства не исполнили и не могут исполнить своего призвания, потому что они из обязанностей своих сделали права.

Наше утонченное, развращенное искусство могло возникнуть только на рабстве народных масс и может продолжаться только до тех пор, пока будет это рабство.

4-е декабря

Не случайно сказано, что весь закон в том, чтобы любить бога и ближнего. Любовь к ближнему есть частный случай. Ближний может быть и не быть. Бог всегда есть. И потому человек один в пустыне, в тюрьме может исполнять закон, любя бога и все доступные ему проявления его хотя бы в воспоминаниях, в представлениях, мыслях.

1

Помни, что в каждом человеке живет дух божий -- тот же, который дает тебе жизнь, и потому не только люби, но чти, как святыню, душу каждого человека.

2

Лошадь спасается от врага своим быстрым бегом, и она несчастна не тогда, когда не может петь петухом, а тогда, когда потеряла то, что ей дано, -- свой быстрый бег.
Собака имеет чутье; когда она лишается того, что ей дано, -- своего чутья, она несчастна, а не бывает несчастна тогда, когда она не может летать.

Точно так же и человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя, или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, -- доброту и рассудительность. Вот такой-то человек воистину несчастен и достоин сожаления.

Не то жалко, что человек умер, что он лишился своих денег, дома, имения: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность -- свое человеческое достоинство.

Эпиктет.

3

Не делай ничего противного твоей совести ни на людях, ни наедине.

4

В наше время люди забывают, что прежде всего они должны в самих себе свято чтить человека. Высшее же свойство человека состоит в том, что при душевном равновесии сознание его способно, вступая в общение с источником разумения, сливаться с беспредельною духовной жизнью. А между тем люди, вместо того чтобы непосредственно черпать духовную пищу из этого источника, предпочитают нищенски вымаливать друг у друга по кружке застоявшейся воды.

Эмерсон.

5

Самый жалкий из нас обладает все-таки каким-нибудь даром, и как бы ни был этот дар, по-видимому, зауряден, но, составляя нашу особенность, он может, при правильном применении, стать даром для всего человечества.

Джон Рёскин.

Кроме обязанностей к ближнему, у каждого человека есть обязанность к себе как к сыну божию.

5-е декабря

Чем дольше живет человечество, тем больше освобождается оно от суеверий и тем проще представляются ему законы жизни.

1

Наш век -- истинный век критики.

Религия и законодательство обыкновенно думают ускользнуть от критики. Религия -- с помощью своей святости, законодательство -- с помощью своего внешнего величия.

Но этим самым они возбуждают против себя подозрение и не могут рассчитывать на непритворное уважение, потому что разум относится с уважением только к тому, что в состоянии выдержать его свободное и публичное испытание.

Кант.

2

Миссионеры старательно распространяют христианство в Индии. Но может ли церковное христианство дать Индии более завидный удел, чем тот, какой она имела в прошлом? Может ли оно дать ей более умственной и духовной силы, чем сколько есть у нее и сколько было со времен незапамятных? Есть ли у церковного христианства более высокое представление о вездесущем, всемогущем и всезнающем божестве, чем у

последователей браминского учения? Неужели мысль о боге, который прогуливался по саду с Адамом и Евой и не слыхал того, что говорили они, потому что отошел от них на некоторое расстояние, который испугался нападения на его небесную твердыню со стороны строителей какой-то башни и ел жареных ягнят со стариками, который приходил в ярость из-за разных пустяков, и то и дело проклинал несчастных, созданных им людей за их ошибки, -- может ли мысль о таком боге быть чем-либо высшим сравнительно с представлением о невидимом, всезнающем, всемогущем существе, которое . проявляет свою волю всюду во вселенной? А вера в божественность Христа, в его воплощение, воскресение и искупительную жертву? Разве не есть это кощунство -- впутывать высшее и величайшее существо в дела смертных? Если индусы должны верить в воплощение, то почему им не верить в воплощение Кришны или Рамы: почему они должны верить не в них, а в Христа? Однако бог, как это сказано в истинно священном писании человечества, не имеет тела и не был рожден (Иоан. 4 гл.) и не может воплощаться. Учение о воскресении -- не более как сказка: могила никогда не выдавала своих мертвецов, если они точно были мертвецами. Что же касается искупления, то учение это противоречит уже самым первобытным понятиям о справедливости.

Люси Малори.

3

Все исследуй, давай разуму первое место.

Пифагор.

4

Жизнь состоит в том, чтобы добывать все более и более истину о своем назначении и жить более и более согласно с этой истиной. Все же ложные религии говорят, что у них в писании или предании находится готовая,

полная, совершенная истина (Веды, Библия, Коран) и есть средство жить сообразно с этой истиной (вера, жертвы, молитва, благодать). Так что ни искать истины не нужно, ни трудиться над улучшением своей жизни. Это ужасно.

Не надо бояться тех разрушений, которые совершает разум в установленных людьми преданиях. Разум не может ничего уничтожать, не заменяя его истиной. Таково его свойство.

6-е декабря

Заблуждаемся мы не оттого, что не можем правильно мыслить, а оттого, что живем дурно.

1

Незнание никогда не делает зла; пагубно только заблуждение. Заблуждаются же люди не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими.

Руссо.

2

Всякое заблуждение есть яд, и потому не может быть безвредных заблуждений; тем более не может быть прекрасных и неприкосновенных заблуждений.
На что мне такие утешения, над которыми висит непрестанно дамоклов меч разочарования? Безопасна только одна истина. Одна истина тверда, и на одну ее можно положиться. Только в ней истинное утешение; она одна неразрушимый алмаз. -- Освободить человека от лжи значит не отнять что-

либо, но дать. Знание того, что неправда -- неправда, есть истина. Заблуждение всегда вредит. Рано или поздно оно отзовется человеку, который держится его.

Шопенгауэр.

3

Мы видим мир при посредстве наших мыслей, видим его не таким, каков он есть, а в том свете, какой придают ему наши мысли. Ненависть делает его для нас -- как будто мы надели черные очки -- туманным и мрачным.

Люси Малори.

4

Есть такие заблуждения, которых нельзя опровергнуть. Надо сообщить заблуждающемуся уму такие знания, которые его просветят. Тогда заблуждение исчезнет само собою.

Кант.

5

Одно из злых свойств человека состоит в том, что он любит и уважает самого себя, желает себе блага. Но беда ему, если он любит только самого себя: он захочет быть великим, а увидит, что он маленький; захочет быть счастливым, а увидит себя несчастным; захочет быть совершенным, а увидит себя полным несовершенства; захочет себе любви и уважения от людей, а увидит, что его недостатки отвращают от него людей и внушают им презрение к нему. Видя неисполнение своих желаний, такой человек впадает в самое преступное дело: он начинает ненавидеть ту правду,

которая идет ему наперекор; он хочет истребить эту правду, и так как он сделать этого не может, то он в своей душе и в мыслях других старается извращать правду, когда только может; и таким способом он надеется скрыть свои недостатки и от других, и от самого себя.

Паскаль.

6

Борьба духовной и телесной природы одна и та же во всех людях, и потому люди впадают в одни и те же заблуждения. Находясь же в одних и тех же заблуждениях, они еще более утверждаются в них и принимают их за несомненную истину, потому что большее количество людей разделяет их.

Накормить голодного, одеть голого, посетить больного -- все добрые дела, но несравнимое со всем этим доброе дело -- освобождение брата от заблуждения.

7-е декабря

Вся телесная жизнь человеческая есть ряд незаметных ему, но подлежащих наблюдению изменений. Но начало этих изменений, совершившееся в первом детстве, и конец их -- в смерти -- недоступны человеческому наблюдению.

1

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода;

любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

Ин. 12 гл. ст. 24 -- 25.

2

Жизнь постоянно изменяет свою внешность. Только невежда, который видит не глубже поверхности вещей, думает, что жизнь уничтожается, когда она пропадает в одной какой-либо форме. Ибо если она пропадает в одной какой-либо форме, то только для того, чтобы вновь явиться в другой. Гусеница пропадает и вновь является в виде бабочки, дитя пропадает, но вместо него является юноша; животный человек пропадает и вновь является как человек духовный.

Люси Малори.

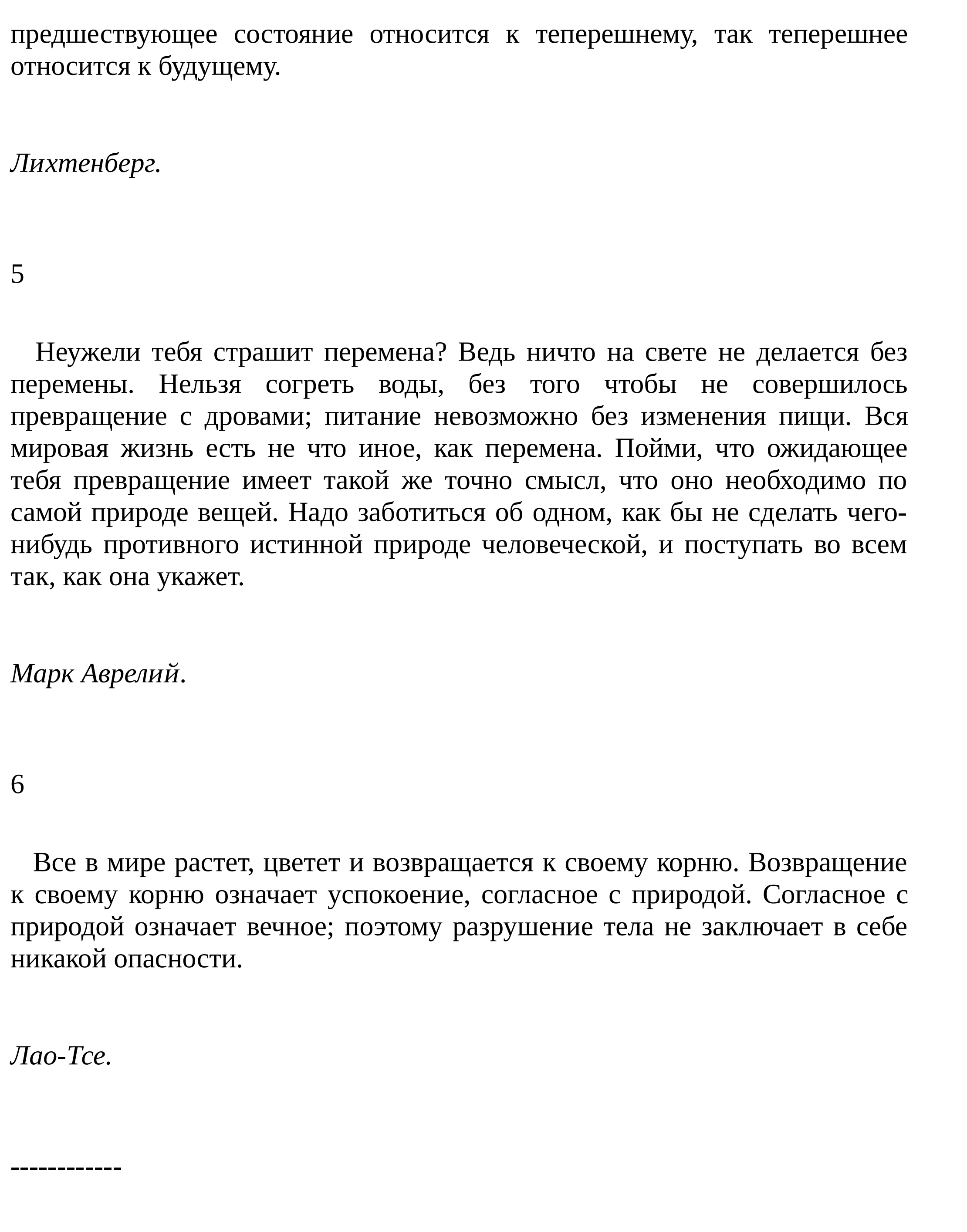
3

Что такое желудь, как не дуб, лишенный своих ветвей, листьев, ствола, корней, т. е. всех форм, всех особенностей, но который сосредоточен в своей сущности, в своей производительной силе, который вновь может завоевать все, что она отбросила? Это обеднение, стало быть, есть только внешнее сокращение. Возвратиться к своей вечности -- это-то и значит умереть. Умереть значит не уничтожиться, но возвратиться к своей потенциальности.

Амиель.

4

Разве мы не воскресли уж однажды из того состояния, в котором мы о настоящем знали меньше, чем в настоящем знаем о будущем? Как наше

предшествующее состояние относится к теперешнему, так теперешнее относится к будущему.

Лихтенберг.

5

Неужели тебя страшит перемена? Ведь ничто на свете не делается без перемены. Нельзя согреть воды, без того чтобы не совершилось превращение с дровами; питание невозможно без изменения пищи. Вся мировая жизнь есть не что иное, как перемена. Пойми, что ожидающее тебя превращение имеет такой же точно смысл, что оно необходимо по самой природе вещей. Надо заботиться об одном, как бы не сделать чего-нибудь противного истинной природе человеческой, и поступать во всем так, как она укажет.

Марк Аврелий.

6

Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню. Возвращение к своему корню означает успокоение, согласное с природой. Согласное с природой означает вечное; поэтому разрушение тела не заключает в себе никакой опасности.

Лао-Тсе.

Смерть есть изменение той формы, с которой соединен наш дух. Не надо смешивать форму с тем, что соединено с ней.

8-е декабря

Как легко, казалось бы, исполнение закона бога, выраженного в христианском учении, и как все еще далеки мы от этого исполнения!

1

Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду (Исход 20, 13).

А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду.

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исход 20, 14).

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред господом клятвы твои (Левит 19, 12 Второзак.23,21).

А я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого.

Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб (Исход 21,24).

А я говорю вам: не противься злому; но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Левит 19, 17 -- 18).

А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Да будете сынами отца вашего небесного; ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак, будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный.

Мф. 5 гл., ст. 21, 22, 27, 28, 33, 34, 37- 48.

2

В пяти заповедях Христа выраженье условия исполнения закона; указано все то, что препятствует этому исполнению. Стоит людям следовать этим 5-ти заповедям, и на земле установится царство бога. И следовать им легко даже нам, испорченным воспитанием. Что же было бы, если бы все дети воспитывались в этих заповедях?

3

Постоянное движение вперед религии -- в сближении ее с нравственностью. Если в богословии мнения изменяются, убеждения людей относительно поведения неизменны.

Эмерсон.

4

Закон жизни для мудрых неясен, но он все более и более выясняется по мере того, как они ему следуют. Закон жизни для обыкновенных, людей ясен, но он все более и более затемняется по мере того, как они ему следуют.

Конфуций.

5

Существует только один вечный, неизменный закон, управляющий всеми народами во все времена. Не повинующийся этому закону отрекается от себя, презирает человеческую природу, а этим самым такой человек, хотя и

может избегнуть человеческого наказания, накладывает на себя исходящее не от людей, но самое тяжелое наказание.

Цицерон.

Для осуществления закона бога, насколько он выяснен нам, нужно наше усилие, и усилие это делается людьми, и, как ни медленно, мы все-таки приближаемся к этому осуществлению.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

УЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1883 году митрополит греческий Вриений нашел в Константинополе в старинном сборнике древних христианских поучений сочинение под названием: "Учение 12 апостолов", или "Учение Господа, преподанное народам через 12 апостолов". Об этой книге, почитаемой некоторыми учителями церкви священною, известно было до этого только ее заглавие.

Сочинение это содержит в себе самую сущность христианского учения. Оно передает иными словами и с некоторыми прибавлениями и разъяснениями те великие истины и поучения, которые изложены в нагорной проповеди Матфея и в 6-й главе Луки. Так, например, в поучении о том, чтобы давать просящему, прибавлено: "Блажен дающий по заповеди, ибо он свободен от наказания; но горе принимающему, ибо кто берет, имея нужду, тот прав; неимеющий же нужды даст отчет, почему и для чего брал". Также есть отсутствующее в Евангелиях разъяснение о том, что милостыня только тогда милостыня, когда она исходит из потной руки, то есть когда то, что дается, заработано трудами подающего.

То же еще яснее сказано в гл. 4-й. Там сказано, что христианин ничего не должен считать своею собственностью и помогать нуждающемуся может только своим трудом.

Есть еще в этом сочинении не встречающееся в Евангелиях прекрасное и очень важное поучение о том, как должен относиться христианин к людям,

смотря по их душевному состоянию. "Не имей ненависти ни к кому, -- сказано там, -- но одних обличай, за других молись, а иных люби больше души своей".

Очевидно, совет обличать одних относится к тем, которые заблуждаются по неведению, по увлечению, к таким, обличение которых может помочь им вступить на добрый путь. Молиться же советуется о тех, которые глухи к обличению и увещанию. Это, очевидно, относится к тем, про которых сказано в Евангелии, что не следует метать бисер перед теми, которые не могут оценить его. Здесь та же мысль выражена мягче и добрее. Не отворачиваться от таких людей советует это учение, но молиться о них, т. е. не переставая желать им истинного блага и всегда быть готовым, в случае их смягчения, прийти на помощь им. Любить же более души своей, очевидно, относится к тем, которые соединены одною верою.

Важно и ново тоже в гл. 6-й поучение о том, как отвечать на обычное возражение против учения Христа людей, не желающих принять его. "Исполнять, так уже исполнять все", говорят такие возражатели. "Если же исполнять все, то надо отказаться от жизни, а это невозможно". Ответ на это возражение такой:

"Берегись того, кто будет совращать тебя с этого пути, так как он учит тебя не по-божьи, потому что, если ты можешь понести все иго господне, то будешь совершенен, а если не можешь, то делай то, что можешь".

Кроме этих и многих других новых и замечательных разъяснений, в этой книге есть определенные указания о том, как должно производить крещение. Сказано, крестить надо так: сообщив все вышесказанное учение крещаемому (следовательно, взрослому), крестите во имя отца и сына и святого духа. Так же об евхаристии сказано, как о благодарственной молитве, читаемой в общем собрании за трапезой, без всякого намека на таинство. О молитве сказано то же, что в Евангелии, что молитва должна состоять в чтении "Отче наш".

Еще даны наставления о том, как избирать епископов и дьяконов -- как должностных выборных лиц общины, без малейшего указания на рукоположения. Есть еще многие другие постановления об апостолах и пророках, совершенно не сходящиеся с существующими теперь установлениями.

И вот является эта книга, признанная всеми учеными произведением конца первого или начала второго века, т. е. христианский памятник более ранний, чем Евангелие Луки, и одновременный с Евангелием Иоанна, голос, подтверждающий, уясняющий и усиливающий все то, что мы знаем о нравственно-жизненной стороне христианства, и несогласный во многом и в самом существенном с внешней стороной христианства. И что же? Казалось бы, открытие такого памятника должно произвести величайшее волнение в христианском мире. Все христиане, казалось бы, должны

ухватиться за этот памятник, разбирать его содержание, вникать в смысл его, сличить с ним свои установленные положения, по нем исправить их, должны бы были в миллионах экземпляров распространить это сочинение в народе, в церквах читать его. Ничего подобного нет и не было. Десяток ученых рассмотрели этот памятник с точки зрения общецерковной и исторической, несколько специалистов по части лжетолкований из священников придумали кое-какие рассуждения, по которым выходит, что правы позднейшие установления, а не те, о которых писано в этом сочинении, так что открытие "Учения Господа народам через 12 апостолов", т. е. услышание голоса святых людей первых веков христианства, голоса, подтверждающего, уясняющего и усиливающего все то, что мы знаем о нравственной стороне христианства, открытие этого памятника производит гораздо меньшее впечатление на христианское общество, чем открытие куска голой Венеры в какой-нибудь раскопке.

Открываются посмертные сочинения какого-нибудь несчастного безумца Ницше или Верлена, и сотни тысяч экземпляров печатаются и распространяются. А раздаются слова того Христа, которого мы будто бы исповедуем, и мы только стараемся как-нибудь поскорее отделаться от них, чтобы они не мешали нам заниматься нашими важными делами: открытием новой планеты, спорами о происхождении видов, рассуждениями о свойствах радия, ни на что не нужными.

Да, вот уже именно: "Огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы я исцелил их" (Исаии 6, 9 -- 10, Матфея 13, 15).

Но, слава богу, еще в народных массах есть люди, для которых важен этот голос из времен первого века и которые с радостью найдут в нем еще большее уяснение и подтверждение той истины, которая освещает их жизнь и дает им силы. Для этих-то людей я и пишу это и перепечатываю это сочинение.

Л. Н. Толстой.

УЧЕНИЕ ГОСПОДА, ПРЕПОДАННОЕ НАРОДАМ 12-Ю АПОСТОЛАМИ

Есть два пути: путь жизни и путь смерти. И разница великая между

этими двумя путями. Путь жизни такой:
Во-первых, люби бога, создавшего тебя.
Во-вторых, ближнего своего, как самого себя, и потому не делай другому всего того, чего не хочешь, чтобы тебе сделали.
Учение этих двух слов такое:

1

Первая заповедь учения: люби бога, создавшего тебя.
Благословляйте проклинающих вас; молитесь за врагов ваших, за нападающих на вас и поститесь за тех, которые обижают вас, потому что -- то не добро, чтобы любить только тех, которые любят вас. То же делают и язычники. Они любят своих и ненавидят врагов, и потому у них есть враги. Вы же любите ненавидящих вас, и тогда не будет у вас врагов. Берегитесь телесных и мирских побуждений. Если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую, и будешь совершенен. Если кто принудит тебя пройти с ним одну версту, иди с ним две. Если кто возьмет у тебя кафтан твой, отдай и рубаху. Если кто взял у тебя твое, не возворачивай назад, потому что этого нельзя делать. А всякому просящему у тебя дай и не требуй назад, потому что отец хочет, чтобы у каждого было то свое, которое Он дал всем людям. Блажен тот, кто по заповеди дает: тот прав; но горе тому, кто берет, потому что прав только тот, кто берет по нужде; тот же, кто берет без нужды, должен дать отчет, почему и для чего он взял. Кто пойман в сети Маммона, тот будет мучим за то, что он сделал, и не высвободится из них до тех пор, пока не отдаст последнее. Об этом-то сказано: пусть милосердие твое выходит потом из рук твоих, покуда ты еще и не знаешь, кому ты дашь.

2

Вторая заповедь учения: люби ближнего, как самого себя, т. е. не делай другому того, чего не хочешь, чтобы с тобою сделали.
Не убивай, не прелюбодействуй, не оскверняй детей, не распутничай, не крадь, не колдуй, не отравляй, не умерщвляй младенца в утробе матери и рожденного не убивай, не желай иметь того, что у ближнего твоего, не клянись, не лжесвидетельствуй, не сквернословь, не скверномысли, не будь двумыслен, ни двуязычен -- двуязычие есть сеть смерти. Чтобы твое слово не было ни лживо, ни пусто, но всегда полно дела; не будь ни алчным, ни хищным, ни лицемером, ни угрюмым, ни гордым. Не держи

зла на ближнего своего, не ненавидь никакого человека, но одних обличай, за других молись, а иных люби более души своей.

3

Чадо мое! Избегай всякого зла и всего того, что похоже на него. Не входи в гнев, гнев ведет к убийству; не входи в задор, в споры, в горячность -- от всего этого бывают убийства. Чадо мое! Избегай похоти, похоть ведет к распутству; не сквернословь и не озирайся на то, чего тебе не нужно видеть; это ведет к прелюбодеяниям. Чадо мое! Не ворожи, потому что это ведет к идолопоклонству; не волхвуй, не чернокнижничай, не делай заговоров и не присутствуй при подобных делах, потому что это идолопоклонство. Чадо мое! не будь обманщиком, потому что обман приводит к воровству; не будь корыстолюбив и тщеславен -- и это доводит до воровства. Чадо мое! не будь недовольным, недовольство ведет к ругательству; не будь самодовольным и осуждающим, потому что и это ведет к ругательству; будь кроток, потому что кроткие наследуют землю; будь терпелив, милостив, и незлобив, и смиренен, и добр, и со страхом при всяком случае вспоминай слова эти, которые ты слышал. Не возвышай сам себя и не допускай самоуверенность в сердце свое. Сердце твое чтоб не лежало к высоким и сильным, но пусть прилепляется оно к праведным и смиренным. Все же, что случается с тобою, принимай, как благо, зная, что без бога ничего не бывает.

4

Чадо мое! И днем и ночью вспоминай того, кто учит тебя слову божию, и почитай его, как господа, потому что господь там, откуда ты узнал про него. Всегда отыскивай святых людей и общайся с ними, чтобы в словах их находить успокоение душе своей. Не желай разделения между людьми, но примиряй враждующих. Рассуживай их по правде и, невзирая на лица, уличай их в грехах. Не двоедушничай и не говори: можно так, можно и этак. Не протягивай руку, когда приходится брать, и не сжимай ее, когда приходится давать. То, что ты заработал руками своими, давай как выкуп за грехи свои. Не раздумывай давать и, когда дал, не жалей, потому что ты узнаешь, в чем лучшая награда за добро твое. Не отворачивайся от нуждающегося, но пусть все то, что есть у тебя, будет общим с братом твоим, и не называй ничего своей собственностью, потому что если то, что бессмертно, все у вас общее, то тем паче должно быть общим между вами

все тленное. Не переставай руководить сына своего или дочь свою, но от юности учи их страху божию. Не повелевай рабу или служанке: они веруют тому же богу, как ты. А то как бы от огорчения они не перестали бояться того бога, который над вами обоими; потому что приходится повелевать не по лицам, а тому, кого назначил дух.

Ненавидь всякое лицемерие и все, что неугодно богу. Не оставляй заповедей господа, но храни те, которые получил, ничего не прибавляя и не откидывая. Среди верующих кайся в грехах своих и не думай молиться, пока у тебя есть зло на сердце.

Таков путь жизни.

5

Путь же смерти такой: прежде всего он бедственен и полон мерзостей. Убийства, прелюбодеяние, похоти, распутство, воровство, идолопоклонство, колдовство, отравление, грабежи, обманы, лицемерие, двоедушие, хитрость, гордость, злоба, самоуверенность, алчность, сквернословие, зависть, дерзость, высокоумие, тщеславие, гонители добрых, ненавистники истины, любители лжи, не признающие награды за праведность, не прилепляющиеся к добру и не знающие правильного суждения, те, которые заботятся и хлопочут не о добром, а о злом, не знающие кротости и терпения, любители пустяков, искатели мирских наград, не жалеющие нищего, не трудящиеся для утружденного, не знающие того, кто создал их самих, убийцы и соблазнители детей, погубители образа божия, отвращающиеся от нуждающегося и домучивающие трудом измученного, утешители богатых и беззаконные судьи бедных, -- кругом и во всем грешники. Берегитесь, чада мои, таких людей!

Смотри, чтобы кто-нибудь не сбил тебя с этого пути учения.

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

(Обращение к кружку молодежи)

Мне хотелось бы на прощание (в мои годы всякое свидание с людьми есть прощание) вкратце сказать вам, как, по моему понятию, надо жить людям для того, чтобы жизнь наша не была злом и горем, какою она теперь кажется большинству людей, а была бы тем, чего желает бог и чего мы все желаем, т. е. благом и радостью, какою она и должна быть.

Все дело в том, как понимает человек свою жизнь. Если понимать свою жизнь так, что жизнь эта дана мне в моем теле, Ивану, Петру, Марье и что все дело жизни в том, чтобы добыть как можно больше всяких радостей, удовольствий, счастья этому своему "я", Ивану, Петру, Марье, то жизнь всегда и для всех будет несчастна и озлобленна.

Несчастная и озлобленная жизнь будет потому, что всего, чего хочется для себя одному человеку, того же самого хочется и всякому другому. А так как каждому хочется всякого для себя добра как можно больше и добро это одно и то же для всех таких людей, то добра этого для всех никогда недостает. А потому если люди живут каждый для себя, то не миновать им отнимать друг у друга, бороться, злиться друг на друга, и от этого жизнь их не бывает счастливою. Если же временами люди и добудут себе того, чего им хочется, то им всегда мало, и они стараются добыть все больше и больше, и кроме того, еще и боятся, что у них отнимут то, что они добыли, и завидуют тем, которые добыли то, чего у них нет.

Так что, если люди понимают свою жизнь каждый в своем теле, то жизнь таких людей не может не быть несчастною. Такая она и есть теперь для всех таких людей. А такою, т. е. несчастною, жизнь не должна быть. Жизнь дана нам на благо, и так мы все и понимаем жизнь. Для того же, чтобы жизнь была такою, людям надо понимать, что жизнь наша настоящая никак не в нашем теле, а в том духе, который живет в нашем теле, и что благо наше не в том, чтобы угождать и делать то, чего хочет тело, а в том, чтобы делать то, чего хочет этот дух один и тот же, живущий в нас так же, как и во всех людях. Хочет же этот дух блага себе, духу. А так как дух этот во всех людях один и тот же, то и хочет он блага всем людям. Желать же блага всем людям значит любить людей. Любить же людей никто и ничто помешать не может; а чем больше человек любит, тем жизнь его становится свободнее и радостнее.

Так что выходит, что угодить телу человек, сколько бы он ни старался, никогда не в силах, потому что то, что нужно телу, не всегда можно добыть, а если добывать, то надо бороться с другими; угодить же душе человек всегда может, потому что душе нужна только любовь, а для любви не нужно ни с кем бороться; не только не нужно бороться с другими, а напротив, чем больше любишь, тем больше сближаешься с другими людьми. Так что любви ничто помешать не может, и всякий человек что больше любит, то все больше и больше не только сам делается счастливым и радостным, но и делает счастливыми и радостными и других людей.

Так вот это-то, милые братья, мне хотелось сказать вам на прощание, сказать то, чему учили вас все святые и мудрые люди, и Христос, и все мудрецы мира: а именно тому, что жизнь наша бывает несчастна от нас самих, что та сила, которая послала нас в жизнь и которую мы называем богом, послала нас не затем, чтобы мы мучились, а затем, чтобы имели то самое благо, какого мы все желаем, и что не получаем мы это предназначенное нам благо только тогда, когда понимаем жизнь не так, как должно, и делаем не то, что должно.

А то мы жалуемся на жизнь, что жизнь наша плохо устроена, а не думаем того, что не жизнь наша плохо устроена, а что делаем мы не то, что нужно. А это все равно, как если бы пьяница стал жаловаться на то, что спился он оттого, что много завелось трактиров и кабаков, тогда как завелось много трактиров и кабаков только оттого, что много развелось таких же, как он, пьяниц.

Жизнь дана людям на благо, только бы они пользовались ею, как должно ею пользоваться. Только бы жили люди не завистью друг к другу, а любовью, и жизнь была бы неперестающим благом для всех.

Теперь вот со всех сторон говорят только одно: жизнь, говорят, наша дурная и несчастная оттого, что она дурно устроена, -- давай переделаем дурное устройство на хорошее, и жизнь наша будет хорошая.

Милые братья, не верьте этому, не верьте тому, что от такого или иного устройства жизнь ваша может быть хуже или лучше. Не говорю уже о том, что все те люди, которые заботятся об устройстве лучшей жизни, все не согласны между собою, все спорят промежду собою: одни предлагают одно устройство, считая его самым лучшим, другие же говорят, что это устройство самое дурное, а что хорошо только то, которое они предлагают. А третьи забраковывают и это и предлагают свое самое лучшее, и т. д. Но если бы даже и было такое, самое лучшее устройство, если даже согласиться с тем, что придумано самое лучшее устройство, то как же сделать, чтобы люди жили по этому устройству, как удержать это хорошее устройство, когда люди привыкли и любят жить дурно? А то мы теперь привыкли и любим жить дурно, за что ни возьмемся, все гадим, а говорим, что хорошо станем жить, когда будет устройство хорошее. Да как же быть хорошему устройству, когда люди плохие?

Так что если и есть такое самое лучшее устройство жизни, то, для того чтобы добиться его, надо людям становиться лучше. Вам же обещают хорошую жизнь после того, как вы, кроме вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться с людьми, насиловать людей, даже убивать их, чтобы ввести это хорошее устройство, т. е. вам обещают хорошую жизнь после того, как вы сами сделаетесь еще хуже, чем теперь.

Не верьте, не верьте этому, милые братья. Для того чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут

люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей.

Спасение ваше и всех людей никак не в греховном, насильническом устройстве жизни, а в устройстве своей души. Только этим, таким устройством души, добудет каждый человек и тебе и другим людям самое большое благо и самое лучшее устройство жизни, какого могут только желать люди. Истинное благо, то, какого ищет каждое сердце человеческое, дано нам не в каком-либо будущем устройстве жизни, поддерживаемом насилием, а сейчас всем нам везде, во всякую минуту жизни и даже смерти, достигаемое любовью.

Благо это дано нам из века, но люди не понимали его и не брали его. Теперь же пришло время, когда нам нельзя уже не принять его, нельзя не принять первое, потому что безобразия и страдания нашей жизни довели нас до того, что жизнь наша становится непереносимо мучительной. Второе то, что все более и более раскрывающееся нам истинное учение Христа стало теперь так ясно, что нам уже для нашего спасения нельзя не признать и не принять его. Спасение наше теперь в одном: в признании того, что истинная жизнь наша не в теле нашем, а в том духе божьем, который живет в нас, и что поэтому все те усилия, которые мы клали прежде на улучшение нашей телесной, как отдельной, так и общественной, жизни, мы можем и должны класть на одно-единственное нужное и важное для человека дело, на то, чтобы каждому в самом себе воспитывать и утверждать любовь не только к любящим нас, а, как говорил Христос, ко всем людям, и в особенности к чуждым нам людям, к ненавидящим нас.

Жизнь наша теперь так далека от этого, что в первую минуту такое перенесение всех своих усилий, вместо заботы о мирских делах, на одно невидное, непривычное нам дело -- на любовь ко всем людям кажется невозможным.

Но это только так кажется: любовь ко всем людям, даже к ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближними и ненависть к ним. Перемена понимания смысла жизни не только не невозможна в наше время, но, напротив, невозможно продолжение той озлобленной всех против всех жизни, которую мы ведем теперь. Перемена эта не только не невозможна, но, напротив, только она одна может вывести людей из тех бедствий, от которых они страдают, и потому перемена эта неизбежно рано или поздно должна совершиться.

Милые братья, зачем, за что вы мучаете себя? Только помните, что вам предназначено величайшее благо, и возьмите его. Все -- в вас самих. Это так легко, так просто и так радостно.

Но, может быть, люди страдающие, бедные, угнетенные скажут: "Да, это, может быть, хорошо для богатых и властвующих; легко богатым и

властвующим любить врагов, когда враги эти во власти их. Но это трудно для нас, страждущих и угнетенных". Но это неправда. Милые братья, изменить свое понимание жизни одинаково нужно и властвующим, богатым, и подчиненным, бедным. И подчиненным и бедным это легче, чем богатым. Подчиненным и бедным нужно только, не изменяя своего положения, не только не делать дел, противных любви, но не принимать участия в этих делах, как дела насилия, и все это враждебное любви устройство падет самовластвующим же гораздо труднее принять и исполнить учение любви. Для того чтобы им исполнить это учение, им надо отказаться от обладающих ими соблазнов власти, богатства; и это труднее им; бедным же и подчиненным надо только не делать новых насилий и, главное, не принимать участия в старом.

Как растет человек, так растет и человечество. Сознание любви росло, растет в нем и доросло в наше время до того, что мы не можем не видеть, что оно должно спасти нас и стать основой нашей жизни. Ведь то, что теперь делается, -- это последние судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни.

Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, все это бессмысленные, ни к чему, кроме как к все увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы. И не может не быть ясно, что единственное, самое простое и легкое спасение от всего этого есть сознание основного начала жизни всех людей -- любви -- этого начала, которое неизбежно, без всякого усилия заменяет величайшее зло величайшим благом.

Есть предание о том, что апостол Иоанн, достигши глубокой старости, был весь поглощен одним чувством и все одними и теми же словами выражал его, говоря только одно:

"Дети, любите друг друга". Так выразилась старость, т. е. дожившего до известного предела жизни жизнь одного человека. Так точно должна выразиться жизнь человечества, дожившая до известного предела.

Ведь это так просто, так ясно: ты живешь, т. е. родился, растешь, мужаешь, стареешься и вот-вот умрешь. Неужели цель твоей жизни может быть в тебе? -- наверное нет. Что же такое, -- спрашивает себя тогда человек, -- что я такое? И ответ один: я что-то такое любящее -- в первое время кажется, что любящее только себя, но стоит немного пожить, немного подумать, чтобы увидать, что любить себя, проходящего через жизнь, умирающего, нельзя, незачем. Чувствуешь, что я должен любить и люблю себя. Но, любя себя, я не могу не чувствовать, что предмет моей любви недостоин ее; но не любить я не могу. В любви есть жизнь. Как же тут быть? Любить других, близких, друзей, любящих? Сначала кажется, что это удовлетворяет потребности любви, но все эти люди, во-первых, несовершенны, во-вторых, изменяются, главное, умирают. Что же любить?

И ответ один: любить всех, любить начало любви, любить любовь, любить бога. Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоит понять это, и сразу уничтожается все зло человеческой жизни и становится явным и радостным смысл ее.

"Да, это хорошо бы было. Чего же лучше? -- скажут люди. -- Хорошо бы было любить и жить для любви, если бы все так жили. А то я буду жить для любви, отдавать все другому, а другие будут жить для себя, своего тела; что же будет со мною, да еще и не со мною одним, а с семьей, с теми, кого я люблю, не могу не любить? Разговоры о любви давно говорятся, да никто им не следует. Да и нельзя следовать. Отдать свою жизнь любви можно бы было только тогда, когда бы все люди сразу каким-то чудом переменили жизнь мирскую, телесную на жизнь духовную, божескую. Но чуда этого нет, а потому все это слова, а не дело". Так говорят люди, успокаивая себя в своей ложной, привычной жизни. Они говорят так, но в глубине души они знают, что они не правы. Они знают, что рассуждения эти неверны. Они неверны потому, что только для выгоды мирской, телесной жизни нужно, чтобы люди все сразу изменили свою жизнь; но не то для духовной жизни: любви, любви к богу и людям. Любовь дает благо человеку не в своих последствиях, а в самой любви, дает ему благо совершенно независимо от того, как поступают другие люди и что вообще совершается во внешнем мире. Любовь дает благо тем, что человек, любя, соединяется с богом и не только ничего не желает для себя, но желает отдать все, что имеет, и свою жизнь другим, и в этом отдавании себя богу находит благо. И потому все то, что делают другие люди, все то, что может совершиться в мире, не может иметь влияния на его поступки. Любить -- значит отдаться богу, делать то, чего хочет бог, а бог есть любовь, т. е. хочет блага всем и потому не может хотеть того, чтобы человек погибал, исполняя его закон.

Любящий человек, и один среди нелюбящих, не погибает. А если и погибает среди людей, как Христос погиб на кресте, то и смерть его и радостная для него и значительная для других, а не отчаянная и ничтожная, каковы бывают смерти мирских людей.

Так что отговорка о том, что я не отдаюсь любви потому, что не все сделают то же, и останусь один, и неправильная и нехорошая. Это -- то же, как если бы человек, которому нужно работать для того, чтобы кормить себя и детей, не брался бы за работу потому, что другие не работают.

Да, милые братья, положим нашу жизнь в усилении в себе любви и предоставим миру идти, как он хочет, т. е. как определено ему свыше. Поступим так, и поверьте мне, что мы получим наибольшее благо себе, сделаем все то добро людям, какое мы только можем сделать.

Ведь это так просто, так легко и так радостно. Только люби каждый человек, люби не одних любящих, а всех людей, особенно ненавидящих,

как учил Христос, и жизнь -- неперестающая радость, и все вопросы, которые заблудшие люди так тщетно пытаются разрешить насилием, не только разрешаются, а перестают существовать. "И мы знаем, что перешли от смерти в жизнь, если любим братьев. Не любящий брата не имеет жизни вечной. Только любящий брата своего имеет жизнь вечную, пребывающую в нем". Еще одно слово, милые братья. Ни про одно дело нельзя узнать, хорошо ли оно или дурно, если не испытал его на деле в жизни. Если земледельцу говорят, что хорошо сеять рожь рядами, или пчеловоду, что хорошо ульи делать рамочные, то разумный земледелец и пчеловод, чтобы верно узнать, правда ли, что ему говорят, сделает опыт и следует или не следует тому, что ему предлагали, смотря по тому, насколько он находит подтверждения в опыте.

То же и во всем деле жизни. Для того чтобы верно узнать, насколько применимы в жизни поучения о любви, испытайте их.

Попробуйте: возьмите на себя на известный срок следовать во всем требованиям любви: жить так, чтобы во всех делах прежде всего помнить, чтобы со всяким человеком, с вором, пьяницей, с грубым начальником или подчиненным, не отступить от любви, т. е., имея с ним дело, помнить о том, что нужно ему, а не себе. И, прожив так положенный срок, спросите себя: тяжело ли вам было и испортили ли вы себе или улучшили жизнь, и, смотря по тому, что даст вам опыт, решайте уже, правда ли то, что исполнение любви дает в жизни благо, или это только одни слова. Испытайте это, постарайтесь вместо того, чтобы отплатить злом за зло обидчику, вместо того, чтобы осудить за глаза человека, живущего дурно, и т. п., -- вместо этого постарайтесь отвечать добром на зло, ничего не сказать дурного о человеке, не обойтись грубо даже со скотиной, с собакой, а с добротой и лаской, проживите так день, два или больше (для опыта) и сравните ваше за это время душевное состояние с тем, какое бывало прежде. Испытайте это, и вы увидите, как вместо хмурого, сердитого и тяжелого состояния вы будете светлы, веселы, радостны. А живите так и другую и третью неделю, и вы увидите, как душевная радость ваша все будет расти и расти, и дела ваши не только не будут разлаживаться, а будут все только больше и больше спориться.

Только испытайте это, милые братья, и вы увидите, что учение о любви -- не слова, а дело, самое, самое близкое, всем понятное и нужное дело.

Л. Н. Толстой.

9-е декабря

Назначение человека -- служение всем, всем людям, а не такое служение одним, при котором неизбежно делание зла другим.

1

Для христианина любовь к отечеству стоит преградой для любви к ближнему. И как в древнем мире любовь к семье должна была быть принесена в жертву любви к отечеству, так в христианском мире любовь к отечеству должна уступить любви к ближнему.

2

Если неестественно ослепление людей, не старающихся узнать смысл своей жизни, то еще ужаснее ослепление верующих в бога и живущих дурно. Почти все люди находятся в том или другом ослеплении.

Паскаль.

3

Если человек потерял истинную природу, -- все, что угодно, делается его природой; точно так же, если потеряно истинное благо, -- все, что угодно, делается его благом.

Паскаль.

4

Последнее прибежище негодяя -- патриотизм.

Джонсон.

5

Патриотизм не добродетель: жертвовать своей жизнью ради отжившего суеверия государства не может быть нашей обязанностью.

Теодорус.

6

Патриотизм в наше время выставляется поводом оправдания и всякого общественного зла, и личной подлости. Человеку внушают, чтобы он ради блага своей страны отказался от всего, что делает страну его достойной уважения: ради патриотизма человек должен подчиниться всякому постыдному делу, которое, развращая честных людей, ведет к погибели весь народ.

Бичер.

7

Много злого совершают люди ради себялюбия, еще больше зла совершают они ради семьи; самые же ужасные злодеяния -- шпионства, поборы с народа и ужасные смертоубийства, войны -- совершаются людьми ради патриотизма, и совершающие их гордятся этими злодеяниями.

8

Проповедывать в наше время всемирного общения народов

исключительную любовь к своему народу и всегдашнюю готовность к войне с другим народом -- все равно что проповедовать в наше время среди мирных людей исключительную любовь к своей деревне и в каждой деревне собирать войска и строить крепости. Любовь к своему исключительному отечеству, которая прежде соединяла людей одной страны, в наше время, когда люди уже соединены путями сообщения, торговлей, промышленностью, наукой, искусством, а главное нравственным сознанием, уже не соединяет, а разъединяет людей.

9

Любовь к своему отечеству, так же как и любовь к своей семье, есть естественное свойство, но так же, как и любовь к семье, никак не может быть добродетелью, но может быть пороком, когда преступает те пределы, при которых нарушается любовь к ближнему.

Патриотизм до такой степени несвойственен людям нашего времени, что он может быть возбуждаем только внушением.

Это самое и делают правительства и те, которым патриотизм выгоден: они внушают его тем, которые уже не испытывают его и которым он невыгоден. Надо быть настороже против этого обмана.

10-е декабря

Один из самых обычных и ведущих к самым большим бедствиям соблазнов есть соблазн, выражаемый словами: "все так".

1

Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть

ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя быть ввержену в геенну огненную.

Мф. гл. 18, ст. 7--9.

2

Главным препятствием во всяком предстоящем полезном деле служит всегда соображение о том, что "мы не можем отказаться от нашего положения в свете".

Для большинства людей, пользующихся этой отговоркой, сохранить то положение, в какое они поставлены жизнью или "Провидением", значит сохранить все свои экипажи, всех своих лакеев, все те обширные дома, которые они имеют возможность оплачивать. Я же думаю, что если Провидение поставило их в подобного рода положение, что довольно сомнительно, то оно же и требует от них, чтобы они оставили это положение.

Положение Левия состояло в соборе податей; Петра -- быть рыбарем на Галилейском озере; Павла -- находиться в прихожей первосвященника. И все эти положения они оставили, потому что сочли это должным.

Джон Рёскин.

3

Если не поранена рука человека, он может коснуться змеиного яда, -- не опасен яд здоровой руке. Только для того безвредно зло, кто сам не творит злого.

Буддийская мудрость.

4

И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже.

Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое.

Мф. гл. 9, ст. 16--17.

5

Человек находится в большой опасности, когда он связал себя такими обязательствами с грехами, что освобождение от них мучительно. Сначала человеку стыдно сознаться в своем грехе, потом трудно развязаться с ним; потом делается то, что отказаться от грехов -- значит погубить себя в мнении света. Кто не остановится на первой ступени греха, дойдет до последней.

Бакстер.

6

Там, где представляются веши достойными нашего особого уважения, надо оголить их, снять с них все те слова, которыми их прославляют, потому что внешний блеск способен извращать разум. Потому что именно когда ты вполне уверен, что ты занят делами, заслуживающими твоего уважения, тогда-то ты и хуже всего обманут.

Марк Аврелий.

7

Было старцу искушение: мучился он мыслями о том, зачем попускает

бог зло в мире. И упрекал он за это бога.

И увидел он сон: видит он, что спускается ангел божий с неба и держит в руке светлый венок и оглядывает и ищет того на кого бы возложить его. И возгорелось сердце старца. И говорит он ангелу божию: "Чем заслужить светлый венок? Все сделаю, чтобы получить эту награду".

И говорит ангел: "Гляди сюда". И повернувшись, указал ангел перстом на северную сторону. И оглянулся старец и увидал великую черную тучу. Туча застилала половину неба и спустилась на землю. И вот раздвинулась туча, и стало видно великое полчище черных эфиопов, надвигавшихся на старца; позади же их всех стоял столь великий и страшный один эфиоп, что огромными ногами своими он стоял на земле, а косматой головой с страшными глазами и красными губами он упирался в небо.

"Поборись с ними, победи их, и на тебя возложу венок".

И ужаснулся старец и сказал: "Могу и буду бороться со всеми, но великий эфиоп, стоящий ногами на земле и упирающийся головой в небо, не по силам человеку. Не могу бороться с ним".

"Безумный! -- сказал ангел божий. -- Все мелкие эфиопы, с которыми ты не хочешь бороться из-за страха перед великим эфиопом, все эти мелкие эфиопы -- это малые людские страсти, и побороть их можно. Великий же эфиоп это и этих же малых людских страстей возникшее зло мира, то самое, за которое ты упрекал бога, и бороться с ним нет надобности -- он весь пустой. Побори страсти, и зло само собой исчезнет из мира".

Легенда.

8

Ложный стыд есть излюбленное орудие дьявола. Он больше достигает им, чем даже ложной гордостью. Ложной гордостью он только поощряет зло, а ложным стыдом останавливает добро.

Джон Рёскин.

Зла нет в мире. Все зло в нашей душе и может быть уничтожено.

11-е декабря

Из всех родов труда самый радостный -- это труд земледельческий.

1

Все народы в конце концов признают истину, давно уже постигнутую теми людьми, которые были их умственными руководителями, а именно ту, что первая добродетель человечества состоит в признании своего несовершенства и в подчинении законам высшего существа. "Прах ты и в прах возвратишься", есть первая истина, которую мы познаем относительно себя, а вторая заключается в том, чтобы возделывать землю, из которой мы взяты, что и составляет главную нашу обязанность. В этой работе и тех отношениях, которые она устанавливает между нами, животными и растениями, заключаются основные условия развития наших высших способностей и нашего величайшего благополучия. Без этой же работы немыслимы для человека ни мир, ни развитие его ума и духовных сил.

Джон Рёскин.

2

Кто покупает хлеб на базаре, того можно уподобить осиротевшему грудному ребенку: многие кормилицы кормят его, но ребенок все-таки голодает; кто же потребляет собственный хлеб, тот подобен ребенку, вскармливаемому грудью материнскою.

Талмуд.

3

Все рабочие и мастеровые люди возвратятся впоследствии к земледелию, как говорит писание.

"И сойдут с кораблей своих все владеющие веслом, все плавающие по морю... к земле пристанут" (Иезекииль 22, 27).

Талмуд.

4

Воистину самая лучшая пища та, которую вы сами или ваши дети заработали.

Магомет.

5

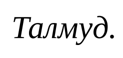
"В поте лица снеси хлеб твой". Это неизменный закон физический. Женщине дан закон родить, мужчине работать. Женщина не может освободиться от своего закона. *Если она усыновит не ею рожденного ребенка, это будет все-таки чужой ребенок, и она лишится радости материнства.* То же с трудами мужчин. Если мужчина ест хлеб, выработанный не им, он лишается всей радости труда.

Бондарев.

6

Большего уважения заслуживает живущий от трудов рук своих, чем тот, кто кичится одною своею богобоязненностью.

Стыдно человеку, когда ему советуют в трудолюбии подражать муравью; вдвойне стыдно, если он совету этому не следует.

Земледелие не есть одно из занятий, свойственных людям. Земледелие есть единственное занятие, свойственное всем людям и дающее наибольшую независимость и благо.

12-е декабря

Доброта побеждает все, а сама непобедима.

1

Против всего можно устоять, но не против доброты.

Руссо.

2

Не осуждение зла, а возвеличение добра устанавливает согласие и единение в личной и мировой жизни. Человек осуждает зло и творящего его, а это самое осуждение зла и тех, кто его делают, только содействует росту зла, тогда как пренебрежение к злу и забота только о благе уничтожают зло.

Люси Малори.

3

Если доброе дело имеет побудительную причину, оно уже не добро; если оно имеет своим предвидимым последствием награду, оно тоже не добро. Добро вне цепи причин и следствий.

4

Подобно тому как факелы и фейерверки бледнеют и делаются невидимыми при свете солнца, так и ум, даже гений, а равно и красота блекнут и затмеваются перед сердечной добротой.

Шопенгауэр.

5

Беспредельная нежность есть величайший дар и достояние всех истинно великих людей.

Джон Рёскин.

6

Самые нежные растения прокладывают себе путь через самую жесткую землю, через трещины скал. Так и доброта. Какой клин, какой молот, какой таран может сравниться с силой доброго, искреннего человека? Ничто не может противостоять ему.

Торо.

7

Где есть человек, там есть и случай сделать ему доброе.

Сенека.

8

Нам кажется, что мы любим тех, кто нам нравится, кто нас хвалит, делает нам добро, но это не любовь, а или пристрастие, или обмен выгоды: он нас хвалит, и мы его хвалим, он нам делает добро, и мы ему платим тем же. В таком чувстве нет ничего дурного, но это не истинная любовь, не любовь божеская. Любовью божеской, истинной мы любим только тогда, когда любим человека не за то, что он приятен нам или сделал нам доброе, а потому, что в нем, как и в каждом человеке, видим дух божий.

Только когда мы так любим людей, мы можем любить, как учил Христос, не одних любящих нас, а и дурных, вредных нам и всему миру людей, врагов наших. И такая любовь не только не уменьшается от того, что люди дурны и ненавидят нас, а, напротив, становится сильнее и прочнее. Она становится сильнее потому, что чем больше одержим человек злобою, тем нужнее ему любовь. Прочнее же такая любовь, чем любовь пристрастная и к любящим нас, потому, что никакие перемены в том, кого мы любим, не могут изменить ее.

Ответить добрым словом на злое, оказать услугу за обиду, подставить другую щеку, когда ударили по одной, есть верное и всегда для всех доступное средство укрощения злобы.

13-е декабря

Вера только тогда вера, когда дела жизни согласны с нею и ни в каком случае не противоречат ей.

1

Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: ты имеешь веру, а я имею дела; покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Посл. Иакова гл. 2, ст. 14 -- 18, 26.

2

Кто любит христианство более, чем истину, очень скоро полюбит свою церковь или секту больше христианства и неизбежно кончит тем, что будет любить только себя более всего на свете.

Кольридж.

3

В сущности, есть только одно средство почитания бога -- это исполнение своих обязанностей и поведение, сообразное с законами разума.

Лихтенберг.

4

Религиозные упражнения для славы людской или для внешнего вида святости не имеют цены и происходят от низших требований души. Покаяние и самоистязание или истязание других происходят из ложных

учений. Покаяние для тела -- это целомудрие. Покаяние для речи -- это то, чтобы говорить всегда правду и с добротою. Покаяние для мысли -- это то, чтобы владеть собою, очищать душу и быть расположенным к добру.

Магабарата.

5

Поступай днем так, чтобы ночью твой сон был спокоен, а в молодости так, чтобы старость твоя была спокойна.

Индийская поговорка.

6

Тот, чья вера слаба, не может и в других возбудить веры.

Лао-Тсе.

7

У кого религия на втором месте, у того ее совсем нет. Бог совместим со многим в сердце человека, но несовместимо одно, чтобы он был в сердце на втором месте. Тот, кто отводит ему второстепенное место, -- не отводит никакого.

Джон Рёскин.

8

Конечная цель жизни человека и всего мира не может быть понятна для него как для работника, доставляющего строительные материалы для постройки, не может быть понятна ни форма, ни назначение строящегося здания. Но человек может знать и знает, что то, в созидании чего он участвует, есть нечто разумное, прекрасное и нужное для него и для всего мира. В этом вера.

Не верьте словам ни своим, ни чужим, верьте только делам и своим и чужим.

14-е декабря

Душа человеческая однородна с божеством.

1

Человек приобщается богу настолько, насколько бог уже живет в нем, и, как говорит Ангелус, мистический поэт 17 века, тот глаз мой, которым я вижу бога, есть тот самый глаз, которым бог видит меня.

Амиель.

2

Душа человека -- светильник бога.

Талмуд.

3

Услышали раз рыбы в реке, что люди говорят, что рыбы могут жить только в воде. И, услыхав это, рыбы очень удивились и стали спрашивать друг у друга, не знает ли кто, что такое вода. Тогда одна умная рыба сказала: "Говорят, в море живет старая мудрая и ученая рыба, она все знает, поплывем к ней и спросим у нее, что такое вода". И вот поплыли рыбы в море к тому месту, где жила мудрая рыба, и спросили ее, что такое вода и как узнать ее. И старая мудрая рыба сказала:

"Вода -- это то, чем мы живем, в чем живем. Вы оттого и не знаете воды, что живете в ней и живете ею".

Так и люди не знают бога, тогда как -- живут им и живут в нем.

Суфи.

4

Для того, кто поднимается мыслью на небо, всегда будут ясные дни: над облаками всегда сияет солнце.

5

Дух божий охватывает наши души, проникает в них. Мы не видим его, потому что он слишком близок нам. И он близок нам не только для того, чтобы мы познавали его, но чтобы он действовал на нас, влиял на нас, сообщал нам свою божественность. В этом великий отеческий дар бога.

Чаннинг.

6

Если ты чего-нибудь желаешь, чего-нибудь боишься, то это значит, что ты не веруешь в того бога любви, который есть в тебе. Если бы ты верил в него, то ничего не мог бы желать, потому что все желания того бога,

который живет в тебе, всегда исполняются, а ничего не боялся бы потому, что для бога ничего не страшно.

7

Природа души так глубока, что, как бы мы ни пытались узнать ее, мы никогда не будем в состоянии определить ее.

Гераклит.

8

Если сравнивать наши силы с силами природы, мы -- ничтожные игрушки судьбы. Но если мы, вместо того чтобы сравнивать себя с вещественным творением, узнали в себе душу творца, мы сознаем себя несоизмеримыми со всем вещественным миром и единородными со всемирным духом.

По Эмерсону.

Что бы ни постигло тебя, ты не можешь быть несчастлив, сознавая свое единство с богом.

15-е декабря

Правда сама по себе не есть добродетель, но она необходимое условие всего доброго.

1

Есть ложь сознательная, когда человек знает, что он говорит неправду, но он говорит ее потому, что она ему выгодна, и есть ложь невольная, когда человек и желал бы, но не умеет сказать правду.

2

Только заблуждение нуждается в искусственной поддержке. Истина может стоять одна.

3

Все блага -- ничто пред благом истины; все сладости -- ничто пред сладостью истины; блаженство истины безмерно превосходит все радости.

Буддийская мудрость.

4

Человек не может быть вполне правдив, потому что в нем всегда борются, усиливаются и ослабевают самые различные и противоположные стремления, и точно выразить их человек бывает не в силах.

5

Заблуждения держатся лишь некоторое время, истина же остается всегда тем, чем была, и после всех нападок, затемнений, уловок, софизмов, уверток и всякой лжи.

6

Надо постоянно учиться делать, говорить и думать правду. Только тот,

кто начнет учиться этому, поймет, как мы далеки от правды.

7

Вредна ложь во всех житейских делах: продать старое за свежее, порченое за целое, обещать отдать долг и знать, что не отдашь, и т. п., но всякая такая ложь -- ничто перед ложью в делах духовных: выдавать за бога то, что не есть бог, уверять в спасительности для души того, что не дает блага душе, выдавать за грех и худое то, что праведно и добро и т. п. В таких делах -- главное зло неправды.

Нет человека безгрешного и нет человека вполне правдивого. Разница между людьми не в том, что один вполне безгрешен и правдив, а другой -- весь грешен и лжив, а в том, что один стремится к наибольшей безгрешности и правдивости, а другой не стремится к этому.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ГАРРИСОН И ЕГО "ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ"

Гаррисон как человек просвещенный светом христианства, начав с практической цели -- борьбы с рабством, -- очень скоро понял, что причина рабства не случайное, временное завладение южанами несколькими миллионами негров, но давнишнее и всеобщее, противное христианскому учению признание права насилия одних людей над другими. Поводом к признанию этого права всегда было то зло, которое люди считали возможным искоренить или уменьшить грубой силой, т. е. злом же. И, поняв это, Гаррисон выставил против рабства не страдания рабов, не жестокости владельцев, не гражданскую равноправность людей, а вечный христианский закон непротивления злу насилием, non resistance. Гаррисон понимал то, чего не понимали самые передовые борцы против рабства: что единственным неопровержимым доводом против рабства было отрицание права одного человека на свободу другого при каких бы то ни было условиях. Аболюционисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращает людей и т. п., но сторонники

рабства столь же основательно доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения. И ни те, ни другие не могли убедить друг друга. Гаррисон же, понимая, что рабство негров было только частным случаем всеобщего насилия, выставил общий принцип, с которым нельзя было не согласиться, -- тот, что ни один человек ни под каким предлогом не имеет права властвовать, т. е. употреблять насилие над себе подобными. Гаррисон не столько настаивал на праве рабов быть свободными, сколько отрицал право какого бы то ни было человека или собрания людей принуждать к чему-нибудь силою другого человека. Для борьбы с рабством он выставил принцип борьбы со всем злом мира.

Выставленный Гаррисоном принцип этот был неопровержим, но он затрагивал, разрушал все основы установившегося порядка, и потому люди, дорожащие своим положением при существующем порядке, испугались провозглашения и тем более приложения к жизни этого принципа, старались замолчать, обойти его, надеялись достигнуть своей цели без провозглашения и приложения к жизни принципа непротивления насилию, разрушающего, как им казалось, всякое благоустройство человеческой жизни. И последствием этого уклонения от признания незаконности насилия была та братоубийственная война, которая, решив вопрос внешним образом, внесла новое, едва ли не большее зло развращением, сопутствующим всякой войне, в жизнь американского народа. Сущность же вопроса осталась неразрешенной, и тот же вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединенных Штатов. Тогда вопрос был в том, как освободить негров от насилия рабовладельцев; теперь вопрос в том, как освободить негров от насилия всех белых и белых от насилия черных.

И разрешение этого вопроса в новой форме совершится, конечно, не линчеванием негров и не какими-либо искусными и либеральными мерами американских политиков, а только приложением к жизни того же принципа, который полвека тому назад был провозглашен Гаррисоном.

Хотят или не хотят этого люди, только во имя этого принципа могут освободиться люди от порабощения и угнетения друг друга. Хотят или не хотят этого люди, принцип этот лежит в основе всех совершившихся и имеющих совершиться истинных усовершенствований в жизни людей. Людям кажется, что приложение принципа непротивления к жизни во всей его полноте сразу уничтожает все столь дорого стоившее или с таким трудом установленное устройство этой жизни; но люди забывают, что принцип непротивления не есть принцип насилия, а -- согласия и любви, и потому не может быть сделан обязательным для людей. Принцип этот может только быть свободно принят. И в той мере, в которой он свободно принимается людьми и прилагается к жизни, только в той мере и

совершается истинный прогресс в жизни людей.

Гаррисон первый провозгласил этот принцип, как правило для устройства жизни людей, и в этом его великая заслуга.

Если он тогда и не достиг мирного освобождения рабов в Америке, он указал на путь освобождения всех людей вообще от власти грубой силы.

Л. Н. Толстой.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА

Бостон 1838 г.

Мы не признаем никакого человеческого правительства. Мы признаем только одного Царя и Законодателя, только одного Судью и Правителя над человечеством. Отечеством нашим признаем весь мир, соотечественниками своими признаем все человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. Поэтому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесенный нашему народу.

Проповедуемое церквами положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы богом и что все власти, существующие в Соединенных Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. И потому деятельность этих властей не может быть приятна богу, и потому и власти эти не могли быть установлены богом и должны быть низвергнуты -- не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаем нехристианскими и незаконными не только самые войны --

как наступательные, так и оборонительные, -- но и все приготовления к войнам: устройство всяких арсеналов, укреплений, военных кораблей; признаем нехристианским незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в честь побед или павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоении, совершенных военной силой; признаем нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занимание должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всяких земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не; вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возвратить взятое у нас. Мы считаем, что мы обязаны отдать и кафтан тому, кто взял нашу рубашку, но никак не подвергать его насилию (Мф. 5, 40).

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб, отменен Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуется прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насилием деньги, запирать в тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтобы защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствие и частное благо людей, так для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротивления злу злом, твердо веруя, что это учение, отвечая всем возможным случайностям и выражая волю бога, в конце концов должно восторжествовать над всеми злыми силами.

Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится бога и не

уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротивления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут и насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением наказаниям, имеющим быть наложенными на нас за неповиновение. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас нападения, мы между тем, с своей стороны, намерены, не переставая, нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство Господа нашего Иисуса Христа. Мы считаем несомненной истиной то, что все то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копья на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших.

Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти -- все это может соединиться, чтобы уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего господа. Если мы отказались от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергаемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы предаем души свои богу, веруя тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев, и сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную.

Итак, твердо веруя, несмотря на все, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всем мире основ, выраженных в этом "Провозглашении", мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу Божью, которой и вручаем себя.

16-е декабря

Только увеличение любви между людьми может изменить существующее общественное устройство.

1

Существа уничтожают друг друга, но в то же время существа любят и помогают друг другу. Жизнь поддерживается не страстью разрушения, а чувством взаимности, которое на языке нашего сердца называется любовью. Насколько я могу видеть развитие жизни мира, я вижу в нем проявление только этого закона взаимной помощи. Вся история есть не что иное, как все более и более ясное обнаружение этого единственного закона взаимного согласия всех существ.

2

Любовь опасное слово. Во имя любви к семье совершаются злые поступки, во имя любви к отечеству еще худшие, а во имя любви к человечеству самые страшные ужасы. Что любовь дает смысл жизни человеческой -- давно известно, но в чем любовь? Этот вопрос, не переставая, решается мудростью человечества и решается всегда отрицательным путем: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило под фирмой любви, не есть любовь.

3

Любовь даст новый вид этому усталому, старому миру, в котором мы живем, как язычники и враги друг друга; она согреет сердце так, что люди скоро увидят, как легко исчезнут и тщетная дипломатия государственных людей, и огромные армии, и флоты, и линии крепостей, и люди только будут удивляться, зачем так долго предки их трудились над этими ни на что не нужными, дурными делами.

Эмерсон.

4

Сила любви в приложении к великим интересам человеческих обществ стала устаревшей и забытой. Раз или два в истории она прилагалась и всегда с великим успехом. Но придет время и любовь станет общим законом жизни людей, и исчезнут все те бедствия, от которых теперь страдают люди, растают во всеобщем свете солнца.

Эмерсон.

5

Если можно внушать и внушается уважение к воображаемым святыням: причастиям, мощам, книгам, то во сколько раз нужнее внушать детям и малодумающим людям уважение не к чему-либо воображаемому, но к самому действительному, и всем понятному, и радостному чувству любви людей к людям.

И придет время, то самое время, про которое говорил Христос, что он томится в ожидании его, -- придет время, когда люди будут гордиться не тем, что они завладели силой людьми и их трудами, и радоваться не тому, что они внушают страх и зависть людям, а гордиться тем, что они любят всех, и радоваться тому, что, несмотря на все огорчения, причиняемые им людьми, они испытывают это чувство, освобождающее их от всего дурного.

6

Среди китайских мудрецов был один, Ми-ти, который предлагал правителям внушать людям не уважение к силе, к богатству, власти, храбрости, а к любви. Он говорил: "Воспитывают людей так, чтобы они ценили богатство, славу -- и они ценят их. Воспитывайте их так, чтобы они любили любовь -- и они будут любить любовь". Мен-дзе, ученик Конфуция, не соглашался с ним и опровергал его, и учение Ми-ти не восторжествовало. Но прошло 2000 лет, и это учение должно осуществиться у нас в христианском мире после того, как будет откинуто все то, что заслоняло от людей лучи света истинного христианства, проповедующего это самое.

7

Есть один несомненный признак, разделяющий поступки людей на добрые и злые: увеличивает поступок любовь и единение людей -- он хороший; производит он вражду и разъединение -- он дурной.

Время согласия, прощения и любви, которое должно заменить время раздора, войн, казней и ненависти, не может не наступить, потому что люди знают уже, и несомненно знают, что ненависть губительна как для души, так и для тела, как для личности, так и для общества, а что любовь дает и внутреннее и внешнее благо и каждому человеку, и всем людям.

Время это приближается. От нас зависит делать все то, что приблизит его, и удерживаться от того, что отдаляет его.

17-е декабря

То, что мы сознаем себя существами, отделенными от других, и другие существа отделенными от себя и друг от друга, есть представление, вытекающее из условий жизни во времени и пространстве. Чем более уничтожается эта отделенность, тем более мы признаем свое единство со всеми живыми существами и тем легче и радостнее становится наша жизнь.

1

Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу?

И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу?

Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?

Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам:

вы мне не нужны.

Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее.

Посему страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.

1 Коринф, гл. 12, ст. 14-17, 21, 22, 26.

2

Ветвь, отрезанная от своего сука, тем самым отделилась и от целого дерева. Человек при раздоре с другим человеком отрывается от всего человечества. Но ветвь отсекается посторонней рукой, человек же сам отчуждает себя от ближнего своего ненавистью и злобой, не ведая, правда, что он тем самым отрывает себя от всего человечества. Но божество, призвавшее людей, как братьев, к жизни общей, одарило их свободой после раздора снова примириться между собою.

Марк Аврелий.

3

Бог, сотворивши небо и землю, которые не чувствуют счастья своего существования, захотел сотворить существа, которые сознавали бы это счастье и составляли бы тело из мыслящих членов. Все люди -- члены этого тела; для того чтобы быть счастливыми, они должны сообразовать свою волю со всеобщею волею, управляющей всем телом. А между тем человек часто думает, что он -- все; не видя тела, от которого он зависит, думает, что он зависит только от самого себя, и хочет самого себя сделать центром и телом. Но в этом положении человек подобен члену, отделенному от своего тела, который, не имея в себе начала жизни, только блуждает и удивляется непонятности своего существа. Когда же наконец человек доходит до понимания своего назначения, он как бы возвращается к себе, сознает, что он не все тело, а только член всеобщего тела, что быть членом значит иметь жизнь только через жизнь и для жизни всего тела, что член, отделенный от своего тела, имеет только умирающую и гибнущую жизнь, и что любить себя надо только для этого тела или, вернее сказать,

что надо любить только это всеобщее тело, потому что, любя его, любишь себя, так как жизнь только в нем и через него.

Чтобы определить ту любовь, какую надо иметь к себе, надо представить себе тело, составленное из мыслящих членов, потому что мы члены всего, и решить, как должен любить себя каждый отдельный член.

Тело любит руку, и рука, если бы имела волю, должна бы любить себя, как ее любит тело. Всякая любовь больше этой незаконна. Если бы руки и ноги имели свою особенную волю, они были бы в порядке, только если бы подчинялись телу; вне этого они в беспорядке и бедствии, желая же блага телу, они достигают своего блага.

Члены нашего тела не чувствуют счастья своего соединения, своего удивительного согласия, не чувствуют того, как заботилась природа, внушив им дух согласия, заставить их расти и существовать. Если же бы они, получивши разумение, воспользовались им для того, чтобы удерживать в себе получаемую пищу, не передавая ее другим членам, они были бы не только несправедливы, но и несчастны, не любили бы друг друга, а, скорее, ненавидели бы: так как их блаженство, так же как и обязанность, -- в согласии с деятельностью общей души, к которой они принадлежат и которая любит их больше, чем они сами себя.

Паскаль.

Сознание единства нашего существа со всеми другими проявляется в нас любовью. Любовь есть расширение своей жизни. Чем больше мы любим, тем обширнее, полнее и радостнее становится наша жизнь.

18-е декабря

Человечество не переставая совершенствуется, и совершенствуется не само собой, а теми усилиями, которые делают люди для своего личного совершенствования. Царство божие устанавливается усилиями.

1

Ирод -- это человек власти, самоуправства, человек особой природы, который другим не обязан ничем, но которому все обязаны, царь прошлого, которого свергнет с престола царь будущего. Уже в первом известии о рождении этого царя будущего он слышит угрозу. Что же он делает? Сперва он хитрит и притворяется. За ложью следует убийство. Он без разбора совершает множество убийств, он убивает детей, еще сосущих материнское молоко, ибо он страшится ребенка, неизвестного ребенка. Для того чтобы его уничтожить наверное, у него нет иного средства. Поэтому пусть все умирают, лишь бы он погиб. Однако он не погибает. Царь грядущего будет жить для того, чтобы бороться с царем прошлого. Это будет долгая борьба, она будет продолжаться из века в век, от Ирода к Ироду, среди страданий, плача и крови, среди крови детей и отцов, среди плача матерей и страданий всех. Но эти бедствия да не смущают вас; не падайте духом, мужайтесь, боритесь постоянно, неослабно, без страха и без сомнения, ибо царь грядущего восторжествует.

Ламенэ.

2

Часто слышишь рассуждения о том, что все усилия для изменения жизни, искоренения зла и установления справедливой жизни -- бесполезны, все это сделается само собой, прогресс сделает все. Люди плыли на веслах, но гребцы доехали и вышли на берег, оставшиеся же в лодке путешественники не берутся за весла, предполагая, что, как прежде двигалась лодка, она будет двигаться и теперь.

3

Здесь, на земле, нет и не должно быть покоя. Жизнь -- это стремление к цели, к которой можно приблизиться, но которой немыслимо достигнуть, поэтому здесь и нет покоя. Покой безнравственен. Я не решаюсь указать, в чем заключается эта цель; но какова бы она ни была, она есть или должна быть. Без нее жизнь бессмыслица; допустить это -- значит отрицать бога; мало того, это значило бы признать жизнь злой и глупой шуткой.

Иосиф Мадзини.

4

Вся история подтверждает ту неоспоримую истину, что бога можно постичь не рассуждениями, а повиновением, что присутствие вечного порядка в мире становится очевидно лишь при подчинении этому порядку и что только этим путем мы можем на земле познать его волю.

Джон Рёскин.

5

Только мы одни можем внести справедливость в жизнь мира. Природные силы без нас ничего не могут сделать. Если человечество, как совокупность сознательных существ, не сделает этого, никто не сделает.

Гижицкий.

6

Если мы будем признавать то, что вещи не могут быть иными, чем они есть, мы делаемся участниками той силы, которая удерживает мир в его прежнем состоянии.

Если же мы не покоряемся, мы становимся частью тех сил, которые изменяют вещи.

Сольтер.

7

Большинство людей живет не думая; большинство людей так расточает свои силы в борьбе за существование, что у них не остается времени, чтобы подумать, они просто принимают то, что есть, за то, что должно быть. Вот почему бывает так трудна задача общественного реформатора и так тяжел его путь. Вот почему на людей, впервые поднимающих свой голос на защиту какой-либо великой истины, обрушиваются насмешки высших классов и проклятия черни, почему их гонят и мучают, одевают во власяницы и украшают терновыми венцами.

Генри Джордж.

Как ни незаметно и ничтожно твое участие в общем изменении к лучшему жизни мира, оно необходимо, потому что из таких ничтожных, незаметных усилий множества слагается все то движение к благу, которым ты пользуешься. И потому не фальшивь, а натягивай постромки, хотя никто и не видит и не погоняет.

19-е декабря

Истинное благо всегда в наших руках. Оно, как тень за предметом, следует за доброй жизнью.

1

Все, что может нас сделать лучше и счастливее. Бог поставил прямо перед нами или близко от нас.

Сенека.

2

Нет такого крепкого и здорового тела, которое никогда не болело бы; нет таких богатств, которые не пропадали бы; нет такой высокой власти, под которую не подкапывались бы. Все это тленно и скоропреходяще, и человек, положивший жизнь свою во всем этом, всегда будет беспокоиться, бояться, огорчаться и страдать. Он никогда не достигнет того, чего желает, а впадет в то самое, чего хочет избегнуть.

Одна только душа человеческая безопаснее всякой неприступной крепости. Почему же мы всячески стараемся ослабить эту нашу единственную твердыню? Почему занимаемся такими вещами, которые не могут доставить нам душевной радости, а не заботимся о том, что одно только и может дать покой нашей душе?

Мы все забываем, что если совесть наша чиста, то никто не может нам повредить, и что только от нашего неразумия и желания обладать внешними пустяками происходят всякие ссоры и вражды.

Эпиктет.

3

Тот, кто положил жизнь свою в духовном совершенствовании, не может быть недоволен, потому что то, чего он желает, всегда в его власти.

Паскаль.

4

Счастье, истинное счастье есть сама добродетель.

Спиноза.

5

Деятельность людей, не понимающих истинной жизни, всегда направлена на приобретение наслаждений, на избавление себя от страданий и на удаление от себя неизбежной смерти.

Но желание наслаждений усиливает напряженность борьбы, усиливает чувствительность к страданиям и приближает смерть. С целью скрыть от себя приближение смерти такие люди знают только одно средство: все больше увеличивать наслаждения. Но наслаждениям есть граница, дальше которой они переходят в страдания и страх все более и более приближающейся смерти.

Для людей, не понимающих жизни, главная причина этих страданий кроется в том, что они считают наслаждением то, что не может быть равномерно распределено между всеми людьми и должно быть отнимаемо у других силой. Отнимание же у других силою того, что им нужно, уничтожает возможность того благоволения ко всем, того состояния любви, которое одно дает истинно благо людям.

И потому чем напряженнее деятельность, направленная на достижение таких наслаждений, тем невозможнее становится единственное благо, доступное человеку, -- любовь.

6

Есть два рода счастливого душевного состояния: 1) спокойствие духа (чистая совесть); 2) всегда веселое сердце. Первое создается под условием, что человек не сознает за собою никакой вины, ясным представлением ничтожества земных благ, второе -- дар природы.

Кант.

7

Сделать возможно лучшим каждое мгновение жизни, из какой бы руки судьбы, благоприятной или неблагоприятной, оно нам ни выпадало на долю, это и есть искусство жизни и истинное преимущество разумного существа.

Лихтенберг.

8

Самые надежные и чистые радости человеческой жизни достигаются без душевных треволнений и вспоминаются без угрызений совести

Джон Рёскин.

Тот, кто говорит, что, делая добро, он чувствует себя несчастным, тот или не верит в бога, или то, что он делает и считает добром, не есть добро.

20-е декабря

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление царства божия, но истина христианства -- как огонь в костре, заглушенный на время наваленным сырым хворостом, который уже высушил сырые прутья, начинает охватывать их и выбиваться наружу. Истинное значение христианства теперь уже видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

1

Нужно высвободить ту религию, которую исповедывал Иисус, от той религии, предмет которой есть Иисус. И когда мы узнаем состояние сознания, составляющего основную ячейку и начала вечного Евангелия, надо будет держаться его.

Как жалкие плошки деревенской иллюминации или маленькие свечи процессий потухают перед великим чудом света солнца, так же потухнут ничтожные, местные, случайные и сомнительные чудеса перед законом жизни духа, перед великим зрелищем человеческой истории, руководимой богом.

Амиель.

2

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас: проповедующую то, что человек может любить добро без мысли о награде, то, что божественное начало живет в человеке.

Сольтер.

3

То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век, для того чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, -- это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникает на развалинах старых изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок, так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности.

Человечество повторяет в разных выражениях и различных степенях слова молитвы господней: "да приидет царствие твое на земле, как и на небе".

Мадзини.

4

Есть люди, которые любят только себя, это люди ненависти, потому что любить только себя значит ненавидеть других.

Есть люди гордости, которые не могут переносить себе равных и всегда

хотят повелевать и властвовать.

Есть люди корысти, которые требуют золота, почестей, наслаждений и никогда не бывают насыщены.

Есть люди грабители, которые высматривают слабого, чтобы силою или хитростью обобрать его, и рыскают около дома вдовы и сироты.

Есть люди убийства, которые полны мыслями насилия. Они говорят: вы наши братья и убивают тех, которых называют своими братьями, как только подозревают их в противодействии их замыслам, и их кровью пишут свои законы.

Есть люди страха, которые трепещут перед злым и целуют его руку, надеясь этим избегнуть его угнетения.

Все эти люди разрушают мир, безопасность и свободу на земле.

Но что бы могли сделать эти угнетатели народов, если бы они были предоставлены самим себе без поддержки народа?

Если бы для того, чтобы держать народ в рабстве, они пользовались только помощью тех, которым выгодно рабство, что бы значило это малое число против целых народов?

Премудрость божия так устроила мир, чтобы люди всегда могли противодействовать деспотизму, и деспотизм был бы невозможен, если бы люди понимали премудрость божию.

Но владыки мира противопоставили премудрости божией премудрость князя мира сего -- дьявола, и дьявол, царь угнетателей народов, научил их адской хитрости, для того чтобы утвердить их деспотизм.

Он сказал им: "Вот что надо делать. Возьмите в каждой семье молодых людей самых сильных, дайте им оружие и научите их действовать им, и они будут сражаться против своих отцов и братьев, потому что я внушу им, что в этом их слава. Я сделаю им двух идолов, которые назовутся честью и верностью и закон которых будет называться беспрекословным послушанием. И они будут обожать этих идолов и слепо подчиняться этому закону, потому что я извращу их ум, и вам нечего будет бояться".

И угнетатели народов сделали то, что им сказал дьявол, и дьявол сделал то, что обещал угнетателям народов.

И вот люди из народа подняли руку против своих, чтобы избивать своих братьев и заточать своих отцов и даже забывать про тех, которые носили их под сердцем. И когда им говорили: "Во имя всего святого, подумайте о несправедливости и жестокости того, что вам приказывают", они отвечали: "Мы не думаем, мы повинуемся".

И когда им говорили: "Разве у вас нет любви к вашим отцам, матерям, братьям?", они отвечали: "Мы не любим, мы повинуемся".

И когда им говорили про бога и Христа, они говорили: "Наши боги -- это верность и честь".

Истинно говорю вам: не было соблазна, более ужасного этого.

Но соблазн этот приходит к концу.

Еще немного, и дьявол исчезнет вместе с угнетателями народов.

Ламенэ.

5

Нельзя надеяться увидать пришествие царства божия, но не надо сомневаться в том, что оно придет. Оно не переставая придвигается.

Не думай, чтобы церковное христианство было неполным, односторонним, формальным христианством, но все-таки христианством. Не думай так: церковное христианство не только не христианство, но самый злой враг истинного христианства. Это церковное христианство стоит теперь по отношению к истинному христианству, как преступник, пойманный на месте преступления. Ему только два выхода: или уничтожить само себя, или совершать все новые и новые преступления. И как ни безнадежно его положение, оно все еще продолжает свою ужасную, преступную деятельность.

21-е декабря

На высшей точке своего сознания человек одинок. Одиночество это бывает странно, непривычно и кажется тяжело. Неразумные люди спасаются от тяжести сознания этого одиночества рассеяниями и тотчас же спускаются с этой высшей точки на низшую; разумные люди удерживают себя на этой высоте молитвою.

1

Отношение к богу, то, которого он хочет от нас, это постоянное

исполнение в жизни его воли. Но интересы жизни, наши страсти постоянно, всякую минуту отвлекают нас от этого. И вот, сознав это, мы прибегаем к внешнему, словесному выражению своего отношения к богу, к молитве, стараясь вызвать в себе живое сознание своей зависимости от бога. Такая молитва напоминает нам наши грехи, наши обязанности и спасает от соблазнов, если мы в минуты соблазнов успеваем вызвать в себе молитвенное настроение.

2

Личность есть ограничение, и потому бог, как бы его ни понимали, не есть личность. Молитва же есть обращение к богу.

Как же обращаться к безличному?

Астрономы знают, что движутся в их поле зрения не звезды небесного свода, но земля, на которой они стоят с своей обсерваторией и трубой, а между тем записывают не движение земли, а движение звезд. Нельзя иначе. Точно то же и в молитве. Бог не личность. Но я личность, и потому я иначе не могу выразить свое отношение к богу, как к богу личному, хотя и знаю, что он не может быть личностью.

3

Человек, безнадежно заваленный в шахте, замерзающий во льдах, с голоду умирающий в море или в одиночном заключении или просто умирающий, оглохший и ослепший, чем стал бы жить остаток своей жизни такой человек, если бы не было молитвы?

4

Как хорошо бывает человеку, когда он истомится в напрасных поисках за благом в мирской жизни и протянет, усталый, свои руки к богу.

Паскаль.

Можно жить без молитвы только тогда, когда или страсти вполне завладеют человеком, или когда вся жизнь его есть служение богу. Но для человека, борющегося со страстями и еще далекого от исполнения того, что он считает своим долгом, молитва есть необходимое условие жизни.

22-е декабря

Ничто не препятствует столько улучшению общественного устройства, как предположение о том, что такое улучшение может быть достигнуто изменением внешних форм. Ложное предположение это направляет деятельность людей на то, что не может содействовать и отвлекает от того, что может содействовать улучшению жизни людей.

1

Общественная жизнь опирается на сознание, а не на науку. Цивилизация -- прежде всего дело нравственное. Если нет честности, нет уважения к праву, нет уважения к обязанностям, нет любви к ближнему -- словом, если нет добродетели, все находится в опасности, все рушится: и ни науки, ни искусства, ни роскошь, ни промышленность, ни риторика, ни полиция, ни таможня не в состоянии задержать висящее на воздухе здание, не имеющее основания. Государство, основанное только на расчете и скрепленное страхом, представляет сооружение и гадкое и непрочное. Только нравственность масс есть прочный фундамент всякой цивилизации; краеугольным камнем его служит долг. Те, которые в тиши исполняют его, подавая этим добрый пример, являются таким образом спасением и поддержкой того блестящего света, который и не знает о них. Девять праведников могли спасти Содом, но нужны тысячи и тысячи добрых людей, чтобы спасти народ от развращения и погибели.

Амиель.

2

Истинное направление мысли состоит не в том, чтобы установить новые законы для светской или духовной власти, а в том, чтобы признать нравственное достоинство каждого человека. Такое направление мысли будет содействовать прогрессу человечества несравненно более, чем все несчастные попытки слепых предводительствовать слепыми, при которых все они падают в яму догматов и авторитетов.

Иатс.

3

Вопрос состоит совсем не в том, что из двух выбирать: христианство или социализм?

Нельзя даже и сравнивать эти два учения между собою, -- настолько они различны по существу.

Христианство учит о вечном смысле всего мироздания, о божественности и потому о неуничтожаемости нашей духовной сущности, о назначении человека и, между прочим, о вытекающем отсюда правильном способе удовлетворения материальных нужд его.

Социализм же есть сравнительно с христианством небольшой второстепенный вопрос о материальных нуждах рабочего класса, стоящий вне связи с главным вопросом о смысле человеческой жизни.

Можно задаваться вопросами о совместимости христианства с социализмом, но нельзя задаваться вопросом о том, что из двух выбирать: христианство или социализм?

Феодор Страхов.

4

Анархисты правы во всем: и в отрицании существующего, и в утверждении того, что при существующих нравах ничего не может быть хуже насилия власти; но они грубо ошибаются, думая, что анархию можно установить революцией. Анархия установится, но установится только тем, что все больше и больше будет людей, которым будет не нужна защита

правительственной власти, и все больше и больше людей, которые будут стыдиться прилагать эту власть или принимать в ней участие.

5

Я думаю, что мы прежде всего должны быть людьми, а уже потом подданными. Нежелательно воспитывать в себе уважение к закону такое же, как к добру. Закон никогда не делал людей более справедливыми, а, напротив, вследствие уважения к закону хорошие люди делаются исполнителями несправедливости.

Торо.

6

Мы, люди, должны понимать, что все мы -- дети одного отца, призванные выполнять здесь, на земле, один общий закон; что каждый из нас должен жить не для себя, а для других; что цель жизни не в том, чтобы быть более или менее счастливым, а чтобы самому становиться и другим помогать быть более добродетельными; что бороться против несправедливости и заблуждения всюду, где бы мы их ни встречали, есть не только наше право, но и наша обязанность, -- обязанность всей нашей жизни, пренебрегать или нарушать которую мы не можем, не впадая в тяжелый грех.

Иосиф Мадзини.

7

Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым заставляют людей подчиняться насильно. Казалось бы, что иначе как без насилия и не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом.

Социальная задача не знает границ.

Виктор Гюго.

Признавая ложные и насильнические законы и подчиняясь им, нельзя не только установить правду, но и уменьшить неправду.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ПОВРЕЖДЕННЫЙ

Когда я пришел в гостиницу, на дворе уже было очень жарко, я сел на балконе. Перед глазами тянулась длинной ниткой обожженная солнцем дорога; она шла у самого моря, по узенькой нарезке, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонки вина, осторожно переступая с ноги на ногу; медленное шествие их нарушилось дорожной каретой, почтальон хлопал бичом и кричал, мулы жались к скалистой стене, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась под балконом, на котором я сидел. Почтальон соскочил с лошади и стал откладывать; толстый трактирщик в фуражке национальной гвардии отворил дверцы и два раза приветствовал княжеским титулом сидевших в карете, прежде нежели слуга, спавший на козлах, пришел в себя и, потягиваясь, сошел на землю.

"Так спят на козлах и так аппетитно тянутся только русские слуги", подумал я и пристально посмотрел на его лицо, русые усы, сделавшиеся светло-бурыми от пыли, широкий нос, бакенбарды, пущенные прямо в усы на половине лица, и особый национальный характер всех его приемов убедили меня окончательно, что почтенный незнакомец был родом из какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Как ни

философствуй и ни клевещи на себя, но есть что-то шевелящееся в сердце, когда вдруг неожиданно встречаешь в дальней дали своих соотечественников. Между тем из кареты выскочил человек лет тридцати с сытым, здоровым и веселым видом, который дает беззаботность, славное пищеварение и не излишне развитые нервы. Он посадил на нос верховые очки, висевшие на шнурке, посмотрел направо, посмотрел налево и с детским простодушием закричал спутнику в карете:

-- Чудо какое место, ей-богу, прелесть! Вот Италия, так Италия, небо-то, небо синее, яхонт! Отсюда начинается Италия!

-- Вы это шестой раз говорите с Авиньона, -- заметил его товарищ усталым и нервным голосом, медленно выходя из кареты.

Это был худощавый, высокий человек, гораздо постарше первого, он почти весь был одного цвета, на нем было светло-зеленое пальто, фуражка из небеленого батиста, под цвет белокурым волосам, покрытым пылью, слабые глаза его оттенялись светлыми ресницами, и наконец, лицо завялое и болезненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели бледное.

Печальная фигура посмотрела молча в ту сторону, в которую показывал его товарищ, не выражая ни удивления, ни удовольствия.

-- Ведь это все оливы, все оливы! -- продолжал молодой человек.

-- Оливковая зелень прескучная и преоднообразная, -- возразил светло-зеленый товарищ, -- наши березовые рощи красивее. Молодой человек покачал головой, как будто хотел сказать: неисправим, хоть брось! и взглянул наверх. Лицо его показалось мне знакомо, но сколько я ни старался, я не мог припомнить, где я его видел. Русских вообще трудно узнавать в чужих краях, они в России ходят по-немецки без бороды, а в Европе по-русски -- отращивая с невероятной скоростью бороду.

Мне не пришлось долго ломать головы. Молодой человек, с тем добродушием и с той беззаботной сытостью в выражении, с которыми радовался оливам, бежал ко мне и кричал по-русски.

-- Вот не думал, не гадал, истинно говорят: гора с горой не сходится. Да вы меня, кажется, не узнаете? Старых знакомых забывать стали?

-- Теперь-то очень узнаю, вы ужасно переменились, и борода, и растолстели, и похорошели, такие стали кровь с молоком.

-- In corpore sano mens sana (1), -- отвечал он, от души смеясь и показывая ряд зубов, которым бы позавидовал волк. -- И вы переменились, постарели -- а что? жизнь-то кладет свои нарезки? Впрочем, мы четыре года не видались, много воды утекло с тех пор.

-- Немало. Как вы сюда попали?

-- Еду с больным.

Это был лекарь Московского университета, исправлявший некогда должность прозектора, лет пять перед тем я занимался анатомией и тогда познакомился с ним. Он был добрый, услужливый малый, необыкновенно

прилежный, усердно занимавшийся наукою a livre ouvert, т. е. никогда не ломая себе головы ни над одним вопросом, который не был разрешен другими, но отлично знавший все разрешенные вопросы.

(1) [В здоровом теле здоровый дух]

-- А! так этот зеленый товарищ ваш больной. Куда же вы его дели?

-- Это такой экземпляр, что и в Италии у вас не скоро сыщешь. Вот чудак-то! Машина была хороша, да немного повредилась (при этом он пальцем показал на лоб), я и чиню ее теперь. Он шел сюда, да черт меня дернул сказать, что я вас знаю, он перепугался, -- ипохондрия, доходящая до мании. Иногда он целые дни молчит, а иногда говорит, говорит такие вещи -- ну просто волос дыбом становится: все отвергает, все; оно уж этак через край, я сам, знаете, не очень бабьим сказкам верю, однако все же есть что-то. Впрочем, он претихий и предобрый. Ему ехать за границу вовсе не хотелось. Родные уговорили, знаете, с рук долой, ну да и языка-то его побаивались -- лакеи, дворники -- все на откупу у полиции, -- поди там оправдывайся. Ему хотелось в деревню, а именье у него с сестрой неделеное, та и перепугалась, -- коммунизм будет мужикам проповедывать, тут и собирай недоимку. Наконец он согласился ехать, только непременно в южную Италию, -- Magna Graecia! Отправляется в Калабрию и ваш покорный слуга с ним в качестве лейб-медика. Помилуйте, что за место, там кроме бандитов да попов человека не найдешь. Я вот проездом в Марсели купил себе пистолет-револьвер, -- знаете, четыре ствола так повертываются?

-- Знаю. Однако же должность ваша не из самых веселых -- быть беспрестанно с сумасшедшим.

-- Ведь он не в самом деле на стену лезет или кусается. Он меня даже любит по-своему, хотя и не дает слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочем, совершенно доволен, получаю тысячу серебром в год на всем готовом, даже сигарок не покупаю. Он очень деликатен, что до этого касается. Чего-нибудь стоит и то, что на свет посмотришь. Да, послушайте, надобно вам показать моего чудака, я притащу моего пациента, ну, что вам в самом деле, через час разъедетесь, он предобрейший человек и был бы преумный.

-- Если бы не сошел с ума.

-- Это несчастье вам, ей-богу, все равно, а ему рассеяние и нужно и полезно.

-- Вы уже меня начинаете употреблять с фармацевтическими целями, -- заметил я, но лекарь уже летел по коридору.

Я не подчинился бы его желанию и его русской распорядительности чужой волей, но меня интересовал светло-зеленый коммунист-помещик, и

я остался его ждать. Он взошел робко и застенчиво, кланялся мне как-то больше, нежели нужно, и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное и неуловимое колебание его чертам, которые беспрерывно менялись и переходили из грустно-печального в насмешливое, а иногда даже в простоватое выражение. В его глазах, по большей части никуда не смотревших, была заметна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которые все были сдвинуты над бровями. Недаром и не в один год мозг выдавил через костяную оболочку свою такой лоб и с такими морщинами, недаром и мускулы лица сделались такими подвижными.

-- Евгений Николаевич, -- говорил ему лекарь, -- позвольте вас познакомить, -- представьте, какой странный случай, вот где встретился -- старый приятель, с которым вместе кошек и собак резали.

Евгений Николаевич улыбался и бормотал:

-- Очень рад -- случай... так неожиданно... вы извините.

-- А помните, -- продолжал лекарь, -- как мы собачонке сторожа Сычева перерезали пневмогастрический нерв, -- закашляла голубушка.

Евгений Николаевич сделал гримасу, посмотрел в окно и, откашлянув раза два, спросил меня:

-- Вы давно изволили оставить Россию?

-- Пятый год.

-- И ничего, привыкаете к здешней жизни? -- спросил Евгений Николаевич и покраснел.

-- Ничего.

-- Да-с, но очень неприятная, скучная жизнь за границей.

-- И в границах, -- прибавил развязный лекарь.

Вдруг, чего я никак не ожидал, мой Евгений Николаевич покатился со смеху и наконец после долгих усилий успел настолько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосом:

-- Вот Филипп Данилович все со мной спорит. Ха-ха-ха! Я говорю, что земной шар или неудавшаяся планета, или больная, а он говорит, что это пустяки. Как же после этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно? -- И он опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью.

Лекарь лукаво подмигнул мне с таким видом превосходства, что мне стало его ужасно жаль.

-- Отчего же не быть больным планетам, -- спросил пресерьезно Евгений Николаевич, -- если есть больные люди?

-- Оттого, -- отвечал лекарь за меня, -- что планета не чувствует, где нет нервов, там нет и боли.

-- А мы с вами что? Да для болезни нервов и не нужно, -- бывает же

виноград болен и картофель? Я того и смотрю, что земной шар или лопнет, или сорвется с орбиты, полетит. Как это будет странно -- и Калабрия, и Николай Павлович с зимним дворцом, и мы с вами, Филипп Данилович, все полетит, и вашего пистолета не нужно будет.

Он снова расхохотался и в ту же минуту продолжал со страстной настойчивостью, обращаясь ко мне:

-- Так жить нельзя. Ведь это, очевидно, надобно, чтобы что-нибудь да сделалось, лучше планете сызнова начать; настоящее развитие очень неудачно, есть какой-то фаут. При составе, что ли, или когда месяц отделялся, что-то не сладилось, все идет с тех пор не так, как следует. Сначала болезни были острые, каков был жар внутренний во время геологических переворотов! Жизнь взяла верх, но болезнь оставила следы. Равновесие потеряно, планета мечется из стороны в сторону. Сначала ударилась в количественную нелепость: ну, пошли ящерицы с дом величины, папоротники такие, что одним листом экзерциргаус покрыть можно, -- ну, разумеется, все это перемерло. Как же таким нелепостям жить? Теперь в качественную сторону пошло -- еще хуже -- мозг, мозг, нервы развивались, развивались до того, что ум за разум зашел. История сгубит человека, вы что хотите говорите, а увидите -- сгубит!

После этой выходки Евгений Николаевич замолчал. Подали завтрак, он очень мало ел, очень мало пил и во все время ничего не говорил, кроме "да" и "нет". Перед концом завтрака он спросил бордо, налил рюмку, отведал и поставил ее с отвращением.

-- Что, -- спросил лекарь, -- видно, скверное?

-- Скверное, -- отвечал пациент, и лекарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбию людей, их эгоизму, упрекал в том, что трактирщики берут 35 процентов и все-таки обманывают.

Евгений Николаевич равнодушно заметил, что он не понимает, за что сердится лекарь, что он с своей стороны не видит, отчего трактирщику не брать 65 процентов, если он может, и что он очень умно делает, продавая скверное вино, пока его покупают. Этим нравственным замечанием кончился наш завтрак.

Поврежденный с самого первого разговора удивил меня независимою отвагой своего больного ума. Он был явным образом "надломлен", и, хотя лекарь уверял меня, что он во всю жизнь не имел ни большого несчастья, ни больших потрясений, я плохо верил в психологию моего доброго прозектора.

Мы поехали вместе в Геную и остановились в одном из дворцов, разжалованном в наш мещанский век в отель. Евгений Николаевич не показывал ни особенного интереса к моим беседам, ни особенного отвращения от них. С доктором он беспрестанно спорил.

Когда темные минуты ипохондрии подавляли его, он удалялся, запирался в комнате, редко выходил, был желто-бледен, дрожал, как в ознобе, а иногда, казалось, глаза его были заплаканы. Лекарь побаивался за его жизнь, брал глупые предосторожности, удалял бритвы и пистолеты, мучил больного разводящими и ослабляющими нервы лекарствами, сажал его в теплую ванну с ароматической травой. Тот слушался с желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, как избалованное дитя.

В светлые минуты он был тих, мало говорил, но вдруг речь его неслась как из прорвавшейся плотины, прерываемая спазматическим смехом и нервным сжатием горла, и потом, скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушавшего в тоскливом раздумье. Его странные парадоксальные выходки казались ему легкими, как таблица умножения. Взгляд его действительно был верен и последователен тем произвольным началам, которые он брал за основу.

Он много знал, но авторитеты на него не имели ни малейшего влияния -- это всего более оскорбляло хорошо учившегося лекаря, который ссылался, как на окончательный суд, на Кювье или на Гумбольдта.

-- Да отчего мне, -- возражал Евгений Николаевич, -- так думать, как Гумбольдт. Он умный человек, много ездил, интересно знать, что он видел и что он думает, но меня-то это не обязывает думать, как он. Гумбольдт носит синий фрак, что же, и мне носить синий фрак? Вот небось Моисею так вы не верите.

-- Знаете ли, -- говорил глубоко уязвленный доктор, обращая речь ко мне, -- что Евгений Николаевич не видит разницы между религией и наукой -- что скажете?

-- Разницы нет, -- прибавил тот утвердительно, -- разве то, что они одно и то же говорят на двух наречиях.

-- Да еще то, что одна основана на чудесах, а другая на уме, одна требует веры, а другая знания.

-- Ну, чудеса-то там и тут, все равно, только что религия идет от них, а наука к ним приходит. Религия так уж откровенно и говорит, что умом не поймешь, а есть, говорит, другой ум поумнее, тот, мол, сказывал вот так и так. А наука обманывает, воображая, что понимает *как*... а в сущности и та и другая доказывают одно, что человек неспособен знать всего, а так кое-что-таки понимает; в этом сознаться не хочется, ну, по слабости человеческой люди и верят одни Моисею, другие Кювье. Какая поверка тут? Один рассказывает, как бог создавал зверей и траву, а другой -- как их

создавала жизненная сила. Противоположность не между знанием и откровением в самом деле, а между сомнением и принятием на веру.

-- Да на что же мне принимать на веру какие-нибудь патологические истины, когда я их умом вывожу из законов организма?

-- Конечно, было бы не нужно, да ведь ни вы и никто другой не знает этих законов, ну так оно и приходится верить да помнить.

-- Вы так рассуждаете, -- сказал я ему шутя и взяв его за обе руки, -- что я нисколько не удивлюсь, если после вашего возвращения Николай Павлович сделает вас министром народного просвещения.

-- Не обвиняйте меня, пожалуйста, не обвиняйте, -- возразил он с чувством, -- и не шутите над моими мыслями. Я сам шутил над Руссо и знаю, как Вольтер ему писал, что учиться ходить на четвереньках поздно. Трудом тяжелым и мученическим дошел я до того, что понял, откуда все зло, понял и сам оробел. Я никому не говорил, молчал, но когда страдания и плач людей становились громче и громче, зло очевиднее и очевиднее, тогда я перестал прятать истину. Мы погибшие люди, мы жертвы вековых отклонений и платим за грехи наших праотцев. Где нас лечить! Будущие-то поколения, может, опомнятся.

-- Итак, a la fin des fins (1), выздоровление человека начнется тогда, когда вместо прогресса люди пойдут вспять, с целью зачислиться со временем в орангутанги, -- сказал лекарь, закуривая свежую сигару.

-- Приблизиться к животным не мешает после неудачных опытов сделаться ангелами. Все звери рассчитаны по среде, в которой жить должны, перестановки почти всегда гибельны. Речная вода для нас приятнее и чище морской, а пустите в нее какого-нибудь морского моллюска -- он умрет. Человек вовсе не так богато одарен природой, как воображает; болезненное развитие его нервов и мозга увлекает его в жизнь, ему не свойственную, высшую, в ней он гибнет, чахнет, мучится! Где люди переломили эту болезнь, там они успокоились, там они довольны и были бы счастливы, если бы их оставляли в покое. Посмотрите на эти ряды поколений где-нибудь в Индии, природа им дала все с избытком. Язва государственной и политической жизни прошла, болезненное преобладание ума над другими отправлениями организма утихло. Все-мирная история их забыла, и они жили так, как людям хорошо живется, так, как людям возможно жить, до проклятой Ост-Индской кампании, которая все перепортила.

-- Впрочем, -- заметил лекарь, -- толпа почти так и у нас живет.

-- Это было бы важнейшее доказательство в мою пользу. То, что вы называете толпой, это-то и есть человеческий род. Но толпе не дают жить так, как она хочет, -- вот беда в чем. Просвещение страшно дорого стоит. Государство, религия, солдаты морят с голоду низшие слои. Да чтобы окончательно их сгубить, развешивают перед их глазами свои богатства,

они развивают в них неестественные вкусы, ненужные потребности и отнимают средства удовлетворения даже необходимых. Какое печальное, раздирающее душу положение! Снизу кишит задавленное работой, изнуренное голодом население, сверху вянет и выбивается из сил другое население, задавленное мыслью, изнуренное стремлениями, на которые так же мало ответа, как мало хлеба на голод бедных. А между этими двумя болезнями, двумя страданиями, между лихорадкой от дурной жизни и чахоткой от сумасшедших нервов, между ними лучший цвет цивилизации, ее балованные дети, единственные люди, кой-как наслаждающиеся.

(1) [в конце концов]

Кто же они? Наши помещики средней руки и здешние лавочники. Но природа себя в обиду не дает... Она клеймит за измену не хуже всякого палача, -- продолжал он, ходя по комнате, и вдруг остановился перед зеркалом: -- Ну, посмотрите на эту рожу -- ха-ха-ха! ведь это ужасно, сравните любого крестьянина нашего со мной, новая varietas, (1) которую Блуменбах проглядел, "кавказско-городская", к ней принадлежат чиновники и лавочники, ученые, дворяне и все эти альбиносы и кретины, которые населяют образованный мир, племя слабое, без мышц, в ревматизме, и притом глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее, точь-в-точь я, старик в тридцать пять лет, беспомощный, ненужный, который провел всю жизнь как кресс-салат, выращенный зимой между двух войлоков -- фу, какая гадость! Нет, нет, так продолжаться не может, это слишком нелепо, слишком гнило! К природе... к природе на покой! Полно строить и перестраивать вавилонскую башню общественного устройства! Оставить ее, да и кончено! Полно домогаться невозможных вещей! Это хорошо влюбленным девочкам мечтать о крыльях, von einer besseren Natur, voneinem andern Sonnenlichte (2). Пора домой на мягкое ложе, приготовленное природой, на свежий воздух, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалия!

И Евгений Николаевич, раскрасневшийся в лице, с жилами, налившимися кровью на лбу, вдруг сморщился, сделал серьезный вид и упорно замолчал.

А. И. Герцен.

(1) [разновидность]

(2) [о лучшей природе, об ином солнечном сиянии]

23-е декабря

Мудрость есть знание вечных истин, приложимых к жизни.

1

Сократ первый, сведя философию с небес, распространил ее между людьми, побуждая их изучать науку жизни, человеческих нравов и следствия добрых и злых дел.

Цицерон.

2

Только чистотою уничтожается нечисть на теле; то же самое и в человеческих обществах. Пусть человеческие общества сделаются чистыми и здоровыми в духовном отношении, и питающиеся на них паразиты церкви и государства пропадут сами собой, как пропадают насекомые на чистом и здоровом теле.

3

Ученость редко совмещается с мудростью. Ученый знает много вещей, большею частью ненужных и сомнительных. Мудрец же знает немного вещей, но все, что он знает, нужно ему и людям, и то, что он знает, он знает наверное.

4

Тот, кто познает свою душу, тот узнает в себе божественное начало. Познав же в себе божественное начало, он и будет всегда так действовать и думать, чтобы быть достойным полученного им божественного дара.

Цицерон.

5

Тот, кто в Евангелии не сумеет отделить сердцем основного, важного от неважного и ненужного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому это изучение не нужно. Умеет же отличать тот, кому нужно руководство Евангелия для жизни, а не для мудрствования.

6

Умные не бывают учены; ученые не бывают умны.

Лао-Тсе.

7

Люди современной науки полагают дело науки не в том, в чем оно должно быть: в определении *того, что должно*, а в описании *того, что есть*. То, что есть, мы все так или иначе знаем, и описание этого никому не нужно. Люди пьют вино, курят табак, и наука ставит себе задачей физиологически оправдывать употребление вина и табаку. Люди убивают друг друга, отнимают для малого числа землю или орудия труда у всех, и науки -- юриспруденция и экономическая -- оправдывают это. Люди верят в нелепицы, и теологическая наука оправдывает это. Задачей науки должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть. Теперешняя же наука, напротив, ставит себе своей главной задачей отвлечь внимание людей от того, что должно быть, и привлечь его к тому, что есть и что поэтому никому знать не нужно.

Блага, даваемые мудростью, в сравнении со всеми остальными знаниями так же важны, как важен в пустыне сосуд с водою в сравнении с пудами золота.

24-е декабря

С детства начинается рост духовной и уменьшение телесной силы. Как два конуса, обращенные вершинами к основаниям, равномерно уменьшается телесная сила и растет сила духовная.

1

Гармоничный рост как в природе, так и в человеке всегда совершается в молчании, в тишине; шумно бывает только все разрушительное, порочное и грубое.

Однако немногие понимают необходимость жизни в тиши и молчании для истинного духовного роста и развития. Большею частью люди живут в суете и сумятице и скучают, когда им приходится оставаться одним.

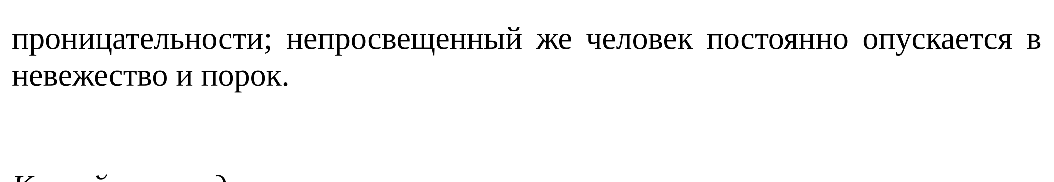
Только в тишине уединения может человек найти могущественную силу жизни и роста. Это самое говорил Христос словами: "Когда же молишься, войди в клеть твою". Мир страшно нуждается в этом молчаливом росте для осуществления мира. Его отвлекают от истинного духовного роста тысячи голосов, сулящих ему спасение в виде разных новых учений, которые будто бы могут спасти его.

Нам нужно больше быть в тишине, и голос молчания сообщит нам ту истину, которая освободит нас.

Люси Малори.

2

Просвещенный человек постоянно возвышается в разуме и

проницательности; непросвещенный же человек постоянно опускается в невежество и порок.

Китайская мудрость.

3

Чем старше становятся люди, живущие духовною жизнью, тем больше расширяется их умственный кругозор, тем более яснеет их сознание; люди же, живущие мирской жизнью, с годами тупеют все больше и больше.

Талмуд.

4

Надо постареть, чтобы стать добрее; я не встречаю никогда ошибки, которой я уже не сделал бы.

Гёте.

5

Созревание души дороже, чем блеск и избыток сил, и вечное в нас должно воспользоваться тем разрушением, которое производит в нас время.

Амиелъ.

6

Рост физический -- это только приготовление запасов для работы духовной, служения богу и людям, которое начинается при увядании тела.

7

Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню. Возвращение к своему корню означает успокоение, согласное с природой. Согласное с природой означает вечное; поэтому разрушение тела не заключает в себе никакой опасности.

Лао-Тсе.

8

Растите духовно и помогайте расти другим. В этом вся жизнь.

Ужасно положение того, кто не сознает в себе духовной жизни и ее роста. Была одна телесная жизнь -- и та неудержимо уничтожается и вот-вот исчезнет.
Сознай свою духовную сущность, живи ею, и вместо отчаяния ты узнаешь ничем не нарушимую и все увеличивающуюся радость.

25-е декабря

Милосердие, чтобы быть истинным, должно быть совершенно независимо от одобрения людей и предполагаемой награды в загробной жизни.

1

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Чтобы милостыня твоя была в тайне, и отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. гл. 6, ст. 1--4.

2

Лепта бедной вдовы не только равноценна богатейшим дарам, но только эта лепта и есть настоящее милосердие.

Только бедные, трудящиеся могут иметь счастье милосердия. Богатые, праздные лишены этого.

3

Благотворительные учреждения могут быть бесполезны или вредны, могут быть полезны (что бывает очень редко), но никогда не могут быть нравственны. Такие учреждения только яснее всего указывают на полное исчезновение в людях, устраивающих их, не только чувства, но и понятия сострадания и вытекающего из него милосердия.

4

Милосердие начинается дома. Если для проявления милосердия нужно куда-то ехать, то то, что ты хочешь проявить, едва ли есть милосердие.

5

Помощь, которую оказывают открыто богатые люди бедным, есть в лучшем случае дело учтивости, но никак не милосердия. Человек спрашивает вас: как пройти в такое-то место? Из учтивости надо остановиться и сказать ему. Другой просит дать ему 5 копеек, 5 или 50 рублей. Если у вас есть лишние 5 копеек, рублей или десятков рублей, надо дать их ему, это тоже будет дело учтивости, но в поступке этом не будет ничего общего с милосердием.

Вещественное милосердие только тогда добро, когда оно жертва. Только тогда получающий вещественный дар получает и духовный дар.

Если же это не жертва, а излишек, то это только раздражает получающего.

26-е декабря

Детский возраст есть возраст, подлежащий внушению. И потому самое важное в воспитании -- это выбор внушений, могущих влиять на ребенка.

1

В настоящее время большинство людей только воображают себе, что они, исповедуя христианство, держатся христианской нравственности. В действительности они следуют только языческой нравственности, и эту нравственность ставят идеалом воспитания молодого поколения.

2

Люди более всего восприимчивы к внушению в детском возрасте. Рассуждение не имеет на них того влияния, которое имеет на них пример.

И потому тщетны и смешны все проповеди о поведении, читаемые детям, когда они на примере видят обратное проповеди.

3

Религия ребенка зависит от образа действия, а не от словесных наставлений его родителей. Внутренний и бессознательный идеал, двигающий их жизнью, вера их -- вот что влияет на ребенка; слова же их, выговоры, наказания, вспышки даже для него не что иное, как случайности; веру же их он предчувствует и чувствует инстинктом.

Ребенок видит, каковы мы, сквозь то, чем мы хотим казаться; от этого-то его репутация физиономиста.

Вот почему первый принцип воспитания следующий: воспитывай сам себя; и первое правило, которому надо следовать для того, чтобы владеть волей ребенка, -- овладей своею.

Амиель.

4

Старшие, может быть, и толкуют детям, что не следует быть жестокими к животным и вообще ко всем слабым существам. Но стоит только ребенку войти в кухню, и он сейчас же увидит убитых и ощипанных кур и гусей. Какую же пользу могут принести детям прекрасные рассуждения о нравственности, которым так резко противоречат варварские и безнравственные поступки взрослых, совершающиеся у них на глазах?

Струве.

5

Уменьшение потребностей -- вот что следовало бы внушать во что бы то ни стало юношеству и для чего нужно бы стараться закалить его. Чем меньше потребностей, тем счастливей -- старая, но далеко не признанная истина.

Лихтенберг.

6

Склонность к приятной жизни для человека хуже всех бедствий в жизни. Поэтому в высшей степени важно, чтобы дети приучались еще с юных лет работать.

Кант.

7

Для детей важнее всего приучить их к умеренности, простоте жизни, труду и милосердию. Но как же приучить их к этому, когда дети видят, что родители дорожат роскошью и увеличением ее, предпочитают праздность труду и живут в избытке среди людей нуждающихся.

Все нравственное воспитание детей сводится к доброму примеру. Живите хорошо или хоть старайтесь жить хорошо, и вы по мере вашего успеха в хорошей жизни хорошо воспитаете детей.

27-е декабря

Все, что мы видим и знаем, мы видим и знаем не таким, каким оно есть в действительности, а каким оно представляется нашей познавательной способности.

1

Небо и земля велики, но они имеют цвет, образ и величину. В человеке же есть нечто, не имеющее ни цвета, ни образа, ни числа, ни величины, -- и это нечто разумно.

Если бы мир сам по себе был неодушевлен, то он был бы одушевлен разумом только человека. Но мир бесконечен, разум же человека ограничен, и потому разум человека не может быть разумом всего мира.

Из этого видно, что мир должен быть одушевлен разумом, и разум этот должен быть бесконечен.

Конфуций.

2

Когда говорят о небе, как о месте, где находятся блаженные, то обыкновенно представляют себе его где-то высоко над собою в необъятных мировых пространствах. Но при этом забывают о том, что наша земля, рассматриваемая из тех мировых пространств, так же представляется одною из небесных звезд и что жители тех миров с таким же правом могли бы показать на землю и сказать: "Видите вон ту звезду -- место вечного блаженства, небесный приют, приготовленный для нас, куда мы когда-нибудь попадем". Дело в том, что по странной ошибке нашего ума полет нашей веры всегда соединен с понятием о восхождении вверх, причем не думают о том, что, как бы высоко мы ни поднялись, нам все-таки придется опять спуститься вниз, чтобы стать твердой ногой в каком-нибудь другом мире.

Кант.

3

Вместо того чтобы говорить, что мир отражается в нас, скорее следовало бы сказать, что наш разум отражается в мире. Мы не можем иначе: мы должны признавать в мире порядок и мудрое управление -- это вытекает из устройства наших мыслительных способностей. Но из этого совсем не следует еще, что нечто, необходимое для нашего мышления, таково и в

действительности, так как о действительном устройстве внешнего мира мы не имеем никакого понятия.

Лихтенберг.

4

Взгляните на эту разодетую тень, хилую, одержимую желаниями, нет в ней силы, не может она защищаться, истощено это тело, хилое и немощное, будто готово оно рассыпаться на куски, жизнь в нем уже переходит в смерть. Голый череп похож на тыкву, сорванную осенью. Можно ли радоваться, можно ли еще веселиться?

Эта крепость была сделана для костей, покрыта мясом и напитана соком крови, и вот -- обитает в ней старость и смерть, гордость и высокомерие. Разрушаются драгоценные колесницы царей, старость близит к разрушению тело; только учение добрых не стареет, не рушится.

Буддийская мудрость.

5

Стоит человеку взглянуть на себя как на телесное только существо, и он становится неразгадываемой загадкой, нераспутываемым противоречием.

Для того чтобы понимать истинное значение вещей, необходимо сводить все видимое к невидимому, все телесное к духовному.

28-е декабря

То, что называется наукой, представляет или самую важную человеческую деятельность, когда цель ее открыть законы жизни людей, или самое ничтожное и одуряющее занятие -- исследование всего того, что может вызвать любопытство праздных людей.

1

Казалось бы, что для того чтобы признать важность занятия тем, что называется наукой, надо бы доказать, что эти занятия полезны. Люди же науки обыкновенно утверждают, что так как мы занимаемся известными предметами, то занятия эти, наверное, когда-нибудь, где-нибудь и для кого-нибудь будут полезны.

2

Существует грубое научное суеверие, происшедшее из того же источника, как и религиозное суеверие из желания потворства человеческим слабостям, и столь же, если не более, вредное, чем религиозное. Люди заблуждаются, живут дурно. Естественное свойство людей в том, чтобы, сознав неправильность своей жизни, постараться изменить ее, но вот является "наука": наука государственного, финансового, церковного, уголовного, полицейского и всякого другого права, наука политическая экономия, история и самая модная -- социология, и оказывается, что дурная жизнь людей происходит по неизменным законам, и дело людей не состоит в том, чтобы бороться с своими слабостями и изменять свою жизнь от худшего к лучшему, а только в том, чтобы присутствовать при течении своей жизни по законам, открываемым учеными. Суеверие это так явно противоречит и здравому смыслу и совести человеческой, что оно никогда не могло бы быть принято людьми, если бы оно не было так успокоительно, оправдывая людей в их дурной жизни.

Никогда никакие религиозные суеверия не производили, не могут произвести такого зла людям, как это.

3

У нас не хватает знаний, чтобы понять даже хоть жизнь человеческого тела. Посмотрите, что нужно знать для этого: телу нужно место, время, движение, теплота, свет, пища, вода, воздух и многое другое. В природе же все так тесно связано между собою, что нельзя познать одного, не изучив другого. Нельзя познать части, не познав целого. Жизнь тела нашего мы поймем только тогда, когда изучим все то, что нужно ему, а для этого необходимо изучить всю вселенную. Но вселенная бесконечна, и познание ее недостижимо для человека. Следовательно, мы не можем вполне уяснить себе и жизнь нашего тела.

Паскаль.

4

Изучать ненужные для духовной жизни науки, как астрономия, математика, физика и т. п., так же, как пользоваться всякими удовольствиями, играми, катаниями, прогулками, можно тогда, когда эти занятия не мешают исполнению обязанностей, но одинаково безнравственно заниматься науками, не содействующими истинному, духовному благу человечества, как и удовольствиями, в ущерб своих прямых обязанностей.

Наука не есть то, что люди назовут этим именем, а то, что составляет высший и нужнейший для блага людей предмет познания.

29-е декабря

До тех пор, пока будет насилие, будет и война. Победить насилие можно не насилием, а непротивлением ему и неучастием в нем. Но что подумает тогда то лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся? А почти то же, что мы думаем о древнемексиканском народе и его каннибализме, в одно и то же время воинственном, набожным и животном.

Летурно.

1

Если бы мои солдаты начали думать, ни один не остался бы в войске.

Фридрих II.

2

Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся, что пустил глубокие корни в мозгу человеческом. Надо надеяться, однако, что лучшее, чем наше, общество сумеет освободиться от этого ужасного преступления.

3

И я понял дисциплину, именно то, что капрал всегда прав, когда он говорит с солдатом, сержант -- когда он говорит с капралом, унтер-офицер -- когда он говорит с сержантом, и т. д. до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два -- пять. Сначала это трудно понять, но понима- нию этого помогает то, что в каждой казарме висит табличка, и ее прочитывают, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличке написано все то, что может желать сделать солдат, как, например, возвратиться в свою деревню, отказаться от исполнения службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за все это обозначены наказания: смертная казнь или пять лет каторжной работы.

Эркман-Шатриан.

4

Я купил негра, он мой. Он работает как лошадь, я плохо кормлю его, так же одеваю и бью его, когда он не слушается. Что же тут удивительного? Разве мы лучше обращаемся с своими солдатами? Разве они не лишены свободы так же, как этот негр? Разница только в том, что солдат стоит гораздо дешевле. Хороший негр стоит теперь по крайней мере 500 экю, хороший солдат стоит едва 50. Ни тот, ни другой не может уйти с того места, где их держат, и того и другого бьют за малейшую ошибку, жалованье почти одинаково, но негр имеет преимущество перед солдатом в том, что не подвергает опасности свою жизнь, а проводит ее с своей женой и детьми.

Анатоль Франс.

Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это одно средство уничтожения войны.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

О СЕКТЕ НАЗАРЕН, РАСПРОСТРАНИВШЕЙСЯ В ВЕНГРИИ, СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

Сущность учения назарен состоит в следовании учению Нового Завета, преимущественно нагорной проповеди. Они не признают никакой иерархии, писаного учения и вообще организации, учение их не установившееся, изменяющееся, различно в догматическом отношении в различных общинах, -- даже в одной и той же общине есть члены, верующие по-своему. Но нравственное учение у всех одно и то же. Все они ведут строго нравственную воздержную жизнь. Считают главными правилами жизни трудолюбие, кротость в обращении с людьми, смиренное перенесение обид и воздержание от участия в насилии. Они не признают суда, не платят добровольно податей, не присягают и отказываются от военной службы и вообще к государству относятся, как к

ненужному им учреждению.

В свои общины, состоящие преимущественно из трудового народа, назарены принимают только "воскресших духом", покаявшихся и живущих новой жизнью. Поэтому дети назарен не считаются назаренами, пока не придут в сознательный возраст и сами не пожелают вступить в общину верующих.

Отказ назарен от воинской повинности вызывает против них гонения австрийского правительства. Но назарены твердо держатся своего убеждения о несогласии с христианством военной службы и покорно несут накладываемые на них наказания, не изменяя закону Христа.

Свои отказы от воинской повинности назарены основывают на словах Христа "А я говорю вам не противься злому" (5, 38 Матф.) и "любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас" (5, 44 Матф.).

Простые крестьянские парни, назарены, часто удивляют своих гонителей той твердостью, с которой они переносят всякие мучения. И так поступают не только рекруты, но и запасные, т. е. такие, которые уже после отбытия действительной службы сделались назаренами. Когда их призывают на маневры, они отказываются брать оружие в руки. Зная, что их за это могут приговорить к пожизненному заключению, они заблаговременно распоряжаются своим хозяйством так, чтобы жена могла управляться одна, и прощаются как бы навеки с своими семьями. Семьи их большей частью сочувствуют их мученичеству.

Так, несколько лет тому назад Иога Радованов (серб) из Вечбаса (Бачка), будучи зачислен в Пеште в 6 полк 6 роту, отказался взять оружие, сказав, что вера его не позволяет ему этого. Суд приговорил его к заключению на 2 года. Старший брат его, приговоренный к заключению в 1894 г., сидел уже 10-й год. Мать этих обоих братьев пришла навестить младшего. Начальство ей не разрешило свидания. Она стояла и плакала на дворе тюрьмы. И в это время увидала в одном из окон лицо сына и сейчас же крикнула ему: "Сыне мой злати, не мой за бога узэти пушку! (Сынок мой золотой, бога ради, не бери ты ружья!)"

В конце августа 1895 г. призывались запасные Сегединского резервного полка. Когда запасным раздавали ружья, двое из них не хотели принять ружья, потому что, как они сказали, им это не дозволяет назаренская вера. Капитан Олчвари стал говорить им, что бог любит войско, что ведь теперь идут не на войну, а только на маневры, где никто не будет проливать крови. Назарены на это ответили: "Но нас для того ведут на маневры, чтобы выучить убивать людей".

Капитан пытался подействовать на них страхом. Он сказал им, что прошлой осенью один назарен тоже так себя вел и его несколько раз наказывали и наконец заключили на 17 лет в крепостную тюрьму.

-- Пусть нас застрелят, -- спокойно ответили назарены, -- но не можем идти против законов бога.

Другие запасные пошли к семьям этих назарен, и жены их, не находившиеся еще в секте, с плачем просили мужей, чтобы те покорились власти, но они не согласились. Капитан посадил их предварительно на 10 дней тяжелого ареста. Когда их отводили, они, плача, расставались с семьями.

-- Оставайтесь с богом, -- говорили они, -- нас заживо похоронят ради Господа бога, ради святой невинности и чистоты душевной, потому что люди должны быть, как агнцы божии.

Франко Новак должен был отбывать военную службу в Тамешваре. Когда его в первый раз повели вместе с другими рекрутами на учебный плац, он отказался принять оружие. Заметив суету около Новака, бывший на плацу генерал подъехал к этому месту и спросил, что случилось. Ему доложили. Генерал ласково спросил Новака, почему он не хочет взять оружие. Новак вынул из кармана маленькое Евангелие и сказал: "Высшие власти разрешают печатать эту книжку, а также не запрещают жить по высказанным в ней заветам. В книге же этой сказано: "Люби ближнего, как самого себя". Не принимаю оружия потому, что хочу следовать заветам спасителя".

Генерал спокойно выслушал до конца Новака, потом сказал ему: "Однако в этой же книжке сказано: кесарево -- кесарю, божье -- богу".

Новак сначала смутился и молчал, но потом, одумавшись, снял военную фуражку, оружие, мундир и, положив все это, сказал: "Вот все это его величества кесаря, вот и я отдам ему все, что его".

В 1897 году к городскому нотариусу Великой Кокинды пришел дряхлый старик. В руках у него был лист бумаги: свидетельство о праве на пенсию инвалиду 48-го года.

-- Извольте записать, господин нотариус, -- сказал старик, -- что я отказываюсь от своей пенсии. Удивленный нотариус спросил старика:

"Что вы, Ванда, разве нашли клад?"

-- Верно, совершенно верно, господин нотариус, -- ответил старик, -- я нашел клад. Нашел я, господин нотариус, своего господа, который дороже мне всех кладов мира сего и которому не нравится, чтобы раб его питался хлебом, доставленным ему оружием.

Несмотря на строгие меры, употребляемые против них правительством, назарены не изменяют своей веры.

В. Ольховский (из книги "Назарены в Венгрии". Издание "Посредника")

30-е декабря

Сознание братства и равенства всех людей все более и более распространяется в человечестве.

1

Тот, кто сказал: "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас", сделался сам через это слово средоточием всего человечества, ибо все человечество живет под гнетом притеснения и труда.

Сочтите тех, кто не несет этой тяжести, а налагает ее на других, тех, кто пользуется трудами других и притеснением их, -- много ли таковых? На одного господина миллион рабов, на одного счастливца, в смысле сатаны, миллион существ, согбенных до земли, которую они орошают потом и слезами. Эти обездоленные создания -- это овцы доброго пастыря, овцы Христовы, те, для которых он отдал свою жизнь. Он их зовет к себе, и мало-помалу, по мере того, как приближаются обещанные времена, они, подняв головы, слушают его голос, узнают его и готовятся ему следовать. Из всех овчарен, из среды всякого народа прибегут эти овцы, ибо все принадлежат доброму пастырю, и он соберет их. Рассеянные, разъединенные, они толпятся в смутном ожидании того, кто поведет их на такие пастбища, где они не будут отданы во власть наемников, которые, завидя приближающегося волка, покидают своих овец и убегают, или людям чужим, которые, заботясь лишь о своей выгоде, об удовлетворении своей алчности, присваивают их себе, одеваются их шерстью, питаются их мясом. И придя к доброму пастырю, все овцы соберутся вокруг него, и будет едино стадо и един пастырь.

Цель земной миссии Христа: составить из всех людей народ братьев, соединить всех людей между собой, соединив их с богом, утвердить их в единении под святым законом бесконечного и беспредельного прогресса любви, которая есть жизнь вечная всего существующего.

Ламенэ.

2

Понимаем ли мы наше духовное братство? Понимаем ли наше

происхождение от одного небесного отца, образ которого мы носим в себе и к совершенству которого мы постоянно можем приближаться? Признали ли мы то, что в душах всех людей, так же как и в нашей, одна и та же божественная жизнь? А между тем это одно составляет истинную, свободную связь людей между собой.

Для изменения строя жизни людей необходимо новое уважение людей друг к другу. До тех пор пока люди смотрят друг на друга, как теперь, почти как на скотину, они не перестанут скотски обращаться с людьми, будут продолжать силою или хитростью делать их орудиями достижения своих целей. Не может быть братства между людьми до тех пор, пока они не поймут свое сродство и отношение к богу, и то великое назначение, для которого дана им жизнь. Теперь же на такие мысли смотрят как на фантазии, и на учителя, который надеется найти в людях веру в свое братство и сыновность богу, смотрят как на мечтателя. А между тем признание этой простейшей истины христианства переворотило бы все общество и установило бы между людьми такие отношения, которых мы не можем себе представить теперь. Никто из нас не может вообразить себе ту перемену в обращении, ту нежность, уважение, мягкость и ту энергию усилий для общественного улучшения, которые возникли бы по мере того, как люди проникали бы до духовной части друг друга и понимали бы значение души каждого самого низшего человеческого существа. Тогда те оскорбления, огорчения, угнетения, которых теперь мы и не замечаем, возмущали бы нас более, чем теперешние величайшие преступления. Тогда всякий человек был бы священен в глазах человека, и оскорбление, нанесенное человеку, представлялось бы враждою против бога. Признавая эту истину, человек не мог бы надругаться над ближним, потому что видел бы в нем божественное. Нельзя себе представить истины столь практической, как это учение. Да, нам нужно новое откровение -- не о рае и аде, а о том духе, который живет в нас.

Чаннинг.

3

Нельзя любить ни того, кого ты боишься, ни того, кто тебя боится.

Цицерон.

4

Люди, проповедующие нравственность и ограничивающие ваши обязанности пределами вашей семьи и родины, проповедуют вам эгоизм, более или менее широкий, но тем не менее вредный и вам и другим. Семья и родина -- два круга, заключающиеся в еще более широком круге -- человечестве. Это две ступени, которые нужно пройти, но на которых не следует останавливаться.

Иосиф Мадзини.

Сознание своего единства со всем человечеством, вытекающее из сознания единого во всех божественного начала, дает людям наивысшее и внутреннее -- личное и внешнее -- общественное благо. Мешают этому сознанию более всего суеверия государственные, народные, сословные и религиозные. Устанавливает это сознание истинная религия.

31-е декабря

Прошедшего нет, будущее не наступило. Настоящее есть бесконечно малая точка соприкосновения несуществующего прошедшего с несуществующим будущим. И в ней-то, в этой безвременной точке и совершается истинная жизнь человека.

1

"Время проходит!" привыкли мы говорить. Времени нет; движемся мы.

По Талмуду.

2

Время за нами, время перед нами, при нас его нет.

3

Я состою из духа и тела. Для тела все безразлично, ибо вещество лишено способности различать что бы то ни было. Для духа же все то, что не исходит от духа, тоже безразлично, ибо жизнь духа самостоятельна. Но жизнь духа не имеет ни малейшего значения ни в прошедшем, ни в будущем. Вся ее важность сосредоточена в настоящем времени.

Марк Аврелий.

4

Время есть величайшая иллюзия. Оно есть только внутренняя призма, через которую мы разлагаем бытие и жизнь, образ, под которым мы постепенно видим то, что вневременно, в идее. Глаз не видит шара всего сразу, хотя шар существует весь сразу. Нужно одно из двух: либо чтобы шар вертелся перед глазом, который смотрит на него, либо чтобы глаз обошел вокруг наблюдаемого им шара.

В первом случае -- это мир, развертывающийся или как будто развертывающийся во времени; во втором случае -- это наша мысль, анализирующая и постепенно восстановляющая. Для высшего разума нет времени: что будет, то есть. Время и пространство -- это раскрошение бесконечного для пользования им существами конечными.

Амиель.

5

Можно себе представить такое мыслящее существо, которому легче предвидеть будущее, чем помнить прошедшее. Уже в инстинктах насекомых есть нечто, заставляющее нас предполагать, что они руководятся будущим больше, чем прошедшим. Если бы животные настолько же обладали воспоминанием прошлого, как предчувствием будущего, то некоторые насекомые превосходили бы нас, на самом же деле сила предчувствия всегда, по-видимому, находится в обратном отношении к памяти о прошлом.

Лихтенберг.

6

Наша душа брошена в тело, где она находит число, время, измерение. Она рассуждает об этом и называет это природой, необходимостью и не может мыслить иначе.

Паскаль.

Времени нет. Есть только бесконечно малое настоящее. В нем-то и совершается жизнь. И потому на одно настоящее должен направить человек все свои духовные силы.

ВАРИАНТЫ, НЕЗАКОНЧЕННОЕ, НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

МЕСЯЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Январь

См. Ламенэ, 20 декабря, 4 (стр. 360--361).

Февраль

Самая старая коренная и огромная ошибка нашей жизни есть ошибка поклонения. Нет на земле большей святыни -- святыни человека, живого носителя божества, а между тем мы видим, что то, что происходит от человека, изделия, вымыслы и дела человеческие, возвеличиваются выше человека, творение ставится выше творца.

Но пора увидеть и понять всем ту несомненную очевидность, что все усилия жизни лучших, праведных и мудрых людей, от Моисея до нашего времени, с Иисусом Христом во главе, направлены всегда на борьбу с обманами, с этими самыми возвеличенными выше человека человеческими вымыслами, на борьбу с этими идолами, чтобы показать людям это изуверство, чтобы выяснить перед людьми достойную веры истину, чтобы привести человека к сознанию источника жизни и всяких дел в самом себе, чтобы возвратить человека в волю бога и тем освободить его.

Моисей отверг вещественных идолов, но оставил обрезание и создал субботу, а последующие учители еврейства создали новых идолов: обрядности и предания старцев. Христианские учители отвергли и субботу, и обрезание, и обрядности еврейские, но создали крещение и преломление хлеба, а потом боги посыпались как из рога изобилия: святой дух, спас, богородица, ангелы, святители и святые, угодники и чудотворцы, иконы и кресты и бесчисленные вещественные изображения и предметы; и что всего удивительнее, даже остатки мертвецов, эти новые египетские мумии.

И что в религии, то и в общественной жизни: дело человеческое ставится выше человека. Монархия, олигархия, конституция, республика -- меняются названия, формы, но всегда ставится нечто, чему человек должен жертвовать своей духовной свободой; так называемое общественное благо покупается ценою личного порабощения. "Всякая религия, всякая форма общественной жизни, как внешнее выражение законов жизни, должны служить носителю в себе сущности жизни и воплощению божества, человеку, а не порабощать его. Не унижение и отвержение достоинства разумного существа в человеке должно царствовать между людьми, а освобождение и возвеличение его. Не внешняя власть, не страх страдания и смерти, происходящий извне, должны связывать страсти и злую волю человека (они и не связывают) и давать людям уверенность спокойствия (они его не дают), а сознание

вечного закона жизни, сознание духовного единства людей, власть, исходящая свыше, власть бога, власть разума, власть совести -- та внутренняя духовная власть, которая лежит в природе человека и которая проявляется теперь лишь слабо под дружным и систематическим гнетом церкви и государства; освободившись, она станет могущественною уздою всякого зла и природною и надежною твердынею личного и общественного спокойствия и благоденствия. Эту самую внутреннюю силу, этот всеобщий свет разума и следует поставить человеку во главу своей собственно личной и общественной жизни. И как тает сумрак ночи перед светом восходящей зари, как невежество и суеверие, чудеса и колдовство сами собой гибнут пред светом науки, как лешие, водяные и домовые исчезли перед светом знания и разума, так пред лицом того же огня и света сойдут на-нет все теперь такие величественные обманные и насильнические общественные учреждения, и всякая злоба, насилие и рабство между людьми исчезнут сами собой.

Бука.

Март

Мы знаем, что в старину люди поклонялись истуканам. Случится, например, неурожай, люди думают, что есть особенный бог урожая, что он обиделся почему-нибудь на человека, что поэтому надо его умилостивить, и люди делали из дерева истукана, называли его богом урожая, кланялись ему и приносили жертвы. И когда после того случался урожай, то люди думали, что это оттого, что они молились истукану и приносили ему жертвы. Но мы теперь знаем, что старинные люди обманывались; теперь мы знаем, что есть бог, который открывается человеку в разуме законами жизни, но что особенного бога урожая нет, что оттого, что они кланялись и приносили жертвы своему же человеческому изделию, никакого прибытка не могло быть, что если и случался потом урожай, то так следовало по порядку мировой жизни, о которой те люди не имели понятия. Это мы теперь знаем, но не знаем того, что мы и теперь еще больше обманываемся, еще с большим унижением поклоняемся и еще неизмеримо большие приносим жертвы и всё по-прежнему тому же человеческому изделию. Разница только та, что старинные люди поклонялись вещественному изделию, а мы поклоняемся выдумке. Мы, теперешние люди, наделали себе разных церквей, разных вер и всё самых православных и правоверных, наделали себе многие государства и в них

насадили царей, повыдумали правительства, губернаторства, земства, и в них насадили министров, губернаторов, председателей, членов и разных чиновников, имя же им, как годдаринским бесам, легион. Люди наделали сами себе столько предметов поклонения и жервоприношения, что нельзя шагу ступить, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь истукана. И люди верят, что все эти учреждения, все эти идолы нужны, и до последней возможности унижают себя поклонением и приносят в жертву не только всё, что имеют, но даже и самих себя, воображая, что от этого будет им какой-то прибыток. Но прибытка никакого на самом деле нет, если же мы еще кое-как дышим, то это, конечно, не оттого, что у нас много всяких общественных, священных учреждений, а несмотря на это, -- не все еще, значит, законы жизни подменены, значит истинный бог еще живет в людях.

Обман состоит в том, что внутренняя сила нашего собственного и непосредственного разумения и отношения к богу извне насильственно умаляется в нашей жизни и скрадывается подменом всевозможными общественными учреждениями; или в том, что одни люди, будучи на самом деле такими же, как и все, свое грешное, противучеловеческое, звериное дело насильничества выдумали возвеличить во святое право и, пользуясь этой выдумкой, присвоили себе положение исключительной разумности и мнимое представительство перед богом.

Мирской обман этот, от которого мы никак не можем придти в себя, начался давно, еще в Ветхом Завете. Из Ветхого Завета мы знаем, что евреи, среди которых явился Христос (веру которого, мы хвалимся, что будто бы исповедуем), -- евреи отличались от всех других народов тем, что поклонялись богу истинному, что поклонение богу истинному выражалось не в каких-нибудь унизительных и разорительных действиях, вроде наклонения головы до земли, отречения от своей воли, совести, человеческого достоинства, от всей своей собственной жизни до последней капли крови, как это мы делаем теперь перед своими богами, а что поклонение богу истинному состояло в исполнении людьми законов жизни, выраженных для еврея в десяти заповедях, из которых первая говорит о том, чтобы люди ведали бога истинного и не делали себе никаких других богов; в этом состояло первое, отличительное свойство народа божия. Но евреи, как народ своего времени, не могли постоянно держаться на той высоте жизни, на которую так неподражаемо они были поставлены Моисеем; мало-помалу они соблазнялись, падали, поклонялись богам чужим и через это жизнь их расстраивалась, делалась невыносимо бедственной, и они каялись и возвращались к богу истинному; но погубили они свое еврейское благо совсем без возврата тем, что сделали сами себе идола -- выдумку.

Глава восьмая Первой Книги Царств повествует о том, как собрались

старейшины еврейские к пророку Самуилу и потребовали, чтобы он дал им царя. Писание повествует, что не понравились эти слова народа пророку Самуилу, и он вопросил господа, и господь ответил ему великим вечным словом. Он сказал: "Не тебя они отвергли, но отвергли меня, чтобы я не царствовал над ними. Итак, что же делать, если они отвергли меня; они делают это уже не в первый раз. Послушай голоса их, дай им царя, только представь и объяви им права царя, который будет царствовать над ними". И говорил Самуил народу: "И сынов ваших и дочерей ваших и земли ваши лучшие возьмет царь и отдаст слугам своим, и сами вы будете ему рабами и восстанете тогда от царя вашего и не будет господь отвечать вам тогда. Господь бог ваш -- царь ваш!" Но не послушался народ, и Самуил дал им царя. Так отверг и потерял израиль данную ему богом через Моисея свободу, для которой он вывел его из Египта из дома рабства.

До этого в книге Судей и в книге Руфь писалось: "В те дни не было царя у Израиля, каждый делал то, что ему казалось справедливым". А при царе, стало быть, этот порядок прекратился: каждый перестал делать то, что находил справедливым, и не доискивался, что справедливо, что несправедливо, потому что на это есть царь. Может быть и кажется, что так лучше, но как бы ни были мудры цари и как бы ни были совершенны их законы, никогда они не могут заменить живого в человеке разума, и нельзя допустить и то, и другое, потому что одно вытесняет и уничтожает другое и потому что "никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному будет усердствовать, а о другом нерадеть". Так царем начался в Ветхом Завете мирской обман, который терзал народ еврейский тысячи лет и от которого мы теперь другие тысячи лет не можем очнуться.

Бука.

Апрель

Что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможно существовать?

Если было время, когда правительства были необходимое и меньшее зло, чем то, которое происходило от беззащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали не нужное и гораздо большее зло, чем всё то, чем они пугают свои народы.

Правительства, не только военные, но правительства вообще, могли бы

быть, уже не говорю -- полезны, но безвредны, только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых, святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства, по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилия, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей. Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставляется военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

Правительство, в самом широком смысле, включая в него и капиталистов, и прессу, есть не что иное, как такая организация, при которой большая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части; эта же меньшая часть подчиняется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя, наконец, до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными. Так что всё это устройство подобно конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того лица, которое находится на вершине его.

Вершину же этого конуса захватывают те люди или тот человек, который более хитер, дерзок и бессовестен, чем другие, или случайный наследник тех, которые были более дерзки и бессовестны.

Нынче Борис Годунов, завтра Григорий Отрепьев, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачев, послезавтра безумный Павел, Николай I, Александр II, нынче Николай II с китайско-японской войной. Нынче Наполеон, завтра Бурбон или Орлеанский, Буланже или компания панамистов, нынче Гладстон, завтра Сольсбери, Чемберлен, Роде.

И таким-то правительствам предоставляется полная власть не только над имуществом, жизнью, но и над духовным и нравственным развитием, над воспитанием, религиозным руководством всех людей.

Устроят себе люди такую страшную машину -- власть, предоставляя захватывать эту власть кому попало (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно-дрянной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно... Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями.

Люди нашли, что для того, чтобы им защищаться от врагов, им полезно связать себя, как это делают защищающиеся черкесы. Но опасности нет никакой, и люди продолжают связывать себя.

Старательно свяжут себя так, чтобы один конец мог со всеми ими делать всё, что захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодяю или дураку захватить ее и делать с ними, что им нужно.

Ведь что же, как не это самое, делают народы, подчиняясь, учреждая и поддерживая организованное с военной властью правительство?

Л. Толстой.

Май

ДОБРОВОЛЬНОЕ РАБСТВО, СОЧИНЕНИЕ

ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ БОЭТИ,

ПОЛОВИНЫ 16-го ВЕКА

Разумно любить добродетель, уважать подвиги, признавать добро, откуда бы мы его ни получили и даже лишаться своего удобства для славы и выгоды того, кого любишь и кто того заслуживает: таким образом, если жители страны нашли такое лицо, которое показало им большую мудрость, чтобы охранять их, большую храбрость, чтобы их защищать и великую заботу, чтобы управлять ими; и если вследствие этого они привыкли повиноваться ему так, чтобы предоставить ему некоторые выгоды, то я не думаю, что это было неразумно.

Но, боже мой! Как назовем мы то, когда видим, что большое число людей не только повинуется, но служат, не только подчиняются, но раболепствуют перед одним человеком и раболепствуют так, что не имеют ничего своего: ни имущества, ни детей, ни даже самой жизни, которые бы они считали своими, и терпят грабежи, жестокости, не от войска, не от варваров, но от одного человека, и не от Геркулеса или Самсона, но от человека, большей частью самого трусливого и женственного из всего народа. Как назовем мы это? Скажем ли мы, что такие люди трусы? Если бы два, три, четыре не защищались от одного, это было бы странно, но все-таки возможно, и можно было бы сказать, что это от недостатка мужества, но если сто тысяч людей, сто тысяч деревень, миллион людей, не нападают на того одного, от которого все страдают, будучи его рабами, как мы назовем это? Трусость ли это?

Во всех пороках есть известный предел: двое могут бояться одного и даже десятерых; но тысяча, но миллион, но тысяча деревень, если они не защищаются против одного, то это не трусость, она не может дойти до этого; так же как и храбрость не может дойти до того, чтобы один взял крепость, напал на армию и завоевал государство. Итак, какой же это уродливый порок, не заслуживающий даже названия трусости, порок,

которому нельзя найти достаточно скверного названия, который противен природе и который язык отказывается назвать.

Мы удивляемся храбрости, которую внушает свобода тем, которые ее защищают. Но то, что совершается во всех странах со всеми людьми всякий день, именно то, что один человек властвует над ста тысячами деревень и лишает их свободы; кто бы поверил этому, если бы только слышал, а не видел это. И если бы это можно было видеть только в чужих и удаленных землях, кто бы не подумал, что это скорее выдумка, чем справедливо. "Ведь того одного человека, который угнетает всех, не нужно побеждать, не нужно от него защищаться, он всегда побежден, только бы народ не соглашался на рабство. Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего не давать ему. Стране не нужно ничего делать, только бы она ничего не делала против себя, и народ будет свободен. Так что сами народы отдают себя во власть государям; стоит им перестать рабствовать, и они станут свободны. Народы сами отдают себя в рабство, перерезают себе горло. Народ, который может быть свободным, отдает сам свою свободу, сам надевает себе на шею ярмо, сам не только соглашается с своим угнетением, но ищет его. Если бы ему стоило чего-нибудь возвращение своей свободы, и он не искал бы ее, этого самого дорогого для человека, естественного права, отличающего человека от животного, то я понимаю, что он мог бы предпочесть безопасность и удобство жизни борьбе за свободу. Но если для того, чтобы получить свободу, ему нужно только пожелать ее, то неужели может быть народ в мире, который бы считал ее купленной слишком дорогой ценой, если она может быть приобретена одним желанием? Человек может посредством одного желания возвратить благо, которое можно выкупать ценой своей крови и которое, если потеряно, то жизнь становится мучительной и смерть спасительной, и не желает этого. Как огонь от одной искры делается большим и всё усиливается, чем больше он находит дров, тухнет сам собой, если только не подкладывают дров, сам себя уничтожает и теряет свою форму и перестает быть огнем; таким же образом и властители, чем больше они грабят, чем больше требуют, чем больше разоряют и уничтожают, чем больше им дают и им служат, тем они больше усиливаются, становятся сильнее и жаднее к уничтожению всего, тогда как если им ничего не дают, не слушаются их, то они без борьбы, без битвы становятся голы и ничтожны, становятся ничем, так же как дерево, которое не имеет соков и пищи, становится сухою и мертвою веткой.

Смелые люди не боятся опасности, чтобы приобретать то благо, которого желают, умные не отказываются от труда. Если трусливые и не умеют переносить страдания и приобрести благо, они не стремятся к нему вследствие своей трусости, но желание иметь его остается в них. Это желание свойственно и мудрым, и неразумным, и храбрым, и трусам. Все

они желают приобрести те вещи, которые сделают их счастливыми и довольными; только одно из них, я не знаю почему, люди не желают ее, а именно -- свободы, которая составляет такое великое благо, что как скоро оно потеряно, то все другие бедствия следуют за ним, и даже те блага, которые остаются после него, теряют свой вкус и свою прелесть. И это-то великое благо, которое люди получили бы, как скоро они бы пожелали его, они не желают приобрести как будто только потому, что оно слишком легко.

Бедные, несчастные люди, бессмысленные народы, упорные в своем зле, слепые к вашему добру, вы позволяете отбирать от вас лучшую часть вашего дохода, грабить ваши поля, ваши дома, вы живете так, что можете сказать, что ничто не принадлежит вам. И все эти бедствия и разорения происходят не от врагов, но от врага, которого вы сами себе делаете, за которого вы мужественно идете на войну, за величие которого вы не отказываетесь идти на смерть. Тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, две руки, одно тело и ничего не имеет, чего бы не имел ничтожный человек из бесчисленного количества ваших братьев; преимущество, которое он имеет перед вами, -- только то право, которое вы даете ему, истреблять вас. Откуда бы взял он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы не давали их ему? Как бы он имел столько рук, чтобы бить вас, если бы он не брал их у вас? Или откуда взялись бы у него ноги, которыми он попирает ваши села, откуда они у него, если они не ваши? Откуда бы была у него власть над вами, если бы вы не давали ее ему? Как бы он мог нападать на вас, если бы вы не были заодно с ним? Что бы он мог сделать вам, если бы вы не были укрывателями того вора, который вас грабит, участниками того убийцы, который убивает вас, если бы вы не были изменниками самим себе? Вы сеете для того, чтобы он уничтожил ваши посевы, вы наполняете и убираете ваши дома для его грабежей; вы воспитываете ваших детей с тем, чтобы он вел их на свои войны, на бойню, чтобы он делал их исполнителями своих похотей, своих мщений; вы надрываетесь в труде для того, чтобы он мог наслаждаться удовольствиями и гваздаться в грязных и гадких удовольствиях; вы ослабляете себя для того, чтобы сделать его сильнее и чтоб он мог держать вас на узде. И от этих ужасов, которых животные не перенесли бы, вы можете освободиться, если захотите не только освободиться, но только пожелать этого. Решитесь не служить более, и вы свободны. Я не хочу, чтобы вы бились с ним, нападали на него, но чтобы вы только перестали поддерживать его и вы увидите, что он, как огромная статуя, из-под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги.

Июнь

27 января 1894 года в больнице Воронежской тюрьмы умер от воспаления легких некто Дрожжин, бывший сельский учитель Курской губернии. Тело его брошено в могилу на острожном кладбище, как кидают туда тела всех преступников, умирающих в тюрьме. Между тем это был один из самых святых, чистых и правдивых людей, какие бывают в жизни.

В августе 1891 года он был призван к отбыванию воинской повинности, но считая всех людей братьями и признавая убийство и насилие самым большим грехом, противным совести и воле бога, он отказался быть солдатом и носить оружие. Точно так же признавая грехом отдавать свою волю во власть других людей, могущих потребовать от него дурных поступков, он отказался и от присяги. Люди, жизнь которых основана на насилии и убийстве, заключили его сначала на год в одиночное заключение в Харькове, а потом перевели в Воронежский дисциплинарный батальон, где в течение 15 месяцев мучили его холодом, голодом и одиночным заключением. Наконец, когда у него от непрерывных страданий и лишений развилась чахотка, и он был признан негодным к военной службе, его решили перевести в гражданскую тюрьму, где он должен был отсиживать еще 9 лет заключения. Но при доставлении его из батальона в тюрьму в сильный морозный день полицейские служители по небрежности своей повезли его без теплой одежды, долго стояли на улице у полицейского дома и поэтому так простудили его, что у него сделалось воспаление легких, от которого он и умер через 23 дня.

За день до смерти Дрожжин сказал доктору: "Жил я хотя недолго, но умираю с сознанием, что поступил по своим убеждениям, согласно со своей совестью. Конечно, об этом лучше могут судить другие. Может быть... нет, я думаю, что я прав", сказал он утвердительно.

На другой день он умер.

Е. И. Попов.

ПИСЬМО ВОЕННОГО ВРАЧА А. ШКАРВАНА,

ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В 1894 ГОДУ.

Господин старший врач!

Я должен был бы устно сообщить вам то, что пишу, но пользуюсь пером, так как боюсь, что лично я мог бы это сделать недостаточно ясно и спокойно.

Я решил не возвращаться более к своим военным обязанностям, решил перестать быть солдатом, а следовательно не буду ни носить военного мундира, ни исполнять госпитальной службы, которая в сущности -- та же военная.

Отказываюсь я от этого потому, что это противоречит моим убеждениям, моему образу мыслей, моим познаниям, моему религиозному чувству. Я -- христианин и, как таковой, не могу способствовать милитаризму ни словом, ни делом. До сих пор я делал это потому, что не имел достаточно духовной силы для того, чтобы одному противустоять такой могучей силе, какую представляет военная организация. Теперь мое решение укрепилось и произошло это не в какую-нибудь патетическую минуту, но оно есть последовательный результат моих мыслей и стремлений в продолжение нескольких лет.

Мне ясно представляется, каким глупым, греховным и смешным должно показаться военному суду мое намерение. Знаю также и то, что за это я должен буду претерпеть тяжелое наказание, -- что власти будут держать меня в тюремном заключении столько, сколько им пожелается.

Но я отдаюсь власти, которая выше всей могущественной Европы. "Я хочу согласовать свою жизнь с требованиями одной только истины, т. е. вечной, единой, божественной истины. Эта истина повелевает мне не гнуть более шеи под тем всеобщим рабским ярмом военщины, которое все правительства налагают в настоящее время на человечество.

Что военный врач должен преследовать, как об этом говорят и пишут, более гуманные и благородные цели, я считаю неверным, потому что он так же, как прочие военные, не что иное, как лишенное воли орудие, существующее для того, чтобы делать правильно, хорошо и последовательно то, что требует устав, а именно иметь заботу о том, чтобы войско могло возможно дольше выполнять свою грубую бесчеловечную работу. Вот всё, что я имею сказать. Прошу сохранить это письмо для того, чтобы оно могло быть передано суду, так как я и там едва ли буду иметь что прибавить к тому, что сказано в нем.

Я буду ожидать на своей квартире в "Кронен Казерне" вашего распоряжения.

Д-р А. Шкарван.

Кроме этого письма, А. Шкарван высказал в следующей статье те причины, по которым он нашел невозможным служить военным врачом.

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ СЛУЖИТЬ ВОЕННЫМ ВРАЧОМ

Многих поражает то обстоятельство, что я отказался продолжать военную службу в качестве врача. Многие допускают что отказ от строевой службы еще понятен, так как назначение строевого солдата несомненно состоит в том, чтобы обучаться убийству, и если начальство того потребует, то и совершать убийства.

"Но, -- спрашивают люди, -- как может отказаться от своей службы военный врач, звание и обязанность которого состоит совсем не в убийстве людей, а, наоборот, в том, чтобы подавать помощь больным, страдающим и, следовательно, -- творить дела гуманные, дела милосердия?"

"Деятельность врача, -- добавляют еще такие люди, -- есть сама по себе христианская деятельность, и потому тот, кто бросает эту деятельность заслуживает даже с нравственной точки зрения скорее осуждения, чем сочувствия".

И люди, при общей, свойственной им склонности не разбирать настоящего положения вещей, охотно принимают такого рода рассуждения, считая вопрос решенным, и кладут его в сторону, чтобы больше не думать о нем. Такие возражения мне пришлось слышать не только от военных, но равно и от гражданских людей, не только от матерьялистов, но даже и от людей несомненно религиозных. Это самое мне выражали даже некоторые назарены, люди, понявшие греховность военной службы, отказывающиеся от нее, и за это убеждение всю свою молодость просидевшие в тюрьмах и умирающие там.

Является вопрос, как может мнение назарен быть согласно с мнением людей совсем других взглядов на войну? И другой вопрос: справедливо ли это мнение?

Для меня несомненно то, что назарены пошли на более тонкий, но в сущности тот же самый самообман, когда они между собой решили поступать -- если потребуют власти -- в санитарные роты, как они теперь и делают. В этом и всё объяснение.

Утверждать же, что служба военного врача, а с ней и служба санитарного солдата, не противны духу Христа, что такая служба составляет как бы добродетель, -- очень грубая ошибка. Ошибка заключается в том, что из всякого дела и занятия можно сделать дело дьявола (как это и доказывает

практика многих врачей), всё зависит лишь от того, как делающий известное дело относится к нему. Поэтому и неверно утверждение, что вообще занятие врача само по себе есть занятие благородное. Кроме того, путает этот вопрос еще и то обстоятельство, что громадное большинство людей относится к медицинской науке суеверно, даже не подозревая того, насколько справедливо изречение Фауста: "Der Sinn der Medizin 1st leicht zu fassen; du durchstudirst die grosse und die kleine Welt, um es am Ende gehn zu lassen, wie's Gott gefallt". (Сущность медицины легко усвоить; изучаешь великий и малый мир только затем, чтобы в конце концов оставить всё на божью волю.)

Но главное, что делает преступным службу военного врача, это та тесная связь, которая существует между его деятельностью и убийством людей, -- настоящим назначением армий. Связь эта лицемерно прикрыта плащом гуманности и потому не так очевидна людям. Тем не менее она существует, и всякий желающий видеть может ее видеть, ибо очень легко поднять этот плащ, под которым скрывается тот же разбойник.

Военный врач свидетельствует солдат, т. е. решает, кто из людей годится для пушечного мяса, кто нет, осматривает тех солдат, которых наказывает начальство, т. е. решает, кого можно затворить в темницу, на кого можно надеть кандалы, кого можно лишить еды и т. п., следовательно, постоянно содействует бесчеловечному, зверскому насилию над людьми.

Но предположим даже, что он всего этого не будет вынужден делать и что, кроме добросовестного лечения больных солдат, не будет ничем другим заниматься, -- даже это ничуть не уничтожило бы греховности его деятельности, *ибо нельзя не спросить себя, нельзя не видеть того, какая цель преследуется этим лечением. Военный врач во всяком случае представляет наемника за деньги, нанятого организованной шайкой убийц единственно для того, чтобы наблюдать за здоровьем людей, предназначенных на убой и на совершение убийства*.

И нельзя в этом случае не сознавать того, что всем известно, -- того, что быть пособником в каком бы то нж было виде безнравственному, дикому учреждению, -- постыдно и унизительно, какое бы хорошее название ни давали этому делу, какой бы красивый мундир за это ни надевали, сколько бы золотых крестиков ни дарили за такую службу. Ведь наверное ни одна честная женщина ни за какие деньги не согласится поступить в кухарки в шайку разбойников, хотя приготовление кушанья не только не составляет греха само по себе, но нужное и необходимое для людей условие жизни. И в чем же разница между разбойниками и армиями? Единственно лишь в размерах грабежа.

Пора бы нам всем понять, что постыдно и унизительно продавать свои знания тем, кто нуждается в них, для более легкого достижения своих злых намерений!

Пора бы понять, что всякое малейшее содействие в основанных на насилии делах правительства составляет для человека, желающего себе и другим блага, -- унижение собственного достоинства и великое преступление против самых элементарных требований не только любви, но даже простой гуманности!

Июль

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА ПЕТРА ОЛЬХОВИКА, ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

См. т. 41, стр. 501--515.

Август

Недавно приходит ко мне полицейский надзиратель с городовым и с двумя понятыми и говорит: "Господин исправник в комиссии с воинским начальником прислали меня пригласить вас в полицейское управление по делу о вашей неявке на проверку призывных по воинской повинности списков". Я немного растерялся и замялся в словах, а он прибавил: "Они сейчас в полицейском управлении ожидают вас". Я говорю: "Зачем же они ожидают, я не обещался приходить".

-- Но они вас просят, -- понимаете: исправник и воинский начальник прислали меня.

-- Так, -- я говорю,--но мне-то их совершенно не нужно.

-- Значит, не пойдете?

-- Да-а! не пойду.

-- Значит вы не признаете властей, идете против власти?

-- Я не иду против властей, пускай власти стоят, может быть, они кому-нибудь и нужны, но я-то не имею до них никакой нужды. Вот вы так грозно говорите: "исправник, воинский начальник" и "против властей", а я понимаю, что это тоже люди, рожденные, как и я, из утробы матери, пьющие, едящие, согрешающие и умирающие, словом, как все люди. И согласитесь сами, зачем же я пойду к человеку, которого мне совершенно не нужно. Если же, как вы говорите, я им нужен, -- ну тогда пускай ко мне придут.

-- Ну, да, -- сказал полицейский: -- но если так допустить, то никто не

будет ходить, а через это уничтожатся власти, -- значит, вы идете против властей?

-- Но вы поймите, что я говорю: мне они не нужны. Если я делаю какое-либо дело и оно не нужно людям, то как же я могу заставить их нуждаться в моем деле. То же и с властью. Она мне не нужна. Если я ошибаюсь, то, конечно, власти не уничтожатся оттого, что я, какой-то там ничтожный человек, сделал ошибку. Если же, как вы опасаетесь, что власти таким образом всем будут не нужны и через это уничтожатся, то что же делать, такова, значит, будет воля божия.

-- Так и не пойдете?

-- Ну, конечно!

- В таком случае до свиданья!

-- Будьте здоровы.

Зло властей в том, что они насильственны. Чтобы избавиться от насилия, надо научиться ладить друг с другом по добру, не нуждаясь в насильственности. А этого достигнуть можно только сознательной верой, разумением жизни, в исполнении воли отца нашего, иже есть на небесех, т. е. вечного закона. Пусть о всяком предстоящем деле всякий человек прежде удостоверится своим разумом, согласно ли оно с волей божией пли не согласно. И если согласно, то пусть делает его, если же не согласно, то пусть не только не делает его, но пальцем не шевелит, не произнесет ни одного звука на пользу такого дела. И тогда то, что не нужно, то уничтожится само собой по воле бога. Что будет развязано на земле, то развяжется и на небесах. Мудрость жизни состоит в том, чтобы соблюсти волю божию, чтобы суметь воздать за зло добром.

Бука.

Сентябрь

ОТКРОВЕНИЕ И РАЗУМ

См. Недельное чтение после 27 октября, стр. 176--180.

Октябрь

Раскрываемые перед нами историей ужасы всех религиозных гонений до Христа и после Христа, от Нероновых факелов до инквизиции, Варфоломеевской ночи, обоюдоострого меча Ислама и до совершающихся сейчас гонений, мучений и убийств наших русских сектантов -- все эти ужасы так убедительно свидетельствуют о безумии насилия и противления в целях духовного объединения, что трудно прибавить что-нибудь к этим кровавым свидетельствам.

Но самое главное, покрывающее все другие рассуждения, высшее разумение состоит в том, что люди живут на земле не затем, чтобы делать свою волю, а затем, чтобы исполнять волю божию, которая, кроме того, что выражена в признаваемом нами священным предании, заложена у каждого человека в разум и сердце. Все эти царства, правительства, суды, полиции и законы суть выражения обманчивой человеческой воли о том, чтобы люди все жили так, как это себе представляют желательным некоторые люди, но выходит всегда не так, по расписанию человеческому, а так, как угодно богу. Поскольку человеческие установления не мешают людям исполнять волю божию, постольку они вносят благо, счастье и порядок в жизнь людей, а уставщики обольщают себя, что это так хорошо будто всё от них. Поскольку человеческие установления противны воле божией, постольку они вносят зло, несчастье и беспорядок в жизнь людей, и обнаруживается глупость и богопротивность уставщиков. Не лучше ли и не проще ли заботиться об одном, чтобы делать предметом всеобщего познания, уяснения и возвеличения самую волю божию на место всех многочисленных, мудреных и часто непонятных и бессмысленных учреждений и законов человеческих? Люди, желающие сделать обязательными свои законы для людей, только мутят этим жизнь человеческую и отнимают их от исполнения воли божией. "Ищите прежде царствия божия и правды его, а прочее всё приложится", сказал Христос. Ведь это Моисей говорил своему жестоковыйному народу, что бог сам, своим перстом начертил заповеди на каменных скрижалях, да еще наши попы морочат ребят своим святым духом, но мы этому уже давно не верим, про наших же законодателей верно знаем, что они на Синай не лазят и вдохновляются законами не дальше своих кабинетов, департаментов и трактиров. А если так, то чем же они руководствуются, сочиняя законы? -- в лучшем случае не чем другим, конечно, как только присущим всякому человеку разумом. Так не лучше ли вместо больших сложных выдумок -- общественных учреждений -- употребить непосредственно самый разум орудием достижения всякого общественного блага? Разум дан нам богом не на то, чтобы нас обмануть, а он только в том и состоит, только на то и дан нам, чтобы выводить нас из заблуждения и наводить на познание воли божией. Сделайте такую милость, господа правители и законодатели, поймите, что все мы под

богом ходим, все мы одинаковые люди, и разум у нас у всех есть, а насилие ваше и не нужно, и бессмысленно, и возмутительно, и главное, заразительно и пагубно для нас господствующим примером.

А. Бука.

Ноябрь

ТРУДОЛЮБИЕ И ТУНЕЯДСТВО,

ИЛИ ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

СОЧИНЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА Т. БОНДАРЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как бы странно и дико показалось утонченно образованным римлянам первой половины 1-го столетия, если бы кто-нибудь сказал им, что неясные, запутанные часто нелепые письма странствующего еврея к своим друзьям и ученикам будут в сто, в тысячу, в сотни тысяч раз больше читаться, больше распространены и больше влиять на людей, чем все любимые утонченными людьми поэмы, оды, элегии и элегантные послания сочинителей того времени. А между тем это случилось с посланиями Павла.

Точно так же странно и дико должно показаться людям теперешнее мое утверждение, что сочинение Бондарева, над наивностью которого мы снисходительно улыбаемся с высоты своего умственного величия, переживет все те сочинения, описываемые в историях русской литературы и произведет больше влияния на людей, чем все они, взятые вместе. А между тем я уверен, что это так будет. А уверен я в этом потому, что как ложных и никуда не ведущих и потому ненужных путей бесчисленное количество, а истинный, ведущий к цели и потому нужный путь только один, так и мыслей ложных, ни на что не нужных, бесчисленное количество, а истинная, нужная мысль, или скорее истинный и нужный ход мысли, только один, и этот один истинный и нужный ход мысли в наше время излагает Бондарев в своем сочинении с такой необыкновенной силой, ясностью и убеждением, с которой никто еще не излагал его. И потому всё, кажущееся столь важным и нужным теперь, бесследно исчезнет и забудется, а то, что говорит Бондарев и к чему призывает людей, не забудется, потому что люди самой жизнью будут всё больше и

больше приводиться к тому, что он говорит.

Открытие всяких научных отвлеченных и научных прикладных, и философских, и нравственных, и экономических истин всегда совершается так, что люди ходят всё более и более суживающимися кругами около этих истин, всё приближаясь я приближаясь к ним, и иногда только слегка захватывая их, до тех пор, пока смелый, свободный и одаренный человек не укажет самой середины этой истины и не поставит ее на ту высоту, с которой она видна всем.

И это самое сделал Бондарев по отношению нравственно-экономической истины, которая подлежала открытию и уяснению нашего времени.

Многие говорили и говорят то же самое. Одни считают физический труд необходимым для здоровья, другие -- для правильного экономического устройства, третьи -- для нормального развития всесторонних свойств человека, четвертые считают его необходимым условием для нравственного совершенства человека. Так, например, один из величайших писателей Англии и нашего времени, почти столь же не оцененный культурной толпой нашего времени, как и наш Бондарев, несмотря на то, что Рёскин образованнейший и утонченнейший человек своего времени, т. е. стоящий на противоположном от Бондарева полюсе, -- Рёскин этот говорит: "Физически невозможно, чтобы существовало истинное религиозное познание или чистая нравственность между сословием народа, которое не зарабатывает себе хлеба своими руками".

Многие ходят около этой истины и выговаривают ее с разными оговорками, как это делает Рёскин, но никто не делает того, что делает Бондарев, признавая хлебный труд основным религиозным законом жизни. И он делает это не потому (как это нам приятно думать), что он невежественный и глупый мужик, не знающий всего того, что мы знаем, а потому что он гениальный человек, знающий то, что истина только тогда истина, когда она выражена не с урезками и оговорками и прикрытиями, а тогда, когда она выражена вполне.

Как истина о том, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым, выраженная так, что сумма углов в треугольнике бывает иногда приблизительно равна двум прямым, теряет всякий смысл и значение, так и истина о том, что человек должен работать своими руками, выраженная в виде совета, желательности, утверждения о том, что это может быть полезно с некоторых сторон и т. п., теряет весь свой смысл и свое значение. Смысл и значение эта истина получает только тогда, когда она выражена как непреложный закон, отступление от которого ведет за собой неизбежные бедствия и страдания, и исполнение которого требуется от нас богом или разумом, как выразил это Бондарев.

Бондарев не требует того, чтобы всякий непременно надел лапти и пошел ходить за сохою, хотя он и говорит, что это было бы желательно и

освободило бы погрязших в роскоши людей от мучающих их заблуждений (и действительно, кроме хорошего, ничего не вышло бы и от точного исполнения даже и этого требования), но Бондарев говорит, что всякий человек должен считать обязанность физического труда, прямого участия в тех трудах, плодами которых он пользуется, своей первой, главной, несомненной священной обязанностью и что в таком сознании этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себе представить, каким образом честный и думающий человек может не согласиться с этим.

Лев Толстой.

ТРУДОЛЮБИЕ И ТУНЕЯДСТВО

"В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возврати-шнся в землю, от нее же взят".

(Бытия 3, 19).

Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем, сколько есть вас в свете, не работающих хлеб для себя.

Ты, высший класс, тысячи книг написал. Мало ли там неуместного и даже вредного? И, несмотря на то, все они приняты, одобрены и обнародованы.

Мы же, низший класс, с своей стороны написали одну коротенькую, настоящую повесть, -- это за все веки и вечности, -- в защиту себя, а ты за один только недостаток красноречия и за худость почерка опровергнешь ее, -- так уверяли меня многие. Это будет высшей степени обида для нас, -- также, мне кажется, и для бога.

Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских и ни в каких писаниях хлебный труд и трудящийся в нем не одобряются, а до-нельзя унижаются?

На два круга разделяю я мир весь: один из них возвышенный и почтенный, а другой униженный и отверженный. Первый, богато одетый и за столом, сластями наполненном, в почтенном месте величественно

сидящий, -- это богатый; а второй -- в рубище, изнуренный сухоядением и тягчайшими работами, с унижением и плачевным видом перед ним у порога стоящий -- это бедные земледельцы. Истину слова моего подтверждает евангельская притча (Луки 16, 20).

Адам, за преступление богом данной ему заповеди не вкушать от запрещенного дерева плодов, не то что сам лишился блаженства, но и весь будущий род свой до скончания века подверг тому же бедствию. Из этого видно, что он сделал величайшее беззаконие из всех беззаконий, а никак не буквально яблоко съел.

Потом начал он скрываться в кустарниках сада того, как повествует нам св. Писание: "Скрыся же Адам и жена его посреди древа райска".

А от кого скрывался? -- тогда людей не было. Конечно, от бога.

Вот видишь ли, в какое безумие ввергает грех человека. Да разве же можно скрыться от бога?

Из этого видно, что он, оценив свое преступление, чаял выше всех мер получить от бога наказание; а сверх чаяния он получил божественный приговор такой: "за преступление данной мною тебе заповеди вот тебе наказание: "в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от нее же взят".

Не работал ли затем Адам в продолжение своей жизни (930 лет) до кровавого пота для себя хлеб своими руками, исполняя наложенную на него эпитимию?

А ты, высший класс, его же корня отрасль, почему же ты во всю свою жизнь и близко к этой эпитимии подойти не хочешь, а ешь много раз в день? Пусть бы ты был такой заброшенный, как я и подобные мне земледельцы. Нет, ты вот насколько (указывая рукою своей выше головы моей) умнее и образованнее, а какое великое перед богом и людьми делаешь преступление.

Бог сказал Еве: "Умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя (какое страшное изречение), в болезнях родиши чада твоя".

Теперь спрашиваю, почему в женской эпитимии никаких тайных изворотов и иносказаний нет, а как сказал бог, так все буквально и сбывается.

Как жене, живущей в убогой хижине, так и царице, на престоле сидящей, на голове корону имеющей, одна и та же участь: "в болезнях родиши чада своя". Ни малейшей разницы нет. Да! до такой степени в болезнях, что по дням лежит полумертвой, а иногда и совсем умирает.

Но вот эта именитая жена могла бы сказать так: "Мне родить некогда, я занята нужными и необходимыми государственными делами, а рождением более убытку принесу государству, нежели пользы. Да еще и потому прилично ли мне равняться с последнею крестьянкою, с мужичкою? Поэтому я лучше за деньги найму другую женщину родить для меня дитя или за деньги куплю готового ребенка, и он будет мой собственный, как и тот, которого я сама рожу". Она могла бы рассудить и сделать так? Нет, нельзя переменить постановление божие.

Собери со всего света сокровища и отдай их за дитя, а оно не будет твоим, а как было чужое, так чужим тебе и останется. Чье же оно? Да той матери, которая его родила. Так же и муж: и он тоже может отказаться от хлебной работы, купить деньгами один фунт хлеба; а он как был чужой, так и будет чужим. Чей же он? Да того, кто его работал. Потому что как богом положено: жене не должно прикрываться деньгами или какими-либо изворотами от рождения детей, так и муж должен для себя, и для жены, и для детей своими руками работать хлеб, а не прикрываться деньгами или другими изворотами, несмотря ни на какое достоинство.

Самим богом жене сказано: "Не хлеб работать, а в болезнях родить чада". Почему же наши жены работают? Пока твоего, читатель, ответа дожидаться, я сам делаю оный.

Вас, поедающих наших трудов хлеб, найдется в России до 30 миллионов, да если еще удалить по заповедям от этого груда жен ваших, тогда что же выйдет? да одно, что весь мир должен голодною смертью погибнуть. Вот теперь ясно и законно открылось нам, что наши жены вашу часть и на вас, белоручки, работают хлеб против заповеди. Вы их труды посдаете.

Жена, убившая плод чрева своего, во всю жизнь раскаивается, из глубины души своей вздыхает и просит у бога прощения, а под старость накладывает на себя посты, молитвы, чем, можно думать, и вымолит у Бога прощение за уничтожение своей заповеди.

Раскаиваешься ли ты, читатель, в том, что всю свою жизнь и чужих трудов хлеб ешь! Просишь ли ты у бога и у людей прощение? Никогда и нисколько, да тебе и на разум это не приходит, а положился смело на деньги, да живешь весь свой век припеваючи и признаешь себя вполне правым перед богом.

Если бы эта первородная и самим богом изреченная заповедь, которая есть мать и родительница всех добродетелей и подательница временных и вечных, земных и небесных благ, была тобою принята и уважаема, тогда

до того возлюбили бы хлебный труд, что многие отцы отдали бы детям своим такое завещание: "Если я приближусь к смерти, то отведи меня на хлебную ниву, чтобы там разлучилась душа моя с телом; на ней же и погреби прах мой".

А теперь что же? Которые работают, не ждут себе от бога награды, а которые чужие труды пожирают, не ждут наказания.

Если бы, опять повторяю, эта заповедь была тобою принята и уважаема, какое великое поощрение подали бы вы собою земледельцам к хлебному труду! Они до того приложили бы попечение, что одна десятина принесла бы за пять нынешних.

Если бы мы все уклонялись от нее, то вы имеете право нас неволею к тому принудить; а если вы удалились от оной, или, вернее сказать, от заповедавшего ее, как евангельский блудный сын от отца своего, то кто вас принудит к тому?

А за что на нас такая низость?

Разве бог не в силах был избрать иной путь к произведению в свет хлеба, а эпитимию в том наложил за грехи наши, т. е. как человек не может без греха прожить на свете, и без хлеба не может жить, как будто невольно заставил нас избавиться от грехов наших?

И вы такое дорогое лекарство бросили под ноги свои, как выше сказано, в гроб положили, чтобы никто из живущих на земле не мог найти; а вместо того поставили, что одною только верою в единого бога без понесения трудов можно спастись.

Да и дьявол верит, что единый есть бог, и повинуется ему, как мы видим у Иова, глава II.

Да хотя бы хлебный труд к маленьким добродетелям причли, -- и того не удостоили; из головы хоть сделали бы его хвостом, и того не сподобили.

Будете вы тяжело и без малейшей пощады наказаны богом за то, что на столько тысяч лет уложили эту заповедь под тяжелый гнет и из живого существа сделали мертвое.

Сколько ни есть на свете разных злодеяний и великих преступлений, как-то: воровство, убийство, грабежи, обманы, взятки и разного рода лихоимства, а всему тому причина то, что эта заповедь от людей скрыта.

Богатый делает все это с тою целью, чтобы не приблизиться к этому гнусному занятию, а бедный, чтобы избавиться от оного. Поставь же эту заповедь перед очи всего мира во всей ее силе и достоинстве, тогда в короткое время прекратится всякое злодеяние и избавятся люди от тяжкой нищеты и несносного убожества.

Не всуе же бог вначале никаких добродетелей не назначил, кроме

хлебного труда, и ни от каких пороков не приказал удаляться, как только от беганья от оного.

Из этого видно, что этот труд все добродетели в себя забрал. Напротив того, леность да праздность все пороки присвоили. А если ныне есть из земледельцев злодей, то это потому, что он этого закона не знает. Но при этом нужно не упускать из вида, что и прочие труды есть добродетель, но только при хлебе, т. е. своих трудов хлеба наевшись.

Хлебный труд есть священная обязанность для всякого и каждого и не должно принимать в уважение никаких отговоров: чем выше человек, тем более должен пример показывать собою другим в этом труде, а не прикрываться какими-нибудь изворотами, да не хорониться от него за разные углы.

Потому я извлекаю здесь доказательства из богословия, что, кроме богословия, мне взять не из чего доказательства об этом труде.

А второе потому, что люди нашего класса сильно верят в и бога, в будущую жизнь, в святое писание. Они, услыхав все это, как алчущие к хлебу и как жаждущие к воде, будут стремиться к этому труду, а потом и ко всем трудам.

Тогда темная ночь для них будет светлый день, дождь -- вёдро, грязь -- сухо, мороз -- тепло, буран -- тихо, дряхлая старость -- цветущая молодость, немощь -- полное здоровье.

Хлеб нельзя продавать, и покупать, и им торговать, и из него богатства наживать, потому что стоимость его выходит за пределы человеческого разума. В крайних уважительных случаях его нужно даром давать, как-то: на больницы, на сиротские дома, на сидящих в темницах, на истомленные неурожаем области, на разоренных пожаром, на вдов, сирот и калек, на дряхлых и бездомных.

Земледельца побуждает к великому милосердию на хлеб голос природы и помянутая заповедь.

Но если бы к этому милосердию да мог бы он проникнуть в глубину ее таинств, то исполнилось бы все сказанное в предыдущем вопросе. Тогда не просил бы один у другого: дай мне хлеба, а просил бы: прими от меня хлеб, да едва ли и нашел бы охотника есть чужие труды.

Сколько тысяч пудов пшеницы, сколько зерен, сколько рублей серебром в год собирается с нас податей, акцизов, пошлин и разного рода сборов.

Кроме того, господа помещики, купечество и все богачи имеют

несосчитаемые миллионы; деньги же даром не даются, их нужно кровавыми мозолями выработать, по сказанной заповеди, руками, а не языком и пером.

Спрашиваю: чьи руки трудились над этими деньгами? Конечно, наши. В чьи же они идут? Конечно, в ваши, -- белые, -- на роскоши ваши. Словом, весь свет лежит на руках наших.

Это в высшей степени обида для нас, а для вас унижение. Я знаю, что ты во сто раз умней и образованней меня, потому ты и берешь с меня деньги и хлеб. А если ты умен, то ты должен умилосердиться надо мною, слабым, как сказано: "люби ближнего своего, как самого себя", а ведь я ближний твой, а ты мой.

Почему мы бедны и глупы? -- потому что сами в своих трудах хлеб едим и вас кормим. Есть ли нам время учиться да образоваться? Вы как хлеб наш, так вместе с ним и разум наш или тайно украли, или нагло похитили, или коварно присвоили.

Вам следует перед обедом не у бога просить благословения, а у нас, земледельцев. И после обеда не богу отдавать благодарность, а нам.

Если бы вам бог послал с неба манну, как Израилю в пустыне, тогда бы вы должны были отдавать ему благодарность, а если через наши руки, то нам, потому что мы вас, как малых детей или калек, кормим.

Неужели бог дал эту тяжелую заповедь нам одним, а вам приказал деньгами прикрываться от нее?

-- "У меня, -- говорит богач, -- деньги работают хлеб".

Врешь ты, -- деньги перед богом не согрешили, потому им и заповедь не положена. Да они и хлеба не едят, потому и работать не обязаны. Как же ты говоришь: "У меня деньги работают".

Вы отмахиваетесь от хлебного труда еще тем, что земли и без того мало, а если все будут работать, где взять ее (тем более, как ты начнешь работать, то всю землю спашешь).

Вы законною защитою для себя признаете и такую отговорку от хлебного труда: у меня есть одно дело, и мне не разорваться, чтобы успеть здесь и там; заняться земледелием -- тогда некогда подумать о другом деле.

Спрашиваю: у меня, кроме хлеба, есть еще много дел, как же я успеваю думать и на деле выполнять, я -- необразованный мужик? А если бы у меня было столько ума и образования, сколько у тебя, я бы тогда тысячу дел выполнил. Почему же ты такую бездну разума имеешь, а, кроме одного дела, о другом и подумать не можешь?

Говорят: другой в двадцать раз больше земледельца трудится, -- можно ли его назвать тунеядцем?

335 дней в году работай, чего хочешь, и занимайся, чем знаешь, а 30 дней в разные времена года должен всякий человек работать хлеб.

Если бы бог положил тебе за грехи такую заповедь: Возьми в сто пудов камень и носи, -- ты сказал бы: -- я этого не могу, ты мне столько силы не дал, и еще: летай по воздуху, как птица, -- ты мне крыльев не дал, потому я этого сделать не могу и т. д.

Такое оправдание уважительное.

А хлеб почему не можешь работать? Конечно, только потому: "кто я? у меня руки белые и нежные, а хлеб колкий".

Ты прикрываешься от хлебного труда еще и тем, что кто бы чем ни занимался, все относится к той заповеди: "В поте лица твоего снеси хлеб твой".

Один из вас говорит: "Я сегодня несколько строк написал, значит, я в поте лица ем хлеб".

Другой: "Я сегодня несколько приказов словесных людям отдал, чтобы они старательно мне работали, поэтому я в поте лица ем хлеб".

Третий: "Я сегодня в богатой карете по городу прокатился, и я в поте лица ем хлеб".

Четвертый: "Я сегодня гнилой товар за хороший, дешевый за дорогой продал и неопытных людей обманул, поэтому и я в поте лица ем хлеб".

А вор в свою очередь говорит: "Я всю ночь не спал, своими руками работал, я более всех вас в поте лица хлеб ем" и т. д.

Если не истиною, то красноречием и хитростью все делаются правы, как говорит Крылов: "Все те звери, которые когтями и зубами богаты, все они вышли правы, чуть не святы, а на смиренного вола подняли толки, кричат тигры и волки, и они его задушили и на костер свалили".

Из всех предыдущих вопросов видно, что нет в свете отвратительнее нечистоты, как чужих трудов хлеб. Напротив же того, нет душеспасительней святыни, как своих трудов хлеб. Это я говорю не по догадке, а по коренным божественным законам, с чем согласен и естественный наш закон.

О, умилосердись, великосветский класс, сам над собою. Не предай ты этого дела к уничтожению. А если есть здесь что-либо сильно

противузаконное, то уничтожь лучше меня одного, а дело это положи на вечное время в архив, где хранятся важнейшие государственные акты. Может статься, в последующих поколениях найдется настолько справедливый человек, что во всем настоящем составе обнародует его. Пусть же я один погибну, а миллионы земледельцев получат величайшую радость и облегчение в трудах своих.

Во всем мире жалоба на бога такая: если в боге бесконечная милость, то откуда же бесчисленные бедствия, которым подвергаются бедные люди.

Если бог правосудный правитель мира, то откуда же неравенство между людьми? Почему порок счастлив, а добродетель несчастна? Да виновато ли зеркало, когда у самих нас рожа крива, то есть причина ли тому бог, что мы первородный его закон, который ведет к равенству всех, опровергли?

Утверди такой закон, чтобы ни один человек не осмелился ни одной крошки хлеба есть чужих трудов без уважительных причин. Тогда люди хотя и не сравняются, а все-таки много ближе станут друг к другу, -- хлебный труд подсечет крылья гордости.

Ведь мы бедны от вашего богатства, а вы богаты от нашей бедности.

Пусть бы была эта обида временная, нет -- она вечная. Как прошедшие, так и настоящие наши поколения пили, пьют и будут пить эту горькую чашу. Не видать им покровителя и защитника никогда. А все потому, что вы нашу родительницу, т. е. заповедь живую, в гроб положили.

Хотя я и во всю свою жизнь видал, но слепо, а теперь, по исследовании мною этой заповеди, вижу ясно следующее: разъехались люди по всем полям всего света и сильно работают хлеб, даже малые дети и грудные малютки, которые еще не ели его, а также хлеба ради страдают. Не суть ли они истинные пчелы, которые летают по полям и собирают мед в свой улей? А высший класс, представил я себе, не есть ли трутни, которые только поют и ничего не делают, а знают одно: чужие труды поедают.

Много на свете ловят воров, но то не воры, а шалуны. Вот я поймал вора, так вора! Он обворовал церковь и бога живого и унес первородный закон, нам, земледельцам, принадлежавший; нужно же указать лично на этого вора. Кто не работает для себя хлеб своими руками, а чужие труды пожирает, тот вор, -- возьмите его и предайте суду.

Пчелы трутням крылья подсекают, чтобы их трудов мед не ели. Вот дошла и наша очередь до вас, трутней, -- и мы вам крылья подсекли, чтобы вы наших трудов хлеба не ели. Я знаю, что вы и после этого будете есть, да еда эта такая будет: ты хлеб в глотку, а совесть тебя за глотку, -- от нее

ничем не избавишься.
Если бы хлеб был, как и прочие вещи, неправдою приобретенные, их положил куда подальше, -- они лежат там преспокойно. Нет, хлеб нужно в рот класть! Об этом стоит подумать.

Я слышу часто, что хотят всю вселенную соединить в одну веру. Верный ли этот слух, -- не знаю. Если верный, то, вместо того чтобы соединить, она еще разделится на столько же толков, сколько их ныне, и выйдет не то что полезный, а даже вредный труд.
Хорошо было соединять в древности, когда народ был дикий, -- куда хочешь, туда его и веди, он нитки не перервет. А теперь его тройным канатом не стащишь, -- во-первых, по привычке к своему обыкновению, а во-вторых, по гордости, чтобы не покоряться один другому. А утверди веру на одном первородном законе без примеси посторонних правил, тогда в короткое время сольется вся вселенная в одну веру в бога, потому что хлеб самого закоснелого преклонит, смягчит и на путь добродетели наставит.

О! Слеп ты, слеп, ученый человек! Смотришь во все глаза в св. писание, а не видишь тех дверей, в которые бы мог выйти и порученное тебе от бога стадо вывести из-под гнета греха, и не видишь ты прямо ведущей стези в жизнь вечную; слепота твоя подобна содомеянам, которые были поражены слепотой, "ищуще дверей Лотовых".
Но те слепоту свою в себе видели, а ты, будучи слеп, думаешь, что смотришь светло и все видишь ясно, и сам все знаешь без толкователей и никто тебе ни в чем указывать не должен. Слепота твоя подобна еще Валааму, который ехал на осле, а ангел господний стоял с обнаженным мечом на пути, осел, который под Валаамом, ангела видит, а Валаам нет. Я осел, а ты Валаам, и ездишь ты на мне от юности моея.

Разделилась вселенная вся на тысячу вероучений, то как одна должна быть вера, как и бог один.
Первородный закон "в поте лица твоего снеси хлеб твой" все вероучения собрал бы воедино, и если бы только они узнали всю силу благости его, то прижали бы его к сердцу своему. И он в одно столетие, а то и ближе, всех людей, от востока до запада, от севера до юга, соединил бы в одну веру, в единую церковь и едину любовь.

Декабрь

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ДУРАКЕ И ЕГО ДВУХ

БРАТЬЯХ: СЕМЕНЕ-ВОИНЕ И ТАРАСЕ-БРЮХАНЕ

И НЕМОЙ СЕСТРЕ МЕЛАНЬЕ И О СТАРОМ ДЬЯВОЛЕ И ТРЕХ ЧЕРТЕНЯТАХ

См. т. 25, стр. 115-138.

* МЫСЛИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЕМ

ПО ЦЕНЗУРНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ В ПЕРВОМ ИЗДАНИИ "КРУГА ЧТЕНИЯ"

19-е января

Для того, чтобы знать, что нравственно, надо знать, что безнравственно; для того, чтобы знать, что делать, надо знать, чего не должно делать.

1

Одна из ошибок внешних религиозных учений та, что они предписывают определенные дела, жертвы, таинства, молитвы, тогда как истинное религиозное учение только указывает на то, чего не должно делать.

2

Жизнь требует своего проявления. Если пути зла закрыты ей, она проявляется на пути добра.

Вольтер говорил, что если бы человеку в Париже стоило пожать пуговку для того, чтобы убить мандарина в Китае, многие из любопытства пожали бы пуговку.

В наше время Вольтер не сказал бы уже этого. Мы знаем теперь китайца и без особенных усилий видим в нем человека-брата. То, что почти не казалось преступным во время Вольтера, теперь уже явно преступно для самого нечуткого человека.

Жизнь всё более и более усложняется и соответственно с жизнью должны усложняться и нравственные требования.

Если был Каин, то Каину для того, чтобы не сделать дурного, надо было только не убивать Авеля; но в наше время Каин, поступивши в гусарский полк и поехавши на Дальний Восток, очень ошибается, если он думает, что он, убивая японцев, лучше Каина, убившего Авеля.

Мало того, тот царь, адмирал, техник, который готовит орудия, порох, броненосцы, дворянский предводитель, председательствующий при наборе рекрутов, губернатор, сборщик податей, жандарм, все должны при усложнившихся условиях понимать, что они такие же Каины. И что для них воздержаться от службы, от жалованья только, чтобы не быть участниками убийства братьев, то же что было для Каина воздержаться от прямого братоубийства.

5

Как часто встречаешь людей, возмущающихся против войны, тюрем, насилия и вместе с тем хотя и не непосредственно, но участвующих в тех самых делах, которые они осуждают.

6

Человек нашего времени не может достаточно внимательно исследовать цели и приложения тех кажущихся невинными дел, которые он делает, если он хочет жить нравственной жизнью. Человек, съедая котлету, должен знать, что эта котлета есть тело убитого барашка, отнятого у матери, и, получая жалованье на оружейном, пороховом заводе или как офицер или чиновник по сбору податей, должен знать, что деньги, которые он получает, это пот и кровь замученных и убитых, или имеющих быть замученными и убитыми людей, и что участие его в этих делах есть дело нисколько не лучше, хотя и более скрытое, чем дело Каина.

7

В наше время самые большие и вредные преступления не те, которые совершаются временами, а те, которые совершаются хронически и не признаются преступлениями.

Не утешай себя мыслью, что если ты не видишь тех, которых ты мучаешь и убиваешь, несли у тебя много товарищей, делающих то же, что ты не мучитель, не убийца. Ты мог не быть им до тех пор, пока не знал, откуда деньги, которые попадают тебе в руки, но если ты знаешь, то нет тебе оправдания не перед людьми (перед людьми во всем и всегда оправдание), а перед своей совестью.

22-е января

1

Они берут человека во всей силе, в лучшую пору молодости, дают ему в руки ружье, на спину ранец, а голову его отмечают кокардой, потом говорят ему: мой собрат, государь такой-то дурно обошелся со мной, и потому ты должен нападать на всех его подданных; я объявил им, что ты такого-то числа явишься на их границу, чтобы убивать их.

Ты, может быть, по неопытности подумаешь, что наши враги-- люди, но это не люди, а пруссаки, французы (японцы); ты будешь отличать их от человеческой природы по цвету их мундира. Постарайся исполнить как можно лучше твою обязанность, потому что я, оставаясь дома, буду наблюдать за тобой; если ты победишь, то тогда вы возвратитесь, я выйду к вам в мундире и скажу: солдаты, я доволен вами. В случае если ты останешься на поле сражения, что весьма вероятно, я пошлю сведения о твоей смерти твоему семейству, чтобы оно могло оплакивать тебя и наследовать после тебя. Если ты лишишься руки или ноги, я заплачу тебе, что они стоят. Если же ты останешься жив и будешь уже негоден, чтобы носить ранец, я дам тебе отставку, и ты можешь идти издыхать, где хочешь, это меня не касается.

Клод Тиллъе.

5

Нельзя царствовать невинно, еще менее можно невинно быть военным.

6

Войны имеют разные предлоги, но только одну причину -- армию.

Виктор Гюго.

Если не хочешь быть причастным убийству, относись ко всякому военному как свойственно относиться к заблудшему человеку, уличенному в убийстве. Можно побороть свое отвращение к такому человеку и пожалеть его, но если, как это происходит среди военных, они гордятся своим положением, нельзя, если невозможно образумить его, не желать избавиться от всякого отношения с таким человеком.

31-е января

1

Управление церквей иерархией может быть монархическое, аристократическое или демократическое; это касается только внутреннего устройства. Сама церковь остается, при всяких формах, всегда деспотична. Там, где постановления веры считаются основным законом, там царствует клир, который считает себя вправе не нуждаться ни в разуме, ни в науке, потому что он единый, имеющий власть, хранитель и толкователь воли невидимого законодателя и, имея власть, может не убеждать, но предписывать.

Кант.

9-е февраля

Всякий, кто носит мундир и вышивку на рукаве и кто наделен долей власти, -- делается неизбежно деспотом.

Урбан Гойэ.

17-е февраля

Церковная вера заменяет дела обрядами.

1

Тот, кто ставит на первое место соблюдение уставных, требующих публичного обнаружения законов, как необходимую часть религии, и притом не как только средство возбуждения морального настроения, а как объективное условие сделаться непосредственно через это угодным богу, стремление же к доброй жизни ставит на второе место после этой исторической веры, вместо того чтобы поместить первое, как нечто такое, что только условно может быть угодно богу после второго, которое единственно (само по себе) угодно ему, тот превращает служение богу в одно сотворение себе фетиша и отправляет ложное богослужение, которое обращает вспять всякое подготовление истинной религии.

Кант.

2

Если мы посланы в этот мир мудрым существом, в чем нет никакого сомнения, то будем стараться делать лучшее, что возможно в этом положении, и не позволим ослеплять себя откровениями. То, что человеку необходимо знать для его блаженства, он наверное знает без всякого иного откровения, кроме того, которым он обладает по самому своему существу.

Лихтенберг.

3

Прямым и неизбежным результатом гордости веры является то, что множество людей, склонных к добру, милосердных и кротких, которые могли бы при иных условиях своим терпением облегчить тяжесть общего креста и своею благотворною деятельностью пересилить влияние зла, удалились от этого истинного служения людям, с целью посвятить лучшую часть своей жизни ложному служению богу; разумею под этим стремление к недостижимому, оплакивание неизбежного и размышление о непостижимом.

Джон Рёскин.

4

Религия, соединяющаяся с неправдой для подавления присущих людям стремлений, хуже, чем атеизм.

Генри Джордж.

5

У нас множество церквей. У нас повсюду церкви, в которых проповедуются всевозможные религии, за исключением той, которая учит, что легче верблюду пройти через игольное ухо, чем богатому войти в царство божие, -- за исключением той, которая некогда выгнала торгующих из храма.

Генри Джордж.

Всякий внешний религиозный обряд враждебен религии. Обряды не могут вызвать религиозное настроение. Обряд вызывает только подобие его, заставляя человека думать, что он владеет тем, чего нет у него.

6-е марта

Истинная вера не нуждается в церкви.

" Вера -- основанная на авторитете -- не вера. Усиление влияния авторитета в вере показывает ее упадок. Христос удивляет и кажется сверхъестественным людям чувственным. Они не могут согласовать его ни с историей, ни с самими собою. Но как скоро эти люди начинают почитать свое сознание и пытаются жить свято, их набожность разъясняет каждое событие из жизни Христа, каждое слово.

Эмерсон.

2

Мы ничего не знаем о нашем будущем, да и не должны стремиться узнать о нем что-нибудь, кроме того, что стоит в разумной связи с побудительными причинами к нравственности и с ее целями. К этому принадлежит также и вера в то, что нет ни одного хорошего поступка, который не повлек бы за собою последствий для того, кто его совершает, что поэтому, каким бы негодным ни считал себя человек в конце своей жизни, это не должно удерживать его от намерения совершить хотя бы еще только один хороший поступок, который он еще в состоянии сделать, так как у него есть основание надеяться, что такой поступок, соразмерно с тем, насколько человек при совершении его руководился добрым намерением, будет иметь все-таки большую цену, чем те бездеятельные очищения от грехов, которые, ничем не способствуя уменьшению вины, должны заменить собою недостаток добрых дел.

Кант.

Единение людей не совершается стремлением к единению, а стремлением к истине.

Пусть все, не думая об единении, идут к истине и они соединятся. Мир подобен великому храму, в котором свет падает в середине. Напрасно будут стараться люди соединяться вне света. Соединяясь в темноте, они будут только разъединяться. Пусть все, не думая о соединении, идут к свету, и, придя с различных сторон, они все соединятся в середине храма.

9-е марта

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Человек вообще и в особенности христианин обязан не участвовать в войне и приготовлении к ней ни лично, ни деньгами, ни рассуждениями о ней.

17-е марта

3

Положение просвещенного истинным, братолюбивым просвещением большинства людей, подавленных теперь обманом и хитростью насильников, заставляющих это большинство самих губить свою жизнь, -- положение это ужасно и кажется безвыходным.

Представляется только два выхода, и оба закрыты: один в том, чтобы насилие разорвать насилием, терроризмом, динамитными бомбами, кинжалами, как делали это наши нигилисты и анархисты, вне нас разбить этот заговор правительств против народов; или вступить в согласие с правительством, делая уступки ему, и, участвуя в нем, понемногу распутывать ту сеть, которая связывает народ, и освобождать его. Оба выхода закрыты.

Динамит и кинжал, как нам показывает опыт, вызывает только реакцию, нарушает самую драгоценную силу, -- единственную, находящуюся в нашей власти, общественное мнение.

Другой выход закрыт тем, что правительства уже изведали, насколько можно допускать участие людей, желающих преобразования его. Они допускают только то, что не нарушает существенного, и очень чутки насчет того, что для них вредно; чутки, потому что дело касается их

существования. Допускают же они людей, не согласных с ними и желающих преобразовывать правительства, не только для того, чтобы удовлетворить требованию этих людей, но для себя, для правительства. Правительствам опасны эти люди, если бы они оставались вне правительств и восставали бы против них, влияя на единственное, сильнейшее правительственное орудие -- общественное мнение; и потому им нужно обезвредить этих людей, привлечь их к себе посредством уступок, сделанных правительством, обезвредить их вроде культур-микробов и потом их же употребить на служение целям правительств, т. е. угнетение и эксплуатирование народа.

Оба выхода плотно и непробивно закрыты. Что же остается?

Насилием разрывать нельзя, --увеличиваешь реакцию; вступать в ряды правительства тоже нельзя, -- становишься орудием правительства. Остается одно -- бороться с правительством орудием мысли, слова, не вступая в его ряды, не увеличивая собою его силу.

Это одно нужно и наверно будет успешно. И этого хочет бог, и этому учил Христос.

25-е марта

Церковь главная виновница развращения людей!

Что велико перед людьми, то мерзость перед богом.

1

Одна из главных причин зла нашей жизни есть воспитываемая в нашем христианском мире вера в грубого еврейского бога -- личного, тогда как главный признак (если можно так выразиться) бога в том, что он -- ничем не ограниченный, следовательно не личный.

2

Духовенству необходимо удерживать народ в его невежестве, без этого Евангелие так просто, что всякий сказал бы духовным пастырям: "мы всё это и без вас хорошо знаем".

Монтенъ.

3

Тесные врата и узкий путь, который ведет в жизнь, это -- путь доброй жизни. Просторные врата и широкий путь, по которому шествуют многие, это -- церковь. И это не означает того, что в самой церкви и в ее положениях заключается что-нибудь такое, что губит людей, а то, что вступление в церковь и признание ее статутов или исполнение ее обрядов принимается людьми за то, чем они хотят по-настоящему служить богу.

Кант.

4

Когда люди ради обычая или моды или ради какого-либо другого светского соображения исповедуют или говорят, что верят в то, во что не верят, или не могут выставить никакого основания, почему они верят, -- они нарушают свою нравственность и, не будучи больше честными сами с собой, они легко становятся неправдивыми к другим. "Для счастья человека необходимо, чтобы он духовно был верен себе. Неверность не в том, чтобы верить или не верить, а в том, чтобы исповедывать веру, в которую не веришь. Неисчислимое нравственное зло произведено и производится этой умственной ложью.

Когда человек настолько развратил и осквернил чистоту своей души, что признал себя верующим в вещи, в которые он не верит, он готов на совершение всех преступлений. Можно ли себе представить что-нибудь более губительное для нравственности, чем это.

С набожной ложью то же, что с дурным делом: оно рождает несчастную необходимость продолжения.

В той мере, в которой человек скрывает свое убеждение, чтобы спасти от подозрения свое правоверие, или извращает слова от их обычного употребления, чтобы защитить свои, в той мере он туманит и развращает свой разум, подрывает честность своего характера.

Чаннинг.

5

Религия заставляет богов быть участниками самых низких поступков.

Тит Ливий.

6

Церковь есть не что иное, как произвольное утверждение святости и непогрешимости тех людей, которые называют себя церковью.

Чем неразумнее, вреднее учреждение, тем большим внешним величием оно обставляется, -- иначе оно не могло бы привлечь никого. Такова церковь.

Торжественность и внешний блеск церковных обрядов суть главные признаки ее неразумности и вредности.

4-е апреля

Государственное устройство есть временная форма, в свое время возникшая и в свое время подлежащая уничтожению. Время это наступило. Государственное устройство в наше время несовместимо с сознанием большинства.

Отречься от идеальной справедливости перед могуществом власти -- в этом единственное неверие, единственный атеизм, которого мы должны бояться. Потому что только тогда тот лучший мир, который мы сознаем вокруг себя, -- мир нравственной истины и красоты, -- разрушается и не стоит жить в развалинах этого мира.

Сольтер.

2

Сила правительств в том, что у них в руках самопитающийся круг власти: ложное учение производит власть, а власть дает возможность распространять ложное учение, устраняя всё противное ему, обличающее его.

3

Нет ничего удивительного в том, что государи и министры, желая сделать свои доходы сколь возможно большими, всегда отдают предпочтение способу, который позволяет им, по пословице, "щипать гуся так, чтобы тот не кричал"; и нет ничего удивительного в том, что к такому же предпочтению склоняются и лица, стоящие во главе народного правительства. Однако по этой же причине, по какой косвенные налоги бывают столь приятны лицам, устанавливающим налоги, -- по той же самой причине народ, желающий сохранить свою свободу, должен настаивать, чтобы налоги, собираемые для дохода, были прямыми, а не косвенными.

Генри Джордж.

4

Я не говорю, что человек должен отказаться от своих прав, а утверждаю, что эти права существуют лишь как последствия тех обязанностей, которые он должен выполнять, и что нам следует начать с выполнения наших обязанностей, чтобы добыть свои права.

Мадзини.

5

Когда великие общественные вопросы настоятельно требуют того или другого решения, тогда лишь в течение короткого времени может быть услышан голос разума. Народные массы, говоря вообще, почти не думают. Бывает страшно трудно заставить их спокойно обсудить что-либо даже в трезвые моменты. Когда же ими овладевают страсти, тогда они бывают подобны стадам испуганных быков. Я не боюсь за то, что будет продолжаться существующий порядок. Это невозможно. Но я боюсь, что плотины будут держаться до тех пор, пока поток не приобретет яростной силы. Я боюсь, что упорное сопротивление на одной стороне может зажечь пламя страстей на другой. Я боюсь демагогов и тяжелых случайностей.

Генри Джордж.

6

Человек, желающий служить правде и справедливости, должен быть готовым остаться в одиночестве. Он в иные дни и найдет сочувствие, но не в дни междоусобной борьбы и не в то время, когда он особенно будет нуждаться в этом сочувствии.

Берсъе.

7

Огромным, всесторонним трудом мысли и слова разумение распространяется между людьми, усваивается ими в самых разнообразных формах и, пользуясь самыми странными средствами, оно захватывает людей, -- кто из моды, кто из хвастовства, под видом либерализма науки, философии, религии, -- оно становится свойственным людям. Люди верят, что они братья, что нельзя угнетать братьев, что надо помогать прогрессу, образованию, бороться с суевериями; оно становится общественным мнением и вдруг... террор французской революции, 1-е марта, убийство

Карно, -- и все труды пропадают даром. Точно набранная по капле плотиной вода одним ударом уходит и без пользы размывает поля и луга.

Как могут не видеть вред насилия анархисты.

Всё так, всё верно то, что они рассуждают и делают, распространяя понятия о бесполезности, вреде государственного насилия. Только одно надо им заменить: насилие, убийство -- неучастием в насилиях и убийстве.

8

Общества образуются из наших нужд, а правительства из наших грехов.

Томас Бейн.

Для уничтожения отжившего государственного устройства есть только одно средство: не участие в том насилии, которым держится государство.

12-е апреля

Церковная вера -- рабство.

1

Мне всегда кажется, что тот бог, которого обожают во всех цивилизованных странах, совсем не божественен, хотя он и называется богом. Люди почитают друг друга, а не бога.

Торо.

2

Из всех форм рабства религиозное рабство перед тиранами--богословами -- самое ужасное, потому что в нем корень всякого другого рабства.

3

Когда у людей не хватает смелости положиться на свое внутреннее убеждение (голос божества внутри нас), тогда они делаются жертвой и орудием теологических софистов, сулящих им рай где-то в отдаленном будущем.

Люси Малори.

4

Самый жалкий раб -- это человек, отдающий в рабство свой разум и признающий истиной то, чего не признает его разум.

5

Мало истинных христиан, -- я говорю даже о вере. Много таких, которые верят только по суеверию, много и таких, которые не верят, но только по распущенности; немного людей, занимающих середину.

Паскаль.

Всякое рабство легче сносить, чем рабство религиозное. Человек, раболепствующий перед церковным деспотизмом, будет рабом всех тех

хозяев, которые захотят завладеть им.

29-е апреля

Христианство провозгласило истинный закон бога, но человечество было далеко от него. И вот, чувствуя всю красоту, истинность, благодетельность этого закона и, вместе с тем, несовместимость его с установленной жизнью, люди приняли христианство на словах, а на деле извратили его так, чтобы не изменять существующий строй жизни.

1

Истинное богопочитание свободно от суеверия; когда в него проникает суеверие, то оно разрушается. Христос указал нам, в чем истинное богопочитание. Он учил, что из всего того, что мы делаем в своей жизни, одно есть свет и счастие людей, это -- наша любовь друг к другу: он учил, что счастья нашего мы можем достигнуть только тогда, когда будем служить людям, а не себе.

Паскаль.

2

Православные религиозные системы разного рода в значительной мере являются ответственными за тот хаос и развращение, какие обнаруживаются в наших мирских делах. Касаясь зла, наполняющего повседневную жизнь людей, церковные проповедники разного рода в своих собраниях и беседах обыкновенно заявляют, что это не дело религии касаться торговли, политики или финансов. "Религия,-- говорят они, -- должна ведать лишь дело спасения человека в его будущей жизни; ей нужно лишь, чтобы люди верили, что только через Иисуса они могут наследовать небесное блаженство". "Верующий пойдет в рай, неверующий пойдет в ад".

Эти-то учения, вместе с доктринами грехопадения, искупления и

телесного воскресения обыкновенно спутывают тот маленький остаток мысли, который православные люди прилагают к рассуждению о религиозных вопросах, и хаос, наступающий затем в их религиозной жизни, естественно отражается и на общественной.

Люси Малори.

3

Как ни странно это кажется, церковное христианство не есть формальное, неполное, извращенное христианство, но есть учение, совершенно чуждое христианству и враждебное ему.

Для того, чтобы исповедывать истинное христианство, надо прежде всего отказаться от ложного.

Так и поступают все люди, желающие быть христианами.

4

Воскресение Иисуса Христа из мертвых есть в сущности воскресение духовное, открытое одним верующим по степени их разумения, под чем я разумею, что Христос был призван из жизни в вечность и что после его страстей он воскрес из мертвых (в том смысле как Христос говорил: оставьте мертвым хоронпть мертвых), т. е. что он возвысился своей жизнью и смертью, давая пример несравненной святости. В этом же смысле он воскрешает своих учеников из мертвых постольку, поскольку они следуют примеру его жизни и смерти. И я думаю, что легко объяснить всё учение Евангелия при помощи такого способа передачи.

Спиноза.

Церковные учения до такой степени извратили истинный смысл христианства, что люди, ни во что не верующие, отрицающие всё

христианское учение, ближе к нему, чем церковники, мнимо признающие его.

16-е мая

9

Много найдется церковных христиан, которые скорее умрут, чем выльют в помойную яму причастие, и как мало найдется таких истинных христиан, которые бы скорее готовы были умереть, чем участвовать в убийстве людей.

А если могло быть воспитано такое благоговение к вещи, то могло бы быть воспитано такое же благоговение и к жизни людей.

18-е мая

Признание древних религиозных легенд в наше время непререкаемыми истинами есть источник величайших бедствий и страданий людей нашего времени.

1

Могут быть три рода ложной веры, дающие нам возможность нарушать границы нашего разума в виду достижения сверхъестественного.

Первая ложная вера -- это вера в возможность познания через опыт того, что по законам опыта не может быть допущено. (Вера в чудеса.)

Вторая ложная вера состоит в допущении для нашего нравственного совершенствования того, о чем мы нашим разумом не можем составить никакого понятия. (Вера в тайны.)

Третья ложная вера -- это признание возможности призвать сверхъестественным путем такое таинственное действие, посредством которого божество будет влиять на нашу нравственность. (Вера в благодать.)

Кант.

2

Люди вообще труднее верят в чудеса, чем в традиции о чудесах; и иной турок, еврей и т. д., который теперь позволил бы убить себя за свои традиции, остался бы совершенно хладнокровным перед чудом. Когда чудо случается, оно не получает другой оценки, кроме той, которую дает ему значение самого чуда.

Объяснять современное чудо физическими причинами не есть еще вольнодумство, как и не кощунство считать его за обман. Вообще отрицание факта само по себе есть нечто невинное; оно становится в мире опасным лишь постольку, поскольку противоречит убеждению других, которые взяли его непреложность под свою защиту. Чудеса нужно рассматривать издали, если хочешь признавать их за истинные, так же как и облака, если хочешь считать их за твердые тела.

Лихтенберг.

3

Требование чудес есть доказательство маловерия. Истинному христианину не надо ни требований, ни чудес...

Если бы священники твердо держались Евангелия, они предпочли бы говорить народу об учении Христа, вместо того чтобы рассказывать о мнимых чудесах.

Ян Гус.

4

Мысль о чудесах происходит от нашей гордости, заставляющей нас думать, что мы такие важные существа, что ради нас высшее существо должно нарушить весь порядок мира.

Монтенъ.

5

Люди спрашивают свежего хлеба, свежего масла, свежих яиц и т. п., ибо они понимают, что чем свежее пища, тем она здоровее и питательнее; но когда дело касается религии, то тут чем древнее духовная пища, тем больше она ценится.

Люси Малори.

6

То, что в какой-нибудь книге сказано, что она от бога, не есть еще доказательство, что она действительно от бога; но что наш разум от бога, это несомненно, -- слово бог можно при этом понимать как угодно.

Лихтенберг.

7

Никогда не учите ребенка тому, в чем вы сами не уверены, и если вы хотите что-нибудь внушить ему в нежные годы, чтобы чистота детства и сила первых сочетаний запечатлели это в нем, то берегитесь больше всего, чтобы это не была ложь, про которую вы и сами знаете, что это ложь.

Джон Рёскин.

ЗАПАСНЫЕ ДНИ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

"КРУГА ЧТЕНИЯ"

I

БОГАТСТВО

Богатство тем не существенно, что потребности возрастают с увеличением богатства большей частью так, что чем больше богатства, тем менее достает богатства на удовлетворение их.

1

Трудно, если не невозможно, найти разумный предел нашим желаниям собственности. В самом деле: довольство того или иного человека в этом отношении зависит не от абсолютной, а от некоторой чисто относительной величины, именно от отношения между его требованиями и его имуществом.Поэтому последнее само по себе так же мало значит, как числитель без знаменателя. Вещи, которых человеку никогда и в голову не приходило требовать, -- совершенно излишни ему, и он вполне доволен, не имея их; между тем другой, имеющий во сто раз больше, чувствует себя несчастным потому, что у него нет того, что ему потребовалось.

Шопенгауэр.

2

Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает.

Лихтенберг.

3

Не тот беден, у кого мало, а тот, кто хочет большего.

Сенека.

4

Ничто не может быть "порядочнее", как то, чтобы иметь мало потребностей и самому удовлетворять им, так чтобы быть в состоянии отдавать вместо того, чтобы пользоваться всяким случаем захватывать.

Гораздо более "порядочно" удовлетворять самому своим нуждам, чем быть роскошно прислуживаемым; это может показаться не порядочным нынче и малому числу, но это единственная "порядочность" всегда и для всех.

Эмерсон.

5

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Мф. VI, 19--21.

5

Наживи себе то богатство, которого воры не могут похищать, на которое тираны не смеют посягать, которое и по смерти за тобою останется, никогда не убавляется и не тлеет.

Индийская поговорка.

Тот, кто, удержав то, что есть, уменьшит свои потребности, почувствует себя богатым, почувствовав же себя богатым, он ясно увидит

бессмысленность и тяжесть богатства.

6

II

БОГАТСТВО

Богатство не только не дает блага, но всегда лишает человека истинного блага.

1

Горе вам, приобретающие дом к дому, присоединяющие поле к полю, пока не будет места, чтобы вам одним только жить на земле.

Исайи гл. V, ст. 7, 8.

2

Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение.
Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете.
Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо, ибо так поступали с лжепророками отцы их.

Луки VI, 24--26.

3

Если мы станем только то иметь в виду, как бы побольше приобресть денег, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды, то уже превращается порядок, и они владеют нами, а не мы ими. Итак, освободимся от этого жестокого рабства и соделаемся, наконец, свободными. Зачем мы сами для себя выдумываем множество разнообразных уз?.. Не довольно ли для тебя уз естественных, житейских необходимостей и скопления бесчисленных дел, а ты сплетаешь для себя еще другие сети и связываешь себя ими по ногам.

Иоанн Златоуст.

4

Мы ежедневно хулим бога хищением и любостяжанием. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: ты каждый день беседуешь о любостяжании. О, если бы можно было говорить об этом и каждую ночь! О, если бы и тот, кто сопутствует вам на площади и сидит с вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дети, и рабы, и земледельцы, и соседи, и даже пол и стены могли изливать эту речь, дабы через то хотя немного мы отстали от любостяжания!.. Этот недуг объял всю вселенную, обладает душами всех, и, поистине, велика сила мамоны!

Иоанн Златоуст.

5

Тяжелые одеяла производят кошмар, задерживая и стесняя обращение крови. Подобным же образом влияет обладание большим богатством, вызывая наяву такие же тяжелые состояния своей задержкой и стеснением душевных движений.

"Передовая мысль мира".

6

Гораздо легче приобрести богатство, чем избавиться от него.

Торо.

7

Если бы богатые были счастливы, мы бы знали, что нет бога.

В. Н.

Лучше недостаток, чем излишество.

III

БОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА ДУШИ

Человеческая природа добра.

Провидение -- это божественный порядок. Всё на небе содействует тому, что живет на земле.

Созерцание добра получается нами не так, как лучи солнца, яркий блеск которых ослепляет глаз излишком света; созерцание это просвещает и усиливает силу видения так, что каждый человек понемногу получает эту духовную ясность.

Эта ясность и успокаивает все чувства. Постоянно светясь в уме, она просвещает всю душу и превращает ее в божественную сущность.

Потому что душа обоготворяется, созерцая красоту, бесконечность добра.

Тот, кто истинно человек, есть существо божественное и не может быть приравнен ни к какому животному, живущему на земле.

Человек -- это смертный бог. Он, не оставляя земли, живет в высоте. Таково величие его природы.

Египетский Гермес Трисмегист.

2

Добродетель в нас происходит не от природы и не от учения, а вложена в нас божеством.

Платон.

3

Человеку естественно быть добрым так же, как воде естественно течь сверху вниз.

Восточная мудрость.

4

Если ты удивляешься, глядя на звезды или глубины моря, взойди в свою душу и дивись.

Исидор.

Первый шаг к совершенствованию -- в том, чтобы научиться отличать в нашей душе от других голосов голос бога.

IV

ВЕГЕТАРИАНСТВО

Чем проще пища, тем она приятнее -- не приедается, тем здоровее и тем всегда, везде доступнее.

1

"Раз уже я начал поверять тебе, с каким увлечением я в юности принимался за учение философии, я не стану скрывать от тебя того преклонения, какое внушил мне Социон (учитель Сенеки) перед учением Пифагора. Социон излагал мне те основания, на которых сначала он сам, а позднее Сектиус решились воздерживаться от мяса животных. У каждого из них была своя причина, но обе были прекрасны. Социон утверждал, что человек имеет возможность находить себе достаточно питания, помимо проливания крови животных, и что жестокость неизбежно становится присущей человеку, лишь только он прибегает к убийству ради удовлетворения похоти обжорства. Он любит повторять, что мы настоятельно обязаны ограничивать нашу потребность в роскоши; что, кроме того, разнообразие пищи вредно для здоровья и несвойственно нашей природе. Если справедливы, говорил он, эти пифагорейские правила, то воздержание от мясной пищи должно приближать нас к беспорочности; если же они ошибочны, то соблюдение их, по крайней мере, приучит нас к умеренности и простоте жизни! К тому же какой ущерб можете вы понести от потери вашей жестокости? Я хочу только лишить вас той пищи, которая свойственна львам и коршунам. Побуждаемый этими и подобными доводами, я стал воздерживаться от мясной пищи, и через год привычка такого воздержания была не только легка, но приятна. Я тогда твердо верил, что мои умственные способности стали деятельнее, и теперь считаю ненужным себя уверять в справедливости этого. Ты спросишь, почему же я вернулся к прежним привычкам? Потому, отвечу я, что по воле судьбы мне пришлось в молодости жить во время царствования императора Тиверия, при котором некоторые иноземные религии стали предметом подозрения. В числе признаков принадлежности к заподозренным суевериям было воздержание от мясной пищи. Тогда, уступая мольбам моего отца, я вернулся к своему первоначальному способу питания, после чего ему уже не трудно было убедить меня без

разбора участвовать и в самых роскошных пиршествах.

Говорю я это, -- продолжает Сенека, -- для того, чтобы доказать тебе, как могущественны ранние порывы молодости ко всему благому и истинному под влиянием увещаний добродетельных наставников. Если мы в молодости заблуждаемся, то отчасти по вине наших руководителей, учащих нас спорить, а не жить; отчасти же по нашей собственной вине, тем, что ожидаешь от наших учителей не столько поощрения добрых склонностей нашей души, сколько развития способностей нашего ума. От этого и происходит то, что вместо любви к мудрости в нас сказывается только любовь к словам".

Сенека.

2

Если бы люди ели только тогда, когда они очень голодны, и если бы питались простой, чистой и здоровой пищей, то они не знали бы болезней и им легче бы было управлять своею душой и телом.

3

Если мы хотим быть здоровыми, то мы должны жить так, как предписывает нам природа,-- питаясь плодами, орехами, хлебом, овощами и т. п., а не останками животных.

4

Встарину не было надобности в таком увеличении числа докторов, ни в таком количестве врачебных инструментов и лекарств. Сохранение здоровья было просто по простой причине. Разные кушания развели разные болезни. Заметьте, какое огромное количество жизней поглощает один желудок -- опустошитель земли и морей.

Сенека.

Старайся не усложнять, а упрощать свои потребности и самую настоятельную из них -- пищу. Чем больше упростишь, тем больше выиграешь и ничего не потеряешь.

V

ВЕГЕТАРИАНСТВО

Лицемерие людей, не могущих убивать животных и не отказывающихся от употребления их в пищу.

1

Своими руками ты не зарезал бы быка и не заколол бы ягненка, а ты хочешь эту кровавую работу возложить на другого. Я мог бы поручиться за то, что многие скажут: "Я не могу убивать". Так неужели же ты думаешь, что ты имеешь право, неужели хватает у тебя совести, духа нанять другого, чтобы делать то дело, которое ты предпочел бы оставить не сделанным скорее, чем самому сделать его. Поверь мне, *ты сторож брата своего*. Не унижай его до степени твоего раба, прикованного к труду, против которого возмущаются твои высшие инстинкты.

Майор.

2

Так бессмысленно проливать кровь, как проливает ее человек,-- этот царь мироздания, -- не проливает ни один самый свирепый зверь. И для того, чтобы это почувствовать, нужно только хоть раз в жизни посмотреть на благоустроенные бойни, на палачей, именуемых бойцами, и на обжор, именуемых гастрономами.

М. Ю. Г[ольдштейн].

3

Истинная ответственность за жестокости, совершаемые мясниками, остается на тех, которые пользуются услугами этих мясников, сохраняя притом свое душевное спокойствие.

Николъсон.

4

Убийство живых существ так противно природе человека, что немногие из мужчин и женщин могли бы есть тех животных, которых они были бы вынуждены сами убивать, а между тем, лакомясь останками убитого животного, они забывают, или делают вид, что забывают его привязанность к жизни и предсмертные страдания.

Филипс.

5

Если вы ждете, чтобы живое и думающее существо было лишено жизни другими, и если вам самим противно вырвать сердце и пролить кровь вашей жертвы, то зачем, спрашиваю я вас, наперекор природе и жалости, вы питаетесь существами, одаренными сознательною жизнью.

Плутарх.

Если человек не может или не желает жить без употребления в пищу

мяса животных, то, по крайней мере, он должен бы был сам убивать их, но люди так бесчеловечны, что совершают еще новое, худшее, чем самое убийство, преступление: заставляют, развращая их, других бедных и темных людей убивать живые существа.

VI

ВЕГЕТАРИАНСТВО

Все доводы против мясоедения, как бы сильны они ни были, ничтожны перед основным доводом о том, что в животных мы чуем ту же силу жизни, которая живет в нас. Чуем, что, нарушая эту жизнь, мы совершаем нечто подобное самоубийству.

Тот, кто не заглушит в себе это свойственное всем людям чувство, тот не будет нуждаться ни в каких других доводах.

Мы высказываем бесчеловечную жестокость по отношению низших животных, воспитывая их и убивая ради пищи, и время показывает, что мы этим ничего не выигрываем; напротив, мы лишаемся сами здоровья, хорошего вкуса и теряем в экономическом отношении.

Солт.

2

Мясоедение противно не только нашей физической природе, но и в других отношениях. Ум и мыслительная способность тупеют от пресыщения и тучности; мясная пища и вино, быть может, придают плотность телу, но это только способствует ослаблению ума.

Плутарх.

3

Потребление спиртных напитков не ведет к убийству, но каждый кусочек

мяса, потребленного нами, есть продукт убийства; потребление его вызывает влечение к спиртным напиткам, которое в свою очередь побуждает к убийству.

Так связывается гармонически посев и жатва и замыкается круг зла.

Люси Малори.

4

Чрезвычайно важно не искажать природного вкуса и не делать детей плотоядными, если не ради их здоровья, то *хотя бы ради их характера*, потому что, чем бы это ни объяснялось, а достоверно, что большие охотники до мяса вообще бывают людьми жестокосердными.

5

Нас могут обвинить в преувеличении, если мы скажем, что мясная пища приводит к преждевременной смерти, однако, не подлежит сомнению, что она составляет причину преждевременной старости, болезней и расстройств в силу порождаемых ею привычек: алкоголизма, излишества в половом инстинкте и невоздержности во многих других отношениях.

Д-р А. Кингсфорд.

6

Тот, кто принимает вегетарианство ради улучшения своего здоровья, легко может вернуться к мясоедению из-за тех же соображений о здоровье. Но человечный вегетарианец останется вегетарианцем всегда; он никогда не вернется к мясоедению, никогда ни для своего вкуса, ни для здоровья не потребует убийства и мучения животных со всеми другими сопутствующими жестокостями.

Люси Малори.

7

Тот, кто делает вред животным из желания доставить себе удовольствие, ничего не прибавляет к своему счастью в этой жизни и в будущей; тогда как тот, который не делает вред животным: не запирает, не убивает их, но желает добра всем чувствующим существам, тот испытывает счастье без конца.

Индейское Ману.

8

Во всяческих грехах, которые я совершал против Амшаспанд-Брахмана на небе, против скота, против животных всякого рода в мире, тем, что я бил их, мучил, несправедливо убивал, не давал корму и пойла во-время, кастрировал; не оберегал от разбойника (хищника), от волка, не защищал от чрезмерного жара и мороза; резал молодых коров, рабочих волов, губил способных к войне лошадей, резал баранов, коз, петухов и кур,-- так что и они, добродушные, и Амшаспанд-Брахман были оскорблены мной и недовольны, -- каюсь я и мыслью, и словом, и делом, плотским и духовным, и прошу прощения.

Каорда Авеста. Священная книга персов.

9

Нельзя закрывать глаза на то, что, питаясь мясом, я требую убийства живых существ для удовлетворения роскоши, вкуса.

Важны не практические доводы против мясоедения, все они могут быть верны, но могут быть случаи, где они не приложимы; одно всегда и для всех истинно и обязательно: чем живее в человеке сострадание ко всему

живому (включайте в это, что хотите), тем он добрее, лучше, более человек. Убивать же животных из любознательности, удовольствия охоты, или для приятного вкуса не сострадательно, но грубо и нагло, жестоко.

VII

ВОЗМЕЗДИЕ

Если и бывает, что добро и зло не получают своего возмездия во времени, то все-таки большей частью даже в миру доброму живется лучше, чем злому.

Признает бога только смиренный сердцем. Смирение не возбуждает зависти.

Деревья уносятся потоком, тростники остаются.

Сунити сказал: "Дитя мое, не печалься о том, что тебя не оценили, потому что никто не может отнять того, что ты сделал, или передать тебе то, чего ты не сделал. Разумный человек довольствуется тем уважением, которое заслуживает".

Будь добродушен, почтителен, дружелюбен, озабочен выгодой других, -- и благо придет к тебе так же естественно, как воды изливаются на низину.

Индийская Вишну.

2

Творящий злое благоденствует, пока не созрел плод его злых деяний, но когда вызреет этот плод, тогда въявь увидит всё зло свое творящий беззаконие.

Злые дни видит добродетельный, -- всё еще, еще не созрели плоды его добрых дел; но блажен он будет, когда дела его принесут добрые плоды.

Буддийская мудрость.

3

Если с людьми злыми и бесчеловечными будешь не кроток, а жесток и бесчеловечен, то берегись, как бы не сделаться таким же, как они.

Лучший способ отомстить обидчику это не поступать по его примеру.

4

Жизненное условие добродетели, как добродетели, состоит в том, чтобы довольствоваться ею и желать, чтобы награда досталась другим; жизненное же условие порока состоит тоже в том, чтобы наслаждаться им и желать, чтобы возмездие за дела его доставалось на долю других.

Джон Рёскин.

5

Возмездие за исполнение заповеди есть заповедь же, т. е. если кто исполняет одну из заповедей, то господь открывает ему возможность исполнить и другую, что составляет немаловажную награду, ибо это ведет к его же пользе.

Талмуд.

6

Никакая добродетель никогда не бывает одинока.У нее всегда есть соседи.

Китайская мудрость.

Не будь ни с кем груб и суров, ибо легко и другой может обратиться к тебе с тем же; ярость ведет за собою страдание, на удар отвечают ударом.

Буддийская мудрость.

8

Предупреждай своим приветствием каждого человека. Недостаточно держаться на мирной ноге только при случае, а именно -- не затевать ссоры с ближним и не отвечать ему на его приветствие; нет, следует подготовлять мир, предупреждать рознь и раздор, делая невозможным их возникновение, ибо, когда уже дело доходит до необходимости мирного вмешательства, кто может тогда ручаться за успех.

Талмуд.

9

Путь удовольствия -- извилистый; путь долга -- прямой. Иди по последнему -- и ты увидишь, что первый будет неотступно за тобою следовать.

10

По законам старым, как вселенная, существующим со времен первого плана мироздания, правда неуклонно стремится к торжеству. Подождите развязки. Если дождетесь, то увидите, что, как и во всякой борьбе, всем воздастся по заслугам.

Карлейлъ.

Не делай добро и не избегай зла ради мирского возмездия (его часто не

бывает); но когда тебя постигнет зло, знай, что это та самая сила зла, которую ты внес в мир и потому не ропщи. Когда же ты почувствуешь радость от того добра, которое ты сделал, не считай это за должное, а принимай, как незаслуженный тобой подарок.

VIII

ЛЕЧЕНИЕ

1

Кажется странным, почему за труд добывания необходимых, прекрасных предметов, как хлеб, плоды, стекло, железо, платят так мало, а за труд ненужный и часто вредный, как адвокатура, искусство лечения, платят не только дорого, а безумные деньги. Но в сущности оно не может быть иначе. Хлеб, стекло, железо суть предметы, нужные всем, и количество которых может быть доведено до удовлетворения всех; адвокатура же, искусство, медицина составляют достояние малого числа богатых людей, потому что они в сущности никому не нужны. Поэтому-то все попытки распространения адвокатуры, искусства и медицины такие, какие они теперь, на массы остаются до сих пор безуспешными. Если адвокатуры, искусство и медицина будут нужны массам,они должны быть совсем другие.

2

Врачебное искусство, такое, какое оно теперь, едва ли приносит больше пользы, чем вреда. Скорее наоборот.

3

Для того, чтобы врачебное искусство было не вредно, а полезно, оно должно выучиться служить *массам*.

4

Вера в докторов именно такого, а не такого (хотя все знают одно и то же подобие науки), совершенно та же, как и вера в чудотворцев, иконы, пророков, целителей (Wunderfrau, Зуав, Кузьмин).

Больной не знает, что жизнь его зависит от духовных, не подлежащих материальным законам, причин, но вместо того, чтобы видеть эту причину в духовном начале мира и души, он хочет ее видеть в живом человеке: чудотворце, пророке, враче. И, как монаху, старцу, которому поклонники его приписывают дар чуда и пророчества, трудно самому не поверить в приписываемый ему дар, так точно и врачу, от которого ждут исцеления.

5

Я перестал бы верить в добро, в бога и не захотел бы продолжать жить, если бы мог поверить, что родильница, жена богача, для которой выписали врача, заплатив ему 10000 рублей, осталась от этого жива, а жена его кучера, больная тою же болезнью, умерла, потому что у кучера не было 10000.

6

Никому больше, чем врачам, не нужно помнить правило, что истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы не знаем того, чего не знаем. Самые осторожные и разумные врачи невольно увлекаются теми требованиями помощи, с которыми обращаются к ним, и с тем, чтобы думать, что они могут помочь, уверяют себя и других, что они знают то, чего не знают.

Ни на чем так не очевидно, как на медицине ложное устройство нашего общества. Медицина, занятая лечением только богатых, устроила такие приемы, которые приложимы только в среде богатых, для больших же масс народа она бессильна и только отягощает эти массы теми податями, которые собирают с них для поддержания медицинских учреждений.

8

Существует странное, очень распространенное в наше время мнение, что

медицина, средство облегчения страданий и отдаление смерти,-- служение жизни, есть само по себе дело доброе. Добрых же дел нет. Есть только добрые стремления. Уменьшать страдания и служить жизни можно тысячами других, кроме медицины, средств. Воображать же себе, что форма деятельности может быть сама по себе добро, есть только признак грубого непонимания закона нравственности.

9

Стоит начать заботиться о своем здоровье для того, чтобы забота эта поглотила всего и исключила возможность служения людям.

Все болезни приближают человека к тому переходу в другое состояние, на которое обречены все люди.

IX

ЛОЖЬ

Ложь есть умышленное извращение истины, которое может быть совершено только ради достижения целей животной личности.

1

Мир не лжет. Изучайте физиогномию всех существ, и вы увидите, что все говорят то, что должны. Из поколения в поколение выражение их внутренних чувств отпечаталось в их чертах невольными признаками.

Ни волк, ни тигр не льстят, чтобы лучше разорвать вас. Лев не перестает хмуриться, чтобы подкупить вас. Он не умеет переделать свое рыкание в притворный звук. Змея прячется, но в глазах ее вы видите ее ненависть. Она не лжет. Даже человекообразные обезьяны не пытаются изменять выражение лица.

Так и все животные. Те, которые как паук устраивают западни, не ласкают своих жертв. Они не лгут.

Животные испускают крики, подражают звукам, но в их криках и подражании нет намерения казаться не тем, что они суть.

Есть на земле только одно существо, которое лжет. Это человек. Он один умеет усвоить лицо, говор, посредством которых он кажется

противоположностью того, что он на самом деле.

Хищное животное умеет только спрятаться, выжидая добычу, но не умеет смягчить лицо, опустить веко, изменить голос и улыбаться, принять вид ягненка. А человек умеет. Отчего? Потому что человек выучился владеть собой и вследствие этого животная хитрость становится в нем ложью.

Кетерер.

2

Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.

Иоанна VIII, ст. 44.

3

Ложь тем страшна, что она скрывает духовное, единое во всех существо и потому препятствует возможности единения. С человеком лгущим не может быть никаких отношений, кроме животных.

4

Ложь достигает только самых ближайших и ничтожных целей и всегда вредит самым важным, вечным задачам человека.

5

Ложь свойственна человеку так же, как хитрость животному. Ложь бывает бессознательная, невинная у детей и малоумных людей. Но чем больше развивается разум, тем ложь становится неестественнее и

преступнее. Чем больше ум и образование человека, тем ложь его вреднее для него и для других.

6

Пока духовный человек соединен с своим телом, ложь присуща ему. Только вполне святой и умирающий человек может быть совсем свободен от лжи. Совершенствование человека может быть измерено его освобождением от лжи.

7

Есть пять самых обычных родов соблазнов:

1) Соблазн приготовления (личного). Ложь этого соблазна состоит в том, что человек отступает от жизни в настоящем -- одной действительной жизни и переносит ее в будущее, тогда как будущее не принадлежит человеку.

2) Соблазн дела. Ложь этого соблазна состоит в том, что всякое дело человеческое может оказаться бесполезным, может перерваться и не быть конченным. Дело же божие, совершенное человеком, исполнение воли бога, никогда не может быть бесполезным и ничем не может быть прервано.

3) Соблазн семейный. Ложь этого соблазна состоит в том, что животное чувство, влекущее к продолжению рода, которое законно только в той мере, в которой оно не нарушает любви к людям, принимается за добродетель, оправдывающую грех.

4) Соблазн товарищества. Ложь этого соблазна в том, что, вступая в товарищество с одним, малым количеством людей, люди выделяют себя из естественного товарищества всех людей и поэтому нарушают самые важные естественные обязанности во имя искусственных.

5) Соблазн государственный. Ложь этого соблазна состоит в том, что человек будто бы во имя блага народа может отказаться от требований своей совести и своей нравственной свободы.

8

Будем говорить, что чувствуем, будем чувствовать то, что говорим;

пусть наши слова согласуются с нашей жизнью.

Сенека.

Человек часто не в силах освободиться от лжи общественной, в которой он принимает невольное участие. Но не придумывать ложь для выгоды своего животного существа человек всегда может.

X

МОЛЧАНИЕ

Люди учатся, как говорить, а главная наука, как и когда молчать.

1

Если очень хочется говорить, то непременно помолчи, а лучше всего и совсем не говори того, что так хочется сказать.

2

Если язык хорош, то нет ничего лучше его, зол он -- нет ничего гаже его.

Талмуд.

3

Весь век свой провел среди мудрецов и не нашел для человека ничего лучшего, как молчание.

Многоглаголющему не миновать греха.
Если слово стоит одну монету, то молчание стоит две.
Если подобает молчание умным, то тем более глупым.

Талмуд.

4

Говори о том только, что для тебя ясно, как утро, иначе молчи.

Талмуд.

5

Мудрец за одно сказанное им слово признается вполне просвещенным и тоже за одно слово, нечаянно сказанное им, признается ничего не знающим. И потому мудрый должен быть очень осторожным в своих словах.

Китайская мудрость.

6

Приучать свой язык к словам: "я не знаю".

Восточная мудрость.

7

Как часто молчание есть мудрейший из ответов. Давай больше отдыха своему языку, чем рукам.

8

Молчание есть лучший ответ невежественному. Семь раз поверни язык прежде, чем начнешь говорить. Надо или молчать, или говорить вещи, которые лучше молчания.

9

С чем сравнить язык в устах человека? Это ключ сокровищницы мудрости: когда дверь заперта, никто не может знать, что там, драгоценные ли камни, или ничтожный товар. Хотя, по учению мудрых, молчание полезно, но свободная речь еще нужнее в свое время. "Две вещи показывают плохое рассуждение: молчать, когда надо говорить, и говорить, когда надо бы молчать.

Персидский Саади.

Редко, если не никогда не раскаешься в том, что промолчал, а сколько раз раскаешься в том, что сказал, и еще чаще бы раскаивался, если бы знал все последствия твоего слова.

XI

НАСТОЯЩЕЕ

Истинная жизнь, жизнь в настоящем, не может иметь цели в будущем: цель истинной жизни в исполнении воли бога, которая, вне времени, была, есть и будет.

1

Ни вам, ни мне нет дела до того, что может случиться там, где-то далеко или когда-нибудь со временем, но нам следует всегда живо отзываться на всё, что происходит здесь и теперь.

Джон Рёскин.

2

Никогда не вернешь потерянного времени, никогда не исправишь сделанного зла.

Джон Рёскин.

3

Делай добро, живя и умирая.

Джон Рёскин.

4

Умирая, можно сделать столько же и даже больше добра, чем в середине жизни.

5

Краткость жизни ни для одного разумного человека не может быть основанием для того, чтобы бесполезно тратить ту долю ее, которая ему дана. Ни дни наши, ни жизни не могут быть благородны и святы, если мы

их проводим, ничего не делая. Лучшая утренняя молитва та, в которой мы просим, чтобы ни одно мгновение этого дня не прошло бесполезно, и лучшая благодарность перед обедом заключается в сознании, что мы честно заслужили нашу пищу.

Джон Рёскин.

6

Как же не думать о будущем? Не соображать свои поступки с ожидаемым предположением?" Работая для других, соображайся с будущим. Для себя живи одним настоящим.

7

Как только ушел в прошедшее или будущее, так ушел от бога и от этого тотчас же одиноко, сиротливо, не свободно.

8

Будущего нет: оно делается нами.

9

Настоящее. Мы никогда не заботимся о настоящем. Будущее кажется нам слишком медленным, и мы стараемся приблизить его к себе, или мы вызываем прошедшее, чтобы удержать его: мы так неразумны, что блуждаем во временах, которые не принадлежат нам, и не думаем о том одном, которое наше, и так легкомысленны, что думаем о тех временах, которых уже нет, и без заботы о нем упускаем то одно, которое есть.

Паскаль.

Нет того положения, в котором бы человек не почувствовал себя свободным и творцом жизни, если он только перенесет всё свое сознание в настоящее.

XII

ОДУРМАНЕНИЕ

Нет в человеке ничего драгоценнее, нужнее ему -- света разума. Что же это за удивительная вещь, что люди, кроме всех тех страстей, которые воздействуют на душу, ослабляя свет разума, употребляют еще средства непосредственного воздействия на мозг, орган разума, чтобы ослаблять свет его.

1

Пьянство, курение, всякое умышленное одурманение -- это страх перед своей совестью. Чем чутче совесть человека или чем хуже его жизнь, тем нужнее ему заглушить ее дурманом.

От этого-то и предаются больше всего самоодурманиванию самые совестливые и самые развращенные люди.

2

Готовясь к совершению преступления, люди обыкновенно напиваются.

Люди же, живущие преступно, вперед напиваются, чтобы не сознавать неправды и для своей жизни.

3

Какая настоятельная необходимость заглушения своей совести должна быть в людях, которые не могут воздержаться на самое короткое время от

отравления чистого воздуха табачной мерзостью, будь это воздух майского утра, и несмотря на присутствие детей и людей, имеющих отвращение к табачному дыму.

4

Человек, переставший пить и курить, приобретает ту умственную ясность и спокойствие взгляда, который с новой верной стороны освещает для него все явления жизни.

5

Пьянство -- это добровольное сумасшествие.

Сенека.

То, что очень трудно перестать пить вино и курить, есть ложное представление, внушение, которому не надо поддаваться.

Не нужно думать, что для освобождения себя от бесполезной и вредной привычки необходимы особенные условия,нужно, напротив, думать, что очень легко перестать делать глупое и вредное.

XIIa

ОДУРМАНЕНИЕ [ПРИБАВЛЕНИЕ]

Любить можно только бога и потому и служить можно и должно только ему.

1

Своя воля не может быть удовлетворена, хотя бы она и получила всё, чего желает; но стоит отказаться от нее и тотчас же чувствуешь себя удовлетворенным.
Истинная и единственная добродетель состоит в том, чтобы ненавидеть себя, -- человек же достоин ненависти за свою похоть, -- и искать существа, истинно достойного любви, чтобы любить его. Но так как мы не можем любить того, что вне нас, то нужно любить существо, которое в нас, но которое не то, что мы сами. А таково лишь существо всеобъемлющее. Царство божие -- в нас; всеобщее благо -- в нас, но это не мы.

Паскаль.

2

Для нас важно одно -- знать, чего бог хочет от нас. А это выражено вполне ясно в Евангелии, и потому я считаю, что мое дело в том, чтобы выучиться исполнять всё то, что так ясно по-велено мне извне словами и изнутри совестью, на это направить все мои силы, твердо зная, что если я посвящу свои силы на исполнение воли хозяина, он не оставит меня, и со мной -- с моей душой -- будет то самое, что и должно быть.

XIII

СИЛА МЫСЛИ

Великие мысли, такие, которые двигают человечество, приближая его к благу, не нуждаются в восхвалении людей.
В них сила, и потому они движут людьми, хотят ли они, или не хотят этого.

1

Одна великая мысль, вдохнутая в душу человека, может преобразить его.

Идея свободы -- в древних и новых религиях и идея божеской истины -- в религиозных сектах, как легко они торжествовали над светскими выгодами.

Сколько они дали героев и мучеников. Великие идеи могущественней страстей.

Чаннинг.

2

Часто видишь, что люди на словах осуждают и поносят ту самую мысль, которая изменяет их жизнь и дает им благо.

3

Не только сама истина дает уверенность, но и одно искание ее дает покой.

Паскаль.

4

Мыслителей можно разделить на таких, которые мыслят для себя, и таких, которые мыслят для других: последние представляют собой правило, первые -- исключение. Первые-то и есть самостоятельные мыслители в двояком смысле слова и эгоисты в благороднейшем смысле: только от них и получает мир поучение себе. Ибо только свет, который кто-нибудь зажег себе, светит и другим.

Шопенгауэр.

5

Атеисты должны говорить вещи совершенно ясные, а между тем только человек, совершенно лишенный здравого смысла, может сказать, что совершенно ясно, что душа смертна.

Атеизм -- признак силы ума, но только до известной степени.

Паскаль.

6

Обширность круга мыслей всегда в ущерб глубине их и обилие в обратном отношении -- искренности.

7

Последний шаг разума в признании того, что есть бесконечное количество вещей, превосходящих его. Разум очень слаб, если он не доходит до этого. Нужно уметь сомневаться, где нужно, утверждать, где нужно, и, где нужно, подчиняться. Тот же, кто не так поступает, тот не знает силы разума. Есть люди, которые погрешают против этих трех правил. Одни утверждают всё, как доказанное, не зная того, что можно считать доказательством; другие сомневаются во всем, не зная того, в чем нужно подчиняться: третьи подчиняются всему, не зная того, где надо иметь свое суждение.

Паскаль.

XIV

СЛУЖЕНИЕ

Ничто не облегчает так жизнь людей, как признание своего призвания в служении богу.

1

Оставайся простым, добрым, чистым, правдивым, богобоязненным, справедливым, мужественным, милосердным и ревнуй к своим обязанностям. Старайся поступать во всем, согласно с предписаниями разума и совести, заботься о благе всякого. Жизнь коротка. Не прозевай самого драгоценного плода ее -- добрых дел ко благу людей.

Марк Аврелий.

2

Кто из вас, имеющий раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойди поскорее, садись за стол.

Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить; и потом ешь и пей сам.

Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание, -- не думаю.

Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоющие; потому что сделали, что должны были сделать.

Луки XVII, ст. 7--10.

3

Сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих.

Мф. XX, ст. 28.

4

Пророк сказал: заботься только о том, что есть добро для всех и не думай о том зле, которое люди сделали тебе: охотно прощай других и делай добро всем; но избегай общества невежественных, самоуверенных и задорных.

Блаженно житье тех, которые победили гнев и простили своих противников. Воздавай добром за зло. Будем как деревья, которые отдают свои плоды тем, кто бросает в них каменьями.

5

Бог объявил тебе, что есть добро и чего господь требует от тебя. Будь справедлив, милосерд и смиренно ходи перед богом.

Пророк Михей.

6

У мудреца спросили: "Как надо служить невидимым духам?" Мудрец сказал: "Когда мы еще не в состоянии служить людям, как же мы можем служить невидимым духам?"

Спросили у него также: "Что такое смерть?" Он сказал: "Когда мы не знаем еще, что такое жизнь, как же мы можем знать, что такое смерть?"

Китайская мудрость.

7

Без решимости в сердце нашем делать добро, пока ваша правая рука не онемела, и делать это, невзирая на то, поведет ли это вас к жизни или смерти, невозможна никакая жизнь, достойная этого имени!

Джон Рёскин.

8

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить богу и мамоне.

Мф. VI, ст. 24.

9

Нельзя заботиться зараз и о душе своей и о мирских благах. Если хочешь мирских благ,--откажись от души; если хочешь уберечь свою душу, --отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того, ни другого.

Когда ты чем-нибудь мирским встревожен или расстроен, то вспомни, что тебе придется умереть, и тогда то, что тебе раньше казалось важным несчастьем и волновало тебя, станет в твоих глазах ничтожной неприятностью, о которой не стоит и беспокоиться.

Эпиктет.

Только признай себя не хозяином, а слугой, и сразу искание, тревога, недовольство заменяются определенностью, спокойствием, миром и ненарушимой радостью.

XV

СМИРЕНИЕ

Гордость -- это противоположный конец смирения. Но не доходя еще до гордости, отсутствие смирения лишает человека духовных радостей, не вознаграждая его ничем, кроме разочарования, за это лишение.

1

Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званных им почетнее тебя.
И звавший тебя и его, подошед, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место.
Но когда зван будешь, пришед, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подошед, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою.
Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет; а унижающий себя -- возвысится.

Луки XIV, ст. 8--11.

2

Человек, стоящий на цыпочках, не может долго стоять. Человек, сам себя выставляющий, не может светить. Кто доволен самим собою, тот не может прославиться. Кто хвастается, тот не может иметь заслуги. Кто горд, тот не может возвыситься. Перед судом разума такие люди подобны отбросам пищи и вызывают отвращение всех. Поэтому тот, кто имеет разум, не полагается на себя.

Лао-Тсе.

3

Человек, ищущий мудрости, тем самым уже мудр; тот, кто воображает,

что нашел ее, -- глупец.

Восточная мудрость.

4

Знать много и не выставлять себя знающим есть нравственная высота. Знать мало и выставлять себя знающим -- есть болезнь. Только понимая эту болезнь, мы можем избавиться от нее.

Лао-Тсе.

5

У мудреца спросили: "Как сделать, чтобы увеличивать свои добродетели, исправляться от своих недостатков и уметь видеть ошибки ума?"

Мудрец сказал: "Это прекрасный вопрос. Для того, чтобы увеличивать в себе добродетель, надо ставить выше всего свою обязанность делать то, что должно, и не думать о той пользе, которая произойдет от этого. Чтобы исправляться от своих недостатков, надо не думать об исправлении недостатков других. Чтобы уметь видеть ошибки ума, надо быть скромным и не верить себе.

Китайская мудрость.

Нельзя нарочно бымъ смиренным. Для того, чтобы быть смиренным, есть одно средство: не думать о себе, а думать о служении богу и людям.

XVI

СОБЛАЗНЫ

"Всякое сравнение себя с другими, для оправдания себя, есть соблазн, препятствующий и доброй жизни и главному ее делу -- совершенствованию.

1

Опасно сравнивать себя с другими с тем, чтобы признать за собой превосходство. Невольно осудишь других, вознесешь себя и признаешь зло добром.

2

Мы бываем наиболее недовольны другими, когда мы недовольны сами собою. Сознание наших дурных поступков раздражает нас и нагие сердце в своей хитрости нападает на то, что вне его, с тем, чтобы заглушить то, что оно чувствует.

Амиелъ.

3

Человеку невозможно заглянуть так глубоко в свое сердце, чтобы он мог быть вполне уверен в чистоте своего нравственного намерения и в безупречности своего образа мыслей даже по отношению какого-нибудь одного своего поступка, хотя бы он и не сомневался в законности этого поступка. Часто слабость, которая помешает человеку отважиться на преступление, принимается им за добродетель, которая создает понятие о силе. Очень многие проживают долгую, безупречную жизнь, а между тем это -- люди только счастливые тем, что избежали стольких искушений. Сколько нравственного содержания было в их образе мыслей при совершении ими каждого поступка, это остается скрытым от них самих.

Кант.

4

Люди склонны верить внешним признакам осуждения и возвышения. Нам трудно признать в человеке под стражей, в тюрьме и арестантской одежде существо столь же достойное уважения, как и человека в богатой одежде, едущего в богатом экипаже. А между тем судить об их достоинстве мы могли бы только, если бы знали их внутренние побуждения.

Сравнивай себя только с высшим совершенством, которое ты можешь себе представить, а не с людьми, которые кажутся тебе ниже тебя.

XVII

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Всякий человек знает, что справедливо а что несправедливо, так же как он знает, ровно или неровно у него под ногами.

1

Каждый человек обладает не только идеалом справедливости, но и способнЬстыо быть справедливым.

Справедливость открыта нам не как какое-то отдаленное, великое благо, которое мы должны почитать издалека; но она открыта нам вместе с сознанием того, что справедливость неразрывно связана с нашей жизнью, что мы должны осуществлять ее.

Чаннинг.

2

Самое естественное требование души есть справедливость, а мы меньше всего склонны исполнять ее. Требуйте от нас чего угодно, только не справедливости. "Но милость, -- скажете вы, -- превозносится над судом". Да, она больше справедливости, она ее вершина, она храм, основанием которому служит справедливость. Но вы не можете достигнуть вершины, не начав с основания. Вы можете основывать ваши дела не на милости, а только на справедливости, по той простой причине, что милости нет без справедливости. Она -- последняя награда за доброе дело.

Джон Рескин.

3

Самим создателем предопределено, чтобы мерилом всех человеческих поступков служила не выгода, а справедливость, и, в силу этого, все усилия определить степень выгоды всегда бесплодны. Ни один человек никогда не знал, не знает и не может знать, каковы будут как для него, так и для других людей конечные результаты известного поступка или целого ряда поступков. Но каждый человек может знать, какой поступок справедлив и какой нет. И все мы точно так же можем знать, что последствия справедливости будут, в конце концов, наилучшие, как для других, так и для нас, хотя мы не в силах заранее сказать, каково будет это наилучшее и в чем оно будет состоять.

Джон Рёскин.

4

Безумцы думают, что нет действительной справедливости, а есть только случайная, потому что часто не замечают возмездия. Но если справедливость остается годы и даже столетия не наказанной, то всё же

час возмездия настанет так же несомненно, как то, что человеку не миновать смерти. Бог, как и вначале, живет и говорит с нами в делах вселенной. Великая мировая душа справедлива. О братья, неужели после стольких веков христианской проповеди вам всё еще напоминать о том, что некогда понимали разные язычники, магометане, римляне, евреи, скифы и греки. Напоминать, что на земле существует справедливость, и что в сущности ничего вечного, кроме нее, и нет.

Карлейлъ.

Непризнание несправедливости своих поступков требует лжи.

XVIII

УСТРОЙСТВО ЖИЗНИ

Главная причина дурного общественного устройства разделение людей на господ и рабочих, на просвещенных и непросвещенных, на чистых и грязных, на темных, черных и белых.

1

Верховная власть народа сводится в сущности к тому, возможно ли, чтобы кто-нибудь имел первоначально право повелевать народом против его воли. Непонятно, как можно утверждать это разумным образом. Народ, само собой разумеется, имеет высшую и единственную власть над собой; но он властитель несовершеннолетний и потому должен находиться под опекой и никогда не может сам распорядиться своими правами, не вызывая безграничных опасностей, тем более что подобно всем малолетним он очень легко может стать игрушкой коварных плутов, называемых поэтому демагогами.

Шопенгауэр.

2

Видали ли вы, как бросается стадо свиней к ведру с помоями? Это человеческое общество, каково оно есть в настоящее время.

Видали ли вы компанию благовоспитанных людей, мужчин и женщин, сидящих вместе за обедом, когда никто не теснит другого, не жадничает, не обжирается, и когда каждый, зная, что его голод будет утолен, старается уступать другим, помогать им? Это -- человеческое общество, каким оно могло бы быть.

Генри Джордж.

3

При существующих условиях, при земле, считающейся частною собственностью, матерьяльный прогресс развивает два различных стремления, два противоположных течения. С одной стороны возрастающее народонаселение и улучшение в способах производства вызывает рост огромных состояний, уничтожение среднего, промежуточного класса и низведение рабочей массы до уровня более низкой заработной платы и более тяжелой зависимости. С другой стороны, приводя людей в более тесное соприкосновение, возбуждая мысль, вызывая новые желания и надежды, современный прогресс стремится сделать народные массы недовольными своим положением, способными живо чувствовать неправду. Что из этого выйдет, можно предсказать с такою же точностью, как можно предсказать, что выйдет из того, если понесутся навстречу друг другу два поезда по одним и тем же рельсам.

Генри Джордж.

4

Вместе с паром, электричеством и множеством изобретений разного рода в мир вступили новые могучие силы. При правильном употреблении они могут быть нашими слугами, более исполнительными, чем гении арабских сказок. При неправильном употреблении они могут превратиться в чудовищ разрушения. Они требуют и настоятельно требуют великих общественных перемен. Проявляясь при общественных учреждениях, основанных на естественной справедливости и признающих равное право за всеми людьми на богатства природы, они будут поднимать всех равномерно, и промышленная организация людей естественно преобразуется в обширное кооперативное общество. Проявляясь при общественных условиях, отрицающих естественную справедливость признанием земли частной собственностью, силы эти будут производить неравенство и поведут, в конце концов, лишь к разрушению и разгрому.

Генри, Джордж.

5

Мы, господа, живем самой утонченной добычей. Мы держим мужиков, которые работают, одуряясь от работы для того, чтобы мы питались даром и чувствования и мысли были только нашим достоянием.

Джон Рескин.

6

На гулянии устроены мачты для влезания на них и доставания призов. Такой прием увеселения -- чтобы мучить человека часами (пускай он погубит свое здоровье), или бег в мешках, а мы будем забавляться смотреть, -- мог возникнуть только при делении людей на господ и рабов.

Все формы нашей жизни сложились такими, какими они сложились только потому, что было это деление: акробаты, половые в трактирах, нужники, производство зеркал, карточек, все фабрики -- всё могло возникнуть таким, каким оно есть только потому, что было деление на господ и рабов.

Мы хотим устроить братскую жизнь, удержав рабские формы

жизни.

Братство -- естественно, свойственно людям. Не братство, разделение -- старательно воспитывают.

В неравенстве людей виноваты столько же и те, которые признают себя высшей породой людей, сколько и те, которые признают себя людьми не равными со всеми другими, а низшими.

XIX

ЮРОДСТВО

Никогда нельзя знать самому про себя для бога, для истины ли поступаешь или для славы людской. Одно средство узнать -- это радостно делать доброе, несмотря на осуждение людей.

1

Когда мир хулит и злословит нас, наше дело не огорчаться этим, а скорее подумать: нет ли в этом какого-нибудь основания или истины.

2

Никто не проявляет такого уважения и приверженности к добродетели, как тот, кто теряет славу хорошего человека, только для того, чтобы в своем сознании оставаться таковым.

Сенека.

3

"Хорошо служить людям так, как они хотят этого, но еще лучше служить им без их одобрения и награды.

Конвей.

4

Полезнее всего было бы составить описание жизни тех людей, о которых мир и не думал и не слышал, но которые теперь исполняют главную долю всех его работ и от которых мы можем лучше всего научиться, как исполнять их.

5

Что может быть более великим, как не то, чтобы присоединиться к тем людям, которые срывают цепи с человеческой свободы и мысли, которые увеличивают поле зрения человечества?.. Хорошо служить человечеству, как оно желает, но гораздо более великим является служить ему такими путями, которые и не популярны и не вызывают награды.

Осуждение за добро есть единственная поверка искренности своего служения добру.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысли, собранные здесь, взяты мною из очень большого количества сочинений и (1) сборников мыслей (в конце приложен список всех этих книг и сборников), преимущественно английских. Печатая эти мысли, в таком виде, в котором они являются здесь, я должен оговориться о том, как я переводил и составлял их. Часто я переводил мысли немецких, француз-

ских и итальянских мыслителей с английского, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам. Другая и главная причина, по которой мысли эти могут буквально не соответствовать подлинникам, состоит в том, что, переводя некоторые места, я не всегда строго держался оригинала, а иногда сокращал его, выпуская некоторые слова и (2) предложения, которые, по моему мнению, ослабляли силу впечатления, и даже заменял, хотя и очень редко, некоторые слова другими, когда считал замену эту необходимою для ясности понимания. (3) Я знаю, что такое отношение к подлинникам, особенно классических сочинений, не принято и считается (4) преступным, но я полагаю, что такое мнение есть очень важный и вредный предрассудок, произведший и продолжающий производить очень много зла, и пользуюсь случаем выразить свое по этому предмету мнение.

Помню, как (5), читая несколько лет тому назад перевод одного (6) древнего греческого сочинения, (7) именно: "Учение двенадцати апостолов", я был поражен странным примечанием переводчика к одному из мест этого сочинения. В примечании говорилось: так как место это (8) темно в подлиннике, мы постараемся передать

(1) *Зачеркнуто*: преимущественно
(2) *Зач.*: эпитеты
(3) *Зач.*: большей, по моему мнению, силы выражения
(4) *Зач.*: нехорошим и даже преступным
(5) *Зач.*: (этот укоренившийся предрассудок) мне особенно ярко и ясно представилось
(6) *Зач.*: знаменитого немецкого теолога
(7) *Зач.*: найденного в 1887 г.,
(8) *Зач.*: очень

его столь же темным и в переводе.* (1) Очень может быть, что таким переводом (2) переводчик заслужил одобрение своих ученых собратов, (3) всегда требующих механически точной передачи текстов. Но ведь, кроме г[оспо]д ученых, желающих видеть переведенное сочинение во всей его неприкосновенности со всеми находящимися в нем плохими, суеверными, часто глупыми, грубыми местами, существует еще класс людей -- я думаю, самый важный для каждого писателя -- именно класс читателей, которым желательно сообщить (4) в самом лучшем, привлекательном, и главное, понятном виде, без темных, грубых, глупых, отталкивающих мест, которые, как дань своему времени, встречаются всегда во всякой старой книге. И вот (5) для этих-то самых важных, по отношению каждой книге, людях особенно вреден тот странный предрассудок ученых людей, по

которому требуется передавать старинные сочинения так, (6) чтобы в них в целости оставались все непонятные и отталкивающие современного читателя места (7). Если вследствие дурной передачи или перевода, или (8) неудачного выражения самого автора, или вследствие свойственного времени автора суеверия, мысль высокая и нужная людям выражена так, что она не вполне понятна, или связана с (9) другой, отталкивающей современного читателя мыслью, то как же не желать передать эту мысль в самом понятном и привлекательном виде, без тех искажений, которые лишают ее значения.

Еще можно понимать, что церковь, признав канонические книги произведениями святого духа, не (10) может допустить каких-либо изменений в признанных ею текстах. Но почему держатся

(*) Меня особенно поразило это место потому, что я перед этим переводил это сочинение и, хорошо или дурно, обдумал это темное место и передал его так, что оно имело ясный смысл.

(1) *Зачеркнуто*: Так обыкновенно поступают ученые люди со всеми сочинениями.

(2) *Зач.*: ученый

(3) *Зач.*: и предупредил их возможный укор за то, что он не позволил себе внести свое мнение в текст подлинника

(4) *Зач.*: всё то лучшее, что было думано и писано людьми

(5) *Зач.*: об этих-то людях, тех, которые одни важны, забывают обыкновенно ученые люди, религиозно относящиеся к ненарушимости старых подлинников до такой степени, что предпочитают темные места передавать (темно) так, потому, чтобы попытаться как умеешь объяснить их.

(6) *Зач.*: неприкосновенно

(7) *Зач.*: (и отнюдь не позволять себе очищать и уяснять по мере своего) (Ведь что-нибудь да хотел сказать автор, когда писал свою книгу.) (И в этом большой и зловреднейший предрассудок.)

(8) *Зач.*: просто вследствие

(9) *Зач.*: нежелательной

(10) *Зач.*: позволять изменять, исправлять признанные ею канонические книги

такого странного (1) суеверия не церковные люди -- совершенно непонятно. Объясняется это только тем, что эти люди, ученые, заняты только (2) мнением своих собратий, а не теми людьми, для которых только и нужны их писания. (3) А между тем сочинения великих писателей ведь

только потому и великие, (4) что они всем нужны и что желательно, чтобы как можно больше людей пользовались тем духовным благом, которое они дают людям. Для того же, чтобы люди, как можно больше людей, могли пользоваться этим благом, нужно сделать этих писателей как можно более доступными, а для этого нужно стараться сделать вполне понятным то, что в них не вполне ясно; нужно откинуть то, что может смутить и оттолкнуть современного читателя; нужно вообще постараться предоставить их большему кругу читателей в наиболее понятном и привлекательном виде. Но (5) что может быть дурного оттого, что люди, любящие авторов, будут стараться представить их так, чтобы они были наиболее понятными и привлекательны читателям? Говорят: "Каждый будет выкидывать, что ему не нравится". (6) Но и тут нет никакой беды. То, что есть великого в авторе, останется у всех, то же, что в нем слабо, отпадет само собой. Если бы давно так относились к Библии и, в особенности к Евангелию, то давно бы отпали из Евангелия все неясные, путанные слова и соблазнительные притчи о неверном управителе, и чудеса бесов, загнанных в свиней, и Каны Галилейской, и мн. др.

"Но ведь тогда это будет не Евангелие, не Эпиктет, не Паскаль, не Руссо, а ваше сочинение", скажут на это. (7) И этот довод считается в мире ученых -- неопровержимым, точно как будто всё дело в том, *кому* приписывается сочинение. Я же полагаю, что переданные, хотя и с изменениями и сокращениями и даже дополнениями, мысли Эпиктета, Руссо и др. (8) будут все-таки мысли Эпиктета, Руссо, и что оттого, [что] человек, любящий эти мысли, постарается передать их так, как он понимает их, изменив так, чтобы они легче и сильнее воспринимались людьми одинакового с ним понимания не только не будет

1 *Зачеркнуто*: дикого.

2 *Зач.*: (собою) своей кликой

3 *Зач.*: Какие бы прекрасные полезные книги для (народа) большой публики составили бы все и древние и средневековые и нововременные писатели, если бы их сочинения передавались смело с теми исключениями, изменениями и даже добавлениями, которые считали бы нужными их переводчики и передаватели.

4 *Зач.*: сочинения

5 *Зач.*: какая же беда была бы

6 *Зач.*: и заставлять автора говорить в его направлении".

7 *Зач.*: Не знаю, что это будет, отвечаю я, но знаю, что передавая

8 *Зач.*: я не могу сказать, что это мои мысли и потому, хотя они и изменены несколько мною, все-таки мысли эти Руссо.

ничего дурного, но будет очень полезно. Если же передавший так классика передал его неверно, дурно, пускай другие передадут лучше. (1) Если же кому нужны точные переводы, то всегда найдутся такие работники -- ремесленники, которые, *в роде* работы типографов, будут (2) исполнять это, тоже в своем роде, не бесполезное дело.

Всё это я сказал для того, чтобы объяснить, почему я передавал собранные здесь мысли писателей свободно, стараясь об одном: сделать книгу как можно более доступною и полезною большинству читателей. Так что, если бы нашлись желающие переводить эту книгу на другие языки, то я бы советовал им не отыскивать на своем языке места подлинников англичанина Кольриджа, немца Канта, француза Руссо, а если они уж хотят переводить, то переводить с моего.

1904. 28 августа.

(1) *Зачеркнуто*: но, во всяком случае, имейте, как я, в виду не ученых педантов и их мнения друг о друге, а большую публику читателей, которая будет читать и воспринимать мысли этих великих людей.

(2) *Зач.*: в точности темными местами, там, где темно, передавать классиков на свои языки

КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ

* N 1 (рук. N 1).

ЧЕМ БЫЛ И ЧЕМ СТАЛ

Корней Васильев был человек гордый. (1) Это был чернобровый, курчавый, могучий человек, (2) хорошо грамотный и воздержный. Он был богаче, и здоровее, и умнее, и начитаннее всех своих односельчан и знакомых. Два трехлетия ходил старшиной, а потом открыл в городе лавку. В деревне у него был дом в два яруса, каменный под железо. Дома в деревне жила жена с детьми и старушка матушка. Работали в доме сирота

племянник и работник. Хозяйство было богатое: три лошади, одна породистая, жеребята, две коровы, овец 2 десятка. И жена и мать жили в полном довольстве. Жена приезжала раза два в месяц к Корнею в город (за 30 верст), а на праздник он сам с дорогими гостинцами матушке и семье приезжал в деревню. Ему было 43 года, когда он после поездки в Москву (3) в последний раз к празднику вернулся в деревню. В курчавой бороде и кудрявых волосах не было еще ни одного седого волоса и лицо было молодое, румяное, глаза блестели и играли, как ледышки на солнце. Держался он всегда прямо, а к 40 годам сильное тело его в спокойной роскошной жизни обложилось жиром и стало отрастать брюхо. Все дела его спорились, пришлось выгодно купить рощу. И кроме того его выбрали в гласные, и он познакомился с умными учеными господами, которые с уважением обращались к нему, спрашивая его мнения. Приехал он домой особенно веселый.

На железнодорожной станции его взялся свезти за рубль до села их деревенский извозчик, старый Кузьма. Кузьма был беден и оттого не любил всех богатых и не любил Корнея, которого

(1) *Зачеркнуто*: И трудно ему было не гордиться.

(2) *Зач.*: (которому всё дано было) который в мирских делах превосходил людей своего круга.

(3) *Зач.*: на ярмонку вернулся

он знал Корнюшкой и всегда рад был случаю сшибить спесь (1) с Корнюшки.

-- Что ж, не нашел седоков, дядя Кузьма? -- сказал Корней, выходя с чемоданчиком на крыльцо в своем крытом полушубке и тулупе, выпячивая брюхо. -- Свезешь что ль?

-- (2) Что ж, давай рубль. Свезу.

-- (3) И 7 гривен довольно.

-- Брюхо наел, а 30 копеек у бедного человека оттянуть хочешь.

-- Ну ладно, давай, что ль. Только возьми узел еще.

-- Ну, ну.

-- Лошаденка-то всё та же. Худа уж больно твоя-то.

- Худа, да возит. Но, но.

Выехали из ухабов у станции на гладкую дорожку.

-- Ну что, дядя Кузьма? Как у вас на деревне? Наши что?

- Да всё по-старому, не сказать по-хорошему.

- А что так?

- Да так. Хорошего-то мало.

-- Худого-то что? Старуха жива?

-- Старуха-то жива. Надысь в церкви была. Старуха-то жива.

-- Так что ж?

-- Да ничего. Сам приедешь, узнаешь. Шила в мешке не утаишь.

Кузьма зло радовался, что может сделать больно (4) толстопузому богатею.

-- Да что таить-то?

-- Да она и не таит.

-- Кто она?

-- (5) Да ничего я не знаю, домой приедешь всё тебе скажут.

На полдороге была корчма, Корней велел остановить, вошел и Кузьма, поднес ему и выпытал всё, что не хотел сказать Кузьма.

Мясоедом старый работник обрубил себе ногу и лег в больницу. Взяли (7) нового работника, Черного Евстигнея из Каменки. И Марфа, жена Корнея, живет с ним. В деревне все знают. Да она и не хоронится. Ее и старуха ругала и тращала мужем. Ничего не берет. Добро бы с нужды, -- кончил свой рассказ Кузьма, -- а то с жиру.

-- А не врешь ты?

- Вру, так вру, тебе же лучше. (6)

Больше Корней не стал говорить.

(1) *Написано*: спеть

(2) *Зачеркнуто*: Садись

(3) *Зач.*: Ну

(4) *Зач.*: богатому мироеду

(5) *Зач.*: Известно, хозяйка.

(6) *Зач.*: тол[стопузому]

У двора встретил его Евстигней Черный.

Корней (1) поздоровался с ним.

- К тебе служить пришел, хозяйка твоя наняла, -- сказал Евстигней. -- Твоя клажа? Выносить, что ли?

-- Ну да.

Матушка, с такими же черными глазами, как у сына, как всегда, была тихая, радостная. Жена сначала спокойно встретила мужа и стала помогать ему раздеваться. Но взглянув ему в глаза, она вдруг вспыхнула и рассердилась на дочь и стала ругаться. Она как-то особенно гордо вела себя с мужем и ушла ставить самовар, Корней раздал гостинцы и днем только приглядывался и ничего не говорил жене. Работник уехал за дровами надолго. Говорил с матушкой, рассказывал ей про Москву, и с ребятами, когда они пришли из школы. Ребят было: два, 12 и 10 лет,

мальчики и девочка 8 лет. Разговаривать с женой Корней стал только ночью, когда старуха ушла на печку в 2 русской избе с детьми и работником, а он с женой остался один в горнице с голанкой. После обеда Марфа уходила куда-то и когда вернулась, была красна, и от нее пахло вином. То она избегала его взгляда, а теперь [когда] он, сняв поддевку и оставшись в одних штанах и жилете, остановился перед ней (она сидела на кровати и оправляла косу), она прямо смотрела на него и улыбалась.

-- Евстигней давно здесь? -- сказал Корней, не глядя на нее.

- Кто его знает. Недель 5 либо 6.

- Ты живешь с ним? -- Он взглянул на нее своими блестящими черными глазами. Она вздрогнула, выпустила из рук косу, но тотчас же поймала ее и, быстро перебирая пальцами, прямо глядя в лицо мужу, хихикнула.

- Живу с Евстигнеем, выдумают. Тебе кто сказал, что с Евстигнеем живу? -- повторила она, с особенным удовольствием произнося имя Евстигнея.

- Говори: правда, нет ли? -- проговорил он, сдерживая дыхание, так что высокая грудь его поднялась еще выше и подходя к ней и страшно хмурясь, глядя на ее косу.

-- Будет болтать пустое. (3) Ишь. Раздевайся, что ль. Снять сапоги-то.

-- Правда ли, нет ли?

- Известно нет, а тебе кто про Евстигнея сказал?

-- Кто бы ни сказал, а ты меня страмить хочешь, чтоб народ смеялся. Вижу по глазам, стерва пьяная.

Он схватил ее за косу и рванул. И вспомнив насмешку Кузьмы, такая злоба вступила ему в сердце, что он готов был сейчас же, ничего не разбирая, задушить ее своими могучими руками.

(1) *Зачеркнуто*: видал его, но не

(2) *Зач*.: большой горнице

(3) *Зач*.: Выдумают Евстигнея.

И странное дело: и боль и угроза смерти, которую она почувствовала, не утишили ее, а напротив, его злоба сообщилась ей, и она, ухватив за руку, державшую косу, закричала ему злобным визгливым голосом, оскаливая свои белые зубы:

- Ну и живу с Евстигнеем. А с тобой не хочу жить. На, убей!

Такое страшное чувство ужаса, гнева, стыда, ненависти к этой женщине, которая вся была в его власти, охватило Корнея, что он отшвырнул ее на кровать и выбежал (1) из горницы.

Он знал, что жена его была злая женщина. Он видел это в ее сношениях с ним, с свекровью, с детьми, работниками, но до сих пор он не знал, чтобы она изменяла ему, и она всегда была покорна с ним. И этого он не ожидал от нее.

Он вышел на крыльцо. Остыл и вернулся в горницу.

-- Что, пришел опять? Не убил, небось.

-- Марфа. Ты не шути.

- Чего шутить? Я сама не знаю, что сказала. Ты за что мне полкосы выдрал? Во, так шматами и лезут.

-- Ты что сказала?

- Ничего не говорила. Сказала: иди, ложись.

- А про того?

- Про Евстигнея? Ничего не сказала.

- Что же ты вертишься? Говори одно что-нибудь.

- Нечего мне говорить. Одурел ты, я вижу.

-- Марфа!

-- (2) Ну что ж: Марфа. -- И она расхохоталась.

Этого он не мог вынести, бросился на нее и стал бить по лицу, по бокам. Крик ее разбудил старуху. Она с работником вбежала в горницу. Марфа лежала на полу, хрипя. Он был на себя не похож и бил ее ногами.

- Вон! -- крикнул он на вошедшего Евстигнея, Евстигней попятился за дверь, за ним вошла старуха.

-- Матушка, погубила меня эта... Убил я ее. -- И он, зарыдав, выбежал в сени.

Корней в ночь же уехал и с тех пор не возвращался.

Марфа долго болела. У нее, кроме побоев на лице, были сломаны два ребра, разбита голова (3) и свихнута рука. Она выздоровела, и Евстигней остался жить. (4) И жил с ней, как с женой. Про Корнея не было никакого слуха. В первый месяц слышно было, что он жил в городе и пьянствовал, а с весны пропал куда-то, и слуха про него не было.

(1) *Переделано из*: вышел.

(2) *Зачеркнуто*: Нечего

(3) *Зач.*: подбиты глаза

(4) *Зач.*: в работниках

II

Прошло 15 лет. Была грязная, темная, глухая осень. (1) В Андреевке (2) пастух, отслужив срок до заговенья, ушел, и гоняли скотину очередные бабы и ребята. (3) Было еще рано, но солнце ходило низко, и становилось темно и очередные гнали стадо к дому. Одной из очередных была Агафья,

Корнеева дочь. Ее выдали в прошлом году в Андреевну за хорошего (4) молодца из богатого дома, и она еще не рожала. Когда стадо выгнали на дорогу, оно догнало странника, сгорбленного, белого, как лунь, старика, который в промокшем насквозь (5) затасканном зипуне, в лаптях и большой шапке через силу тащился по дороге. За спиной старика был (6) мешочек. Шел он, (7) валясь всем телом вперед, через шаг подпираясь длинной (8) клюкой. (9) Когда стадо догнало его, он остановился и, опершись на палку, опустив голову и тяжело дыша, пропустил мимо себя стадо. Когда временные пастухи, малый и (10) Агафья поровнялись с ним, он поднял старое, худое, сморщенное лицо и сказал: (11)

-- Бог помощь, умница!

-- Спаси Христос, дедушка, -- отозвалась (12) ласковым голосом белокурая миловидная Агафья. Она шла, покрывшись с головой дерюжкой, с подтыканной юбкой и в мужских сапогах.

-- Что ж, ночевать что ль, дедушка?

-- Да, видно так. (13)

Молодайка остановилась подле него. (14)

- Десятской-то где (15) у вас?

- (16) Ну его, десятского. Иди прямо к нам. 3-я изба с краю. Наши странных людей пущают.

-- Спаси Христос. Зиновеева, значит?

(1) *Зачеркнуто*: (Стадо (всё) еще гоняли в поле и рано загоняли стадо.} Было еще рано, пастух

(2) *Зач.*: В 5 верстах от Корнеева села

(3) *Зач.*: Под самой деревней стадо с бабами (и) догнало старика.

(4) *Зач.*: хозяина

(5) *Зач.*: подряснике

(6) *Зач.*: тоже промокший

(7) *Зач.*: (тяжело) (скоро, размахив[ая] руками) быстро

(8) *Зач.*: палкой.

(9) *Зач.*: Но шел так недолго. Пройдет шагов 100 и остановится и тяжело, со свистом, дышит. Старик этот был Корней Васильев.

(10) *Зач.*: молодайка

(11) *Зач.*: (тихим ласк[овым]) хриплым голос[ом]:

(12) *Зач.*: молодайка

(13) *Зач.*: Не дойти

(14) *Зач.*: Он почувствовал, что она пожалела его. -- Что ж, заходи. И он так был слаб, что ему захотелось плакать. Подавив слезы, он спросил: -- Где

(15) *Зач.*: на том или на этом конце

(16) *Зач.*: На что тебе.

Молодайка взглянула пристальнее на старика.

-- А ты ! разве знаешь?

-- Сказывал мне (2) прохожий.

-- Ты чего, Федюшка, (3) слюни распустил, хромая-то вовсе отстала, -- крикнула молодайка, взмахнула правой рукой хворостиной и как-то странно снизу косолапо левой рукой перехватила дерюжку на голове и побежала назад за отставшей хромой мокрой черной овцой. Старик был Корней.

-- А ведь это Агашка, -- подумал (4) он. -- Левая и есть рука сломана. Да и лицом (5) живой Евстигней -- две капли.

И в душе Корнея поднялось (6) воспоминание о той злобе, которую он пережил. И ему стало больно, жалко, стыдно и (7) захотелось плакать. Всё, что было, было с ним: он бил жену, он сломал руку девочке, он хотел убить Евстигнея. Всё это было он. Но он те[перь] был другой человек. (8)

III

Много пережил за это время Корней Васильев. Уйдя из дома, он (9) приехал в Москву, ожидая суда. Он думал, что убил жену. Но никто не требовал его. Он начал пить, чтобы забыться. Он прожил в Москве два месяца, ведя самую беспутную и развратную жизнь. (10) Но забыться (11) он не мог. Он раза два останавливался, переставал пить. Но трезвым никак не мог сладить с собой. "Сирота, нищая, взял ее из нужды. Всё ей дал. И на же тебе... Что сделала!" Вспоминал он об матушке, об сыне, хотел поехать проведать их, выгнать ее. Но как только вспоминал про нее и Евстигнея, такая злоба поднималась, что сердце останавливалось биться, и он чувствовал, что убьет ее и ее незаконную, поганую, прижитую без него девочку. И он опять запивал. Так пропил и размотал он почти всё, что у него было в городе. И тут случилось, что он в трактире подрался пьяным с фабричными. Он избил фабричных, и его избили и взяли в часть. В части его продержали (12) с ворами и пьяницами двое суток и выпустили обобранным. После этого

(1) *Зачеркнуто*: по[чем]

(2) *Зач.*: -- сказал старик и закашлялся

(3) *Зач.*: смотришь

(4) *Зач.*: старик

(5) *Зач.*: вся в Евст[игнея]

(6) *Зач.*: не злоба, не гордость, не жалость к себе, а

(7) *Зач.*: опять

(8) *Зач.*: Теперь в другом человеке, кот[орый] не гордился, а радовался своему унижению

(9) *Зач.*: два месяца крутил в Москве

(10) *Зач.*: стараясь забыться.

(11) *Переделано из*: забыть; далее зачеркнуто: своего срама и своей злобы.

(12*) Зачеркнуто*: в кутузке

срама он опять хотел бросить пить и остепениться. Но дела по лавке совсем расстроились. Жить в Москве было не при чем. Домой он не мог ехать, боялся себя. Раз он ездил домой, но, доехав до станции, вернулся. Он не знал, что делать. Расстрялся мыслями. Он собрал последние деньги 37 рублей и поехал в монастырь к старцу.

Он всё рассказал старцу.

-- Простить надо. Христос велел 7х70 прощать, а это что.

- Не могу, отец.

- То и дорого, то и нужно богу, чтобы крепкое сердце переломить. Молись. И бог смягчит твое сердце. Ведь и она человек.

- Сука она.

- Грешишь, раб божий, великий грех. Человек она. Она и сама не рада. А ты ее бранишь. Сам на грех толка[ешь]. Домой иди. Ты прости и тебе простят.

- Не могу, отец. Какую хочешь эпитемию наложи, а дома жить не могу. Я уж ходил. Как увижу места те, хуже согрешу.

Старец задумался, закрыл глаза и пошептал молитву. Жалко ему было этого человека.

- Коли так. Поди в монастырь. Поживи. Послушанье прими.

- Это могу.

И Корней Васильев пошел сначала в Валаам, там прожил год, потом в Соловецкий и прожил там в работниках на море 3 года, потом в пекарях в монастыре 6 лет. На 7-м году (1) ушел странствовать. Был на Новом Афоне, в Киеве, у Афанасия Сидящего и везде монахи не нравились ему, (2) а главное то, что он не мог простить. И только думал о том, как бы ей показать то зло, которое она сделала. На Кавказе его захватила лихорадка, и он стал болеть. Деньги у него все вышли. Он жил Христовым именем. Он чувствовал, что (3) ему не долго жить, и ему захотелось домой. (4) Захотелось уличить ее, показать всё то зло, которое она сделала. Сил становилось всё меньше и меньше. Лихорадка трепала через день. Пища была плохая. И подходя к старому дому, он совсем ослабел и уж больше

думал о том, как бы не умереть, не сказав ей всего.

IV

Он сделал, как сказала ему молодайка. Дотащившись до Зиновеева двора, он попросился ночевать. Его пустили.

(1) *Зачеркнуто*: заболел горячкой и умирал
(2) *Зач.*: но на ходу ему было хорошо. На Кавказе
(3) *Зач.*: что-то оборвалось в нем и что
(4) *Зач.*: Он уже не думал о том, чтобы прощать. Он видел только свои грехи. Здо[ровье]

-- (1) Застыл, дед! Иди, иди на печь,-- сказала (2) хозяйка. Она в сенях ставила самовар. Молодой хозяин, только перед ним вошедший в избу, тоже велел лезть на печь. Корней разделся, разулся, повесил против печи портянки и влез на печь. Молодайка тоже скоро вернулась.

- А не бывал старичок странный? -- спросила она. -- Такой плохенький, насилу шел. Я велела к нам заходить.

-- А вон он, -- сказал хозяин, указывая на печь, где, потирая ноги, сидел Корней.

Когда хозяева (3) сели за чай, они кликнули и Корнея. Он слез и сел на краю лавки. Ему подали чашку и кусок сахара.

Заговорили про погоду, про уборку. Не дается в руки хлеб. У помещиков проросли копны в поле. Только начнут возить, опять дождь. Мужички свезли. А у господ так дуром преет. Корней рассказал, что он видел по дороге целое поле, полное копен. Молодайка взяла его (4) чашку, налила ему и подала.

- Пей, дедушка, на здоровье, -- сказала она на его отказ.

- Что ж это рука у тебя не справна? -- спросил он у нее.

- С мальства еще сломали.

- Это ее отец убить хотел.

- С чего ж это? -- спросил Корней.

- А такой был в Прысках у нас человек, (5) Корней Васильев звали. Так возгордился на жену. И ее избил и девчонку испортил.

- С чего же? -- спросил Корней, взглядывая из-под густых бровей на хозяина, не догадывается ли он?

- За работника, сказывали, что она с ним жила.

- Что ж, правда?

- Кто их знает. Про нашу сестру (6) всякое сболтнут, а ты отвечай, -- сказала старуха. (7) -- Работник малый хороший был. Он и помер у них в доме.

- Помер? -- переспросил старик.

- Давно помер... Может, и грешен. Кто богу не грешен.

-- Так вы, значит, у них взяли молодайку?

- У них дом хороший. Первый на селе был, пока жив был хозяин.

-- Разве помер?

- Должно, помер. С того разу пропал. И не слышно ничего. Лет 10 будет.

- Больше никак, мне мамушка сказывала, меня она только кормить бросила.

(1) *Зачеркнуто*: Что

(2) *Зач.*: ему

(3) *Зач.*: (убрались) напились

(4) *Зач.*: стакан

(5) *Зач.*: сказывали,

(6) *Зач.*: легко худое сказать

(7) *Зач.*: -- А работник-то что ж

-- (1) Как же он тебе руку сломал, умница? -- спросил, помолчав, Корней, глядя на Агафью.

-- Да что-то, сказывают, с мамушкой рассерчали...

-- Что ж, ты на него не обижаешься?

-- Рази он нарочно. А так греху надо было случиться. (2) Разве он чужой?

-- А он разве отец тебе?

- А то как же? Что ж, еще пей с холоду-то. Налить, что ли? Старик (3) не отвечал и, всхлипывая, плакал.

Чего ж ты?

- Ничего, так. Спаси Христос, -- И Корней медленно, держась за столбик и за палати, полез большими худыми ногами на печь.

V

На другой день старик Корней поднялся раньше всех. Лихорадки не было. Он слез с печи, размял высохшие портянки, обулся на палатях и надел мешочек.

- Что ж, дед, позавтракал бы, -- сказала старуха.

- Спаси бог. Пойду.

- Так вот, (4) возьми хоть (5) лепешек вчерашних. Я тебе в мешок положу.

Старик поблагодарил и простился.

- Заходи, когда назад пойдешь, живы будем...

На дворе был тот тяжелый осенний туман, закрывающий всё. Но Корней хорошо знал дорогу, знал всякий бугор и хоть сделались за 15 лет из прутьев деревья, знал все кусты и рябины и ветлы по дороге.

Деревня Прыски была всё та же, только построились с краю новые дома, каких не было прежде. И из деревянных домов стали кирпичные. Его двухэтажный дом был такой же, только постарел. Крыша была давно некрашена, и на угле выбитые были кирпичи, и крыльцо покривилось.

В то время, как он подходил, из скрипучих ворот вышла степенная матка с жеребенком, старый мерин чалый и третьяк. Старый чалый был весь в ту матку, которую Корней еще привел с ярмонки. Должно, это тот самый, что у нее тогда в брюхе был. Та же вислозадина и та же широкая грудь и костистые ноги. Собака черная выскочила, залаяла, но это и породы была другой, чем мохнатый Волчок, которого он оставил в доме. Он подошел к крыльцу, (6) взошел на него и отворил двери в сени.

(1) *Зачеркнуто*: -- Что ж

(2) *Зач.*: Что ж

(3) *Зач.*: протянул чашку

(4) *Зач.*: на

(5) *Зач.*: калачик

(6) *Зач.*: к двери. -- Неужели просить Христа ради? -- подумал он.

-- Чего лезешь, не спросись? -- окликнул его голос из избы. -- Он узнал голос Марфы. И вот она сама -- старая, беззубая, сморщенная, высунулась из двери.

- Я к тебе, Марфа.

Она выскочила в сени и заперла дверь.

-- Чего ко мне? Милостыни, так под окном просят.

-- Марфа. Я Корней, -- сказал старик и заплакал. И он по лицу ее увидел, что она узнала его. Она испугалась и тотчас, же озлобилась.

- Бреши больше. На старости лет. (1) Мели, чего не надо. Корней помер. Мы его в церкви поминали.

-- Марфа! Помирать будем. -- Он сел на кадушку в сенях и заплакал.

- Не знаю я тебя, -- сказала она. -- Коли ты Корней, так поди в волостную, заявись. А я тебя не знаю. Корней был хороший человек, а ты кто? -- побирушка. Ступай, ступай с богом.

Сначала Корней с трудом признал ее -- так она переменилась, но теперь он узнал ее всю такою, какой она была тогда. Она была всё такая же.

-- Что ж, тебе и сказать мне нечего?

Он одного желал, чтобы она поняла свою вину и призналась в ней. Она молчала, молчал и он.

-- Ничего не скажешь?

- Нечего мне говорить. Не знаю тебя. Ступай с богом! Ступай, ступай.

Он поднялся. Она вернулась в избу и захлопнула дверь. Он поднялся, побрел назад на крыльцо и держась за поручни с трудом спустился с него. Она смотрела на него из окна.

VI

Корней не пошел к старшине, в тот же день вернулся к Зиновеевым. Его приняли.

- Что ж, не пошел дальше?

- Не дойду до угодника, назад пойду.

- Ну, иди, иди. Мы рады странному человеку.

К ночи Корнея стала трепать лихорадка, и к утру он так ослабел, что почувствовал, что умирает. Агаша жалела его, выводила на двор, поила водой и достала яблочко. Он не стал есть.

-- Гаша, (2) -- позвал он ее ночью. -- Ты мне много добра сделала, спасибо, умница. Прости меня. Я помирать хочу.

- Что ж мне прощать. Ты мне худого не сделал.

(1) *Зачеркнуто*: хвастаешь

(2) *Зач.*: сказал он ей

-- Может, и сделал. А еще... Сходи ты, умница, к матери, скажи ей, что странник вчерашний...

-- А ты разве был у ней?

-- Был. Так скажи, что странник вчерашний велел (1) попрощаться с ней, чтоб она его простила. А еще это отдай. -- Он отдал ей свой солдатский билет. -- Спасибо ей. Кабы всего не было, (2) душе бы хуже было. Спасибо ей. А теперь, если есть свечка, дай мне. Я помираю. Слава богу. Развязал все грехи. Слава богу. (3)

Агафья убрала в сундучок его билет солдатский и когда подошла к нему, свеча вывалилась у него из рук, глаза остановились и не было дыханья.

25 февраля. 1905.

* N 2 (рук. N 3, гл. I).

У двора встретил Корнея Евстигней Белый. Корней поздоровался с ним.

-- К тебе служить пришел. Хозяйка твоя наняла, -- сказал Евстигней, тряхнув волосами. Корнею показалось, что он смеется. -- Твоя клажа? Выносить, что ль?

- А то чья ж? Спрашивает. Неси в дом.

Матушка, с такими же черными глазами, как у Корнея, радостно улыбаясь, встретила сына. Также особенно (встретила) его и жена. Она показалась ему особенно похорошевшей,он пристально уставился на нее. Этот взгляд смутил ее. Она вдруг вспыхнула и рассердилась на двухлетнюю дочку, которая просилась к ней на руки, отогнала ее и быстрыми шагами вышла в сени ставить самовар. Корней роздал гостинцы матери, жене, мальчику, пришедшему из школы (малому было 8 лет, он был такой же черномазый, как отец), и, раздевшись, за чаем поговорил с матушкой и пришедшим соседом. С женой разговаривать стал только ночью, когда старуха ушла на печку в русской избе с детьми и работником, а он с женой остался один в горнице.

* N 3 (рук. N 4, гл. I).

Корнеева мать, с такими же черными глазами, как у Корнея, покачивая головой и шамкая губами, невесело встретила сына.

Жена, рослая, широкая, красивая женщина, напротив, казалась особенно веселой. Она рысью, смеясь, выбежала ему навстречу и, подхватив у Евстигнея чемодан, сама внесла его в горницу.

Она показалась Корнею особенно похорошевшей.

- Ну что, как живете без меня? -- сказал он, пристально глядя на нее.

(1) *Зачеркнуто*: сказать, чтоб

(2) *Зач.*: не спасти

(3) *Зач.*: Не успела

-- Живем всё по-старому, -- сказала она и вдруг вспыхнула и с досадой оттолкнула от себя двухлетнюю девочку, которая просила у ней есть, и вышла в сени.

Корней вошел в горницу, где он жил с женой, -- разделся, развязал чемодан и, достав гостинцы, вошел в большую избу, где мать готовила посуду к чаю. Он роздал гостинцы матери, жене, черноглазому мальчику и

сел за чай.

К чаю пришел кум Липат. Корней расспрашивал про деревенские дела и рассказывал про Москву. С женой он не говорил ни слова и только изредка взглядывал на нее. Перед ужином она уходила куда-то, и когда вернулась была красная, и от нее пахло вином. Поужинав, Корней достал записную книжку, сел под лампу и, достав щеты, кидал кости и записывал обгрызком карандаша.

- Что же, спать-то скоро придешь? -- сказала Марфа, снимая с головы платок и оправляя его. Она встала и подошла к двери. -- Небось, с дороги-то уморился, -- сказала она, блеснув на него глазами и слегка улыбаясь.

- Сейчас приду, -- сказал он и невольно улыбнулся и сейчас же рассердился за это на себя и сдвинул брови.

- То-то,-- сказала она, и он слышал ее быстрые резвые шаги по сеням и лестнице и веселый голос, звавший девочку. Корней давно кончил счеты, но ему страшно было идти к ней. Он долго сидел, пересчитывая сосчитанное, чтобы только обмануть себя и оттянуть время. Когда он пришел, девочка уже спала, а Марфа сидела в одной рубахе на кровати и оправляла косу.

Он снял поддевку и в одной светлой ситцевой полинялой рубахе остановился перед ней.

* N 4 (рук. N 4, гл. I).

Злоба его сообщилась ей, и вместо того, чтобы испугаться, покориться, отрицать, она, ухватив за руку державшую косу, закричала ему злобным, визгливым голосом, оскаливая свои белые зубы:

- Живу, тик живу. Что ты мне сделаешь? Ну, убей. Живу, так живу?

- Что? -- закричал он, выпустил косу и затрясся всем телом.

Она теми же смеющимися глазами смотрела на него, ожидая. Он повернулся, шатаясь, и вышел из горницы и, держась за поручни, сошел с лестницы и вышел на крыльцо. На дворе было морозно и пасмурно. Легкий ветерок гнал иней, снежинки падали ему на горевшие щеки и лоб. Он знал, что жена его была злая женщина. Он видел это в ее сношениях с свекровью, с детьми, с работниками, но он любил ее красоту, гордился ею и старался не видеть, не помнить того дурного, что было в ней. Она всегда была покорна ему. Ему никогда в голову не приходило, чтобы она могла изменить ему. Это было так неожиданно, что он не верил тому, что она сказала. Он постоял на крыльце, отдышался, растер по разгоряченному лицу падавший иней, взял в рот горсть снега с перил и вернулся к ней.

* N 5 (рук. N 4, гл. I).

Сойдя вниз, Корней вошел в горницу, накинул крючок на дверь, чтобы никто не вошел к нему, достал свой чемодан, уложил в него опять свои вещи, вынул бумажник, пересчитал деньги. Было четыре сотенных и мелочь. Ни матери, ни детей он не хотел видеть. К нему стучались в дверь. Он никого не пустил. Положив себе под голову поддевку, он лег на лавку и хотел заснуть. И пролежал так всю ночь. Он не спал. Слышал, как бабы выли наверху, как потом сошли вниз и ушли в другую избу. Из-за двух дверей чуть слышен был их вой. Потом всё затихло. Запел петух, второй, третий. Рассветать стало. Он всё не спал, лежал и мучался. На утро он отпер дверь и окликнул племянника, велел ему запрягать лошадь. Только Федька, 10-летний малый, протирая заспанные глаза, перебирая босыми ногами, вышел на крыльцо и молча смотрел на отца -- Корней толкнул в бок немого, указывая головой на дорогу, и немой погнал Чубарого по мерзлой накатанной дороге улицы.

* N 6 (рук. N 5, гл. I).

Он знал, что не совладает с собой, страшная злоба оскорбленной гордости кипела в нем, но рано или поздно не миновать идти. Он повесил щеты на гвоздь, встал и хотел войти к ней, но услыхал, что она молится богу. Он снял пиджак, жилет и остановился, дожидаясь. Когда она кончила молиться и с какими-то словами молитвы, втягиваемыми в себя, села на заскрипевшую кровать, он вошел в каморку.

* N 7 (рук. N 7, гл. I).

Поужинав, Корней ушел в горницу, где он спал с женой и маленькой дочкой, а Марфа осталась убирать посуду в большой избе. Корней сел под лампу и, достав щеты, кидал кости, делая вид, что считает что-то, но ничего не считал. А только ждал ее, чувствуя, как гнев его на нее всё больше и больше разгорается. И наконец, ему показалось очень долго, послышались ее шаги, дернулась дверь, отмякла, и она вошла с девочкой на руках.

-- Небось с дороги-то уморился, -- сказала она, слегка улыбаясь.

"Стерва!" -- подумал Корней, только взглянув на нее, и ничего не ответил.

- Уж не рано, -- сказала она, робко взглядывая на его страшное серое лицо и тотчас же опустив глаза. И пошла за перегородку.

* N 8 (рук. N 10, гл. II).

Всё шло хуже и хуже. Без вина он не мог жить. То сам был хозяином, а теперь стал наниматься в погонщики к скотине, потом и в эту должность не стали брать. Постарел он и ослабел. И вот в последний раз, догнав скотину до Москвы, он получил расчет от хозяина, он стал пропивать и пьяный в трактире подрался с фабричными. И его избили и взяли в часть. В части его продержали с ворами и пьяными двое суток и выпустили обобранным.

"Так и надо, -- думал он. -- Она, она, стерва довела меня до этого".

* N 9 (рук. N 11, гл. II).

В один из своих переходов со скотиной с ним шел в товарищах московский мещанин, бывший пьяница. Мещанин этот рассказал Корнею, что он пил прежде, но теперь избавился. Поп один отговаривает от вина. Корней сходил к попу. Поп отчитал его, и Корней точно перестал пить и нанялся опять в погонщики.

* N 10 (рук. N11, гл. V).

И вот она сама, еще сильная, здоровая, но морщинистая и злая старуха, высунулась из двери. Корней увидал ее старость, и вдруг вместо злобы к ней, которую носил в душе столько лет, ему стало жалко ее. Хотелось как-нибудь простить ей.

- Милостыню, так под окном проси.

- Я не милостыни. А погляди на меня. Знаешь меня? -- сказал Корней. И он по лицу ее увидал, что она узнала его.

Она вышла из двери и захлопнула ее.

- Мало ли вас шляется. Где же вас знать всех.

- А Корнея узнала бы, кабы он пришел?

- Бреши больше. На старости лет. Мелешь чего не надо, Корней помер. Мы его в церкви поминали.

- Марфа, помирать будем.

Он сел на кадушку и жалостно смотрел на нее.

- Не узнаю я тебя. Коли ты Корней, поди в волостную, заявись. А я тебя не знаю. Корней Васильевич был хороший человек, а ты кто, -- побирушка. Ступай, ступай с богом.

Сначала Корней с трудом признал ее -- так она переменилась, но теперь он узнал ее всю такою, какою она была тогда. Она была всё такая же непонятно непроницаемая и неумолимая. Но тогда всё это скрывалось для него красотой лица и тела, теперь всё видно было наголо, и видно было, что ей тяжело.

ПАСКАЛЬ

* N 1 (рук. N 1).

Нужно показать, что необходима вера и вера эта есть, и Паскаль и Гоголь берут ту, какая есть, покоряясь ей, не разбирая ее. Как человек, умиравший от жажды, набрасывается на воду, не разбирая ее качества. Довольно, что вода, довольно, что вера. И тот и другой еще не опираются на веру в своей жизни, не знают еще, как она будет действовать на них. Они отдаются той, какая есть. Им некогда разбирать ее. Они оба больные, страдающие, близкие к смерти.

Про Гоголя мы не знаем, но Паскаль весь виден в своих Pensees. Видна вся напряженная работа его мысли, направленная преимущественно на доказательство тщеты, глупости мирской жизни, необходимость веры. И тут он необычайно силен. Я не знаю никого, кто бы сравнился с ним в этой области. Там же, где он изредка, урывками ищет доказательств, подтверждения истин католичества, он поражает (1) слабостью довода и даже приемов.

* N 2 (рук. N 2).

(Жизнь самая простая и обыкновенная по внешним событиям, и жизнь страшная, трагическая по ее внутреннему содержанию.)

Человеку для его блага нужно две веры: одно -- верить, что *есть* объяснение смысла жизни, *есть* истинное благо для человека, и другое -- найти это наилучшее объяснение жизни и путь к этому истинному благу.

Паскаль сделал, как никто, это первое дело. Судьба, бог не дал ему сделать второго.

Но и первое дело, особенно в наше время, так важно и велико, что нельзя достаточно высоко ценить дело этого удивительного человека, одного из истинных благодетелей человечества.

Человек великого ума и великого сердца, один из тех людей, который

способен видеть через головы других людей и веков

(1) *Зачеркнуто*: ребяческой

то, что должно открыться всем людям и составить содержание их жизни, один из тех, которых называют пророками, начинает прозревать истину (1) и видит, что он сам живет безумно, не думая о том, что ожидает его, о своем назначении, и губит данную ему жизнь. Он оглядывается вокруг себя и видит, что все (2) люди, так же как и он, живут бессмысленной жизнью, стараясь забыться и скрыть от себя свое положение. И пророк употребляет все силы своего огромного ума и могучего слова на то, чтобы обратить внимание на то, что единое на потребу, и собирается указать им тот свет, где видит его. Он знает, что он (3) в вере (4). Вера же для него есть то самое католичество, в котором он рожден, воспитан и утвердился. Он (5) верит, что (6) в католичестве несомненная божеская истина. Придет время, и он докажет несомненность этой истины, но теперь ему некогда: у него есть другая, предшествующая доказательству истинности католичества, задача -- доказать невозможность жизни без веры в бога и закон его, и он весь тот могучий, правдивый свет своего ума, (7) направлял на эту цель и с удивительной силой достигает ее.

Для него не могло быть середины, он должен бы был всё разрушить и снова восстановить, или не колеблясь верить тому, чему верил. Он избрал второе. И на его жизнь и смерть хватило старого дома. И он умирает с слепой верой в то, во что он не мог бы верить, если бы ему было время, но что все-таки спасает его. Он верил, но чуял, что дом его непрочен. (8)

* N 3 (рук. N 3).

А между тем большинство критиков Паскаля, и новых и старых, (9) и вся интеллигентная толпа за ними, не только не понимают всего, что сделал Паскаль, но даже позволяют себе с высоты своего просвещенного свободомыслия и тупоумия (10) судить о нем.

(1) *Зачеркнуто*: прежде всего в ее отрицательном состоянии, видит, что она есть, что она должна быть.

(2) *Зач.*: люди не только не видят, но не хотят видеть ее, но делают всё, что могут, чтобы не видать ее.

(3) *Зач.*: там, даже в том уродливом католичестве

(4) *Зач.*: в бога.

(5) *Зач.*: знает

(6) *Зач.*: она там, потому что чувствует тепло от него. Верит в бога, в то, что спасение только от него, только через него, только в исполнении его воли. Но как, отчего оно совершается так, а не иначе, он не имеет времени разобрать, и верит еще тому, что исповедали люди до него и исповедуют теперь вокруг него.

(7) *Зач.*: он направит на это учение и утвердит его. Так он думает. Но ему некогда теперь, ему надо умирать с тем, что есть.

(8) *Зач.*: и в этом весь трагизм его жизни.

(9) *Зач.*: позволяют себе, на основании его веры в суеверные догматы католичества.

(10) *Зач.*: не признающего никакой религии,

Это было у нас с Белинским, судящим о Гоголе, и всей толпой точно так же, как Белинский, не могущих понимать той высоты, на которой стоял Гоголь и потому пошедших за тем, кто так же, как и они, не понимал его. То же было и со всеми тупоумными литературными критиками, судившими недоступного им по той высоте, на которой он находился, Паскаля.

Паскаль показал людям, что люди без религии или животные, или сумасшедшие, -- ткнул их носом в их безобразие и безумие, и что никакая наука не может заменить религию.

Но Паскаль верил в бога, в троицу, в Библию, и потому для них дело решенное, что и то, что он им говорил о безобразии их жизни и тщете наук -- неправда. Та самая наука, та самая суета жизни, безумие которой так неотразимо верно выяснил Паскаль, эта-то самая суета и эта самая наука -- правда, а рассуждения Паскаля -- плод его болезненной ненормальности (то же о Гоголе). Им понравилась литературная сторона этих доводов, они причислили его к классикам, но содержание их не нужно им, жалким тупым людям, которые не в силах понять душевное состояние Паскаля, -- высшее душевное состояние, до которого может достигнуть человек.

* N 4 (рук. N 4).

(И тот и другой еще не опираются на веру в своей жизни, не знают еще, как она будет действовать на них. Они держатся той, какая есть; им некогда разбирать ее. Они оба больные, страдающие, близкие к смерти.

Про Гоголя мы не знаем, но Паскаль весь виден в своих Pensees. Видна вся напряженная работа его.) Паскаль всю свою энергию кладет на доказательство тщеты, глупости мирской жизни, без веры. Эта часть его Pensees есть верх совершенства, убедительности и силы. Я не знаю никого, кто бы сравнился с ним в этой области. Там же, где он, в этих же Pensees

изредка, урывками намечает те доказательства, которые он приведет в подтверждение истины католичества, видно искание, недоверие себе и, главное, откладывание на будущее время. Он, очевидно, говорит себе: прежде надо доказать так, чтобы людям не было никакого выхода, необходимость веры. Когда это будет доказано, я докажу, что эта вера есть, и это вера есть именно та, которую я исповедую.

* N 5 (рук. N 5).

Разумеется, надо помнить, что Pensees не есть сочинение, а клочки бумаги, на которые он набрасывает проекты мысли. Но если Pensees не сочинение, то это документ, дающий возможность заглянуть во внутреннюю работу этого великого человека. Необходимость религии, безумие жизни без религии, для него истина несомненная, и он с удивительной силой показывает эту истину с разных сторон.

ЗА ЧТО?

* N 1 (рук. N 1).

НЕПОПРАВИМО

Это было в 1828-м году весною. В богатую усадьбу (1) Пшиздецких в одной из Польских губерний, приехал из Варшавы (2) только что кончивший курс молодой красавец поляк (3) Иосиф Мигурский, сын друга Пшиздецкого. Сам пан Пшиздецкий был больной беспокойный старик, мучавший свою семью своими и действительными и выдуманными болезнями и хуже болезней беспрестанно изменяемыми способами лечения. Панни Пшиздецкая была когда-то красавица из небогатой семьи, вышедшая очень молодой замуж. Детей было только две дочери: старшая, в мать, величавая красавица Эрнестина и младшая живая, быстрая худенькая Альбина. Ей было 15 лет, когда приехал Мигурский. -- Все думали, что Мигурский имеет виды на Эрнестину. Это думала и она, думал и он сам. Но не прошло двух дней, как случилось то, что когда Альбина, подмигивая блестящим черным глазом на сестру, собиралась уходить из беседки парка, чтобы оставить Иосифа с Эрнестиной одних, Иосиф удерживал ее, провожал ее влюбленным взглядом, и без нее ему

было скучно. Она, сама не зная этого, кокетничала с ним. Она не кокетничала, но ее веселило присутствие молодого мужчины, и она отдавалась своему женскому инстинкту: делать то, что -- она чутьем понимала -- нравилось ему. Но ей скоро не нужно было и выбирать, что делать: она чувствовала, что нравилось ему всё, (4) что бы она ни сделала. Нравилось то, как она наперегонки бегала с борзыми, прыгавшими на нее и лизавшими ее лицо, нравилось, как она лезла на старую вишню и кидала ему оттуда вишни, нравилось, как она принимала серьезный вид при мрачном отце, нравилось, как она

(1) *Зачеркнуто*: Мигурских
(2) *Зач.*: студент
(3) *Зач.*: Пшиздецкий
(4) Последние три слова в рукописи написаны дважды.

хохотала, когда он упал, бегая за нею, (1) нравилось, как она неумело, но мило и верно пела итальянские арии, нравилось, как она по вечерам, садясь в отцовское кресло, мгновенно засыпала и вдруг, смеясь, просыпалась. Все ждали, что Иосиф сделает предложение, но, к удивлению всех, он уехал, не сделав его. Только Альбина в самой глубине души, не говоря этого даже себе, поняла, отчего это случилось. В глубине души она знала, что он любит ее и она также любит его. Ей жалко было сестру. Она ее еще больше полюбила, чем прежде, но что ж ей было делать.

Пшиздецкие жили своими семейными, домашними интересами, старик открыл новое лечение и испытывал его. Мать с трудом вела большое хозяйство. Дочери шили в пяльцах, играли на арфе, переписывались с другинями и скучали. Сначала думали на зиму ехать в Варшаву, но в Варшаве шла революция.

Вся семья Пшиздецких с волнением следила за революцией. Старик ругал русское правительство, но не ожидал ничего хорошего. Мать молилась за Польшу и борящегося (2) Давида с Голиафом. Эрнестина (3) была почти равнодушна. Ее увядающая, никому не нужная красота поглощала почти все ее чувства и мысли. Альбина горела патриотическим огнем и решила бежать в мужском платье и пристать к патриотам. Мать застала ее перед зеркалом в мужском платье. Сказала отцу. Отец стал выговаривать ей. Она наговорила ему грубостей. Отец велел запереть ее. (4) В заточении она так жалостно плакала, что мать пришла утешать ее. Она целовала мать в лицо, руки и говорила, что она не может, не может. Но обещала не убегать из дома и примирила с собой отца, который не мог не улыбаться и не просиявать, когда она ласкалась к нему.

Революция была задавлена, сотни тысяч людей были расстреляны, забиты палками, сосланы. В числе пострадавших, хотя и не самых главных, был и Мигурский. Его приговорили к отдаче в линейные батальоны и сослали в Уральск. Перед отправлением своим в Уральск, он написал трогательное письмо Пшиздецким, вспоминая свои отношения к ним, в особенности свой последний приезд к ним. Он говорил, что это было самое счастливое время его жизни, воспоминание о котором утешало его во время заключения в крепости и суда. Писал, что он не раскаивается в том, что участвовал в святом деле освобождения отчизны и что готов страдать за нее. Писал еще нечто, как бы намекающее на что-то, что какие бы ни были его планы и мечты в тот последний его приезд, который останется вечно самой

(1) *Зачеркнуто*: Все
(2) *Написано*: борящихся
(3) *Зачеркнуто*: более всех
(4) *Зач*: Когда ее вы

светлой точкой во всей его жизни, он теперь и не может и не хочет говорить про них. В конце письма, посылая приветствия всем, он как-то, с тем же игривым тоном, с которым он обращался с Альбиной во время своего приезда, обращался в письме, спрашивая ее, так ли же она быстро бегает, перегоняя борзых, и так ли быстро переходит от самого сильного возбуждения к самому спокойному сну. Он желал здоровья отцу, успеха в хозяйственных делах матери, (1) достойного мужа Эрнестине и продолжения той же жизнерадостности Альбине. Пожелания Иосифа не исполнились. Старик уже очень болел и вскоре после революции помер. Мать усердно занималась детьми, но в женских руках всё шло плохо. Эрнестина вышла замуж за богатого соседа. Но никто менее Альбины не исполнил пожелания Иосифа. Жизнерадостность ее, уже и прежде начинавшая заменяться серьезностью, теперь перешла в самую сосредоточенную задумчивость. Задумчивость эта разрешилась тем, что в 1832 году, когда Альбине минуло 17 лет, она объявила матери, что она переписывалась с Иосифом Пшиздецким, (2) любит его и он любит ее и она решилась ехать к нему и выдти за него замуж.

Мать ужасалась, отчаявалась, плакала, но под конец должна была согласиться и, снарядив дочь с верной горничной, отправила ее в Уральск.

Мигурский исполнял солдатскую службу, но по особенному счастью полковой командир был человек, если сам не образованный, то ценящий образование, уважающий его. Он делал послабления Мигурскому, и ему

было не так тяжело, как могло бы быть. Он жил не в казармах, а на своей отдельной квартире. По вечерам к нему приходили дети полковника учиться по-французски. Зимним ноябрьским вечером в трескучий мороз, стрелявший в бревнах, Мигурский сидел за столом при одной сальной свече, диктуя двум старательным полковничьим мальчикам, когда у подъезда домика заскрипели по морозу сани и остановились. Дети остановились писать, но усердный учитель продолжал диктовать. "La maison написали? du prisonnier (3)... Дверь счмоком отлепилась, и вошла хозяйка, казачка толстая, подтыканная, с засученными белыми рукавами.

-- Какая-то барынька приехала: тут, говорит, Иосиф Станиславович?

- Какая барыня! -- сказал Иосиф, и кровь прилила ему к сердцу. "Не может быть, -- подумал он. -- Неужели?".

Он бросил книгу и выбежал в сени. Приезжая уже вошла в горницу хозяйки. Когда он отворил дверь, она обернулась

(1) *Зачеркнуто*: счастлив[ого] бр[ака]

(2) *Описка вместо*: Мигурским,

(3) [дом... пленника]

к нему. Из-под капора с заиндевевшими ресницами сияли из румяного лица те же жизнерадостные блестящие милые глаза, с которыми, он думал, что навсегда простился. -- "Альбина?"-- "Жозя!" Он не смел и не думал целовать ее; но она обхватила руками его шею, прильнула к его лицу своим холодным лицом и заплакала и засмеялась.

Узнав, в чем дело, полковник посоветовал Мигурскому жениться и устроил всё дело.

Жизнь молодых, если бы не (1) подневольное положение солдата, возможность унижения, а главное, разлука с несчастной родиной, была бы не несчастна. Были знакомые поляки, были знакомые и русские дамы, жены служащих. Все полюбили Альбину. Были деньги, так что не было лишений. Главное же то, что оба всю силу своей любви направляли друг на друга. Были минутные вспышки раздражения -- Альбина была вспыльчива, но эти маленькие ссоры только усиливали любовь. Они испытывали среди чужих людей чувство двух заблудившихся зимою, замерзающих и отогревающих друг

Через 9 месяцев Альбина родила первого ребенка мальчика. Ксендз окрестил его Станиславом в честь отца Мигурского, через 1 1/2 года родилась еще дочь.

Прошло 5 лет. (2) Жизнь была сравнительно с другими страдальцами поляками хорошая, но изгнание и тяжелое положение солдата всё больше и больше давало себя чувствовать. Все попытки ходатайствовать о

прощении, хотя бы об улучшении положения, о производстве в офицеры не достигали цели. Николай Павлович делал смотры, парады, ученья, (3) ходил по маскарадам, заигрывал с масками, скакал без надобности по России из Чугуева в Новороссийск, Петербург и Москву, пугая народ и загоняя лошадь, и когда смельчаки решались докладывать, прося смягчения участи ссыльных декабристов или поляков, страдавших из-за той самой любви к отечеству, которую восхваляли прислужники Николая, выпячивая грудь, останавливал на чем попало свои оловянные бессмысленные глаза и говорил: "Пускай служит. Рано". Как будто он знал, когда будет не рано, а время.

Мигурские были, как и все люди, и несчастливы и счастливы. Несчастливы своим изгнанием, одиночеством, и счастливы своей семейной жизнью, друг другом и прелестными двумя детьми. Мальчик был повторение матери: та же резвость, та же грация, та же непосредственность. Но вдруг на семейную жизнь их пало страшное для матери несчастье. Заболела девочка, через два дня заболел мальчик: горел три дня и, несмотря на помощь

(1) *Зачеркнуто*: ложное
(2) *Зач.*: тяжелого изгнания
(3) *Зач.*: ска[кал]

врачей, умер. Через два дня после него умерла и Стася. Как сильно чувствовала Альбина радость и счастье, так же сильно чувствовала она и горе. Но как во всем в жизни она, сильно чувствуя, не имела нужды притворяться, преувеличивать свои чувства и разжигать их, так и в горе она не делала того, что делает большинство людей, не преувеличивала своего горя, не разжигала его, никому не говорила про него, просила перестать говорить, когда ее начинали утешать, и, похоронив детей, не ходила на их могилу. Но она сделалась задумчива и мало говорила, и всю энергию положила на мужа, на облегчение жизни. Детей больше не было.

(Иосиф страдал, (1) конечно, не так, как мать, но, кроме того, его горе уменьшалось другим горем, которое овладело им: страх за жену, за то, что она сойдет с ума. "Если бы у ней остался один ребенок, она вся отдалась бы ему; если бы она чтобы-нибудь могла делать для кого-нибудь, думал он, она бы спаслась. Если бы я был в несчастьи, она бы нашла себе дело -- помогать мне и ушла бы от себя. Что делать? Что делать?" Он думал с утра до вечера, думал на службе, маршируя или стоя на часах, думал, когда учил полковничьих ребят. И один раз в то время как приезжий генерал смотрел батальон и он стоял в строю, ему вспомнилось, как ксендз, хороня

детей, сказал ему: "И кости их, деток ваших, в чужой земле лежат". Он, вспомнив это, подумал: "Можно перевезти кости, вот самому как уехать". И вдруг ему пришла мысль такая, что он не слышал команды и один не повернул направо и спутал весь ряд. Генерал разбранил его скверными словами, потом смягчился, узнав, что он ссыльный. -- Кое-как отбыв смотр, он рысью выбежал на крыльцо и в горницы жены. Она сидела у окна и вязала шарф. Она печально и удивленно подняла глаза.

- Ты что? -- сказала она.

- Альбина, друг мой, слушай, проснись, спаси меня и себя. Я придумал. Жить так нельзя здесь. Нам надо бежать. Я придумал.

- Ну?

И Мигурский рассказал ей то, что во время смотра пришло ему в голову.

Мысль его была такая: он (2) выйдет из дома, пойдет к Уралу, бросит на берегу свою шинель и на нее положит письмо к ней, в котором скажет, что он не может больше так жить и быть причиной ее изгнания и что потому он решил лишить себя жизни. Просить простить себя за всё горе, которого он был для нее причиной.

- Ну?

(1) *Зачеркнуто*: так же

(2) *Зач.*: пойдет куп[аться]

-- Сделаю это и ночью вернусь и спрячусь, а ты пойдешь к полковнику сказать всё.

-- Ну, что же потом? -- говорила она, оживляясь.

-- А то, что ты будешь горевать, всё как надо, а потом решишься ехать на родину. Тебя отпустят. Ты будешь просить об одном: увезти (1) прах наших детей.

- Что? Зачем? Она нахмурилась.

-- Выкопаем их кости, положим в ящик (2) большой.

- И ты ляжешь в ящик, и мы уедем? Да?

Как только план этот выяснился, она ожила, и началась напряженная (3) работа. Началось с того, что она ходила к полковнику, передавая ему свой страх за мужа. "Муж так тоскует, что боюсь, он убьет себя". Когда это было подготовлено и приготовлен чулан для жизни мужа, принесены были днем шинель и письмо, и в ту же ночь Мигурский задним ходом вернулся домой.)

(Альбина же думала, что уже поздно. Смерть ее детей сосредоточила всю ее любовь на муже. Она видела, что он тосковал в одиночестве, и знала, что ему нужно одно: освобождение и возвращение на родину. И она все мысли своей души направила на эту цель. Бежать? Но как? Побеги из Сибири и из других ссыльных краев были часты, но редко удавались. На

один (4) удачный побег было 10 и больше неудачных, кончавшихся засеканием шпицрутенами. Мигурские и по письмам и через ссыльных поляков знали про то, что делалось в Сибири, знали про счастливое удивительное бегство Руфима Пиотровского, ушедшего во Францию, но знали зато и очень подробно историю попытки восстания и освобождения Высоцкого, бывшего полковника польских войск, знакомого старика Ячевского, (5) как он был на Ангаре пойман бурятами и (6) прогнан сквозь строй тысяч[и] палок и прикован к тачке. Знали и еще более подробно историю попытки восстания и освобождения ссыльных, сделанную в то же время (7) ксендзом приором в Овруче Сироцинским и врачом Шокальским, которые оба родственники Иосифу Митурскому. Всю эту историю с ее ужасным концом Мигурские знали через Сигизмунда Гимбута, небогатого шляхтича, сосланного вместе с Сироцинским п по суду назначенного (8) в Уральский линейный батальон.)

(1) *Зачеркнуто*: гробы твоих
(2) *Зач.*: гроб
(3) *Зач.*: горячая
(4) *Зач.*: счастливый
(5) *Зач.*: знали
(6) *Зач.*: зак[ован]
(7) *Зач.*: в начале 30-х годов
(8) *Написано*: назначенному

(1) (Но тосковала она недолго. Кроме детей у нее оставался муж, и на него она обратила всю силу своей любви. В это самое время вскоре после смерти детей, в Оренбург был переведен поляк Росоловский, участвовавший в попытке побега Высоцкого. Он много рассказывал про ссыльных в Сибири и про их побеги, или скорее, попытки побегов. Он рассказал про удивительное бегство Руфима Пиотровского, ушедшего во Францию, но зато рассказал и ужасную историю побега Высоцкого, бывшего полковника польских войск, знакомого старика Ячевского, как он был на Ангаре пойман бурятами и прогнан сквозь строй тысяч[и] палок и прикован к тачке. Рассказывал и про ужасное дело ксендза Сироцинского с врачом Шакальским, которые (2) хотели устроить восстание и общее освобождение ссыльных и были до смерти забиты палками.)

Мигурский уже начинал бояться за нее, когда вдруг с ней произошла неожиданная перемена. Она стала опять жива, деятельна и очевидно чем-то вся была поглощена. Как ни старался муж узнать ее мысли, она ничего не разъяснила ему. Говорила только, блестя глазами, одну пословицу: раз родила мати, раз умирати. Надо жить, надо действовать.

Перемена эта произошла в ней вскоре после прибытия к ним из Сибири в

Уральский батальон поляка Росоловского, замешанного в деле (Высоцкого), пытавшегося бежать и пойманного (и прогнанного сквозь строй и потом прикованного к тачке в Акатуе) Высоцкого, бывшего полковника польских войск. (Росоловский много рассказывал про попытки побегов, в том числе и о счастливом и удивительном побеге Руфима Пиотровского, ушедшего во Францию.)

Альбина не переставая расспрашивала Росоловского и о попытках побега, и о причинах неудач, и о казнях за них. Росоловский знал всё наделавшее тогда много шума дело Сироцинского, пытавшегося поднять всех сосланных и освободиться. Росоловский бледный, с трясущимся подбородком, рассказывал (3) самое дело и чем оно кончилось. Сироцинский был взят и вместе с Шакальским и другими забит палками до смерти.

- Как, как это было? Вы видели?

- Видел. Шокальского спас доктор. Он шел за ним и упрашивал солдат бить слабей. Но он все-таки упал, и его свезли в больницу. Другие все шестеро -- до смерти.

(1) *Дальнейшее написано по зачеркнутому от слов*: Альбина же думала... кончая: линейный батальон и должно было заменить этот выкинутый кусок.

(2) *Зачеркнуто*: (Иосиф, знавший ее, видел, что она как будто проснулась и что-то обдумывает и затевает.) Сироцинского и Шокальского, при которой он присутствовал.

(3) *Зач.*: (7 марта это было весной, но еще было холодно, и ночью был снег. Вывели на площадь всех 24 человека осужденных. На площади стоял вытянутый [?] батальон.)

(1) -- Изверги, -- шептала Альбина. -- А Сироцинский как?

-- Ох, Сироцинский! Нельзя рассказывать!

- Нет, говорите всё. Как это делают?

(2) -- Снимают рубаху, голый по пояс, привязывают руками к прикладам и ведут по улице из солдат. Солдаты все с палками. Он идет, они бьют.

- Какие палки?

-- Такие, чтобы три в ружье входили, как (3) пани палец.

-- Ну, что ж приор? Пошел?

- Как только ввели. Он запел: miserere mei, Deus, secundam magnam misericordiam tuam, (4) и пошел худой (5), седой, высокий. Не могу, пани, дальше говорить.

-- За что же?

- За то, что хотел уйти.

- И так всех, кто бежит?

-- Всех.

Она задумалась.

- А вы не хотели бежать? Хотел; боялся. Забьют.

- Надо так, чтобы не попасться.

---

(6) Скоро после этого Иосиф Мигурский, прийдя домой с ученья, был удивлен видом жены, которая, как встарину, легкими веселыми шагами подбежала к нему и с радостным лицом повела его в спальню.

- Ну, Жозя. Бежим. Я всё обдумала.

- Альбина. Подумай.

- Бежим, слушай меня.

И она рассказала ему длинный план, который она составила. План состоял в том, что он должен тосковать на виду у всех больше и больше, потом бежать, оставить свою шинель и письмо к ней на берегу Урала. В письме он пишет, что не может больше терпеть и лишает себя жизни. Днем он должен спрятаться, ночью вернуться в дом. Она спрячет его в чулан, пока будут идти бумаги об его смерти, потом она подаст прошение о том, чтобы выкопать гроба своих детей с тем, чтобы везти их к себе. Ей дадут разрешение, и тогда она закажет большой ящик для гробов и в ящик влезет он, ящик поставят под козлы, и так они убегут.

Она была в восхищенъи, прыгала от радости, была уверена в успехе и тотчас же начала действовать. Пошла к начальнику,

(1) *Зачеркнуто*: Злодеи

(2) *Зач.*: Привя[зывают]

(3) *Зач.*: ваш

(4) [помилуй мя, боже, по волицей милости твоей,]

(5) *Зач.*: старый

(6) *Зач.*: В один день

прося его ходатайствовать об муже, так как он в меланхолии и покушался уже на самоубийство, потом сочинила себе письмо от мужа и в условленный день вечером отправила его к Уралу. Всё шло так, как она предвидела. Ей принесли письмо, и полковнику донесли о самоубийстве рядового Мигурского.

Все видели ее отчаяние. Она играла свою роль так, что часто муж, слушая ее из чулана, изумлялся на силу ее дарования. Через неделю она подала прошение об отъезде на родину. Когда отъезд был разрешен, она подала другое прошение о том, чтобы разрешено было откопать трупы детей и взять их с собою. Всё было сделано, приготовлен большой ящик, в котором можно было лежать. Гроба детей разрыли, вынули, закопали в соседней могиле, а два гробика пустые вложили в ящик, и всё было готово. В заговоре был Росоловский и служанка Лудвига. Всё шло так успешно, как только можно было желать. Через две недели комендант, не дожидаясь ответа из Оренбурга, дал Альбине разрешение выехать, но для своего успокоения дал ей в провожатые казака урядника, который должен был ее (1) проводить до границы.

Было начало мая. Для того, чтобы не захватить жара и, главное, чтобы ночью поместиться в ящике и уставить его под козла тарантаса, выезд назначен был в 3 часа утра. В три часа пришел казак провожать и привел казак-ямщик тройку лошадей. Альбина с Лудвигой и собачкой сели в тарантас на чемоданы и подушки. Мигурский лежал в ящике под козлами. Казак и ямщик сидели на козлах. Выехали из города, и добрая тройка почти всю дорогу вскачь понесла тарантас, по гладкой, как камень, убитой степной дороге между бесконечными непаханными поросшими прошлогодним серебристо белым ковылем, дороге.

Солнце играло на воде озер и росе ковыля, и сердце замирало и играло в груди Альбины. Альбина давала по полтине на водку, и ямщики гнали во всю прыть. На третьей станции Альбина подходила к ящику в то время как старый ямщик увел, а новый не привел еще лошадей, и казак пошел в харчевню. Он не устал лежать, у него был хлеб и рыба, и он радовался и надеялся. Альбина теперь была уверена в успехе. К вечеру приехали в Саратов. Надо было вывести из ящика Жозю, но казак, усердно прислуживая, не отходил. Альбина, глядя на его доброе белокурое лицо, решилась открыть ему.

-- Степан, -- сказала она ему. -- Зачем тебе с нами ездить, оставайся здесь, а мы одни поедем.

- Мне не приказано.

-- Да ведь тебе же лучше. Побудешь здесь недели две, а потом явишься, а я тебе на житье дам. --Она достала кошелек и вынула два золотых. -- Возьми.

(1) *Зачеркнуто*: сдать губернатору в Саратове.

Казак нахмурился.

- Мне что приказано, то исполняю, а на деньги твои не польщусь.

- Ну, как хочешь, -- вспыхнув, сказала Альбина и пошла на двор к

тарантасу.

Подойдя к ящику она оглянулась, никого не было.

- Сейчас он уйдет и на ночь выходи...

Рано утром в гостиницу, где они остановились, вошли трое полицейских и казак. Казак (1) подкараулил ее и донес. В 10 часов Мигурский стоял в ручных и ножных кандалах перед генералом, на полу стояли два пустых гробика, и Альбина с опущенными глазами стояла у притолки. Шел допрос.

Когда кончили допрос, (2) казак подошел к (3) Альбине.

- Присяга. Нельзя.

Она взглянула на него, как бы не понимая, кто он.

- Что я сделала. За что? -- вскрикнула она и зарыдала. Казак отвернулся и поспешно вышел.

- А-а! -- хрипел он, поднимая одно плечо. -- Эх, жалко бабенку.

Казак запил, пропил с себя всё и вернулся домой только когда его выслали по этапу.

Мигурского судили, приговорили к 3000 палок, но помиловали и сослали в Сибирь. Альбина не поднялась и тосковала, впала в чахотку, не переставая молилась и в тот же год тихо умерла.

* N 2 (рук. N 3, к гл. II).

Вся семья Ячевских с волнением следила за всем, что делалось. Посылали каждый день нарочных за письмами и газетами. Старик настолько забыл свою болезнь, что писал знакомому своему Дзеконскому, что он предлагает ему свои услуги для формирования новых полков в Варшаве, куда собирался переехать. Пани Ячевская, хоть и вся поглощенная хозяйством, находилась тоже в патриотическом возбуждении, как и все в доме. Ванда основала в своей местности патриотический комитет и, продав свои бриллианты, собирала деньги на образование отряда, переписывалась с своими подругами и сочувствовала, как и все, революции. Альбина, продолжала жить своей ребяческой девической жизнью с собаками и лошадьми (4) и пением и музыкой. (5) Но в половине 6 февраля, когда было

(1) *Зачеркнуто*: оскорбился

(2) *Зач.*: Альбина

(3) *Зач.*: казаку
(4) *Зач.*: товарками
(5) *Зач.*: и только из приличия делала вид, что интересуется революцией.
(6) *Зач.*: января

получено письмо от Мигурского, в котором он с восторгом описывал сражение, (1) в котором он участвовал, где поляки, под начальством Дверницкого, разбили русскую бригаду и взяли пленных, (2) отношение Альбины к революции вдруг переменилось. Она расспрашивала отца, рассматривала карты, приходила в восторг от побед поляков и в отчаяньи от поражений, не хотела верить им, и перестала петь, смеяться, играть с собаками. Один раз мать, зайдя к ней в комнату, застала ее перед зеркалом в мужском платье. Под кроватью мать нашла (3) чемодан с бельем и платьем, с которым она собиралась бежать, чтобы поступить в войско. Мать сказала отцу. Отец стал выговаривать ей. Она наговорила ему грубостей. Отец велел запереть ее. Нянюшка подходила к ее двери, утешала ее. Альбина жалостно ревела, так что мать пришла утешать ее, кое-как помирились, и Альбина дала слово не убегать из дома.

* N 3 (рук. N 4, к гл. II).

Вся семья Ячевских с волнением следила за (4) тем, что делалось в восставшем крае. Восстание не дошло еще до них, но все ожидали его и готовились к нему. (5) Старик Ячевский настолько забыл свои болезни, что писал знакомому своему Дзеконскому, что он предлагает ему свои услуги для формирования новых полков в Варшаве, куда собирался переехать. Пани Ячевская, хотя и разделяя патриотическое возбуждение всех домашних, боялась за мужа. Ванда основала в своей округе патриотический комитет помощи воюющим и, продав свои бриллианты, собирала деньги и тайно пересылала их через своих подруг в Варшаву. Только Альбина оставалась бесчувственна к революции и продолжала жить своей ребячески девической жизнью, с собаками, лошадьми, музыкой и пением.

Но в половине февраля отношение ее к революции вдруг изменилось. Было получено письмо от Мигурского, в котором он описывал сражение, в котором он участвовал. В сражении этом поляки под начальством Дверницкого разбили русскую бригаду и взяли 200 пленных. С этого дня вся жизнь Альбины круто изменилась. Вместо прежних забав и легкомыслия, она вдруг вся ушла в интересы революции. Она

рассматривала карты, рассчитывала когда и где должно быть столкновение русских с поляками, приходила в восторг от побед поляков и в отчаяние от поражений, расспрашивала отца о прошлой революции, в которой он участвовал, о том, что он думает и чего ожидает теперь, помогала Ванде в ее делах и в конце

(1) *Зачеркнуто*: под Сточеком
(2) *Зач.*: Письмо Мигурского дышало восторженным патриотизмом.
(3) *Зач.*: сумку
(4) *Зач.*: всем
(5) *Зач.*: Посылали каждый день за письмами и газетами.

апреля стала уединяться от всех, что-то тайное делая в своей комнате.

Один раз, мать, зайдя к ней, застала ее перед зеркалом в мужском платье. Она собиралась, переодевшись мужчиною, бежать, чтобы поступить в войско. Под кроватью мать нашла чемодан с бельем и платьем. Мать сказала отцу. Отец призвал ее к себе и * (1) посмеялся над ней. Она оскорбилась, вспыхнула и наговорила ему грубостей и объявила, что она не послушается его и все-таки уйдет из дому. Отец разгневался и велел запереть ее.

Альбина сначала билась в дверь, потом плакала и отчаянно рыдала, потом заснула. Мать жалела ее и уговаривала, но Альбина ничего не хотела слышать и говорила, что она все-таки убежит, как только ее выпустят. Мать пригласила друга дома ксендза, чтобы уговорить ее. Ксендз долго увещевал ее и наконец добился от нее обещания, что она не убежит из дома.

* N 4 (рук. N 2, к гл. III).

Только люди, принадлежащие к подавленным грубой силой нациям, в особенности такие, какою была польская аристократия, могут понять всё то страдание, которое испытывают такие люди, когда они находятся под властью грубого, самоуверенного деспотизма, каков был деспотизм Николая, и когда они видят возможность и начало освобождения. Восторг поляков высших сословий в первое время восстания, при первых успехах, был так велик, что заражал всех и городских жителей, и хлопов, и в особенности женщин. Восстание не дошло до Гродненской губернии -- до местечка Ячевских, которое было еще под властью русских, но восторг и радость освобождения захватили так же, как и везде, и жителей "Крячетиц".

* N 5 (рук. N 9, к гл. III).

Только люди, испытавшие то, что испытали (2) поляки после (3) раздела Польши и подчинения одной части ее под власть ненавистных немцев, другой под власть презираемых варваров-русских, и, после, всех попыток и тщетных надежд освобождения, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30-м году, когда эта надежда освобождения казалась осуществимою. Но одуренные, бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей, обращенных в солдатов, были пригнаны в Польшу и, под начальством то пьяного немца Дибича, то ограниченного грубого солдата Паскевича и еще более грубого и тупоумного высшего распорядителя Николая I, были (4) направлены

(1) *Зачеркнуто*: одобряя патриотические чувства, строго (велел ей) приказал ей
(2) *Зач.*: все мыслящие
(3) *Зач.*: безбож[ного]
(4) *Зач.*: пригнаны

на ищущих только справедливость и свободу поляков, и пропитав землю кровью своей и своих братьев поляков, эти десятки тысяч задавили меньшее количество поляков.

* N 6 (рук. N 11, к гл. III).

Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее под власть ненавистных немцев, другой под власть презираемых ими варваров русских, -- могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30 году, когда после прежних несчастных попыток освобождения, новая надежда освобождения казалась осуществимой.

Революция опять была задавлена. Опять бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей были пригнаны в Польшу и под начальством то пьяного немца Дибича, то грубого солдата Паскевича и еще более грубого и тупоумного высшего распорядителя Николая I, были направлены на ищущих только самого законного права поляков, жить так, как они сами этого хотят, а не так, как хотят этого другие, и десятки тысяч русских

людей, сами не зная, зачем они делают это, пропитав землю кровью своей и своих братьев поляков, задавили меньшее количество, отстаивавших свою свободу поляков, и отдали их опять во власть слабых и ничтожных людей, не желающих ни свободы, ни подавления поляков, а только одного: удовлетворения своего корыстолюбия, честолюбия, ребяческого тщеславия.

* N 7 (рук. N 11, к гл. V).

В передней развязывала платок на голове толстая рябая женщина. Другая женщина входила в дверь квартиры полковника. Услыхав за собой шаги, она оглянулась. Из-под капора сняли из румяного лица жизнерадостные, широко расставленные серые глаза, с заиндевевшими ресницами.

- Альбина. -- Он был в недоумении, как встретиться с нею, как здороваться. Она поняла это недоумение, радостно восторженно улыбнулась и, разрешая сразу недоумения, вскрикнула: -- Юзек! -- так, как называл его отец и как сама с собою, называла его она, обхватила руками его шею, прильнула к его лицу своим холодным лицом и засмеялась и заплакала.

Узнав, кто такая Альбина и зачем она приехала, добрая полковница приняла ее и поместила до свадьбы у себя.

* N 8 (рук. N 9, к гл. VI).

Как сильно чувствовала Альбина радость и счастье, так же сильно чувствовала она и горе. Горе это сломило ее. Похоронивши детей, она, всегда прежде деятельная и заботливая, часто сидела теперь без дела, молча глядя на то, что попадалось под глаза, и вдруг вскрикивала и уходила или в свою комнату и там тихо плакала, или летом уходила на могилу своих детей и там сидела, (1) раздирая себе сердце воспоминаниями о том, что было, и представлениями о том, что могло бы быть. Особенно мучила ее мысль о том, что медицинская помощь, которой она была лишена, могла бы спасти детей.

Бедная жизнь в изгнании, которую она прежде умела украшать (2) своим женским вкусом и изяществом, стала ей теперь невыносима. Она думала и мечтала только об одном: о родине и о возвращении в нее.

Мигурский только благодаря ее жизнерадостности, легко переносил свое положение, теперь, вместе с женою и под влиянием ее, потерял энергию, (3) опустился и начал пить.

* N 9 (рук. N 1, к гл. VII).

Перемена эта произошла в ней вскоре после прибытия к ним из Сибири в Уральский батальон поляка Росоловского, замешанного в грандиозном плане возмущения и побега, устроенного бывшим ксендзом и, приором Сироцинским с врачом Шакальским.

Росоловский был замешан в этом деле и был высечен розгами и отдан в солдаты в тот же батальон, где был Мигурский.

Росоловский не любил рассказывать про это дело, но Альбина умоляла его рассказать всё, что он знал, как о всех побегах, о которых он знал, а также и о наказаниях тех, которых ловили. - Мне нужно, нужно знать это. Простите, несчастный друг мой, -- говорила она, умоляюще глядя на него своими прекрасными глазами, -- но мне нужно знать. Расскажите мне всё.

И Росоловский не мог устоять и, бледный, с трясущимся подбородком, стал рассказывать.

Казнь эта, по рассказу Росоловского, который в числе всех замешанных в этом деле, должен был присутствовать при ней, казнь эта была ужасна.

Шесть человек было приговорено -- страшно сказать -- к 7000 ударов палок, таких палок, которые по положению (о палках было тоже высочайшее распоряжение) должны были быть не толще и не тоньше того, чтобы три могли входить в дуло ружья. Два батальона солдат, около 1000 человек добрых русских мужиков, ничего не имеющих против поляков и их свободы, должны были вытянувшись длинной улицей стоять с палками и бить по оголенной спине тех несчастных людей -- да каких людей -- самых лучших людей польского общества -- которых два унтер-офицера тащили по этой палочной улице привязанными руками к прикладам ружья. Это было в марте и было холодно, выпал снег на площади, и их всех водили и истязали одного за другим, и мы должны были смотреть. Сначала повели

(1) *Зачеркнуто*: вспоминая то
(2) *Зач.*: с женской
(3) *Зач.*: и жил только

Шакальского, этого чистого святого человека, друга всех бедных, истинного христианина. Он был первый. За ним шел доктор и всё время говорил солдатам: пожалейте, не бейте. Он больной, слабый. Я видел, слезы так и текли у него по щекам. Солдаты тоже жалели -- людей нельзя не жалеть, но сзади солдат офицеры кричали и били тех, кто слабо бил. Я не мог смотреть, слышал только удары и стоны. Долго это продолжалось --

я думаю, час. (1) Всё (2) вжик, вжик и ох, ох, и доктор: тише, не бейте.

Я слышал эти звуки, когда приближались ко мне, равнялись и потом отдалялись. Потом вдруг всё затихло, и я увидал, что он лежит, голая спина в крови и доктор над ним. Он упал, не мог дойти всего -- 7000, упал после 5000. Потом повели других. И все падали и всех уносили, и все умирали или тут, или немного после. И всё это продолжалось от раннего утра и до часу, до двух.

Последнего повели (3) ксендза Сероцинского. Доктор предложил ему крепительных капель. Он отказался и только крестил свою худую и впалую старческую грудь.

И опять и опять начался тот же ужас. Опять удары, вжиканье палок и стоны и кроме стонов молитва. Я слышал, как он слабым прерывающимся стоном голосом (4) говорил: miserere mei, Deus, secundam magnam misericordiam tuam". (5) И этот упал скоро и... умер. Забили.

-- И это за то, что любил свой народ и хотел служить ему, -- вскрикнула Альбина и разрыдалась.

Росоловский тоже всхлипывал.

-- Ну, а от чего же не удалось бегство?

- Не удалось.

- Но удавалось же бежать.

- Да, Приорский... Да ушел, но что он перенес.

- Но все-таки ушел. Можно же.

- Да, но за неудачу палки, смерть.

Она задумалась, и прекрасные глаза ее обратились внутрь. Весь вечер она молчала.

* N 10 (рук. N 8, к гл. VII).

Казнь эта, по рассказу Росоловского, который, в числе всех замешанных в этом деле, должен был присутствовать при ней,-- казнь эта, прежде всего, была совершена над шестью человеками, которые были приговорены к 7000 ударов палок, таких палок, которые по положению (о палках тоже были высочайше утвержденные положения) должны были быть не толще и не тоньше

(1) *Зачеркнуто*: вдруг
(2) *Зач.*: хлоп
(3) *Зач.*: прпора
(4) *Зач.*: пел
(5) [помилуй мя, боже, по велицей милости твоей]

того, чтобы три могли входить в дуло ружья. Два батальона солдат, около 1000 человек, должны были, вытянувшись длинной улицей, стоять с палками и бить по оголенной спине тех людей, которые были виноваты в том, что хотели избавить свою родину от (1) страданий и позора.

Два унтер-офицера тащили одного за другим людей виновных в этом, привязанных руками к прикладам ружей, между солдат с палками. А солдаты ничего не знающие ни про Польшу, ни про раздел ее (1), должны были, по приказанию начальников бить палками по голой спине этих несчастных людей.

Прежде привели тех пятерых, которые должны были пройти через 7000 палок, поставили их среди солдат и начали водить одного за другим. Те, которых еще не били, но будут бить, должны были смотреть, как эти, обливаясь кровью, падали и их уносили полумертвых куда-то туда, где они и умирали.

- Первого повели Шакальского, этого чистого, святого человека, друга всех бедных, -- рассказывал Росоловский. -- За ним шел доктор и всё время говорил содатам: "Пожалейте, не бейте, он больной, слабый". Но солдаты все-таки били. Им нельзя было не бить, потому что сзади солдат ходили офицеры и били тех, кто слабо бил. Я не мог смотреть, слышал только удары и стоны. Долго это продолжалось -- я думаю, час. Всё "вжик, вжик и ох, ох", и доктор: "тише, не бейте". Я слышал эти звуки, когда приближались ко мне, ровнялись и потом отдалялись.

* N 11 (рук. 12, к гл. VII).

В это самое тяжелое для Мигурских время (2) прибыл в Уральск поляк Росоловский, замешанный в грандиозном плане возмущения и побега, устроенного в то время в Сибири ксендзом Сироцинским.

Росоловский так же как и Мигурский, так же как и тысячи людей, наказанных ссылкою в Сибирь за то, что они хотели быть тем, чем родились, -- поляками, был замешан в этом деле, наказан за это розгами и отдан в солдаты того же батальона, где был Мигурский. Росоловский, бывший учитель математики, был длинный, худой человек, с впалыми щеками и нахмуренным лбом и говорил спокойным и медленным басом.

В первый же вечер посещения Росоловским Мигурских, он, естественно, рассказывал про дело Сироцинского. Дело состояло в том, что Сироцинский организовал по всей Сибири тайное общество, цель которого состояла в том, чтобы с помощью поляков, зачисленных в казачьи и линейные полки, освободить всех каторжных, поднять поселенцев, захватить в Омске артиллерию и...

(1) *Зачеркнуто*: позора.
(2) *Зач.*: лета 37 года.

- Да разве это было возможно? -- спросил Мигурский.

-- Очень. Всё было обдумано, и Сибирь была в наших руках. К весне должно было начаться движение одновременно всюду. Было обдумано всё до мельчайших подробностей. В случае успеха Сибирь отделялась от России и становилась самостоятельной. В случае же неуспеха все заговорщики бежали в киргизскую степь, в Ташкент, в Бухару, оттуда в английскую Индию.

Всё было обдумано и успех был верный, если б не изменили два человека. Выдали начальству. Начались аресты, и всё пропало.

- Чем же кончилось? -- спросила Альбина.

-- Смертью, -- отрывистым басом сказал Росоловский.

-- Казнили? -- спросил Мигурский.

- Да, как они казнят. Палками. 7000 палок.

- Да неужели?

- Я видел, -- сказал Росоловский, и медленным басом, всё больше и больше хмурясь, стал рассказывать про казнь, при которой он присутствовал.

Казнь эта, по рассказу Росоловского, была ужасна. Прежде других казнили тех шесть человек, которые были приговорены к 7000 ударов палок, которые по положению (о палках были тоже высочайше утвержденные положения) должны были быть не толще и не тоньше того, чтобы три могли входить в дуло ружья. Два батальона солдат, около 1000 человек, должны были, вытянувшись длинной улицей, стоять с такими палками и бить по оголенной спине тех людей, которых два унтер-офицера вели мимо них привязанных к прикладам ружей.

Первого повели доктора Шакальского, друга Сироцинского и одного из главных учредителей заговора. Шакальский этот, по рассказу Росоловского, был святой самоотверженный человек, обожаемый всеми, даже русскими, среди которых он жил и которым во всякое время дня [и] ночи подавал врачебную помощь.

"Кабы он был тут, когда болели мои крошки", подумала Альбина.

- Его повели первым, -- рассказывал Росоловский. -- За ним шел русский доктор и (1) всё время говорил солдатам: "Не бейте, он больной, слабый". Но солдаты били. Им нельзя было не бить, потому что сзади солдат ходили офицеры и били тех, кто слабо бил. Я не мог всего видеть с того места, где я стоял, - говорил Росоловский, -- но слышал бой барабанов, и когда шествие приближалось ко мне, слышал свист палок, звук ударов, и слышал раз и слова русского доктора: "тише, не бейте". Продолжалось это

не менее часа, и кончилось тем, что он все-таки упал, и его унесли. Потом повели второго. Потом третьего,

(1) *Зачеркнуто*: жалел

потом четвертого. Все падали, всех уносили; и так всех, и до последнего.

Продолжалось это шесть часов: от раннего утра и до двух часов пополудни. Последнего повели Сироцинского. Я давно не видал его и был удивлен его видом: он постарел на десять лет. Лысая желтая с седыми висками голова его была опущена. Тело обнаженное было страшно худо, ребра так и выступали над втянутым животом. Он шел, поворачивая при каждом ударе свою голову, и шептал что-то. Когда его проводили мимо меня, я расслышал, что он шептал. (1) Он читал молитву. (2) Он читал: Miserere mei, да... miserere mei, Deus... да,... secundam misericordiam tuam, да. Нет, не могу больше,--проговорил Росоловский и, закрыв рот, засопел носом. (3)

-- Что же, умер?

- Да.

-- Нельзя, нельзя жить так, -- воскликнула Альбина и разрыдалась. Росоловский хмурился и тер, растирал руками слезы по щеками бороде. Людвига, сидевшая у окна, рыдала, закрыв лицо платком.

-- И охота вам говорить, (4) -- воскликнул Мигурский, и, бросив трубку, он вскочил со стула и быстрым шагом ушел в темную спальню.

* N 12 (рук. N 9, к гл. VIII).

Когда же Альбина сказала, что намерена взять гробики детей, Росоловский вскрикнул: "Эврика", и предложил не брать гробов детей, а ящик, в который должны были быть поставлены гробы, употребить на помещение Иусека.

Альбина с решительностью объявила, что ни за что не согласится на это и не оставит праха своих детей здесь. Никто ей не возражал. И через час она объявила, что она совершенно согласна на (5) план Росоловского, и вопрос только в том, как всё это сделать.

* N 13 (рук. N 11, к гл. VIII).

Когда же Альбина сказала Росоловскому, что она хотела бы взять с собою гробики детей, Росоловский воскрикнул "Эврика", и предложил не брать гробы детей, а ящик, в котором должны были быть поставлены

гробы, употребить на помещение Иусека.

В первую минуту Альбина с решительностью объявила, что ни за что не согласится на это и не оставит прах своих детей здесь, и, разрыдавшись, ушла в свою комнату. Выплакав свои

(1) *Зачеркнуто*: что-то между стонами
(2) *Зач.*: Я слышал как он охал и молился.
(3) *Зач.*: И умер.
(4) *Зач.*: сказал.
(5) *Зач.*: предложение

слезы, она вернулась и объявила, что согласна на план Росоловского, и вопрос только в том, как всё это сделать.

* N 14 (рук. N 11, к гл. IX).

На другой день после получения и этого разрешения, вечером, Росоловский с Альбиной и Людвигой в наемной телеге, с ящиком, в который должны были быть вложены гробы детей, поехали на кладбище. Увидав могилы детей, которые она оставляла, Альбина разрыдалась и долго лежала крестом на могиле, то молясь, то спрашивая: за что, за что?

- Что же, вы не хотите? -- спросил Росоловский. Альбина вскочила, стерла слезы и сказала:

- Делайте, делайте, только не троньте их. Росоловский и Людвига, раскопав лопатой верхние части могилы, но ничего не достав из них, заровняли их опять. В ящик же положили комья тяжелой земли и так повезли его назад. В день отъезда ящик был установлен на дрожины позади тарантаса, а перед светом дня отъезда, Мигурский сошел с чердака и переодевшись в крестьянское платье, влез в ящик.

* N 15 (рук. N 4, к гл. X--XII).

Солнце играло на воде озер и росе ковыля, и сердце замирало и играло в груди Альбины. На первой же станции Альбина подошла к ящику в то время, как прежний ямщик увел, а новый не приводил еще лошадей и казак пошел в харчевню, и спросила, как он себя чувствует.

- Превосходно, покойно. Только уходи. Мне прекрасно. -- И были опять уверены в успехе. Альбина давала по полтине на водку и ямщики гнали во

всю прыть.

На другой день к вечеру приехали в Саратов. Альбина радовалась успеху, всё больше и больше надеялась, но мучилась мыслью о страданиях мужа, (1) 40 часов скорчившись сидевшего в ящике.

В Саратове они остановились не на почтовом дворе, а в гостинице. Альбина надеялась найти время, вывести мужа ночью, чтобы дать ему размять члены. Но добродушный молодой малый казак, стараясь услужить ей, не отходил от (2) тарантаса.

Придумывая средства избавиться от него, она попросила его сходить в город купить чаю и сахару. Но на беду, только что ушел казак, во двор въехали еще проезжающие, так что Альбина только успела шепотом переговорить с мужем. Он не жаловался, говорил, что ему хорошо.

- Ночью я выпущу тебя, -- сказала она, -- Лучше не надо, -- отвечал он из ящика.

(1) *Зачеркнуто*: 30

(2) *Зач.*: нее

Старательный казак, как на беду, не отходил от тарантаса: "Народ городской, того гляди, утащут что". Как только Альбина выходила на двор, он подходил к тарантасу и что-нибудь из усердия оправлял в нем; перетягивал веревки, которыми был привязан ящик.

Альбина надеялась на ночь и предложила казаку идти спать в горницу. Но он сказал, что у него есть рыба и хлеб и что он ляжет в тарантасе.

Одна надежда Альбины была на то, что он заснет. Несколько раз, в короткую майскую ночь, с зарей сливающейся с зарей, она выходила мимо вонючей галереи на заднее крыльцо. Казак всё еще не спал. Наконец, перед рассветом она сбежала вниз. Казак храпел, развалившись в тарантасе. Она (1) осторожно подошла к кузову и толкнула ящик. Никто не отвечал. На нее нашел ужас. Жив ли он? "Жозя!" -- громче проговорила она и, в одно и то же время, откликнулся Мигурский и казак что-то (2) вскрикнул. Она остолбенела от ужаса. Но казак перевернулся и захрапел. Что ты не отвечал.

- Да я спал, (3) -- проговорил Жозя, и она по звуку голоса узнала, что он улыбался.

-- Потерпи немного еще.

- Да я терплю. Мне хорошо. Не мучайся. А казак где?

- Он спит тут. Завтра мы остановимся где-нибудь в глуши, и я ушлю его...

Казак вдруг перестал храпеть, и это испугало ее. Она замолчала, прислушиваясь. Казак тоже прислушивался. Он не спал, и вдруг, поняв, что его обманывают, решил сам обмануть их. Он опять захрапел,

притворяясь, что спит. "Ловкий народ!" подумал он: "Да постой же, кто кого обманет".

Петух запел на насести над двором, лошади зафыркали.

Альбина (4) стала будить казака.

-- Мирон! Чего?

- Поедем -- пора. Сходи за лошадьми.

- Можно.

Он вскочил, надел шапку и, посмеиваясь сам себе, пошел не на станцию, а к воинскому начальнику.

Он (5) был занят только тем, что его хотели обмануть, а он не дался. О том, что могла чувствовать она, та барынька, которая (6)

(1) *Зачеркнуто*: подбеж[ала]

(2) *Зач*.: заб[ормотал]

(3) *Зач*.: смеясь

(4) *Зач*.: простилась с мужем и ушла.

(5) *Зач*.: не мог вместить двух чувств в ясных

(6) *Зач*.: ласк[ово]

всячески дорогой ухаживала за ним, он не думал. Его всего занимала мысль о том, что этот "кто-то", кого везут в ящике, "должно быть, большой плут, коли удумал такую штуку".

XII

В 9 часов утра Мигурский, в ручных и ножных кандалах между двумя часовыми стоял перед (2) Саратовским полиций-мейстером и только покачивал отрицательно головой на все предлагаемые ему вопросы.

- Привести тех женщин и казака, -- приказал полиций-мейстер. Ввели Альбину и Людвигу. За ними, опустив голову, шел казак.

Увидав мужа, она остановилась и вскрикнула так ужасно пронзительно, что полициймейстер вскочил с места, -- из соседней комнаты высунулись любопытные, -- и, подбежав к мужу, обняла его за шею.

-- Вместе! Всё вместе! -- кричала она. -- Что ему, то и мне. -- И, прижавшись к нему, она затихла, вся трясясь от рыданий.

(3)-- За что? (4) -- вскрикнула она и взглянула на казака. (5)

-- За что? -- повторил казак. -- Я, ваше высокоблагородие, ничего не знаю. Известно, за что. Я, ваше высокоблагородие, ничего не знаю, знать

не знаю. (6)

* N 16 (рук. N 5, к гл. XII).

Когда Альбина подъехала к гостинице, то на дворе стояла около тарантаса толпа народа и полицейские. Когда она вошла в середину толпы, она в первую минуту не поверила своим глазам: Жозя в кандалах на руках и ногах стоял между двумя солдатами и (7) жалостно смотрел на нее.

- Альбина! ничего, Альбина! Ничего,--повторял он, не зная, чем успокоить ее.

- Вот так прах детей, -- улыбаясь, проговорил помощник полицмейстера. -- Какого молодца в гроб запихали. Он вам кто? -- обратился он к ней.

Альбина не отвечала ему.

(1) *Здесь рукою Толстого написано и обведено крумском указание для переписчицы*: До сих пор.

(2) *Зачеркнуто*: полковником

(3) *Зач.*: Полицмейстер начал допрос с казака. (Но) Казак (ничего не отвечал), отвечая, не спуская (своих серых) глаз, смотрел на Альбину. Когда он рассказал, как он услыхал голос из яшика и догадался, Альбина только взглянула на него.

(4) *Зач.*: сказала

(5) *Зач.*: -- Не прерывайте до[проса].

(6) *Зач.*: Допрос

(7) *Зач.*: печально опустив голову умоля[юще]

-- Кто? Как? кто узнал?

-- Казак (1) донес, -- сказал полицмейстер. -- Ну, ведите его. Пожалуйте и вы, сударынька.

Альбина, (2) не трогаясь с места, с ужасом оглядывалась вокруг себя. У тарантаса, закрыв лицо руками, рыдала Людвига, позади тарантаса стоял казак и, мрачно насупив брови, смотрел себе на ноги.

Как ни мучительна была для нее в эту минуту ненависть ко всем этим ужасным людям, как ей казалось, наслаждающимся ее страданиями, -- ее отчаяние перед потерей всякой надежды спасения и страх за своего мужа были еще сильнее.

Она пронзительно вскрикнула и, подбежав к мужу, обняла его за шею.

- Вместе. Всё вместе, -- кричала она. -- Что ему, то и мне. -- И, прижавшись к нему, она затихла, вся трясясь от рыданий.

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000.

Альбина выхлопотала помилованье. Его сослали в Сибирь. Альбина прожила в Сибири недолго. Она начала чахнуть. Ничего уже не предпринимала, прося прощения у мужа и у бога, которому непрестанно молилась.

* N 17 (рук. N 7, к гл. XII).

Альбина подъехала к гостинице в самом восторженно-счастливом состоянии. Всё удавалось. Теперь оставалось самое легкое: перенесть ящик на лодку косовушку, а Жозе в мужицком платье войти в лодку.

Солнце играло по огромному разливу. Лес мачт виднелся из-за берега, и паруса белели по играющей на солнце воде,

Она въехала прямо на двор. Около того места, где был тарантас, стояла толпа народа. Сердце перестало биться. Она быстро вошла в середину толпы и, в первую минуту, не поверила своим глазам: Жозя в кандалах на руках и ногах стоял над ящиком между двумя солдатами и жалостно смотрел на нее.

- Альбина! Ничего. Альбина! Ничего, -- повторял он, не зная, чем успокоить ее.

У тарантаса, закрыв лицо руками, рыдала Людвига, позади тарантаса стоял казак и, мрачно насупив брови, смотрел себе на ноги.

-- Вот так прах детей! -- улыбаясь, проговорил помощник полициймейстера. -- Какого молодца в гроб запихали. Он вам кто? -- обратился он к ней.

Альбина схватилась за грудь и замерла, не отвечая.

-- Казак донес, -- сказал Мигурский.

(1) *Зачеркнуто*.: присягу помнит

(2) *Зач*: ничего не отвечала,

Альбина, не трогаясь с места, с ужасом оглядывалась вокруг себя.

Как ни мучительна была для нее в эту минуту ненависть ко всем этим ужасным людям, как ей казалось, наслаждающимся ее страданиями, ее отчаяние перед потерей всякой надежды спасения и страха за своего мужа было еще сильнее. Она пронзительно вскрикнула и, подбежав к мужу, обняла его за шею.

-- Вместе! Всё вместе, -- кричала она. -- Что ему, то и мне, -- и, прижавшись к нему, она затихла, вся трясясь от рыданий.

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000. Альбина выхлопотала помилование. Его сослали в Сибирь. Альбина

прожила в Сибири недолго. Она начала чахнуть. Ничего уже не предпринимала. Прося прощения у мужа и у бога, которому непрестанно молилась.

* N 18 (рук. N 8, к гл. XII).

Когда Альбина, в своем восторженно-веселом настроении, уверенная в том, что теперь всё кончено и они через несколько дней будут свободны, вошла во двор постоялого, она была удивлена скоплением народа в воротах и под (1) навесом.

Она вошла в середину толпы и, в первую минуту, не поверила своим глазам: Мигурский, в кандалах на руках и ногах, стоял у тарантаса между двумя солдатами и жалостно смотрел на нее.

-- Альбина! Ничего, Альбина! Ничего, -- повторял он, не зная, чем успокоить ее.

-- Вот так прах детей, -- улыбаясь проговорил помощник полициймейстера. -- Какого молодца в гроб запихали. Он вам кто? -- обратился он к ней.

Альбина не отвечала.

-- Эта особа везла его? -- обратился полициймейстер к казаку, стоявшему позади его и мрачно уныло смотревшему на свои ноги.

- Она самая, -- проговорил казак и взглянул на ее своими добрыми глазами.

- За что? За что? -- вскрикнула она и, побежав к мужу обняла его за шею. -- Вместе. Всё вместе, -- кричала она. -- Что ему, то мне, -- и, прижавшись к нему, она затихла, вся трясясь от рыданий.

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000 и поселению в Сибирь. Альбина прожила с ним еще три года. Свет, сиявший в ней и радовавший людей, входивших с ней в сношения, потух навсегда. Она не могла понять:

(1) *Зачеркнуто*: сар[аем]

зачем? за что эта жестокость? и медленно умирала и радовалась, что она уходит из этого бессмысленного, жестокого мира.

Николай Павлович гордился тем, что задавил гидру революции в Польше и собирался так же раздавить (1) гидру и всякой повсюду революции. И люди в звездах и золоченых мундирах так восхваляли его за это, что он, умирая, искренно верил, что он великий, человек и что жизнь его была (2)

великим благом для человечества.

* N 19 (рук. N 9, к гл. XII).

Когда Альбина в своем восторженно-веселом настроении, уверенная в том, что теперь всё кончено и они через несколько дней будут свободны, вошла во двор постоялого, она была удивлена тем, что много народа стояло в воротах и под навесом. Народ толпился около ее тарантаса. Сердце захолонуло у нее в груди, но она еще не верила. Толпа расступилась перед нею. У тарантаса, между двумя солдатами, стоял ее муж и жалостно смотрел на нее.

- Альбина! Ничего, Альбина! Ничего, -- повторял он, не зная, чем бы успокоить ее.

- А вот и барынька сама, -- проговорил помощник полицеймейстера.

- Пожалуйте, пожалуйте сюда. Это кто такой? Кто он вам? Альбина ничего не отвечала и только взглядывала то на полициймейстера, то на мужа.

- Муж он вам? -- повторил полициймейстер.

- Он? -- вскрикнула Альбина. -- Оставьте его. Он ни в чем не виноват. Я виновата. Меня берите.

Полициймейстер велел подать кандалы и надеть на Мигурского. Казак стоял тут же и взглядывал то на Мигурского, то на нее, недоумевающе покачивая головой.

- За что? За что? -- вскрикнула она и, подбежав к мужу, обняла его за шею.

- Разем (вместе), вшистко разем (всё вместе), -- проговорила она, и прижалась к нему, вся трясясь от рыданий.

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000. Его родные и Ванда, имевшая связи в Петербурге, выхлопотали ему смягчение наказания, и его сослали на вечное поселение в Сибири.

(3) Альбина жила с ним, ухаживала за ним, удерживая его от всё более овладевавшего им пристрастия к вину, старалась утешать, подбодрять его, но сама неудержимо и заметно умирала.

(1) *Зачеркнуто*: голо[ву]

(2) *Зач.*: большим

(3) *Зач.*: С самого переезда в Сибирь Альбина начала чахнуть и умерла через год после переезда и похоронена в Ачинске.

В ней не осталось и следа прежней жизнерадостности. Она не могла

понять, зачем, за что эта жестокость, и умирала и радовалась, что она уходит из этого бессмысленно жестокого мира.

* N 20 (рук. N 10, к гл. XII).

-- А вот и барынька сама, -- проговорил помощник полициймейстера.

-- Пожалуйте, пожалуйте сюда. Это кто такой! Кто он вам? -- Альбина ничего не отвечала и только остановившимся взглядом смотрела на мужа.

-- Муж он вам? -- повторил полициймейстер.

-- Оставьте его! -- вскрикнула Альбина. -- Он ни в чем не виноват. Я виновата. Я. Меня берите.

-- Это там разберут, а вы, сударыня, побудьте тут. И до вас дело дойдет, -- сказал полициймейстер, (1) отстраняя ее, и, обернувшись к солдатам, кивнул им, указывая на Мигурского.

Солдат, позванивая цепями, подошел к Мигурскому и стал надевать на него наручники.

- Вшистко разем! Всё вместе,-- вскрикнула она и, оттолкнув от себя (2) пытавшегося удержать ее полициймейстера, подбежала к мужу, обняла его за шею и прижалась к нему, вся трясясь от рыданий.

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000. Его родные и Ванда, имевшая связи в Петербурге, выхлопотали ему смягчение наказания и его сослали на вечное поселение в Сибири.

Там, очень скоро после переселения туда, умерла, зачахнувшая от горя Альбина. Она до последних дней не могла понять, зачем, за что эта жестокость, и, умирая, радовалась, что уходит из этого бессмысленного и жестокого мира.

* N 21 (рук. N 11, к гл. XII).

-- А вот и барынька сама, -- проговорил полициймейстер. -- Пожалуйте, пожалуйте сюда. Это кто такой? Кто он вам?

Альбина ничего не отвечала и только остановившимся взглядом смотрела на мужа.

-- Муж он вам? -- повторил полициймейстер.

-- Я, я одна виновата... Прости меня!.. -- и она бросилась к мужу.

- Там разберут кто виноват. И до вас дело дойдет, -- сказал полициймейстер, и, обернувшись к солдатам, кивнул им, указывая

(1) *Зачеркнуто*: и обернувшись

(2) *Зач.*: удерживавшего

на Мигурского. Солдат, позванивая цепями, подошел к Мигурскому и стал надевать на него наручники.

-- За что, за что всё это? (1) -- вскрикнула она и закатилась рыданиями, а потом хохотом, и упала бы навзничь, если подоспевшая Лудвига не поддержала ее.

-- Ты (2) всё наделал, ты, злодей!-- (3) проговорила Лудвига, (4) взглядывав на уральца казака, стоявшего у колеса тарантаса.

- Ну вас совсем! Разве я рад, -- проговорил казак, хмурясь и махнув рукой, и, опустив голову, отошел к воротам.

* N 22 (рук. N 12, к гл. XII).

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000. Его родные и Ванда, имевшая связи в Петербурге, выхлопотали ему смягчение наказания, и его сослали на вечное поселение в Сибирь.

Альбина не покидала его, но прожила недолго. Она умерла, как говорили, от чахотки. А она знала, что умирает от горя. До последних дней она не могла понять зачем, за что -- эта бессмысленная жестокость? Никто не мог объяснить ей этого. Одна надежда ее была в том, что тайна эта откроется ей после смерти, и она без страха, даже иногда с радостью, встречала приближающуюся смерть. Ей жалко было оставить без помощи слабого, добродушного Иузека, но в последнее время она видела, что она, слабая и больная, только тяготит его.

Мигурский еще при ее жизни начал пить больше, чем можно было без вреда душе и телу; без нее же -- совсем опустился и, поддерживаемый товарищами, прожил еще лет 10 бессмысленной, бесцельной и страдальческой жизнью.

N 23 (рук. N 16, к гл. XII).

Николай Павлович радовался тому, что задавил гидру революции не только в Польше, но и во всей Европе; и гордился тем, что он не нарушил заветов бабки своей великой Екатерины, и для блага русского народа удержал Польшу во власти России. И люди в звездах и золоченых мундирах так восхваляли его за это, что он искренно верил, что он великий человек и что жизнь его была великим благом для человечества и особенно для русских людей, на развращение и одурение которых были

направлены все его глупые силы.

(1) *Зачеркнуто*: Иусек, прости меня, прости, я ви[новата]
(2) *Зач.*: выдал
(3) *Зач.*: кричала
(4) *Зач.*: наступая

БОЖЕСКОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

* N 1 (рук. N 3, к гл. VII).

А между тем колесница с юношей ехала по городу, вызывая любопытный ужас в тех людях, которые видели ее. Светлогуб был всё в том же умиленно восторженном настроении. Он не думал ни о своих товарищах, ни о людях, которые смотрели на него, ни о том, что будут говорить о нем, ни даже о любимой девушке и своей матери. Он думал только о боге, о том, что он старался делать то, что хотел от него бог, и теперь, идя к тому богу, от которого исшел, по воле которого жил и к которому идет, думал только о том, что отдается в руки его.

Так он думал, чувствовал, но уши слушали, глаза смотрели. И вот глазам его (1) представились два студента и одна девушка, рысью с веселым [хохотом] выбежавшие из двери. Первый студент спрыгнул с крыльца и вдруг, увидав колесницу, остолбенел. То же сделалось и с двумя другими. Веселость их не исчезла, но остановилась, спряталась на время. Им в эту минуту страшно жалко было, но все-таки жизнь веселая, молодая, радостная жизнь кипела в них. И Анатолию вдруг стало грустно, жалко, жалко себя. Он вспомнил, как его в детстве мать поставила в угол, и он долго стоял равнодушно, но когда услыхал, как меньший брат его запел песню, ему вдруг стало жалко себя, и он заплакал. Так ему жалко стало себя, и он чуть было не заплакал. Но это продолжалось недолго. И когда колесница подъехала к виселице, Анатолий опять молился и с спокойным чувством отдался палачу. Только был один момент отчаяния: когда веревка перетянула ему горло, и ему захотелось спастись, и он почувствовал, что невозможно.

* N 2 (рук. N 22, к гл. V).

- Милосердный господь, -- начал, вздыхая, привычным голосом

священник. Светлогуб широко раскрытыми глазами смотрел на него и не дал договорить ему.

(1) *В подлиннике*: ему

-- Неужели? -- задыхающимся голосом проговорил Светлогуб, -- неужели меня... Неужели смертная казнь?

-- Как священный служитель я пришел предложить утешение, в котором милосердный господь...

-- Мне ничего не нужно, не нужно.

Все уговоры священника были тщетны. Светлогуб жалостным, плачущим голосом просил священника уйти и оставить его одного.

-- Имейте в виду, что я по обязанности своей всегда готов.

-- Хорошо, после, ради бога после.

Когда священник ушел, Светлогуб упал на свою кровать и закрыл глаза. Он не верил тому, что он -- он, что он в тюрьме, что приходил священник приготавливать его к смерти. Это сон, думал он, надо проснуться, он вскочил и сделал пять шагов. Нет, стена и дверь и замазанное окно и остатки предсмертного обеда.

-- Неужели смерть? -- спрашивал он себя. --Умру. Не будет меня. Как не будет меня? Что же будет, если не будет меня?.. Не может быть. Сторож! -- закричал он, стуча в дверь.

Тряпка над окошечком поднялась, и показалось веснушачье, широкое, курносое лицо.

- Позови смотрителя. Тряпка опустилась.

Он подошел к столику, на котором лежали принесенные ему письменные принадлежности, и для того, чтобы занять себя, поднял чернильницу и посмотрел на свет, много ли в ней чернил. И потом вдруг вспомнил, что ожидало его, и пальцы, державшие чернильницу, вдруг выпустили ее. Она упала на пол, и чернила пролились.

Он поспешно сделал из бумаги трубочку, лег на пол и, как делал гимназистом, втягивал в себя и выливал в чернильницу набранные чернила, стараясь не проронить ни одной капли. Во время этого занятия пришел смотритель.

- Правда, что меня казнят? -- спросил он.

-- Я не имею никаких сведений. Вам что-нибудь еще нужно?

- Нет ничего...

Смотритель ушел. Но только что он ушел, Светлогуб опять стал звать его.

- Что вам?

-- Я пролил чернила. Пришлите мне.

- Но и этих довольно.
- Довольно, так довольно.

Смотритель ушел. Светлогуб сел писать письмо девушке, которую он любил, которая любила его, но не разделяла его убеждений. Желание как можно скорее выразить свое чувство к ней и невозможность изменить своим убеждениям, поглотило всё его внимание. Некоторые места в его письме заставляли его плакать умиленными слезами. Окончив письмо, он открыл Евангелие. И умиление, вызванное в нем сочинением письма, продолжалось и при чтении. Всё, что прежде он читал спокойно, теперь с особенной силой отзывалось в его душе. Особенно те места, которые говорили о смерти: "Истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, принесет много плода", читал он. И повторял: "истинно, истинно". И слова эти так умиляли его, что он вставал и ходил от стены до стены, стараясь делать ровно пять шагов и на пятом поворачиваться. Он одного желал теперь: того, чтобы до конца удержать это радостное, умиленное состояние, поднимавшее его выше мира.

"Заснуть бы, -- подумал он, -- чтобы не ослабеть потом. Он лег на койку и закрыл глаза, но не мог заснуть. В том возбужденном состоянии, в котором он находился, он был особенно восприимчив ко всем новым впечатлениям. Глаза были закрыты, но зато слух был особенно чуток. Он слышал шаги часовых, какой-то дальний гул и с невероятной ясностью чувствовал по своему телу ползанье и укусы блох. Он встал, снял рубашку, и на свете лампы увидал их несколько ползавших по грубому полотну рубашки. Только что хотел схватить одну, как она прыгнула куда-то из-под его пальцев. Другую он было поймал и бросил, как обыкновенно делал в огонь лампы. Он задумался. "Но разве не всё равно? Раньше, позже. Жила и кончила. Так же и я. Раньше, позже. Разве не всё равно?" Он посмотрел на свое обнаженное, красивое, хотя и худое тело. И ему стало жалко себя. Он почувствовал, что восторженно умиленное состояние оставляет его. "Да не может быть", вдруг вскрикнул он и опять стал быстро ходить взад и вперед по своей клетке.

"Не может быть, -- говорил он себе. -- Что-нибудь не так: или помилуют на месте казни, или, как они хотели, -- он думал про своих друзей, -- они подкупят сторожей и нынче же в ночь придут и освободят меня".

И странное дело, мысль о смерти была так страшна, так чужда ему, что он не мог верить, не верил тому, что с ним будет, и, успокоившись и устав от ходьбы, перед утром упал на свою постель и заснул.

В шесть часов его разбудил звук отворяемых запоров. Он прислушался: шло много людей, приближаясь к его двери. Шествие остановилось у его двери, и ключ искал замка.

Это был смотритель и конвой. Ему велели одеться и идти с ними.

Сердце его мучительно сжалось, но он всё еще не верил. Не мог верить тому, чтобы люди, такие же, как и он, люди, могли сделать над ним такое ужасное дело.

* N 3 (рук. N 22, к гл. VII).

А между тем колесница с юношей ехала по городу, вызывая любопытный ужас в тех людях, которые видели ее. То умиленное состояние, в котором был Светлогуб ночью во время писания письма и чтения Евангелия, исчезло совершенно, и он не мог опять вызвать его. В душе его был один ужас и перед смертью и перед физическими страданиями, ожидавшими его, а более всего перед теми людьми, которые могли так спокойно, хладнокровно, уверенно делать над ним самое ужасное дело, которое может сделать человек над человеком. Представлять себе то, что ожидает его, он не мог, как не может человек прямо смотреть на солнце. Он только был весь задавлен чем-то. Он был задавлен, а вместе с тем уши слышали, глаза смотрели, рассудок соображал. Когда его вывели из тюрьмы и взводили на колесницу, он видел, что из всех окон смотрят на него, и это сознание подняло его на мгновение, и он воодушевился и вызвал на лице своем спокойное, радостное выражение, оглядывая окна. Когда он ехал по городу, он всё время, высоко держа красивую бледную голову, смотрел перед собою. И сознание того, что он поражает людей своим спокойствием, давало ему силу.

Проезжая по одной из улиц, он заметил мороженика, отпускающего стоявшим около него мальчикам мороженое. Один из мальчиков, старший, увидав колесницу, толкнул товарища локтем и остолбенел. Оба замерли с испуганными, страдающими лицами. Светлогуб видел это, и ему жалко стало мальчиков, и он улыбнулся им. Когда же колесница проезжала через сенную площадь, на которой оставались остатки возов, и Светлогуба поразил любимый им с детства запах сена и конского навоза, запах этот мгновенно перенес его к счастливому времени детства, лошадей, кучеров, беспричинной радости жизни. И такая волна молодой, бодрой, радостной жизни хлестнула в душу Светлогуба. Смерть представлялась ему чем-то совсем невероятным. Когда колесница стала подъезжать к виселице, и он увидал столбы с перекладинами, на него на мгновенье напало сомненье, и он дрогнул, но он тотчас же справился и вспомнил, что на него смотрят, и бледное лицо его продолжало чуть заметно улыбаться. Он всё не верил. Но вдруг случилось что-то ужасное. Человек, простой, живой человек с простым человеческим лицом и вниз смотревшими глазами, это был палач, быстро, решительно подскочил к Светлогубу, накинул ему на голову мешок и куда-то потащил за связанные за спиной руки. В одно и то же

время Светлогуб почувствовал грубое насилие этого человека, понял, что никто теперь уже не видит его п незачем теперь являть на своем лице спокойствие и торжественность, и главное в первый раз совсем понял и поверил, что это смерть, то безумное уничтожение, которое не должно, не может быть.

И, поняв это, он закричал, рванулся, но руки были связаны. Что же это? Неужели? Толчок, мучительная боль и прекращение всего.

Генерал-губернатор, гордившийся своим ранним вставанием, в это время уже отпил кофе и, пересматривая немецкие газеты, выпускал сквозь свои нависшие усы душистый дым заграничной сигары -- подарок богатого банкира.

* N 4 (рук. N 22, к гл. IX).

Ему было особенно тяжело главное от мысли о том, что его забудут и он умрет здесь один от болезни или что его задушат, сожгут. Ему казалось, что он не боялся смерти на воле, но здесь смерть ему казалась ужасной, и когда он живо представлял себе ее, он бился в дверь до тех пор, пока кто-нибудь не приходил к его двери и строго не запрещал ему шуметь, угрожая за это наказанием. И тогда на него находило другое мучительное чувство злобы к этому свободному человеку, который приходил к его двери и который мог ходить везде, общаться с людьми, видеть реки, птиц, а занимался той ужасной душевной пыткой одиночного заключения, которую делали над ним, и он ругал того, кто подходил к его двери, и это на время облегчало его... Он пробовал не есть, заморить себя голодом, но не выдерживал и на третий день набрасывался на еду.

Мучительно желать и не получать желаемого, но когда можно и не желать желаемого, переносить такое мучение сносно, но когда желаешь того, чего нельзя не желать, -- свободы, и ее нет, и это лишение самого законного условия жизни зависит от людей, и к чувству страдания примешивается чувство злобы, состояние души ужасно. И этот ужас пережил Меженецкий в первый месяц заключения.

* N 5 (рук. N 22, к гл. X).

Иногда он придумывал новые средства борьбы с деспотизмом и в воображении своем употреблял их. Средства эти состояли в взрывчатых бомбах, которые он, поднимаясь на управляемом баллоне, кидал во дворцы, сенаты, государственные советы, вообще, как, выводя клопов, посыпают порошком, он посыпал по всем злодеям и их гнездам. Всё это,

однако, он воображал себе не вдруг, а постепенно, со всеми подробностями. Сначала он видел, как надувают баллон, потом как подают ему цилиндрические бомбы, как он укладывает их в лодку, как пускают баллон и он летит над городом, выбирая свои жертвы. Революционная партия везде торжествовала, правительственные власти слабели, и созывался сбор. Народ освобожденный посылал выборных, и в Кремле заседало народное собрание.

Главное -- народ был освобожден, владел всей землей, платил только те подати, которые ему были нужны, и составлял великую общину братски живущих людей.

Иногда он слишком скоро доходил до этого и тогда начинал опять с начала и достигал цели другим способом. Главные основы его мечтаний были ненависть к угнетателям, царю, министрам, богачам и любовь к народу, к русскому, простому, умному, доброму, трудовому народу.

Так он жил год, два, три, и здоровье его не ухудшалось. Управляя своим воображением, он освободился от непроизвольных галлюцинаций. Только изредка на него находили припадки ужаса, но они продолжались недолго. Он преодолевал их. И он привык к своей фантастической жизни, так что когда несколько облегчилось положение заключенных, он был вполне свеж, здоров и мог воспользоваться теми облегчениями, прогулками, книгами, которые дали заключенным; тогда как другие или, нарочно оскорбив начальство, были повешены, или убили себя, сошли с ума, или так ослабели, что уже не могли и не хотели пользоваться теми облегчениями, которые давались им.

Уж через год после события он узнал о первом марте и был в восторге от этого, уверенный в том, что это разбудит русских людей, приведет их к новым формам жизни, главное к освобождению народа.

* N 6 (рук. N 22, к гл. VI и XI).

Хотя Меженецкий, вспоминая свою деятельность в народе, в глубине души не мог не соглашаться в том, что народ таким, какой он знал его, не готов к революции, но не мог согласиться с тем, что народ должен быть обезземелен и проведен через все бедствия пролетариата для того, чтобы отвоевать себе свободу. Он спорил, доказывая непрактичность и жестокость этого приема. Но Герман слушал его, снисходительно улыбаясь, и приводил в подтверждение своего взгляда мнения социалистических деятелей Европы, а главное сочинения Маркса, Энгельса, Каутского. Слушая Германа, Меженецкий терял спокойствие и горячился. Меженецкий говорил себе, что его огорчало то, что вся эта молодежь, точным представителем которой был Герман, отреклась от того, что

двигало ими, от любви к народу, хотя и теоретической, но все-таки любви, а на это место ставили пустую, мертвую доктрину, но, в сущности, он терял спокойствие и горячился, потому что чувствовал, что Герман был прав. Когда же Герман позволил себе сказать, что то, что делали Кибальчич, Халтурин, Перовская, всё это были ребячества и напрасные траты сил, Меженецкий вышел из себя.

-- Так чем вы отличаетесь от самых гнусных буржуев и прокуроров, -- закричал он, мрачно нахмурившись. -- Мы жертвовали собой, жизнями, а вы сидите спокойно по домам, наслаждаясь жизнью, и только проповедуете.

-- Не очень наслаждаемся жизнью, -- спокойно сказал Герман, оглядываясь на своих товарищей, и победоносно расхохотался своим незаразительным, но громким, отчетливым, самоуверенным смехом.

-- Не очень-то наслаждаемся жизнью. А если и сидим здесь, то обязаны этим реакции, а реакция произведение именно террористов.

Меженецкий замолчал, потому что чувствовал, что сейчас расплачется, так ему было больно.

Да, это преемники его. Вот они, эти представители нового поколения. По-ихнему, всё, что они, Меженецкий и его друзья, делали, всё это было не только не то, что нужно, но и нехорошо. За всё время своего заключения Меженецкий утешал себя мыслью о том, что если он и его друзья гибнут и страдают, то дело их зато двигается, растет, поставленная ими цель достигается.

И что же? Он видел теперь, что направление до такой степени отклонилось, что цель эта теперь уже не может быть достигнута.

"Весь народ должен переделаться в фабричных"... Да разве это возможно? А если это возможно, то можно ли желать тех страданий, которые связаны с этим переходом, и можно ли этому содействовать? Честно ли содействовать этому, не разделяя этих страданий? Но если и допустить, что весь народ переделается в пролетариев, то почему думать, что он сложится в ту вперед предназначенную ему теоретиками форму? Если же допустить и это, будет ли он счастливее? Мы работали для достижения целей, которые мы ясно видели: для уничтожения тех страданий народа, которые были явны. А эти холодные доктринеры, во имя чего стараются?

* N 7 (рук. N 22, к гл. XII).

Меженецкий подошел к нему.

- Вознал? -- спросил старичок.

- Как же, вы тогда о вере спрашивали.

- Спрашивал, -- подтвердил старичок.
- Что же, нашли? -- спросил Меженецкий.
- Нашел, милок. Слава тебе, господи, -- с трудом выговорил старик и иссохшей рукой, в которой была одна кость, перекрестился по-старообрядчески. -- В виденьи открылось,
- Что же открылось?
-- А что в духе всё. Как живы теперь, так и живы будем. Как тот въюнош, так и я, всё знаю теперь. Искать нечего. Жив бог, жива душа моя. Так и ты, милок. А тогда ты дурно говорил. Дурно говорил. Не так надо. В духе понимать надо. Всё в духе. А в духе всё благо. Теперь, слава господу, всё мне открыто.
И действительно, старик чувствовал, что вся тайна жизни и смерти была открыта ему. Тайна была в том, что весь мир и всё в нем и, главное, свое тело -- была одна видимость, а что жизнь в духе, и нет ей ни умаления, ни стеснения, ни пресечения. Только живи в духе, и всё будет одна радость. И потому теперь, чувствуя приближение смерти, старик радовался. Он знал, что перемена будет большая, как бы соскочить с кручи, но знал, что, соскочив, не пропадал, а только откроется новое, лучшее.
-- Да что же открыто-то? -- спросил Меженецкий.
-- Всё открыто (1) в духе. Так-то.-- И старичок слегка значительно и, как показалось Меженецкому, самоуверенно сумасшедше улыбнулся.

* N 8 (рук. N 22, к гл. XIII).

XII

В коридоре он встретил вахтера Красавцева. Это был болтливый, добродушный человек лет 50, всегда ласковый и услужливый со всеми политическими. Он шел с ключами, запирая камеры. Увидав Меженецкого, он тотчас же вступил с ним в разговор.
- Опять пятерых привезли нынче, -- начал Красавцев.
- Кого привезли? -- спросил Меженецкий.
- Опять политических. Барышни две молоденькие, дети совсем. Удивление. И чего только они бунтуют.
-- Ведь вы сами говорите, что порядки плохие, вот они и хотят устроить лучше.
-- Да разве это можно? На то начальство. Что же бунтовать? Какая польза? Только себя погубить. Ведь вот в 63 году в Польше. Тоже бунтовали. Что же вышло? Жалость одна, как мы этих ребят кололи. Так

ни за что пропали.

-- Да зачем вы их кололи?

-- Да нельзя, присяга. А известно, жаль. Живо жаль. Да нельзя миновать. Плетью обуха не перешибешь. Так-то.

- Покойной ночи, приятного сна, -- сказал он. -- Я вас запирать не стану, вы сами затворитесь.

"Не перешибешь, так-то", тупо глядя перед собою повторял Меженецкий и, проводив Красавцева, ровным шагом, не поднимая головы, продолжал ходить по коридору. Меженецкий во время своей революционной деятельности, переодетый в рабочего, жил среди народа и знал всю, как он выражался, инертность русского крестьянина, сходился и с солдатами на службе и отставными и знал их тупую веру в необходимость повиновения и невозможность рассуждением подействовать на них. Он знал всё это, но не делал ни прежде, ни после из этого знания того вывода, который (1) неизбежно вытекал (2) из него. Только теперь в том настроении, в которое привел его разговор с новыми революционерами, он вдруг понял из слов Красавцева

(1) *В подлиннике*: которое
(2) *В подлиннике*: вытекало

всю тщету, бесполезность, нелепость всей его прошедшей деятельности и тем более той бесцельной, фантастической деятельности, которой отдавались теперь новые революционеры. Миллионы таких людей, как Красавцев, вымуштрованные, дисциплинированные, одуренные, были в руках правительства. В руках правительства были (1) ежегодно миллиарды рублей, была организованная шайка чиновников, была школа, была литература, пресса и лживая, одуряющая церковь. И правительство знает свою неправду, знает, что, если оно даст восторжествовать правде, оно погибнет, и потому по чувству самосохранения оно безошибочно и безжалостно давит всё то, что может представлять для него хоть малейшую опасность.

И против этой-то могущественной организации, против этих ста миллионов Красавцевых, против этих миллиардов, против этих цензур, церкви хотят бороться десятки, сотни, пускай тысячи преследуемых бедных, суетящихся по России и несогласных, спорящих между собою мужчин и женщин.

"Вот уж именно было бы смешно, когда бы не было так не грустно, а ужасно", сказал он себе и злобно засмеялся одним горлом. Вся жизнь погублена из-за пустяков. Отречься от своего прошедшего еще хуже. А не отречься, то лгать.

* N 9 (рук. N 27, к гл. V).

День этот был для Светлогуба какой-то особенный. Опять послышались шаги по коридору и остановились у его двери. Дверь отворилась, и к нему вошел незнакомый ему офицер с рыжими нафабренными усами и запахом фиксатуара и, не глядя на него, стал читать ему длинную, написанную обыкновенным канцелярским языком бумагу. В бумаге было сказано, что [за] доказанное участие в революционной деятельности, направленной на ниспровержение существующего правительства, кандидат прав Анатолий Светлогуб приговаривается военным судом к лишению всех прав состояния и к смертной казни через повешение. Приговор суда конфирмован его высокопревосходительством генерал-губернатором и имеет быть приведен в исполнение сего 22 октября 1878 года. Светлогуб, внимательно слушая чтение бумаги, не мог понять значения того, что ему объявлялось. Ему объявлялось, что завтра он должен умереть. Это было такое событие, ничего подобного которому он никогда не испытывал. (2) Это было нечто невероятное, ужасное, изменявшее всё в мире, а между тем офицер оправлял шашку левой рукой в замшевой перчатке, усы у него были нафиксатуарены, и сторож почтительно стоял у двери, и стены, и столик, и кружка -- всё было как всегда. Известие это было так несообразно со всем тем, что было и есть, что Светлогуб слышал, понимал, что было прочтено, но не верил.

(1) *В подлиннике*: было
(2) *Зачеркнуто*: Это было нечто изменявшее всё его отношение к миру.

Только долго после того, как офицер ушел и всё затихло, Светлогуб стал понимать всё значение ужасного известия, которое сообщил ему офицер.
"Тут что-то не так. Не будет меня. Как не будет меня? Это что-то не то... Тут какая-то бессмыслица. Этого не может быть. А будет. Они сказали, что убьют, и убьют. Казнили же Авдеенко и Милошевича. Стало быть, и меня".
Светлогуб чувствовал в себе такую силу жизни, что не мог представить себе смерти: не мог соединить сознания своего "я" с смертью, с отсутствием "я".
Светлогуб опять сел на койку и, закрыв глаза, старался понять, вполне понять то, что ему было объявлено. "Разве можно не быть? -- думал он. -- Разве было когда-нибудь время, что меня не было?.. Я только не помню во сне того, что было на яву до сновидения. Я ведь проснулся в этом мире. Стало быть, опять проснусь... Да так ли? Так ли?"
Пришел смотритель.

Светлогуб не слыхал его входа.
-- Вы звали? -- окликнул его смотритель.
-- Кто это? Что вы? -- проговорил Светлогуб, не узнавая смотрителя. -- Ах да, я вас звал. Когда же это будет? -- спросил [он].
-- Это не от нас зависит, -- сказал смотритель. -- Не нужно ли чего еще? -- спросил он и, не получив ответа, поспешно ушел.
"Да, верно. Может быть, утром". Он взглянул на бумагу и чернильницу, на столик и сел писать письмо матери.
"Милая, родная", -- написал он и заплакал. Он узнал, что плакал потому, что слеза капнула на бумагу. Он вспомнил, как часто он встречал в романах подробности о слезах на письмах. Он стер рукавом слезу (1) и продолжал писать (2): "Мне объявили приговор", -- писал он. То, что он сам написал про это, сделало то, что он поверил, что это будет. И это ужаснуло его. Он встал, походил по камере и, живо вспомнив о горе матери, опять сел писать.

* N 10 (рук. N 27, к гл. V).

Тот самый вопрос, что будет с ним после смерти, на который он не мог ответить, теперь не существовал для него. То, что та жизнь, которая есть в нем теперь, не могла уничтожиться, было для него несомненно.
Во времени представлялось, что она была и будет, но та истинная жизнь, которую он сознавал теперь в себе, была, и есть, и будет, и не могла не быть, и всё, что было, была она.

(1) *Зачеркнуто*: но тут же капнул еще чернила на бумагу. Он старательно высушил бумагу на лампе, не переставая думать о том, что его ожидает, не столько думая, сколько сознавая, что в душе его поднялся и стоит мучительный, неразрешимый вопрос. Бумага высохла и он
(2) *Зач.*: успокоившись немного

То, что ожидало его завтра, означало только, что большая, неизбежная перемена, больше всех тех, какие были прежде, произойдет скоро в форме этой жизни. Но жизнь, сама жизнь, не может измениться. Перемена, да, и перемена самая большая, какую может испытать человек в этом мире, но почему же дурная? Скорее радостная. "Заснуть бы, -- вдруг подумал он, -- чтобы не ослабеть потом". Он лег на койку, закрыл глаза и тотчас же заснул.
В шесть часов его разбудил звук отворяемых запоров в коридоре. Он

проснулся весь под впечатлением светлого, веселого сновидения, в котором он, открыв глаза, еще чувствовал себя. Он видел во сне, что он с Гапкой, маленькой дочерью кухарки, лазил по каким-то развесистым деревьям, осыпанным спелыми черными черешнями. Черешни сыпались на землю и -- удивительное дело -- собаки, они же и девочка, ловили их и подбрасывали кверху и опять ловили, и Гапка, тряся сучьями, заливалась, хохотала, глядя на это. И трясение сучьев и хохот Гапки было одно и то же. И глядя на эти сучья и слушая смех Гапки, нельзя было не смеяться. И Светлогуб проснулся, улыбаясь. И, улыбаясь, смотрел на железную дверь и слушал приближающиеся шаги по коридору и бряканье ружей.

* N 11 (рук. N 31, к гл. V).

V

А между тем колесница с юношей ехала по городу, вызывая любопытный ужас в тех людях, которые видели ее.

Был ясный, не жаркий южный осенний день, ветер дул с моря.

Когда Светлогуба выводили из тюрьмы и взводили на колесницу, он видел, что из всех окон смотрят на него, и он невольно подумал о том впечатлении, которое он производит. И, подумав об этом, вызвал на лице своем спокойное, радостное выражение п. подняв голову, улыбался, глядя на окна.

С тою же мыслью о том, чтобы являть людям вид мужественный, спокойный, радостный, он, сидя на лавке колесницы спиною к кучеру и держа в руке Евангелие, ехал по городу. (1)

Настроение это продолжалось во время выезда из ворот тюрьмы и переезда двух первых улиц. Но въехав в более людную часть города, стали встречаться люди, очевидно враждебно настроенные к нему. Он видел нахмуренные лица, сердитые жесты, очевидно осудительные слова, которые говорили о нем люди. И он почувствовал недоброе расположение к этим людям, досаду на них и сознание своей беспомощности.

"Меня казнят, меня убивают за то, что я хотел им добра, а им всё равно. Они ругают, презирают меня. Зачем же я делал всё это? Зачем?"

(1) *Зачеркнуто*: оглядывая людей и думая о том впечатлении, которое он производит.

Но эта слабость продолжалась недолго.

"Люди? Что мне до людей, о том, что они думают обо мне? Важно то, что я об них думаю, что я к ним чувствую. А я только добра хочу им. Всем, и этому городовому и этому кузнецу".

Когда колесница въехала на Сенную площадь, и Светлогуба поразил любимый им с детства запах сена и конского навоза, он живо перенесся к счастливому времени детства (лошадей, кучеров), беспричинной радости жизни. Такая волна молодой, бодрой, радостной жизни хлынула ему в душу, что, вспомнив то, что его ожидает, он вдруг ослабел. (1)

И Светлогуб вернулся к тому состоянию, в котором он был ночью и опять весь погрузился в себя и в желание до последней минуты жить во всю силу жизни. И он забыл про себя и опять все люди, которых он видел, стали милы ему.

Милы ему были каменщики в фартуках, бойко размахивая руками, спешившие на работу, милы кухарки и старые и молодые, с корзинами шедшие за провизией, милы и извощики, и дворники, и все те люди, которые то с ужасом, то с презрением, то с наглостью, то с недоумением смотрели на него. Ему хотелось войти в общение с ними, и он входил в то общение, которое было возможно в его положении, входил в общение взглядами, которыми он обменивался с некоторыми из них. И это радовало его. Два мальчика рысью догнали колесницу и с повернутой головой, не глядя перед собой, шагали по ротуару. Один постарше, в сером картузе, шел быстрым шагом, стараясь не отставать от колесницы. Другой, маленький, в розовой рубашке, без шапки, держался за старшего и, испуганно глядя на Светлогуба, короткими ножонками с трудом поспевал старшим.

Светлогуб встретился с ним глазами, улыбнулся ему и ласково кивнул головой. Этот жест и улыбка страшного преступника, очевидно, совсем смутила маленького. Он выпучил глаза, раскрыл рот и остолбенел. Светлогуб кивнул ему еще раз головой. И мальчик улыбнулся. И это доставило ему великую радость.

Когда колесница подъехала к виселице, Светлогуба свели с нее. Тут только он увидал столбы с перекладинами. Ему на мгновение стало страшно, и он дрогнул, но тотчас же он оправился и стал молиться. Он прочел "Отче наш", который еще помнил с детства и освежил в памяти чтением в тюрьме. "Да удет воля твоя. Да, твоя,-- подумал он, -- воля того, кто послал меня в этот мир".

(1) *Зачеркнуто*: Ему захотелось плакать, и мысль о смерти стала ужасна. "Что это? Отчего это? -- подумал он. -- Как хорошо было ночью в тюрьме, как хорошо! Да это оттого, что я думаю о себе, о том, чем я кажусь другим людям. И совершенно забыв о том, кто и как на него смотрит и какой он имеет вид, ехал дальше по городу.

Светлогуб не верил в бога и даже часто смеялся над людьми, верящими в бога, он и теперь не верил в бога, не верил потому, что не мог понять его. Но ему было необходимо обращение к кому-нибудь, и то, что он разумел под этим обращением, хотя бы и не постижимое ему, было ему необходимо. И он знал, что то, что он разумел под этим обращением, было правда. Самая несомненная правда из всего того, что он знал.

Его ввели на помост и вслед за ним вошел священник с крестом. Он подал ему крест и стал читать какую-то молитву.

-- Простите, -- сказал Светлогуб. -- Вы верите в это. А я не-могу. Мне это не нужно. Мне хорошо и так. Мне ничего не нужно.

Священник начал говорить:

-- Милосердный господь...

- Я благодарю вас, -- перебил его Светлогуб, -- я очень, благодарен вам.-- Он подал священнику руку.

Священник смутился, пожал руку, а потом поцеловал Светлогуба и отошел.

И тотчас же, шумя сапогами по помосту, быстрыми, легкими шагами подошел к Светлогубу молодой крестьянского вида человек с курчавой бородкой и с озабоченым видом. Человек, этот, ничего не говоря, быстро, решительно, и обдав его неприятным запахом вина и пота, схватил Светлогуба потными, горячими, сильными пальцами за его руки выше кисти и, сжав, их так, что стало больно, загнул их ему за спину и там туго завязал чем-то. Светлогуб хотел сказать ему, что не надо делать, того, что он делает, что это дурно, но не успел. Человек этот накинул ему на голову посконный мешок, пахнущий посконью, и повел его куда-то.

В одно и то же время Светлогуб почувствовал грубое насилие-этого человека и понял, что это -- смерть. И опять, так же, как и при объявлении приговора, он знал, что совершается с ним величайшее в жизни событие, но не был в силах, не мог успеть представить себе всё значение того, что совершается.

"В руки твои предаю дух мой" -- только мог он вспомнить, слова Евангелия. Он понимал, что совершается с ним великая перемена, которая должна и не может не быть, но представить, себе того, в чем эта перемена, он не мог. (1) Он не противился смерти, не видел в ней ничего ужасного, но сильное молодое тело его не принимало смерти, не покорялось ей и до последней минуты боролось с ней.

В последнюю минуту, когда палач надел на него петлю и толкнул его, он закричал, рванулся, но руки были связаны. Толчок, шум в голове, налившейся кровью, животный ужас задыханья, и вдруг -- восторг и просветление.

(1) *Зачеркнуто*: потому что знал только то, что переменялось, но не-знал, во что. Он понимал это, и в то же время тело его возмущалось против совершаемого насилия.

Палач повис на трупе, чтобы задушение было полное, и был доволен, что исполнил свою обязанность без неприятных осложнений.

Через час труп был снят с виселицы и отвезен на неосвященное кладбище.

Генерал-губернатор, гордившийся своим ранним вставанием, в это время уже отпил кофе и, пересматривая немецкие газеты, выпускал сквозь свои нависшие усы душистый дым заграничной сигары -- подарок богатого банкира.

* N 12 (рук. N 40, к гл. XIII).

"Вот он, представитель народа, -- подумал Меженецкий выходя от старика. -- Это лучший из них. И какой мрак (он разумел Романа и его друзей). Они говорят: с таким народом, каков он теперь, ничего нельзя сделать. Так что же, мы всё пустяки делали?" -- спросил он себя и в глубине души, вспоминая всё то, что он вынес из общения с народом, он почувствовал, что они правы. И ему стало мучительно тяжело от этого сознания и от всего того, что он узнал от этих людей. Реакция была в полном разгаре. Не только богатые классы отрицали всё сделанное Александром Вторым, но народ, тот самый народ, во имя которого работал Меженецкий и его друзья, был против всех революционеров и их обвинял в том, что они убили того царя, который освободил их, и теперь хотят опять закабалить народ. "Лучшие люди, -- думал Меженецкий, -- его друзья, или повешены и[ли] расстреляны, как Светлогуб и другие. И вот, на место их выступили эти желтоносые, дерзкие, самоуверенные, сухие доктринеры, мертворожденные люди", -- думал Меженецкий, продолжая ходить по коридору.

* N 13 (рук. N 39, к гл. XIII).

Меженецкий давно уже ненавидел царя, министров, губернаторов, богачей, купцов, дворян, попов, ненавидел (возненавидел) теперь и этот идиотский народ с своей верой в присягу, царя (1) и в каких-то агнцев, но больше всего возненавидел этих новых людей, с такой уверенностью решающих все вопросы.

("Правители -- мерзавцы, народ -- идиоты, и эти отвратительные наглые тупицы Романы с своими друзьями. И ужасно, ужасно и глупо, -- сказал он себе и злобно рассмеялся горлом. -- Жизнь погублена. Да, погублена из-за этих мерзавцев и идиотов".)

(1) *Зачеркнуто*: в Иверские

[НЕЗАКОНЧЕННОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ "КРУГА ЧТЕНИЯ"]

1-е января

Во всяком деле лучше немного, но хорошего, чем много, но плохого. Тоже и в книгах.

1

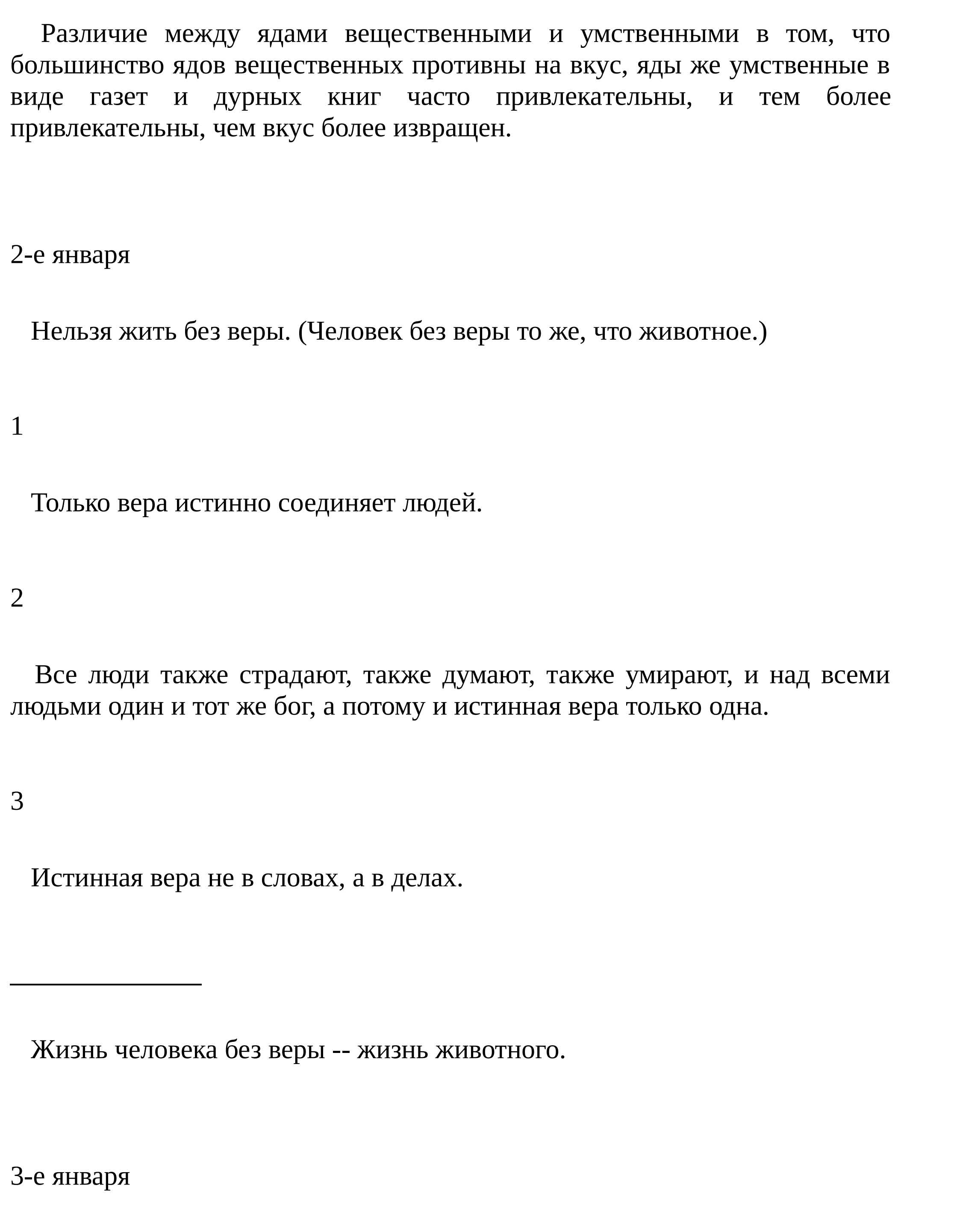
Нужно читать немного, но стараться понять и передумать то, что прочел.

2

Слишком много книг развлекает ум. Читай только те книги, которые всеми признаны хорошими.

3

Читайте прежде всего лучшие книги, а то вы и совсем не успеете прочесть их.

Различие между ядами вещественными и умственными в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные в виде газет и дурных книг часто привлекательны, и тем более привлекательны, чем вкус более извращен.

2-е января

Нельзя жить без веры. (Человек без веры то же, что животное.)

1

Только вера истинно соединяет людей.

2

Все люди также страдают, также думают, также умирают, и над всеми людьми один и тот же бог, а потому и истинная вера только одна.

3

Истинная вера не в словах, а в делах.

Жизнь человека без веры -- жизнь животного.

3-е января

Люди живут дурно только оттого, что веруют неправильно.

1

Не надо во что бы то ни стало держаться старины. Надо быть готовым изменить прежние порядки, если (1) они вредны. Моряк, который будет становить одни и те же паруса при всяком ветре, недалеко уедет.

2

Главная причина бедствий людей та, что люди служат или тем, кого они видеть уже не могут и которые уже не нуждаются в их помощи, или гордым и злым, которые им ослепляют глаза и помогать которым не следует.

3

Стоит прямо и просто принять Христа, чтобы ясен был тот ужасный обман, в котором живем все мы и живет каждый из нас.

4-е января

Все люди всех народов связаны друг с другом и промышленностью, и торговлею, и искусством, и знанием, и, главное, тем, что все мы одинаково думаем, чувствуем, страдаем и умираем.

(1) *Зачеркнуто*: явно, что

1

Добрые люди друг другу пособляют, не думая об этом, а злые нарочно вредят друг другу.

Китайская пословица.

2

Мир так устроен, что тысяча людей, работая вместе, сработают во много раз больше, чем сколько могла бы сработать та же тысяча человек порознь. И потому людям надо сходиться для работы сообща, но сходиться свободно, а не под властью одного.

Генри Джордж.

3

Хороший человек -- учитель дурного, дурной человек -- материал хорошего человека. Ошибается тот, кто не уважает своего учителя и не любит того материала, над которым работает.

Лао-Тсе.

Сначала люди всю жизнь жили порознь, не зная друг друга. Чем дальше мы живем, тем больше сближается народ с народом и человек с человеком. Таков закон жизни, и потому каждому человеку надо делать то, что сближает людей, и не делать того, что разъединяет их.

5-е января

Один человек крикнет в наполненном народом здании: "горит!" -- и толпа бросается, и убиваются десятки, сотни людей.

Таков явный вред, производимый словом. Но вред этот не менее велик и тогда, когда мы не видим людей, погибших от нашего слова.

1

Рана, нанесенная огнестрельным оружием, еще может быть излечена, но рана, нанесенная языком, никогда не заживает.

Персидское изречение.

2

Ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и всё тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их; вот и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает; и язык -- огонь, прикраса неправды. Язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняется всё тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны... Мудр ли и разумен кто из вас? докажи это на самом деле добрым поведением с мудрою кротостью.

Посл. Иакова III, 2--6, 13.

3

Когда услышишь клевету на людей, не вкушай этого гнева.
Когда услышишь лесть людям, не вкушай этой радости. Если услышишь, как люди говорят о порочности человека, не разделяй их удовольствия.
Слушай разговоры о добродетели людей, одобряй, подражай и радуйся. Радуйся при виде добродетельного. Радуйся известиям о добрых делах. Радуйся распространению начал справедливости.

Радуйся распространению дел добра. Когда же услышишь о зле людей, пусть это будет для тебя так же больно, как иглы, впивающиеся в спину. Когда же услышишь о добрых делах, облекись ими, как венками цветов.

Китайская мудрость.

4

К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся. Храни тебя бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении. "Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, потому что затемняет и мутит его.

Гоголъ.

5

Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим, буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною.

Псал. XXXVIII, 2.

Бойся быть нарушителем единения людей, вызвать в них словами недобрые чувства друг против друга.

6-е января.

Усилие нужно для делания добра, но еще нужнее для воздержания от зла, для укрощения страсти и похоти.

1

Для достижения святости нет ничего важнее воздержания. Воздержание же должно быть раннею привычкою. Если оно ранняя привычка, то оно приобретает много добродетелей. Для того, кто приобрел много добродетелей, нет ничего, чего бы он не мог превозмочь.

Лао-Тсе.

2

Всё то, чем люди так восхищаются, всё, ради чего они так волнуются и хлопочут, всё это не приносит им ни малейшего счастья. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо нх в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет. И это очень понятно, потому что не удовлетворением своих праздных желаний достигается свобода, но, наоборот, избавлением себя от таких желаний.

Если хочешь увериться в том, что это правда, то приложи к освобождению себя от своих пустых желаний хоть наполовину столько же труда, сколько ты до сих пор тратил на их исполнение, и ты скоро увидишь, что таким способом получишь гораздо больше покоя и счастия.

Эпиктет.

3

Претерпевший же до конца спасется.

Мф. XXIV, 13.

4

Слава человеку, не поддающемуся искушению. Бог испытывает всякого: одного богатством, другого бедностью; богатого -- откроет ли он руку нуждающемуся, бедного же -- снесет ли он безропотно, с покорностью Провидению свои страдания.

Талмуд.

5

Величайшая сила человека в том, чтобы остановиться.

6

Лишь того я назову верным возничим, кто сдерживает свой гнев, несущийся подобно стремительной колеснице; другие же, бессильные, только держатся за поводья.

Буддийская мудрость.

7

Если, обремененный неприятными делами, ты чувствуешь приступ гнева или возмущения, то спеши уйти от самого себя и не поддавайся впечатлениям, могущим лишить тебя самообладания. Чем более мы упражняемся в том, чтобы силою воли вернуться к спокойному настроению души, тем способность удерживать спокойствие духа усиливается.

Марк Аврелий.

Сколько бы раз ни пришлось тебе падать, не достигнув победы над своими страстями, не унывай. Насколько ты поборолся с страстью, настолько ты уменьшил ее силу, и тем легче будет победа над ней.

7-е января

Надо быть добрым со всеми людьми. Доброта (1) заразительна. Если ты добр к людям, ты делаешь самое важное дело в мире: увеличиваешь доброту в людях.

1

Нельзя отвергать никакого человека, как бы он ни был дурен. Если есть такой человек, то, значит, надо было ему быть. Встречаясь с таким человеком, надо думать: "что ж делать? надо быть и таким людям", и с уважением обращаться с ним. Если ж мы этого не делаем, мы не правы и, кроме того, вызываем таких людей на войну с собой. Ведь он не может переделать, себя. Если же мы не хотим признавать его таким, какой он есть, то ему больше делать нечего, как бороться с нами, как с злейшими врагами.

И потому, живя в мире, мы должны терпеливо сносить всякие (2) недостатки людей, уметь наилучшим образом обходиться с людьми, какие они есть, не рассчитывая на то, что они могут, измениться.

Шопенгауэр.

(1) *Зачеркнуто*: и злоба
(2) *Переделано из*: всяких; *далее зачеркнуто*: людей

2

Не будь строг к тому, кто подпал искушению, и старайся утешитъ его так, как бы ты сам желал быть утешен.

3

1) Не откладывай до завтра, что можешь сделать нынче.
2) Не заставляй другого делать то, что можешь сделать сам.
3) Не покупай того, чего тебе не нужно, если оно дешево.
4) Гордость обходится дороже, чем всё, что нужно для еды, питья, жилища, одежды.
5) Редко приходится раскаиваться, что съел слишком мало.
6) Сколько раз мы перемучились о том, чего не случилось.
7) Если рассердишься, сочти десять; очень рассердишься, сочти сто.

Джеферсон.

Доброта украшает жизнь, разрешает все противоречия, запутанное делает ясным, трудное делает легким, мрачное делает радостным.

8 - е января

Христианское учение так ясно, что младенцы понимают его. Только люди, желающие казаться и называться христианами, но не быть ими, могут не понимать его.

1

Будда сказал: человек, посвятивший себя религии, подобен человеку, который вносит свет в темный дом. Темнота тотчас же рассеивается, и становится светло. Только упорствуй в искании мудрости, старайся приобрести знание истины, и в тебе совершится полное просветление.

2

Рабочий народ, тот, которого не коснулась порча, которая приходит от праздных и богатых, народ, свободный оттого, что Христос называет ослеплением богатствами, довольный хлебом насущным, прося у отца небесного лишь того, что он дает малым птицам, которые не сеют и не жнут, рабочий народ живет истинной жизнью, жизнью сердца больше, чем прочие люди, погруженные в желания и заботы мира сего.

И потому к народу обращается Христос, и потому народ признает в нем посланца Отца, славит имя его, провозглашает его власть, покоряясь ей, венчает его царем будущего. Князья церкви, книжники древние проклинают его и убивают, но несмотря на их насилие и хитрости, несмотря на казнь, он восторжествовал народом; народ основал его царство в мире, и народом оно будет в нем распространяться; народом родится новая эра, божественный зародыш которой хотели бы задушить власти прошлого, уже объятые страхом за близкий конец свой, паническим страхом смерти.

Ламенэ.

3

Нужно остерегаться двух, одинаково пагубных, суеверий: того, что сущность божества может быть выражена словами, и суеверия науки, полагающей, что божественная сила может быть объяснена научным анализом.

Джон Рёскин.

4

Последняя заповедь Христа выражает всё его учение: "Любите друг друга, как я полюбил вас, и по тому все узнают, что вы мои ученики, если

вы будете иметь любовь друг к другу". Он не говорит: "Если вы верите в то или в это", но "если вы любите". Вера связана с временем и изменяется вместе с временем. Любовь не временна; она неизменна, вечна.

5

Моя религия -- это любовь ко всему живому.

Ибрагим Кардовский.

Чтобы было истинное христианство, нужно только, чтобы уничтожилось ложное.

9-е января

Истинно знает человек только то, до чего он сам дошел.

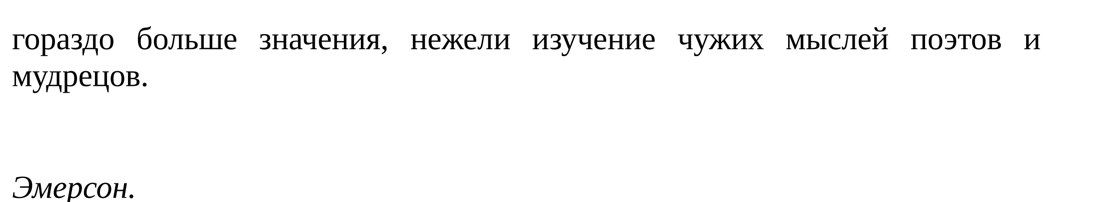
1

Для человеческого ума менее вредно совсем не учиться, чем учитъся слишком рано и слишком много.

2

Заслуга мудрецов в том, что они, независимо от существовавших до них книг и преданий, выражали то, что сами думали, а не то, что думали прежде жившие и окружавшие их люди.

Так же точно и каждый из нас должен подстерегать и улавливать те светлые мысли, которые, как искры, изредка вспыхивают и разгораются в нашем уме: для каждого из нас подобные внутренние просветления имеют

гораздо больше значения, нежели изучение чужих мыслей поэтов и мудрецов.

Эмерсон.

Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей и в книгах только тому, что вам нужно и хочется знать.

10-е января

В воспитании первое дело -- вера.

1

А кто соблазнит одного из малых сил, верующих в меня, тому лучше было бы если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской.

Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Мф. XVIII, 6, 7.

2

Довести ребенка до сознания божественной природы в себе, в этом главная задача родителей и воспитателей.

Чаннинг.

3

Предмет истинного воспитания не только в том, чтобы заставлять людей делать добрые дела, но и находить в них радость; не только быть чистыми, но и любить чистоту; не только быть справедливыми, но и алкать и жаждать справедливости.

Джон Рёскин.

Обучение вере -- первое дело в воспитании. Но надо, чтобы те, кто учат, сами верили тому, чему учат. Дети проницательны, .и если учителя не верят, то и они не верят не только тому, чему их учат, но и тем, которые их учат.

11-е января

Может совершенствоваться только тот человек, который считает себя плохим.

"Зачем мне совершенствоваться, когда я и так хорош?"

1

Дитя мое, делай с кротостью твое дело и тогда заслужишь любовь. Чем ты выше, тем больше смиряйся. Многие живут на высоте и в славе, но тайны открываются только низким. Не ищи вещей слишком трудных и сверх своих сил. Но то, что предписано тебе, о том помышляй с уважением. Не будь любопытен в том, чего тебе не нужно. Тебе открыто и так больше того, чем то, что ты можешь понимать.

Многие бывают обмануты своим тщеславным мнением; потому не хвастайся знанием, которого нет у тебя.

Екклезиаст (апокрифический).

2

Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, будет вам рабом; так как сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих.

Мф. XX, 25--28.

3

Тот, кто оскорблен и может спокойно перенести оскорбление и не возвращает его, тот одержал великую победу в деле жизни.

Женевио-Лан.

4

Часть друзей твоих порицает тебя, а часть хвалит; приближайся к порицающим и удаляйся от восхваляющих.

Талмуд.

5

Займи место ниже, чем тебе подобает. Лучше, если тебе скажут: взойди

выше, нежели: сойди вниз. Кто возвышает себя, того бог унижает, а кто себя смиряет, того бог возвышает.

Талмуд.

6

Старайтесь неотступно уничтожать в себе всякое желание властвовать, остерегайтесь суетности, не ищите славы и похвал, -- всё это может лишь погубить вашу душу. Остерегайтесь мысли, что вы лучше других и что вас украшают добродетели, которых вы не встречаете в подобных себе.

7

Хотя мудрец строг к себе, но от других он ничего не требует. Он бывает доволен своим положением и никогда не жалуется на Небо, не обвиняет других за свою участь, -- поэтому, находясь в низкой доле, он покоряется судьбе. Простой же смертный, ища земных благ, впадает в опасности.

Когда стрела не попадет в цель, стреляющий винит в этом себя самого, а не другого. Так поступает и мудрец.

Конфуций.

8

И не надежен для царствия божия взявшийся за плуг и оглядывающийся назад.

9

Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится.

Мф. XXIII, 11-12.

Вспоминай всё дурное, сделанное тобой. Это поможет тебе не делать дурного. Если же будешь вспоминать сделанное тобою хорошее, это помешает тебе делать доброе.

12-е января

Есть люди, которые берут на себя право решать за других их отношение к богу, и есть много людей, которые отдают это право другим. Одинаково преступны и те и другие.

1

Есть люди, которые, узнав, что все религиозные вопросы должны быть разрешены и все религиозные законы установлены, тотчас же передаются в руки тех людей, которые берутся за такое разрешение и установление.

Зачем им заботиться о том, что другие так определенно признают своим неизменным делом? Есть удовольствия, развлечения, приятные препровождения времени, которые займут сутки и укачают года в приятных снах.

Вот это-то и производят в народе: тупое довольство и прекращение усилий для познания истины.

Мильтон.

2

Все мы похожи на детей, сперва повторяющих неопровержимые истины своих бабушек, потом учителей, а по мере возраста -- и других замечательных людей, попадающихся нам навстречу.

С каким трудом стараемся мы вытвердить наизусть слова, слышанные нами! Когда же сами доходим до той ступени, на которой стояли эти предшественники, и понимаем смысл этих слов, то разочарование наше настолько сильно, что мы бы с охотой забыли всё, что от них слышали.

Эмерсон.

3

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель -- Христос, все же вы -- братья.

Мф. XXIII, 8.

4

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные; по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды. добрые. Итак, по плодам их узнаете их.

Мф. VII, 15--20.

Человек может пользоваться тем преданием, которое перешло к нему от мудрых и святых людей прошедшего, но от него зависит проверить своим разумом то, что передается, и откинуть одно и избрать другое.

Каждый человек должен сам устанавливать свое отношение к богу.

13-е января

Истинная вера дает душевный мир.

1

Одно необходимо: отдаться богу. Будь сам в порядке и предоставь богу распутывать моток мира и его судеб. Пусть будет уничтожение или бессмертие. То, что должно быть -- будет. То, что будет -- будет благом.

Амиелъ.

2

Религия имеет более высокие цели, чем образование хорошего человека. Она предполагает, что он уже есть, и главная цель ее в том, чтобы поднять этого хорошего человека на высшую степень понимания.

Лессинг.

3

Есть двоякий покой. Покой отрицательный: это отсутствие шума, грызущих забот. Это спокойствие после борьбы, после бурь. Но есть другой, более совершенный покой души, которому этот первый покой только предшествует, -- то божественное спокойствие, которое всё понимает, истинное название которого "царство божие внутри".

Это спокойствие дает нам вера. Это сознательное единение с богом и вселенной, союз любви со всеми существами, любовь ко всему, что чисто и счастливо, уменье жертвовать своими желаниями п интересами, участье в духе и жизни вселенной, полное согласие причины с ее бесконечным источником.

Чаннинг.

4

Говорят, что в последний день будет общий суд, и что добрый бог будет гневаться. Но от самой доброты не может произойти ничего, кроме добра. Не бойся: конец будет полон радости. Различие вер разделило человечество на семьдесят два народа,-- из всех их догматов я избрал один: божественную любовь.

Персидская Кейям.

5

Кто добрый человек? Добр только религиозный человек. Но что такое доброта? Прежде и важнее всего это согласие воли с совестью.

Китайский буддизм.

6

Если я точно сердцем говорю: да будет воля твоя как на земле, так и на небе, т. е. как во временной этой жизни, так и в вечной, то мне не нужно никаких ни утверждений, ни доказательств бессмертия. Отдаюсь воле Бесконечного Существа, благословляя эту волю, знаю, что она есть любовь, -- так чего же мне еще?

Христос, умирая, сказал: "Отец, в руки твои отдаю дух мой". Для того, кто может сказать эти слова, разумея их во всем их значении, ничего больше не нужно: вера, истинная вера разрешает всё.

А чтобы иметь эту веру, надо воспитывать ее в себе. А чтобы воспитывать, надо творить дела веры.

Сущность дел веры не в подвигах, а в делах, часто незаметных, ничтожных, но творимых несомненно исключительно для бога.

Умирать придется одному, сказал Паскаль, и жить надо одному перед богом, а не перед людьми. Насколько живешь один перед богом, а не перед людьми, настолько и увеличивается вера. А насколько увеличивается вера, уменьшается забота о будущем.

Не думайте, что вы можете найти душевный мир без веры.

14-е января

Любовь к своему плотскому "я" есть извращение любви к богу. Любить в себе того, кто один во всех, значит любить бога.

1

Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал: "Возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки".

Мф. XXII, 36--40.

2

Нужно любить только бога и ненавидеть только себя.

Паскаль.

3

Люди живы любовью, любовь к себе -- начало смерти, любовь к богу и людям -- начало жизни.

4

Если человек не может простить брата, он не любит его. Истинная любовь бесконечна, и нет количества тех оскорблений, которые она не простила бы, если она истинная любовь.

5

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в боге и бог в нем. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то бог в нас пребывает и любовь его совершенна есть в нас. Кто говорит: я люблю бога, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит? Братья, будем любить друг друга, ибо любящий рожден от бога и знает бога, потому что бог есть любовь. Пребывающий в любви пребывает в боге и бог в нем.

1-е Послание Иоанна, из гл. 4.

6

Любовь есть сила жизни. Любовь есть правило для исполнения всех правил.

7

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь -- последствие, а не причина. Причина любви -- сознание в себе божеского духовного начала. Это сознание требует любви, производит любовь.

Любить того, кто нам приятен, не значит любить бога, не значит вообще любить.

Любовь истинная достигается усилием. Вспомни о том, что тот, с кем ты общаешься, любит себя так же, как и ты себя, и ты поймешь, как тебе надо отнестись к нему.

15-е января

Смерть и рождение два предела. За этими пределами одинаковое что-то.

1

Куда пойдут души умерших? Туда, где души нерожденных.

2

Когда душа хорошо занята, вопрос бессмертия не интересует ее. Всё так хорошо теперь, что она уверена, что хорошо будет и в будущем. Надо доверять тому, что если лучше, чтобы мы жили, мы будем жить. Гораздо лучше и спокойнее для души быть убежденным в этом, чем в том, что пред нами еще миллионы лет, веков, тысячелетий...

Пока мы живы, души наши мертвы и погребены в нашем теле; а когда мы умираем, они оживают.

Гераклит Эфесский.

4

Нет смерти, а есть ряд перемен, которые я пережил уже, и лучшие переживу еще.

5

Человеческая душа не может совершенно разрушиться вместе с телом, -- но от нее остается нечто такое, что вечно.

Если есть вечность, то она в прошедшем так же, как и в будущем.

16-е января

Пища моя в том, чтобы творить волю пославшего меня и совершить дело его. У каждого из нас это дело его. Мы можем не знать, в чем это дело, но не можем не знать, в чем должно состоять наше участие в нем. Участие наше в том, чтобы любить ближнего.

1

Не всякий, говорящий мне: господи, господи! войдет в царство небесное, но исполняющий волю отца моего небесного.

Мф. VII, 21.

2

Если нет сил гореть и разливать свет, то хоть не застить его.

3

Тот, кто не знает правила здравого разума, ниже того, кто их любит. Тот,

кто их любит, ниже того, кто их исполняет.

Китайская мудрость.

4

То ли ты делал, что нужно делать -- получает огромную важность, потому что единственный смысл жизни твоей только в том, то ли ты делаешь в этот короткий, данный тебе срок жизни, чего хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь.

То ли ты делаешь?

Талмуд.

5

Мне тяжело, я прошу бога помочь мне. Да ведь мое дело служить богу, а не ему служить мне. Стоит вспомнить это, и тяжесть облегчается.

6

Земля не есть место искупления, это-то наше жилище, в котором мы должны трудиться для достижения правды и справедливости, того, зародыш чего каждый человек таит в своей душе.

Мадзини.

Вообрази себе, что цель жизни -- твое счастие -- и жизнь жестокая бессмыслица. Признай то, что говорит предание, разум и сердце, что

жизнь есть служение тому, кто послал тебя в мир, и жизнь становится разумным и радостным не состоянием, а прохождением.

17-е января

Человек может служить улучшению общественной жизни только в той мере, в какой он в своей жизни исполняет требования своей совести, закон бога.

Мы в мире подобны ребенку, который вошел в комнату, где ученый человек говорит о своей науке. Ребенок не слышал начала и уходит прежде конца. Он услыхал кое-что, но не понял того, что услыхал. Великая речь бога начата много веков прежде, чем мы начали свое учение, и будет продолжаться и тогда, когда мы будем прахом. Мы слышали только часть ее и не поняли большую часть того, что слышали. Но все-таки, хотя и немного и смутно, но мы поняли что-то великое, торжественное, внушающее, освящающее кое-что.

Давид Томас.

2

Мечтатель часто верно определяет будущее, но он не хочет дожидаться его. Он хочет, чтобы будущее тотчас жа наступило будучи ускорено им. То, на что природе нужны тысячи лет, он хочет видеть совершенным во время своей жизни.

Лессинг.

3

Зачем напрасно мучаете вы себя в своем бедственном положении? Желание ваше добро, но вы не знаете, как его достигнуть. Знайте, что только тот, кто отдаст жизнь, может дать ее. Вы ничего не достигнете без

бога. Вы ворочаетесь на вашем ложе страданий и что же вы нашли? Вы уничтожили законы рабства -- и вам дали новые законы рабства. Не верьте людям, которые становятся между вами и богом, как бы тень их не скрыла его от вас. Люди эти только имеют дурные намерения. Только от бога исходит сила освобождающая, только от бога исходит любовь соединяющая. Что же может сделать для вас человек, который руководится только своею мыслью и законом своей воли? Если он имеет добрые намерения и желает только добра, он все-таки даст вам свою волю вместо закона и свою мысль вместо правила. Свобода не в том, чтобы властвовал этот, а не тот, а в том, чтобы никто не властвовал. Там же, где бог не властвует, властвует человек. Царство бога есть царство справедливости в умах и милосердия в сердцах: основа этому вера в бога и вера в учение Христа, который провозгласил закон бога, закон милосердия, закон справедливости. Закон справедливости учит тому, что все равны перед отцом богом и единым учителем Христом. Закон милосердия учит любви и помощи друг другу, как сыновьям одного отца и ученикам одного учителя.

"Но те, которые говорят вам: "До нас никто не знал, что такое справедливость; справедливость от нас, верьте нам, и мы устроим вам такую справедливость, которая удовлетворит вас", -- люди эти обманывают вас или, если искренно обещают вам свободу, сами обманываются, -- потому что они хотят, чтобы вы признали их господами, и тогда свобода ваша будет только послушанием новым господам этим. Отвечайте им, что господин ваш один Христос, и вы не хотите другого, и Христос освободит вас.

Ламенэ.

4

Хорошо бы было, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться из того лица, который полон ею, в того, в котором ее нет, как вода переливается через шерсть из одного сосуда в другой до тех пор, пока оба будут равны. Но для восприятия чужой мудрости нужна прежде всего самостоятельная работа.

5

Если вы можете научить человека добру и не делаете этого-- вы теряете брата. Если человек не расположен принять ваши поучения, а вы все-таки передаете их ему -- *вы теряете слова.*
Мудрый, просвещенный человек не теряет ни братьев, ни свои слова.

Китайская мудрость.

Делай свое дело жизни, исполняя волю бога, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

18-е января

Просвещенный человек тот, который знает свое значение в жизни и по мере сил старается исполнять его.

1

У ченый тот, кто много знает из книг; образованный тот, кто усвоил себе все самые распространенные в его время знания; просвещенный тот, кто понимает смысл *своей* жизни.

2

Единственное объяснение той безумной жизни, противной своему сознанию, которую ведут люди нашего времени, заключается в том, что молодые поколения обучаются бесчисленным, самым трудным предметам: о состоянии небесных тел, о состоянии земли за миллионы лет, о происхождении организмов и т. п. Не обучают только одному, что одно нужно, тому, какой смысл человеческой жизни, что думали об этом вопросе и как решили его мудрейшие люди древности. Не только не

обучают, но вместо него обучают, внушают молодым поколениям, под названием окона бога, самый явный вздор, в который не верят обучающие и обучаемые. Под всё здание нашей жизни вместо камня подложены надутые воздухом пузыри. Как же не валиться этому занию?

____

Единое на потребу: в поступках -- добро, а в науке -- знание того, что есть истинное добро. Знание это доступно всем.

19-е января

Для того, чтобы знать, в чем добрая жизнь, надо знать, в чем дурная; для того, чтобы знать, что делать, надо знать, чего не должно делать.

1

Одна из ошибок внешних религиозных учений та, что они предписывают определенные дела, жертвы, таинства, молитвы, тогда как истинное религиозное учение только указывает на ю, что не должно делать.

2

Жизнь требует своего проявления. Если пути зла закрыты ей, она проявляется на пути добра.

3

Как часто встречаешь людей, возмущающихся против войны, тюрьм, насилия и вместе с тем посредственно участвующих в тех самых делах, которые они осуждают.

4

Человек нашего времени не может достаточно внимательно исследовать цели и приложения тех, кажущихся невинными дел, которые он делает, если он хочет жить нравственной жизнью. Человек, съедая котлету, должен знать, что эта котлета есть тело убитого барашка, отнятого у матери; и получая жалованье на оружейном, пороховом заводе или как офицер или чиновник по сбору податей, должен знать, что деньги, которые он получает, это пот и кровь замученных и убитых, или имеющих быть замученными и убитыми людей, и что участие его в этих делах есть дело нисколько не лучше, хотя и более скрытое, чем дело Каина.

5

В наше время самые большие и вредные преступления не те, которые совершаются временами, а те, которые совершаются постоянно и не признаются преступлениями.

Не утешай себя мыслью, что если ты не видишь тех, которых ты мучаешь и убиваешь,и если у тебя много товарищей, делающих то же, что ты не мучитель, не убийца. Ты мог не быть им до тех пор, пока не понимал того, что делаешь, но если ты понял, то нет тебе оправдания не перед людьми (перед людьми во всем и всегда есть оправдание), а перед своей совестью.

19-е января

(Запас)

Общественная жизнь может быть улучшена только самоотречением

людей.

1

Говорят: одна ласточка не делает весны, но неужели от того, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке которая уже чувствует весну, а дожидаться? Если так дожидаться всякой почке и травке, то весны никогда не будет. Также и нам для установления царства божия не надо думать о том, первая ли я, или тысячная ласточка.

2

В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать ее.

3

В те времена, когда народы ждут только знака для того, чтобы начать величайшее, когда-либо бывшее на земле сражение между добром и злом, -- когда во всех частях света уже слышатся глухие раскаты грома, когда всякий чувствует, что близко время, когда столкнутся между собой оба войска, -- войско бога и войско сатаны, и что будущая судьба человечества -- освобождение или порабощение его, зависит от этого столкновения, в эти торжественные времена надо прежде всего твердо знать, что звание воина божьего войска можно заслужить только следуя примеру его вождя, -- отречением от всего, что для этого надо по образу сына человеческого, уподобившемуся бедным, которых он пришел спасти, не иметь места, куда преклонить голову. Это нужно для того, чтобы не разнеживаться, чтобы иметь полную возможность быть сегодня здесь, завтра там, быть везде, где есть опасность, где идет борьба, что для этого надо предоставить мертвым погребать мертвых; мертвые же те, которые, погрузившись в заботы о преходящем и в хлопоты о вещественном, не знают даже, что в них есть душа, требующая освобождения, что жить значит бороться, значит умирать для того, чтобы это великое освобождение совершилось.

Ламенэ.

Тщетны все попытки улучшения жизни без жертвы. Попытки эти только отдаляют возможность улучшения.

"КРУГ ЧТЕНИЯ" ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

I

Мысль о составлении "Круга чтения", то есть избранного чтения на все дни года, возникла у Толстого еще в середине 1880-х годов. 15 марта 1884 г. он записывает в Дневнике: "Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие. -- Это и для всех бы нужно" (т. 49, стр. 68).

Через год, в июне 1885 г. Толстой пишет В. Г. Черткову: "Я по себе знаю, какую это придает силу, спокойствие и счастие -- входить в общение с такими душами как Сократ, Эпиктет, Arnold, Паркер... Очень бы мне хотелось составить Круг чтения, т. е. ряд книг и выборки из них, которые все говорят про то одно, что нужно человеку прежде всего, в чем его жизнь, его благо" (т. 85, стр. 218).

Проходит три года, и 28 февраля 1888 г. Толстой пишет Г. А. Русанову: "Вопрос о том, что читать доброе по-русски? заставляет меня страдать укорами совести. Давно уже я понял, что нужен этот круг чтения, давно уже я читал многое, могущее и долженствующее войти в этот круг, я давно я имею возможность и перевести и издать, и я ничего этого не сделал. Назвать я могу: Конфуция, Лао-дзы, Паскаля, Паркера, М. Арнольда и мн. др., но ничего этого нет по-русски" (т. 64, стр. 152).

Только через пятнадцать лет Толстой приступил к исполнению своего замысла.

II

В январе 1903 г., будучи тяжело болен, Толстой приступает к составлению сборника "Мысли мудрых людей на каждый день". Это и была первая попытка составления того "Круга чтения" на все дни года, о кото-

ром Толстой думал с 1884 года. (1)

(1) Историю писания и печатания сборника "Мысли мудрых людей на каждый день" см. в т. 40.

Когда книжка вышла в свет, Толстой сам стал ежедневно прочитывать из нее то, что предназначалось на данное число. Вскоре у него является мысль о переработке этого сборника, а затем и о составлении нового, такого же характера, но большего по объему. 3 января 1904 г. Толстой записывает в Дневнике: "Занят тоже исправлением "Мыслей", а 6 января он уже "составлял новый календарь" (т. 55, стр. 3, 5). 11 января Толстой отмечает: "Вчера... занимался календарем" (т. 55, стр. 6), затем 16 января: "Нынче всё пытался работать над календарем, но не мог ничего сделать" (т. 55, стр. 7).

19 января 1904г. Толстой писал сыну Льву Львовичу: "...распространяю "Мысли мудрых людей". Хочу сделать из них Круг чтения на каждый день" (т. 75, стр. 14). Из этого письма видно, что работа по составлению "нового календаря", или "Круга чтения", как теперь называет его Толстой, первоначально представлялась Толстому лишь как "распространение", то есть увеличение количества и объема составленного им ранее сборника "Мысли мудрых людей на каждый день". По-видимому, именно к этому времени относится переработка, сделанная на печатном экземпляре этой книги (см. т. 40).

Но эта работа была прервана писанием статьи о войне и предисловия к статье В. Г. Черткова "О революции".

Лишь в начале августа Толстой вновь принимается за "Круг чтения". О своей работе над "Календарем" в августе 1904 г. Толстой записывает в Дневнике 10, 22, 26 и 27 августа (см. т. 55, стр. 74, 82, 83 и 84). 14 августа он сообщает В. Г. Черткову: "Я в эту минуту занят приятной и легкой работой собрания мыслей. Пользуюсь вашими книгами -- некоторые очень хороши" (т. 88, стр. 341).

28 августа Толстой уже пишет предисловие к "Кругу чтения", где объяснял, почему, переводя с иностранных языков мысли разных писателей, он допускал иногда отступления от подлинников (см. варианты, стр. 470--473).

Свою работу над "Кругом чтения" Толстой отмечает в сентябрьских записях Дневника. 1 сентября: "Всё это время переводил и читал для "Круга чтения" и написал предисловие. Работа подвигается, но очень ее много" (т. 55, стр. 85). 15 сентября: "Две недели не писал. Всё время занят выписками для Круга чтения. Набралось, кроме полного одного года, еще, вероятно, целый год. Не читаю газет, а читаю Амиеля, Карлейля, Мадзини,

и очень хорошо на душе" (т. 55, стр. 87). 22 сентября: "Кое-что делал для Календаря" (т. 55, стр. 91). Лишь очень ненадолго Толстой отвлекся от "Круга чтения", приступив к писанию статьи о религии, которую тогда называл "Свет во тьме" (т. 55, стр. 91).

О ходе работы над "Кругом чтения" Толстой 24 сентября 1904 г. сообщал Г. А. Русанову: "Я занят последнее время составлением уже не календаря, но Круга чтения на каждый день, составленного из лучших мыслей лучших писателей. Читал всё это время, не говоря о Марке Аврелии, Эпиктете, Ксенофонте, Сократе, о Браминской, Китайской, Будийской мудрости, -- Сенеку, Плутарха, Цицерона и новых: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра, Эмерсона, Чаннинга, Паркера, Рёскина, Амиеля и др. (притом не читаю второй месяц ни газет, ни журналов), я всё больше и больше удивляюсь я ужасаюсь тому не невежеству, а "культурной" дикости, в которую погружено наше общество. Ведь просвещение, образование есть то, чтобы воспользоваться, ассимилировать всё то духовное наследство, которое оставили нам предки, а мы знаем газеты, Золя, Метерлинка, Ибсена, Розанова и т. п. Как хотелось бы хоть сколько-нибудь [помочь] этому ужасному бедствию" (т. 75, стр. 168--169).

Узнав о работе Толстого над сборником,И. И. Горбунов-Посадов стал посылать ему книги, которыми Толстой мог бы воспользоваться как материалом для "Круга чтения". 20 сентября 1904 г. он извещал Толстого о посылке первого и третьего томов книги "Vom Baume der Erkenntniss" von Dr. Paul von Gizycki, а также "Книги мудрости", составленной М. Л. Бинштоком. В другом письме (не датированном) Горбунов-Посадов уведомлял о посылке в рукописи избранных мыслей Канта в переводе С. А. Порецкого, а также книг: Ламение "Paroles d'un croyant", "Избранные мысли Джона Рёскина", выпуск III и "О доверии к себе" Ральфа Эмерсона.

Главное отличие "Круга чтения" от "Мыслей мудрых людей на каждый день" состояло, во-первых, в том, что "Мысли мудрых людей" содержали по одной, много -- по две или по три мысли на каждое число, причем эти две или три мысли не всегда были связаны между собой по содержанию; "Круг чтения" включал от четырех до пятнадцати мыслей разных авторов на каждый день, и все мысли каждого дня были посвящены одной и той же теме. Во-вторых, кроме отдельных мыслей, в "Круге чтения" были помещены также большие рассуждения по разным вопросам и отрывки из художественных произведений. Эти отрывки из статей и художественных произведений Толстой решил поместить по одному через каждые семь дней, начиная с 7 января. Толстой сначала называл эти выдержки "воскресными чтениями", но потом по совету помогавшего ему в работе Х. Н. Абрикосова решил называть их "недельными чтениями". Таких "недельных чтений" должно было быть всего, по числу недель в году,

пятьдесят два. Толстой выбирал их из художественных произведений как своих, так и других авторов и из статей близких ему по духу русских и иностранных писателей. В текстах "недельных чтений", так же как и отдельных мыслей, входивших в состав "Круга чтения", Толстой производил некоторые изменения и главным образом сокращения, в том числе и в произведениях даже таких авторов, как Тургенев, Герцен, Достоевский, Чехов, Лесков.

В сентябре 1904 г. у Толстого появилась мысль поместить в "Круг чтения" в виде "недельных чтений" ряд биографий, людей, духовно ему близких. 22 сентября он записывает в Дневнике: "Надо выписать биографии" (т. 55, стр. 91). О том же писал он 20 сентября И. И. Горбунову-Посадову: "Получил ваше письмо и книги, дорогой Иван Иванович. Очень благодарен. Помогите мне еще: хочется поместить по воскресеньям в календарь биографии, или, скорее, жития неправославных (хотя могут быть и эти) святых и мучеников. Сообщите мне, что знаете. Нет ли книг. Данила Ачинского найдите пожалуйста. Вашего Дамиана пришлите. Нет ли биографического словаря?" (т. 75, стр. 166--167).

О том же 25 октября Толстой писал В. В. Стасову: "Нет ли у вас книги или книг биографий великих добродетелью людей -- вроде житий не канонизированных людей или книг, из которых можно выбрать их. Если есть таковые, пожалуйста пришлите с женой" (т. 75, стр. 178).

Исполняя просьбу Толстого, Стасов 28 октября отправил ему с Софьей Андреевной следующие книги: В. О. Ключевский, "Добрые люди древней Руси"; Е. Голубинский, "История канонизации святых в русской церкви"; Е. Поселянин, "Русские подвижники 19-го века". Получив эти книги, Толстой 31 октября писал Стасову: "Спасибо большое за книги, хотя это и не всё то, что я просил: мне нужно истинно великих людей не одних русских (русских, допущенных цензурой, даже не может быть; от них тошнит), а всемирных. Биографии Джиордана Бруно, Гус, Галилей, Серве и еще какие вспомнятся" (т. 75, стр. 179).

Весь октябрь 1904 г. Толстой был исключительно занят "Кругом чтения". За весь этот месяц нет ни одной записи в Дневнике о какой-либо другой работе. 8 октября он записывает: "Больше двух недель не писал. Очень занят Кругом Чтения. Подвигается, еще много работы" (т. 55, стр. 93). 22 октября: "Сто лет не писал. Всё время занят Кругом Чтения. Много работал и много сделал. Но чем дальше, тем [больше] видишь, что могло быть лучше. Не знаю, где остановлюсь. Приятно сознавать, что в этом деле во мне есть только увлечение самой работой" (т. 55, стр. 93).

9 октября 1904 г. С. А. Толстая писала своему сыну Андрею Львовичу, находившемуся в то время в действующей армии на Дальнем Востоке: "Папа увлечен очень новым собранием изречений мудрецов" (ГМТ).

III

26 октября 1904 г. приехавший в Ясную Поляну из Англии от В. Г. Черткова Д. П. Маковицкий записал слова Толстого о его работе:

"Я всё это время был занят одной только работой -- "Кругом чтения", не выпускал ни капли мысли на другую работу. 2--3 месяца не читал газет, и как это хорошо". (1)

Д. П. Маковицкий передал Толстому пожелание В. Г. Черткова, чтобы он, составляя "Круг чтения", не считался с цензурой, на что Толстой ответил:

"При составлении "Круга чтения" я имею в виду именно нецензурное и постараюсь сохранить то, что вычеркнет цензура". (2)

29 октября 1904 г. в "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкий пишет:

"Лев Николаевич приглашает всех домашних работать над "Кругом чтения", а тех, кто уже начал, поощряет к дальнейшей работе. При мне Льву Николаевичу в работе над "Кругом чтения" помогали: Мария Львовна Оболенская, Н. Л. Оболенский, Н. М. Сухотина, Александра Владимировна

(1) Д. П. Маковицкнй. "Яснополянские записки", вып. 1, изд. "Задруга1, М. 1922, стр. 21--22.

(2) Там же, стр. 24.

Толстая, Ю. И. Игумнова, В. В. Нагорнова, X. Н. Абрикосов, Горбунов-Посадов, Александра Львовна Толстая, Михаил Львович Толстой, Е. В. Оболенская.

Часа в два из кабинета Льва Николаевича выходит Мария Львовна с кучей бумаг. Все принимающие участие в переписке садятся в зале за круглый стол, и всем хватает работы. По словам X. Н. Абрикосова, Мария Львовна удивительно умеет объединять всех в работе отцу. Больше всех помогает Льву Николаевичу в работе над "Кругом чтения" X. Н. Абрикосов. Лев Николаевич иногда подходит к груде материалов для "Круга чтения" и говорит:

- Это -- абрикосовская фабрика.

Лев Николаевич теперь кончил черновую работу над "Кругом чтения". (1)

30 октября 1904 г. Д. П. Маковицкий записывает: "Лев Николаевич просит всех строго критиковать его "Круг чтения" и указывать на все неясности и неточности выражений". (2)

На следующий день, как сообщает Маковицкий, Толстой, давая Н.

Абрикосову работу для "Круга чтения", сказал: "Вы пересмотрите английские календари и выберите из них практические советы для тех дней, в которых собраны разные мысли отвлеченные, для простого народа скучные: пускай он найдет хоть практический совет на этот день. Я выбрал таких практических советов всего три, пренебрегал ими; а между тем они нужны. Например: "Не откладывай на завтра , что можешь сделать сегодня". (3)

По сохранявшимся черновым рукописям, относящимся к "Кругу чтения", можно проследить, какую именно работу поручал Толстой тем лицам, которые помогали ему в этом его труде. Он по большей части отмечал сам те мысли русских и иностранных писателей, которые считал нужным внести в "Круг чтения". Многие из переводов мыслей иностранных писателей были сделаны им самим; но, кроме того, по черновым материалам "Кгуга чтения" видно, что в работе над переводами помогали ему еще С. Л. Толстой, М. С. Сухотин, Н. М. Сухотина, О. К. Толстая, В. Толстая. С. Д. Николаев, П. А. Буланже, М. Л. Оболенская. Распределение всего материала по отделам и по дням года производилось главным образом X. Н. Абрикосовым, что видно из соответствующих надписей, сделанных его рукой на многих листках черновой рукописи "Круга чтения". На некоторых листках имеются такого же рода пометы, сделанные Д. В. Никитиным и И. К. Дитерихсом. В ряде листков названия отделов указаны самим Толстым.

IV

Ноябрь 1904 г, вновь проходит у Толстого в напряженной работе над "Кругом чтения". 5 ноября в его Дневнике записано: "Не писал с 22 октября. Всё занят "Кругом чтения". В достоинстве сомневаюсь. Скорее склоняюсь думать, что плохо" (т. 55, стр. 99).

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 1, изд. "Задруга", М. 1922, стр. 31.
(2) Там же, стр. 32.
(3) Там же, стр. 36.

10 ноября В. В. Стасов, отвечая на письмо Толстого от 31 октября, писал, что он посылает ему книгу Тиссандье "Жертвы науки", в которой есть краткие сведения о Джордано Бруно, Серве и других лицах, и спрашивал, интересует ли Толстого изданная в 1866 г. и запрещенная цензурой книга Соколова "Отщепенцы". (1) Толстой в письме от 22 ноября благодарил

Стасова и просил прислать "Отщепенцы" (т. 75, стр. 185).

И. И. Горбунов-Посадов 16 ноября послал Толстому три книжки о Сократе, две о Джордано Бруно и по одной об Яне Гусе и Конфуции. Но Толстой книгами, посланными ему Стасовым и Горбуновым-Посадовым не воспользовался. К составлению "житий неканонизированных людей", как писал он Стасову 25 октября, Толстой не приступил.

Вероятно, в начале ноября 1904 г. Толстой обратился к В. Г. Черткову с просьбой прислать ему для "Круга чтения" выдержки из его писем к разным лицам, хранившихся у В. Г. Черткова в копиях. Чертков отвечал на это письмо 2 декабря нов. ст. Он охотно брался исполнить желание Толстого, но спрашивал указаний по следующим вопросам: 1) извлекать ли выдержки из всех сочинений Толстого или только из его писем, полагая с своей стороны, что следует извлекать из всех сочинений; 2) "избегать ли нецензурное? Если, -- писал В. Г. Чертков, -- в этом "Круге чтения" вы намеренно избегаете нецензурное, то это было бы очень жаль, так как заграничные издания на иностранных языках имеют такое же значение, как русское. А для русского всегда можно заменить нецензурные места цензурными. 3) На какие темы вы предпочитаете иметь ваши мысли?" Вместе с этим письмом Чертков посылал Льву Николаевичу оглавление того "Свода мыслей Л. Н. Толстого" по различным вопросам, который уже в течение многих лет составлялся им из всех сочинений Толстого.

Толстой отвечал Черткову 27 ноября 1904 г. Он писал:

"Был очень напряженно занят Кругом чтения, и теперь кажется, что весь вышел, и в голове труха, и ничего писать не могу... По случаю мыслей из вашего Свода хотел бы следующее, но боюсь утруждать вас, и если вам будет охота и время это сделать, то сделайте, а нет, то я "пошутил". Хотел же бы я, чтобы вы сделали следующее. Выберите из мыслей хорошее, краткое (иногда можно и не короткое, если цельное и стоит того) и сильное, по своему соображению, и пришлите мне. Отделы мои главные: *Бог, Разум, Закон, Любовь, Всё в себе, Божественная природа человека, Вера, Лжеучения, Соблазны, Устройство жизни* (государственное), *Слово -- осуждение, Сострадание* (к животным), *Самоотречение, Бессмертие, Благо, Доброта, Единение* (людей между собой и с богом), *Молитва, Насилие, Приближение царства божия, Равенство, Свобода, Совершенствование, Труд* и еще другие. Цензурность или нецензурность не имеют никакого значения. Я пришлю к вам всё целиком, когда будет готово, и буду еще просить вас редактировать, изменять, выключать" (т. 88, стр. 344). Однако желание Толстого не было исполнено В. Г. Чертковым. 18 апреля нов. ст. 1905 г. он писал Толстому: "Мучает меня и то, что я не исполнил столь деликатно выраженного вами желания получить выдержки ваших писаний для составляемого вами "Круга чтения". Отчасти

(1) "Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка". Л. 1929, стр. 362.

виновато этому мое бессильное душевное состояние, отчасти громадность имеющеюся у меня материала, делающего выборку очень затруднительною. Я начал было эту выборку, и довольно много списано для вас на отдельных листках. Но касается это пока лишь одного из указанных предметов. И мне казалось, что не стоит посылать вам столь односторонний подбор. А потом, узнав, что вы уже держите корректуру, я прекратил дальнейшие выписки" (ГМТ).

В начале декабря 1904 г. Г. А. Русанов послал Толстому две тетради сделанных им выписок из неопубликованных писем и Дневников Толстого, предлагая ему выбрать из них подходящие для "Круга чтения". В своем письме к Толстому от 6 декабря Русанов писал: "Я всегда восхищался выписанными мною местами и надеюсь, что вы найдете возможность многим из них, если не всем, дать место в вашем сборнике" (ГМТ).

Толстой отвечал Русанову 19 декабря:

"Очень благодарен за ваши тетради. Я ими пользуюсь. Удивляюсь груду, который вы на это положили, и умиляюсь на вашу деятельность пристрастие к моим писаниям" (т. 75, стр. 195).

Из двух тетрадей выписок из писем и Дневников Толстого, сделанных Русановым, сохранилась первая. В ней 66 страниц, на которых выписаны 85 мыслей. Мысли размечены X. Н. Абрикосовым по отделам "Круга чтения". Большинство из них были помещены Толстым в его сборнике.

21 ноября 1904 г. Толстой записывает в Дневнике: "Всё занят Кругом чтения и боюсь, что даром трачу остатные силы. Есть другие, более важные вещи. Но бог лучше меня знает, что нужнее" (т. 55, стр. 99).

Наконец, 1 декабря 1904 г. в Дневнике Толстой записывает: "Кончил пристально заниматься Кругом чтения. Начал *Кто я?*" (т. 55, стр. 104).

К концу работы над "Кругом чтения" построение сборника стало совершенно иным, чем было вначале. Первоначально каждый день "Круга чтения" содержал лишь подбор изречений разных мыслителей, в том числе и самого Толстого, на определенную тему. С течением времени у Толстого явилась мысль построить "Круг чтения" по другому плану. Он решил начинать каждый день с религиозно-философского или этического положения, соответствующего теме данного дня и заканчивать его выводом или практическим советом -- правилом поведения, вытекающим из основного теоретического положения и следующих за ним мыслей. Эти вводные и заключительные мысли каждого дня нужно было написать вновь. Таким збразом каждый день начинался и заканчивался изречениями, написанными Толстым специально для "Круга чтения" и появлявшимися без его подписи. Таких изречений было написано Толстым более семисот.

Вводные мысли в некоторых случаях вырастали из названий отделов, которые обозначались в начале каждого дня. (Названия отделов принадлежали Толстому.) Так, день 1 января (по печатному тексту 2 января) шел обозначение -- "Необходимость веры"; это название темы Толстой распространяет в целое предложение, выражающее основную мысль этого тела "Круга чтения": "Одно из самых грубых суеверий есть суеверие научных людей о том, что человек может жить без веры".

Что касается заключительных мыслей, выражающих практические правила поведения, то первоначально они были изложены Толстым в виде наставлений, как, например: "Не говорите, что вы можете жить без веры. Жизнь человека без веры -- жизнь животного" (1 января); "Не подчиняйся требованиям ложной веры, не признаваемой тобой. В подчинении этим требованиям главная причина бедствий людей" (2 января); "Берегитесь бесполезного знания. Как во всем, так и в особенности в знании, что не нужно, всегда вредно" (4 января) и т. д. Но при дальнейшей работе Толстой, не желая выступать в роли учителя, в большинстве случаев исключил повелительную форму и придал форму, иногда приближающую заключительную мысль по ее построению к вводной мысли того же дня. Так, приведенные нами выше примеры были переделаны Толстым следующим образом: "Жизнь человека без веры -- жизнь животного" (1 января, по печатному тексту -- 2 января); "Подчинение требованиям ложной веры--главная причина бедствий людей" (2 января, по печатному тексту -- 16 января); "Как во всем, так и в особенности в знании, то, что не нужно, всегда вредно" (4 января, по печатному тексту -- 25 января).

Внешний вид рукописи "Круга чтения" этого периода работы был таков. Мысли каждого дня были заключены в обложку, сделанную из сложенной вдвое четвертушки писчей бумаги. На первой странице этой обложки Ю. И. Игумновой были обозначены месяц и число данного дня "Круга чтения" и X. Н. Абрикосовым -- название темы (отдела) составляющих его мыслей. Затем на этих же обложках Толстым были написаны -- на первой странице -- вступительные, а на третьей -- заключительные мысли каждого дня. Впоследствии эти вступительные и заключительные мысли -- автографы Толстого, были переписаны от руки или на пишущей машинке на таких же вдвое согнутых четвертушках писчей бумаги, которые и служили обложками для составлявших "Круг чтения" дней.

Все вступительные и заключительные мысли всех дней "Круга чтения", так же как и все другие мысли Толстого, были напечатаны в "Круге чтения" без подписи автора.

V

Хотя черновая работа над созданием "Круга чтения" и была закончена, но в течение всего декабря 1904 г. Толстой часто возвращается к этому труду, внося в него дополнения и исправления. 7 декабря он записывает в Дневнике: "Делаю кое-что для Круга чтения" (т. 55, стр. 104). 11 декабря: "Два дня переводил Паскаля. Очень хорош. Спинозу прочел и выбрал" (т. 55, стр. 104). 22 декабря: "Пропустил много дней... Работал над "Кругом чтения", вписал Спинозу" (т. 55, стр. 107--108).

21 декабря 1904 г, в "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкий сообщает:

"Он [Лев Николаевич] кончил "Круг чтения" и в 3 часа принес его и отдал X. Н. Абрикосову, чтобы он сделал в нем еще некоторые перемещения и послезавтра свез в Москву для передачи И. И. Горбунову-Посадову, который будет его печатать". (1)

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 1, стр. 41.

"Круг чтения" содержал теперь ежедневное чтение на все дни года и еще 22 дня "запасных", как называли их в Ясной Поляне. Назначение этих "запасных" дней Толстой первоначально представлял себе следующим образом: "Их надо распределить на такие дни, в которых говорится о специальных вопросах, например, о вегетарианстве. Таким образом на эти дни прибавится чтения, и будет сильнее". (1) Однако при дальнейшей работе над "Кругом чтения" Толстой отказался от мысли соединять два дня различного содержания, и "запасные" дни пошли на замену дней более слабых или опасных в цензурном отношении, а некоторые из них совершенно не вошли в печатный текст. (2)

Разумеется, Толстой предполагал еще много работать над "Кругом чтения" в корректурах. 25 декабря 1904 г. он писал своей дочери Т. Л. Сухотиной: "Круг чтения послал в Москву, но не скоро кончу" (т. 75, стр. 197).

Имея в виду, что в Москве книга несомненно выйдет с значительными цензурными пропусками, Толстой надеялся на издание В. Г. Чертковым в Англии полного текста "Круга чтения", как писал он Г. А. Русанову 19 декабря 1904 г.

VI

Получив для издания переписанную рукопись "Круга чтения", редактор

книгоиздательства "Посредник" И. И. Горбунов-Посадов в начале января 1905 г. обратился к Толстому с рядом технических вопросов, касающихся печатания книги. Он спрашивал, каким шрифтом набирать вводные мысли к дням ("эпиграфы", как он называл их), делать ли промежутки между ними и дальнейшим текстом, каким шрифтом набирать обобщающие мысли, Толстым подчеркнутые, и недельные чтения ("воскресения"), когда посылать корректуры в Англию В. Г. Черткову -- до или после исправления их Толстым. Особенно он просил указаний относительно системы расположения недельных чтений.

На это письмо по поручению Толстого отвечал Горбунову-Посадову Д. П. Маковицкий 5 января:

"Дорогой друг. Лев Николаевич поручил ответить тебе на вопросы:

1) Эпиграфы перед каждым днем набирать тем же шрифтом, как и остальной текст.

2) О промежутках или не выразился, или хотел, чтобы были равные.

3) "Воскресение", если оно длинное, лучше мелким шрифтом набирать.

4) Руководящие мысли или курсивом или крупным шрифтом.

5) Черткову посылать после поправок Льва Николаевича.

6) Если "Воскресения" не соответствуют недельным рубрикам, то надо на место этих поставить соответствующие рубрики с дней, которые воскресному чтению соответствуют. "Воскресения" чередовать, чтобы не было однообразно. Воскресные чтения переставить так, чтобы чередовался чужой рассказ с рассуждением".

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 1, стр. 55. - Все "запасные" дни "Круга чтения", не вошедшие в печатный текст, печатаются нами в рукописных вариантах. См. стр. 439--469.

Далее, в ответ на сомнение Горбунова-Посадова в том, следует ли помещать в "Круг чтения" рассказ Чехова "Душечка", Маковицкий сообщал, что рассказ этот "надо поместить, Лев Николаевич настаивает на этом". Затем Маковицкий указывал, к каким отделам "Круга чтения" относится ряд недельных чтений, о которых спрашивал Горбунов в своем письме.

К письму Маковицкого Толстой сделал следующую приписку: "Очень благодарен за присылку. Всё очень хорошо. Чтения недельные надо расставить, избегая однообразия, через каждые семь дней, пригнав к ним дни, соответствующие рубрикам. Всё делайте, как сами найдете лучшим... Хотелось бы написать рассказы на "Чтения", да сил мало. Л. Толстой".

При своем письме Горбунов-Посадов приложил два списка всех намеченных недельных чтений. Первый список, полученный им из Ясной Поляны был написан рукою Х. Н. Абрикосова; недельные чтения были расположены в нем в алфавитном порядке тех отделов "Круга чтения", к которым они относились. Возвращая этот список Толстому, Горбунов-

Посадов отметил в нем знаком N3 те недельные чтения, которые он считал особенно опасными в цензурном отношении. Чтения эти были следующие: 1) "Назарены" (извлечение из изданной "Посредником" книжки В. Ольховского [В. Д. Бонч-Бруевича], "Назарены в Венгрии и Сербии"); 2) "Заблуждение" А. И. Архангельского (отрывок из его книги "Кому служить?", в то время еще не напечатанной); 3) отрывок из "Исповедания веры савойского викария" Руссо; 4) извлечения из изданных "Свободным словом" в Англии книжек об отказавшихся от военной службы Е. Н. Дрожжине, А. Шкарване и П. В. Ольховике; 5) извлечение из книги Ф. Ламенне "Les Evangiles"; 6) извлечения из статьи французского писателя XVI века Лабоэти "Добровольное рабство"; 7) извлечение из статьи Толстого "Патриотизм и правительство".

Второй список, составленный самим Горбуновым-Посадовым, содержал распределение недельных чтений с указанием тех отделов "Круга чтения", которым они соответствовали. Относительно некоторых произведений Горбунов не мог решить, к каким отделам они относятся, и просил на этот счет указаний Толстого. Толстой на том же самом списке в шести местах сделал соответствующие указания.

Составленный Горбуновым список содержит первоначальный перечень недельных чтений, из которых некоторые не вошли в окончательный текст.

Из перечисленных в этом списке недельных чтений не вошли в "Круг чтения": "Течение воды" Конфуция; "Сютаев и Зосима" (по книге А. С. Пругавина "Религиозные отщепенцы") и рассказы Толстого: "Два брата и золото", "Ильяс", "Девчонки умней стариков", "Ассирийский царь Ассархадон", "Три сына", "Много ли человеку земли нужно?", "Два старика" и "Чем люди живы". Были исключены из "Круга чтения" в корректурах: "Ормузд и Ариман" Аполлова, "Часовщик", "Царь и пустынник" ("Три вопроса") и "Три старца" Толстого и рассуждения Паскаля "Люди не будут в силах избавиться от смерти..." и "Первое, что представляется человеку, когда он представляет себя..."

Так как число подобранных недельных чтений значительно превысило требуемое количество, то у Толстого явилась мысль -- дать в "Круге чтения", кроме недельных, еще и месячные чтения. Однако в русском издании поместить их оказалось невозможным, так как ни одно из них не могло быть пропущено цензурой. Вследствие этого месячные чтения появились только в немецком переводе "Круга чтения", сделанном А. Шкарваном и изданном в Дрездене в 1907 г. Состав этих месячных чтений в немецком переводе "Круга чтения" таков: 1) выдержка из Ламенне, 2 и 3) выдержки из сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?", 4) выдержка из статьи Толстого "Патриотизм и правительство", 5) выдержка из рассуждения Лабоэти "Добровольное рабство", 6) сведения об отказавшихся от военной службы Е. Н. Дрожинне и А. Шкарване и письмо

А. Шкарвана "Почему нельзя служить военным врачоу", 7) письмо отказавшегося от военной службы крестьянина Харьковской губернии П. В. Ольховика, 8) выдержка из сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?", 9) выдержка из "Исповедания веры савойского викария Руссо, 10) выдержка из сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?" 11) выдержки из сочинения крестьянина Т. И. Бондарева "Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца" с предисловием Толстого и 12) "Сказка об Иване дураке" Толстого. Две последние вещи были указаны самим Толстым А. Шкарвану, запрашивавшему его через Д. П. Маковицкого, что ему поместить в виде месячных чтений на ноябрь и декабрь, так как от И. И. Горбунова-Посадова он не получил относительно этого соответствующих указаний.

VII

Отослав "Круг чтения" в печать, Толстой 21 января 1905 г. записал в Дневнике: "В последнее время я почувствовал, как я духовно опустился после той духовной, нравственной высоты, на которую меня подняло мое пребывание в общении с тени лучшими, мудрейшими людьми, которых я читал и в мысли которых вдумывался для своего Круга Чтения. Несомненно можно духовно поднимать и спускать себя тем обществом присутствующих или отсутствующих людей, с которыми общаешься" (т. 55, стр. 120).

Толстой продолжал подыскивать подходящие недельные чтения и с этой целью перечитывал Диккенса, а позднее Мопассана. У Диккенса в его романе "Лавка древностей" Толстому сначала показалось подходящей для "Круга чтения" глава о тюрьме, которая, однако, все-таки не была им помещена. (1) У Мопассана Толстой ничего подходящего не нашел, кроме уже ранее помещенного им в "Круг чтения" "Одиночества".

Продолжал Толстой и пополнение мыслей "Круга чтения". 8 января 1905 г. Д. П. Маковицкий прочел ему запись следующих слов Бисмарка, произнесенных им однажды в кругу близких людей: "Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже себя самого. Много, много наделал я зла... Я был виновником трех больших войн, из-за меня погибло более 800 000 людей

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 1, стр. 74.

на полях сражения; их теперь оплакивают матери, братья, сестры, вдовы... И всё это стоит между мною и богом". На Толстого эти слова Бисмарка произвели сильное впечатление. Он сказал Маковицкому: "Ах, это удивительно, удивительно. Достаньте мне это по-немецки и, если книга не дорога, то купить бы ее... Где бы это поместить в "Круге чтения"? (1)

Эта выдержка была сейчас же отправлена И. И. Горбунову-Посадову и помещена в "Круге чтения" в отделе "Покаяние".

И. И. Горбунов-Посадов перед сдачей "Круга чтения" в печать просмотрел всю рукопись, приведя ее с внешней стороны в удобный для набора вид. Кроме того, им были сделаны некоторые перемещения в порядке печатания дней. Первоначально в рукописи Толстого на 1 января было помещено чтение о вере, но затем Толстой поместил на первый день чтение о науке, как представляющее больший интерес для интеллигентного читателя. И. И. Горбунов-Посадов с своей стороны сделал также ряд перемещений. В первый месяц -- январь -- им были перемещены из других месяцев чтения на животрепещущие для того времени темы: о войне, земельной собственности, религиозном деспотизме и т. д.

28 января 1905 г. Горбунов-Посадов отослал Толстому набранные три страницы мыслей "Круга чтения" и одну страницу недельного чтения. В письме он просил Толстого ответить, удовлетворяют ли его шрифты (недельное чтение было набрано мельче, чем мысли), уведомляя о том, что им переведены и обозначены русским алфавитом все иностранные подписи авторов, извещал, что он получил от Д. П. Маковицкого "Покаяние" Бисмарка. Приведя слова П. А. Буланже, что он, Буланже, исправил перевод этой записи, Горбунов-Посадов спрашивал, будет ли ему прислан из Ясной Поляны этот исправленный перевод. В заключение письма Горбунов-Посадов выражал удовлетворение тем, что Толстой, как ему передавали, намеревался сам написать о близком ему по духу свободомыслящем религиозном крестьянине В. К. Сютаеве (а не помещать в "Круг чтения" выдержки о нем из книги А. Пругавина "Религиозные отщепенцы").

На это письмо Толстой отвечал 30 января 1905 г.:

"Всё прекрасно. Шрифт, мне кажется, хорош для чтения, да я вообще в этом ничего не понимаю, и вы наверное сделаете прекрасно... Покаяние Бисмарка, если не пришлю, то пусть Буланже вновь исправит или вы сами... Сютаева и Зосиму надеюсь заменить. Боюсь, что много буду изменять в корректуре, вы не стесняйтесь, тогда скажите мне, что так нельзя" (т. 75, стр. 213--214).

Было решено, по желанию Толстого, печатать "Круг чтения" в двух томах.

VIII

6 февраля 1905 г. И. И. Горбунов-Посадов приехал в Ясную Поляну с корректурой первых месяцев "Круга чтения". 7 февраля Д. П. Маковицкий записывает: "С Ив. Ив. Горбуновым Лев Николаевич просматривал корректуру "Круга чтения". Позвал к себе в кабинет и меня, чтобы я запоминал

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. I, стр. 75.

из того, что скажет Иван Иванович то, что Лев Николаевич мог бы забыть". (1) Под 9 февраля у Маковицкого записано: "Лев Николаевич попросил меня сравнить корректуру "Круга чтения" с черновой рукописью. Под некоторыми мыслями не было подписей; про одну из таких Лев Николаевич вспомнил, что она -- Сенеки". (3)

Привезенная Толстому корректура не была выправлена корректором, что сильно затруднило чтение ее Толстым. Он обещал Горбунову-Посадову вернуть ему поправленную корректуру с А. Б. Гольденвейзером 13 февраля, то есть через неделю после получения. Д. П. Маковицккй записывает 13 февраля:

"У Льва Николаевича было сегодня много дела, особенно с корректурой "Круга чтения". Он спешил с этой работой, потому что обещал сегодня ослать ее И. И. Горбунову и не хотел изменять своему слову, несмотря ва то, что ему очень хотелось на место "Часовщика" (3) и некоторых других сдельных чтений написать новые рассказы. Жаловался на трудности работы над этими корректурами "Круга чтения".

-- Делаю маленькие и большие усилия не сердиться, -- сказал он. -- Иван Иванович обещал заняться корректурой, Павел Александрович Буланже -- тоже, а корректура самая скверная, полна ошибок, местами непонятно, надо сличать с черновиками, подыскивать, так как даже дни перемещены. Много марал. Совсем устал". (4)

11 февраля Толстой писал своей дочери М. Л. Оболенской: "Взялся корректуры за "Круга чтения". Это уже совсем плохо... Сейчас вечер, стал за корректурами" (т. 75, стр. 220). То же писал он и И. II. Горбунову-Посадову 13 февраля: "Просмотрел все корректуры. Очень недоволен своей работой. *Часовщик* совсем не годится. Тоже хочется заменить "Самоотречение" Ламенне и "Разум" Шопенгауэра, заменить или прибавить. Так что погодите печатать (а посмотрите еще, да строже)...

Нездоровится, голова не ясна. И не могу решить, печатать или не печатать? Лучше не печатать. Постараюсь окончить на неделе и тогда пришлю вам. Напишите, можете ли подождать" (т. 75, стр.222--223). То же записано Толстым и в Дневнике под 18 февраля 1905 г.: "Круг чтения мне не понравился" (т. 55, стр. 124).

В ответном письме от 15 февраля И. И. Горбунов-Посадов писал Толстому: "Только что получил ваше письмо о "Круге чтения". Очень грустно, что вы так недовольны своей работой. Вы столько отдали ей. Не слишком лп вы строги к ней?.. Пусть корректуры будут у вас, сколько бы ни понадобилось, великий грех был бы торопить вас" (ГМТ). К работе над корректурами Толстой привлек приехавшего в Ясную Поляну 16 февраля Ф. А. Страхова. На вопрос Страхова: "Могу ли быть вам полезен для "Круга чтения"?", -- Толстой ответил ему:

"-- Да, проредактируйте его. Знаю, что вы это сделаете надлежащим образом". (5)

-- Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 32.

-- Там же, стр. 35.

(30 Под заглавием "Часовщик" появился в печати отрывок пз письма Толстого к Н. Л. Озмидову от 4 октября 1886 г. (см. т. 63, стр. 382--386).

Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 40--41. Там же, стр. 47.

На следующий день 17 февраля, как сообщает Маковицкий, Страхов читал корректуры и беседовал с Толстым о некоторых мыслях, которые он находил сомнительными, в том числе мысль Шопенгауэра о неизменяемости характера каждого человека, после чего Толстой согласился выпустить из этой цитаты три строки. Далее Страхов указывал, что после евангельского текста: "люби ближнего, как самого себя" в "Круге чтения" следует мысль Паскаля: "Нужно любить только бога и ненавидеть только себя", которая, по его мнению, не вполне соответствует мысли евангельского текста. Толстой на это сказал: "Лучше выпустить первое, чем то, что надо ненавидеть себя". (1)

Толстой был очень рад тому, что Страхов помогает ему в работе, и выразил желание, чтобы он подольше оставался в Ясной Поляне. (2) 20 февраля Толстой вместе с Страховым исправлял помещенные в "Круге чтения" мысли Лихтенберга, причем Толстой продиктовал свой перевод некоторых мыслей этого философа. (3) 22 февраля Страхов беседовал с Толстым о недельных чтениях, предлагая поместить в них рассказы

Лескова "Под Рождество обидели" и "Христос в гостях у мужика", а также два рассказа своей сестры Л. А. Авиловой: "Без привычки" и "Первое горе". Был разговор также о помещении в "Круг чтения" "Рождественской сказки" Щедрина. "Вообще, -- сказал Толстой в этом разговоре, -- "Круг чтения" не такой, каким мог бы быть. Можно много бы больше собрать хорошего" (1).

В дальнейшем Ф. А. Страхов прочитывал все корректуры "Круга чтения" до самого конца. Исправления, предлагавшиеся им, состояли в уточнении отдельных выражений и в стилистических изменениях.

Толстой был доволен работой Ф. А. Страхова, хотя вносил исправления и значительные сокращения в его рассуждения, включенные в "Круг чтения". В самом начале работы Страхова над "Кругом чтения" Толстой записал в Дневнике 18 февраля 1905 г.: "Страхов взял на себя работу. И я очень рад" (т. 55, стр. 124). А 5 октября того же года он писал самому Страхову: "Я всё покончил с 1-й частью Круга чтения, благодаря вашему драгоценному содействию" (т. 76, стр. 39).

IX

Выше уже было приведено письмо Толстого к И. И. Горбунову-Посадову от 5 января 1905 г., в котором Толстой уведомлял его о своем желании написать новые рассказы для "Круга чтения". То же самое повторил Толстой в разговоре с П. А. Буланже 9 января:

"Слаб, и боли около сердца. А занимаюсь молодыми мечтаниями: хочется написать для "Круга чтения" на "воскресенья" короткие рассказы, -- тем двадцать есть. Работа легкая -- но в ущерб другой, трудной работе, которой занят теперь".(5) (Толстой писал тогда статью о государстве, названную им впоследствии -- "Единое на потребу".)

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 48.
(2) Там же, стр. 51.
(3) Там же, стр. 53.
(4) Там же, стр. 57--58.
(5) Там же, вып. 1, стр. 76--77.

В течение февраля Толстой не перестает думать о новых рассказах для "Круга чтения". 11 февраля он писал своей дочери М. Л. Оболенской: "Хочется писать маленькие рассказы к Воскресеньям" (т. 75, стр. 220).

Когда И. И. Горбунов-Посадов 6 февраля 1905 г. приехал в Ясную Поляну с первыми корректурами "Круга чтения", Толстой сообщил ему

двадцать восемь тем задуманных им рассказов. (1) Список этих двадцати восьми сюжетов сохранился в Записной книжке Толстого. Вот этот список:

"1) Ушедший странствовать от жены. 2) Кормилицы. 3) Жена пьяницы. 4) Оскорбитель враг во власти. 5) Убийца, ужаснувшийся непротивлению. 6) Радость юродства. 7) Сновидение царя. 8) Александр -- Кузьмич. 9) Персиянинов. 10) Паскаль. И) Бродяга -- князь. 12) Ребенок и старик. 13) Устюша. Три сестры. 14) Бестужева-Рюмина казнь. 15) Блудный сын. 16) Блудная жена. 17) Труп. 18) Отказ от военной службы. 19) Екатерина на судне. 20) Николай и казнь. 21) Шпион кается. 22) Землевладелица и мужики. 23) Любитель умирает во время спектакля. 24) Ангел велит убить ребенка. 25) Старик идет по воде к обедне. 26) Убийство Настасьи. 27) Менгдена сыновья. 28) Мужики едут судиться" (т. 55. стр. 301-302).

Впоследствии к этим двадцати восьми сюжетам были прибавлены еще следующие шесть:

"29) Девушка горничная, преследуемая, как крыса. 30) Елисавета и Лашетарди, пелеринаж к Троице. 31) Нехлюдов -- деревенский. 32) Переселенцы. 33) Жировой. 34) Казак беглый" (т. 55, стр. 302).

Из всех этих тридцати четырех сюжетов Толстым были использованы для "Круга чтения" только три. (2)

22 февраля 1905 г. Толстой начинает писать рассказ "Чем был и чем стал", названный им впоследствии "Корней Васильев". Этот рассказ написан на сюжет, указанный в вышеприведенном списке под номером 1. В конце февраля он пишет статью о Паскале. Под 4 мая 1905 г. в Дневнике записано: "За это время... написал рассказ на молитву" (т. 55, стр. 138). Это -- сюжет, помеченный в списке под N 24.

Кроме того, в последних числах февраля Толстой -- несомненно также для "Круга чтения" -- написал рассказ "Алеша Горшок". Но написанное показалось ему "совсем плохо", и он "бросил" его" (т. 55, стр. 125). Рассказ в "Круг чтения" не вошел и появился уже после смерти Толстого, в 1911 г.

X

Печатание первого тома "Круга чтения" продолжалось в течение всего 1905 года. Толстой прочитывал корректуры и в гранках и в листах, изменял, сокращал и дополнял, кое-что совсем вычеркивал; исправлял и недельные чтения и более слабые заменял другими. В продолжение всего

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 30.

(2) Объяснение неиспользованных Толстым сюжетов пз этого списка см. в т. 55, стр. 583--588.

этого года между Толстым и Горбуновым-Посадовым шла оживленная переписка.

1 марта 1905 г. Горбунов-Посадов уведомлял Толстого, что из дня 17 февраля (о вере) выкинуто из страха перед цензурой две мысли, вследствие чего он прибавил к этому дню еще целый запасный день -- о равенстве. Такое соединение в одном дне мыслей на разные темы сначала допускалось Толстым, но в корректурах он скоро увидал нестройность, получающуюся вследствие такого соединения. 4 марта он писал Горбунову-Посадову:

"Я хорошенько не понял, почему вы в вчерашних корректурах вставили "О равенстве", когда дело идет о вере? Впрочем, делайте для русского издания, как найдете лучшим и нужным" (т. 75, стр. 229).

В дне 14 апреля, посвященном вегетарианству, также были прибавлены две мысли отвлеченного характера на тему о "служении". Читая корректуры, Толстой одну из этих мыслей вычеркнул, а другую перенес в другой отдел.

В середине марта в письме без даты Горбунов-Посадов просил Толстого заменить подзаголовок книги, которая в то время называлась: "Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей о вере, жизни и поведении". "Слово вера, -- писал Горбунов-Посадов, -- необходимо заменить другим, так как это слово вера сделает то, что книгу немедля передадут в духовную цензуру и т. д. Признаюсь, слово "поведение" звучит как-то очень нравоучительно, педагогично. Нельзя ли бы было что-нибудь вроде: мысли многих писателей об *истине и жизни*. Мне кажется, что понятие о поведении входит в жизнь. Или "об истине и пути жизни". Но, конечно, насчет "поведения" я ничего не настаиваю, а "веру" из заглавия необходимо вынуть" (ГМТ).

На это письмо, посланное с А. Н. Дунаевым, Горбунов, по-видимому, получил устный ответ через него же. Толстой соглашался "веру" заменить "истиной", а "поведение" предлагал оставить. Так и было сделано.

30 марта Толстой записал в Дневнике: "Исправил корректуры Круга" (т. 55, стр. 130). Запись касается первых семи листов первого тома "Круга чтения".

В неопубликованных "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкого под 19 апреля 1905 г. записаны слова Толстого в разговоре с А. С. Бутурлиным и Д. В. Никитиным, которые привезли ему из Москвы продолжение корректур "Круга чтения": "Что за радость чувствовать, когда составлял его..."

Толстой видел значение своей книги в том, что она укажет на тех лучших, по его мнению, писателей, которых следует читать, как сказал он

Ш. Саломону 30 января 1905 г. (1) В другой раз 27 мая того же года он сказал по поводу мыслей американской писательницы Люси Малори, редактора журнала "World's Advance Thought", включенных им в свой сборник: "Будет удивительно, когда в "Круге чтения" рядом с Кантом и другими часто будет попадаться Люси Малори, незнакомая особа из штата Орегон".

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 15.

7--8 апреля 1905 г. Д. П. Маковицкий записывает, что Толстой прочел вслух рассказ о поединке из "Братьев Карамазовых" Достоевского (часть II, кн. шестая, гл. II). У него была мысль включить его в "Круг чтения", но позднее он отказался от этой мысли.

26 мая Д. П. Маковицкий записывает, что на вопрос В. Г. Черткова, не напишет ли он еще новых рассказов для "Круга чтения", Толстой ответил: "Рад бы. Тем у меня записано тридцать восемь. Художественную шлифовку "Корнея Васильева" и "Молитвы", для которой нужен художественный подъем, в этих рассказах опущу".

В одном из писем к Горбунову-Посадову (недатированном) Толстой писал: "Дорогой Иван Иванович. Впишите пожалуйста в день о войне следующее изречение Юма: "Когда я теперь вижу два воюющие народа, то они мне кажутся подобными двум пьяным мужикам, которые дерутся дубинами в посудной лавке, дерутся потому, что кроме тех болячек, которые они себе наделают и долго будут лечить, им придется еще дорого заплатить за перебитую посуду" (неопубликовано).

Но письмо это осталось неотправленным, и вписанное в него изречение в "Круг чтения" не было получено.

25 сентября 1905 г., отправляя Горбунову-Посадову исправленные им корректуры последних чисел мая "Круга чтения", Толстой писал ему:

"Посылаю вам всё, что у меня есть исправленное и готовое... Еще в мыслях длинная мысль, кажется, о боге, Страхова, очень длинна и не сильна. Нельзя ли ее выключить и заменить... Еще мне очень не нравится мой рассказ "Царь и пустынник", и хотелось бы заменить его чем-нибудь. Если я не успею написать что-либо новое, не придумаете ли вы, чем заменить...

Сейчас придумал заменить "Царь и пустынник" из "Христианского учения" главу 45, *Соблазн приготовления*, без заглавия, начать со слов: *самый первый*. Вообще недурно бы в Чтения выбирать из запрещенных моих, когда нужно заменить" (т. 76, стр. 34).

Толстой говорит здесь о своем рассказе "Три вопроса", который сначала был помещен в виде недельного чтения после 26 мая. Об этом же рассказе

он записал в Дневнике 19 сентября: "Хочется для "Круга чтения" заменить рассказ "Царь и пустынник". Очень противен он мне. Весь выдуман" (т. 55, стр. 161). Толстой предлагал заменить этот рассказ выдержкой из его трактата "Христианское учение", написанного в 1894-- 1897 гг.

Мысль Ф. А. Страхова о боге, которой Толстой был не удовлетворен, была сначала помещена на 28 мая. После письма Толстого она была исключена.

24 сентября Горбунов-Посадов извещал Толстого о том, что он сдает в набор второй том "Круга чтения", посылал список недельных чтений для этого тома и спрашивал, будет ли Толстой помещать в нем в виде недельного чтения свою "Сказку об Иване дураке", вызывавшую у него (у Толстого) сомнение. Толстой отвечал ему 26 сентября:

"Так вот что, милый Иван Иванович. Ваше расписание недельных чтений вполне одобряю. Ивана Дурака оставить или нет? Сам не знаю. Делайте, как найдете лучшим. Я склоняюсь скорее к тому, чтобы оставить". Далее Толстой указывал прибавление к той выдержке из "Христианского учения", о которой он писал в своем предыдущем письме (т. 76, стр. 35).

Горбунов-Посадов, считаясь с цензурой, в процессе печатания делал ряд выкидок и смягчений в тексте "Круга чтения". После октября 1905 г. вследствие некоторого смягчения цензурных условий явилась возможность не опасаться преследований. Горбунов-Посадов в последний месяц -- июнь -- первого тома "Круга чтения" помещает мысли о существующем общественно-политическом устройстве, предназначавшиеся для второго тома, а для недельного чтения печатает забракованные ранее по цензурным соображениям выдержки из сочинения Лабоэти "Добровольное рабство" и из статьи Толстого "Неужели это так надо?" вместо выдержки из его "Христианского учения".

Последний день первого тома "Круга чтения" -- 30 июня -- был посвящен изложению взглядов Толстого на вопросы общественного переустройства. 24 ноября Толстой писал Горбунову-Посадову:

"Хорошо бы напечатать листок из "Круга чтения" 30 июня, как образец имеющей выйти книги. Можно и хорошо бы прибавить в этот же день следующее: "Когда среди 100 человек один властвует над 99 --это несправедливо, это деспотизм. Когда 10 властвуют над 90 -- это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвуют над 49, (и то только в воображении, -- в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) -- то это совершенно справедливо, -- это свобода.

Может ли быть что-нибудь смешнее по своей очевидной нелепости такого рассуждения, а, между тем, это самое рассуждение служит основой деятельности всех "улучшателей государственного устройства" (т. 76, стр.55).

Горбунов-Посадов на предложение Толстого ответил: "Что касается до

печатания последнего дня листком отдельным, то не думаю, дорогой Лев Николаевич, чтобы день этот оказался убедительным и вполне ясным для неподготовленных вовсе людей, для которых печатаются листки. Другое дело для серьезного читателя "Круга чтения", познакомившегося с "Кругом". Для неподготовленных же людей он будет слишком отрывочен и тонок" (ГМТ).

В конце декабря 1905 г. Толстой получил первые корректуры второго тома. 27 декабря он записывает в Дневнике: "Поправил вчера корректуры Круга чтения за июль месяц. И мне очень не понравилось" (т. 55, стр. 176). 16 января 1906 г. запись в Дневнике другого характера: "Последнее время поправлял Круг чтения и Мысли мудрых людей. Это радостная работа" (т. 55, стр. 180). 18 января: "Занимаюсь понемногу Кругом чтения (т. 55, стр. 181). Также и 22 января Толстой записывает, что он "делал Круг чтения" (т. 55, стр. 182). 30 января: "Круг чтения" и много, хорошо думал" (т. 55, стр. 183).

6 февраля 1906 г. Толстой получил вышедший из печати первый том "Круга чтения". В этот день он записывает в Дневнике: "Утро было очевь радостное", и поясняет: "Круг чтения" (т. 55, стр. 188).

2 марта 1906 г. Толстой снова отмечает в Дневнике работу над корректурой второго тома (т. 55, стр. 199).

В начале марта он, посылая Горбунову-Посадову 11--13 листы второго тома, писал: "Я поправил корректуры, но не просмотрел рассказ Лескова ["Под праздник обидели"]. Его надо бы сократить. Вообще, если напечатаете эти листы в теперешнем виде, будет хорошо. Если пришлете еще раз ко мне, будет хорошо" (т. 76, стр. 118).

17 апреля в Дневнике отмечено исправление "нескольких недель" "Круга чтения", а в следующей записи, от 25 апреля, Толстой пишет, что "продержал плохо корректуру "Круга чтения" (т. 55, стр. 217, 218). По-видимому, здесь отмечено чтение гранок с 1 по 15 октября, о получении которых Горбунов-Посадов уведомлял Толстого 3 мая (ГМТ).

Второй том "Круга чтения", по предложению Горбунова-Посадова, вышел в виде двух полутомов. Первый заключал в себе "Июль", "Август" и "Сентябрь", второй -- остальные месяцы. О работе над вторым полутомом в Дневнике Толстого имеем еще только одну запись -- 24 сентября 1906г.: "Начал Круг чтения, но лениво идет и нехорошо. Даже нынче кажется, что не могу" (т. 55, стр. 244). Первый полутом вышел из печати 6 июля 1906 г., второй -- 22 октября того же года. Цензурных изъятии ни в первом, ни во втором полутоме уже не было.

Еще в то время, когда вышел из печати один только первый том "Круга чтения", книга эта сделалась любимой настольной книгой Льва Николаевича. Все сомнения в достоинстве книги остались позади. Он ежедневно прочитывал из нее мысли на данное число и то же советовал делать своим знакомым и незнакомым. См., например, письма к К. И. Шараповой от 17 августа 1906 г., великому князю Николаю Михайловичу (от 11 июля 1906 г.), М. А. Стаховичу (от 12 апреля 1906 г.) и сидевшим в тюрьмах за отказ от воинской повинности А. И. Кудрину (от 27 июня) и К. П. Сиксне (от 21 июля) (т. 76).

Такое отношение к "Кругу чтения" осталось у Толстого до конца жизни. В дневнике Н. Н. Гусева под 16 мая 1908 г. записано:

"Вчера Лев Николаевич сказал мне: "Я не понимаю, как это люди не пользуются "Кругом чтения"? Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира..." (1)

На многих страницах Дневника Толстого за 1909 г. находим записи, характеризующие его отношение к "Кругу чтения". Так, 23 апреля записано: "Очень тронуло записанное в Круге чтения о том, что с людьми нельзя иначе обращаться, как с любовью". Затем 2 августа: "Читал чудный день Круга чтения о боге". 22 августа: "С пользой и наслаждением читал Круг чтения" (здесь Толстой имел в виду не только "Круг чтения", но и переработку его, получившую название "На каждый день". См. тт. 43 и 44). 29 августа: "Дома прочел прекрасные дни 28, 29 Круга чтения". 22 сентября: "Радостное чтение Круга чтения". 27 октября: "С особенной впечатлительностью читал Круг чтения" (т. 57, стр. 52, 110, 122, 127, 144 и 161).

(1) Н. Н. Гусев, "Два года с Л. Н. Толстым", изд. Толстовского музея. М. 1928, 158.

XII

Уже при чтении первых корректур "Круга чтения" у Толстого явилась мысль о составлении сборника ежедневного чтения, вполне доступного по форме изложения читателю из народа. 27 февраля 1905 г. Д. П. Маковицкий записывает следующие слова Толстого:

"Был у меня слесарь из Тулы, я говорил ему о "Круге чтения" и стал ему читать выдержки из Рёскина. Трудно для понимания, и я не дочитал, и тут же решил, что надо составить популярные мысли отдельно". (1)

И под тем же числом у Маковицкого записано, что по поручению Тол-

стого И. К. Дитерихс и Д. В. Никитин выбирали из "Круга чтения" самые простые места. (2)

Нам ничего неизвестно о судьбе этой работы И. К. Дитерихса и Д. В. Никитина. По всей вероятности, она не была закончена. Но мы имеем две, тоже незаконченные попытки самого Толстого изложить основные мысли "Круга чтения" самым сжатым и простым языком.

В неопубликованных "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкого под 14 ноября 1905 г. записано: "Лев Николаевич дал Ивану Ивановичу [Горбунову-Посадову] первые двадцать дней "Круга чтения для народа". Рукопись эта сохранилась и в настоящее время находится в ГМТ. Это -- первая корректура в гранках первых девятнадцати чисел "Января" "Круга чтения". Толстым вычеркнута значительная часть мыслей; другие изложены проще и короче; некоторые оставлены без изменений. Однако, редакторская работа Толстого коснулась преимущественно первых гранок, -- чем дальше, тем исправлений меньше, и потому работу эту никак нельзя считать законченной даже для этих девятнадцати чисел. В рукописных вариантах мы печатаем целиком эту первую попытку Толстого популярного изложения "Круга чтения".

Получив от Толстого это начало его работы, И. И. Горбунов-Посадов 24 ноября 1905 г. писал Толстому: "Посылаю вам наклеенные из чистых листов дни из "Круга чтения", начиная с 21 января, т. е. с числа, на котором остановилась ваша работа по "Народному кругу чтения"; наклеено это всё так, чтобы вам было удобно делать на полях все вставки и пр." (ГМТ).

При этом Горбунов-Посадов послал Толстому и те первые двадцать дней "Января" "Круга чтения", которые уже были исправлены Толстым, внеся в наклеенный им печатный текст этих дней те исправления, какие были сделаны Толстым в гранках.

Рукопись эта, содержащая все дни "Круга чтения" с 1 января по 17 мая, также сохранилась. Работа Толстого в этой рукописи еще менее может считаться законченной, чем в первой. Им было исправлено только незначительное число мыслей, содержащихся в этих днях.

Рукопись была отправлена Горбунову-Посадову в январе 1906 г., о чем он известил Толстого 7 февраля того же года.

В вариантах печатаются существенно измененные Толстым в этой рукописи мысли.

-- Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 71.

-- Там же, стр. 69.

XIII

Ежедневно прочитывая "Круг чтения", Толстой видел неудовлетворительность изложения отдельных включенных в него мыслей, и у него уже в 1907 г. явилось желание вновь проредактировать любимую книгу. К исполнению этого замысла он приступил 17 августа 1907 г. В этот день он пометил в Записной книжке: "Писал 2-е издание *Круга чтения*". На следующий день: "Писал Февраль 2 издание". 19 августа: "Немного писал 2 издание Круга чтения". 20 августа: "Хочу заняться Кругом чтения" (т. 56, стр. 209).

Под 12 октября 1907 г. Толстой записывает в Дневнике: "Нынче думал, что сделаю 3 Круга чтения -- один по отделам детский, другой -- такой же для взрослых. Третий без отделов, но исправленный старый" (т. 56, стр. 72).

В январе 1908 г. приехавший ненадолго в Россию перед своим окончательным возвращением из Англии В. Г. Чертков договорился с московским издателем И. Д. Сытиным о печатании второго издания "Круга чтения". Он сообщил об этом Толстому, и Толстой подвергнул прежнее издание "Круга чтения" новой редакционной правке. 31 января 1908 г. он записывает в Дневнике: "Начал исправлять старый "*Круг чтения*". И оказалось работы больше, чем думал, и работа не дурная. Кончил месяцев не совсем-- надо переместить, дополнить, но главное сделано" (т. 56, стр. 95).

В следующей записи Дневника, от 9 февраля 1908 г., читаем: "Исправление старого ["Круга чтения"] кончил, хотя придется еще поработать" т. 56, стр. 98).

От работы Толстого над исправлением первого издания "Круга чтения", произведенной им в 1907 и 1908 гг., остались семь книг первого издания, которых были сделаны им исправления, а именно: два экземпляра первого тома (из них один -- без первого листа), три экземпляра первого выуска второго тома и два экземпляра второго выпуска второго тома. Исправления Толстого очень многочисленны; не только отдельные выражения отдельных мыслей заменялись им другими, но и целые мысли излагались совершенно по-другому. Многие мысли были исключены совсем. В конце января 1908 г. первый месяц -- "Январь" -- был уже приготовлен к печати, исправления Толстого были перенесены на чистый экземпляр первого издания, который В. Г. Чертковым был передан Сытину для издания. Вскоре были посланы и все другие месяцы до конца года. Толстой привлек к работе своего секретаря Н. Н. Гусева, которому дал едующие задания:

"Прошу заметить: 1) краткость дня; 2) излишество; 3) несоответствие общей мысли; 4) неточность, неловкость выражений; 5) повторения; и)

буду благодарен за предложения внести новые; 7) прошу замечаний на недельные чтения". (1)

О ходе своей работы Толстой 10 февраля 1908 г. сообщал В. Г. Черткову: "Не могу передать, сколько радости мне доставляет эта работа над

(1) Н. Н. Гусев, "Два года с Л. Н. Толстым", изд. Толстовского музея. М. 1928, стр. 104.

Кругом чтения. Я кончил поправки для старого Круга чтения. Надеюсь, что он будет значительно лучше первого. От Сытина ничего еще не получал" (т. 89).

Первая корректура "Января" была получена в начале марта, а первые гранки "Февраля" -- 25 марта, о чем Толстой в тот же день известил В. Г. Черткова. В "Январе", "Феврале" и "Марте" Толстым было сделано так много исправлений, что понадобилось затребовать от типографии вторую корректуру в гранках.

Работа продолжалась в течение всего 1908 года. Летом этого года Толстой усиленно занимался составлением и редактированием нового сборника мыслей для ежедневного чтения, получившего название "На каждый день". Этим обстоятельством, а также серьезной болезнью Толстого в июле, августе и сентябре следует объяснить то, что последние месяцы второго издания "Круга чтения" были подвергнуты им меньшей редакционной переработке, чем первые.

Что касается недельных чтений, то во втором издании "Круга чтения" впервые появились переведенные Толстым в 1908 г. два произведения Виктора Гюго -- "Неверующий" и "Сила детства" (так озаглавил Толстой свой перевод рассказа Гюго "Guerre civile"). Там же было напечатано изложение стихотворения Гюго "Бедные люди", сделанное Толстым взамен напечатанного в первом издании изложения этого стихотворения В. Микулич, и его пересказ рассказа Лескова "Под Рождество обидели", озаглавленный "Воров сын". Статья Толстого "Будда" была им совершенно переработана. Был помещен отрывок из "Воскресения" -- о старике на пароме, озаглавленный "Свободный человек". Из прежних сочинений Толстого были помещены: "Сущность христианского учения" (отрывок из трактата "Христианское учение") "Сестры" (так И. И. Горбуновым-Посадовым был назван рассказ "Франсуаза") и статья "Любите друг друга". Кроме того, были помещены статьи: Н. Н. Гусева -- "Отношение первых христиан к войне" и С. Д. Николаева -- "Об освобождении земли. По Генри Джорджу". Обе статьи были проредактированы Толстым, внесшим в их текст значительные изменения и сокращения.

Несмотря на то, что все корректуры уже в 1908 году были подписаны к печати, книга в свет не появлялась. Толстой напряженно ждал ее выхода. 25 мая 1909 г. он пишет В. Г. Черткову: "Поощрите Сытина издать второе издание старого Круга чтения. Книжка эта очень, очень нужна, и мне так всегда хочется давать ее людям, а ее нет уже" (т. 89). Через месяц, 23 июня, Толстой опять запрашивает Черткова: "А что Круг чтения?" (т. 89). Сытин по двум причинам задерживал печатание "Круга чтения": он опасался судебного процесса и, кроме того, как церковник и староста одного из кремлевских соборов не сочувствовал антицерковным взглядам Толстого.

Толстой так и не дождался выхода в свет второго издания "Круга чтения". Но в первых числах января 1910 г. "Круг чтения" в первой редакции был переиздан в Одессе и разослан в виде бесплатного приложения подписчикам газеты "Одесский листок". 16 января Толстой записал в Дневнике: "Не мог удержаться от [радости по поводу] выхода в Одессе Круга чтения" (т. 58, стр. 9).

XIV

После ухода и смерти Толстого усилился интерес к его сочинениям. В декабре 1910 г. издательством "Посредник" было отпечатано второе издание "Круга чтения" в первой редакции. Второй выпуск второго тома был тогда же арестован Московским комитетом по делам печати, который, вслед за тем наложил арест и на первое издание книги, к тому времени уже давно распроданное. Руководитель издательства "Посредник" И. И. Горбунов-Посадов был предан суду. В обвинительном акте, составленном товарищем прокурора Московской Судебной Палаты 31 мая 1911г., было сказано:: "Дворянин Иван Иванов Горбунов, 46 лет, обвиняется в том, что, состоя представителем книгоиздательства "Посредник" в г. Москве, в 1906 году отпечатал и в период времени с 1907 до конца 1910 года распространил первое издание книги, озаглавленной "Круг чтения. Избранные, обранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении", а в конце 1910 г. отпечатал и распространил второе издание той же книги, включив в эту книгу изречения, отрывки из сочинений разных авторов и статьи, заведомо для его, обвиняемого, возбуждающие к ниспровержению существующего России государственного и общественного строя, к неповиновению закону и законным распоряжениям власти и к неисполнению воинскими чинами обязанностей военной службы и вызывающие вражду между отдельными классами населения, так как в означенных изречениях, отрывках и статьях доказывается, что для "пробудившегося человека" нет того, что называется

государством, и государственная власть представляет собою "людей очень заблудившихся, приписывающих себе фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания", -- что "государственное насилие уничтожится сознанием пробудившихся к истине людей". -- что земля есть "общее и равное достояние всех людей" и "потому не может быть предметом собственности отдельных лиц", а должна находиться в пользовании тех, кто ее обрабатывает, -- что в настоящем народ находится в "ливрее рабства и политического бесправия" и подбирает "крохи, которые оскорбительно бросаются ему с роскошного пира богачей", а в будущем "рисуется народ, восстающий во всем его величии, как братья по вере, соединенные общими узами равенства и любви", -- что истинный христианин никогда не посмел бы сделаться царем над христианами, что добрый христианин не может решиться сам быть бременем для других, сделавшись царем, -- что есть люди, которые "забрали силу и мучают и обманывают народ", -- что надо бороться с этими людьми, уничтожить их, избавить от них народ, который они эксплуатируют, "свергнуть деспотическое правительство и установить свободное, выборное, народное", -- что вообще не должно признавать никакого человеческого правительства, и все власти, как противные богу, должны быть низвергнуты путем "духовного возрождения людей", -- далее, что "деспотизм был бы невозможен, если бы люди понимали премудрость божию",-- что, между тем, "владыки мира" противопоставили "премудрости божией" премудрость диавола, по совету которого для утверждения своего деспотизма они создали военную службу, но что "соблазн" этот скоро придет к концу, и диавол исчезнет вместе с угнетателями народа. Затем говорится, что если бы солдаты начали думать, то ни один не остался бы в войске, что человечество сумеет освободиться от "дикого инстинкта военного убийства", что "война уничтожится тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести те гонения, которым они могут подвергнуться за это, что "меч и все деяния его, т. е. бои и всякие кровопролития" не имеют ничего общего с "устройством истинно христианского общества", что "светская власть преступает заповедь Христову", заставляя христиан "ходить войною друг на друга", что должны быть признаваемы "нехристианскими и незаконными" все приготовления к войнам и "всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных", что в виду этого надлежит считать "невозможным не только службу в войсках, но и занимание должностей, обязующих принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни", -- наконец, говорится, что "класс богачей предполагает собой класс бедняков", что "безумная роскошь оказывается связанной со страшной нуждой", что "богатые -- это грабители", а бедные

-- ограбленные, что "многочисленные поколения, украшенные гербами, ведут жизнь противную заповедям божиим и превосходят других людей в поругании сына божия", что эти "гербовые поколения хотят господствовать", овладели "обширнейшими и наилучшими землями и обратили их в пустыни", что жизнь "этих благородных людей" "гнусна", что "вообще, ни язычники, ни иудеи не оскверняли веру Христову в такой степени, как эти поколения", что они "и богу неугодны и людям во вред и тягость", что "рабочий люд несет на себе бремя их благородства и они готовы проглотить его и всё, что только есть на земле доброго, стараются захватить и проглотить" и что "в этих сбродах гербовых" должен быть "познан" тот "антихрист, о котором говорит апостол Павел, называя его человеком беззакония и сыном гибели".

Означенное преступление предусмотрено 2, 3, 5 и 6 пп. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож.

Вследствие сего и на основании 2 ч. 1032 уст. угол. суд. названный Горбунов подлежит суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей".

На допросе у судебного следователя 4 марта 1911 г. И. И. Горбунов-Посадов, давший объяснения по поводу отдельных инкриминируемых ему мест "Круга чтения", закончил свои показания следующим заявлением: "По моему глубочайшему убеждению, место "Круга чтения", этой последней из величайших работ Льва Толстого, не на скамье подсудимых, а единственно в Пантеоне великих, благотворнейших для всего человечества произведений мировой литературы".

Суд состоялся на другой день после первой годовщины со дня смерти Толстого, 8 ноября 1911 г. Несмотря на показания свидетелей, удостоверивших, что редактирование книги принадлежало всецело самому Л. Н. Толстому, несмотря на искусную защиту в лице присяжных поверенных В. А. Маклакова и Н. К. Муравьева, указывавших на общекультурное и широко-просветительное значение книгоиздательства "Посредник", И. И. Горбунов-Посадов был признан виновным и присужден к заключению в крепости на один год. С книги было постановлено арест снять, предварительно уничтожив в ней 12 мест: мысль Генри Джорджа о богатстве (8 октября, 3), Толстого о государстве (13 октября, 2), его же о земельной собственности (30 ноября, вступление), Блах Хаука и Толстого о том же (30 ноября, 2 и 8), Мадзини об освобождении народа (20 декабря, 6), две мысли Толстого о войне (29 декабря, вступление и заключение), два недельных чтения из книги Петра Хельчицкого "Сеть веры" и статью Толстого "Гаррисон и его "Провозглашение" вместе с самым "Провозглашением" Гаррисона. По изъятии этих мест книгу дозволено было пустить в продажу.

В 1911 году книгоиздательством "Посредник" было выпущено еще три

издания "Круга чтения" в первой редакции.

XV

9 декабря 1911 г. в Петербурге в заседании Судебной Палаты слушалось дело заведующего книгоиздательством "Ясная Поляна" В. А. Максимова по обвинению его в издании в количестве тридцати тысяч экземпляров книги Толстого "Круг чтения".

Максимову ставилось в вину то, что в книге "заведомо для него, Максимова, заключаются суждения, возбуждающие к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы". Судебная палата Максимова признала по суду оправданным, а арест, наложенный на его издание "Круга чтения", оставила в силе.

В следующем 1912 году В. А. Максимов, вырезав из книги несколько страниц и переменивши на обложке название издательства "Ясная Поляна" на "Прогресс и культура", добился разрешения на выпуск книги.

В 1913 г. "Круг чтения" в первой редакции и с цензурными пропусками появился в XIV--XVII томах "Собрания сочинений" Толстого, выпущенного в Москве В. М. Саблиным.

Что же касается последней редакции (второго издания) "Круга чтения", то в конце 1910 г. в издании Сытина вышел первый выпуск этого издания, содержавший первые три месяца и отпечатанный в ограниченном количестве экземпляров. Остальные три выпуска вышли в свет в 1911--1912 годах, в серии книг под общим названием "Библиотека Л. Н. Толстого", выходившей под редакцией П. И. Бирюкова. Тогда же был переиздан и первый выпуск. Во всех выпусках были сделаны многочисленные цензурные изъятия.

Три месяца второго издания "Круга чтения" -- "Июль", "Август" и "Сентябрь" -- были выпущены в полном виде в 1917 г. книгоиздательством "Единение" в Москве.

Восемь мыслей, исключенных по цензурным соображениям из первого издания "Круга чтения" (на 19 и 22 января, 17 февраля и 25 марта) были напечатаны в книге: "Лев Толстой, Неизданные тексты", редакция Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева, изд. Academia, М.--Л. 1933. Исключенные по цензурным соображениям мысли первого издания "Круга чтения", не вошедшие во второе издание, печатаются впервые в настоящем томе.

"Круг чтения" был переведен только на немецкий язык. Перевод, выполненный Э. Шмидтом и А. Шкарваном, вышел в 1907 г. в Дрездене в издании Karl Reissner. Не стесняемые русской цензурой переводчики поместили переводы всех "месячных чтений", которые по цензурным

условиям не могли появиться в России. Под некоторыми мыслями иностранных писателей (Шопенгауэр, Руссо и др.) указан источник.

XVI

"Круг чтения" в настоящем издании печатается по второму изданию, переработанному автором в 1908 году.

В целях дать совершенно точный, критически проверенный текст произведений Толстого, исправляются по подлинным рукописям автора и правленным им корректурам ошибки переписчиков и опечатки типографий, искажавшие текст Толстого. Такие искажения особенно многочисленны в художественных произведениях, входящих в состав "Круга чтения": "Корней Васильев", "Ягоды", "За что?", "Божеское и человеческое".

Многочисленные цензурные пропуски отдельных слов, мыслей и целых статей восстанавливаются по рукописям и корректурам, а для последних месяцев также и по тексту второго тома первого издания "Круга чтения", выходившего при более легких цензурных условиях (в 1906 г.).

По первоисточникам и автографам вносятся исправления в подписи авторов отдельных изречений, входящих в состав "Круга чтения".

Месяц, число и N изречения "Круга чтения"	В печатных изданиях "Круга чтения"	Исправлено в настоящем издании
6 января, 4	Буддийская мудрость	Буддийская мудрость [Дхаммапада]
	То же и в других аналогичных случаях	
7 января, 6	Паскаль	*Мысль Толстого*
24 января, 5	Персидский Албитис	Персидская мудрость (из Албитиса)
27 января, 2	Паскаль	*Мысль Толстого*
5 марта, 2	Ветана	Вамана Пурана
28 марта, 1	Суфи	Суфийская мудрость
1 мая, 1, 2	Персидский Дхербелот	Персидская мудрость (из Дербело)
7 мая, 1	Персидский Суфи	Суфийская мудрость

14 мая, 2	Браминская мудрость	Рамакришна
15 мая, 4	Паскаль	*Мысль Толстого*
22 мая, 2	Сенека	*Мысль Толстого*
27 мая, 5	Монтэнь	Монтескье
22 июня, 6	Суфи и Парси	Суфийская мудрость
25 июня, 9	*Подписи нет*	Демофил
1 июля, 6	*Подписи нет*	Из "Передовой мысли мира"
5 июля, 10	Паскаль	*Мысль Толстого*
11 июля, 3	Мишкат (Магомет)	Предание Мишкат
19 июля, 1	*Подписи нет*	Сенека
27 июля, 5	*Подписи нет*	"Гулистан" Саади
Недельное чтение "Большая медведица"	Ковис (с английского)	С английского
22 августа, 3	*Подписи нет*	Люси Малори
13 сентября, 5	Эмерсон	*Мысль Толстого*
1 октября, 2	Арабский (Албитис)	Арабское (Албитис)
9 октября, 8	Цицерон	Сенека
16 октября, 1	Браминская мудрость	Рамакришна
16 октября, 4	Цицерон	Сенека
21 октября, 4	Конфуций	Китайская мудрость
22 октября, 3	Конфуций	Китайская мудрость
24 октября, 4	*Подписи нет*	Солон
1 ноября, 4	Браминская мудрость	Фома Кемпийский
8 ноября, 3, 4	Ангелус	Ангелус Силезиус
19 роября, 3	Буддийская мудрость	Люси Малори

Из недельных чтений, помещенных во втором издании "Круга чтения", исключается легенда "Глаза Куналы", изложенная Гусевым (т. 3, стр. 125). Толстым по пересказу Гусева одобрена была основная мысль этой легенды, но самое изложение им прочитано не было, так как он был в то время тяжело болен. Напротив, из первого издания включается не помещенный во втором издании рассказ Чехова "Беглец". Толстым ранее

было выражено Гусеву не вполне определенное согласие на исключение этого рассказа, но когда печатался "Сентябрь" "Круга чтения" второго издания, Гусев не мог получить от тяжело больного Толстого его согласия. Впоследствии Толстой высказывал сожаление о том, что "Беглец" не вошел во второе издание "Круга чтения", что отмечено Д. П. Маковицким в его неопубликованных "Яснополянских записках" 8 сентября 1909 г.

В разделе "Варианты, незаконченное и неопубликованное", печатаются: а) "Предисловие к "Кругу чтения"; б) "Месячные чтения", которые не вошли ни в первое, ни во второе издание "Круга чтения" только потому, что все они не могли по условиям того времени пройти через цензуру; в) изречения, исключенные И. И. Горбуновым-Посадовым из первого издания "Круга чтения" по цензурным соображениям, не вошедшие также и во второе издание; г) запасные дни "Круга чтения", не включенные в первое издание на том основании, что материал был уже распределен на все 366 дней года; д) впервые появляющееся в печати начатое, но не законченное Толстым общедоступное изложение "Круга чтения".

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ "КРУГА ЧТЕНИЯ"

I. Предисловие к "Кругу чтения" сохранилось в следующих рукописях:

1. Автограф. Написан в тетради альбомного типа, в кожаном переплете, где занимает лл. 50--53, исписанные, кроме последнего, с обеих сторон. На последнем листе авторская дата: "1904. 28 Августа". Написан крупным, размашистым почерком, с вычеркиванием, исправлениями и вставками

2. Копия автографа рукою О. К. и С. Н. Толстых. 10 лл. 4°, исписанных с одной стороны, и 2 лл. обложки, л. 10 не заполнен. На обложке рукою А. Л. Толстой: "Предисловие. 28 августа 1904 г. Ясная Поляна". Дата на обложке взята с последней страницы рукописи. Исправления Толстого многочисленны. Л. 6 вычеркнут почти целиком и заменен новым текстом, написанным на обороте л. 5.

Ввиду того, что в следующей рукописи значительная часть предисловия была автором вычеркнута, данная рукопись печатается целиком в вариантах.

3. Машинописная копия предыдущей рукописи. 6 лл., исписанных с одной стороны. На верху л. 1 рукою автора заглавие:

КРУГ ЧТЕНИЯ

((Мысли) Избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли (раз[ных]) многих писателей о вере, жизни и поведении.

Толстой внес большие исправления на л. 1; л. 2 целиком зачеркивается и заменяется новым текстом, написанным на обороте л. 1. Остальные листы, хотя и не зачеркнуты, но написанный на них текст заменен новым текстом.

4. Машинописная копия предыдущей рукописи. 2 лл. 4°, исписанных с одной стороны. На полях л. 1 большая вставка-автограф. На л. 2 последний абзац обведен чертой рукой автора.

5. Копия рукою X. Н. Абрикосова. 2 лл. 4°, исписанных с одной стороны. На л. 1 вписан эпиграф: "Дважды и трижды повторяй прекрасное. Эмпедокл". Тут же приложен клочок бумаги, на котором написан тот же эпиграф, с пометой Толстого: "В эпиграф к предисловию".

Выписанный Толстым эпиграф в первом (а вслед за ним и во втором) издании "Круга чтения" не появился вследствие того, что рукопись была потеряна в типографии и впервые воспроизводится в настоящем издании.

II. Черновая редакция всего "Круга чтения" (с 1 января по 31 декабря, без недельных чтений), 3441 лл. 8° и меньшего размера. Содержит выписки отмеченных Толстым мест из разных книг, переводы указанных им отрывков из произведений разных авторов и мысли самого Толстого. На многих листах исправления Толстого. Часть мыслей переписана на машинке. На некоторых листах пометы и замечания Ф. А. Страхова.

III. Наборная рукопись первого издания. 748 лл. F°, некоторые листы меньшего размера. Копия рукописи N 11. Некоторые мысли переписаны на машинке. Подклеены вырезки из "Афоризмов Л. Н. Толстого", собранных Л. П. Никифоровым, и "Мыслей мудрых людей на каждый день". Дни 11 июля и 21 декабря целиком написаны рукой Толстого. На некоторых листах немногочисленные поправки Толстого. (Описание рукописей недельных чтений с исправлениями Толстого, входящих в наборную рукопись, дано отдельно.)

IV. 389 корректурных гранок первого издания с исправлениями и вставками Толстого, Ф. А. Страхова, И. И. Горбунова-Посадова, Ю. И. Игумновой, И.К. Дитерихса, А.Б. Гольденвейзера, В.А.Лебрена.

V. Сверстанные корректуры первого издания с исправлениями Толстого.

VI. Общедоступное изложение "Круга чтения". Гранки первого издания 1--18 (1--19 января), наклеенные на листы писчей бумаги с исправлениями Толстого.

VII. Печатные экземпляры первого издания "Круга чтения", приготовленные для второго издания, с исправлениями Толстого.

1. Том первый, стр. 1--535 с отчеркиваниями и исправлениями Толстого на некоторых страницах.

2. То же, стр. 81--535 с многочисленными исправлениями Толстого чернилами и карандашом.

3. То же, лист 16 с исправлениями Толстого.

4. Том второй, выпуск первый, стр. 1--293 с отчеркиваниями и немногочисленными исправлениями Толстого.

5. Том второй, выпуск первый, стр. 1--293. Исправления Толстого начинаются со стр. 115.

6. Том второй, выпуск второй, стр. 295--614 с исправлениями Толстого. Некоторые куски текста вырезаны для подклейки их в наборный экземпляр.

VIII. Печатные экземпляры первого издания "Круга чтения", служившие наборными экземплярами для второго издания.

1. Том первый, стр. 1--535. Внесены исправления Толстого рукою Н. Н. Гусева, X. Н. Абрикосова, В. В. Плюснина, М. В. Булыггша. На некоторых страницах мелкие исправления Толстого.

2. Том второй, выпуск второй, стр. 295--604,с многочисленными исправлениями Толстого, внесенными рукою Гусева. Вложены брошюры: "Остры" Л. Н. Толстого и его же "Любите друг друга", служившие недельными чтениями после 1 и 8 декабря.

IX. Гранки второго издания "Круга чтения".

1. Январь. 29 гранок с исправлениями Толстого. На гранке 26 рукою Гусева против недельного чтения "Закон": "Не слишком ли трудна и отвлеченна эта статья? Может быть, можно бы заменить однородным по содержанию началом "Христианского учения" (гл. 1--7), где проще и полнее. Озаглавить мне казалось бы: "Сущность христианского учения". Далее рукою Толстого: "Предоставляю решение вам".

2. Февраль. 30 гранок с исправлениями Толстого.

3. Июль. 39 гранок. Штамп типографии т-ва И. Д. Сытина: 21 июля 1908 г.

4. Август. 28 гранок.

5. Сентябрь. 49 гранок. Штамп типографии Сытина: 7 августа 1908 г. На многих гранках исправления рукой Гусева.

X. Сверстанные корректуры второго издания.

1. Листы 7--11 (стр. 97--176), 1--25 февраля с исправлениями Н. Н. Гусева. На л. 1 его рукою: "Тщательно исправив, перепечатать: листы 7, 8. 9, 10 ,11" и подпись Толстого. Дата типографии т-ва И. Д. Сытина: 26 мая 1908 г.

2. Листы 12--19 (стр. 177--304), 21 февраля -- 31 марта с исправлениями Н. Н. Гусева. На л. 1 его же рукою: "Исправив, печатать листы: 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 19" и подпись Толстого. Дата типографии: 14 июня 1908 г.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ "КРУГА ЧТЕНИЯ" (1)

Толстой Л. Н., "В чем моя вера?".
Толстой Л. Н., "Мысли о боге", изд. "Свободного слова", Christchurch 1900.
Толстой Л. Н., "Мысли о смысле жизни", изд. "Свободного слова", Christchurch 1901.
Толстой Л. Н., "Одумайтесь!", изд. "Свободного слова", Christchurch 1904. Отсюда заимствованы изречения разных мыслителей о войне, служащие эпиграфами к отдельным главам статьи.
Толстой Л. Н., "Рабство нашего времени", изд. "Свободного слова", Christchurch 1900.
Толстой Л. Н., "Что такое искусство?"
Толстой Л. Н., "Что такое религия и в чем сущность ее", изд. "Свободного слова", Christchurch 1902.
"Из дневника Л. Н. Толстого" ("Свободное слово" 1903, 4).
"Мысли Л. Н. Толстого (Из неизданных источников)" ("Свободное слово" 1903, 5, стлб. 23--24; 1903, 7, стлб. 19).
Толстой Л. Н., [Отдельные изречения из его Дневников и писем, выписанные Г. А. Русановым, рукопись].
Толстой Л. Н., "Афоризмы и избранные мысли, собранные Л. П. Никифоровым", вып. I, изд. "Посредника", М. 1905.
"Афоризмы, парадоксы и избранные мысли русских писателей. Граф Л. Н. Толстой, собрал М. К.", М. 1903.
Л. Н. Толстой и М. Горький, "Про жизнь и про людей", изд. С. Козмана, Одесса 1902.
"Мысли мудрых людей на каждый день", собраны Л. Н. Толстым, изд. "Посредника", М. 1903. Из этого сборника в "Круг чтения" заимствовано много мыслей разных авторов. Источники "Мыслей мудрых людей" указаны в томе 40.
Амиель Анри, "Из дневника Амиеля", перевод М. Л. Толстой, изд. "Посредника", СПб. 1901.
Архангельский А. И. (Бука), "Кому служить?", рукопись. Издана в 1920 г. в Москве Обществом истинной свободы в память Л. Н. Толстого и издательством коммуны "Трезвая жизнь".

(1) Источники недельных чтений указаны в комментариях к ним.

Балу Адин, "Учение о христианском непротивлении злу насилием", рукопись. Была издана "Посредником" в 1908 г.
Библия.
"Благочестивые мысли и наставления для руководства христианина на

пути к совершенству", изд. Общества распространения полезных книг, третье, М. 1879. Как заявляет составитель в предисловии, входящие в состав этой книжки изречения заимствованы преимущественно из писаний отцов церкви.

Герцен А. И., "С того берега".

Джордж Генри, "Земельный вопрос", перевод С. Д. Николаева. Книга была выпущена "Посредником" в 1908 г.

Джордж Генри, "Избранные речи и статьи", перевод С. Д. Николаева, изд. "Посредника", М. 1905.

Джордж Генри, "Наука политическая экономия", перевод С. Д. Николаева, рукопись.

Джордж Генри, "Общественные задачи", перевод С. Д. Николаева, изд. "Посредника", М. 1906.

Джордж Генри, "Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли?", перевод С. Д. Николаева, изд. "Посредника", М. 1904.

Джордж Генри, "Прогресс и бедность", перевод С. Д. Николаева под редакцией М. И. Туган-Барановского, изд. Л. Пантелеева.

"Душеспасительные наставления св. Василия Великого", изд. "Посредника".

Евангелие.

"Избранные мысли Шиллера и Лессинга", вып. I, изд. "Посредника", М. 1903.

Карлейль Томас, "Загадка сфинкса", перевод Л. П. Никифорова, М. 1900.

"Книга мудрости. Мысли, наблюдения и характеристики, извлеченные из литературы разных эпох и народов", собрал в составил М. Л. Билшток, СПб. 1904.

Мадвини Иосиф, "Избранные мысли", собрал Л. П. Никифоров, изд. "Посредника", М. 1905.

Макаров Н. С., "Энциклопедия ума, или Избранные мысли писателей всех времен и народов".

Наживин И. Ф., "Таблички бабидов" (в книге: "Голоса народов", вып. I, М. 1908).

"Наставления св. Иоанна Златоуста", изд. "Посредника", М. 1888.

Новый завет.

Орлов А. И., "Н. В. Гоголь как учитель жизни", изд. "Посредника", М. 1888.

Паскаль Влез, "Мысли", перевод с французского П. Д. Первова, М. 1899.

Паскаль, "Мысли о религии", перевод с французского С. Долгова, 1902.

Рёскин Джон, "Избранные мысли", перевод Л. П. Никифорова, изд. "Посредника", вып. III, М. 1904.

Русанов Г. А., "Душа Гоголя", изд. "Посредника", М. 1902.

Русские пословицы.

Руссо Ж. Ж., "Исповедание веры савойского викария", перевод А. А. Русановой, изд. "Посредника", М. 1903.
Т. Т[олстая], "Восточная мудрость", изд. "Посредника", М. 1903.
Т. Т[олстая], "250 мыслей философов, поэтов и ученых о вегетарианстве и воздержании", изд. "Посредника", М. 1903.
Торо Генри Давид, "Философия естественной жизни", изд. "Посредника", М. 1903.
Тютчев Ф. И., Стихотворения.
Уильяме X., "Этика пищи", перевод с английского, изд. "Посредника", М. 1893.
"Цветник", сборник, изд. "Посредника", М. 1889.
Эмерсон Р. В., "Высшая душа", перевод с английского Ильи Накашидзе, изд. "Посредника", М. 1902.
Эмерсон Ральф, "О доверии к себе", перевод с английского, изд. "Посредника", М. 1904.
Amiel Henri-Frederic, "Fragments d'un Journal Intime", t. I, II, Geneve 1887.
"Beautiful Thoughts from Greek Authors", with English translation by Craufurd Tait Ramage, L. L. D., London 1895.
"Beautiful Thoughts from Latin Authors", -with English translation by Craufurd Tait Ramage, L. L. D., London 1895.
Channing William Ellery, Passages from his writings, selected by Albert Brodbent, London 1903.
The Earth for all Calender, compiled by Ernest Crosby, New York.
Emerson Ralph Waldo, Passages from his writings, by William G. Garnett, London 1902.
An Emerson's Treasury, selected by Albert Brodbent, London 1903.
Everybody's Book of Proverbs and Quotations, London 1890.
Every day with Thoreau.
Сброшированные листы из неизвестной книги
Freedom, Fellowship and Character in Religion, Unity Mission N 18, Chicago.
The Higher Thougts Calender, F. R. Henderson, London 1904.
Kant-Ausspruche, zusammengestellt von D-r Raoul Richter, Leipzig 1901.
La Bryuere. Les caracteres de Theophraste traduit du grec avec les caracteres ou les moeurs de ce siecle, Paris, Gamier Freres libr. ed.
Lessing-Perlen, Eine Blumenlese aus Lessing Werken von G. Blumenau Bielefeld, Verlag von Aug. Helmich.
Lichtenberg's Ausgewahlte Schriften. Leipzig 1879.
Many Thoughts of many Minds, compiled and analytically arranged by Henri Southgate, 1--2 Series, London, Charles Griffin and Company.
The Message of Man, a Book of ethical scriptures, gathered by Stanton C. Ph. D., London 1902.

Medicine for the Mind from the Story: House of the World's Greatest Thinkers, London, St. Martin's Press.

Morale-Education, Pensees pour chaque jour, Paris 1880.

Moralistes anciens, traduits du grec, Paris 1841.

Les moralistes publies, par Alfred Bougard, Bruxelles 1858.

Pensees de Montaigne, Geneve 1880.

Pensees de Pascal, precedees de sa vie par M-me Perier sa soeur, Paris 1850.

Perpetual Calender with golden thoughts for every day in the year, published by the Theosophical Publishing Society, London.

M-me Quartier, La Tente, Sagesse humaine, Neuchatfl Attingen Freres.

The Sacred Anthology, a Book of ethnical Scriptures, collected and edited by Moncure Daniel Conway, London 1874.

Arthur Schopenhauer. Lichtstrahlen aus seinen Werken von Julius Frauenstadt, Leipzig 1891.

Suggestive Thoughts on Religions Subjects, compiled and analytically arranged by Henri Southgate, London, Charles Griffin and Company.

Vom Baume der Erkenntnis, Fragmente zur Ethik und Psychologic aus dcr WeltHteratur, gesammelt von D-r Paul von Gizycki, Berlin 1898.

The Whim, a Periodical without a tendency, published in Newark, New Jersey.

The World's Advance Thought and the Universal Republic, edited and published by Lucy A. Mallory. Portland, Oregon, 1894--1904.

Мысли, заимствованные из этого журнала, в "Круге чтения" имеют подписи: 1) Люси Малори, 2) Из "Передовой мысли мира".

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

ВОРОВ СЫН

В N 354 "Петербургской газеты" от 25 декабря 1890 г. появился рассказ Лескова "Под Рождество обидели". Сейчас же по выходе рассказа Лесков послал номер газеты Толстому.

15 января 1891 г. Толстой писал В. Г. Черткову: "Посылаю вам рассказ Лескова в Петербургской газете. Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов. И как хорошо бы было, если бы можно было напечатать" (т. 87, стр. 68).

Отрывок из рассказа Лескова, под названием "Воровской сын", был перепечатан в сборнике "Русским матерям", вышедшем под редакцией И. И. Горбунова-Посадова в 1892 г.

В собрания сочинений Лескова рассказ "Под Рождество обидели" не включался.

22 февраля 1905 г., как записано в "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкого, у Толстого с Ф. А. Страховым был разговор о "Круге чтения". Вспоминали Лескова, в том числе его рассказы "Под Рождество обидели" Ь "Христос в гостях у мужика", как материал для недельных чтений. (1) В марте Ф. А. Страхов через свою сестру Л. А. Авилову послал Толстому список рассказа "Под Рождество обидели".

Решив поместить рассказ в "Круг чтения", Толстой сделал в рукописи несколько сокращений и исправлений. Были опущены обращения к читателю в начале и в конце рассказа. В конце выпущен вводный эпизод о знакомом рассказчику купце Андросове. Исключено отступление об орудии -- "кобылке", с которой, по словам рассказчика, воры в их городе отправлялись ночами на промысел. Выпущен конец рассказа.

В первом издании "Круга чтения" рассказ Лескова был помещен как недельное чтение после 21 июля.

Во втором издании "Круга чтения" рассказ Лескова был дан в очень кратком и свободном изложении, сделанном Толстым и озаглавленном "Воров сын". Из двух эпизодов, связанных с воровством, рассказанных

(1) Д. П. Мановицкий, "Яснополянские записки", изд. "Задруга", вып. 2, М. 1922, стр. 57.

Лесковым, Толстой воспользовался только одним. Автограф пересказа не существует, так как Толстой произнес его в фонограф для яснополянских детей, с которыми он в то время (февраль 1908 г.) занимался.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к пересказу Толстым рассказа Лескова:

1. Машинописная копия с исправлениями Толстого. 4 лл. 4°. Заглавие "Воров сын" рукою Гусева. *Начало*: "Собрался в одном городе суд присяжных"; *конец*: "Можно ли по христианскому закону судить людей".

2. Машинописная копия предыдущей рукописи с многочисленными исправлениями Толстого, б лл.4°. Заглавие"Воров сын". Начало и конец те же, что и в предыдущей рукописи. На обложке рукою Гусева: "Переработка рассказа Лескова "Под праздник обидели". Исправления сделаны 19/III--08".

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

Легенда написана Толстым в 1886 г. (см. т. 25). Помещена в "Круге чтения" без изменения текста.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Под таким заглавием напечатаны выдержка из Ламенне и два отрывка из Толстого.

Выдержка из Ламенне заимствована из его книги: "Les Evangiles. Traduction nouvelle avec des notes et des reflexions a la fin de chaque pitre". Pagnere. editeur Perrotin, editeur. Paris 1846, p. 17--18, комментарий к 5-й главе Евангелия от Матфея. Перевод сделан Сергеем Львовичем Толстым. В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр этой книги с пометками Толстого.

Оба отрывка из Толстого заимствованы из книги: "Афоризмы и избранне мысли Л. Н. Толстого", собранные Л. П. Никифоровым, вып. первый, Л. "Посредник", М. 1905, где они помещены под NN 138 и 139. Первый рывок взят с некоторыми изменениями из письма Толстого к В. Г. Черткову от 19 мая 1884 г. (см. т. 85, стр. 60--61). Второй заимствован из XIX главы трактата "О жизни" (см. т. 26, стр. 373--374).

В первом издании "Круга чтения" в первом отрывке был выпущен конец: "Мы суемся туда, сюда и после миллиардов ложных путей узнаем единственный истинный, и он устанавливается. И потому мы разумом знаем, что это так должно быть, и всем существом чувствуем это". Во втором издании "Круга чтения" в обоих отрывках были произведены автором изменения и новые сокращения текста.

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ

Выдержка содержит семь разделов первой части трактата Толстого "Христианское учение", написанного им в 1894-1897 гг. (см. т. 39). Появилась впервые во втором издании "Круга чтения".

Была помещена взамен напечатанного в первом издании недельного чтения, озаглавленного "Закон" и содержащего отдельные места из трактата Толстого "О жизни" (1887).

РАЗУМ

Недельное чтение под таким заглавием содержит отрывки из сочинений двух авторов.

Первый отрывок принадлежит Шопенгауэру и взят из его сочинения "Мир как воля и представление", т. II ("Дополнение к первой книге"), гл. VI ("По поводу учения об отвлеченном познании или познании разумом"). Толстой отметил соответствующее место в книге: "Arthur Schopenhauer. Lichtstrahlen aus seinen Werken" von Julius Frauenstadt. 7 Auflage F. A. Brockhaus, Leipzig 1891. Перевод был сделан неизвестным лицом. На последней странице рукописи этого перевода, содержащей 2 лл. 8, исписанных с обеих сторон, имеется несколько исправлений Толстого.

Второй отрывок был предложен Ф. А. Страховым из его собственных, в то время не напечатанных заметок.

БУДДА

Статья написана Толстым. Фактические сведения о жизни Будды, приводимые Толстым в этой статье, заимствованы им из статьи "Буддизм", помещенной в 8 полутоме Энциклопедического словаря издания Брокгауза и Ефрона (стлб. 840--848). На это указывают также имеющиеся в статье три ссылки -- в начале (зачеркнутая): "В Лексиконе стр. 840" и в конце: "(Леке. 844)" и "Леке. стр. 842". Ссылки эти давали указания переписчикам на то, что сюда надо было поместить отмеченные Толстым выдержки из статьи "Буддизм". Экземпляр восьмого полутома Энциклопедического словаря издания Брокгауза и Ефрона сохранился в яснополянской библиотеке. Толстой сделал не только ряд отметок, но и ряд исправлений текста, имея в виду отдельные места из этой статьи включить в свою статью о Будде.

Сохранились следующие рукописи этой статьи:

1. Автограф. 4 лл. 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. Статья написана на согнутых пополам полулистах писчей бумаги, служивших обложками для отделов "Круга чтения", что видно из имеющихся на них надписях: "Тайна" (рука Н. М. Сухотиной), "Прощение обид" (рука ее же), "Страдание", из которых лл. 1, 2, 4 и 5 -- 4°, а л. 3 -- почтового формата (рука Ю. И. Игумновой). *Начало*: "В нескольких днях пути"; *конец*: "старайся познать истину".

2. Копия предыдущей рукописи рукою X. Н. Абрикосова, 5 лл. Все листы исписаны с обеих сторон. *Начало*: "В нескольких днях пути": *конец*:

"старайся понять истину". Исправления Толстого многочисленны. Во многих местах прежний текст целиком зачеркнут и между строк написан новый текст. Л. 3 содержит вставку к л. 4, в которой Толстой излагает одно из тех двух мест статьи "Буддизм", которые он отметил в автографе, но она не была списана переписчиком.

3. Копия предыдущей рукописи рукою М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского, Т.Л.Сухотиной и Ю.И. Игумновой. 9 лл. 4°, исписанных, кроме гл. 3, 7 и 9, с обеих сторон. На всех листах рукописи автором сделан ряд исправлений и сокращений текста.

При переписке лл. 1--4 и 7--9 были переложены в следующую рукопись, после чего в рукописи осталось 2 лл. *Начало* л. 1: "в переселении душ"; *конец* л. 2: "этого учения выражены в".

4. Копия предыдущей рукописи рукою М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского, Т. Л. Сухотиной, X. Н. Абрикосова и Ю. И. Игумновой. 8 лл., исписанных, кроме лл. 3, 6 и 8, с обеих сторон. Лл. 1--4 и 6--8 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "В нескольких днях пути"; конец: "тихо ушел из этой жизни". Эта рукопись составила часть наборной рукописи первого издания "Круга чтения".

Для второго издания "Круга чтения" статья была совершенно переработана автором в корректурах.

Ошибка переписчика: "понять истину" вместо "познать истину", вошедшая в текст обоих изданий "Круга чтения", исправлена в настоящем издании.

САМООТРЕЧЕНИЕ

Недельное чтение под этим названием содержит три отрывка: один -- Ф. Ламенне и два -- Толстого.

Отрывок из Ламенне взят из его книги "Les Evangiles", 1846, стр. 403, комментарии к двенадцатой главе Евангелия от Иоанна. Сохранилась рукопись перевода этого отрывка, написанная рукою Н.М. Сухотиной на 1л. 8°. Сверху на этом листе рукой Толстого сделана вставка, содержащая начало отрывка, от слов: "И для самых твердых людей", кончая: "и мучения и крестную смерть". Еще выше его же рукою помечено название отдела, к которому первоначально отнесена была выдержка: "Уныние. Воскр[есенье]". В дальнейшем тексте Толстым было сделано несколько поправлений стилистического характера.

Вписанный Толстым текст был переписан X. Н. Абрикосовым, и копия подклеена на верхнюю часть листа так, что текст Толстого оказался за-

клеенным (в настоящее время он отклеен, но сильно попорчен). Рукою X. Н. Абрикосова указан отдел "Круга чтения", к которому была отнесена данная выдержка -- "Самоотречение".

Под этим заглавием данный отрывок, к которому были присоединены еще два отрывка из Толстого, и был напечатан в "Круге чтения". Оба отрывка из Толстого взяты из "Афоризмов и избранных мыслей Л. Н. Толстого", составленных Л. П. Никифоровым, NN 243 и 164. Первый ("Для того, чтобы точно, не на словах...") заимствован из статьи "Первая ступень" (см. т. 29, стр. 69). Во втором ("Чем больше жертва, тем больше любви.,.") соединены две выдержки из статьи "О голоде" (см. т. 29, стр. 110).

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Отрывок содержит XXI главу третьей части романа "Воскресение" и помещен во второе издание "Круга чтения" без изменения текста. Заглавие "Свободный человек" было обозначено Толстым на списке выдержки, сделанном Гусевым для корректуры второго издания "Круга чтения".

АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ

Легенда, принадлежащая персидскому поэту Аттару (1119--1229), переведена из книги: "The Sacred Anthology. A Book of ethical Scriptures", collected and edited by M. D. Gonway, London 1874, p. 133--134.

МОЛИТВА

Рассказ "Молитва" несомненно связан с легендой, слышанной Толстым от олонецкого крестьянина-сказителя В. П. Щеголенка, гостившего в Ясной Поляне летом 1879 г. В Записной книжке 1880 г. среди других легенд, записанных от Щеголевка, имеется конспективная запись и легенды об иноке и ангеле. В ней, между прочим, рассказывается о том, что ангел велел иноку заколоть младенца -- ребенка тех родителей, которые приютили и накормили их обоих. Когда инок спросил ангела, зачем он

велел ему заколоть младенца, ангел ответил: "А все в этом доме в раю будут, а только этот младенец был бы пьяница, убивец, а теперь в раю будет" (т. 48, стр. 199).

Об этой легенде Толстой вспомнил через двадцать пять лет по следующему поводу.

Одним американцем была прислана Толстому газета, в которой описывалась катастрофа на детском пароходе во время увеселительной прогулки. Эта катастрофа повлекла за собой гибель около тысячи человек, преимущественно детей и женщин. В сопроводительном письме американец высказал мысль, что гибель такого большого количества детских жизней может вызвать неверие. В связи с этим газетным сообщением и письмом Толстой, по словам А. Б. Гольденвейзера, сказал своей дочери Марии Львовне: "Я вспоминаю всегда удивительную легенду, которую мне рассказал один архангельский мужик еще давно. Мне давно хотелось ее написать, может быть я это и сделаю когда-нибудь. Я не буду ее вам рассказывать. Кончается она тем, что ангел, убивший ребенка, говорит родителям, чтобы они не горевали, так как если бы этот ребенок остался жив, он сделался бы величайшим злодеем. Никто не может знать, зачем нужна его жизнь или смерть". (1)

Но еще до этого разговора Толстой задумал обработать эту легенду. На оборотной стороне одного из черновых листков "Хаджи Мурата", относящихся, видимо, также к 1903 г., рукой Толстого сделана запись задуманных им сюжетов и в числе их значится "Ангел, убивший ребенка" (т.54,стр. 340). В листках из Записной книжки 1904г. среди проектируемых воскресных чтений для "Круга чтения" записан рассказ на тему: "Ангел велит убить ребенка" (т. 55, стр. 302). Но вместо обработки щеголенковской легенды Толстой написал рассказ, родственный легенде по своему внутреннему смыслу. Возможно, что, описывая в этом рассказе болезнь и смерть ребенка от головной водянки, -- Толстой вспоминает о семейном горе

(1) А. Б. Гольденвейзер, "Вблизи Толстого", т. I, М. 1922, стр. 138, записи 2 и 4 июля 1904 г. Здесь олонецкий крестьянин Щеголенок ошибочно назван архангельским мужиком.

в своей семье -- о смерти 20 февраля 1875 г. его десятимесячного сына Николушки, умершего от той же болезни. (1)

Основная работа Толстого над рассказом приходится на начало мая 1905 г. и, быть может, на двадцатые числа апреля. 4 мая этого года, после двухнедельного перерыва он записал в Дневник: "За это время окончил "Великий грех". Написал рассказ на молитву. Казалось хорошо и умилялся

во время писания, а теперь почти не нравится". Четвертым мая датирована уже третья редакция рассказа (см. ниже описание рукописи N 3). После этого в результате двукратных вторских исправлений текста возникла четвертая редакция (см. описание рукописей NN 4 и 5). Наконец, немногочисленные сравнительно поправления сделаны были дважды в корректуре (в гранках и в листах), К рассказу "Молитва" относятся следующие рукописи:

1. Автограф в тетради в кожаном переплете на листах 77--84. К лигам 78 и 83/об. приложено по одной вставке. Первая вставка -- на первой странице почтового листа (остальные три страницы заняты письмом к Толстому I. Gallup на английском языке от 26 апреля н. ст. 1905 г.), вторая -- на полулисте почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон. Заглавие -- "Молитва". *Начало*: "Да нет, нет, нет. Не может быть" *конец*: "это была истинная, святая правда". После слов: "Ему никак нельзя всех слушать" т. 41, стр. 130, строка 18, зачеркнуто:

"Вот пожалуйте сюда, говорит Матрена-Ангел, и она вдруг идит себя в какой-то прекрасной церкви. У алтаря в золотых ризах стоят церковнослужители, там и поют и читают, а в самой церкви в мундирах генералы, камергеры, статс-дамы, фрейлины и впереди государь и государыня, и они все становятся на колени и старенький благообразный архиерей в митре читает молитву о даровании победы русскому царю и воинству. И не успел еще дочитать архиерей молитвы, как всё это скрывается, в она видит себя".

2. Рукопись на 9 лл. 4° и 2 обрезках, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Не вполне исправная копия автографа. Два обрезка -- верхняя и нижняя часть третьего листа, середина которого была перенесена в рукопись, описанную под N 4. *Начало*: "Нет, нет и нет. Не может быть"; *конец*: "кто знает, что бы было". В рукописи ряд существенных исправлений Толстого. Наиболее существенные исправления, сделанные в основной рукописи, следующие:

После слов "ведь не одно это", стр. 130, строка 35, зачеркнуто:

"Это они сплошь да рядом делают. Вот теперь самый покос. Жара стоит, вы сами, барыня, жаловались, что дышать нельзя, земля растрескалась, всё засохло. Мужики образа подняли, дождя просят и молитвы читают, а я верно

(1) Болезнь и смерть ребенка и впечатление, произведенное этой смертью на мать, подробно рассказаны С. А. Толстой в ее письме к Т. А. Кузминской от 23 февраля 1875 г. (ГМТ. архив Т. А. Кузминской). Ряд

подробностей, заключающихся в этом письме, совпадает с тем, что говорится в рассказе.

знаю, вы сами сказывали, что Пироговский барин скосил луга и всё молился к тому же богу, чтобы вёдро простояло. Как же ему угодить? Он бы и рад, я знаю, потому что я докладываю, да никак не угодить всем.

-- Всё глупости. Это молятся глупые, суеверные люди, и о пустяках или из корысти и просят друг против друга, а разве тоже, когда мать просит его спасти невинную жизнь? Это никому не мешает".

После слов "его особенный милый смех", стр. 131, строка 35, зачеркнуто: "вылетающий из раскрытого милого ротика с редкими, не переменившимися еще зубками". После слов: "Ты ведь не знаешь, чем он был бы", стр. 132, строка 28, следует: "а мы знаем. И ВОТ смотри, чем он был бы". И далее -- продолжение абзаца, отчеркнутое сбоку чертой, рядом с которой рукой Толстого написано "пропустить":

"Вот он гимназист, у него синева под глазами, начинают вырастать усы, которым он радуется, они собрались, курят и пьют и говорят гадости, и твой Костя середь их. А вот он уж кончил курс, подбородок бритый, усы подняты фикстуаром стрелами кверху, на маковке плешь, которую он не видит, но которую все видят. Он сидит с женщиной, одной из тех, которые возбуждают в тебе ужас, отвращение и жалость, и обнимает ее".

Вслед за этим зачеркнуты следующие строки:

"А вот он женат и ненавидит жену, и она его, и дети, которых они не любят, связывают их, и они не могут разойтись. А вот он, разорившись, делает нечистое денежное дело и, чтобы забыться, всё чаще и чаще пьет. И вот он почти плешивый, седоватый, одутловатый, морщинистый, подбадривающийся искусственными средствами. А вот он один после свидания с взрослым сыном, который не словами, но всем своим обращением с ним показывает свое презрение к нему; вот он один выпил целую бутылку хересу и, закрыв лицо руками, качается и плачет горькими слезами о своей погубленной жизни".

Вместо зачеркнутого написан абзац, близкий к абзацу печатного текста -- "И вот мать видит", стр. 132, строка 29.

3. 4 лл. 4° и 8 обрезков, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Весь этот материал первоначально входил в состав

рукописи, описанной под N 4, но так как в нем сделано особенно много исправлений, он, будучи переписан, удален из этой рукописи. На последнем листе дата -- 4 мая 1905 г., написанная рукой Толстого.

4. Рукопись на 17 большей частью склеенных из нескольких частей листах, написанная на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и М. А. Шмпдт и исправленная рукой Толстого. Написанное на машинке -- копия текста рукописи, описанной под N 2, написанное Игумновой и Шмидт -- копии листов и обрезков, описанных под N 3 и первоначально входивших в состав данной рукописи. Листы нумерованы (1 --16). В конце текста дата: 4 мая 1905 г., проставленная рукой переписчика. С этой рукописи, представляющей собой полный текст "Молитвы", судя по типографским пометкам и свинцовым пятнам, производился набор для "Круга чтения". Исправления в рукописи делались дважды, как в этом убеждает знакомство с рукописью, описанной под N 5.

5. Рукопись на 20 листах (10 нумерованных, согнутых пополам полулистов писчей бумаги), исписанная с одной стороны рукой М. А. Шмидт и Н. М. Сухотиной (последняя четвертушка чистая). Копия предыдущей рукописи, в которой рукой Толстого карандашом вписано слово "подушку", не разобранное переписчицей. Рукой Т. Л. Сухотиной сделаны поправки в тексте, написанном рукой Шмидт. Очевидно, после того, как Шмидт переписала рукопись N 4, она была вторично исправлена Толстым, и эти вторичные поправки внесены были Т. Л. Сухотиной в данную рукопись.

6. Корректура издательства "Посредник" на трех сохранившихся гранках, набранная для "Круга чтения" по рукописи N 5, с поправками рукой Толстого. Первая гранка, содержащая начало рассказа, утрачена. *Начало*: "Как хорошо, что он жив". Исправления здесь, главным образом, стилистического характера. Кое-какие фразы и слова зачеркнуты.

7. Второй экземпляр (полный) корректуры на четырех гранках, в которую рукой И. И. Горбунова-Посадова перенесены исправления, сделанные в первом экземпляре (N 6) рукой Толстого. Отмечаем эту корректуру, так как в ней сохранилась утраченная в предыдущем экземпляре первая гранка, дающая представление о тех исправлениях (также преимущественно стилистических), какие в ней были сделаны Толстым.

В типографию рассказ был отправлен вскоре же после написания: первые корректурные гранки его имеют типографский штемпель с датой 13 мая 1905 г.

"Молитва" была напечатана впервые в первом томе "Круга чтения" в качестве недельного чтения после 25 февраля. Она заменила собой первоначально набранную для этого числа легенду Толстого "Три старца".

Судя по тому, что текст рассказа в "Круге чтения" отличается от текста правленных корректур, описанных под NN 6 и 7, была еще одна, до нас не

дошедшая корректура, правленная Толстым в сверстанных листах. Исправления в этой недошедшей корректуре сделаны были на трех последних страницах.

Во втором издании "Круга чтения" подверглось цензурному изъятию одно место в "Молитве" -- от слов: "Вот сейчас" кончая словами: "Японцы тоже молятся, чтобы им победить" (стр. 130, строка 20).

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Стихотворение В. Гюго "Les pauvres gens", входящее в состав его "La legende des siecles", принадлежало к числу любимейших литературных произведений Толстого. В трактате "Что такое искусство?" (гл. XVI) Толстой относит "Les pauvres gens" к числу "образцов высшего, вытекающего из любви к богу и ближнему, религиозного искусства" (т. 30, стр. 160).

В "Круг чтения" Толстой поместил прозаический перевод стихотворения Гюго, принадлежащий Л. И. Веселитской (В. Микулич) и озаглавленный "Бедные люди". Он был напечатан в общедоступном издании "Посредник" (М. 1904).

3 марта 1905 г. И. И. Горбунов-Посадов писал Толстому: "Моя корректорша А. И. Борисова, старинный друг "Посредника", удивилась, что вы поместили в "Круге чтения" не перевод в стихах "Бедных людей", а прозаическое изложение Микулич. Она так обрушилась на меня с тем, что все будут укорять вас, что вы поместили в "Круге" изложение для детей и народа, а не перевод подлинника, что я решил еще раз послать вам то и другое на окончательное решение... Пожалуйста, телеграфируйте окончательное ваше решение" (ГМТ).

Вместе с этим письмом И. И. Горбунов-Посадов послал Толстому прозаический перевод В. Микулич в издании "Посредник" и стихотворный перевод А. П. Барыковой, перепечатанный в книжечке ее стихотворений, выпущенной тем же издательством под названием "На память внукам". Прочитав то и другое, Толстой 4 марта 1905 г. отвечал Горбууову-Посадову: "Разумеется, прозаический перевод лучше. Я еще просмотрел его и кой-где изменил, но боюсь, что неверно с подлинником, которого у меня нет. Надо бы проверить. Это такая классическая вещь, что портить ее грех. Если можно, проверить или поручите кому проверить, или пришлите мне подлинник" (т. 75, стр. 229).

В переводе В. Микулич Толстым были произведены некоторые исправления и значительные сокращения. Экземпляр перевода Микулич в издании

"Посредник" с исправлениями Толстого сохранился; книжка входила в состав наборной рукописи первого издания "Круга чтения". 5 марта 1905 г. Толстой вновь пишет И. И. Горбунову-Посадову: "Я вам писал о "Бедных людях". Эту записку вам перешлет Софья Александровна Стахович, я ее просил просмотреть перевод с подлинниками. Ей можно вполне доверить, и она сейчас же исправит, если что нужно" (т. 75, стр. 230).

В ответ на это письмо И. И. Горбунов-Посадов 11 марта писал: "В прозаическом изложении стихотворения Гюго "Бедные люди", которое вы окончательно назначили к печати вместо стихотворного его перевода, С. А. Стахович переменила несколько лишь слов" (ГМТ).

В конце марта 1908 г. Толстым были получены корректуры первых месяцев второго издания "Круга чтения". Прочитывая их, он нашел изложение Микулич, как сказал он Гусеву, "очень скверным" и решил переработать его. Ему хотелось в своем изложении как можно ближе придерживаться подлинника. 30 марта он писал жене, находившейся тогда в Москве: "Если вспомнишь, Pauvres gens V. Hugo. Я просил Ивана Ивановича [Горбунов-Посадов], Машу [М. Н. Толстая, жена Сергея Львовича Толстого], кажется, тебя (боюсь, что нет), и не получил, а мне нужно для корректур Круга чтения" (т. 84, стр. 382).

По-видимому, С. А. Толстая привезла из Москвы французский теки стихотворения Гюго (в яснополянской библиотеке имеется "La Legende des siecles" в парижском издании I. Hetzel, Librairie Editeurs, без обозначения года), и Толстой приступил к переработке изложения Микулич. Рукопись этой переработки сохранилась: это 20--24 страницы первого издания первого тома "Круга чтения", на которых было напечатано изложение Микулич.

Изложение "Бедных людей", сделанное Толстым для второго издания "Круга чтения", со всеми зачеркнутыми местами напечатано в "Сборнике Государственного Толстовского музея", Гослитиздат, М. 1937, стр. 12--17.

ЕДИНЕНИЕ

Выдержка под таким заглавием принадлежит А. Шопенгауэру и взята из его сочинения "Об основе морали", ╖ 22 ("Метафизическая основа"). Толстой отметил эту выдержку в книге: "Arthur Schopenhauer. Lichtsstrahlen aus seinen Werken" von Julius Frauenstadt, откуда она была переведена для "Круга чтения".

МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Одно из "Стихотворений в прозе" И. С. Тургенева. В тексте его Толстым был произведен ряд сокращений: 1) В начальной фразе: "Я плыл из Гамбурга" выпущены слова: "на небольшом пароходе". 2) После предложения: "Море растянулось" выпущен абзац от слов "Оно казалось невеликим" до слов "поглощенная мглою".

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

В первой главе своего трактата "Царство божие внутри вас" Толстой поместил свободный и сокращенный перевод "Катехизиса непротивления", написанного американским религиозным мыслителем Адином Балу (см. т. 28). В "Круг чтения" была взята без всяких изменений выдержка из этого перевода. К подписи Балу было сделано небольшое подстрочное примечание, написанное Толстым и дающее краткую характеристику сочинений Балу.

СУРАТСКАЯ КОФЕЙНАЯ

Рассказ Толстого, написанный в 1887 году. Историю писания его см. в т. 29, стр. 381--382. В "Круге чтения" помещен без изменения текста.

КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Толстой на протяжении многих лет не раз вспоминал один из рассказов сказителя былин В. П. Щеголенка, который гостил у него в 1879 году.

Так, например, в Дневнике под 13 декабря 1897 г. он перечисляет тринадцать сюжетов, "которые стоит и можно обработать как должно"; четвертым номером здесь значится: "рассказ Петровича -- мужа, умершего странником" (т. 53, стр. 170). "Петровичем" -- Толстой называет здесь В. П. Щеголенка.

Начав в 1905 г. составлять список рассказов, которые он имел намерение

написать для недельных чтений "Круга чтения", Толстой прежде всего вспомнил рассказ на сюжет заслышанный им от Щеголенка. В составленном нм в феврале 1905 г. списке "рассказов к воскресеньям", как он называл тогда недельные чтения, первым записан сюжет: "ушедший странствовать от жены" (т. 55, стр. 301).

Рассказ был начат, как помечено рукою А. Л. Толстой на обложке автографа, 22 февраля 1905 г., а закончен, как показывает авторская дата в конце рукописи, 25 февраля. В Дневнике Толстого есть две записи о работе над рассказом. 24 февраля: "Начал писать Корнея Васильева. Плохо"; 28 февраля: "Дописал Корнея. Порядочно" (т. 55, стр. 125). Рассказ, как это видно по черновым рукописям, переделывался автором тринадцать раз. Работа производилась с перерывами. На одной из сохранившихся обложек черновой рукописи рассказа рукою М. Л. Оболенской проставлена дата: "Апрель 1905 г."; на других обложках даты рукою А. Л. Толстой: 8 и 9 мая 1905 г.; на одном листе рукописи дата рукою М. А. Шмидт: "15 мая 1905 г.",

В "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкого (рукопись) работа над "Корнеем Васильевым" отмечена также 18 мая 1905 г.

Корректурные гранки "Корнея Васильева" имеют штамп типографии -- 18 мая 1905 г.; они были получены Толстым числа 20--21 мая. В корректурах рассказ вновь подвергся большой правке.

Рукописи и корректуры, относящиеся к "Корнею Васильеву", сохранились почти полностью. Они следующие:

1. Автограф. 10 лл., из которых 5 лл. 4°, 4 лл.формата развернутого почтового листа, 1 л. почтового формата + 4 лл. обложек. Листы исписаны с обеих сторон. Лл. 5--6 написаны на письме к Толстому попечителя Казанского учебного округа от 21 января 1905 г. Заглавие: "Чем был и чем стал". Дата рукою Толстого: "25 фев. 1905". Деление на главы: I--VI. *Начало*: "Корней Васильев был человек гордый"; *конец*: "и не было дыханья".

Ввиду того, что в дальнейшем рассказ подвергся значительной авторской переработке, автограф дается целиком в вариантах под N 1.

2. Машинописная копия с автографа. Первоначально заключала 23 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Все листы с отогнутыми полями. Дата машинописью, очевидно ошибочно списанная с автографа: "28 февраля 1905 г.". Заглавие: "Корней Васильев".

Рукопись подверглась значительной авторской переработке. В главе I к биографии Корнея Васильева Толстой прибавляет упоминание о том, что он "отбыл военную службу в гвардейском полку старшим унтер-офицером и каптенармусом" и сорока лет женился вторично. В той же главе приводится более подробно разговор Корнея с женой после побоев и прибавляется рассказ об избиении девочки и упреках матери. В главе II в

описании жизни Марфы после ухода Корнея в предложении: "Марфа выздоровела, и Евстигней остался жить, и жил с ней как с женой" -- Толстой заменяет *слова*: "и жил с ней как с женой" словами: "и жил у ней в работниках".

В процессе переписки нижняя часть л. 1, лл. 2--5, верхняя часть л. 6, лл. 10--23 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукопией осталось 5 лл., из которых 3 лл. в 4° и 2 лл.-- обрезки. *Начало* л. 1: "Корней Васильев был человек гордый"; *конец* л. 5: "не стало слуха про него".

3. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 24 лл., исписанных с одной стороны. Все листы с отогнутыми полями.

Первые четыре строки автором зачеркиваются; лл.1 и 2 переставляются, так что рассказ начинается теперь со слов: "Корнею Васильеву было 54 года". (Изменен возраст Корнея: в автографе ему 44 года.) Далее следует л. 1, описывающий семью Корнея и его хозяйство. Вводятся изменения в биографию Корнея: он не старшина, а уездный гласный; он женится во второй раз "уже немолодым вдовцом" вместо зачеркнутого "40 лет"; увеличивается степень материального благосостояния Корнея: указывается, что у него "были отложены в банке деньги". В характеристике Евстигнея прозвище "Черный" меняется на "Белый". Уменьшается возраст детей Корнея: мальчика -- с 10 до 8 лет, девочки -- с 8 до 2. В разговоре Марфы с мужем прибавлено, что она смотрела на него "смеющимися глазами", и "эти смеющиеся глаза и повторение слова Евстигней всё сказали ему".

В процессе переписки л. 1, верхняя часть л. 4 и лл. 8--24 переложены в следующую рукопись; после чего в данной рукописи осталось 6 лл., из которых 5 лл. 4° и 1 л.-- обрезок. *Начало* л. 1: "(Корней Васильев был человек гордый}"; *конец* л. 6: "что жена его была злая женщина. Он".

Даем из данной рукописи вариант N 2 -- описание приезда Корнея.

4. Машинописная копия предыдущей рукописи. Первоначально заключала 24 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Все листы с отогнутыми нолями. Лл. 1, 8--24 переложены из предыдущей рукописи. В главе I в разговоре Корнея с Кузьмой пословица: "Шила в мешке не утаишь" заменяется другой -- "Не верь лошади в поле, а жене в доме". В описаании встречи Корнея с Евстигнеем прибавлено:

"Разве можно, чтобы меня на него поменяла, подумал Корней, взглянув на смирное, покорное лицо".

Вводится новое лицо -- пришедший к чаю крестьянин Липат, которому Корней рассказывает про Москву.

В конец главы I делается большая вставка -- подробное описание отъезда

Корнея из дома. На обороте л. 21 большая вставка -- описание сына Корнея Федора и немого племянника и их отношения к Корнею, как к нищему.

В процессе переписки лл. 2--3, средняя часть л. 7, средняя часть л. 10, лл. 11--22 и 24 были переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 9 лл., из которых 7 лл. 4° и 2 лл. -- обрезки. *Начало* л. 1: "Корнею Васильеву было 54 года"; конец, л. 9: "за углом дома".

Даем из данной рукописи варианты NN 3, 4 и 5 -- описание приезда и первых разговоров Корнея, избиения им жены и отъезда из дома.

5. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою М. Л. Оболенской. Первоначально заключала 36 лл., исписанных с одной стороны, за исключением л. 31, оборот которого заполнен авторской вставкой. Все листы с отогнутыми полями. Лл. 2--3, верхняя и средняя часть л. 11, верхняя часть л. 20, лл. 21--22, нижняя часть л. 26, лл. 27--31, средняя часть л. 35 и л. 36 переложены из предыдущей рукописи.

В главе I в биографии Корнея зачеркивается упоминание о том, что он был на военной службе старшим унтер-офицером. Вновь изменяется характеристика Евстигнея. В предыдущей рукописи Евстигней был "тихий, смирный, работящий мужик", теперь: Евстигней был белокурый, длинноносый, невзрачный малый, робкий и суетливый.

Дочери Корнея дается имя Агашка, а имя сына -- Федька -- меняется на Ваську. Вводится новая подробность: перед объяснением с мужем Марфа долго молится. В рукописи произведены большие сокращения; вычеркнута вся беседа Корнея со старцем, имевшаяся в первом автографе.

В процессе переписки л. 1, средняя и нижняя части л. 2, средняя часть л. 3, верхняя и нижняя части л. 4, л. 5, нижняя часть л. 9, лл. 10--18, верхняя часть л. 20, верхняя и нижняя части л. 21, лл. 22--23, нижняя часть л. 26, лл. 27--32, верхняя часть л. 33, л. 34, нижняя часть л. 35 и л. 36 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 17 лл., из которых 6 лл. 4° и 11 лл. -- обрезки. Начало л. 1: "Он 20 лет тому назад"; конец л. 17: "рады странному человеку". Из данной рукописи даем вариант N 6 -- описание душевного состояния Корнея перед избиением жены и ее молитвы перед сном.

6. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской. Первоначально заключала 37 лл., исписанных с одной стороны, за исключением л. 32. Все листы с отоггутыми полями. Л. 1, средняя и нижняя части л. 2, средняя и нижняя части л. 3, верхняя и средняя части л. 4, лл. 5--6, нижняя часть л. 12, лл. 13--24, нижняя часть л. 27, лл. 28--35, нижняя часть л. 36 и л. 37 переложены из предыдущей рукописи.

Из биографии Корнея исключается упоминание о том, что на военной службе он был каптенармусом.

В процессе переписки средняя часть л. 2, средняя часть л. 3, средняя

часть л. 4, лл. 6--8, 12--13, нижняя часть л. 14, лл. 15--24, верхняя часть л. 25, верхняя часть л. 26, лл. 27--37 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 14 лл., из которых 5 лл. 4° и 9 лл. -- обрезки. Начало л. 1: "Корнею Васильеву было 54 года"; конец л. 14: "перестал и стал просить милостыню".

7. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской. Первоначально заключала 39 лл., исписанных с одной стороны, за исключением л. 34. Все листы с отогнутыми полями. Лл. 2--4, средняя часть л. 5, лл. 7--9, нижняя часть л. 13, лл. 14, 16--23, верхняя часть л. 24, л. 25, верхняя часть л. 26, лл. 27--37, нижняя часть л. 38 и л. 39 -- переложены из предыдущей рукописи.

В главе I исключено упоминание о вторичном избиении Корнеем жены.

В начале главы III делается большая вставка о жизни Корнея после ухода из дома. Далее вычеркивается:

Дошел до ночлежного дома. Шел год, другой, третий. Он совсем опустился. Он не видел, как прошли года. Сначала он скрывал от людей, стыдился, потом перестал стыдиться и стал просить милостыню.

При переписке верхняя часть л. 1, лл. 2--14, верхняя часть л. 15, верхняя часть л. 16, нижняя часть л. 20, нижняя часть л. 23, средняя часть л. 25, верхняя часть л. 28 и лл. 30--39 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 18 лл., из которых 9 лл. 4° и 9 лл. -- обрезки. *Начало* л. 1: "Он 20 лет тому назад"; *конец* л. 18: "в 7 верстах от дома". Из данной рукописи даем вариант N 7, описывающий душевное состояние Корнея перед избиением жены.

8. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской. Первоначально заключала 37 лл., исписанных с одной стороны, за исключением л. 32. Все листы с отогнутыми полями. Верхняя часть л. 1, лл. 2--16, средняя часть л. 17, л. 20, средняя часть л. 23, верхняя часть л. 26 и лл. 28--37 переложены из предыдущей рукописи.

В главе I изменяются некоторые фразы и слова, касающиеся объяснения Корнея с женой.

Вводятся новые подробности в описание отъезда Корнея из дома. Прибавлены обращенные к нему слова Марфы: "За что ты убил меня, за что?". Корнея провожает сынишка, имя которого "Васька" переменяется опять на "Федьку".

В главе II дается новое название той деревне, где проживал Корней -- Гаи. В начале главы III вновь переделывается описание жизни и душевного состояния Корнея после ухода из дома.

При переписке лл. 1--9, 17, 20 и 26--37 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 14 лл. Начало л. 1: "Корней развязал чемодан"; конец л. 14: "(И то не находил)".

9. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской. Первоначально заключала 34 лл., исписанных с одной стороны, за исключением листа 29. Все листы с отогнутыми полями. Нижняя часть л. 20 со слов (по предыдущей рукописи): "А ну его, десятского", кончая словами: "за 4 версты от Гаев" -- не найдена. Лл. 1--9, 15, нижняя часть л. 18 и лл. 23--34 переложены предыдущей рукописи.

Исправления Толстого в данной рукописи сравнительно незначительны. В процессе переписки лл. 1--3, верхняя часть л. 4, л. 6, нижняя часть

10. лл. 11--12, верхняя часть л. 13, лл. 15--17, нижняя часть л. 18 п: 19--34 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 9 лл., из которых 5 лл. 4° и 4 лл.-- обрезки. Начало л. 1: "Ну, ладно, давай что ль"; конец л. 9: "у кот[орого] продавался лес".

10. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской. Первоначально заключала 33 лл., исписанных с одной стороны, за исключением л. 28. Все листы отогнутыми полями. Нижняя часть л. 19 (в предыдущей рукописп 20) -- не найдена. На л. 11 имеется вклейка -- копия с заклеенного текста с имеющимися на нем поправками Толстого. На обороте л. 23 помета рукою М. А. Шмидт: "Черновики Кор. Васильев 1905 года 15 мая". Лл. 1--6, нижняя часть л. 9, лл. 10--12, 14--16, нижняя часть л. 17 и лл. 18--33 переложены из предыдущей рукописи.

В главе I восстанавливается исключенное в рукописях NN 5 и 6 упоминание о том, что Корней на военной службе был старшим унтер-офицером и каптенармусом. Прибавляется новая подробность о том, что дела его шли так хорошо, что у него собралось "несколько тысяч денег".

При переписке лл. 3--8, нижняя часть л. 10, лл. 13--16, 18--21 и 24--33 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 12 лл., из которых 6 лл. 4° и 6 лл.-- обрезки. *Начало* л. 1:"Корнею Васильеву было 54 года"; *конец*, л. 12: "в 7 верстах от дома".

Из данной рукописи даем вариант N 8 -- рассказ о Корнее во время его бездомной жизни.

11. Копия предыдущей рукописи -- частью машинописная, частью рукою Д. П. Маковицкого, Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской и М. А. Шмидт. 36 лл. 4°, исписанных с одной стороны, за исключением лл. 31 и 36. Все листы с отогнутыми полями. Нижняя часть л. 22 (в предыдущей рукописи л. 19) не найдена. Лл. 3--8, верхняя часть л. 12, лл. 16--19, 21--24, 27--36 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "Корнею Васильеву было 54 года"; *конец*: "и глаза остановились (и не было движения дыханья)".

Рукопись значительно переработана автором.

Даем из данной рукописи два варианта -- NN 9 и 10, касающиеся периода скитаний Корнея и его возвращения домой.

12. Машинописная копия предыдущей рукописи. Первоначально заключала 28 лл., исписанных с одной стороны. Все листы с отогнутыми полями.

В главе IV вводится новое лицо -- внук Корнея, "черноглазый мальчик в новых лаптях". В конце главы V делается большая вставка -- описание прихода Марфы в дом дочери, где умер Корней. В следующей рукописи этим эпизодом заканчивается рассказ.

В процессе переписки лл. 1--10, нижняя часть л. 11, л. 12, средняя часть л. 13, верхняя часть л. 15, л. 16, верхняя часть л. 17, лл. 18--20, верхняя часть л. 21, средняя часть л. 24, верхняя часть л. 25 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 15 лл., из которых 6 лл. 4° и 9 лл. -- обрезки. *Начало* л. 1: "спросонья не понимая"; *конец* л. 15: "и закрыла его лицо".

13. Полная копия предыдущей рукописи, частью машинописная, частью рукою М. А. Шмидт. 31 лл., исписанных с одной стороны, + 2 лл. обложки. Все листы с отогнутыми полями. Лл. 1--10, 12--13, нижняя часть л. 14, верхняя часть л. 16, л. 17, верхняя часть л. 18, лл. 19--22, средняя часть л. 25, нижняя часть л. 26 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "Корнею Васильеву было 54 года"; *конец*: "прощает ли он или еще гневается". Лл. 27--30 переписаны с неизвестного оригинала рукою М. А. Шмидт. Пропущено обозначение главы III. Копия, с которой производился набор рассказа для первого издания "Круга чтения". На обложке рукою И. И. Горбунова-Посадова помета: "Набрать поскорее для "Круга чтения" и выслать в 5 экз. Ив. Ив. Горбунову в Засеку". Его же рукою на полях переписаны карандашом для ясности исправления, внесенные Толстым.

Исправления автора немногочисленны и сводятся большею частью к введению новых художественных подробностей и к стилистической правке в конце главы I, в главах III и IV.

14. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. 16 лл. F°, исписанных с одной стороны, + 2 лл. обложки. Пагинация цифрами 1--16. *Начало*: "Корнею Васильеву было 54 года"; *конец*: "или еще гневается".

Изменения коснулись глав I и III.

Деление на главы I--VI с пропуском, как и в рукописи N 14, обозначения главы III. *Начало*: "Корнею Васильеву было 54 года"; *конец*: "или еще гневается".

Исправления Толстого многочисленны. В главе I в разговоре Корнея с Кузьмой пословица: "Не верь лошади в поле, а жене в доме" заменяется произнесенной Кузьмою фразой: "Очень уже бабы нынче волю забрали". Из характеристики Евстигнея вычеркиваются слова: "был белокурый, длинноносый, невзрачный малый, робкий и суетливый". В сцене избиения жены прибавляется психологическая подробность: Марфа, только что

причитавшая "жалобным голосом", теперь "совсем другим голосом злобно проговорила: "Каторжник, разбойник! Погоди ж ты. Али на тебя суда нет?" Изменения коснулись также конца главы IV -- описание ночлега Корнея у дочери.

На гранке нанесены машинописные исправления, сделанные автором в предыдущей рукописи, которая, очевидно, была доставлена И. И. Горбунову-Посадову уже после сдачи рассказа в набор.

Рассказ "Корней Васильев" появился в первом томе "Круга чтения", изд. "Посредник", М. 1906, стр. 234--250. Для второго издания "Круга чтения" рассказ автором не просматривался.

В настояшем издании текст "Корнея Васильева" печатается по авторской корректуре с исправлением ряда ошибок, внесенных в текст рассказа переписчиками.

Кроме того, при печатании рассказа в первом издании "Круга чтения" в главе I вкралась опечатка: вместо -- "которого знал Корнюшкой" было напечатано: "которого звал Корнюшкой".

ДОБРО

Выдержка, заимствованная из сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?". Александр Иванович Архангельский (1857--1906) -- единомышленник Толстого, служил ветеринарным фельдшером в Бронницком земстве, но оставил службу, как противоречащую его убеждениям, и занялся часовым ремеслом. Написал сочинение "Кому служить?", развивающее толстовские взгляды на государство. Толстой прочел сочинение Архангельского в рукописи, после чего писал автору 5 января 1897 г., что книга его "сделает много добра людям и подвинет дело божие" (т. 70, стр. 12). В Дневнике Толстой записал 5 января 1897 г.: "Вчера читал статью Архангельского Кому служить? и очень радовался" (т. 53, стр. 129).

В октябре 1904 г., подбирая материал для "Круга чтения", Толстой вновь перечитал сочинение Архангельского. Вечером 31 октября Толстой читал вслух некоторые места из "Кому служить?" и после чтения сказал:

"-- У него много хорошего, искренно и горячо написано, язык прекрасный". (1)

Сочинение Архангельского впервые было напечатано на русском языке издательством "Возрождение" в Бургасе (Болгария). В 1920 г. "Кому служить?" было перепечатано в Москве в издании Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого и Трудовой общины-коммуны "Трезвая жизнь".

Выдержка, озаглавленная "Добро", заимствована из V главы сочинения Архангельского. (См. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?" М. 1920, стр. 124--128.)

Переписанный рукой X. Н. Абрикосова и Е. В. Оболенской отрывок из сочинения Архангельского содержит 5 лл. 8°, исписанных с обеих сторон. Толстым в тексте Архангельского были произведены некоторые исправления и значительные сокращения. Помета Толстого на л. 1 "Добро", указывавшая название отдела, к которому относится выдержка, была принята его помощниками за данное им заглавие, под которым выдержка и была напечатана в "Круге чтения".

Во втором издании "Круга чтения" в данном отрывке были сделаны небольшие стилистические исправления.

УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Перевод этого рассказа Анатоля Франса, сделанный В. М. Величинной, был напечатан в N 4 журнала "Образование за 1903 г. (стр. 63--78). Фамилия переводчика в журнале не указана.

Толстой сделал в рассказе ряд сокращений. На первой же странице им было выпущено сравнение: жена сапожника, выбрав у Кренксбиля пучок порея, прижала его к груди, "как святые на картинах прижимают пальмовые ветки". Далее в рассказе было выпущено Толстым всего шестнадцать мест.

ИЗ ПИСЬМА

Письмо французского романиста Александра Дюма-сына (1824--1895) было включено Толстым в его статью "Неделание", написанную в 1893 году (см. т. 31). В "Круге чтения" письмо было помещено в сокращенном виде с стилистическими исправлениями Толстого.

ЗЕРНО С КУРИНОЕ ЯЙЦО

Сказка Толстого, написанная в 1886 году (см. т. 25). В корректурах "Круга чтения" Толстой сделал в тексте сказки пять стилистических

исправлений.

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 1, изд. "Задруга",М. 1922, стр. 34.

ВОСПИТАНИЕ

Отрывок взят из книги: "Избранные мысли Иосифа Мадзини", собрал Л. П. Никифоров, изд. "Посредника", М. 1905, стр. 20--21.

В наборной рукописи "Круга чтения" имеется машинописная копия этого отрывка, на которой рукою Толстого помечено: "N 9. Восп[итание]". Последнее слово, обозначающее отдел "Круга чтения", к которому относится выдержка, в печатном тексте было дано как заглавие.

На обороте копии выдержки рукою Толстого помечено: "О воспитании Л. Т."

ИЗ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО К П.И.Б.

Под названием "Из письма к П.И.Б." в "Круге чтения" было дано с сокращениями письмо Толстого к П. И. Бирюкову от 5 мая 1901 г. (см. т. 73,стр.62). В наборной рукописи "Круга чтения" имеется копия этого письма рукою Н. Н. Ге-сына, в которой на лл. 6, 10, 15, 19, 23 и 24 Толстым сделан ряд исправлений и вставок. На л. 9 одно место снабжено Толстым карандашной пометой "пропустить". На лл. 1 и 20 той же копии карандашом сделаны сокращения рукою И. И. Горбунова-Посадова.

В корректуре "Круга чтения" Толстой вычеркнул начало письма, имевшее личный характер обращения к П. И. Бирюкову, сделал несколько небольших исправлений и вставок в тексте и вычеркнул весь конец (от слов: "Я думаю, что надо так" следующие десять абзацев, см. т. 73, стр. 67--68).

СМЕРТЬ В ГОСПИТАЛЕ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

"Записки из Мертвого дома" Достоевского были высоко оценены Тол-

стым сразу же по их появлении в печати. 22 февраля 1862 г. в письме к А. А. Толстой он настойчиво советовал ей прочесть произведение Достоевского, прибавляя: "Это нужно" (т. 60, стр. 419).

В статье "Несколько слов по поводу книги "Война и мир" (1868) "Записки из Мертвого дома" отнесены Толстым к числу классических произведений русской литературы, отличающихся своеобразием художественной формы (см. т. 16).

В 1880 году Толстой перечитывает "Записки из Мертвого дома" и пишет Н. Н. Страхову 26 сентября, что он не знает "лучшей книги изо всей новой литературы, включая Пушкина". Произведение Достоевского -- "хорошая, назидательная книга"; точка зрения автора удивительная -- "искренняя, естественная и христианская" (т. 63, стр. 24).

В трактате "Что такое искусство?" (гл. 16) Толстой относит "Записки из Мертвого дома" к числу немногих произведений русской и мировой литературы, являющихся образцами "высшего, вытекающего из любви к богу и ближнему, религиозного искусства" (т. 30, стр. 160).

В третий раз перечитал Толстой "Записки из Мертвого дома" в 1899 году, работая над "Воскресением". (1)

(1) П. А. Сергеенко, "Толстой о литературе и искусстве" ("Литературное наследство", 1939, N 37-38, стр. 540, запись дневника Сергеенко от 13 января 1899 г.).

Наконец, составляя "Круг чтения" в 1904 году, Толстой еще раз перечитал или по крайней мере просмотрел "Записки из Мертвого дома" и выбрал из них для "Круга чтения" два отрывка -- "Смерть в госпитале" и "Орел".

Отрывок "Смерть в госпитале" (заглавие дано Толстым) взят из "Записок из Мертвого дома", ч. вторая, гл. I ("Госпиталь"). В тексте отрывка Толстым было сделано пять сокращений.

1) В самом начале, после слов: "который лежал почти против меня" выпущено: "недалеко от Устьянцева и который умер, помнится, на четвертый день по прибытии моем в палату. Может быть, я и заговорил теперь о чахоточных, невольно повторяя те впечатления и те мысли, которые тогда же пришли мне в голову по поводу этой смерти";

2) После слов: "были прекрасные глаза" выброшено: "и право не знаю, почему он мне так отчетливо вспоминается";

3) После слов: "Фельдшер, молодой и добрый малый" исключено: "немного излишне занятый своею наружностью, довольно, впрочем, счастливою, явился скоро".

4) В том же предложении, после слов: "с каким-то особенно развязным видом" выпущено: "как будто нарочно выдуманным для этого случая".

5) В конце отрывка после слов: "и пошел прочь" исключено: "Помню,

эти слова меня точно пронзили. И для чего он проговорил, и как пришли они ему в голову?".

Сокращения эти были произведены Толстым карандашом на копии отрывка, сделанной Н.Л.Оболенским и содержащей 3 лл. 4°, исписанных с обеих сторон. Копия была включена в наборную рукопись "Круг чтения".

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ. А. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Выдержка взята из V главы сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?" (см. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?", М. 1920. стр. 95--100). Толстым был произведен в главе ряд сокращений и стилистических исправлений. Во втором издании "Круга чтения" в статье им сделан ряд новых сокращений и исправлений стилистического характера.

СУД НАД СОКРАТОМ И ЕГО ЗАЩИТА. (ПО "АПОЛОГИИ" ПЛАТОНА.)

Свободное изложение, сделанное Толстым, нескольких страниц "Апологии" Сократа, написанной Платоном.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к данной статье:

1. Автограф. 4 лл., из которых 1 л. 4° и 3 лл. 8°, за исключением л. 1. все исписаны с обеих сторон. *Начало*: "Сократ был обвинен"; конец: "и потому друзьям". Заглавие: "Сократ". В тексте Толстым указаны страницы "Апологии" Платона, из которой переписчик должен был сделать выписки.

2. Копия предыдущей рукописи с выписками из "Апологии" Платона рукой М. Л. Оболенской, с исправлениями Толстого. 10 лл. 4, исписанных, за исключением последнего, с обеих сторон. Пагинация красным карандашом: 1--10. *Начало*: "Его защита. Сократ обвинялся"; *конец*: "знает только бог". Исправления Толстого многочисленны. Дано новое заглавие: "Суд над Сократом". Текст значительно сокращен -- некоторые страницы выпущены целиком.

3. Копия предыдущей рукописи рукой X. Н. Абрикосова, с исправлениями Толстого. 4 лл. 4°, исписанных, за исключением последнего, с обеих сторон. *Начало*: "Его защита. Обвинение, взведенное на Сократа"; *конец*: "в разговоре Федон". Исправления Толстого значительны по всему тексту. Написано новое окончание. К заглавию прибавлено: "Из апологии Платона".

4. Копия предыдущей рукописи рукой X. Н. Абрикосова с исправлениями

Толстого. Экземпляр, с которого производился набор для "Круга чтения". 4 лл. 4°, исписанных, за исключением л. 1, с обеих сторон. *Начало*: "Обвинения, взведенные на Сократа"; *конец*: "в разговоре Федон". Исправления Толстого карандашом немногочисленны. На л. 1 рукой И. И. Горбунова-Посадова заглавие: "Недельное чтение. Суд над Сократом и его защита. (Из "Апологии" Платона)."

ДУШЕЧКА. А. П. ЧЕХОВА

В своей книге "Как живет и работает Л. Н. Толстой" П. А. Сергеенко рассказывает:

"Как-то пришел я к Толстым с новым рассказом Чехова "Душечка". За чаем заговорили о литературе. Я сказал о новом рассказе Чехова. Лев Николаевич спросил, читал ли я этот рассказ и как я его нахожу. Я сказал, что читал и нахожу "ничего себе". Впрочем, я пробежал мельком рассказ и, может быть, составил о нем неверное мнение. Узнав, что рассказ Чехова со мною, Лев Николаевич оживился и предложил читать вслух "Душечку". С первых же строк рассказа он начал делать одобрительные вставки: "Как хорошо! Какой превосходный язык!" и т. п. И, прочитавши с большим мастерством "Душечку", Лев Николаевич обратился ко мне с недоумением:

-- Как же это вы сказали: "ничего себе"? Это просто перл. Как тонко схвачена и выведена вся природа женской любви! И какой язык! Никто, из нас: ни Достоевский, ни Тургенев, ни Гончаров, ни я не могли бы так написать.

И Лев Николаевич начал с одушевлением цитировать некоторые места "Душечки".

В это время пришли новые посетители к Толстым. Лев Николаевич поздоровался и сейчас же спросил:

-- Читали "Душечку" Чехова? Послушайте, какая прелесть! Хотите? И Лев Николаевич вторично прочел "Душечку" еще с большим мастерством". (1)

Т. Л. Толстая писала Чехову 30 марта 1899 г.: "Ваша "Душечка" прелесть! Отец ее читал четыре раза подряд вслух и говорит, что поумнел от этой вещи". (2)

(1) П. А. Сергеенко, "Как живет и работает Л. Н. Толстой", изд. 2-е, М. 1908 стр. 55--56.

(2) А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 8, М. 1956, стр. 539.

Сам Чехов 27 января 1899 г. писал А. С. Суворину из Ялты: "Я недавно

написал юмористический рассказ в 1/2 листа, и теперь мне пишут, что Л. Н. Толстой читает этот рассказ вслух, читает необыкновенно хорошо".

Об этом 4 февраля того же года Чехов писал и своей сестре М. П. Чеховой: "Мне пишут, что Л. Н. Толстой очень хорошо и смешно читает мой рассказ "Душечка", напечатанный в "Семье".(1)

В "Ежедневнике" С. А. Толстой чтение Львом Николаевичем вслух "Душечки" отмечено в течение двух дней подряд, 14 и 15 января 1899 г. О новом чтении вслух Толстым этого рассказа 15 сентября 1902 г. узнаем из неопубликованного письма А. С. Бутурлина к А. П. Строеву от того же числа. По словам А. С. Бутурлина, читая рассказ, Толстой "хохотал до слез, заражая своим смехом всех присутствующих" (ГМТ).

В яснополянской библиотеке хранится "Полное собрание сочинений" А. П. Чехова во втором издании А. Ф. Маркса, рассылавшемся в виде приложения к "журналу "Нива" за 1903 год. Здесь в томе двенадцатом на стр. 14, в начале рассказа "Душечка", помета Д. П. Маковицкого: "Отмечено собственноручно Л. Н--чем. Февраль 1905г.". Отметки, обозначающие почти исключительно сокращения, были сделаны Толстым для помещения рассказа в "Круге чтения" в виде недельного чтения.

Толстой вычеркнул или изменил ряд мест, которые казались ему излишними или же обнаруживали ироническое отношение автора к героине.

С сокращениями Толстого рассказ был напечатан в "Круге чтения".

Во втором издании "Круга чтения" рассказ появился в том же виде, что и в первом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАССКАЗУ А. П. ЧЕХОВА "ДУШЕЧКА" Л. Н. ТОЛСТОГО

В первых числах января 1905 г. И. И. Горбунов-Посадов в письме к Толстому по поводу различных вопросов, связанных с печатанием "Круга чтения", между прочим, писал ему: "Что касается до содержания "недельных чтений", то я имел бы лишь против помещения рассказа Чехова "Душечка". Я чрезвычайно люблю этот рассказ. Это превосходная вещь, но боюсь, что он может подать повод к самым разномысленным толкованиям. Рассказ этот, по-моему, превосходно, по-гоголевски написанная трогательная сатира на те пустые женские сосуды, которые, не имея ничего своего, наполняются беспрепятственно всем тем, что в них вливают... Если помещать "Душечку", то, мне кажется, тогда надо бы наряду с нею поместить положительный художественный облик истинной жены, сознательного друга-товарища и сотрудника мужа. Да главное, как-то и не в тоне "Душечка" как будто и со всей книгой, слишком шутлив тон ее, а это, как будто, и не идет к "Кругу чтения" (ГМТ).

На письмо И. И. Горбунова-Посадова ответил 5 января 1905 г. Д. П. Маковицкий. Отвечая на разные вопросы относительно печатания "Круга чтения", Маковицкий, между прочим, писал: "Душечку" Чехова надо поместить, Лев Николаевич настаивает на этом". Толстой сделал приписку

(1) А. II. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, т. XVIН. М. 1949, стр. 45,63.

к письму Маковицкого, в которой писал: "К "Душечке" мне хотелось бы написать предисловие, объясняющее ее значение" (т. 75, стр. 199).

В письме И. И. Горбунова-Посадова Толстой увидал "женское на него влияние". (1) Он был совершенно иного мнения о "Душечке", чем Горбунов-Посадов. Он видел в этом рассказе не сатиру в духе Гоголя, а трогательное изображение лучших сторон женской природы. Эту мысль Толстой в развил в своем послесловии к рассказу.

Послесловие к "Душечке" было написано не позднее начала февраля 1905 г., так как вечером 6 февраля Толстой уже читал вслух как самый рассказ, так и свою статью о нем. (2)

Новое заключение статьи во второй копии было написано Толстым 21 февраля 1905 г.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к послесловию Толстого к рассказу Чехова "Душечка":

1. Автограф. 4 лл. Листы исписаны с обеих сторон. Рукопись нумерована автором по страницам цифрами 1--8. Заглавия не имеет. *Начало*: "Есть (прекрасный и) глубокий по смыслу рассказ"; *конец*: "с кем ее сводит судьба".

2. Машинописная копия автографа. 6 лл. 4°, исписанных с одной стороны, с исправлениями и вставками Толстого. Заглавие рукою Ю. И. Игумновой: "Предисловие к рассказу Чехова". *Начало*: "Есть глубокий по смыслу рассказ"; *конец*: "несмотря на свой удивительный комизм, меня глубоко трогает". На лл. 1, 1/об. и 2 рукою П. И. Бирюкова вписан текст из 23 главы "Книги числ", в который рукою Толстого были затем внесены исправления и сокращения. В рукописи сделаны большие вставки и дано новое заключение.

3. Копия предыдущей рукописи рукою Ю. И. Игумновой. 16 лл.4с, исписанных с одной стороны. *Начало*: "Есть глубокий по смыслу рассказ"; *конец*: "усиленное внимание поэта и вознес ее". Последний лист, начинающийся словами: "Я учился на велосипеде..." представляет новое, собственноручно написанное Толстым окончание статьи, вошедшее в окончательный текст. На этом листе помета рукою А. Б. Гольденвейзера: "Конец

предисловия к "Душечке" Чехова. Ясная Поляна". Автограф этого листа находится у А. Б. Гольденвейзера; в рукописи имеется копия этого листа, переписанная его же рукой. На прочих листах копии несколько небольших исправлений Толстого. На лл. 6, 12, 13 п 15 -- небольшие исправления Толстого.

4. Копия предыдущей рукописи рукою Ю. И. Игумновой. 6 лл., из которых лл. 1--4 и 6--4°, а л. 5 -- почтового формата. Этот последний лист содержит собственноручную вставку Толстого на л. 6. Листы исписаны с обеих сторон. Начальные и конечные слова -- те же, что в предыдущей рукописи. *Начало* вставки: "(какое) удивительное недоразумение весь так называемый"; *конец*: "находился под влиянием этого недоразумения".

(1) 1 Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, изд. "Задруга", М. 1923. стр. 30.

(2) А. Б. Гольденвейзер, "Вблизи Толстого", т. I, М. 1922, стр. 146.

Текст вставки написан на листе, наверху которого Толстым написаны и зачеркнуты 4 строки, относящиеся к другой статье или к "Кругу чтения". Вставка целиком вошла в окончательный текст. В остальной части рукописи только одно исправление автора -- на л. 6.

В настоящем томе статья печатается по последней просмотренной автором копии.

При переписке статьи переписчицами был сделан ряд ошибок, которые, переходя из рукописи в рукопись, вошли и в печатный текст. Все эти ошибки исправлены.

Кроме того, корректор "Посредника", желая сделать совершенно точной приводимую Толстым цитату из "Книги числ", уничтожил слово "тогда", вставленное Толстым в первый из цитируемых им стихов. Это слово восстанавливается. Наконец, в наборной рукописи первого издания "Круга чтения", сделанной в редакции "Посредник", была грубо искажающая текст ошибка: было переписано -- "смелого Кукина" вместо -- "смешного Кукина". Это искажение толстовского текста, вошедшее в оба издания "Круга чтения", также исправлено.

НЕУЖЕЛИ ТАК НАДО? Л. Н. ТОЛСТОГО

Отрывок дает первую главу статьи Толстого "Неужели это так надо?", начатой в 1898 г. и оконченной в 1900 г. (см. т. 34). В копии этого отрывка,

приготовленной для наборной рукописи "Круга чтения" (хранится в ГМТ), Толстым была прибавлена заключительная фраза: "Неужели это так надо?" -- с какой отрывок и был напечатан.

ПЕРВОЕ ГОРЕ. Л. А. АВИЛОВОЙ

Рассказ Л. А. Авиловой "Первое горе", рекомендованный Толстому Ф. А. Страховым, был напечатан в журнале "Русское богатство", 1900, N 8, стр. 240--250.

11 марта 1905 г. Толстой писал Авиловой, что он перечел ее рассказ, который ему "понравился еще более, чем прежде, т. е. очень", и просил разрешить поместить рассказ в "Круг чтения", сделав в нем "некоторые, очень маленькие, сокращения" (т. 75). Такие сокращения были произведены Толстым в печатном оттиске рассказа.

В первый абзац рассказа по недосмотру корректора в первой корректуре вкралась погрешность. Толстой сначала вычеркнул, а затем восстановил слова: "и с неугасимой трубкой в зубах". Корректор не заметил восстановительного знака, и текст был снят. Исправляем эту ошибку.

17 ноября 1905 г. Толстой писал Горбунову-Посадову, что предлагает назвать рассказ Авиловой "Неразрешенный вопрос" (т. 75). Желание Толстого почему-то не было исполнено.

В ноябре того же года, читая корректуры "Круга чтения", Толстой не только вновь значительно сократил, но и переделал "Первое горе".

Более значительные исправления были сделаны Толстым во второй половине рассказа.

В сверстанной корректуре Толстой сделал еще несколько исправлений за последней странице рассказа.

ДОБРОВОЛЬНОЕ РАБСТВО, ЛА БОЭТИ

С сочинением французского мыслителя XVI века Этьена де Ла Боэти (Боэси) "Добровольное рабство" Толстой познакомился, по-видимому, в январе -- феврале 1884 г., когда он читал "Опыты" Мишеля Монтеня, при которых было напечатано сочинение Ла Боэти. О чтении Монтеня Толстой сообщал жене в письмах 31 января, 2, 3 и 5 февраля 1884 г. (т. 83, стр. 418, 421, 422, 424). Под влиянием Толстого и его жена Софья Андреевна принялась за чтение трактата Ла Боэти, о чем она писала Льву Ни-

колаевичу в письмах из Москвы от 1 и 5 февраля того же года (С. А. Толстая, Письма к Л. Н. Толстому, Academia, М. 1936, стр. 251).

Когда Толстой начал составлять "Круг чтения", он в числе многих других мыслителей вспомнил и Ла Боэти. 26 января 1905 года Д. П. Маковицкий отметил в своих записках: "Вчера Лев Николаевич похвалил статью Ла Боэти "Рассуждение о добровольном рабстве". -- "Замечательная статья, -- сказал он, -- а в истории литературы сказано о Ла Боэти, что он написал это ради упражнения в красноречии". (1) (Толстой имел в виду французского литературного критика Сент-Бёва, которому принадлежит приводимое Толстым мнение относительно Ла Боэти).

Толстой решил поместить в "Круг чтения" две выдержки из сочинения Ла Боэти. Так как сочинение Ла Боэти не было в то время переведено на русский язык, Толстой сам перевел эти выдержки.

Автограф перевода Толстого не сохранился. Копия перевода, сделанная Х. Н. Абрикосовым и содержащая 7 лл. 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон, была включена в наборную рукопись "Круга чтения"; на ней рукою Толстого карандашом заглавие: "Добровольное рабство". Его же рукой на первой странице вычеркнуты карандашом три строки. Позднее рукопись была проредактирована Ф. А. Страховым, редакцией "Посредника" и самим Толстым; все эти исправления вошли в печатный текст.

В примечании к выдержкам из "Добровольного рабства" была напечатана краткая заметка о жизни Ла Боэти и о значении его сочинения, составленная, по-видимому, Т. Л. Сухотиной; сохранилась написанная ее рукой рукопись этой заметки, содержащая 1 л. 16°, исписанный с обеих сторон, с исправлениями Толстого.

Полный перевод сочинения Ла Боэти дан в книге Этьен де ла Боэси, "Рассуждение о добровольном рабстве", перевод и комментарии Ф. А. Коган-Бернштейн, изд. Академии наук СССР, 1952. Там же ее статья "Л. Н. Толстой и Ла Боэси" (стр. 94--110).

ОРЕЛ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Отрывок заимствован из VI главы второй части ("Каторжные животные") "Записок из Мертвого дома" Ф. М. Достоевского.

В наборном экземпляре "Круга чтения" имеется список этого отрывка, переписанный Н. Л. Оболенским и содержащий 4 лл. 8°, исписанных с обеих сторон.

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, изд. "Задруга", М. 1923, стр. ii.

Здесь в абзаце: "Орел, братцы, есть царь лесов" -- рукою Толстого карандашом (обведенным чернилами X. Н. Абрикосовым) написано слово "краснобай" вместо слова "было" ("начал было Скуратов"). Других изменений в тексте сделано не было. Заглавие дано Толстым.

Высоко ценя оба отрывка из "Записок из Мертвого дома", включенные им в "Круг чтения", Толстой любил читать их вслух, о чем рассказывают Д. П. Маковицкий (1) и Н. Н. Гусев. (2) О чтении вслух отрывка "Орел" говорится также в письме Х.Н.Абрикосова к своему отцу от 5 апреля 1903 г.: "Вчера вечером вспоминали о жалости к животным, и Лев Николаевич достал "Мертвый дом" Достоевского и прочел об орле". (3)

ЯГОДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

В Дневнике Толстого под 12 июня 1905 г. записано: "Написал в два дня рассказ: Ягоды. Не дурно" (т. 55, стр. 146). В автографе рассказа авторская дата -- 11 июня 1905 г.; следовательно, рассказ писался два дня -- 10 и 11 июня. По автографу можно определить, какая часть рассказа написана в первый день (см. ниже описание рукописи N° 1).

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к рассказу "Ягоды":

1. Автограф. 13 лл., из которых 12 лл. -- формата развернутого почтового листа и 1 л. (вставка на л. 7) почтового размера. Все листы исписаны а одной стороны с оставленными полями. Заглавие -- "Ягоды". Дата рукой Толстого: "11 июн. 1905". *Начало*: "Жаркие, жаркие безветренные июньские дни"; *конец*: "пыльной в жару работы".

По характеру письма и чернилам можно заключить, что лл. 1 -- 8 и 1 верхних строк л. 9, кончая словами: "как только вернется из ночного" (после чего проведена черта во всю строку), написаны в один прием, а остальная часть л. 9, со слов: "Он так и сделал", и лл. 10 -- 13 -- в другой.

В начале рассказа (л. 1 и начало л. 2) герой называется Иван Семеныч, а далее Николай Семеныч.

Исправлений в рукописи сравнительно очень немного.

2. Машинописная копия автографа. Первоначально заключала 19 лл.4°, исписанных с одной стороны. Все листы с отогнутыми полями. Исправления Толстого незначительны и состоят главным образом в

художественной обработке деталей. В описании пробуждения крестьянской девочки Ольгушки прибавлено, что она оправляла "взлохмаченные белесые волосы"; сынишка Акулины был "в одной рубашонке и без шапки".

Зачеркивается окончание рассказа:

"Отец отпряг логцадь и, спутав ее, пустил на рубеж чужой земли, а сам лежал под дубом, испытывая приятную свежесть после утомительной и пыльной в жару работы".

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 1, изд. "Задруга", М. 1922, стр. 36, запись от 1 ноября 1904 г.

(2) Н. Н. Гусев, "Два года с Л. Н. Толстым", изд, "Посредник", М. 1912, стр. 279, запись от 13 мая 1909 г.

(3) Из неопубликованных "Воспоминаний" Х. Н. Абрикосова (ЦГАЛИ).

Вместо этого пишется текст, вошедший почти без изменений в окон-чательную редакцию ("Тараска же в это время, с завтрака пахавший..."). В конец рассказа переносится описание успокоения, наступившего в семье Николая Семеновича.

В процессе переписки лл. 1--10, верхняя и средние части л. 12, средняя и нижняя части л. 13, нижняя часть л. 14, нижняя часть л. 15, лл. 16-- 17, верхняя часть л. 18 и средняя часть л. 19 были переложены в следуюшую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 8 лл., из которых 1 л. 4° и 7 лл. -- обрезки. *Начало* л. 1: "Ей, вы, заспалися"; *конец* л. 8: "в овсы или чужие луга".

3. Полная копия предыдущей рукописи, частью машинописная, частью рукой Ю.И.Игумновой. 21 лл. 4°, исписанных с одной стороны, и 2 лл. об-ложки. Все листы с отогнутыми полями. Лл. 1--10, нижняя часть л. 11, верхняя и нижняя части л. 12, верхняя часть л. 13, нижняя часть л. 14, лл. 16--18, верхняя часть л. 19, нижняя часть л. 21 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "Жаркие, жаркие, безветренные июньские дни"; *конец*: "Валя был доволен тем, что съел целую тарелку земляники". На обложке -- заглавие рукою Ю. И. Игумновой; копия входила в состав наборной рукописи первого издания "Круга чтения". На полях рукою И. И. Горбунова-Посадова переписаны карандашом для ясности исправления, внесенные Толстым. Исправления Толстого немногочисленны и дают большей частью новые художественные детали.

4. Корректурные гранки. Шесть полос, нумерованных карандашом циф-рами 52--57. *Начало*: "Были жаркие безветренные июньские дни"; *конец*: "съел целую тарелку земляники". Исправления Толстого немногочисленны

и касаются преимущественно деталей.
Кроме исправлений Толстого на полях имеются карандашные замечания и исправления Ф. А. Страхова.
В настоящем томе рассказ печатается по последней правленной автором корректуре с исправлением по рукописям ошибок переписчиков.
И. И. Горбунов-Посадов, прочитывая рассказ перед сдачей его в печать, в нескольких местах изменил пунктуацию Толстого, поставив точки вместо запятых и в редких случаях заменил некоторые слова, например, слово "прервал" переправил на "перервал", вставил слово "они" после слов.: "звонкими голосами". Эти изменения авторского текста исправляются.
Прочитывая корректуры рассказа, Ф. А. Страхов обратил внимание на характеристику студента репетитора: "отчаянный социалист-демократ, революционер". Против этого места на полях корректурной гранки им были сделаны замечания: "Социалисты-демократы" и "революционеры" -- это две враждующие партии. Поэтому во избежание обвинений в незнании я бы предложил поставить: социалист-революционер". Соответствующая поправка была сделана, но в настоящем издании восстанавливается первоначальный толстовский текст.
Кроме того несколько ошибок в тексте рассказа были сделаны при наборе и остались незамеченными корректором.
Все эти погрешности исправлены в настоящем издании.

ПАСКАЛЬ. Л. Н. ТОЛСТОГО

С книгой Блеза Паскаля "Pensees" Толстой познакомился впервые в 1876 году. Книга произвела на него сильное впечатление. В марте 1876 г. он писал А. А. Толстой: "Читали ли вы жизнь Паскаля -- Blaise Pascal его Pensees? Какая чудесная книга и его жизнь. Я не знаю лучше жития" (т. 62, стр. 262). Через год, в письме к Фету от 14 апреля 1877 г., Толстой вновь вспоминает Паскаля, спрашивает, читал ли его Фет, и выражает желание дать ему эту книгу (т. 62, стр. 320).
Паскаль сделался любимым мыслителем Толстого. Паскаль представлялся ему писателем, пишущим кровью сердца (запись Дневника от 11 декабря 1904 г., т. 55, стр. 104), -- достоинство, которое Толстой в писателе ставил выше всех других. В яснополянской библиотеке сохраняется экземпляр книги Паскаля в издании Firmin Didot Freres, Paris 1850, с многочисленными пометками Толстого. Другой экземпляр книги Паскаля невыясненного издания (титульный лист отсутствует), также с многочисленными пометками Толстого, хранится в ГМТ. В 1889 г. в издании

"Посредник" появилась книжка А. И. Орлова "Французский мудрец Влас Паскаль. Его жизнь и труды". Помещенные здесь мысли Паскаля были выбраны Толстым.

Задумав включить в "Круг чтения", как писал он И. И. Горбунову-Посадову 20 сентября 1904 г., "биографии или, скорее, жития неправославных... святых и мучеников", Толстой естественно вспомнил о высоко ценимом им мыслителе Блезе Паскале. Он поручил племяннице своей жены В. А. Кузминской составить краткий биографический очерк Паскаля, который бы послужил канвой для его статьи. В. А. Кузминская выполнила поручение Толстого и написала на 8 листах F°, исписанных с обеих сторон, биографический очерк Паскаля, причем заполняла только половину каждой страницы, вторая же половина, предназначав шаяся для вставок и исправлений Толстого, оставлена была незаполненной.

26 февраля 1905 г. Толстой просмотрел работу В. А. Кузминской и сделал в ней ряд сокращений и исправлений, а также указал четыре вставки, которые нужно было сделать по статье Н. И. Стороженко о Паскале, напечатанной в 44 томе "Энциклопедического словаря" Брокгауз и Ефрон, стр. 915--917. (Экземпляр этого тома "Энциклопедического словаря" с пометками Толстого в статье о Паскале хранится в яснополянской библиотеке.) Кроме того, им было написано введение и заключение к статье.

Статья была переписана и исправлена Толстым семь раз, после чего от работы В. А. Кузминской и от цитат из статьи Стороженко осталось лишь несколько десятков слов; все остальное было переделано или вновь написано Толстым.

Для второго издания "Круга чтения" статья "Паскаль" Толстым не просматривалась.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к статье "Паскаль":

1. Первая редакция 8 лл. F°, с отогнутыми полями, исписанных с обеих сторон.

Большая часть текста, написанного В. А. Кузминской, зачеркнута Толстым, и на полях им написан совершенно новый текст. Оставшиеся незачеркнутыми части текста подверглись многочисленным исправлениям Толстого. Рукопись пронумерована Толстым по листам цифрами 1--5. *Начало*: "Ни одна страсть не удерживает людей так полно"; *конец*: "одного из истинных благодетелей человечества". Первоначальное, зачеркнутое Толстым, начало статьи было следующее:

"Тщеславие, честолюбие, славолюбие, забота о людском мнении полнее всех других страстей"

Фраза не заканчивается и заменяется новой, близкой к окончательному

тексту.

"Ни одна из страстей мирских так полно и густо не застилает от людей (необходимость) сознание тщеты"

Зачеркивается и это начало и заменяется следующим:

"Ни одна страсть не удерживает людей так долго в своей власти и не скрывает от них тщету личных мирских целей и не отдаляет их от необходимости религиозного, не ограничивающегося этим миром объяснения смысла жизни, как страсть славы людской, в какой бы форме она ни проявлялась: мелочного тщеславия, честолюбия, славолюбия".

На обороте л. 3 и на л. 8 в четырех местах имеются значки, указывающие на вставки отмеченных автором мест статьи о Паскале Н. И.Стороженко в 44 томе "Энциклопедического словаря" Брокгауз и Ефрон.

Одно место из этой рукописи, значительно измененное в последующих редакциях статьи, даем в вариантах под N 1.

2. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 14 лл. 4°, исписанных с одной стороны. *Начало*: "Душевные силы эти дают"; *конец*: "что все-таки спасает его".

Рукопись подверглась значительной правке автора. Особенно изменяются и сокращаются части, взятые из статьи Стороженко и из изложения В. А. Кузминской.

В процессе переписки были переложены в следующую рукопись: верхняя и первая нижняя часть л. 1 (средняя часть этого листа утрачена), верхняя часть л. 3, лл. 4 и 5, средняя и вторая нижняя части л. 6, л. 9, средняя и нижняя части л. 10, верхняя часть л. 11, верхняя часть л. 12. После этого в рукописи осталось 11 лл., из которых 5 лл. 4°, остальные -- обрезки.

Заключение статьи, значительно измененное в последующих рукописях, даем в вариантах под N 2.

3. Новое заключение статьи. Автограф. 2 лл. почтового размера, исписанных с обеих сторон. *Начало*: "А между тем большинство критиков Паскаля"; *конец*: "люди хотят судить и осуждать великого Паскаля". Из этой рукописи в вариантах под N 3 даем одно место, не вошедшее в окончательный текст.

4. Машинописная копия рукописей NN 2 и 3. Заключала первоначально 18 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Листы 1, 4, 5 и 11 были переложены из рукописи N° 2.

Авторская правка значительна. Особенным исправлениям подверглись начало статьи (аналогия Паскаля и Гоголя) (1) и изложение спора Паскаля

с иезуитами.

В процессе переписки л. 1, верхняя и нижняя части л. 2, нижняя часть л. 6, лл. 7, 8, 12, 13, нижняя часть л. 14 и лист 15 были переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 9 лл.. из них 4 лл. 4°, 2 лл. склеены из кусков и 3 лл.-- обрезки. *Начало* л. 1: "вается эта желанная слава, они"; *конец* л. 9: "и его считал истиной и противополагал безверию".

Из этой рукописи печатается вариант N 4.

5. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 18 лл. 4°, исписанных с одной стороны и нумерованных А. Л. Толстой цифрами 1--18. *Начало*: "Ни одна страсть не удерживает людей"; *конец*: "то, чего не имеют силы понять".

Рукопись вновь усердно исправляется автором. Наибольшей правке подвергается вступление, затем рассказ о детстве Паскаля, о его любви к женщине, о занятиях наукой, о жизни в Пор-Рояле. В заключительной части выпущены два большие куска (даем их в вариантах под NN 5 и 6) и сделано много вставок и исправлений.

Кроме исправлений, Толстой сделал во многих местах перестановки текста, для чего разрезал отдельные листы на куски; вся рукопись была им перенумерована красным карандашом цифрами 1--24 (нижняя часть л. 3 утрачена).

В процессе переписки из данной рукописи были переложены в следующую, считая по нумерации автора красным карандашом, верхняя часть л. 3, лл. 5, 11, 12, 15, 16 и верхняя часть л. 20, после чего в данной рукописи осталось 22 лл., из которых 2 лл. 4°, 4 лл. -- склеенных из кусков и остальные -- обрезки.

Из этой рукописи печатается вариант N° 7.

6. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 19 лл. 4°, пронумерованных рукой А. Л. Толстой черным карандашом цифрами 1--18.

Листы 4, 5 (частично), 10, 11 (частично), 14, 16 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "Ни одна страсть не удерживает людей"; *конец*: "их умственным и нравственным требованиям".

7. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 16 лл. 4°, исписанных с одной стороны. *Начало*: "Ни одна страсть не удерживает людей"; *конец*: "В этом его великая заслуга".

Исправления автора немногочисленны и преимущественно стилистического характера.

На л. 3 один абзац снабжен автором пометой карандашом на полях: "пр[опустить]". Даем его в вариантах под N 9.

Кроме исправлений, Толстым был сделан ряд перестановок отдельных частей статьи, после чего он перенумеровал все листы и части листов,

начиная с л. 7,

(1) Сравнение Паскаля с Гоголем впервые было дано Толстым в письме к П. II. Бирюкову от 5 октября 1887 г., где, имея в виду "Выбранные места из переписки с друзьями", Толстой писал о Гоголе: "Сорок лет лежит под спудом наш Паскаль" (т. 64. стр. 98--99).

цифрами 7--24. Частей текста с цифрами: 12. 15 и 16 -- не имеется; по-видимому, при вторичном просмотре рукописи они были исключены автором. Переписчицы склеили разрезанные куски текста таким образом, чтобы они по формату подходили к прочим листам статьи. Кроме того, некоторые листы были переписаны заново. Образовалась рукопись в 16 листов, из которых 4 лл. 4° и 12 лл. склеены из кусков. Толстой еще раз просмотрел переписку и сделал в ней ряд стилистических исправлений.

Позднее рукопись была просмотрена Ф. А. Страховым, предложившим ряд стилистических исправлений. Эти исправления были им написаны карандашом на листе in folio. На одной стороне листа им был написан предлагавшийся им текст почти всей четырнадцатой страницы рукописи; на другой стороне, заполненной только наполовину, ряд мелких исправлений других мест статьи. На оставшейся незаполненной половине страницы Толстой написал: "Переписывать по этому". Все исправления Страхва вошли в текст статьи.

8. Отдельные куски рукописи N 7, замененные в этой рукописи новой перепиской. 5 лл., из которых 4 лл. -- обрезки и один лист, склеенный из кусков.

Статья печатается по последней рукописи, просмотренной автором. Не замеченные автором ошибки переписчиков, переходившие из копией в рукопись и дошедшие до печатного текста, исправляются. Кроме того, исправляются те погрешности, которые вкрались при чатании статьи в первом (а за ним и во втором) издании "Круга чтения". Кусок текста, снабженный Толстым в последней рукописи пометой "пропустить", в первом издании "Круга чтения" был по ошибке включен в текст.

УСТРОЙСТВО МИРА. Ф. ЛАМЕННЕ

Отрывок заимствован из книги Ф.Ламенне "Les Evangiles", Paris 1846, p.

410, толкование XV главы Евангелия от Иоанна. Сохранилась копия перевода этой выдержки, написанная рукою Н.М.Сухотиной на 1 л. 8°, исписанном с обеих сторон. В тексте Толстым сделаны два исправления и вычеркнуто два слова. Его же рукою обозначено чернилами название отдела, к которому относится отрывок: "Устройство мира. Воскр[есенье]". При печатании отрывка ему было дано то название, каким Толстой обозначил тот отдел, к которому он относится.

ОТНОШЕНИЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН К ВОЙНЕ

Статья, предназначавшаяся для второго издания "Круга чтения", была составлена Гусевым по поручению Толстого главным образом по книгам: М. А. Таубе, "Христианство и международный мир", изд. "Посредник", ГМ. 1905, и Рейнгарда "Деяния святых".

Рукопись статьи, содержащая 5 лл. 4°, исписанных с обеих сторон, была проредактирована Толстым. Исправления Толстого имели главной целью оживить сухой академический тон, намеренно приданный Гусевым своей статье для того, чтобы она могла пройти через цензуру. Однако, по цензурным условиям, статья во втором издании "Круга чтения" не появилась и была напечатана впервые в первом бесцензурном издании "Июля" "Круга чтения", вышедшем в Москве в 1917 году, изд. "Единение" под редакцией В. Г. Черткова, стр. 33--35.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА ОЛЬХОВИКА, ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Выдержка из брошюры "Письма Петра Васильевича Ольховика", изд. "Свободного слова" под редакцией В. Г. Черткова, 1899.

Письмо было назначено Толстым к помещению во втором издании "Круга чтения", но, по цензурным условиям, напечатано не было. Впоследствии появилось в первом бесцензурном издании "Июля" "Круга чтения", изд. "Единение" под редакцией В. Г. Черткова, М. 1917, стр. 35-- 36.

НЕВЕРУЮЩИЙ. ПО В. ГЮГО

Под таким заглавием Толстой перевел рассказ Виктора Гюго "Un Athee" из "Postscriptum de ma vie". Перевод был продиктован Гусеву 2 марта 1908 г. (1) Список этой записи (7 лл.4°) был проредактирован Толстым, как это обозначено Гусевым на обложке, 31 марта 1908 года. Перевод первоначально был озаглавлен "Атеист" и только при публикации назван "Неверующий". Рассказ появился впервые во втором издании "Круга чтения".

ПОКАЯНИЕ. А. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Выдержка заимствована из V главы сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?" (см. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?", М. 1920, стр. 100--102). Сохранилась копия этой выдержки, сделанная Х.Н.Абрикосовым, на 3 лл. 8°, исписанных с обеих сторон. Наверху л. 1 рукою Толстого чернилами написано название отдела, к которому относится данное недельное чтение -- "Добро". Это название зачеркивается черным карандашом и заменяется другим -- "Покаяние". Далее рукою Толстого также черным карандашом сделана приписка: "и Камни", -- указывающая на то, что вслед за этим недельным чтением должно быть помещено другое, озаглавленное "Камни" (см. далее). В тексте Толстым сделан ряд исправлений преимущественно стилистического характера. Рукопись была в наборе для первого издания "Круга чтения".

Выдержка появилась под заглавием "Покаяние", означающим, как сказано, тот отдел "Круга чтения", к которому она относится.

КАМНИ

Притча заимствована из статьи "Задонский юродивый Антоний Алексеевич", помещенной в книге Е. Поселянина [псевдоним Е. Погожева] "Русские подвижники 19-го века", изд. И. Л. Тузова, СПб. 1910, стр., 389--392. Книга эта была прислана Толстому В. В. Стасовым.

Сохранились три рукописи этой притчи. Первая -- машинописная копия, списанная с книги; она содержит 3 лл., исписанных, кроме последнего,

(1) Н. Н. Гусев, "Два года с Л. Н. Толстым", М. 1928, стр. 104--105

с обеих сторон. На л. 1 несколько поправок Толстого, сделанных чернилами; на лл. 2 и 3 большие исправления его же рукой, сделанные карандашом. Исправления Толстого состояли, во-первых, в сокращении текста и, во-вторых, в вытравлении того особенного вычурного и витиеватого стиля, каким обычно писались церковными авторами книги религиозно-нравственного содержания.

Рукопись заключена в обложку, на которой рукою Толстого карандашом написано: "Камни", а еще ниже его же рукой также карандашом -- "Дост.". Эта последняя помета указывает, по-видимому, на намерение Толстого пополнить данное недельное чтение выдержкой из Достоевского -- вероятно, рассказом о старце Зосиме из "Братьев Карамазовых".

Вторая рукопись -- копия первой, сделанная рукою М. А. Шмидт, на 1 л. F°, исписанном с обеих сторон. Толстой значительно сокращает текст, а оставшуюся часть радикально переделывает, откидывая напыщенность церковного автора и упрощая язык притчи; так, например, Толстой переделывает начало притчи, взятое без изменений с печатного текста.

Третья рукопись, копия второй, также переписана рукою М. А. Шмидт. Она содержит 2 лл. 4°, оба с отогнутыми полями. Л. 1 заполнен с обеих сторон; л. 2 заполнен лишь на лицевой стороне менее чем на половину. Во всем тексте притчи имеется ряд исправлений Толстого, свидетельствующих о его стремлении к упрощению языка и большей сжатости стиля. Она входила в состав наборной рукописи "Круга чтения" первого издания. Для второго издания "Круга чтения" притча новой переработке не подвергалась.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА -- КОВШ

Легенда, переведенная Толстым из английского журнала "Herald of Peace". Сохранился автограф перевода этой легенды, написанный на незаполненной странице письма к Толстому Habenicht из Готы от 1 октября 1904 г.

Слово "ковш", стоящее в заглавии, переписчицей было прочитано "Ковис" и сочтено за фамилию автора, за подписью этого несуществовавшего автора легенда и была напечатана в первом и втором изданиях "Круга чтения".

ВОРОБЕЙ

Одно из "Стихотворений в прозе" И. С. Тургенева. В тексте Толстым были произведены некоторые незначительные изменения.

Тургенев Круг чтения

аллея сада дорожка сада
вдоль аллеи вдоль дорожки
качал березы аллеи качал березы
детище... но детище, а
Мой Трезорка остановился. Собака остановилась.
Да, не смейтесь. Я Да, я
героической птицей великодушной птицей
движется жизнь двигается жизнь

ОДИНОЧЕСТВО. ГИ ДЕ МОПАССАНА

Рассказ Ги де Мопассана, переведенный, по указанию Толстого, Л. П. Никифоровым. Перевод был напечатан впервые в книге: Гюи де Мопассан, "Одиночество" и другие рассказы, перевод с французского Л. П. Никифорова, изд. "Посредник", М. 1899. В "Круге чтения" рассказ был помещен без изменения текста.

КАТОЛИЦИЗМ И ХРИСТИАНСТВО. Ф. НИЦШЕ

Выдержка взята из статьи Ф. Ницше "Критика высших ценностей", напечатанной в переводе в сентябрьской книжке журнала "Новый путы за 1904 г. Перевод был проредактирован Ф. А. Страховым. Заглавие "Католицизм и христианство" было дано И. И. Горбуновым-Посадовым ввиду цензурных соображений; его же рукой, также из цензурных соображений, в наборной рукописи статьи к слову "церковь" несколько раз было прибавлено "католическая".

Толстой много раз и в произведениях и в письмах резко отрицательно высказывался о философии Ницше (см. "Что такое искусство?" т. 30, по указателю, "Что такое религия и в чем сущность ее?" т. 35, стр. 184, "О Шекспире и о драме", т. 35, стр. 262, письмо в редакцию газеты "Die Zeit"

от 11 сентября 1902 г., т. 73, стр. 291 и др.). Даже в самом "Круге чтения" (первое издание) в предисловии к "Учению двенадцати апостолов" был дан резкий отзыв о Ницше. По поводу статьи "Критика высших ценностей" Толстой говорил: "Я выбрал из его последнего сочинения мысли о католицизме и христианстве. Он разбивает католические догматы, указывает, в чем истинное христианство, и противопоставляет его католицизму; но потом говорит в другом месте, но в той же статье, что христианство -- рабство, потому что проповедует смирение. Кто-то писал или говорил мне, что Ницше читал мои сочинения. Некоторые выражения прямо как будто у меня взяты..." (1)

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ ПО ПРОЕКТУ ГЕНРИ ДЖОРДЖА. С. Д. НИКОЛАЕВА

Статья написана переводчиком сочинений Генри Джорджа на русский язык С. Д. Николаевым и проредактирована Толстым. Ею была заменена во втором издании "Круга чтения" легенда Толстого "Труд, смерть и болезнь", помещенная в виде "Недельного чтения" после 25 августа.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ? Л. Н. ТОЛСТОГО

Выдержка из первой главы статьи Толстого "Для чего люди одурманиваются?", написанной в 1890 году. См. т. 27.

БЕГЛЕЦ. А. П. ЧЕХОВА

Рассказ, написанный А. П. Чеховым в 1886 г. Помещен в "Круге чтения" (первое издание) без изменения текста.

(1) Неопубликованные "Яснополянские, записки" Д. П. Маковипкого, запись от 24 мая 1905 г.

СИЛА ДЕТСТВА. ПО В. ГЮГО

Такое заглавие дал Толстой своему изложению рассказа В. Гюго "Guerre civile", произнесенному им в фонограф 19 апреля 1908г. Сохранились следующие рукописи, относящиеся к изложению Толстым этого рассказа Гюго:

1. Машинописная копия с исправлениями Толстого, 8 лл. 4°. Последние 2 лл. не заполнены. *Начало*: "Убить!.. Повесить!.."; *конец*: "Пускай идет куда хочет".

В конце рукописи машинописная дата "22 апреля 08", относящаяся ко времени переписки пересказа Толстого, и рукою Гусева новая дата: "18 мая 08", относящаяся ко времени редактирования Толстым данной рукописи.

2. Автограф на 3 лл. почтового формата. *Начало*: "Убить! Застрелить!.."; *конец*: "И никто не остановил его".

Новое переложение того же рассказа.

3. Машинописная копия автографа с исправлениями рукою Гусева, внесенными под диктовку Толстого. 5лл. 4°. *Начало*: "Убить! Застрелить!" *конец*: "И никто не остановил его".

На обложке рукой Гусева дата: "1908, 19 мая".

4. Дубликат предыдущей рукописи с новыми исправлениями Толстого карандашом. 5 лл. 4°. Начало и конец те же, что и в предыдущей рукописи.

Рассказ "Сила детства" был напечатан впервые с цензурными пропусками во втором издании "Круга чтения", т. 3, М. 1912, стр. 232--235.

Снимок с одной страницы машинописной копии рассказа "Сила детства" с исправлениями Толстого был воспроизведен в N 3 журнала "Литье" (Новгород) за 1928 г.

ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ. Л. Н. ТОЛСТОГО

Сочинение чешского писателя XV века Петра Хельчицкого "Сеть веры", содержащее обличение с религиозной точки зрения существующего строя и господствующей церкви, было издано в 1893 году Академией наук под редакцией Ю. С. Анненкова. Был напечатан полный чешский текст этого сочинения, а русский перевод -- только в сокращенном изложении.

Толстой читал "Сеть веры" в 1889 году в корректурных листах академического издания, присланных ему Н. Н. Страховым. Он считал сочинение Петра Хельчицкого "одним из редких уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство" (т. 28, "Царство божие внутри вас", гл. I). "Хельчицкий, -- говорил Толстой, -- остался неизвестен

потому, что опередил свой век... Он был гораздо сильнее своего предшественника Гуса и следовавшего за ним Лютера". (1)

Статья "Петр Хельчицкий" была написана Толстым 31 марта, как это отмечено Маковицким в его записках, и проредактирована на следующий день, 1 апреля 1905 г.

(1) "Яснополянские записки" Д. П. Маковицкого, запись от 30 марта 1905 г.-- "Яснополянский сборник. Год 1955", Тульское книжное издательство. 1955. стр. 317--318.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к статье "Петр Хельчицкий":

1. Автограф. 6 лл. 4°, исписанных с обеих сторон. Начало:"(Есть) Существует мало, почти неизвестная"; конец: "нужная книга Хельчицкого", Написан в тетради в кожаном переплете, где занимает лл. 64 об. -- 69 об. Заглавие "Петр Хельчицкий".

2. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого, 11 лл., из которых 8 лл. 4°и 3 лл. --обрезки, исписанные с одной стороны. Пагинация 1--9 (два листа не нумерованы). *Начало*: "Существует (мало, почти неизвестная"); *конец*: "помещены в недельных чтениях". В конце подпись: "Л. Толстой" и дата: "1 апреля 1905". Исправления значительны по всему тексту. На лл. 6--7 наклеена из газеты "Новое время" вырезка от 25 марта 1905 г. с описанием процесса двух матросов, судившихся в военно-морском суде в Кронштадте за отказ от военной службы.

3. Копия предыдущей рукописи -- машинописная и рукой Т. Л. Сухотиной с исправлениями Толстого чернилами и карандашом. 14 лл., исписанных с одной стороны. Пагинация 1--13 (1 л. без пагинации). *Начало*: "Существует написанная"; *конец*: "помещены в недельных чтениях". Исправления значительны. Исправленные части листов 1, 3, 7, 10 были отрезаны и переписаны, и концы подклеены к тем же листам; отрезанные куски оставлены в той же рукописи. Листы 5--6 содержат выписки из предисловия к книге Хельчицкого "Сеть веры". Имеется несколько позднейших исправлений рукой И. И. Горбунова-Посадова.

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ МЕКСИКАНСКОГО ЦАРЯ

Источник этого предания установить не удалось. Предание было переписано в наборной рукописи "Круга чтения" рукою Х. Н. Абрикосова.

СМЕРТЬ СОКРАТА. Л. Н. ТОЛСТОГО

Диалог Платона "Федон", прочитанный во французском переводе, произвел на Толстого "большое впечатление" (т. 66, стр. 68). Упоминание о "Федоне" находим в Дневнике Толстого от 28 декабря 1873 г. (т. 48, стр. 68).

В работе над статьей "Смерть Сократа" Толстой поступил так же, как и в работе над статьей "Суд над Сократом и его защита": он отметил ряд мест в диалоге Платона, затем сделанные для него выписки этих мест существенно переработал и написал введение. Отметки были сделаны Толстым в книге: Платон "Федон. Разговор", перевод с объяснительными примечаниями Дмитрия Лебедева, изд. "Посредник", М. 1896. Книга сохранилась в яснополянской библиотеке.

Толстой не только отмечал в книге ряд мест для выписок, но тут же делал сокращения и на полях вносил в текст изменения и дополнения. Наряду с исправлениями стилистического характера ("прикоснулся" вместо "прикасался" и т. п.) находим здесь и вставки, имеющие серьезное смысловое значение. Так на странице 130 после слов Сократа: "Критон, мы должны петуха Асклепию; принесите этот дар" рукою Толстого сделана "ставка: "Очевидно, он хотел сказать этим то, что он благодарен богу врачебной науки, который посредством изобретенного им средства излечил его от жизни".

Толстой говорил, что он не знает "ничего более сильного о смерти", чем описание последних часов жизни Сократа, данное в "Федоне". (1)

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к статье "Смерть Сократа".

1. Выписка отдельных мест из диалога "Федон" рукою Ю. И. Игумновой, Х. Н. Абрикосова и двух неустановленных лиц, с исправлениями Толстого. 17 лл. 4°, исписанных с обеих сторон. Пагинация: 1 --16 (1 лист не нумерован). *Начало*: "I. Эх. Сам ли ты был"; *конец*: "закрыл ему рот и глаза". Заглавие рукой переписчика: "Из Федона". Исправления Толстого значительны по всему тексту сделана вставка на отдельном листе.

2. Копия предыдущей рукописи рукой Х. Н. Абрикосова с исправлениями Толстого. Первоначально содержала 10 лл. 4°, исписанных с обеих сторон. Пагинация через лист: 1--5. Исправления Толстого многочисленны. При переписке лл. 1--2, 5, 7--10 были переложены в следующую рукопись, после чего осталось 3 лл. *Начало*: "Так говорит предание"; *конец*: "Всегда духовны".

3. Копия предыдущей рукописи рукой Х. Н. Абрикосова и М. А. Шмидт с

исправлениями Толстого. 14 лл., из которых 11 лл. 4° и 1 л. -- обрезок; большинство листов исписано с обеих сторон. Пагинация: 1, 3--11 (четыре листа не нумерованы). Лл. 1--2, 5, 11--14 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "Вскоре после смерти Сократа"; *конец*: "на открытые остановившиеся глаза". Исправления Толстого значительны; сделаны вставки в тексте и на трех отдельных листах написано новое начало и окончание. Заглавие: "Из "Федона", диалога Платона".

4. Копия предыдущей рукописи рукой М. Л. Оболенской с исправлениями Толстого. Большинство листов перешло в следующую рукопись; некоторые, видимо, утрачены. 1 л. 4°. Пагинация: 6. *Начало*: "[из]вестного состояния частей тела"; *конец*: "таким же, как и вчера, соотношением"

5. Копия предыдущей рукописи рукой X. Н. Абрикосова и М. А. Шмидт с исправлениями Толстого. Большинство листов перешло в еле дующую рукопись. 2 лл. 4°, исписанных с обеих сторон. Пагинация: 6--7. *Начало*: "[из]вестного соотношения частей тела"; *конец*: "(причина моего положения есть справедливость)". Много исправлений Толстого черни лами и карандашом.

6. Копия предыдущей рукописи рукой М. А. Шмидт, X. Н. Абрикосова и М. Л. Оболенской с исправлениями Толстого. Экземпляр, с которого производился набор "Круга чтения". 11 лл. 4°, исписанных, за исключением последнего, с обеих сторон. Пагинация чернилами и черным карандашом со второго листа: 1--10. Многие листы перешли из предыдущей рукописи. *Начало*: "Вскоре после смерти Сократа"; *конец*: "открытые остановившиеся глаза". Исправления Толстого немногочисленны. Карандашные исправления Толстого обведены чернилами. Заглавие: "Смерть

(1) В. Ф. Булгаков, "Лев Толстой в последний год его жизни", изд. "Задруга М. 1918, стр. 314, запись от 24 сентября 1910 г.

Сократа (Из разговора Платона)". На л. 1 Толстым сделана надпись: "1 (Смерть) Бессмертие".

Для второго издания "Круга чтения" статья "Смерть Сократа" Толстым не просматривалась.

"ЗА ЧТО?"

Источником рассказа "За что?" послужил труд писателя-этнографа С. В.

Максимова "Сибирь и каторга" (1).

18 января 1906 г. Толстой записывает в Дневнике: "Читал вчера и нынче Максимова "Сибирь и каторга". Чудные сюжеты: 1) подносчика в кабаке, наказанного кнутом, чтоб скрыть стыд купеческой дочки, 2) чудный сюжет: "Странник" (т. 55, стр. 182).

Продолжая читать ту же книгу, Толстой в третьей части этого труда, посвященной политическим ссыльным, попадает на новый сюжет -- драматическую историю ссыльного поляка Мигурского и его жены Альбины.

Дневники Толстого сохранили следующие записи о работе над этим сюжетом. 22 января: "Вчера и третьего дня писал рассказ из Максимова. Начало недурно, конец скверно" (т. 55, стр. 182). 30 января: "Немного продолжал рассказ -- лучше" (т. 55, стр. 183). 2 февраля: "Писал "За что?" Один день порядочно, но всё не могу кончить" (т. 55, стр. 186). 6 февраля: "Нынче немного поправил "За что". Порядочно" (т. 55. стр. 189). 10 февраля: "Писал "За что". Нехорошо" (т. 55, стр. 189). 18 февраля: "Всё исправляю "За что". Медленно, но становится сноснее" (т. 55, стр. 195). 2 марта: "Поправлял за это время "За что" и отослал набирать" (т. 55, стр. 199).

Упоминания о работе над новым рассказом находим и в письмах Толстого к младшей дочери Александре Львовне, находившейся тогда за границей. 22 января Толстой писал ей: "Написал маленький рассказ, который Ю. И. [Игумнова] переписывает, и я, вероятно, буду еще много поправлять" (т. 76, стр. 87). 13 февраля: "Я написал маленький рассказ "За что", кажется, без тебя. Нехорошо" (т. 76, стр. 100).

К этому же периоду относятся следующие записи в неопубликованных "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкого, касающиеся создания рассказа, 21 января: "Лев Николаевич вынес из кабинета толстую тетрадь в кожаном переплете и дал Ю. И. Игумновой переписать то. что он писал "без складу и ладу", как он сказал". 22 января: "Лев Николаевич просил меня найти путь от Уральска до Саратова. Спрашивал, надо ли переезжать реку Урал? Сколько верст будет?

-- Около 400, -- ответил я.

-- Я думал, ближе, -- сказал Лев Николаевич".

Под 1 февраля записан следующий разговор Толстого с С. А. Стахович: "Читали вы Максимова знаменитую книгу "Сибирь и каторга"? Историческое описание ссылки и каторги до нового времени. Прочтите. Какие люди ужасы делают! Животные не могут этого

(1) С. Максимов, "Сибирь и каторга". В трех частях. Первое изд. 1871 г.. второе -1891 г., третье -- 1901 г.

делать, что правительство делает". 6 февраля Д. П. Маковицкий записывает: "Сегодня Лев Николаевич сказал мне: "У меня просьба к вам, -- злоупотребляю вашей добротой", -- и попросил меня справиться о пределах местности, в которой происходило польское восстание 1831 года: захватывало ли оно Гродненскую губернию?" 1 марта: "Напишите Бодуэну де-Куртенэ, (1) -- поручил мне Лев Николаевич, -- чтобы прислал историю польского восстания 1831 года, написанную с польской точки зрения. У Шильдера (2) сказано, что русские были несколько раз разбиты поляками, поляков было 80 000, русских войск 180 000. Может быть, это и не так. Историю и мемуары, (3) -- мне нужны характеристические подробности".

Получив письмо Д. П. Маковицкого, И. А. Бодуэн де-Куртенэ в свою очередь 9 марта 1906 г. обратился с письмом к академику А. А. Шахматову, прося его прислать Толстому из библиотеки Академии наук те книги, которые могут ему быть полезны в работе над начатым рассказом. (4)

10 марта 1906 г. Д. П. Маковицкий записывает: "Михаил Сергеевич [Сухотин] привез Льву Николаевичу из Москвы книгу Lanib'а о польском восстании 1830 года (на немецком языке). Очень обстоятельная, но Лев Николаевич недоволен ею между прочим потому, что автор ее был в штабе русских войск".

16 марта Толстой просил гостившего тогда в Ясной Поляне Н. Е. Фельтена побывать у В. В. Стасова и попросить его прислать книг о польском восстании 1830 года, сказав при этом:

"-- Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всему рассказу".

На другой день, 17 марта, были получены книги от Водуэна де-Куртенэ, и Толстой принялся за чтение их.

19 марта Толстой просил Д. П. Маковицкого найти ему том "Истории России" С. М. Соловьева -- о разделе Польши при Екатерине II.

20 апреля Маковицкий записал: "К чаю Лев Николаевич вышел со статьею Мохнацкого о польском восстании 1830 г. (в "Русской старине" или "Историческом вестнике") и прочел из нее вслух польские цитаты, некоторые из которых, кажется, хочет поместить в "За что?". Потом Лев Николаевич хотел узнать, присоединения каких областей требовали поляки в переговорах с Константином Павловичем во время восстания... Статья Мохнацкого нравится Льву Николаевичу".

В. В. Стасов лишь 14 апреля 1906 г. отправил Толстому семнадцать томов французских, немецких и польских книг о польском восстании 1830 года. (5) Но Толстой к тому времени, очевидно, уже узнал всё, что ему нужно было знать, из книг, полученных от Бодуэна де-Куртенэ. 2 мая

(1) Ян Игнатий (Иван Александрович) Бодуэн де-Куртенэ (1845--1928) --в то время профессор Петербургского университета, языковед.

(2) Н. К. Шильдер, "Император Николай I и Польша", СПб. 1892.

(3) Лев Николаевич знал немного польский язык. В рассказе "За что?" есть польские выражения, которые Лев Николаевич сам без посторонних указаний включил в него. Для исправления их по просьбе Льва Николаевича я посылал их Бодуэну де-Куртенэ. (Прим. Д. П. Маковицкого.)

(4) В. Н. Кораблев, "Лев Толстой и славянство", "Сборник статей к сорокалетии, ученой деятельности академика А. С. Орлова", изд. Академии наук СССР, Л. 1934. стр. 417--418. .

(5) "Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка". Редакция и примечания В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевсного, изд. "Прибой", Л. 1929, стр. 396--397.

он отослал Стасову полученные от него книги с письмом, в котором писал: "Благодарствуйте, Владимир Васильевич, за книги о Польской революции. Возвращаю их вам с великой благодарностью, хотя и не воспользовался ими" (т. 76, стр. 157).

Корректуры "За что?" были получены Толстым около 20 апреля 1906 г. (штамп типографии на первых корректурах: 15 апреля -- см. описание рук. N 15). 25 апреля Толстой отметил в Дневнике: "За это время поправил плохо "За что?" (т. 55, стр. 218).

Рассказ в первом автографе имел название "Непоправимо"; то же название сохранено и в первой копии, исправленной автором. Во второй копии, вновь им исправленной. Толстой дает рассказу окончательное название -- "За что?".

Текст рассказа был переделан Толстым пятнадцать раз (см. описание рукописей). Центр внимания Толстого при переработке рассказа -- углубление психологического анализа изображаемых им лиц в связи с обличением деспотизма николаевской эпохи и, как во всех его произведениях, художественная отделка деталей.

Весь рассказ проникнут чувством живой симпатии к польскому народу, угнетение которого всегда вызывало в Толстом негодование против русского правительства, о чем имеются свидетельства различных мемуаристов. Так, Д. П. Маковицкий 25 января 1905 г. записывает:

"За обедом Лев Николаевич спросил, что нового? Ему ответили, что в Варшаве волнения, по русским газетам -- 180 человек убитых. Замазали русские надписи на вывесках. Ждут волнений в Лодзи.

-- Не могу не сочувстовать полякам, как их обижают, -- сказал Лев .Николаевич". (1)

В дневнике Н. Н. Гусева под 1 июля 1908 г. записано: "На днях Лев Николаевич сказал:

-- Во мне с детства развивали ненависть к полякам, и теперь я отношусь к ним с особенною нежностью, отплачиваю за прежнюю ненависть". (2)

Толстой желал, чтобы рассказ "За что?" стал известен польским читателям. 4 июля 1908 г. он писал польскому журналисту Врублевскому:

"М. Г. Благодарю вас за присылку вашего журнала. Я давно уже предоставил всем право перепечатки и переводов всех моих сочинений с 1881 года. Помещение же моих писаний в вашем и вообще в польских изданиях мне особенно приятно. Может быть, некоторые из моих писаний, как рассказ "За что?", письмо к Сенкевичу, а также только что законченная мной статья "Закон насилия и закон любви", посвященная, между прочим, вопросу об угнетении мелких народностей, могли бы представлять интерес для польской публики. Все они к вашим услугам" (т. 78, стр. 174).

Посетивший Толстого 20 сентября 1908 г. Ю. О. Якубовский в своих "Воспоминаниях" рассказывает:

"Льву Николаевичу я передал, что в Петербурге успел собрать некоторые юбилейные номера польских журналов, и познакомил его с содержанием статьи в журнале, -- отклик на статью "За что?". Лев Николаевич

(1) Д. П. Маковицкий, "Яснополянские записки", вып. 2, стр. 74.

(2) Н. Н. Гусев, "Два года с Л. Н. Толстым", изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 185.

вспомнил о своем прежнем отношении к полякам, "а теперь у меня явился особый прилив нежности к польскому народу", что и вылилось в этом рассказе". (1)

Фабула Максимова была переработана Толстым следующим образом.

Альбина и Мигурский являются действительными личностями; сохранены не только их имена, но и события их жизни.

Автором введены новые лица: семья Альбины -- отец, мать, старшая сестра и ссыльный поляк Росоловский. Казаку, сопровождавшему Мигурских при побеге и только вскользь упомянутому Максимовым, Толстой в окончательной редакции рассказа отводит всю последнюю главу, рассказывает всю его прошлую жизнь и участие в сражениях и завершает рассказ раскаянием казака в своем поступке и, как следствие этого, беспробудным пьянством в течение трех дней.

Сделаны некоторые изменения в самой фабуле, опущен ряд подробностей; так в тексте Толстого отсутствует следующая имеющаяся у Максимова подробность: "В Саратов явились супруги уже пленными, и там еще до сих пор помнят тот потрясающий момент, когда супруги Мигурские вошли в костел и пали на колени перед гробом детей своих: она в трауре, он -- в кандалах".

Толстой воспользовался также и описанием в книге Максимова прогнания сквозь строй ссыльных поляков, замысливших поднять восстание в Сибири, его рассказом о грандиозном заговоре, устроенном ссыльным ксендзом Сироцинским (бывшим приором базилианов в Овруче) и охватившем всю Сибирь. Цель заговора была -- отделить Сибирь от России, освободить всех ссыльных от каторжных работ, а в случае неудачи всем с оружием бежать в Ташкент и Бухару, где было много поляков. По доносу трех участников Сироцинский и многие другие были арестованы. Виновных судили и приговорили к прогнанию сквозь строй и затем к ссылке в каторгу или на поселение.

В седьмой главе этот эпизод передается вымышлением лицом -- ссыльным поляком Росоловским, который будто бы был замешан в заговоре. Рассказ Росоловского за исключением некоторых деталей близок к своему источнику.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к рассказу "За что?":

1. Автограф. Написан в переплетенной тетради из нелинованной бумаги, заключающей первые редакции нескольких произведений Толстого 1902--1906 гг. Рассказ "За что?", имеющий здесь заглавие "Непоправимо", занимает лл. 93--104. В автографе много исправлений и вычеркнутых мест. Деления на главы еще нет. *Начало*: "Это было в 1828 году весною"; *конец*: "и в тот же год тихо умерла". Так как в дальнейших рукописях рассказ был совершенно переработан автором, даем эту первую редакцию полностью в вариантах под N 1.

2. Машинописная копия автографа. Содержала первоначально 16 лл. 4°, исписанных с одной стороны и нумерованных машинописью. Из них утрачены: верхняя часть л. 14 (несколько строк) и л. 16. Заглавие "Непоправимо".

(1) Ю. О. Якубовский, "Воспоминания", "Толстовский ежегодник 1913 года", изд. Общества Толстовского музея в Петербурге и Толстовского общества в Москве, СПб. 1914, отд. III, стр. 47.

Начало: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "и на ночь приходи". Деления на главы еще нет. Исправления Толстого очень обильны. Действие рассказа отнесено не к 1828 году, как в первом автографе, а к 1830. Более определенно указано местоположение имения Ячевского: в первом автографе было сказано, что оно находилось "в одной из польских губерний", теперь же имение называется "гродненским". Изменено имя старшей дочери Ячевских Эрнестина на Ванда. Толстой хочет дать более яркое описание наружности Альбины. Ранее про нее было сказано только:

"живая, быстрая, худенькая", теперь она сначала "живая, как козочка, черноглазая, с ореолом вьющихся волос", а затем -- "живая, белокурая, с широко расставленными голубыми кроткими, живыми глазами". Тут же из этой характеристики выбрасываются слова: "кроткими, живыми".

Далее распространяется описание поэтической влюбленности Мигурского и Альбины во время пребывания Мигурского в имении Ячевских, говорится о патриотическом подъеме в семье Ячевских при известии о начале польской революции, письмо Мигурского из ссылки с выражением надежд на возрождение Польши и разговор Альбины с матерью перед ее отъездом к Мигурскому. Перед описанием влияния восстания 1830 года на семью Ячевских автор делает на отдельном листе почтового формата большую вставку, касающуюся этого восстания. Печатаем ее в вариантах под N 4.

Изменяется характеристика полковника (см. вариант N 1, стр. 394, строки 25--27):

"Полковой командир был человек необразованный, но добрый сердцем и потому понимавший, что вина Мигурского не была виною, и уважал Мигурского, уважал особенно за его образование, которого сам был лишен".

Картина, где описывается, как прогоняли сквозь строй, в первой редакции очень краткая, целиком зачеркивается (лл. 10--11) и заменяется новою.

Лист 11 разрезается на две части, между которыми вкладывается отдельный лист почтового формата, содержащий вставку -- разговор Альбины с Росоловским. Рассказы Росоловского и разговор с ним Альбины см. в варианте под N 9.

При переписке рассказа некоторые листы переписывались целиком, другие же разрезались на части, и переписывались только наиболее обильные авторскими исправлениями места, а менее исправленные куски текста просто перекладывались в следующую рукопись, где обычно подклеивались к другим листам. Таким образом из рукописи N 2 перешли в следующие рукописи л. 4, верхняя часть л. 5, средняя часть л. 6, верхняя и нижняя части л. 7, л. 8, средняя часть л. 9, лл. 12--15, после чего в данной рукописи осталось всего 14 лл., из которых 4 лл. 4°, 2 лл. почтового формата 8 -- обрезки.

3. Машинописная копия первых четырех листов предыдущей рукописи и вставки на л. 3. Содержала первоначально 6 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "ссылают солдатом и линейный батальон в город Уральск". Деления на главы нет.

На второй странице этой рукописи, в характеристике отношений Мигурского к Альбине, после слов: "нравилось, как она, продолжая весело

смеяться глазами, принимала серьезный вид при мрачном отце", прибавлено: "когда он ругал, как он называл ее, распутную гадину Екатерину и негодяя ее любовника Понятовского".

Далее в рукописи более пространно говорится о влиянии польского восстания на семью Ячевских вообще и в частности на Альбину. Даем это описание в вариантах под N 2.

При переписке рукописи лл. 1 и 4 были разрезаны на две части, а лл. 2 и 6 -- на три. Верхняя часть л. 1, а также верхняя и нижняя части л. 2, нижняя часть л. 4 и средняя часть л. 6 переложены в следующую рукопись, равно как и весь л. 5. Лист 3 посредине надрезан -- очевидно, ошибочно. После переписки и перекладывания листов и частей их в следующую рукопись в данной рукописи осталось 5 лл., из которых 1 л. -- 4°, а остальные -- обрезки.

4. Машинописная копия предыдущей рукописи. Содержала первоначально 21 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "ничего не знаю, знать не знаю". Деление на главы X-- XII.

В главе I в описании наружности Альбины прибавлено: "некрасивая, костлявая". Далее впервые дается характеристика Мигурского:

Мигурский был сильный, ловкий, красивый, веселый юноша, блестяще кончивший университет в Варшаве и только что вернувшийся из-за границы.

Вводится новая фигура ксендза, уговаривающего Альбину оставить намерение бежать из дома. Даем этот кусок текста в вариантах под N 3. В главе VI после слов Николая I: "Пускай служит. Рано", написан текст, дошедший без изменений до окончательного. Далее внесены поправки в главу VII, где говорится о болезни детей Мигурских и в главе VIII -- описания прогнания сквозь строй.

В гл. VII фраза: "Но вдруг на семейную жизнь их пало страшное для матери несчастие" дается теперь в такой редакции:

"Но вдруг на семейную жизнь их обрушилось, как балка с потолка, страшное, непонятное, как им казалось, жестокое, ненужное горе".

Следующая фраза:

"Заболела девочка, через два дня заболел мальчик: горел три дня и несмотря на помощь врачей умер".

изменяется таким образом:

"Заболела девочка, через два дня заболел мальчик: горел три дня и без

помощи врачей (никого нельзя было найти) умер".

Описание прогнания сквозь строй (гл. VIII) в предыдущей рукописи начиналось следующими словами:

"Два батальона солдат, около 1000 человек добрых русских мужиков, ничего не имеющих против поляков и их свободы, должны были, вытянувшись длинной улицей, стоять с палками и бить по оголенной спине тех несчастных людей -- да каких людей -- самых лучших людей польского общества".

Теперь Толстой вычеркивает слова: "да каких людей -- самых лучших людей польского общества" и заменяет их следующими:

"которые были виновны в том, что хотели избавиться от тех злодейств, которые производились над их братьями и ими самими".

Дальнейшее описание изменено так:

"Два унтер-офицера тащили одного за другим этих людей, привязанных руками к прикладам ружей. По этой палочной улице русские мужики, одетые в мундиры, должны были по приказанию полу-немца Николая на смерть забивать этих людей".

Далее из характеристики доктора Шакальского: "Этого чистого, святого человека, друга всех бедных, истинного христианина" -- выпущены слова: "истинного христианина".
В описании прогнания сквозь строй ксендза Сироцинского фраза:

"Он отказался и только крестил свою худую, впалую старческую грудь"

заменяется следующей:

"Он отказался и только крестил свою лысую, с седыми висками, чудную голову и худую, впалую, желтую старческую грудь с выступающими ребрами".

Рассказ Росоловского о прогнании сквозь строй ксендза Сироцинского заканчивается теперь так:

"-- И это за то, что любил свой народ и хотел служить ему, -- вскрикнула Альбина и разрыдалась.

Росоловский тоже всхлипывал.

-- Охота вам говорить про это, -- говорил, ходя с трубкой до комнате, то заходя в темную спальню, то выходя из нее, Мигурский, стараясь быть твердым. Но глаза и у него были красны и блестящи. И он после последних слов Росоловского долго оставался в темной спальне".

Следующая IX глава начинается сообщением Альбины Мигурскому своего плана побега.

Конец рассказа, содержащий трагический финал всего эпизода, пишется автором заново. Он зачеркивает целиком последний 21 лист рукописи и на обеих сторонах его, а также на приложенных двух листах почтового формата пишет новый конец. См. вариант N 15.

При переписке рукописи верхняя часть л. 1, л. 2, верхняя и средние части л. 5, средняя часть л. 6, нижняя часть л. 8, лл. 9--11, верхняя и нижние части л. 12, нижняя часть л. 13, средняя часть л. 14, верхняя и средняя части л. 15, средняя часть л. 16 и верхняя часть л. 20 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 20 лл., из которых 4 лл.--4°, 2 лл.--почтового размера, 12 -- обрезки и 2 лл. -- склеенные из кусков.

5. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 32 лл., исписанных с одной стороны, за исключением лл. 27--31, исписанных с обеих сторон и заключающих, также как и л. 32, собственноручно написанную Толстым новую редакцию конца рассказа. *Начало*: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "которому непрестанно молилась".

В главе I впервые определенно названо ("Рожанка") имение Ячевских. В той же главе по-новому описывается наружность Альбины. Изменяется и данная в предыдущей рукописи характеристика Мигурского.

Мигурский был широкий, полный, белотелый, красивый юноша, только что вернувшийся из-за границы, куда он ездил, (чтобы придать еще больший лоск) окончив университет в Варшаве.

Далее в той же главе в рассказе об отношении Мигурского к Альбине, к внесенным в предыдущей рукописи словам: "когда он[Ячевский] ругал, как он называл ее, распутную гадину Екатерину и негодяя ее любовника Понятовского", сначала прибавляется:

"погубивших Речь Посполитую".

Затем вся эта фраза вместе с новым прибавлением вычеркивается.

Характеристика полкового командира (гл. V), введенная в рукописи N 4, в данной рукописи вычеркивается. Изменения коснулись вновь описания прогнания сквозь строй (гл. VII). Фраза предыдущей рукописи:

"а русские мужики, одетые в мундиры, должны были по приказанию

полунемца Николая на смерть забивать этих людей"

изменяется теперь так:

"а солдаты, простые русские люди, ничего не знающие ни про Польшу, ни про раздел ее, должны были по приказанию своих начальников, тоже ничего или мало знающих про раздел Польши и про причины и выгоды его, должны были на смерть забивать этих людей".

Большие изменения внесены в главу XI (описание побега). В предыдущей рукописи глава эта начиналась словами: "Солнце играло на воде озер, ковыле, и сердце замирало и играло в груди Альбины".

Теперь Толстой зачеркивает лаконически изображенный пейзаж и начинает прямо со слов: "Сердце замирало и играло в груди Альбины". Вся глава значительно сокращена. Выпущено описание подозрений казака и его решения идти с доносом к воинскому начальнику. Глава заканчивается так:

"Альбина стала будить казака.
-- Лифанов.
-- Чаго.
- Ехать пора. Сходи за лошадьми.
-- Можно.
Казак вскочил, надел шапку и пошел на станцию".

В следующей XII главе вводится новый эпизод -- визит Альбины к саратовскому губернатору, которому дается резкая характеристика:

"Губернатор, старый волокита, был восхищен обворожительной вдовой полькой, прекрасно говорящей по-французски и так мило улыбающейся, и всё разрешил ей и просил ее приехать еще завтра к нему (за разрешением) проститься с ним. Она всё обещала ему, с трудом удерживая то отвращение, которое кипело в ней и как к москалю и как к отвратительному старому развратнику, и все-таки счастливая и довольная успехом возвращалась назад по немощеной улице назад к гостинице".

Следующая XIII глава пишется заново. В ней дается характеристика казака, который в предыдущих редакциях назывался Мирон, а здесь -- Данила Лифанов. Характеристика эта без всяких существенных изменений доходит до окончательного текста.

Заново пишется и финал рассказа. Новое окончание см. в вариантах под N 16.

В процессе переписки нижняя часть л. 4, средняя часть л. 5, верхняя и нижняя части л. 7, нижняя часть л. 8, лл. 12--17, нижняя часть л. 18, нижняя часть л. 19, верхняя и средняя части л. 20 и лл. 21--27 переложены в рукопись N 6, после чего в данной рукописи осталось всего 19 лл., из которых 9 лл. 4°, 2 лл. склеенных пз кусков, 1 л. почтового формата и 7 обрезков. Нижняя часть л. 20 утрачена.

6. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 32 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "которому непрестанно молилась".

В этой рукописи значительно распространяется глава IV (разговор Альбины с матерью перед отъездом к Мигурскому) и особенно глава V (описание жизни Мигурского в Уральске и его переписка с Альбиной), вносятся новые детали в описание приезда Альбины к Мигурскому. Глава эта начинается следующими словами:

"Мигурский жил теперь не в казармах, а на своей отдельной квартире. Николай Павлович желал мучить несчастных поляков всячески -- и физическими страданиями, и бедностью, и унижением, но те простые люди, которые должны были исполнять его распоряжения, были нравственно несравненно выше его, и потому тот из бурбонов выслуживишийся майор, который командовал батальоном, в который был зачислен Мигурский, понимал положение бывшего богатого, образованного молодого человека, лишившегося всего ради своего благородного увлечения, и жалел его, и уважал, и делал ему всякого рода послабления. Несмотря на всё то отвращение, которое испытывал Мигурский ко всему русскому, он не мог не оценить добродушия майора с белыми бакенбардами на красном лице и, чтобы отплатить ему, согласился учить его сыновей, готовящихся в корпус, математике и французскому языку".

Далее, в описании приезда Альбины к Мигурскому, в фразе: "Из-под капора с заиндевевшими ресницами сияли из румяного лица жизнерадостные блестящие глаза, с которыми он думал, что навсегда простился", -- после слова "жизнерадостные" прибавлено: "широко расставленные". При переписке рукописи л. 1, нижняя часть л. 2, л. 3, нижняя часть л. 4, лл. 5 и 6, верхняя часть л. 9, л. 10, нижняя часть л. 14, л. 15, нижняя часть л. 17 и лл. 18--32 переложены в рукопись N° 7, после чего в данной рукописи осталось всего 15 лл., из которых 1 л. 4°, 3 лл. склеенные из кусков, 1 л. почтового формата (вставка на л. 11) и 10 обрезков. *Начало*: л. 1: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: л. 15: "сам увлекался делом и начинал".

7. Мапшнописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 34 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "которому непрестанно молилась"

Автор делает значительные изменения в главе I -- в характеристике семьи Ячевских и в рассказе о приезде к ним Мигурского. Отец Ячевский в предыдущей рукописи был охарактеризован следующими словами:

"Пан Ячевский был больной, беспокойный конфедерат времен Понятовского, старик, мучивший свою семью своими и действительными и выдуманными болезнями и хуже болезней -- беспрестанно изменяемыми способами лечения".

Теперь он характеризуется так:

"Пан Ячевский был шести(десяти)пятилетний старик, патриот времен Понятовского, ненавидящий всеми силами своей патриотической души апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину вторую, погубившую Польшу".

Далее, в описании жены Ячевского к словам: "Пани Ячевская была когда-то красавица из небогатой семьи, вышедшая очень молодой замуж" прибавляется:

"за немолодого мужа. Пани Ячевская была вся поглощена преданностью обожаемому мужу и желанием служить ему, чем могла. А могла она служить теперь только хозяйственными заботами и ухаживанием за ним. И удивительное дело -- это-то ухаживание за ним, за матерьяльными его нуждами только раздражало его".

В характеристике Альбины прибавляется: "любимица отца"; прибавляются также, но тут же и вычеркиваются слова: "радость всей семьи, балованная". Далее из характеристики Альбины вычеркивается эпитет "некрасивая", а вместо слов: "с широко расставленными голубыми глазами" читаем теперь: "с широко расставленными большими блестящими серыми глазами".

В начале главы III в описании польской революции вычеркнута фраза:

"Восторг поляков высших сословий в первое время восстания, при первых успехах, был так велик, что заражал всех -- и городских жителей, и хлопов, и в особенности женщин".

Далее после фразы: "Но восторг поляков при первых успехах продолжался недолго" прибавлено:

"Десятки тысяч бессловесных рабов в виде солдат было пригнано в Польшу, и количество их задавило поляков".

В последней главе вносятся новые подробности в рассказ о несчастном конце предприятия Мигурских и отчаянии Альбины. Этот текст см. в вариантах под N 17.

В остальных главах рассказа были произведены лишь небольшие исправления, вследствие чего большая часть листов была переложена в цельном или разрезанном виде в следующую рукопись, а именно: нижняя часть л. 2, лл. 4--6, верхняя и нижняя части л. 7, л. 8, верхняя и нижняя части л. 9, лл. 10--11, верхняя часть л. 12, нижняя часть л. 13, лл. 14--16, нижняя часть л. 17, лл. 19--23, верхняя часть л. 24, лл. 26--32 и л. 34, после чего в данной рукописи осталось всего 12 лл., из которых 4 лл. --4°, 1л. -- склеенный из кусков и 7 обрезков. *Начало* л. 1: "Это было в 1830 году весною"; *конец* л. 12: "Она пронзительно вскрик".

8. Машинописная копия предыдущей рукописи. Содержала первоначально 34 л., исписанных с одной стороны. *Начало*: "Это было в 1830 году весною"; *конец*: "и что жизнь его б[ыла] великим благом для человечества".

Глава I вновь значительно перерабатывается автором. Впервые дается описание наружности старика Ячевского, соответствующее окончательному тексту, сообщаются новые данные из биографии Ячевского.

После слов: "Ячевский ненавидел апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину вторую" зачеркнуто: "погубившую Польшу" и прибавлено:

"и изменника ее (жалкого) мерзкого любовника Понятовского".

Далее сообщаются новые данные из биографии Ячевского:

"В двенадцатом году он командовал полком в войсках Наполеона, которого он обожал и был на открытии Александром I сейма в Варшаве, а после 25 года вдовцом женился на молодой шляхтенке и поселился в деревне".

Характеристика второй жены Ячевского, данная в предыдущей рукописи, от слов: "Пани Ячевская была вся поглощена", кончая: "раздражали его" -- изменяется теперь следующим образом:

"Она вся была поглощена домашними заботами, воспитанием нелюбимого отцом сына и желанием служить обожаемому мужу. (И она все силы свои) Но приятный, веселый собеседник с соседями и товарищами по охоте и нежный отец к дочерям, пан Ячевский был всегда ворчлив с женою, и ее ухаживание за ним раздражало его".

В описании отношения Мигурского к Альбине вычеркнута фраза:

"Но стоило Альбине убежать из комнаты (она всегда бегала, а не ходила) для того, чтобы оставить Мигурского наедине с Вандой, и Мигурский становился стеснен и грустен".

В характеристике Альбины в фразе: "Нравилась, главное, ее восторженная, ласковая ко всем жизнерадостность" вычеркнуты слова: "ласковая ко всем", и прибавлена фраза, дошедшая до окончательного текста:

"Точно как будто она только что сейчас узнала вполне всю прелесть жизни и спешила воспользоваться всеми ее радостями".

В конце главы II перерабатывается объяснение Альбины с отцом после ее попытки бежать из дома. В предыдущей рукописи было так:

"Мать сказала отцу. Он призвал ее к себе и посмеялся над ней. Она оскорбилась, вспыхнула и объявила ему, что она не послушается его и все-таки уйдет из дома. Отец велел запереть ее. Мать уговаривала ее, но Альбина ничего не хотела слышать и говорила, что она все-таки убежит, как только ее выпустят. Мать пригласила ксендза, чтобы уговорить ее. Ксендз долго усовещевал ее и наконец добился от нее обещания, что она не уйдет из дома".

Теперь это место дается в следующей редакции:

"Мать сказала отцу. Он объявил ей, чтобы она выбросила из головы эти глупые мысли и сидела бы смирно, помогая матери и занимаясь братом. Но Альбина, всегда покорная отцу, возмутилась и сказала, что она не послушается его и все-таки уйдет из дома. Отец прогнал ее от себя. Мать нежно уговаривала ее и наконец добилась того, что Альбина обещала ничего не предпринимать, не сказавши (родителям) ей".

В главе VI описание постигшего Мигурских горя -- смерти детей -- в предыдущей рукописи начиналось так:

"Но вдруг на семейную жизнь их обрушилось, как балка с потолка, страшное, непонятное, как им казалось, жестокое, ненужное горе".

Из этой фразы вычеркивается сравнение: "как балка с потолка".

В главе VII перед рассказом Росоловского о прогнании сквозь строй

раньше говорилось:

"Мигурский понимал, как тяжело было бы Росоловскому рассказывать про это дело, и потому, хотя и часто видал его, никогда не расспрашивал ни о самом этом деле ни об его ужасных последствиях. Но в один вечер Росоловский разговорился и рассказал всё, что знал и видел".

Теперь сказано иначе:

"В первый же вечер посещения Росоловским Мигурских он, естественно, стал рассказывать про всё это дело".

Вносятся изменения и в самый рассказ Росоловского о прогнании гквозь строй. Даем эту новую версию рассказа в вариантах под N 10.

В начале главы IX выпущена фраза:

"Отчаяние Альбины трогало всех видевших ее. Она играла свою роль так, что часто муж, слушая ее из чулана, изумлялся на силу ее дарования".

В конце той же главы дается более подробное описание того ящика, в котором Мигурский должен был совершить свой побег.

В начале главы X, описывая душевное состояние Альбины во время бегства, Толстой делает вставку:

"Погода, дорога, лошади, добродушный казак Данило Лифанов, всё было так хорошо".

Эта короткая вставка тут же зачеркивается, и на всем протяжении последних глав рассказа, начиная с главы X, описывающих историю побега Мигурского и его трагический финал, автором делаются значительные исправления и дополнения, вносящие новые подробности, оживляющие рассказ.

На отдельном листе делается большая вставка -- описание природы степного края, по которому проезжали беглецы. На том же листе (29) рукописи делается другая большая вставка -- характеристика няни Лудвиги и описание душевного подъема обоих Мигурских в ожидании удачного окончания побега.

Третья большая вставка (л. 31), относящаяся к главе XI, описывает приезд беглецов в слободу Покровскую, настороженность казака, подозревавшего что-то неладное, и встревоженность Альбины.

Далее, в описании возвращения Альбины на постоялый двор, дается новая картина природы, дошедшая почти неизмененной до последней

редакции.

В заключении рассказа впервые появляются строки, посвященные Николаю I. Это заключение вместе с главой XII, по-новому описывающей трагический финал замысла Мигурских, см. в вариантах под N 18.

При переписке верхняя и нижняя части л. 3, л. 32, верхняя часть п. 7, лл. 8--13, нижняя часть л. 15, л. 21, нижняя часть л. 31 и верхняя часть л. 32 переложены в рукопись N 9, после чего в данной рукописи осталось 35 лл., из которых 8 лл. 4°, 11 лл. склеенных из кусков, 4 лл. почтового формата и 12 обрезков. Нижняя часть л. 18 (вероятно одна строка) утрачена.

9. Машинописная копия предыдущей рукописи. Содержала первоначально 40 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "В 1830 году весною, к пану Ячевскому"; *конец*: "была великим благом для человечества".

В главе I вновь сделан ряд существенных изменений и дополнений, например, характеристика отношений старика Ячевского к его второй жене.

Переделывается, приближаясь к окончательному тексту, и объяснение Альбины с отцом после ее неудачной попытки бежать из дома.

Начало главы III, дающее характеристику настроения польского народа во время революции 1830 года и после подавления ее, сначала поправляется, затем вычеркивается целиком и пишется заново па двух отдельных листках. Это новое начало главы III приводится в вариантах под N 5.

Значительные исправления внесены в главу V -- описание жизни Мигурского в ссылке и приезда к нему Альбины. Дается более подробный рассказ о их переписке перед приездом Альбины, об отправке ею на его имя денег и его отказе принять их.

В конце главы VI распространяется описание подавленного состоянии Альбины после смерти детей. Это описание см. в вариантах под N 7.

В главе VIII более подробно излагается план побега, причем инициатива осуществления плана побега Мигурского исходит теперь не от Альбины, как это было в первой и во всех последующих рукописях, а от Росоловского. Этот кусок текста приводится в вариантах под N 12.

Снова перерабатывается трагическая развязка события. См. в вариантах под N 19.

При переписке верхняя часть листа 1, нижняя часть л. 2, нижняя часть л. 3, верхняя часть л. 4, верхняя часть л. 6, нижняя часть л. 8, л. 9, нижняя часть л. 12, верхняя часть л. 15, л. 17, верхняя часть л. 21, средняя часть л. 22, нижняя часть л. 23, л. 25, средняя часть л. 26, лл. 27--37, верхняя и средняя части л. 38 -- переложены в рукопись N11, после чего в данной рукописи осталось всего 34 лл., из которых 5 лл. 4°, 2 лл. 8°, 2лл. 4. почтового формата, 4 лл. склеенных из кусков и 21 -- обрезки. Нижняя часть л. 16 (несколько строк) и нижняя часть л. 24 утрачены.

10. Машинописная копия лл. 35 и 36 предыдущей рукописи. 2 лл., исписанных с одной стороны и нумерованных теми же цифрами 35 и 36. Новая редакция развязки рассказа, данная Толстым в этой рукописи, приводится в, вариантах под N 20.

При переписке нижняя часть л. 1 (35) и весь л. 2 (36) переложены в следующую рукопись. *Начало* оставшегося обрезка: "А вот и барынька сама"; *конец*: "вся трясясь от рыданий".

11. Машинописная копия рукописей NN 9 и 10. Содержала первоначально 42 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "В 1830 году весною к пану Ячевскому"; *конец*: "все его глупые силы".

В главе I, дающей характеристику семьи Ячевских и описывающей приезд к ним Мигурского, дается ряд новых подробностей, приближающих эту главу к окончательному тексту. То же следует сказать и относительно главы II (приготовления Альбины к бегству из дома).

По-новому излагается начало главы III (рассуждения автора относительно польской революции 1830 года). См. в вариантах под N 6.

В главе V более подробно описывается встреча Мигурским Альбины, приехавшей разделить его изгнание. См. в вариантах под N 8.

В главе VI делается большая вставка на тему о том, что Мигурский и Альбина только после женитьбы по-настоящему узнали друг друга. В той же главе более подробно и ярко (близко к окончательной редакции) описывается отчаяние Альбины после смерти детей.

В главе VIII с другим оттенком рассказывается о согласии Альбины на план Росоловского (см. вариант N 13). Многочисленные исправления вносятся и в описание приготовлений к побегу.

В главе IX более подробно описывается душевное состояние Альбины на кладбище перед могилами детей. См. вариант N 14.

Ряд исправлений вносится в главу X -- описание побега.

Вновь переработана трагическая развязка рассказа. См. в вариантах под N 21.

Распространяются заключительные строки рассказа, посвященные Николаю I, которые приводим в вариантах под N 23.

При переписке рукописи нижняя часть л. 2, нижняя часть л. 4, средняя часть л. 5, нижняя часть л. 6, средняя и нижняя части л. 7, лл. 8--12, верхняя и нижняя части л. 13, верхняя часть л. 14, л. 17, верхняя часть л. 18, верхняя и нижняя части л. 19, лл. 20--23. нижняя часть л. 25, верхняя часть л. 26, л. 27, нижняя часть л. 28, лл. 31--33, средняя часть л. 34, лл. 36--39 и верхняя часть л. 40 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось всего 32 лл., из которых 4 л. 4°, 2 лл. 8°, 3 лл. склеенных из кусков и 23 -- обрезки.

12. Машинописная копия предыдущей рукописи. Заключала первоначально 46 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "В 1830 году

весною"; *конец*: "все его глупые силы".

Исправлений Толстого значительно меньше, чем в предыдущих рукописях. Переделка коснулась конца главы II (разговор Альбины с отцом по поводу ее намерения бежать из дома), начала главы IV (смерть Ячевского и восторженное отношение Альбины к Мигурскому), главы IV (отношение Мигурских друг к другу после женитьбы), конца главы VI (отчаяние Альбины после смерти детей). Значительно переделывается глава VII. Впервые дается характеристика Росоловского. Рассказ Росоловского в новой редакции см. в вариантах под N 11.

Далее вносятся исправления в главу VIII (приготовления к побегу) и очень значительно переделывается, приближаясь к окончательному тексту, последняя глава -- раскрытие побега и арест Мигурского.

Впервые дается описание наружности полицеймейстера, явившегося арестовать Мигурского: он был "маленький, коренастый, безобразный, с черными бакенбардами", говоривший "громко, хриплым повелительным голосом". На отдельном листе делается большая вставка, описывающая душевное состояние Альбины при аресте мужа.

В заключительной части более подробно описывается жизнь Мигурских на поселении в Сибири. См. в вариантах под N 22.

При переписке рукописи верхняя часть л. 44 переложена в рукопись N 13, а лл. 1--5, верхняя часть л. 6, лл. 8--10, 12--16, верхняя часть л. 17, л. 20, верхняя часть л. 28, л. 29, л. 32, нижняя часть л. 33, лл. 36--39 и 42--43 переложены в рукопись N 14. В данной рукописи осталось всего 25 лл., из которых 11 лл. 4°, 8 лл. склеенных из кусков, 1 л. почтового формата и 5 -- обрезки.

13. Машинописная копия лл. 22, 30,31,44, 45 (со вставкой) и 46 предыдущей рукописи. Содержала первоначально 8 лл., исписанных с одной стороны. Были переписаны наиболее испещренные авторскими поправками листы, относящиеся к главам: VI (отчаяние Альбины после смерти детей), VIII (обсуждение планов побега) и особенно к последней XII главе. Дается характеристика провожавшего Альбину казака Данилы Лифанова, близкая к окончательному тексту.

При переписке рукописи нижняя часть л. 5 и лл. 6--8 переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось всего 5 лл. в том числе 3 лл. 4°, 1 л. склеенный из кусков и 1 обрезок.

14. Полная машинописная копия всего рассказа. 50 лл., исписанных с одной стороны. *Начало*: "В 1830 году весною"; *конец*: "все его глупые силы".

Автор сделал во всех главах ряд исправлений.

В главе I вычеркнуто описание наружности Мигурского. В главе V вычеркивается фраза в характеристике Мигурского "несмотря на всё то отвращение, которое испытывал Мигурский ко всему русскому".

Более всех перерабатывается последняя XII глава -- донесение казака и арест Мигурского. Полицеймейстер теперь "осанистый, толстопузый человек".

Вводятся новые подробности в описании ареста Мигурского, отчаяния Альбины и впечатления, произведенного этим арестом на казака.

На последней странице обложки, в которую была заключена рукопись, написан черновик письма к Г. Е. Бычкову от 13 февраля 1906 г.

15. Первая корректура рассказа для "Круга чтения" в издании "Посредник". Штамп типографии т-ва И. Н. Кушнерева и К° с датой 18 апреля 1906 г. Четырнадцать гранок с многочисленными исправлениями Толстого. *Начало*: "В 1830 году весною"; *конец*: "все его глупые силы".

В главе I к характеристике старика Ячевского после слова "широколобый" прибавляется: "широкоплечий, широкогрудый". Вводятся новые подробности об отношении старика Ячевского ко второй жене. Из описания отношения Мигурского к Альбине в его приезд к Ячевским вычеркиваются слова: "Нравилось то, что всех поражало в ней: необыкновенный драматический талант".

В главе 11 прибавляются некоторые фактические подробности о ходе польского восстания 1830 года. В фразе: "Она [Альбина] рассматривала карту, рассчитывала, где и когда должны быть окончательно побеждены русские" слово "русские" заменено словом "москали".

В главе III слова: "варваров русских" заменены словами: "еще более ненавистных москалей".

В главе IV в фразе: "провожавшими ее в дальний неведомый край к москалям" слова: "к москалям" заменены словами: "варварской Московии". В главе V в характеристике батальонного командира слова: "из бурбонов выслужившийся" заменены: "выслужившийся из солдат". В описании отношения батальонного командира к Мигурскому слова: "понимая положение... молодого человека, лишившегося всего ради того, что желал свободы своему народу" заменены:

"понимал положение молодого человека, лишившегося всего ради любви к своей родине, такой же самой, которую он испытывал к своей".

Новые подробности вносятся в описание приезда Альбины к Мигурскому. В главе VI в описание жизни Мигурских делается вставка, которая тут же и зачеркивается.

"То, что он узнал по Альбине о женщинах вообще, разочаровало его, разрушило его романтическое представление о женщине".

В главе VII зачеркивается почти целиком и почти весь пишется заново

рассказ Росоловского о том, как прогоняли сквозь строй. Начало нового текста написано на нижней, незаполненной части шестой гранки. Текст этот был переписан Ю. И. Игумновой, и сделанная ею копия была подклеена к тон же гранке. Толстой просмотрел копию и сделал в ней новые исправления.
Делаются вставки и исправления и во все дальнейшие главы рассказа до самого конца. В главе X сокращена характеристика Людвиги. В предыдущей рукописи было сказано:

"Людвига, как большая часть старых дев, несмотря на свою полную телесную целомудренность, всегда во всем видела романы и, несмотря на свою некрасивость, придумывала собственные романы. При всяком отношении с мужчиной она тотчас же подозревала в этом мужчине любовные на нее виды и мигала и смеялась и закрывала лицо платком. Это самое выражала она теперь по отношению..."

Из всей этой характеристики теперь оставлено только:

"Людвига, несмотря на свою некрасивость, при всяком отношении с мужчиной тотчас же подозревавшая в этом мужчине любовные на нее виды, подозревала теперь это самое по отношению..."

К характеристике казака, провожавшего Альбину, после слов: "здоровенному, добродушному казаку уральцу" прибавлены слова, усиливающие драматизм последующих событий:
"с необыкновенно ясными и добрыми голубыми глазами".

В главе XII из описания полицеймейстера вычеркивается "толстопузый". В описании переживаний Альбины при виде арестованного мужа вычеркивается фраза:

"Вместе с этим чувством было еще чувство умиления перед его добротой, любовью: он думал не о себе, а только о ней".

Далее в той же главе исключено:

"Трезорка оставил теперь полицеймейстера и, чувствуя что-то неладное, подбежал к Альбине и стал ласкаться к ней".

В заключении рассказа выпущены целиком два абзаца о жизни Мигурских на поселении. См. вариант N 22.
В последних строках, посвященных Николаю I, изменена фраза: "гор-

дился тем, что он не нарушил заветов своей бабки великой Екатерины".

16. Дубликат седьмой корректурной гранки. Рукою Игумновой на него были перенесены исправления, сделанные Толстым в первом экземпляре этой гранки.

Просмотрев гранку, Толстой в переписку Ю. И. Игумновой внес новые исправления.

Гранка содержит конец главы VII (рассказ Росоловского о прогнании сквозь строй) и первые четыре абзаца главы VIII.

17. Дубликат корректурных гранок с первой до четырнадцатой. На эти гранки рукою Ю. И. Игумновой были перенесены исправления, сделанные Толстым на первом экземпляре гранок. Просматривая гранки, Толстой сделал в них еще ряд исправлений и вставок на гранках пятой (гл. VI). шестой (гл. VI и VII), восьмой (гл. VIII) и двенадцатой (гл. XII). Не полях гранки шестой (гл. VI и VII) имеются две вклейки -- копии рукою Ю. И. Игумновой исправленного Толстым текста; Толстым сделаны в них новые исправления. Такая же большая вклейка, также с новыми исправлениями Толстого, имеется и на полях девятой гранки (гл. VIII). Гранка седьмая (конец гл. VII и начало гл. VIII) целиком заменена копией рукой Ю. И. Игумновой с новыми исправлениями Толстого. Средняя часть гранки девятой была вырезана и на место ее подклеена копия рукою Ю. И. Игумновой, в которой Толстым были произведены новые поправки. Часть вырезанного текста с исправлениями Толстого приложена тут же.

Кроме корректур в гранках, была еще корректура в листах, правленная автором. Что такая корректура существовала, следует из того, что в печатном тексте рассказа во многих главах есть отличия по сравнению с текстом корректуры в гранках. Так, в начале главы III в фразе: "бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей... под начальством то пьяного немца Дибича, то грубого солдата Паскевича и еще более грубого и тупоумного высшего распорядителя Николая I" в печатном тексте выброшены все характеристики упоминаемых здесь лиц: "пьяного немца", "грубого солдата", "еще более грубого и тупоумного". В начале гл. V фраза: "Николай Павлович, желая мучить поляков не только физическими страданиями и бедностью, но и унижением, требовал, чтобы начальство грубо обращалось с ними" в печатном тексте переделана так: "Николай Павлович требовал, чтобы разжалованные поляки не только несли всю тяжесть суровой солдатской жизни, но и терпели все те унижения, которым подвергались в это время рядовые солдаты". В следующем предложении: "Но те простые люди, которые должны были исполнять эти его распоряжения, будучи нравственно выше его, несмотря на опасность неисполнения его воли, где могли, не исполняли ее", слова: "те простые люди" заменены-- "большинство тех простых людей", а слова: "будучи нравственно выше его" заменены -- "понимали всю тяжесть положения

этих разжалованных". В следующем предложении: "... командир того батальона, в который был зачислен Мигурский, понимал положение бывшего богатого образованного молодого человека, лишившегося всего ради любви к своей родине, такой же самой, которую он испытывал к своей" выпущены слова: "ради любви к своей родине такой же самой, которую он испытывал к своей".

В главе XI изменен ночной разговор Альбины с Мигурским. Вместо:

"-- Что ты, милая? Мигурский отвечает ей:

-- Что ты, что?"

Далее в словах Мигурского после: "Курить хочу" выпущено: "Да, знаю, что нельзя. Да мне прекрасно, ты не волнуйся". Наконец, в заключительном абзаце рассказа, посвященном Николаю I, последние слова в корректуре в гранках читаются так:

"особенно для русских людей, на развращение и одурение которых были направлены все его глупые силы".

В печатном же тексте последние строки таковы:

"особенно для русских людей, на развращение и одурение которых были бессознательно направлены все его силы".

Кроме этих существенных изменений, во многих местах рассказа Толстым был внесен ряд более мелких исправлений.

Рассказ печатается по первопечатному тексту в первом издании "Круге чтения". При этом исправляются по рукописям и корректурам многочисленные ошибки переписчиц (список исправлений см. на стр. 677).

Для второго издания "Круга чтения" рассказ автором не просматривался.

ЖИВЫЕ МОЩИ. И. С. ТУРГЕНЕВА

Рассказ из "Записок охотника" И. С. Тургенева. Толстым сделаны в нем ряд сокращений.

1) Выпущено начало рассказа (шесть абзацев);

2) в рассказе Лукерьи об осматривавшем ее докторе исключено: "И ты, говорит, не моги мне противиться, потому что мне за мои труды орден на

шею дан, и я для вас же, дураков, стараюсь";

3) в рассказе о пении Лукерьи выпущена фраза: "Во лузях" пела Лукерья";

4) выпущен целиком первый сон Лукерьи;

5) выкинута передача Лукерьей легенды о Жанне д'Арк и размышление автора по этому поводу;

6) в предпоследнем абзаце из рассказа десятского о Лукерье исключен конец от слов: "Богом убитая".

Кроме сокращений, сделана еще перестановка текста: второй сон Лукерьи помещен после третьего (после слов: "Лукерья подняла глаза кверху... задумалась").

ЗАКОН БОГА И ЗАКОН МИРА СЕГО. ПЕТРА ХЕЛЬЧИЦКОГО

Под этим заглавием в "Круге чтения" были помещены материалы из первой части книги Петра Хельчицкого "Сеть веры". Опуская детали и толкования отдельных мест Библии, Толстой взял самое существенное из книги Хельчицкого, в некоторых местах сделав стилистические исправления в переводе. Заглавие статьи, очевидно, было дано Толстым.

Полный текст "Сети веры" был перепечатан с академического издания 1893 года книгоиздательством "Посредник" в 1907 г.

По постановлению Московской судебной палаты от 8 ноября 1911 г., статья "Закон бога и закон мира сего" была вырезана из первого издания второго тома "Круга чтения". Во втором издании статья не появилась по цензурным соображениям.

Печатаем статью "Закон бога и закон мира сего" по первому печатному (до вырезок по постановлению судебной палаты) тексту первого издания второго тома "Круга чтения" (стр. 330--338).

ЛАМЕННЕ

Французского мыслителя Ф. Ламенне Толстой считал одним из самых близких ему по духу писателей. В письме к П. И. Бирюкову от 30 апрели 1909 г. Толстой просил передать членам комитета по чествованию Ламенне его "глубокое уважение и почтения памяти" этого писателя, который, по мнению Толстого, "и по своей жизни и по своим писаниям далеко не оценен не только европейской, но и французской публикой" (т. 79, стр.

174). Д. П. Маковицкий в своих воспоминаниях о Толстом рассказывает: "Лев Николаевич любил французов. Самым дорогим из них был ему Ламенне. Он несколько раз читал его вслух (обыкновенно из "Круга чтения") и всегда с особенным глубоким сочувствием. Я раз выпалил, что Ламенне фразистый, искусственный и этим выделяется от других писателей в "Круге чтения". Этим я больно задел за живое Льва Николаевича, и он горяло вступился за Ламенне". (1)

Толстой поручил своему зятю Н. Л. Оболенскому составить краткий очерк жизни Ламенне. Для этой цели Оболенский воспользовался книгой С. Котляревского "Ламенне и современный католицизм", М. 1904.

Сохранились следующие рукописи, относящиеся к статье "Ламенэ".

1. Статья Н. Л. Оболенского с исправлениями и вставками Толстого. 5 лл. (4 лл. F° и 1 л. -- обрезок), исписанных, кроме л. 5, с обеих сторон. Пагинация с л. 2 постранично: 1--7. *Начало*: "Большие умы и горячие сердца"; *конец*: "Он умер 27 февр. 1854г." Заглавие: "Ламенэ". Толстой исправил и дополнил текст статьи, написал на отдельном листе новое начало и дал заглавие.

2. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально содержала 9 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Толстой внес в текст ряд исправлений преимущественно стилистического характера.

При переписке лл. 2--4, 7--9 были переложены в следующую рукопись,

(1) Д. П. Маковицкий, "Толстой в жизни". "Юбилейный сборник. Лев Николаевич Толстой", ГИЗ, М. 1929: стр. 249.

после чего осталось 3 лл. *Начало*: "Большие умы и горячие сердца"; *конец*: "Пусть безопасность и собственность".

3. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого, Первоначально содержала Элл. 4°, исписанных с одной стороны. Толстой снова внес в текст ряд исправлений стилистического характера и, по-видимому, написал новое окончание, автограф которого не сохранился. Копия этого окончания имеется в рукописи N 4.

При переписке л. 1 и части листов 3,4,8,9 были переложены в рукопись N 4, после чего в данной рукописи осталось 4 лл. 4° и 5 обрезков. *Начало*: "числа близких и страх и ненависть большинства"; *конец*: "комментарии к четырем Евангелиям".

4. Копия предыдущей рукописи машинописью и рукой В. А. Кузминской и Е. В. Оболенской с исправлениями Толстого. 12 лл., исписанных с одной стороны. Лл. 1, 11 и части листов 3, 5, 12 переложены из предыдущей рукописи. *Начало*: "Большие умы и горячие сердца"; *конец*: "и всего

человечества".
Исправления Толстого, стилистического характера, немногочисленны.

ОТКРОВЕНИЕ И РАЗУМ. Ж.Ж. РУССО

Выдержка из "Исповедания веры савойского викария", входящего в состав IV книги трактата Руссо "Эмиль, или о воспитании".
В составленном Толстым в 1891 г. списке "Эмиль" Руссо значится в числе литературных произведений, произведших на него в молодые годы "огромное" впечатление (т. 66, стр. 67). В письме к И. И. Горбунову-Посадову и Е. И. Попову от 23 марта 1892 г., отвечая на вопрос о книгах по воспитанию, Толстой писал: "Эмиль" Руссо непременно должен стоять в главных" (т. 66, стр. 183).
Перевод был выполнен А. А. Русановой.

БОЖЕСКОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. Л. Н. ТОЛСТОГО

Замысел рассказа, позднее получившего заглавие "Божеское и человеческое", относится к концу 1897 г. В Дневнике под 13 декабря этого года в числе сюжетов, которые "стоит и можно обработать, как должно", Толстым под N 13 записан сюжет "казнь в Одессе" (т. 53, стр. 170). В Одессе 8 августа 1879 г. были повешены по обвинению в подготовке покушения на Александра II трое революционеров -- Лизогуб, Чубаров и Давиденко. Но, по всей вероятности, Толстой с самого начала имел в виду обрисовать лишь одного из них -- Дмитрия Лизогуба, чья личность и судьба, особенно привлекательные, были известны ему и по рассказам лиц, близко знавших Лизогуба, и, вероятно, по биографиям его, -- одной, принадлежащей С. М. Степняку-Кравчинскому и напечатанной в его книге "Подпольная Россия", и другой, написанной неизвестным лицом, вероятно товарищем Лизогуба, напечатанной на пишущей машинке и сохранившейся среди бумаг Толстого. (1)

(1) Из биографии, написанной Степняком-Кравчинским, Толстой, видимо, почерпнул лишь общие сведения о духовном и отчасти внешнем облике Лизогуба-Светлогуба. Из конкретных фактов, сообщаемых в ней,

Толстой мог заимствовать указание на то, что Лизогуб был крайне удивлен, услышав свой смертный приговор, и на то, что во время переезда из тюрьмы к эшафоту он был невозмутимо спокоен и даже улыбался. Больше, видимо, заимствовал Толстой из второй из упомянутых биографий. Иа нее он мог прежде всего почерпнуть сведения о религиозной настроенности Лизогуба в детстве и в юности. Тут говорится о том, что, холодно относясь к обрядовой стороне религии, мальчик увлекся евангельскими идеями равенства и братства и мечтал стать миссионером среди язычников. Далее -- он отказывается от услуг одного лица, желавшего быть учителем его брата, только потому, что это лицо исключило из преподавания закон божий. Но потом, говорит биограф, "как всякий умный и научно мыслящий человек, Лизогуб стал атеистом". В той же биографии довольно подробно говорится о том, как Лизогуб, под влиянием правительственных преследований, из мирного пропагандиста стал террористом, т. е. о том же, о чем речь идет в третьей главе повести. В описании казни и сопровождавшей ее обстановки есть такие черты сходства между этой биографией и повестью. В биографии сказано: позади каре из войск, окружавших эшафот, была масса народа; впереди народа стояли экипажа одесских богачей, а дамы с биноклями и лорнетами сидели на козлах". В рукописи, описанной под N 16, этому месту соответствует следующее: "Вокруг помоста с виселицей стояли черными линиями ряды солдат... За войсками виднелось несколько колясок с господами и дамами, смотревшими на него в лорнеты и бинокли", в биографии сказано, что Лизогуб, взглянув на виселицы, потом на толпу, улыбнулся. В рукописи, описанной под N 5, говорится о том, что, увидав виселицу, Светлогуб сперва дрогнул, но затем оправился, "и бледное лицо его продолжало чуть заметно улыбаться". Так же, как в седьмой главе "Божеского и человеческого", в биографии сказано, что при подъезде колесницы и месту казни раздался бой барабанов, затем он стих и сменился чтением приговора, после чего подошел священник, но Лизогуб отказался поцеловать крест, предложенный царским служителем, "осмелившимся в такую минуту говорить о божеской любви и милосердии". Биограф далее говорит об ужасных минутах ожидания смерти "молодым, здоровым организмом"; Толстой -- о том, что "сильное, молодое тело" Светлогуба не принимало смерти.

В других случаях Толстой в обрисовке Светлогуба сознательно отступал от тех фактических данных, которые давали знакомые ему биографии Лизогуба. Лизогуб не был кандидатом Малороссийского университета (он учился в Петербургском университете и не окончил его). Ко времени суда над Лизогубом его мать уже умерла. Лизогуб провел в заключении около года, Светлогуб же менее двух месяцев. Оба биографа подчеркивают, что в жизни Лизогуба не было любви к женщине, и ничего неизвестно о том,

чтобы и его любили женщины. Лизогуб был казнен не отдельно, а вместе с двумя другими осужденными -- Чубаровым и Давиденко и т. д.

Помимо Светлогуба, Толстой воспользовался в рассказе живыми прототипами при обрисовке фигур генерал-губернатора и старика-раскольника. Значительно смягченный прототип генерал-губернатора, подписавшего смертный приговор Светлогубу, -- граф Тотлебен, видный участник севастопольской обороны и русско-турецкой войны, впоследствии новороссийский генерал-губернатор. Прототип старика раскольника, как указывает А. М. Хирьяков ("Летопись". 1915, декабрь, стр. 254) -- старообрядец Михаил Максимыч, гостивший в Ясной Поляне, так же, как и раскольник повести, имевший кличку "Табашная держава" и особенно почитавший апокалипсис.

Д. П. Маковицкий в неопубликованной части своих "Яснополянских записок" в записи от 27 ноября 1905 г. говорит о том, что приехавший в ту пору в Ясную Поляну шлиссельбуржец И. П. Ювачев (Миролюбов) рассказывал о своем процессе и сидении в Шлиссельбургской крепости очень сходно с тем, что рассказано Толстым относительно того и другого в отношении к Светлогубу. Это сходство Ювачев объяснил тем, что Толстой, вероятно, воспользовался для своего рассказа составленным Ювачевым описанием своей жизни в крепости, которое Ювачев несколько лет до того послал ему.

(1) Эпизод этот по рукописи ГМТ опубликован Шохор-Троцким во втором выпуске серии "Толстой. Памятники творчества и жизни", М. 1920, стр. 10--12. Написание его К. С. Шохор-Троцкий очень правдоподобно относит к 1898--1899 году. По другой, видимо более поздней редакции сохранившаяся часть этого эпизода опубликована А. М. Хирьяковым в журнале "Летопись", 1915, декабрь, стр. 249--250.

Свой замысел Толстой частично осуществил, введя в третью часть "Воскресения" впоследствии исключенный из романа эпизод, в котором Лизогуб фигурирует под фамилией Синегуба. Эпизод этот очень близок к VIII главе "Божеского и человеческого". В нем революционер Набатов, соответствующий Меженецкому в "Божеском и человеческом", сочувственно характеризует личность Синегуба, приводя рассказ о нем старика-раскольника.

Из окончательной редакции "Воскресения" этот эпизод был исключен, видимо, потому, что тема его показалась Толстому заслуживающей специальной и более подробной разработки.

30 декабря 1903 г. он записывает в Дневник, что ему хочется в числе

других рассказов написать и рассказ "о раскольнике в тюрьме и революционере" (т. 54, стр. 203). И в тот же, видимо, день он осуществляет свой замысел, написав на оставшихся недописанными страницах Дневника рассказ, озаглавленный им "Человеческое и божеское" (см. т. 54, стр. 204--208 и описание рукописей, N 1). Здесь эпизод, первоначально включенный в "Воскресение", получил свое дальнейшее развитие. Фамилия Синегуб заменена другой -- Светлогуб, как справедливо предполагает К. С. Шохор-Троцкий, (1) потому что фамилию Синегуб носил один из русских революционеров, осужденных в 1878 г. по процессу 193-х. Характерно, что здесь, прежде чем написать слово "Синегуба", Толстой, видимо, механически написал "Лизо", затем зачеркнул это недописанное слово. 31 декабря датирована Толстым уже исправленная им копия автографа (см. описание рукописей, N 3). Вероятно, в ближайшие дни шла обработка написанного (см. описание рукописей, NN 4--9).

Вслед за тем эта интенсивная работа над повестью на некоторое время приостанавливается: Толстой занялся писанием "Фальшивого купона" и статьи "Одумайтесь!", хотя периодически возвращался к начатому рассказу. Так, рукой А. Л. Толстой две обложки, в которые были заключены черновики повести, датированы 7 января и 15 февраля. 23 февраля 1904 г. Толстой записывает в Дневник: "Пишу о войне... Хочется написать продолжение "Божеского и человеческого" и мне очень нравится". 14 марта он вновь возвращается к исправлению того, что уже для "Божеского и человеческого" было написано, как это видно из дневниковой записи от этого числа: "Поправлял о войне и немного "Божеское и человеческое". 20 марта он записывает в Дневник: "Вчера написал 2-ю часть "Божеского и человеческого" -- недурно", т. е. ту часть, в которой главное место отводится Меженецкому. 19 марта как раз датирован автограф этой второй части, описанный под N 10. 20 марта, судя по дате обложки, проставленной рукой А. Л. Толстой, Лев Николаевич работал над исправлением копии автографа (материал рукописей, описанных под N° 11). Работа эта отмечена и в дневниковой записи 29 марта: "Нынче поправил "Божеское и человеческое" (т. 55, стр. 14, 21, 22 и 23).

17 апреля в ответ на запрос В. Г. Черткова о ходе работы Толстого над художественными произведениями, с которыми ему хотелось бы познакомиться, когда они будут закончены, Толстой писал ему: "Те статьи -- "После бала" и "Божеское и человеческое", вероятно, пришлют вам, но "Божеское и человеческое" не кончено. И я, вероятно, на днях исправлю и добавлю то, что нужно" (т. 88, стр. 320). Ему же он писал 4 мая: "Юлия Ивановна (2) переписывает для вас, но не всё "Божеское и человеческое". Мне хочется исправить, и я сейчас занят этим. Когда будет готово, пришлю" (т. 88, стр. 324). Но, работая в это время над окончательной отделкой статьи "Одумайтесь!" и предисловием к статье Черткова "О революции",

Толстой вновь принялся за работу над "Божеским и человеческим" лишь в 20-х числах мая. 25 мая он записывает в Дневник: "Вчера писал "Божеское и человеческое". О том же 28 и 30 мая: "Всё поправлял "Божеское и человеческое"; "Немного прибавлял к "Божескому и человеческому". Кажется недурно" (т. 55, стр. 41--42). Эта работа запечатлелась частично в рукописях, описанных под NN 12--13.

(1) "Толстой. Памятники творчества и жизни", вып. 2, М. 1920, стр. 9.
(2) Ю. И. Игумнова.

Но отсылка рукописи в Англию была надолго задержана: видимо, Толстой, не удовлетворенный тем, что было написано, намеревался в ближайшее время вернуться к дальнейшей обработке повести. Однако, поглощенный другими работами (переделка предисловия к статье Черткова "О революции", работа над статьями "Единое на потребу", "Об общественном движении в России", "Великий грех", "Конец века" и др.), он прервал работу над "Божеским и человеческим" больше, чем на год. Что Толстой считал работу над повестью незаконченной, явствует из того, что, по свидетельству И. Я. Гинцбурга, читая в середине августа 1904 г. повесть собравшимся в Ясной Поляне гостям, он, окончив чтение, сказал: "Четвертая часть еще не готова". (1)

В апреле 1905 г. Черткову послан был, наконец, текст "Божеского и человеческого" (рук. N 22). Рукопись была послана пока, очевидно, лишь для прочтения, но не для напечатания. 12 мая н. ст. Чертков известил Толстого о получении им рукописи повести. 6 июля Толстой в письме к Черткову разрешил ему печатать и переводить "Божеское и человеческое" (т. 89).

9 октября н. ст. Чертков писал Толстому, что в этот же день он посылает ему корректуру "Божеского и человеческого" с своими замечаниями. Тут же Чертков просит Толстого не стесняться, если бы он решил радикально переделать текст повести, обещая в случае надобности набрать ее вновь (ГМТ). 16 октября Д. П. Маковицкий в своих "Яснополянских записках" отмечает: "Сегодня Лев Николаевич работал до 4-х, поправлял "Божеское и человеческое" по корректуре, присланной Чертковым". 18 октября Толстой писал Черткову: "Получил ваше письмо, милый друг, и корректуру "Божеского и человеческого". Боюсь, что сделаю этим вам большое затруднение, но, начав перечитывать "Божеское и человеческое", ужаснулся на то, как главная часть, предсмертные часы Светлогуба. отвратительно дурны. Спасибо, что прислали мне. Напечатать это не только было бы позорно, но жалко потерять случай высказать так много нужного. Я постараюсь и намерен это сделать. Не сделал же этого до сих

пор потому, что очень был занят. А кроме того, с неделю проболел. Так сделайте так, чтобы можно было или исправить или совсем бросить это" (т. 89, стр. 25). 23 октября он записывает в Дневник: "Чертков прислал корректуры "*Божеского и человеческого*", и мне очень не понравилось, а переделать хочется, но едва ли осилю: предмет огромной важности -- отношение к смерти. Есть план, но как удастся исполнить?" (т. 55, стр. 167).

Толстой принялся за радикальную переработку текста повести. Исправления делались сначала в корректуре, затем в копиях ее (см. описание рукописей NN 23--46). В процессе переработки повести было дано новое заглавие -- "Еще три смерти" (см. описание рукописи N 42). Упоминания о работе над повестью -- в Дневнике, в записках Маковицкого и в письмах Толстого. 3 ноября, после двухнедельного перерыва, он записывает в Дневник: "Писал "Божеское и человеческое" недурно" (т. 55, стр. 169). 4 ноября в письме к Черткову Толстой извиняется за задержку

(1) И. Гиндбург, "Стасов у Толстого" --"Сборник воспоминаний о Толстом", кн-во "Златоцвет", М. 1911, стр. 114.

корректуры и вновь объясняет это тем, что нашел рассказ "очень слабым" и, главное, таким, в котором "можно и должно было сказать кое-что хорошее". "Я попытался это сделать,-- добавляет он,--и теперь рассказ переписывается и тотчас же вышлется" (т. 89). 7 ноября Маковицкий записывает слова Толстого: "Сегодня исправил -- да как! -- вторую половину корректуры "Божеского и человеческого". О работе над переделкой "Божеского и человеческого" в начале ноября сообщает Толстой в письмах к Г. А. Русанову и П. И. Бирюкову (т. 76). 10 ноября (1) он пишет Черткову: "Чувствую себя виноватым за задержку "Божеского и человеческого", но теперь посылаю, какое есть. Если что найдете нужным изменить, изменяйте. Меня очень занимала эта работа, и я сделал, что мог". Однако тут же Толстой раздумал посылать рукопись и к письму сделал пршшску: "Стал просматривать "Божеское и человеческое", и надо поправить. Озаглавить я хочу: "Еще три смерти" (т. 89). 16 ноября (2) он вновь пишет Черткову о том, что посылает ему "Божеское и человеческое" (т. 89), но и на этот раз рукопись не была послана. 18 ноября Толстой, как бы извиняясь, сказал дочери Александре Львовне, переписывавшей на ремингтоне его рукописи: "Я перемарал "Еще три смерти" (запись Маковицкого). 22 ноября, после почти двадцатидневного перерыва, он записывает в Дневник: "За это время поправлял "Божеское и человеческое" и всё недоволен. Но лучше" (т. 55, стр. 170). В письме к Черткову, написанном в конце ноября или в начале декабря и полученном Чертковым 19 декабря н. ст.,

Толстой писал: "Божеское и человеческое" я так много изменял, исправлял, что больше не могу и не буду. Оно переписывается и завтра будет выслано вам" (т. 89). Но и на этот раз работа над "Божеским и человеческим" не была закончена. Черткову была послана рукопись, описанная под N 44 (см. ниже); в следующих же рукописях Толстым сделано было много существенных исправлений и дополнений к тексту повести. Что Черткову была послана именно рукопись, описанная под N 44, видно из письма его к Толстому от 20 декабря н. ст. Чертков извещает о получении им рукописи повести и высказывает сомнение относительно того места в седьмой главе, где речь идет о приготовлении к казни Светлогуба. Черткову казалось неясным, как палач мог потянуть Светлогуба за плечи, если труп его опустился хотя бы наполовину в отверстие, которое, по предположению Черткова, должно было быть против ног Светлогуба. Предположение Черткова о существовании на помосте виселицы отверстия с дверкой основывалось на знакомстве с английской практикой смертной казни. Тут же Чертков указывает, что смутившее его место находится на 26 странице. В рукописи, описанной под N44, оно действительно приходится на 26 страницу и против него, видимо, рукой Черткова карандашом поставлен вопросительный знак. В конце декабря в письме, полученном Чертковым 16 января н. ст. 1906 г., Толстой писал ему: "Ваше замечание о казни очень верно. И я постараюсь узнать и исправить" (т. 89). 4 января н. ст. 1906 г. Чертков сообщил Толстому, что получил от Д. П. Маковицкого из Австрии позднейший вариант рассказа. Чертков имеет здесь в виду рукопись, описанную под N 46, -- окончательную редакцию "Божеского и человеческого.

(1) Дата почтового штемпеля.
(2) То же.

9 декабря после слишком двухнедельного перерыва Толстой записывает в Дневник: "За это время закончил "Божеское и человеческое" (т. 55. стр. 171).

Но так как Маковицкий уехал из Ясной Поляны за границу 2 декабря, то, следовательно, завершение работы над повестью нужно отнести не позднее, чем к этому числу. Вернее же работа над повестью была закончена в последних числах ноября. Под 25 ноября Маковицкий отмечает, что он проверил с А. Л. Толстой переписанный начисто экземпляр повести. Речь идет здесь о рукописи, описанной под N 46. Немногочисленные поправки, сделанные в ней рукой Толстого, сделаны были, вероятно, в ближайшие день-два.

Процесс работы над повестью уясняется в результате анализа относящихся к ней рукописей.

К рассказу "Божеское и человеческое" относятся следующие рукописи.

1. Автограф, написанный крупным почерком с очень небольшим количеством поправок и помарок на стр. 142--150 тетради Дневника с 6 октября 1902 г. по 30 декабря 1803 г. (см. т. 54, стр. 204--208). Заглавие "Человеческое и божеское", написанное вслед за недописанным и зачеркнутым началом другого заглавия -- "Революция и". *Начало*: "Это было в 70-х годах"; *конец*: "вышел от революционера". Напечатан во втором выпуске серии "Толстой. Памятники творчества и жизни", М. 1920, стр. 13--18.

2. Машинописная копия автографа с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 6 лл., исписанных с одной стороны, с отогнутыми полями. Заглавие: "Человеческое и божеское". При переписке лл. 1--3, верхняя часть л. 4, л. 5, верхняя часть л. 6 переложены в следующую рукописъ, после чего осталось 2 лл. -- обрезки.

3. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 7 лл., исписанных, за исключением л. 5 (авторская вставка), с одной стороны и имеющих отогнутые поля.

Лл. 1--3, верхняя часть л. 4, л. 6, верхняя часть л. 7 переложены из предыдущей рукописи. В конце рукописи авторская дата: "30 дек. 1903 г.". В рукописи ряд исправлений Толстого.

При переписке лл. 1, 6 и верхняя часть л. 7 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 5 лл., из которых 2 лл. 4°, 1 л. формата почтового листа, 1 л. склеенный из кусков и 1 обрезок.

Из рукописи печатается вариант N 1.

4. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная: сохранилось 10 лл., исписанных с одной стороны и имеющих отогнутые поля, -|- 2 лл. обложки. Между лл. 7--8 разрыв.

Лл. 1, 8, 9 переложены из предыдущей рукописи. В конце рукописи рукой Толстого дата: "31 дек. 1903, Я. П." и подпись: "Лев Толстой". На обложке заглавие машинописью "Человеческое и божеское".

Исправления Толстого очень многочисленны. Внесены дополнения о переживаниях матери Светлогуба, которые почти без изменения вошли в окончательную редакцию. О революционере, позже названном Меженецким, добавлено, что он участвовал в неудачном покушении на государя, затем его замысел покушения на правительственных лиц заменен замыслом взорвать на воздух царский поезд. Далее зачеркнуты слова:

"и злодеи эти, чтобы вернее замучить народ, обманывают его, научили его всяким глупостям: что есть бог, что надо быть кротким, покорным, и народ верит, а злодеи сосут его кровь".

Две последние фразы автографа исправлены так:

"Нет, не в этом была вера того юноши. Та вера была светлая любовная, мирная, божеская, а не человеческая".

При переписке верхняя часть л. 3, л. 5, верхняя и нижняя части л. 6 и л. 7 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 8 лл., в том числе 5 лл. 4°, 1 л. склеенный из кусков и 2 обрезка.

5. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. 16 лл. исписанных с одной стороны и (за исключением л. 5) имеющих отогнутые поля.

Рукопись неполная -- недостает верхней части л. 1. Верхняя часть л. 5, л. 10, верхняя и нижняя части л. И, л. 12 переложены из предыдущей рукописи. Дата "31 дек. 1903" -- машинописью -- скопирована из предыдущей рукописи.

Важнейшие исправления в рукописи сводятся к следующему:

О генерал-губернаторе (гл. I) сказано, что он "ласково" кивнул головой дочери (вместо прежнего "весело"). Далее добавлено: "Жених с дочерью пропели дуэт Мендельсона: Ich wollt ineine Liebe ergrosse Sich... И генерал с удовольствием слушал, вспоминая свою молодость". Затем слова "с удовольствием" и "вспоминая свою молодость" зачеркнуты и добавлено: "в такт кивая головой". Абзац, соответствующий началу третьей главы, значительно распространен. В нем рассказано, что Светлогуб отрицал насилие и потому разошелся с террористической партией. В тексте, соответствующем гл. VII окончательной редакции (см. вариант N 1). После слов "услышал, как меньший брат его" (стр. 518, строка 22) зачеркнуто: "запел песню" и написано: "и сестра с веселым визгом и криком прибежала из сада". Фраза: "Анатолий опять молился и с спокойным чувством отдался палачу" (там же, строка 25) исправлена так:

"Анатолий опять видел в себе зерно, которое умирает, чтобы ожить, и, отдаваясь палачу, спокойно отдался Тому, от кого он исшел и к кому шел, умирая".

При переписке верхняя часть л. 1, лл. 8--11, л. 13, верхняя часть л. 14 и лл. 15 и 16 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 9 лл., из которых 5 лл. 4°, 1 л. формата почтового листа, 1 л. склеенный из кусков

и 2 обрезка.

6. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 17 лл. Средняя часть л. 1, л. 8, нижняя часть л. 10, лл. 11--13 и лл. 14--17 переложены из предыдущей руко-писп. Исправления автора немногочисленны. Написан новый конец повести. При переписке лл. 1 -- 12, 14--16 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 2 лл. 4°.

7. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 18 лл. + 2 лл. обложки. Лл. 1--12, 15--17 переложены из предыдущей рукописи.

Текст, соответствующий первой главе окончательной редакции, очень близок к окончательной редакции. Генерал-губернатору приданы черты большей человечности, чем это было в предыдущих редакциях. Он высказывает своему помощнику мысль, "что найденный у Светлогуба динамит еще не доказывает его преступного намерения". Помощник же его настаивает на том, что, кроме динамита, "было много улик, доказывающих то, что Светлогуб был главой шайки". Подписав приговор, генерал "вспомнил разговор с своим помощником, его отвратительное обрюзгшее лицо с болезненными глазами". Он старается убедить себя в правоте своего решения тем, что он исполнитель высшей воли, и сдвигает брови, "чтобы вызвать в себе жестокость, которой не было в его сердце". В текст главы введен ряд стилистических дополнений. Написан новый конец повести, в окончательном тексте заканчивающий гл. VIII со слов: "Что же, буду добиваться" (стр. 215, строки 29--33). На обложке заглавие изменено на "Божеское и человеческое".

При переписке л. 1, средняя часть л. 6 и лл. 7--18 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 5 лл., из которых 4 лл. 4° и 1 л. обрезок.

8. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 20 лл. Л. 1, средняя часть л. 8, лл. 9--20 переложены из предыдущей рукописи. Исправления автора немногочисленны.

При переписке лл. 1--8, верхняя часть л. 9, нижняя часть л. 10, лл. 11--15, нижняя часть л. 17, л. 18, верхняя часть л. 19, нижняя чапь л. 20 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 6 лл., которых 1 л. 4° и 5 обрезков.

9. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 19 лл. Лл. 1--8, верхняя часть л. 9. нижняя часть л. 10, лл. 11--15, нижняя часть л. 17, л. 18, верхняя часть л. 19 и нижняя часть л. 20 переложены из предыдущей рукописи. Исправления автора в два слоя--чернилами и карандашом--немногочисленны. Революционер-террорист назван Меженецким. Везде "Анатолий" заменен

"Светлогубом".

В дальнейшем лл. 1--13, 16, 19 переложены в рукопись N 12, после чего осталось 4 лл., из которых 1 л. 4° и 3 лл. склеены из кусков.

10. Автограф. Новая глава. 9 лл., исписанных, за исключением л. 6, с обеих сторон. Текст автографа написан на листах, взятых из других статей, текст которых зачеркнут. Пагинация рукой Толстого цифрами 1--17 В конце рукописи рукой Толстого дата: "1904. 19 марта". *Начало*: "Прошло 7 лет, Меженецкий отбыл одиночное заключение"; *конец*: "но Меженецкяй не ожил. Л. Т.".

Вся глава касается исключительно Меженецкого. Текст рукой Толстого поделен на три главы н соответствует главам IX--XIII печатного текста.

Однако он короче и схематичнее его. О приготовлениях Меженецкого к самоубийству (IX глава печатного текста) и о смерти старика-раскольника (XIII глава) в нем еще ничего не говорится.

11. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 16 лл. Рукопись неполная: не сохранилось нижней части лл. 14 и 15. Исправления автора значительны и относятся главным образом к спору Меженецкого с новым поколением революционеров и к последним часам его жизни. На одном из листов сделана приписка, в которой рассказывается о сновидениях Меженецкого.

Во сне он всегда видел себя в Петербурге, в Киеве, в детском возрасте, в деревне, и сны были особенно ярки, как будто ничем не отличались от действительности. Вот река, купанье, заход солнца, и Трезор черный плывет на ту сторону, отфыркиваясь, и, выходя на берег, встряхивается, и кто [то] идет, и надо поскорее скрыть свою наготу, одеться. И он просыпается. И вместо реки, Трезора, солнца, травы -- та же ужасная стена с синим окошком и под телом жесткая койка с примятым сенником.

На последнем листе в конце рукописи -- глухое упоминание о смерти раскольника в следующей приписке: "Тело Меженецкого снесли в мертвецкую и положили рядом с телом раскольника". Рукой Толстого дата "19 марта 1904"

При переписке л. 1, верхняя часть л. 2, нижняя часть л. 5, нижняя часть л. 6, лл. 7--9, верхняя часть л. 10, л. 11, л. 13, средняя часть л. 14, верхняя часть л. 15 переложены в рукопись N 13, после чего в данной рукописи осталось И лл., из которых 4 лл. 4° и остальные обрезки.

12. Машинописная копия рукописи N 9 с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 18 лл. Рукопись неполная. Лл. 1--14 и нижняя часть л. 18 переложены из рукописи N 9.

При переписке лл. 1 --14, верхняя часть л. 15, верхняя часть л. 17 лл. 18 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 4 обрезка.

13. Машинописная копия рукописей N 11 и N 12 с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 38 лл. Лл. 1--13, 16--17, 19--20

переложены из рукописи N 12; лл. 21--22, 28--30, верхние части лл. 31, 32 и 35, верхняя часть л. 36, верхняя часть л. 37 -- из рукописи N 11. В конце рукописи авторская дата: "28 мая 1904" и подпись: "Л. Т.".

Исправления автора очень многочисленны и относятся в большинстве случаев к переживаниям Светлогуба в тюрьме. О расхождении Светлогуба р. террористами здесь говорится менее категорично, чем в предшествующих редакциях. Религиозная настроенность Светлогуба подчеркивается еще сильнее. Сделана вставка о разговоре Меженецкого с вахтером.

При переписке лл. 1--7, нижняя часть л. 12, лл. 13--23, верхняя часть л. 24, верхняя часть л. 25, лл. 26--36 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 10 лл., из которых 5 лл. склеенных из кусков и 3 обрезка.

14. Машинописная копия предыдущей рукописи. Рукопись неполная; сохранилось 36 лл., из которых 14 лл. склеенных из кусков и 2 обрезка (авторские вставки). Лл. 1--7, нижняя часть л. 8, лл. 9--32 переложены из предыдущей рукописи. Исправления автора очень многочисленны. Сделана вставка к спору Меженецкого с новым поколением революционеров. В конце обширная (на 2 листах) вставка о переживаниях Меженецкого после спора. Вновь изменен рассказ о сновидении Меженецкого.

"Во сне он всегда видел себя на свободе, то в Петербурге, то в Киеве, занятым своей революционной деятельностью, но чаще всего в деревне ребенком, и сны эти были так ярки, что воспоминания сновидений ничем не отличались от воспоминаний действительности. Но чем дольше продолжалось заключение, тем меньше он спал. Иногда он засыпал, и начиналось сновиденье: он в поле у реки, заход солнца. Так радостно, хорошо. И вот сейчас будет еще лучше. И вдруг толчок, и вместо реки, солнца, травы -- та же ужасная стена с синим окошком и под телом жесткая койка с примятым сенником".

При переписке лл. 1--10, верхняя часть л. 11, лл. 19--24, 30--32 и п. 36 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 9 лл., из которых 5 лл. 4°, 2 лл. склеенных из кусков и 2 обрезка.

15. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная, сохранилось 46 лл., из которых 13 лл. склеенных из кусков и 2 лл. обрезки. Лл. 1--7, 14--24, 27--32, 40--42 и 46 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого довольно обильны. Сделаны две вставки на отдельных листах с описанием жизни Светлогуба в тюрьме и о чтении им Евангелия.

Отрицательное отношение Светлогуба к террористической деятельности подчеркивается и в этой рукописи.

При переписке лл. 1--7, 14--15, 17--24, средняя и нижние части л. 25, лл.

26--46 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 9 лл., из которых 5 лл. 4° и 4 лл. -- обрезки.

16. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 49 лл. Лл. 1--7, 16--17, 20--49 переложены из предыдущей рукописи. Лл. 14--15 и 18 списаны с несохранившегося оригинала. Исправления Толстого очень многочисленны. Снова вносятся дополнения к рассказу о чтении Светлогубом Евангелия. О смертном приговоре Светлогуб впервые догадывается при появлении в его камере священника. Эпизод встречи со священником, приуроченный затем к моменту самой казни, подвергся ряду переделок. Сначала он изложен очень кратко и только факты. В данной рукописи несколько распространен. В эпизод писания писем Светлогубом введен еще эпизод с чернильницей. Описание следования Светлогуба к месту казни на колеснице (см. вариант N 1) подвергается также переработке. В целом же эпизод сокращен. В данной рукописи эпизод с двумя студентами и девушкой зачеркнут, и вместо него написан новый текст.

"Он видел, что одна из дышловых лошадей не везла, и возница, вероятно, считая неприличным употреблять кнут, безуспешно понукал ее возжей. Он чувствовал, что положение его отставленной ноги не подобает его положению, и он соединил пятки. Он видел проходивший народ, лавки, дома, переезд с остатками навоза. Видел, как прямо против него из ворот одного дома выбежали два мальчика, смеясь чему-то. Один из мальчиков, старший, увидав колесницу, толкнул локтем товарища и остолбенел. Оба замерли и с испуганными, страдающими лицами смотрели на колесницу".

При переписке лл. 1--7, верхняя часть л. 8, нижняя часть л. 10, верхняя и нижняя части л. И, лл. 16--18, лл. 20--49 переложенывследующую рукопись, после чего осталось 9 лл., из которых 5 лл. 4°, 1 л. склеенный из кусков и 3 л. обрезков.

17. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 51 лл. Лл. 1--8, нижняя часть л, 11, лл. 12, 18--19, верхняя часть л. 20 и лл. 22--51 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого немногочисленны. Сделана вставка о последних минутах жизни Светлогуба.

Лл. 1--20, 21--51 были переложены в следующую рукопись, после чего остался 1 л. *Начало*: "(выбежали два мальчика, смеясь чему-то)"; *конец*: "прекращение ее -- восторг нового рождения".

18. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 51 лл. Лл. 1--20, 22--51 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого касаются описания последних минут жизни Светлогуба. В конце сделано дополнение о

генерал-губернаторе (см. вариант N 3, стр. 522, строки 1--4).

При переписке лл. 1--19, 22--51 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 2 лл., из которых 1 л. 4° и 1 л. склеенный из кусков.

19. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 52 лл., из которых 35 лл. 4° п 17 склеенных из кусков. Лл. 1--19, 23--52 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого относятся к описанию последних дней жизни Светлогуба и его казни. Написано добавление к эпизоду посещения священником Светлогуба.

"Притворно сокрушенное лицо священника открыло ему ужасную истину. Смертная казнь, как с Миклашевским, Добычиным. "Милосердный господь", -- начал, вздыхая, привычным голосом священник. Светлогуб широко раскрытыми глазами смотрел на него и не дал договорить ему. "Уйдите, ради бога уйдите с вашим милосердным богом". Священник хотел говорить, но Светлогуб стал перед ним и только повторял: "Уйдите, ради бога уйдите". Священник сказал, что он всегда готов и что может прислать... "Уйдите"".

Затем в следующей перепечатке (рук. N 20) слово "нестарый" исправлено на "худощавый", слова "с вашим милосердным богом" зачеркнуты. Зачеркнуто далее "что он всегда готов и что может прислать" и вместо этого написано: "как служитель церкви, пришел предложить то утешение, в котором милосердный господь..." Далее после слова "уйдите" добавлено: "мне ничего не нужно"--"Я уйду, но имейте в виду, что я по обязанности своей всегда готов..."

В перепечатке этот эпизод еще раз стилистически был переработан и в таком виде вошел в текст рукописи, описанной под N 22, и перепечатан в корректуре (см. ниже). Внесено упоминание о воспоминании Светлогуба о своем детстве, пробужденное в нем во время следования на казнь запахом сена и конского навоза.

Прп переписке лл. 1--14, 17--20, 22--52 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 3 лл. 4°.

20. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 54 лл. Лл. 1--14, 18--21, 24--54 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого в два слоя--чернилами и карандашом. Сделаны дополнения в главе 11 о революционной деятельности Светлогуба. Внесены изменения в описание последних дней пребывания Светлогуба в тюрьме. Эпизод с пролитыми чернилами переделан. Эпизод с блохами на одном из листов написан вновь. В перепечатке этот эпизод переработан и в таком виде вошел в состав рукописи, описанной под N 22, и перепечатан в корректуре (см.

ниже).

При переписке лл. 1--7, 10, 19--54 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 10 лл., в том числе 7 лл. 4° и 3 лл. склеенных из кусков.

21. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Первоначально заключала 56 лл. Лл. 1--7, И, 21--56 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого касаются описания последних дней пребывания Светлогуба в тюрьме и его казни.

При переписке лл. 1--16, 21--23, верхняя часть л. 24 и лл. 27--56 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 7 лл., из которых 6 лл. 4° и 1 обрезок.

22. Рукопись на 58 нумерованных (1--58), частью склеенных из нескольких частей, частью урезанных листов 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Заключена в обложку, на которой, так же, как и на первой странице, на машинке написано заглавие -- "Божеское и человеческое". *Начало*: "Это было в 70-х годах"; *конец*: "рядом с телом в ту же ночь умершего старика раскольника". Текст второй главы сбоку обведен карандашной чертой, около которой Толстым сделана пометка "пр[опустить]", но затем эта пометка зачеркнута. Вслед за текстом -- написанная на машинке дата 28 мая 1904 г. В рукописи ряд существенных авторских исправлений.

Из этой рукописи, представляющей собой первоначальную законченную и приготовленную к печати редакцию рассказа, печатаются варианты NN2 2--8. N 2 относится к V главе окончательного печатного текста, N 3 --к VII, N 4 --к IX, N 5 --к X, N 6 -- частью к XI, частью к XIII, N 7 -- к XII, N 8 -- к XIII.

23. Корректура издательства "Свободное слово" на 23 нумерованных гранках с широкими полями. Верхняя часть десятой гранки отрезана и вошла в состав рукописи N 27. Вслед за седьмой гранкой приложены два почтовых полулиста, нумерованные цифрами 72 и 73. На них рукой Толстого на обеих сторонах написано продолжение текста, начатого на седьмой гранке. На последней гранке дата -- 28 мая 1904 г. Набор этой корректуры сделан по тексту рукописи N 22. Вторая глава не перепечатана. Так как в рукописи N 22 она обведена сбоку чертой с первоначально рядом написанным, но затем зачеркнутым словом "пропустить", но издатель ошибочно решил, что автор предназначил ее к исключению. Между текстом I и III главы Толстой в корректуре написал: "Сюда вписать 2-ю главу из Рукописи". Текст в корректуре поделен на одиннадцать глав вместо тринадцати глав рукописи. Произошло это потому, что одна (вторая) глава в корректуре не была перепечатана, а главы, обозначенные цифрами XI и XII, слиты в одну. В тексте первых пяти глав -- многочисленные исправления и приписки рукой Толстого; текст остальных

глав исправлен лишь в немногих местах. На полях корректуры рукой В. Г. Черткова карандашом сделаны замечания по поводу отдельных частностей, вызвавших со стороны Черткова сомнения. Важнейшие исправления, сделанные в корректуре, следующие. В гл. I после слов "Генерал, особенно нахмурившись", стр. 195, строка 9 зачеркнуто: "вспомнил всю проявленную в последнее время дерзость революционеров". После слов "о вновь приехавшем певце", стр. 197, строка 8, зачеркнуто "с такой натуральностью, которая свидетельствовала об ее большом искусстве притворяться" и вместо этого написан текст, вошедший в окончательную редакцию.

В третьей главе (в корректуре -- второй), по совету Черткова, в одном месте сделана перестановка текста в целях хронологической последовательности изложения (рядом с замечанием Черткова Толстой написал "согласен"). В той же главе к фразе "и огонь, загоревшийся в нем, не потухал в продолжение двенадцати лет" Чертковым сделано следующее замечание: "Не много ли? Революционная деятельность с заговорами началась только с 70-х годов. К тому же сказано, что Светлогуб юноша". Толстой слово "двенадцати" зачеркнул и вместо него написал "семи". В той же главе к словам: "он заставал себя на мысли выдать товарищей, чтобы быть освобожденным", Чертковым сделано такое замечание: "мысль о том, чтобы выдать, не могла придти в голову такой личности, каким выставлен Светлогуб (и каким был Лизогуб). В слабую минуту он, самое большее, мог почувствовать искушение отречься от революции (отрицать свою солидарность с своими товарищами). И этого было бы достаточно ему, чтобы потом себя ругать". В связи с этим замечанием слова "выдать товарищей" зачеркнуты и вместо них написано "сказать всю правду".

В корректуре о смертном приговоре Светлогуб узнает не при появлении священника в камере, как в рукописи, и не на суде, как в окончательной редакции, а через офицера, вошедшего в камеру до прихода священника. И тут в третьей главе (по окончательной редакции -- пятой) после слов: "как дверь отворилась, и к нему вошел" (далее речь шла первоначально о том, что вошел священник), дописано: "какой-то незнакомый ему офицер с рыжими усами и, не глядя на него, прочел ему конфирмованный генерал-губернатором приговор". Эта приписка сделана, очевидно, в связи с замечанием Черткова, сделанным в конце главы: "Могло ли быть, что казнят, не объявив приговора? Говорят, что этого никогда не бывает". В той же главе приписаны слова Светлогуба, обращенные к священнику: "Вы, пожалуйста, не сердитесь, извините меня.--Он ласково дотронулся своей тонкой, бледной рукой до рукава лиловой рясы священника.--Но теперь оставьте меня".

К той же главе приписан текст с письмом к матери и с размышлениями по поводу смерти. Он кончается так:

"Он вспомнил о своей няне, о чахоточной фельдшерице и открыл письмо и приписал матери постскриптум, чтобы она отдала няне 5 десятин земли и дала бы фельдшерице денег на леченье. Потом постучал в окно и заговорил с часовым. Ему хотелось ласково поговорить с кем-нибудь. Но часовой ничего не отвечал на его слова. Тогда он позвал надзирателя и стал советовать ему оставить тяжелую службу, обещая устроить его иначе. Надзиратель вдруг махнул рукой и, зарыдав, быстро вышел из камеры. Тогда Светлогуб опять открыл Евангелие"

Далее сравнение своей смерти со смертью блохи (см. вариант N 2, стр. 520) зачеркнуто. Зачеркнуты и мысли Светлогуба о том, что его помилуют на месте казни или друзья, подкупивши сторожей, освободят его (см. там же). К концу главы приписано:

"Перед уходом из камеры он попросил у смотрителя позволения подарить свои вещи старику-сторожу. Он был весь в казенной одежде. Оставил он себе только Евангелие и просил позволения взять его с собой".

В пятой главе (в окончательной редакции--седьмой) зачеркнута часть текста, напечатанного в варианте N 3, от слов "когда он ехал по городу" и кончая "давало ему силы". Вслед за этим зачеркнуто упоминание о "мороженнике", отпускавшем мальчикам мороженое. Это сделано под влиянием рядом стоящего замечания Черткова: "В 6 часов утра мороженников еще не бывает на улицах". В седьмой главе (в окончательной редакции -- девятой) по указанию Черткова Толстой дважды исправил "Шлиссельбургской" на "Петропавловской". В той же главе в словах: "узники, сидящие по 10, 20 лет" слово "сидящие" исправлено на "приговоренные". В девятой главе (в окончательной редакции -- одиннадцатой) рядом со словами "что Герман был прав" (см. вариант N 6, стр. 523, строка 36) Чертков написал на полях: "Не лучше ли прибавить: "в отрицании терроризма",а то получается впечатление, что автор считает Германа *вообще* правым?" Рядом с этим Толстой написал: "Согласен".

24. Копия корректурных гранок (рукописи N 23) рукой С. Н. Толстой, Т. Л. Сухотиной и Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. Рукопись неполная, сохранилось 37 лл. + 2 лл. обложки. Рукопись оканчивается описанием отправления Светлогуба на казнь. Можно предполагать, что Толстой, оставив на время главы о Меженецком и раскольнике, занялся переработкой образа Светлогуба.

При переписке 21 лл. и 6 отрезков переложены в следующую рукопись. В настоящем виде рукопись имеет 20 лл., из которых 4 лл.4°, 1 л. склеенный из кусков и остальные обрезки.

25. Копия предыдущей рукописи рукой С. Н. Толстой, Т. Л. Сухотиной и Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. Рукопись неполная: сохранилось 46 лл. + 2 лл. обложки. Исправления автора многочисленны. Внесены дополнения к рассказу о революционной деятельности Светлогуба; далее дано подробное описание внешности офицера, объявившего смертный приговор: сделано дополнение к размышлениям Светлогуба после объявления приговора: введен рассказ о сне Светлогуба в ночь перед казнью.

26. Копия предыдущей рукописи рукой С. Н. Толстой, Т. Л. Сухотиной и Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. 52 лл. Лл. 1--12. средняя часть л. 19, лл. 24--37, 41--52 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого очень многочисленны: сделано дополнение к описанию внешности офицера, объявившего Светлогубу смертный приговор, в к размышлениям Светлогуба после объявления приговора; сделано сокращение текста в конце рукописи.

При переписке лл. 1--27, 30, 33--34, средняя часть л. 37, лл. 39--44 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 16 лл., из которых 6 лл. 4°, 4 лл. склеенных из кусков и 6 обрезков.

27. Копия предыдущей рукописи рукой С. Н. Толстой, Т. Л. Сухотиной и Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. 54 лл., из них 41 лл. 4°, 12 лл. склеенных из кусков и 1 л. обрезок. Лл. 1--27, 31, 33--35,. средняя часть л. 40, лл. 41--46 переложены из предыдущей рукописи Рукопись содержит главы I--IV и заканчивается отправлением Светлогуба на казнь. *Начало*: "Это было в 70-х годах в России"; *конец*: "(и правда и я рад, что мне жалко их)". Исправления Толстого многочисленны и относятся главным образом к гл. IV. Внесено дополнение к описанию чтения смертного приговора Светлогубу; к рассказу о письме Светлогуба к матери сделана вставка. Написан новый конец, который тут же был. зачеркнут.

Из данной рукописи печатаются два варианта NN 9 и 10.

28. Копия с корректурных гранок (рук. N 23) рукой Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. Рукопись неполная, сохранилось 5 лл. Рукопись заключает одну V главу (казнь Светлогуба). На л. 1 наклеена часть корректурной гранки, почти вся отмеченная Толстым знаком "пр[опустить]". Исправления Толстого относятся в большинстве случаев к описанию следования Светлогуба на место казни.

При переписке нижняя часть л. 1, верхняя часть л. 2. верхняя часть л. 4 и л. 5 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 4 обрезка.

29. Копия предыдущей рукописи рукой Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 6 лл. Нижняя часть л. 1, верхняя часть л. 2, верхняя часть л. 4 и л. 5 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого относятся в основном к описанию казни Светлогуба.

При переписке лл. 1--3 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 3 лл., в том числе 1 л. 4° и 2 обрезка.

30. Копия предыдущей рукописи рукой Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 7 лл. Лл. 1--3 переложены из предыдущей рукописи. Исправления автора немногочисленны.

При переписке средние части лл. 3 и 4 и нижняя часть л. 7 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 8 лл., из которых 1 л. 4°, 2 лл. склеенные из кусков и остальные -- обрезки.

31. Копия предыдущей рукописи рукой Ю. И. Игумновой с исправлениями Толстого. 10 лл., из них 4 лл. 4° и 6 лл. склеены из кусков. Средние части лл. 4 и 5, нижняя часть л. 8, верхняя часть л. 9 и л. 10 переложены из предыдущей рукописи. Рукопись содержит гл. V (казнь Светлогуба). *Начало*: "А между тем колесница с юношей ехала по городу"; *конец*: "душистый дым заграничной сигары -- подарок богатого банкира". Исправления Толстого немногочисленны. Внесено дополнение к размышлениям Светлогуба по пути следования на казнь; снова внесены дополнения к описанию встречи с двумя мальчиками и последних минут жизни Светлогуба; сделано дополнение к заключению описания казни. Извлекаем из этой рукописи вариант N 11.

32. Машинописная копия рукописи N° 27 с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 41 лл. Исправления Толстого немногочисленны и относятся исключительно к концу повести.

При переписке лл. 1--11, нижняя часть л. 25, верхняя и нижняя частa л. 26, лл. 27--37, нижняя часть л. 38 и лл. 39--41 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 16 лл., из которых 13 лл. формата развернутого почтового листа и 3 обрезка.

33. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 41 лл. Лл. 1--И, нижняя часть л. 25, верхняя и нижняя части л. 26, лл. 27--29, нижняя часть л. 30, лл. 31--37, нижняя часть л. 38 и лл. 39--41 переложены из предыдущей рукописи. Исправления автора значительны. Внесены дополнения к описанию переживаний Светлогуба в тюрьме и следования его на казнь, а также момента казни.

При переписке лл. 1--11 и 25--41 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 13 лл., из которых 9 лл. формата развернутого почтового листа и 2 обрезка.

34. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 41 лл. Лл. 1--11, 23--30, 32--41 переложены из предыдущей рукописи. Исправления автора немногочисленны и относятся исключительно к описанию переживаний Светлогуба после объявления приговора и момента казни.

При переписке лл. 1--15, верхняя часть л. 17, средняя часть л. 18, л. 20, нижняя часть л. 21, лл. 25--42 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 9 лл., из которых 1 л. формата развернутого почтового листа и 8 обрезков.

35. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 43 лл. Лл. 1--17, 20, 25--42 переложены из предыдущей рукописи.

Исправления и дополнения в рукописи большей частью сделаны в направлении к окончательной редакции, хотя в некоторых местах введены аодробности, в дальнейшем исключенные. В пятой главе введен эпизод суда.

При переписке лл. 1--13, 16--17, верхняя и нижняя части л. 18, 20--22, 25--43 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 7 лл., яз которых 1 л. формата развернутого почтового листа, 1 л. формата почтового листа и остальные -- обрезки.

Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 41 лл. Лл. 1--13, 16--17, 19--21, 25--43 переложены из предыдущей рукописи. Наибольшее количество авторских исправлений относится к описанию последних минут жизни Светлогуба.

В дальнейшем лл. 1--13, 15--18, 23--25, 28, верхняя и нижняя части и 30, нижняя часть лл. 32, 34, верхняя часть л. 35 переложены в рукопись N 39, после чего осталось 20 лл., в том числе 7 лл. формата развернутого почтового листа, 2 лл. склеенных из кусков и 11 лл. -- обрезки.

37. Машинописная копия л. 21 предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. 1 л. -- обрезок. Пагинация цифрой 25. *Начало*: "великому, что не могло быть постигнуто"; *конец*: "Пожалуйста не сердитесь".

38. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. 1 л. формата развернутого почтового листа, нумерованный цифрой 25. *Начало*: "великому, что не могло быть постигнуто"; *конец*: "Пожалуйста не сердитесь".

39. Машинописная копия рукописей N 36 и N 38 с исправлениями Толстого. Рукопись неполная сохранилось 35 лл. Лл. 1--13, 19--21. 24, верхняя и нижняя части л. 26, нижняя часть л. 28, л. 29, верхняя часть л. 30 переложены из рукописи N 36. Исправления Толстого относятся главным образом к концу повести. Сделаны дополнения в описании переживаний Меженецкого.

В одиннадцатой главе (по окончательной редакции) зачеркнуто:

"Меженецкий узнал от них всё то новое и в событиях и в направлениях, которое совершилось без него. От них он узнал про то реакционное направление не только Александра III и его правительства, но большинства русского общества, смело повернувшего назад и смело

осуждавшего даже те преобразования Александра II, которые люди его партии считали столь недостаточными".

В той же главе имя "Герман" исправлено на "Роман".

В тринадцатой главе после слов "мертворожденные доктринеры", стр. 225, строка 18, зачеркнуто:

"Уничтожить их всех. Убить, чтоб не было этого ничего, чтобы они поняли всю свою мерзость. Уничтожить их. Но как уничтожить? Он ничего не мог сделать, а между тем в душе его кипела такая злоба, что он не мог продолжать жить. И ему пришла мысль о самоубийстве. Мысль эта показалась ему выходом, и он ухватился за нее".

Там же после слов "не мог отогнать своих мыслей", стр. 226, строка 9, на одном из листов написано:

"Он вспомнил, что испытывал такое же состояние, когда в начале заключения хотел уморить себя голодом. Но теперь это было сильнее, мучительнее. В голове что-то как будто останавливалось.

Погублена жизнь. Да, погублена. Мерзавцы, -- твердил он себе. Не могу, не могу! Всё покончить. Пускай они знают. Ему почему-то казалось, что если он убьет себя, то он этим отомстит им и всему этому дурацкому, злому миру".

При переписке лл. 1--13, верхняя часть л. 24, средняя часть л. 32 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 22 лл., в том числе 8 лл. формата развернутого почтового листа, 10 лл. склеенных на кусков и 4 обрезка. *Начало*: "Надо не думать, не думать"; *конец*: "положили рядом с телом в ту же ночь умершего старого раскольника". Из рукописи печатается вариант N 13.

40. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 38 лл. Лл. 1--13, 24 и 35 переложены из предыдущей рукописи. Исправления Толстого касаются описания переживаний Меженецкого перед самоубийством. В главе XI сделаны перестановки текста, вследствие чего многие листы разрезаны.

При переписке лл. 1--32 переложены в следующую рукопись. В настоящем виде рукопись содержит 9 лл., из которых 3 лл. формата развернутого почтового листа и 6 обрезков.

Из данной рукописи публикуем вариант N 12.

41. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 39 лл. Лл. 1--32 переложены из предыдущей рукописи. Авторские исправления немногочисленны.

При переписке лл. 1--16, верхняя часть л. 17, лл. 18--21, верхняя тасть л. 22, лл. 23--24, верхняя часть л. 25, лл. 26--27, верхняя часть л. 28, л. 29, верхняя часть л. 30, лл. 31--33, верхняя и нижняя части л. 34, верхняя часть л. 35 переложены в следующую рукопись, после чего осталось 9 лл., из которых 1 л. формата развернутого почтового листа, 1 л. формата почтового листа и 7 обрезков.

42. Рукопись на 40, частью склеенных из нескольких частей, листах большей частью тонкой бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке и поправленная Толстым. Представляет собой копию рукописи N 41 (за исключением листов, прямо сюда из нее переложенных). *Начало*: "1. Это было в 70-х годах в России"; *конец*: "положили аа нары рядом с телом старика раскольника". Цельный текст повести, поделенный на тринадцать глав (цифры VI и VII повторены дважды, поэтому последняя глава обозначена цифрой XI). Заглавие "Божеское и человеческое" зачеркнуто и рукой Толстого написано новое -- "Еще три смерти".

43. Машинописная копия рукописи N 42 с исправлениями Толстого. рукопись неполная; сохранилось 28 лл., из которых 21 лл. формата развернутого почтового листа, 3 лл. 8°, 1 л. склеенный из кусков и 3 обрезка. Рукопись содержит гл. VII--XI. *Начало*: "(А между тем колесница с юношей ехала по городу)"; *конец*: "Тело Меженецкого снесли в мертвецкую и положили на нары рядом с телом старика раскольника. Конец".

Авторские поправления очень многочисленны. Сделано дополнение к описанию казан Светлогуба: внесен целый ряд новых деталей в описание посещения Меженецким старика-раскольника.

44. Полная машинописная копия всей повести с исправлениями Толстого. 48 лл.. из которых 46 лл. формата развернутого почтового листа, і л. склеенный из кусков и 1 л. 8°. Заглавие: "Еще три смерти". *Начало*: "Это было в 70-х годах в России"; *конец*: "рядом с телом старика раскольника. Конец". Деление на главы I--XIII (обозначение глав VIII--XIII >пшбочно). Исправления автора немногочисленны. Сделана вставка к характеристике Меженецкого как главы кружка.

45. Машинописная копия предыдущей рукописи с исправлениями Толстого. Рукопись неполная; сохранилось 32 лл., из которых 26 лл. формата развернутого почтового листа, 2 лл. 8°, 2 лл. склеенных из кусков и 2 Обрезка. Рукопись содержит главы I--VII и отрывок из главы IX. *Начало*: "Это было в 70-х годах в России"; *конец*: "а действительность так скучна и однообразна, что воспоминания сна". Исправления Толстого немногочисленны и, кроме вставки к предсмертному письму Светлогуба, заключаются в обработке деталей.

46. Последняя авторизованная машинописная копия всей повести. 46 лл. формата развернутого почтового листа. Рукопись содержит гл. I--XIII.

Главы VIII--XIII списаны с несохранившегося оригинала. *Начало*: "Это было в 70-х годах в России"; *конец*: "и положили на нары рядом с телом старика раскольника". Над заглавием "Еще три смерти" рукой А. К. Чертковой написано "Божеское и человеческое или" и рукой В. Г. Черткова: "Экземпляр, присланный Маковицким". Немногочисленные авторские исправления внесены в гл. XI--XIII и заключаются в обработке деталей.

47. Наборная рукопись для первого издания "Круга чтения". 74 лл. формата развернутого почтового листа. Копия предыдущей рукописи, изготовленная сотрудниками В. Г. Черткова в Англии. В заглавии: "Божеское и человеческое, или Еще три смерти" последние четыре слова зачеркнуты чернилами неизвестной рукой; зачеркнуто также примечание, объясняющее происхождение этого заглавия. Авторских исправлений в рукописи нет.

48. Корректурные гранки без исправлений Толстого. 21 полоса. *Начало*: "Это было в 70-х годах в России"; *конец*: "и положили на нары рядом с телом старика раскольника".

49. Обложки, написанные рукой А. Л. Толстой с датами: 7 января 15 февраля, 20 марта, 23--26 и 28 мая 1904 г. и почтовый конверт с надписью ее же рукой: "Черновики. 31 декабря. Божеское и человеческое".

"Божеское и человеческое" Толстой первоначально имел в виду предоставить Черткову для одновременного напечатания в России и за границей. Издание этого рассказа, так же как и статьи "О Шекспире и о драме", должно было, как это видно из письма Черткова к Толстому от 3 декабря в. ст. 1906 г. (ГМТ), служить материальным подспорьем для заграничного издания сочинений Толстого. Но позднее Толстой выразил желание, чтобы "Божеское и человеческое" появилось впервые в "Круге чтения" с тем, чтобы обеспечить большее распространение этого сборника, который мог рассчитывать на это и тем самым на покрытие больших расходов по изданию лишь в том случае, если бы в нем было напечатано несколько неизданных художественных произведений Толстого. Впрочем, известную роль в передаче рассказа "Кругу чтения" нужно приписать и просто забывчивости со стороны Толстого. 26 ноября 1906 г. он в ответ на письмо Черткова от 3 декабря н. ст. писал ему: "Очень жалею, что забыл про "Божеское и человеческое" и поместил в "Круге чтения" (т. 89).

И. И. Горбунову-Посадову, возглавлявшему издательство "Посредник", в котором печатался "Круг чтения", Толстой писал 25 апреля 1906 г.: "Божеское и человеческое" на днях поправлю и пришлю" (т. 76). Наследующий день 26 апреля повесть была ему отослана одновременно со следующим письмом: "Посылаю вам для набора наш единственный экземпляр. Я решил оставить прежнее заглавие. (1) А поправлять не буду. Есть другие, более нужные дела. Если пришлете на просмотр, может быть,

тогда придется кое-что поправить" (т. 76, стр. 153).

Рассказ впервые был напечатан в качестве недельного чтения на 3 ноября во второй части второго тома "Круга чтения", вышедшего в свет в издательстве "Посредник" в конце ноября 1906 г., но помеченного на корешке 1907 г.

Набор делался с оригинала, представляющего собой копию рукописи N 46. В текст вошло большинство поправок, сделанных Чертковым в этой рукописи. Очевидно, Чертков распорядился переписать присланную ему рукопись повести и копию прислал в Ясную Поляну, откуда она была переслана Горбунову-Посадову. Толстой рукопись не исправлял. Корректуры в гранках сохранились в ГМТ, но в них не сделано никаких авторских поправок. Пересматривая и вновь редактируя в 1908 г. материал для второго издания "Круга чтения", Толстой в текст "Божеского и человеческого" не внес никаких изменений.

В собрании сочинений "Божеское и человеческое" впервые было напечатано по тексту "Круга чтения" в издании И. Д. Сытина, под редакцией П. И. Бирюкова, том XVI, М. 1913 г. (в параллельное издание Сытина, служившее приложением к газете "Русское слово" и к журналу "Вокруг света", точно так же как и в двенадцатое издание С. А. Толстой (М. 1911), этот рассказ не вошел).

Так как выход второго тома "Круга чтения" замедлился, то прежде чем появиться в России на русском языке, "Божеское и человеческое" появилось в заграничных журналах и газетах на иностранных языках в переводах, сделанных под наблюдением Черткова. С английского в переводе А. Грена рассказ под заглавием "Божеское и человеческое, или Еще три смерти" был напечатан в NN 8--14 газеты "Новая жизнь" от 16--22 июня 1906 г. Другой перевод -- М. И. С -- ф, такжес английского, под заглавием "Божеское и человеческое, или Еще три смерти" напечатан в иллюстрированных приложениях к NN 10900 и 10903 газеты "Новое время" от 19 и 22 июля 1906 г.

Перевод А. Грена из "Новой жизни" был перепечатан отдельной брошюрой, озаглавленной: "Л. Н. Толстой. Божеское и человеческое. Новый рассказ, героями которого являются революционеры 70 и 80 годов, народовольцы, социал-демократы и сектанты", Москва, Склад издания при книгоиздательстве Н. Т. Волкова в Москве, 1906. Перевод М. И.С-- ф из "Нового времени" перепечатан в двадцать первой книжке периодического издания "Свобода и христианство". Здесь под общим заглавием перепечатано "Божеское

(1) Решение Толстого оставить прежнее заглавие, т. е. "Божеское и человеческое", а не "Еще три смерти", быть может, было подсказано советом Черткова, который писал ему 13 марта в. ст. 1906 г.: "Еще три

смерти" предлагаю назвать так: "Божеское и человеческое, или Еще три смерти" (с выноскою, объясняющею, что подзаголовок имеет в виду ваш рассказ "Три смерти", написанный в 1859 году" (ГМТ). Очевидно, заглавие с подзаголовком да еще с пояснением показалось Толстому громоздким, и он принял совет Черткова лишь в первой его части.

и человеческое, или Еще три смерти", извлечение из судебного дела Лизогуба и характеристика Лизогуба, написанная Степняком-Кравчинским. Тот же перевод перепечатан в брошюре, озаглавленной "Божеское и человеческое", Книгоиздательство А. И. Селевина, Елисаветград, 1906.

Ввиду того, что в текст "Божеского и человеческого", как и многих других произведений Толстого, много раз переделывавшихся автором, вкралось большое количество ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым, текст повести, напечатанный в XV томе полного собрания художественных произведений под редакцией И. Халабаева и Б. Эйхенбаума (М.--Л. 1930), выверен по рукописям, причем в нем сделано значительное количество исправлений по последним автографическим текстам. Исправления эти в большинстве случаев бесспорны, но проведены не вполне систематично; часть же их не оправдывается автографами.

В настоящем издании в текст "Божеского и человеческого", напечатанный в "Круге чтения", систематически вводим исправления на основании сличения этого текста с относящимися к повести автографическими текстами в их последней редакции (список исправлений см. на стр. 683).

ХРИСТИАНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ. ПЕТРА ХЕЛЬЧИЦКОГО

Сделанный Толстым с некоторыми стилистическими исправлениями подбор материалов из XIV--XXVII глав первой части и I--IV глав второй части "Сети веры". Перед текстом Хельчицкого дано краткое (семь печатных строк) изложение общего содержания книги Хельчицкого. составленное, по-видимому, Толстым. Принципы, которыми руководился здесь Толстой, те же самые, какими он руководствовался в первом подборе материалов из книги Хельчицкого.

Так же, как статья "Закон бога и закон мира сего", статья "Христианство и разделение людей" была по постановлению Московской судебной палаты от 8 ноября 1911 г. вырезана из первого издания второго тома

"Круга чтения" и по цензурным соображениям не была напечатана во втором издании.

Статья "Христианство и разделение людей" печатается по первопечатному тексту (до вырезок по решению судебной палаты) первого издания второго тома "Круга чтения", стр. 443--449.

ТРЕБОВАНИЯ ЛЮБВИ. Л. Н. ТОЛСТОГО

Под таким заглавием, данным В. Г. Чертковым, в "Листках Свободного слова", издававшихся в Англии В. Г. Чертковым, N 3, 1899 г., появилась обширная выдержка из Дневника Толстого от 25 июня 1893 г. (см. т. 52. стр. 87--92).

В "Круге чтения" выдержка была помещена без изменений текста.

ЕПИСКОП МИРИЭЛЬ. В. ГЮГО

Эпизод из романа В. Гюго "Отверженные".

Чтение "Отверженных" отмечено в Дневнике Толстого 23 февраля 1863 г. с оценкой: "Сильно" (т. 48, стр. 52). В составленном Толстым в 1891 году списке роман Гюго указан в числе литературных произведений, произведших на него "огромное впечатление" (т. 66, стр. 68). В написанную им в 1872 году "Азбуку" Толстой поместил свое изложение эпизода встречи епископа с Жаном Вальжаном под заглавием "Архиерей и разбойник". В трактате "Что такое искусство?" роман "Отверженные" отнесен к числу произведений "высшего, вытекающего из любви к богу и ближнему религиозного искусства" (т. 30, стр. 161).

Для "Круга чтения" Толстой поручил своей племяннице Е. В. Оболенской подготовить сокращенный перевод этого эпизода романа Гюго. Сохранился написанный Б. В. Оболенской сокращенный перевод соответствующих глав романа, исправленный Толстым, на 9 лл. 4°,и вторая редакция того же перевода, переписанная рукою Н. Л.Оболенского и Е. В. Оболенской на 9 лл. 4°, также с исправлениями Толстого. В сверстанной корректуре соответствующих страниц первого издания "Круга чтения" Толстым также были сделаны исправления стилистического характера.

ЖЕНЩИНЫ. Л.Н. ТОЛСТОГО

В 1886 году в двенадцатом томе пятого издания сочинений Толстого появились под названием "Мысли, вызванные переписью", отрывки из его обширного трактата "Так что же нам делать?", написанного в 1882--1886 гг. (см. т. 25). Последняя глава этих выдержек была озаглавлена "Женщинам".

Появление этой главы вызвало как в прессе, так и среди читателей большой шум; в либеральной печати появилось несколько резких статей против этой главы. В ответ на эти нападки Толстой более подробно развил свои взгляды по данному вопросу в письме к В. Г. Черткову от 17--18 апреля 1888 г. (см. т. 86). Выдержка из этого письма, проредактированная Толстым, была напечатана в N 5--6 журнала "Русское богатство" за 1886 год под названием: "Труд мужчин и женщин". Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью "Женщинам". В той же редакции данная выдержка печаталась в собраниях сочинений Толстого, начиная с шестого издания 1886 г., причем в заглавии слова "Труд мужчин и женщин" были опущены.

В "Круг чтения" выдержка была помещена с некоторыми сокращениями и изменениями текста.

СЕСТРЫ. Л. Н. ТОЛСТОГО

Рассказ Толстого "Франсуаза", написанный в 1890 г. по рассказу Мопассана "Le port", был помещен во втором издании "Круга чтения" под заглавием "Сестры". Под этим названием, данным И. И. Горбуновым-Посадовым, рассказ появился в издании "Посредник" в 1905 г. (первоначальное толстовское название рассказа было -- "Все наши сестры").

Ошибки и искажения текста рассказа "Франсуаза" исправляются по публикации Н. К. Гудзия в томе двадцать седьмом настоящего издания.

УЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ

"Учение двенадцати апостолов" -- памятник древней христианской письменности, который исследователи относят к концу I или началу II века

н. э. Опубликован в 1883 г. Толстой познакомился с ним в 1885 г. и тогда же заново перевел его с греческого и написал к нему введение и заключение.

Для "Круга чтения" Толстой написал 1 апреля 1905 г. новое предисловие к "Учению двенадцати апостолов", сохранившееся в следующих рукописях:

1. Автограф. 4 лл. 4° и 1 обрезок, исписанные с двух сторон. *Начало*: "(В 1883 году) Во многих писаниях"; *конец*: "только нарушает впечатление". Заглавие: "Предисловие к учению XII апостолов".

2. Копия предыдущей рукописи рукой М. Л. Оболенской, Д. П. Маковицкого и Н. Л. Оболенского с исправлениями Толстого. 8лл. 4°, исписанных с одной стороны. *Начало*: "В 1883 году митрополит греческий": *конец*: "нарушающим впечатление". Исправления Толстого многочисленны по всему тексту. Сделаны перестановки текста, вследствие чего изменилось начало статьи. Заглавие: "Учение двенадцати апостолов". В конце рукой Толстого дата: "2 апреля".

3. Машинописная копия предыдущей рукописи, с исправлениями Толстого. 6 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Пагинация: 1--6. *Начало*: "В 1883 году митрополит греческий"; *конец*: "и нарушающим впечатление". Исправления Толстого немногочисленны.

Читая корректуру второго издания "Круга чтения", Толстой в предисловии к "Учению двенадцати апостолов" сделал только одно исправление: уничтожил "грубые слова" (как сказал он Гусеву) относительно Ницше. В первом издании на стр. 526 была фраза: "Открываются посмертные сочинения какого-нибудь несчастного, отвратительного безумца и проповедника всех пороков Ницше". Из этой характеристики осталось только: "какого-нибудь несчастного безумца".

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА. Л. Н. ТОЛСТОГО

Обращение к кружку молодежи, написанное в 1907 г. (см. т. 37). Помещено во втором издании "Круга чтения" без изменения текста.

ГАРРИСОН И ЕГО "ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ". Л. Н. ТОЛСТОГО

Выдержка взята из предисловия к биографии Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым и Ф. Хола, написанного Толстым в 1903--1904 гг. (см. т.

36). Об американском общественном деятеле В. Л. Гаррисоне (1805-- 1879) см. т. 36, стр. 602.

Составленное Гаррисоном "Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира", напечатано в первой главе трактата Толстого "Царство божие внутри вас" (см. т. 28), откуда и было с сокращениями перепечатано в "Круге чтения".

В первом издании "Круга чтения" статья Толстого так же, как и само "Провозглашение" Гаррисона, были вырезаны по постановлению Московской судебной палаты от 8 ноября 1911 г. Во втором издании "Круга чтения" ни статья Толстого, ни "Провозглашение" Гаррисона не были напечатаны по цензурным соображениям.

Статья Толстого и "Провозглашение" Гаррисона печатаются по тексту первого издания второго тома "Круга чтения" (до вырезок по постановлению судебной палаты).

ПОВРЕЖДЕННЫЙ. Л. И. ГЕРЦЕНА

Рассказ А. И. Герцена, напечатанный автором в 1854 г. в сборнике его произведений, озаглавленном "Прерванные рассказы", Толстой читал в IV томе "Сочинений" Герцена, выпущенном в Лондоне в 1878 г. в издании H. Georg. В неопубликованных "Яснополянских записках" Д. П. Маковицкого 29 августа 1905 г. записано:

"Лев Николаевич прочел вслух рассказ Герцена "Поврежденный" и восхищался им.

- В мыслях "поврежденного", -- сказал Лев Николаевич, -- Герцен высказывает свои мысли, которые он не берет на себя, чтобы прямо высказать, а это так можно кидать необдуманно, смело. "Поврежденного" надо всего в "Круг чтения".

Однако Толстым были произведены в корректурах рассказа Герцена значительные сокращения. Были целиком выпущены первая и последняя главы. В главе II выпущена фраза: "Ба, подумал я, да это старые знакомые, это Ноздрев и Межуев, переложенные на новые нравы и едущие не в Заманиловку, а в Сен-Ремо". Далее в той же главе выпущено пять абзацев из разговора автора с доктором, от слов: "Бог с ним совсем", кончая: "до добра это не доведет". В главе III выпущены десять абзацев, от слов: "В мире не было человека", кончая: "челюсть за зуб", и, кроме того, четыре абзаца, предшествующие последнему. Деление на главы уничтожено во всем рассказе.

В главе III в фразе: "Государство, религия, солдаты морят с голоду

низшие слои" -- в корректуре рукою одного из помощников Толстого слово "государство" заменено словом "правительство". Не видя никаких оснований для такой замены, восстанавливаем в этом месте подлинный герценевский текст. Исправляем также опечатки типографии при печатании "Поврежденного" в первом издании "Круга чтения", повторенные и во втором издании.

О СЕКТЕ НАЗАРЕН, РАСПРОСТРАНИВШЕЙСЯ В ВЕНГРИИ, СЕРБИИ И ХОРВАТИИ. В. ОЛЬХОВСКОГО

В январе 1905 г. в издательстве "Посредник" вышла книга: В. Ольховский [В. Д. Бонч-Бруевич], "Назарены в Венгрии и Сербии. (К истории сектантства)". Главная тема этой статьи -- современные религиозные преследования -- была чрезвычайно близка Толстому, и он решил выдержки из нее включить в "Круг чтения", поручив X. Н. Абрикосову составить извлечение из этой книги.

Из книжки в семьдесят пять печатных страниц Х.Н. Абрикосовым была сделана подборка в пятнадцать писаных страниц. Но Толстой и это сокращенное изложение нашел слишком пространным для "Круга чтения" и значительно сократил его.

Существуют следующие рукописи, относящиеся к статье "О секте назарен":

1. Выписки X. Н. Абрикосова из книги Ольховского. Содержали первоначально 8 лл. 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. Извлечение X. Н. Абрикосова было совершенно переработано Толстым.

На л. 1 рукою X. Н. Абрикосова заглавие -- "О назаренах". На л. 2 его же рукой заглавие "О назаренах в Венгрии". Это заглавие зачеркнуто рукою Толстого и им же надписано другое, под которым изложение и было напечатано в "Круге чтения": "О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии".

При переписке нижняя часть л. 6 и лл. 7--8 были переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 6 лл., из которых 5 лл. 4° и 1 л. -- обрезок. Начало л. 1: "Первым проповедником секты "назарен"; конец л. 6/об.: "сочувствуют их мученичеству".

2. Копия предыдущей рукописи рукою X. Н. Абрикосова (заглавие и первые шесть строк написаны рукою Т. Л. Сухотиной). Содержала первоначально 8 лл., из которых лл. 1--3, 7, 8--4°, л. 5 склеен из кусков и лл. 4 и 6 -- обрезки. Лл. 6--8 переложены из предыдущей рукописи. Л. 5 был наклеен на лицевую сторону л. 6, копию которой он представляет. (В на-

стоящее время л. 5 отклеен от л. 6, но текст л. 6 пострадал от клея.) *Начало*: "первым проповедником секты"; *конец*: "не изменяют своей вере".

Толстой вычеркивает целиком лл. 1, 2 и 3, кроме двух последних строк. На этих листах Абрикосовым, на основании книги Ольховского, сообщались исторические сведения о возникновении и развитии секты назарен. Все изложенное на этих листах Толстой заменяет одной фразой: "Секта эта возникла в 1840-х годах".

В конце изложения Толстой вычеркивает сообщение об отказе от воинской повинности в Австро-Венгрии в 1897 г. 214 новобранцев назарен, показавшееся ему, по-видимому, не вполне достоверным, и вписывает новое окончание всей статьи.

Ряд мелких, преимущественно стилистических исправлений сделан и на прочих листах рукописи.

При переписке лл. 5, 6 и 7 были переложены в следующую рукопись, после чего в данной рукописи осталось 5 лл., из которых 4 лл.-- 4° и 1 л.-- обрезок.

3. Копия предыдущей рукописи рукою Н. Л. Оболенского и Х. Н. Абрикосова 5 лл., из которых л. 2 склеен из кусков, л. 3 -- обрезок, а остальные -- 4°. Лл. 3 и 4 переложены из предыдущей рукописи.

Рукопись Толстым не просматривалась. Она составила часть наборной рукописи "Круга чтения".

Для второго издания "Круга чтения" статья "О секте назарен" Толстым также не просматривалась.

МЕСЯЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Февраль

Выдержка взята с некоторыми изменениями текста из IV главы сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?". См. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?", М. 1920, стр. 74--77.

Март

Отрывок взят с изменениями из III главы сочинения А. И. Архангель-

ского "Кому служить?".См. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?", М. 1920, стр. 31--34.

Апрель

Выдержка с некоторыми изменениями взята из VI главы статьи Тол-того "Патриотизм и правительство", написанной в 1900 г. (см. т. 90).

Май

Извлечение из "Рассуждения о добровольном рабстве" Ла Боэти. Перевод принадлежит Толстому; автограф перевода не сохранился. Имеется машинописная копия автографа, сделанная рукою X. Н. Абрикосова, содержащая 12 лл.--8°, исписанных, кроме л. 9,с обеих сторон и во многих местах значительно исправленная Толстым.

Эту же выдержку Толстой включил в свою статью "Единое на потребу" (1905, см. т. 36, стр. 171--173).

Вторая выдержка взята из книги А. Шкарвана "Мой отказ от военной службы", изд. В. Г. Черткова, Англия 1898, стр. 25--26, 46--49.

Июнь

Чтение содержит два отрывка.

Первый отрывок взят из книжки Е. И. Попова "Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина", изд. "Свободного слова", Англия 1903, стр. 3--4, 127--128.

Сохранилась копия этого отрывка, сделанная Е. В. Оболенской и содержащая 2 лл. --4°, исписанных с обеих сторон. На последней странице копии приписка рукой Толстого: "На другой день он умер".

Август

Отрывок из сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?". См. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?", М. 1920, стр. 93--95.

Октябрь

Отрывок взят из сочинения А. И. Архангельского "Кому служить?". См. А. И. Архангельский (Бука), "Кому служить?", М. 1920, стр. 104--106.

Ноябрь

ТРУДОЛЮБИЕ И ТУНЕЯДСТВО, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА. Т. М. БОНДАРЕВА

Толстой дважды писал предисловие к сочинению Т. М. Бондарева. "Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца" в 1886 г. для журнала "Русское богатство" (см. т. 25), и в 1895 г. для "Критико-биографического словаря русских писателей и ученых", составлявшегося С. А. Венгеровым (см. т. 31). В "Круг чтения" было намечено Толстым второе предисловие. Оно печатается по тексту 31 тома настоящего издания, где были внесены исправления по подлинным рукописям автора.

Выдержки из сочинения Бондарева печатаются по сокращенному изданию, выпущенному "Посредником" в 1906 г.